

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ В РОССИИ
1917-1920 гг.

И УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ В РОССИИ
1917-1920 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ В РОССИИ
1917-1920 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Я. МАНУСЕВИЧ

МОСКВА «НАУКА» 1987

Книга написана на основе марксистско-ленинского учения о пролетарском интернационализме с привлечением документального и архивного материала, продолжает научные исследования, связанные с участием трудящихся зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. Показаны работа большевистских организаций по приобщению оказавшихся на территории России иностранных рабочих и крестьян к идеям Октябрьской революции, деятельность иностранных коммунистических групп РКП(б), участие их в защите завоеваний Октября от интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны.

Редакционная коллегия:

Д. В. КУЗНЕЦОВ, А. Я. МАНУСЕВИЧ,
Ю. Н. ЩЕРБАКОВ

Рецензенты:

В. В. МАРЬИНА, Ю. И. КОРАБЛЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Их было немало — примерно 5 млн. человек, родившихся, выросших в различных странах, говоривших на разных языках, воспитанных в различном духе, в силу различных обстоятельств оказавшихся в годы первой мировой войны на земле России. Одни из них еще в ту пору, когда, сокрушив царизм, революционная Россия быстро шла к новой — социалистической революции, без колебаний заняли место в рядах российских рабочих, солдат, крестьян; другие, не поняв, что в России вершится общее дело угнетенных и эксплуатируемых всего мира, какое-то время старались держаться в стороне от бушевавшей вокруг ожесточенной классовой борьбы; третьи отдали себя в услужение внутренним и внешним врагам революции и вместе с ними вели борьбу против социального и национального раскрепощения народов, против власти Советов.

Но сотни, тысячи, а затем и десятки тысяч выходцев из-за рубежа, осознавая, что развернувшаяся под руководством большевиков борьба за справедливый, демократический мир и свободу всех народов, за экспроприацию эксплуататорских классов, за социальный, политический, культурный прогресс отвечает высшим идеалам передового человечества, вливались в политическую армию, вершившую великое дело Великого Октября.

Образование Советского государства — это гигантское по масштабам и значению всемирно-историческое свершение — явилось прямой материализацией научного коммунизма, учения, раскрывшего закономерности развития человеческого общества, необходимость революционной ломки задерживающих его поступательное движение социально-экономических и политических систем и обосновавшего пути построения нового общества, свободного от классового и национального гнета, использующего свои возможности для общего блага и для благополучия каждого человека труда.

Светлые идеи Октября, многообразная, целенаправленная политико-воспитательная и организаторская деятельность большевиков, проводившаяся и среди тех, кто составлял временное население страны, сметала или ослабляла воздействие многих предрассудков и предрассудков, помогала преодолевать языковые, психологические, политические, религиозные преграды, затруднявшие приобщение выходцев из-за рубежа — военнопленных, либо находившихся в лагерях, либо привлеченных к работам в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, а также беженцев и отходников — к борьбе за установление и упрочение Советской власти.

Тогда-то, в пору Октября, в годы борьбы с внутренними врагами Советской власти и иностранной империалистической интервенцией понятие «интернационалист» наряду со своим обычным значением, говорящим о политических позициях и принципах последовательных борцов за дело рабочего класса и всех трудящихся, приобрело и более узкое значение. Оно стало как бы синонимом для обозначения тех зарубежных товарищей по борьбе, кто в соответствии со своими политическими идеалами, высоким долгом по отношению к российскому авангарду человечества и в интересах будущего своих стран и народов был среди творивших, утверждавших, защищавших Советскую власть, Страну Советов.

Интернационализм — неотъемлемая, составная черта всякого пролетарского революционного движения, всякой подлинно пролетарской классовой организации.

Уже самый первый программный документ научного коммунизма — «Манифест Коммунистической партии», опубликованный К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., т. е. лишь тогда, когда они приступали к разработке учения о преобразовании мира и строительства нового, социалистического общества, пронизан идеей единства целей и стремлений угнетенных и эксплуатируемых всех стран и народов. Выражением этой общности положения и интересов явился бессмертный призыв, завершающий «Манифест Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹.

Сами К. Маркс и Ф. Энгельс провели титаническую работу для сплочения пролетариев разных стран. Этой цели служило созданное ими Международное товарищество рабочих — I Интернационал. Хотя идейно и организационно I Интернационал не был единым, он, как констатировал В. И. Ленин в связи с образованием III Интернационала, «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал»².

Первым таким «натиском» явилась Парижская Коммуна 1871 г. Те, кто ее творил, опираясь на почин городских масс, сами еще не сознавали того, что они созидали государство нового типа — государство диктатуры пролетариата. Но они были твердо уверены в том, что их цели неотделимы от интересов и целей других народов. Подтверждалось это и тем, что на баррикадах Коммуны вместе с французами сражались поляки и русские, венгры и итальянцы, немцы, сыны и дочери других народов... «Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело», — писал К. Маркс³.

Октябрьская революция вызвала не только мощное движение солидарности с ней, охватившее весь мир, но и предоставила возможность всем, кто этого хотел, стать на ее защиту в рядах Красной Гвардии и Красной Армии или в партизанских отрядах, помогать налаживать народное хозяйство страны, принять участие в строительстве новой рабоче-крестьянской власти.

Выступая на митинге, посвященном проводам из Москвы на

фронт одной из интернациональных частей молодой Красной Армии — 1-го Революционного полка Красной Варшавы, В. И. Ленин говорил, обращаясь практически ко всем зарубежным интернационалистам — участникам Октября и последующей борьбы за власть Советов: «Теперь осуществляется союз революционеров различных наций, о чем мечтали лучшие люди, настоящий союз рабочих... Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов»⁴. В этом осуществленном на деле братстве народов равно с другими участвовали интернационалисты чехи и словаки, сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, болгары, румыны, немцы, финны, французы, англичане, итальянцы, выходцы из многих других стран Европы, а также Азии и Америки.

Конечно, как ни самоотверженна была деятельность зарубежных интернационалистов и на боевом и на трудовом фронтах, значение этой борьбы определялось не столько чисто боевым или трудовым вкладом, сколько морально-политическим фактором — оно наглядно говорило трудовым массам Страны Советов, зажатой кольцом интервентов, терзаемой контрреволюционными мятежами, заговорами, эпидемиями, голодом, что под знамя революции доброй волей становятся люди разных народов, понявшие великий рывок вперед, совершенный рабочим классом и трудящимся крестьянством многонациональной России.

Пройдя школу Октября, многие зарубежные участники и свидетели революции и первых лет становления Советской власти увозили в свои страны идеи мира, свободы, равноправия, дружбы, сотрудничества всех народов Земли — то, что В. И. Ленин назвал «бациллами большевизма»⁵.

Еще в ту пору, когда зарубежные интернационалисты обесмертили себя служением революции, они сами же скромно писали в одном из отчетов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян: «История революционного движения иностранных пролетариев в России составляет только одну дополнительную часть истории великой революции, дело историка будет оценивать его значение»⁶.

Само собой сложилось, что головной организацией, обратившейся в последние десятилетия к истории интернационалистов — зарубежных участников Великого Октября и борьбы против его внутренних и внешних врагов, стал Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР. Его сотрудниками был опубликован ряд монографий, сборников статей, сборников документов и материалов, рассказавших о делах и днях интернационалистского движения периода Великого Октября, о внимании к этому движению В. И. Ленина, большевистской партии, ее руководящих органов и местных организаций.

В связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической

революции Институт славяноведения и балканистики АН СССР подготовил и издал в двух книгах, получивших высокую оценку в Советском Союзе и за границей, коллективную монографию о зарубежных участниках революции⁷. Это исследование дало новый импульс дальнейшей разработке истории интернационалистов, осуществлявшейся и в региональном, и в национальном, и в персональном разрезе.

За прошедшие после выхода указанного издания двадцать лет увидел свет ряд документальных публикаций, в том числе совместные советско-венгерская, советско-югославская, советско-болгарская и др., защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций, воссоздающих немеркнущие дела зарубежных интернационалистов, появились посвященные им работы в братских социалистических странах. Обзор этих трудов содержится в главе I настоящей книги. В то же время добротность и полнота освещения отдельных составных элементов в предшествующем издании позволили сохранить некоторые разделы, восполнив их отвечающими задачам работы трудами, увидевшими свет в последнее двадцатилетие, а также вовлечь в научный оборот ранее не использованные архивные материалы, почерпнутые как в советских архивах, так и в Архиве Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ и Военно-историческом архиве в Праге, Центральном архиве ЦК ПОРП и Архиве новых актов в Варшаве, партийном архиве Института истории партии при ЦК ВСРП и Военно-историческом институте и архиве в Будапеште, Центральном партийном архиве Института истории БКП при ЦК БКП в Софии и др.

Авторский коллектив сосредоточил при этом свое внимание на исследовании участия в борьбе за дело Октября зарубежных интернационалистов — выходцев из тех стран, изучение прошлого и настоящего которых является основной задачей Института славяноведения и балканистики, — стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Помимо научных сотрудников института, к участию в подготовке книги был привлечен ряд авторов из других научных учреждений. Фамилии авторов приведены в оглавлении. В главе I использованы некоторые сведения, сообщенные Л. В. Шишкиной, в главе X — И. С. Полянским. Научно-вспомогательная работа при подготовке рукописи к печати проведена М. В. Гурьевой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 459.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 302.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 350.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 26.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 148.

⁶ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. с. 174.

⁷ См.: Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. М., 1971.

ИСТОРИОГРАФИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

История Великой Октябрьской социалистической революции, ее международное значение занимают одно из центральных мест в советской исторической науке. Составной и неотъемлемой частью истории Великого Октября является история солидарности пролетариев зарубежных стран с рабочим классом Советской России в годы гражданской войны и империалистической интервенции, история непосредственного участия тысяч иностранных трудящихся, оказавшихся по ряду причин к моменту свершения социалистической революции на территории России, в вооруженной защите первого в мире социалистического государства от посягательств внутренней и внешней контрреволюции.

Участие зарубежных трудящихся в борьбе советского народа с объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции явилось предметом анализа и оценок в многочисленных статьях, речах, выступлениях В. И. Ленина. Он раскрыл объективную закономерность поддержки международным пролетариатом справедливой борьбы Советской России с интервентами и белоguardейцами, дал высокую оценку роли интернационалистов, в первую очередь их коммунистического авангарда в защите дела Октября, в пропаганде идей Октябрьской революции как среди соотечественников, находившихся в России, так и среди трудящихся всех стран.

В. И. Ленин подчеркивал, что одним из решающих условий победы советского народа в борьбе против империализма явилась солидарность рабочих всего мира с Советской властью. Он указывал, что это «международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения „государственного права“, а в действительности в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все»¹. В разгроме интервентов В. И. Ленин видел не только военную победу, а победу «на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали...»²

Исследование истории интернационалистского движения разрывалось в неразрывной связи с изучением истории Великой Октябрьской социалистической революции. К середине 80-х годов лишь в СССР вышли более 600 работ по истории движения зарубежных интернационалистов, находившихся в Стране Советов, многочисленные воспоминания участников событий, публикации документов.

Изучение интернационалистского движения ставило и разрешало задачи, как обусловленные состоянием исторической науки на данном этапе ее развития, так и определявшие особенности самого предмета исследования.

В развитии историографии проблемы можно с известной долей условности выделить несколько основных этапов.

1. Период 1918—1921 гг. К этому времени относятся первые попытки освещения истории участия иностранных революционеров в борьбе за власть Советов, предпринимавшиеся в значительной мере самими участниками интернационалистского движения.

2. В 20-е и начале 30-х годов увидели свет многочисленные воспоминания зарубежных интернационалистов, а также первые научные работы, посвященные рассматриваемой проблеме.

3. С середины 30-х до начала 50-х годов интенсивность изучения участия иностранных революционеров в Октябрьской революции и гражданской войне несколько уменьшилась.

4. Период с середины 50-х до второй половины 60-х годов, отличительной чертой которого было усиление внимания к проблеме движения зарубежных интернационалистов как в Советском Союзе, так и в других, ставших после второй мировой войны на путь строительства социализма странах, характеризуется возрастающим вниманием к истории участия зарубежных интернационалистов в Октябрьской революции и в борьбе против внешних и внутренних врагов Советской власти. Стали появляться многочисленные публикации документов, воспоминаний, книги и статьи по указанной выше тематике. Работы историков этого периода отличались прежде всего активным накоплением фактического материала по проблеме, вместе с тем глубокий анализ и обобщение этого материала во многих случаях еще оставались задачей будущего.

5. Период с середины 60-х по 80-е годы ознаменовался большими качественными сдвигами в изучении проблемы, появлением, с одной стороны, крупных исследований, посвященных политической деятельности в Стране Советов в 1917—1920 гг. иностранных революционеров отдельных национальностей, а с другой — выходом обобщающих трудов комплексного характера, в которых раскрывается участие зарубежных интернационалистов в борьбе за победу Октября и защиту его завоеваний как на всей территории страны, так и в отдельных ее регионах.

Достигнутый к середине 60-х годов уровень исследования проблемы позволил в последующем значительно углубить освещение вопросов, связанных с вкладом иностранных революционеров в борьбу за власть Советов в нашей стране. Наряду с дальнейшим обогащением документальной базы, введением в научный оборот еще более обширного круга мемуаров происходит значительное расширение рамок тематики, более детально изучаются различные стороны и аспекты проблемы — вопросы политического, идеологического, партийно-организационного развития движения интернационалистов в России, уделяется большее внимание исследованию

вклада зарубежных революционеров — участников Октября в распространении его идей в своих странах.

Как уже указывалось выше, первые попытки показать истоки и развитие движения иностранных интернационалистов были предприняты еще в разгар борьбы с внешними и внутренними врагами революции. Так, в 1918 г. один из организаторов и руководителей интернационалистского движения, председатель Центральной Федерации иностранных групп РКП(б) Бела Кун, попытался осветить историю революционных организаций военнопленных в России, показать роль большевиков в политическом воспитании военнопленных, агитационно-пропагандистскую работу возглавляемой им Федерацией среди солдат интервенционистских войск. В статье «Практический интернационализм», написанной осенью 1918 г. на Уральском фронте, Б. Кун одним из первых среди иностранных коммунистов популяризировал сущность ленинского понимания пролетарского интернационализма в новых условиях, сложившихся в результате победы Октябрьской революции, когда «пробным камнем» его стало «отношение к русской пролетарской диктатуре»³. Наиболее яркой и действенной формой пролетарского интернационализма Б. Кун считал участие бывших военнопленных в рядах Красной Армии в вооруженной защите Советской власти. В этом он видел конкретное проявление «практического интернационализма».

В 1919 г. Чехословацкая группа РКП(б) выпустила документальный сборник «Чехословаки в войне и революции», в котором наряду с документами о буржуазном течении среди чешских и словацких военнопленных был помещен целый ряд материалов о развитии чехословацких социал-демократических организаций в России в 1917—1918 гг.⁴

В изданном в Москве на польском языке «Коммунистическом календаре на 1920 год» были помещены статьи двух видных деятелей интернационалистского движения: Ю. Ленского (под псевдонимом Ельского) и С. Бобиньского (под псевдонимом Кречинского) о польских революционных частях в Советской республике. В последующем выпуске этого календаря на 1922 г. печатались краткие биографии польских революционеров — участников Октября и гражданской войны: Я. Тарвацкого, Ст. Берсона, И. Грушковского, П. Боревича и др.⁵

Примечательно, что сразу же после окончания гражданской войны сами иностранные интернационалисты предприняли первые шаги к тому, чтобы сохранить память о своих погибших боевых товарищах, начали собирать документы, печатные материалы, фотографии об интернациональном движении зарубежных пролетариев в Республике Советов. В вышедшей в Омске газете «Вереш уйшаг» («Красная звезда») 15 июля 1921 г. было опубликовано обращение редакции с призывом ко всем венгерским интернационалистам включиться в сбор материалов об участии венгерских революционеров в борьбе за власть Советов в России. «Нам нужны материалы, свидетельствующие об участии в интер-

национальном движении: газеты, брошюры, документы и т. д., — писала газета, — чтобы впоследствии доказать миру, что мы правильно поняли историческую миссию пролетариата, объективно ее оценили и, убедившись в том, что единственно правильной является вооруженная классовая борьба, не колебались. Сбросив с себя все мещанские представления о капиталистическом обществе, мы стали революционерами, уверенными в правоте своего дела»⁶. Редакция «Вереш уйшаг» просила передавать собранные материалы в венгерские отделы агитации и пропаганды при губкомах РКП(б), которые должны были переслать их в Сибирское областное бюро венгерских коммунистов в Новониколаевске и при этом указывала, что сбор документов об интернационалистах также осуществляется Архивом Октябрьской революции в Москве.

Работа по сбору и опубликованию материалов о движении солидарности зарубежных революционеров, находившихся в 1917—1920 гг. в Советской республике, с революционным рабочим классом и трудовым крестьянством России довольно широко развернулась в 20—30-е годы.

В выпедших в то время мемуарах видных партийных, советских и военных деятелей периода Октябрьской революции и гражданской войны — В. А. Антонова-Овсеенко, Г. Д. Гая, П. П. Постышева и др. — приводились интересные данные об участии иностранных революционеров в борьбе с интервентами и белогвардейцами в различных районах Советской страны, давались яркие характеристики руководителям интернациональных отрядов и их рядовым бойцам⁷.

В воспоминаниях, печатавшихся в 20-е годы в журнале «Пролетарская революция» и во многих других изданиях, нашло отражение и участие венгерских, польских, немецких, австрийских, румынских, югославских и других зарубежных интернационалистов в защите дела Октября⁸.

Постепенно все большее значение приобретала работа по сбору документов о деятельности зарубежных интернационалистов и воспоминаний непосредственных участников событий. Такую работу проводили Польская историческая комиссия, Комиссия для сбора материалов при Московской группе венгерских коммунистов-эмигрантов, а также землячества венгерских, румынских, югославских, немецких и других участников борьбы за власть Советов в России, действовавшие в Москве и некоторых других городах СССР.

Важным центром по сбору воспоминаний интернационалистов стал в конце 20-х — первой половине 30-х годов Центральный дом Красной Армии. Действовавшие при нем землячества развернули широкую работу по записи мемуаров иностранных участников Октябрьской революции и гражданской войны в СССР, по собиранию сохранившихся о них документов и других материалов. Среди записанных на заседаниях землячеств были воспоминания и выступления многих видных деятелей интернациона-

листского движения: Б. Куна, Ф. Мюнниха, Й. Рабиновича, Й. Варги, Д. Фрида, И. Дика-Дическу, А. Залика, Т. Диаман-деску, В. Поповича, Н. Ковачевича, Д. Сердича, Л. Гавро, И. Шнейдера, А. Штиллера и др. Кроме того, интернациональ-ными землячествами были предприняты некоторые попытки обо-бщения имевшихся в то время сведений об участии зарубежных ре-волюционеров в борьбе за власть Советов в России. Так, на за-седании интернациональных землячеств 7 января 1933 г. был заслушан обширный доклад «Участие военнопленных в граждан-ской войне». Среди документов землячеств сохранились рукопись И. Шнейдера и А. Штиллера о немецких интернационалистах в Сибири и на Дальнем Востоке, материал неизвестного автора «Пленные в революции». Некоторые из мемуаров, собранных вен-герским землячеством, были опубликованы в выходившем с де-кабря 1929 по сентябрь 1937 г. журнале венгерских политэми-грантов в Советском Союзе «Шарло эш калапач» («Серп и мо-лот»). Статьи об участии польских интернационалистов в революционных событиях в России помещались на страницах вы-ходившего в тот же период печатного органа польских коммуни-стов в СССР «З поля вальки» («С поля битвы»). Воспоминания интернационалистов — участников гражданской войны публико-вались и в ряде сборников о борьбе с силами контрреволюции в 1918—1920 гг.⁹

Необходимо подчеркнуть, что проблемы интернациональной солидарности зарубежного пролетариата с трудящимися Совет-ской республики, в том числе вопросы участия иностранных ин-тернационалистов в борьбе за победу власти пролетариата в России, рассматривались в советской исторической науке уже в конце 20-х — начале 30-х годов как важные и неотъемлемые ас-пекты истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. В связи с этим большой интерес представляет то обстоя-тельство, что А. М. Горький, выдвинувший в конце 20-х годов идею написания истории гражданской войны в СССР, считал не-обходимым посвятить специальный том этого издания движению иностранных интернационалистов. В письме Мате Залки А. М. Горькому, которое, видимо, было написано в конце 20-х — начале 30-х годов, говорилось:

«Дорогой Алексей Максимович!

В ЦДКА, после Вашего пребывания на совещании с красно-армейцами и партизанами, мы с Вами говорили о необходимости более тщательного освещения роли тех интернациональных масс, которые участвовали в русской революции. Вами была тогда вы-двинута мысль о необходимости создания XVI тома ИГВ»¹⁰.

В соответствии с этим инициативная группа интернациональ-ных землячеств при ЦДКА под руководством М. Залки составила проект тома, в котором предусматривалось подробное освещение истории участия иностранных революционеров в борьбе за власть Советов в 1917—1920 гг. в России. В проекте плана изда-ния, опубликованном в 1931 г., предполагалось посвятить отдель-

ный том участия международного пролетариата в борьбе против интервентов, но в самом плане издания, принятом в следующем году, речь шла только о работе среди солдат интервенционистских войск¹¹.

Однако уже в 20—30-е годы появилось несколько исследований, в которых получили отражение вопросы интернационалистского движения. Бывший командир 1-го Чехословацкого революционного полка А. Шипек в статье, помещенной в 1928 г. в журнале «Война и революция», рассказывал об участии бывших военнопленных в русской революции, о создании первых интернациональных формирований в Стране Советов¹². В 1929 г. в первом томе Сибирской советской энциклопедии была опубликована обзорная статья советского историка, старого большевика В. Д. Вегмана «Военнопленные империалистической войны», в которой на основе архивных материалов, а также советской и зарубежной литературы кратко освещалось не только положение иностранных военнопленных, находившихся на территории Сибири, но и участие передовых их групп в борьбе за Советскую власть¹³.

Ряд вопросов, связанных с деятельностью иностранных интернационалистов в Восточной Сибири, освещен в увидевшей свет в Верхнеудинске в 1933 г. книге В. П. Гирченко¹⁴, а также в статье И. Шнейдера¹⁵. Об участии польских трудящихся в борьбе за пролетарскую власть в Белоруссии повествовала вышедшая несколько раньше на польском языке в Минске книга Ст. Гельмана¹⁶.

Вопросы участия иностранных революционеров в защите первого в истории государства победоносной диктатуры пролетариата от посягательств сил внутренней и внешней контрреволюции нашли отражение в работах Е. Весенина и А. Светлова¹⁷, Г. Рейхберга и Р. Ольши¹⁸ и других авторов.

В годы Великой Отечественной войны в вышедших в то время сборниках документов по истории антисоветской интервенции упоминалось об участии австрийских и немецких интернационалистов в агитационно-пропагандистской, разъяснительной работе среди солдат австро-германских оккупационных войск на Украине¹⁹.

Вступление после второй мировой войны ряда стран Европы и Азии на путь народно-демократического развития и строительства социализма, начало формирования мировой социалистической системы и социалистического содружества — все эти события всемирно-исторического значения обусловили углубленное изучение опыта Великого Октября, его влияния на судьбы человечества, проблем интернациональной солидарности и взаимопомощи всех сил мирового революционного процесса.

Как уже отмечалось выше, с середины 50-х до второй половины 60-х годов развернулся новый этап в изучении проблем интернационалистского движения как в Советском Союзе, так и в других социалистических государствах. Он характеризовался интен-

сивной и многосторонней разработкой различных аспектов этой формы солидарности трудящихся разных стран с Советской Россией, вовлечением в научный оборот многочисленных архивных источников, выявлением и использованием большого числа газет и других изданий, выпускавшихся организациями зарубежных интернационалистов. Опираясь на те немногочисленные, но принципиально важные исследования отечественной марксистской исторической науки, которые были предприняты еще до вступления их народов на путь народно-демократического, социалистического развития, а также на труды советских ученых, историки социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы начали работу по изучению проблем, связанных с участием трудящихся из их стран в Октябрьской революции.

Большую роль для изучения вопросов интернационалистского движения сыграло появление ряда документальных публикаций. В 1957 г. в Москве вышел из печати первый сборник документов, посвященный деятельности зарубежных революционеров в Советской республике — «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922 гг.)»²⁰. Одновременно с ним увидел свет еще ряд публикаций документов и воспоминаний об интернационалистах.

К 40-летию Октябрьской революции был опубликован подготовленный Институтом славяноведения АН СССР сборник статей «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы»²¹. Отражая деятельность зарубежных революционеров в Стране Советов, его материалы способствовали решению принципиальных вопросов, относящихся к этой проблеме. Кроме него, в связи с этой большой датой в Советском Союзе вышел ряд брошюр и статей, в которых на основе широкого круга архивных документов и воспоминаний получили освещение многие важные аспекты указанной выше тематики: участие иностранных трудящихся в Октябрьской революции, создание и деятельность Федерации иностранных групп РКП(б), работа национальных секций иностранных коммунистов, формирование интернациональных частей Красной Армии²².

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов было опубликовано также немало других книг и статей советских авторов. В них раскрывалась политико-воспитательная, организаторская и военная деятельность иностранных интернационалистов отдельных национальностей на всей территории Советской республики²³ и в ее отдельных регионах²⁴, показывалось участие интернациональных частей в борьбе против сил внешней и внутренней контрреволюции.

Как подведению некоторых итогов уже проделанной работы, так и ее дальнейшим задачам было уделено большое внимание на состоявшемся в январе 1961 г. первом координационном совещании советских славистов, заслушавших и обсудивших доклад А. Я. Манусевича по рассматриваемой проблеме. Тогда же определена роль Института славяноведения (с 1968 г. Институт

славяноведения и балканистики) АН СССР как основного центра по изучению истории движения зарубежных интернационалистов — участников борьбы за победу молодой Советской власти в борьбе против ее внешних и внутренних врагов²⁵.

Одновременно с научной разработкой проблемы в Советском Союзе с середины 50-х годов активизировалось ее изучение в европейских социалистических странах.

В 1954 г. в Праге была издана книга историка Индржиха Веселого «Чехи и словаки в революционной России. 1917—1920», в которой освещался процесс классового размежевания в среде оказавшихся на российской территории чешских и словацких военнопленных, показывались формирование левых социал-демократических организаций и возникновение Чехословацкой группы РКП(б), участие чехословацких интернационалистов в рядах Красной Армии в борьбе против мятежного белочешского корпуса и других контрреволюционных сил в годы гражданской войны²⁶. Эти же сюжеты нашли частичное отражение в опубликованных в 50-е годы статьях других чехословацких ученых.

В 1958 г. в Братиславе вышел в свет первый в ЧСР сборник воспоминаний словацких красноармейцев — участников Октябрьской революции и гражданской войны в Советской России «Боевая песня звенела...»²⁷. Деятельность чехословацких интернационалистов получила отражение и в других сборниках мемуаров и документов о влиянии Октябрьской революции на рабочее движение в Чехословакии.

В Венгрии одной из первых значительных работ, посвященных венгерским интернационалистам, была опубликованная в 1956 г. статья Дьердя Милеи о некоторых вопросах идеологического развития движения венгерских коммунистов — бывших военнопленных в Советской России²⁸. Содержавшийся в ней анализ идейно-теоретической платформы Венгерской группы РКП(б) послужил основой для более глубокого изучения проблем, связанных с деятельностью венгерских революционеров в Стране Советов. Вслед за этой работой последовали другие статьи того же автора, а также статьи Антала Йожи и Енё Дьеркеи об участии венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне²⁹. В 1957 г. вышел в свет содержательный сборник документов и воспоминаний о венгерских интернационалистах, составителями которого и авторами большой вступительной статьи были Енё Дьеркеи и Антал Йожа. Предисловие к этому сборнику было написано видным деятелем венгерского и международного коммунистического и рабочего движения, участником борьбы за власть Советов в России Ференцем Мюннихом³⁰. В статьях Апдраша Жилака получили освещение деятельность Центральной венгерской группы РКП(б), работа венгерских интернационалистов в Туркестане, формирование интернациональных частей в Советской России³¹.

В Польской Народной Республике определенный вклад в расширение документальной базы для изучения истории участия

польских революционеров в борьбе за победу власти Советов в России был внесен с опубликованием в 1952 г. сборника документов и материалов к 35-й годовщине Октября³². Необходимо подчеркнуть, что разработка польскими учеными этой проблемы началась еще в конце 40-х — начале 50-х годов. В вышедшей в 1952 г. монографии Ю. Ковальского, посвященной значению Октябрьской революции для завоевания польским народом государственной самостоятельности, имелась глава об участии польских интернационалистов в борьбе за Советскую власть в России³³. Книга и другие публикации А. Заторского раскрывали историю крупной воинской части польских интернационалистов — 1-го Польского белгородского революционного полка³⁴. Этой же тематике были посвящены статьи М. Вжосека и других польских исследователей³⁵.

В Румынской Народной Республике в 1956 г. в двухтомном документальном сборнике по истории КНР был опубликован ряд документов о деятельности румынских революционных организаций и коммунистических групп в России в 1917—1920 гг.³⁶ В том же году в журнале «Анналы Института истории партии при ЦК РРП» и других периодических изданиях были напечатаны статьи Р. Дейча об участии румынских революционеров в защите российской революции³⁷. Большим шагом в освещении данной проблемы явилось опубликование в 1957 г. в связи с 40-летием Октября подготовленного Институтом истории партии при ЦК РРП сборника воспоминаний румынских красногвардейцев и красноармейцев — участников Октябрьской революции и гражданской войны³⁸. В Клуже в 1957 г. вышел на венгерском языке сборник мемуаров участников и очевидцев Октябрьской революции и гражданской войны «Под знаменем Октября»³⁹. Наконец, было уделено значительное место участию интернационалистов румын в борьбе российских трудящихся за власть Советов, роли румынских коммунистических организаций в Советской России в распространении идей и опыта Октября в рабочем движении в Румынии в подготовленной Институтом истории партии при ЦК РРП для издания в СССР и вышедшей в 1958 г. брошюре о влиянии Октябрьской революции на Румынию⁴⁰.

Из работ югославских историков, вышедших в 50-х и первой половине 60-х годов, необходимо отметить в первую очередь книгу И. Иовановича, С. Райковича и В. Рибара, в которой затрагивались проблемы революционного движения среди югославских военнопленных в России⁴¹. В монографии Ф. Чулиновича⁴² получили отражение вопросы, связанные с участием трудящихся югославян в борьбе за победу Советской власти и распространением ими идей Октября после возвращения на родину. В то же время начал публиковать результаты своих исследований по указанной выше проблеме Б. Храбак, напечатавший уже в 60-е годы свои первые статьи о югославянах в России в 1917—1920 гг.⁴³ Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в Югославии вышел ряд мемуаров югославянских интернационалистов, в том числе

Н. Груловича, Л. Вукичевича и др. Наиболее важное значение имело опубликование книги Н. Груловича, которая была написана не только на основе личных воспоминаний автора, но и в определенной мере на базе документов, а также на воспоминаниях других югославын — соратников Груловича по участию в интернационалистском движении⁴⁴.

В Народной Республике Болгарии уже в 50—60-х годах были опубликованы воспоминания болгарских интернационалистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны. В болгарской печати появлялись многочисленные статьи и заметки о болгарских революционерах, сражавшихся за власть Советов. Из этих публикаций необходимо отметить в первую очередь статьи П. Панайотова, Д. Мичева, Д. Тишева⁴⁵.

Историки Германской Демократической Республики также уже в конце 50-х — начале 60-х годов внесли свой вклад в разработку проблем интернационалистского движения. В 1959 г. выступил с исследованием о немецких трудящихся в Советской России в период Октября и гражданской войны Гейнц Фоске⁴⁶. В 1960 г. была опубликована первая статья Сони Штригниц об участии германских военнопленных в Октябрьской революции⁴⁷. По рассматриваемой тематике опубликовал монографию также Рудольф Дикс⁴⁸. В 1965 г. в ГДР вышел сборник мемуаров немецких интернационалистов с большой вводной статьей Г. Фоске⁴⁹.

Накопленная в 50-е — начале 60-х годов документальная база создала возможность для перехода в середине 60-х годов к новому этапу в исследовании проблемы. В то время начали выходить обобщающие труды, в которых на базе широкого круга советских и зарубежных источников глубоко анализировались, с одной стороны, вклад иностранных революционеров отдельных национальностей в борьбу за победу власти Советов в России и, с другой — политическая, организаторская и военная деятельность всех национальных групп иностранных интернационалистов в Советской республике в 1917—1920 гг.

В 1965 г. была опубликована монография А. Я. Манусевича, посвященная участию польских революционеров в борьбе за Советскую власть, в которой прослеживался процесс приобщения оказавшихся на российской земле польских трудящихся к могучему революционному движению рабочего класса и трудового крестьянства России⁵⁰. В вышедшей тогда же книге А. Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус»⁵¹ давалась широкая картина политического, идеологического и организационного развития различных групп чехословаков в России, освещались становление революционного, а затем коммунистического течения среди чешских и словацких трудящихся, находившихся на российской территории, их участие в борьбе за торжество идеалов Октября в остром противоборстве с буржуазным лагерем в среде чехословацкой эмиграции, организовавшим и возглавившим по указанию империалистов Антанты

контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса против власти Советов.

Весьма значительным событием в истории изучения движения зарубежных интернационалистов — участников борьбы за власть Советов явилась Всесоюзная научная сессия, проведенная в ноябре 1965 г. Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Институтом истории АН СССР, Институтом славяноведения АН СССР, Главным архивным управлением при Совете Министров СССР. На сессии в докладах и выступлениях А. Я. Манусевича, Л. И. Яковлева, А. Х. Клеванского, Р. А. Ермолаевой и др. были рассмотрены состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в 1917—1920 гг., освещены дальнейшие возможности ее исследования на основе материалов центральных и местных партийных и государственных архивов, обсужден ряд конкретных вопросов развития этого движения, идейно-политическое и организационное влияние на него большевистской партии, ее местных организаций и многие другие аспекты этой темы. Основные материалы сессии были опубликованы отдельной книгой⁵².

В 1967—1971 гг. были изданы две книги коллективной монографии «Интернационалисты», подготовленные большим коллективом ученых, ядром которого были научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР⁵³. В работе раскрыты природа, характер, масштабы, морально-политическое значение интернационалистского движения, показан охват этим движением трудящихся самых различных национальностей, оказавшихся во время великих событий 1917—1920 гг. в пределах России. Получили глубокое освещение проблемы преобразующего влияния идей пролетарского интернационализма, организующей, идейно-воспитательной роли большевистской партии, огромного притягательного воздействия Великого Октября на широкие слои иностранных трудящихся в России, значения той революционной школы, которую прошли зарубежные интернационалисты в Стране Советов, для последующего развития международного революционного движения. Все это делало саму тему неотъемлемой органической частью всей огромнейшей проблематики Великого Октября.

В период с середины 60-х до 80-х годов в Советском Союзе и других социалистических странах вышел ряд публикаций документов и материалов, в которых в результате комплексного выявления материалов в советских и зарубежных архивах получила документальное отражение деятельность зарубежных интернационалистов в Советской республике в 1917—1920 гг. Особое значение имела подготовка научными учреждениями СССР и других социалистических стран совместных двухсторонних документальных публикаций об участии иностранных трудящихся в борьбе за власть Советов. К ним относятся в первую очередь двухтомный сборник документов, посвященный деятельности венгерских

революционеров в Советской республике в период социалистической революции, в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции в России⁵⁴, однотомник документов «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР»⁵⁵, а также советско-болгарская двухтомная публикация документов и материалов «Под знаменем Октября», в первом томе которой освещается вклад болгарских интернационалистов в борьбу советского народа за победу Октября⁵⁶.

Большую роль в обогащении документальной основы исследований сыграл выход первых томов совместных публикаций документов и материалов по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений. В тома, посвященные событиям 1917—1920 гг., вошли документы о пролетарской солидарности иностранных трудящихся, находившихся в те годы в Советской России, о деятельности революционных организаций интернационалистов, иностранных коммунистических групп на территории Советской России.

Наряду с совместными изданиями документов и материалов в Советском Союзе и за рубежом вышли другие документальные публикации о деятельности иностранных интернационалистов отдельных национальностей; некоторые из документов об участии зарубежных революционеров в борьбе за власть Советов были опубликованы в сборниках, посвященных истории интернациональной солидарности, а также борьбе за установление и утверждение Советской власти в отдельных районах и областях нашей страны. В том числе в 1970 г. был опубликован подготовленный Институтом истории Молдавской ССР сборник документов и материалов о деятельности румынских революционеров на территории Страны Советов в 1917—1920 гг.⁵⁷

В опубликованных за два последние десятилетия работах уделяется большое внимание вопросам идейно-политического развития организаций зарубежных интернационалистов, более глубоко анализируется то влияние, которое оказал на формирование их идеологической платформы опыт Великого Октября и вместе с тем более объективно и обстоятельно выясняются причины тех слабостей, которые были еще присущи интернационалистскому движению. Более углубленно освещаются и проблемы организационного развития революционных союзов интернационалистов, партийного строительства иностранных коммунистических групп в Советской России, полнее и глубже стали изучаться вопросы, связанные с формированием интернациональных частей и подразделений Красной Гвардии и Красной Армии.

Прежде всего это относится к совместным коллективным трудам, подготовленным советскими учеными и исследователями европейских социалистических стран. В коллективной монографии «Октябрь и болгарские интернационалисты»⁵⁸, явившейся плодом совместной работы научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории БКП при ЦК БКП, содержится глубокая разработка проблем интернацио-

нального взаимодействия российского и болгарского революционного движения, в том числе участие болгарских интернационалистов в борьбе за власть Советов в России. Вопросам идейно-политического развития движения чехословацких интернационалистов и их роли в формировании предпосылок для создания КПЧ уделяется большое внимание в совместной монографии советских и чехословацких историков, посвященной интернациональному сотрудничеству КПСС и КПЧ⁵⁹.

Углубленным анализом движения венгерских интернационалистов, их идейно-политических взглядов характеризуется общий труд ученых СССР и ВНР об участии венгерских революционеров в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке⁶⁰. Широкую картину интернациональной солидарности польских трудящихся с российским пролетариатом в социалистической революции в России нарисовали и авторы первого тома совместного советско-польского издания «СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность»⁶¹.

В последний период более глубокое рассмотрение вопросов интернационалистского движения присуще и многим другим научным работам, вышедшим в СССР и других социалистических странах. Среди этих работ и крупные исследования широкоохватных тем, и труды, посвященные деятельности иностранных интернационалистов отдельных национальностей на территории России, и работы об участии зарубежных революционеров в борьбе за установление и защиту пролетарской власти в отдельных регионах нашей страны. Свой вклад в изучение проблемы внесли биографические исследования о видных деятелях интернационалистского движения: Б. Куне, С. Частеке, Л. Гавро, Я. Гашеке, Я. Штромбахе, О. Дундиче, Ст. Джорове, И. Дечева, Г. Михайлове (Добреве), И. Дике-Дическу, А. Пескариу, В. Фигельском, Э. Кужело и др. Подготовлен также ряд публикаций их работ и воспоминаний о них⁶².

Вопросы деятельности иностранных интернационалистов в целом получили в СССР в период с середины 60-х до 80-х годов дальнейшее освещение в трудах Л. И. Яковлева⁶³, В. Р. Копылова⁶⁴, формирования и боевой деятельности интернациональных частей Красной Армии и Красной Гвардии — в трудах В. Г. Краснова⁶⁵, участия в борьбе за власть Советов венгерских революционеров — Т. М. Исламова⁶⁶, К. А. Николаенко⁶⁷, немецких интернационалистов — А. В. Трегубова⁶⁸, И. М. Кулинича⁶⁹, югославских интернационалистов — В. В. Зеленина⁷⁰, болгарских интернационалистов М. А. Бирмана⁷¹, М. Дыхана⁷², польских интернационалистов — П. М. Калениченко⁷³, румынских — В. Н. Виноградова⁷⁴, Е. И. Спиваковского⁷⁵ и др. С интересным исследованием, посвященным возвращению на родину югославы из Советской России в 1918—1919 гг. выступил Ю. А. Писарев⁷⁶.

Проблемы участия иностранных революционеров в борьбе за власть Советов на Украине получили в те же годы отражение в

коллективном труде украинских ученых «Зарубежные интернационалисты в рядах борцов за власть Советов на Украине»⁷⁷, а также в монографии В. Е. Мельниченко⁷⁸, в Поволжье — в трудах Н. А. Субаева⁷⁹, в Сибири — в книге и статьях В. А. Данилова⁸⁰, Н. С. Колмогорова⁸¹, в Средней Азии и Казахстане — в исследованиях А. М. Матвеева⁸², Б. С. Сиргебаева⁸³, И. С. Сологубова⁸⁴ и др.

Отличительную особенность исследования проблематики, связанной с деятельностью зарубежных интернационалистов в России, составляет и то, что в период с середины 60-х до 80-х годов проявлялось особенно пристальное внимание к изучению вопросов распространения иностранными революционерами — участниками Октября идей и опыта российской пролетарской революции в освободительном движении в своих странах. В то время появились специальные исследования, посвященные вкладу иностранцев — участников Октября в революционное движение за рубежом, их роли в распространении идей ленинизма, опыта победоносной социалистической революции, создании коммунистических партий в своих странах. По этой проблематике вышли работы И. С. Яжборовской⁸⁵, П. М. Калениченко⁸⁶ и др. В 1982 г. опубликована монография Ю. Н. Щербакова, в которой освещено влияние вернувшихся на родину интернационалистов на революционное движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1917—1921 гг.⁸⁷

Все более ощутимый вклад в изучение истории интернационалистского движения стали вносить с середины 60-х годов и в последующие годы историки братских социалистических стран.

Многие исследования в этой области опубликованы учеными народной Венгрии. Фундаментальную монографию «Война, плен, революция», посвященную развитию революционного движения среди трудящихся военнопленных в России и их участию в Октябрьской революции, создал А. Йожа⁸⁸. Вместе с другим известным венгерским историком Д. Милеи они подготовили для советских читателей значительно расширенное и дополненное издание своей книги о венгерских интернационалистах, вышедшей в 60-х годах в Венгрии⁸⁹. Д. Милеи также опубликована еще одна монография, посвященная Великому Октябрю, его международному значению, пролетарскому интернационализму, — «Это и наша революция»⁹⁰. Интересные исследования о вкладе венгерских интернационалистов в борьбу за власть Советов в Сибири, основанные на новых материалах, опубликовала Ж. Санто⁹¹. Большую роль в изучении проблем, связанных с участием венгерских революционеров в Октябрьской революции и гражданской войне, сыграла состоявшаяся в феврале 1986 г. в Будапеште Международная научная сессия, посвященная Бела Куну. В связи с 100-летием этого виднейшего венгерского интернационалиста, основателя КПВ и одного из руководителей Венгерской Советской Республики, в ВНР был издан интересный сборник воспоминаний о Б. Куне⁹².

В обширной польской литературе периода второй половины 60-х — 80-х годов надлежит выделить работы А. Заторского, И. Спустек, А. Слиша, И. Павловского, К. Собчака⁹³ и др. В числе особенно интересных польских публикаций — вышедший с предисловием Я. Собчака сборник воспоминаний польских интернационалистов «На грани эпох»⁹⁴ и подготовленное под редакцией А. Коханьского уникальное издание — биографический словарь, содержащий сведения почти о 8 тыс. польских революционеров — участников Октября и гражданской войны в СССР⁹⁵.

История интернационалистов — выходцев из Болгарии — уже давно привлекает внимание болгарских ученых. Среди работ болгарских исследователей выделяются обширной документальной базой и широтой охвата проблем монографии и статьи П. Панайотова⁹⁶. Опубликована статья И. Самуилова о деятельности Болгарской коммунистической группы в Петрограде⁹⁷. Необходимо отметить, что утверждения автора о возникновении болгарских коммунистических организаций в России сразу же после Февраля 1917 г. или в самом начале 1918 г. не получили документального подтверждения. О вкладе болгарских интернационалистов в развитие связей между РКП(б) и БРСДП (т. с.), а позже БКП рассказывает содержательное, основанное на новом архивном материале исследование Н. Белоусова⁹⁸. В книгу К. Янева включены главы о болгарских участниках революционных событий в России: С. Черкезове, Ст. Джорове, С. Ванкове⁹⁹. Из болгарской мемуарной литературы следует отметить вышедшие в то время книги воспоминаний С. Черкезова и С. Чукалова¹⁰⁰.

Проблеме югославских интернационалистов в России и их роли после возвращения на родину уделялось в период со второй половины 60-х вплоть до 80-х годов большое внимание и в Югославии.

К 50-летию Великого Октября здесь был выпущен большой сборник воспоминаний югославянских участников Октябрьской революции¹⁰¹.

В тот период активно продолжал свою работу в этой области Б. Храбак¹⁰². В его многочисленных публикациях получили освещение деятельность югославских коммунистических организаций и югославянских Советов в Советской России в 1918—1920 гг., создание в 1918 г. «Коммунистической партии сербов, хорватов и словенцев» и другие аспекты проблемы.

Значительный вклад в изучение рассматриваемой темы внес и Н. Попович, подробно разработавший в своих исследованиях вопросы, связанные с деятельностью Югославянской группы РКП(б) и возникновением уже упоминавшейся «Коммунистической партии сербов, хорватов и словенцев»¹⁰³.

В Румынии за последние два десятилетия вышли исследования о румынских интернационалистах, принадлежащие перу Г. Унка¹⁰⁴, В. Керестешу, Н. Копою¹⁰⁵, В. Ливяну¹⁰⁶ и др.

Еще в 1967 г. вышел сборник документов и воспоминаний о влиянии Великого Октября на Румынию¹⁰⁷. В него был включен ряд интересных документов и воспоминаний о деятельности ру-

мынских коммунистических групп на территории Советской России. В изданную в 1972 г. и вышедшую вторым изданием в 1977 г. в Бухаресте коллективную монографию румынских ученых «Традиции советско-румынской интернациональной солидарности» вошла посвященная периоду 1917—1921 гг. глава Г. Унка, в которой получил освещение и аспект, связанный с участием румынских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне¹⁰⁸.

Проблемы участия чехословацких интернационалистов в борьбе трудового народа России против сил контрреволюции в 1917—1920 гг. также получили в рассматриваемый период широкое освещение в исторической литературе, изданной в ЧССР. В числе работ чехословацких ученых необходимо отметить труды В. Крала¹⁰⁹, Ю. Кржижека¹¹⁰, которые дали глубокую и объективную оценку соотношению революционных и контрреволюционных сил в среде чехословацкой эмиграции в России в 1918—1920 гг., показали принципиальное значение интернационалистской позиции чехословацких коммунистов и красноармейцев, вставших на защиту завоеваний Октября. В последние годы участие чехословацких интернационалистов в борьбе за власть Советов в России и их последующая роль в создании КПЧ получили отражение и в ряде работ, посвященных истории революционного движения в отдельных областях ЧССР. Среди них книга Я. Каплана и Я. Долежала «Красноармейцы из Восточной Чехии»¹¹¹.

Из мемуарных публикаций, увидевших свет в период с середины 60-х по 80-е годы, представляют особый интерес сборник воспоминаний очевидцев Октябрьской революции «Революционные годы»¹¹² и сборник мемуаров чехословацких красноармейцев «За Советскую Россию», подготовленный Й. Поспишиллом и О. Франеком¹¹³. О встречах чешских и словацких революционеров с В. И. Лениным рассказывают воспоминания интернационалистов, помещенные в сборнике «Ленин среди нас»¹¹⁴.

В ГДР в 1979 г. вышла весьма насыщенная фактическим материалом монография С. Штригниц «Немецкие интернационалисты в Советской России в 1917—1918 гг.»¹¹⁵ В ней на основе советских архивов, архивов ГДР, привлечения трудов советских ученых дана широкая картина развития интернационалистского движения среди немецких трудящихся в России с 1917 по ноябрь 1918 г. В центре внимания С. Штригниц разносторонняя, прежде всего идеологическая и военная, деятельность Немецкой группы РКП(б), подробно освещены возникновение и деятельность в Москве Революционного Совета германских рабочих и солдат.

Продолжалась и публикация воспоминаний немецких интернационалистов. Опубликованные в начале 60-х годов в ГДР мемуары участника Октября Г. Манхарта также были изданы в СССР¹¹⁶.

В период с середины 60-х до 80-х годов советские историки и ученые других социалистических стран провели также историографические исследования¹¹⁷.

По изучаемой проблеме написано немало работ также буржуазными и социал-реформистскими историками, исходящими из неверных, зачастую нарочито фальсификаторских позиций. Уже в период Октябрьской революции и гражданской войны в России буржуазной и социал-реформистской историографией был создан ряд мифов, целью которых являлись очернение интернационалистской политики большевистской партии и Советского государства, изображение в ложном свете причин возникновения и сущности интернационалистского движения, той роли, которую оно сыграло в российских революционных событиях, его значения для дальнейшего развития освободительного движения рабочего класса, всех трудящихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

При этом фальсификация движения иностранных интернационалистов осуществлялась по следующим основным направлениям:

— преднамеренное извращение роли политической, идеологической, материальной и моральной поддержки оказанной зарубежным революционерам в Советской России со стороны большевистской партии и Советского государства;

— искажение подлинных причин поддержки передовыми представителями зарубежного пролетариата рабочего класса и трудового крестьянства России в борьбе за власть Советов и защиту завоеваний Октября, выдвигание фальсификаторами в качестве таких причин тяжелого положения военнопленных, якобы нависшей над ними угрозы голодной смерти и осуществления насильственного принуждения со стороны большевиков;

— сознательное преувеличение роли иностранных революционеров в установлении Советской власти на местах и в защите ее от сил контрреволюции с целью доказать, что власть Советов якобы не пользовалась поддержкой большинства населения России;

— изображение движения зарубежных интернационалистов в качестве орудия внешнеполитической экспансии Советского государства;

— умышленное извращение роли иностранных интернационалистов после их возвращения на родину, попытки представить движение зарубежных интернационалистов как «экспорт революции» в другие страны¹¹⁸.

Несостоятельность всех этих вымыслов идеологов империалистической буржуазии убедительно показана на основе большого фактического материала и в данной коллективной монографии, и во многих других трудах об иностранных интернационалистах — участниках Октября, созданных советскими учеными и исследователями-марксистами из других стран.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 243.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 393.

³ Кун Б. Практический интернацио-

нализм // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М., 1919. С. 315.

⁴ Čecho-slováci ve válce a v revoluci. Kijev; Moskva, 1919.

- ⁵ Kalendarz komunistyczny na 1920 rok. Moskwa, 1920; Kalendarz komunistyczny na 1922 rok. Moskwa, 1922.
- ⁶ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 447.
- ⁷ См.: *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. М.; Л., 1924. Т. 1—4. С. 33; *Гай Г. Д.* В боях за Симбирск. Ульяновск, 1928; *Постышев П. П.* Гражданская война на востоке Сибири. Харьков, 1928; и др.
- ⁸ См.: *Фаркаш Г.* Деятельность подпольной организации венгерских коммунистов в Красноярске в 1919 г. // Пролетарская революция. 1929. № 10(93); *Фрид Д.* Чешские военнопленные в борьбе с чехословацким мятежом // Там же. 1928. № 5 (76); *Ульянов И. И.* Октябрьская революция и военнопленные // Там же. 1929. № 7(90); и др.
- ⁹ См.: *Валхар Ф., Форст Л.* Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936; *Сердич Д.* От Балканского полуострова до Красного Царицына // Оборона Царицына. Сталинград, 1937; и др.
- ¹⁰ Копия письма М. Залки М. Горькому, хранящаяся в личном архиве дочери М. Залки Н. М. Залки.
- ¹¹ См.: История гражданской войны: Проект плана издания. М., 1931. С. 60; История гражданской войны: План издания. М., 1932. С. 126.
- ¹² См.: *Шипек А.* Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2.
- ¹³ См.: *Вегман В. Д.* Военнопленные империалистической войны // Сиб. сов. энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1.
- ¹⁴ См.: *Гирченко В.* Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933.
- ¹⁵ См.: *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России // Борьба классов. 1935. № 3.
- ¹⁶ *Heltman St.* Robotnik Polski w Rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927.
- ¹⁷ См.: *Веселий Е., Светлов А.* Миллионы друзей. М., 1940.
- ¹⁸ См.: *Рейхберг Г., Ольшев Р.* Международного пролетариата в борьбе против интервенции в СССР, 1918—1922. М., 1941; и др.
- ¹⁹ См.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г. М., 1942.
- ²⁰ См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922 гг.). М., 1957.
- ²¹ См.: Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957.
- ²² См.: *Медведев Б. Б.* Октябрьская революция и иностранные интернационалисты в России // 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. Т. 1; *Белякевич И. И.* Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 г. Львов, 1957; *Бирман М. А.* К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции, 1917—1919 // Новая и новейшая история. 1957. № 5; *Глуговский А. Н.* Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России (1918—1920) // Там же. № 3; *Петерс И. А.* Югославские Коммунисты в Радяньскій Росії в 1918—1920 рр. // Укр. іст. журнал. 1957. № 2; и др.
- ²³ См.: *Голуб П. А.* Братство скрепленное кровью. М., 1958; *Черепенина Н. Д.* Иностранные коммунистические группы в Советской России и их деятельность // Пролетарский интернационализм — боевое оружие Коммунистической партии. М., 1959; *Эльфонд Я. А.* О деятельности иностранных групп РКП(б) в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.) // Учен. зап. Саратов-та. 1958. Т. 59; *Манусевич А. Я.* Польские коммунистические группы в России в борьбе за победу и укрепление Советской власти (1917—1919 гг.) // КСИС. 1959. Вып. 27; *Клеванский А. Х.* Некоторые вопросы истории че-

- хословацких революционных организаций в России в связи с новейшими работами чехословацких историков (1917—1921 гг.) // История СССР. 1958. № 5; *Кривогуз И. М.* Германские военнопленные интернационалисты в России, 1917—1920 гг. // Ноябрьская революция в Германии. М., 1960; *Жаров Л. И., Устинов В. М.* Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960; *Кладт А. К., Кондратьев В.* Братья по оружию: Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. М., 1960; *Калениченко П. М.* Участие польских трудящихся у боротбі за перемогу Жовтневої революції на Україні // Историчні зв'язки слов'янських народів. Київ, 1961; *Яковлев Л. И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России, 1917—1922. М., 1964; *Рожко В. М.* Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965.
- 24 См.: *Колмогоров Н. И.* Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске. Омск, 1958; *Матвеев И. Г.* У истоков вечной дружбы. Новосибирск, 1959; *Субаев Н. А.* Боевое интернациональное содружество // Коммунист Татарии. 1959. № 3; *Кулінич І. М., Кошик М. М.* Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918—1919 рр.). Київ, 1959; *Матвеев А. М.* Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918—1920 гг.) // Вопр. истории КПСС. 1961. № 3; *Сологубов И. С.* Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918—1921 гг.). Ташкент, 1961; *Щербаков Ю. Н.* Братство, скрепленное кровью: Участие иностранных интернационалистов в борьбе за Советскую власть в Среднем Поволжье в 1918—1919 гг. Куйбышев, 1961; и др.
- 25 См.: Актуальные проблемы славноведения. М., 1961. с. 82—89, 113—133.
- 26 *Vesely J.* Češi a Slováci v revolučným Rusku, 1917—1920. Pr., 1954.
- 27 *Bojová pieseň znela...* Br., 1958
- (в СССР книга издана под названием «Былые походы». М., 1961).
- 28 *Milei Gy.* A szovjet oroszországi magyar kommunista hadifogoly mozgalom eszmei arculatának néhány kérdése (1918) // Párttörténeti Közlemények. 1956. N 3.
- 29 *Józsa A.* Adalékok az oroszországi magyar hadifoglyok történetéhez // Hadtörténelmi Közlemények. 1961. N 2; *Györkei J.* Magyar internacionalisták Sziberiában, a Bajkálontúli harcokban // Katonai Szemle. 1957. N 7.
- 30 См.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции/Сост. Е. Дьеркеи, А. Йожа. М., 1959.
- 31 *Zsilak A.* Külföldi Munkások és Foldművesek kommunista Pártija a Turkesztani Szövetség Tanácsköztársaság területén, 1918—1919 // Párttörténeti Közlemények, 1962. N 3; *Жулак А.* Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917—1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965; и др.
- 32 *W XXXV rocznice Wielkiej Październikowej Rewolucji socialistycznej: Materiały. Dokumenty.* W-wa, 1952.
- 33 *Kowalski J.* Wielka Październikowa Rewolucja Socialistyczna a wyzolenie Polski. W-wa, 1952.
- 34 *Zatorski Z.* Dzieje pułku Bielgorodzkiego — I Polskiego Pułku Rewolucyjnego w Rosji. W-wa, 1960.
- 35 *Wrzosek M.* Przyczynek do historii I Rewolucyjnego Pułku Polskiego // Przegląd historyczny. W-wa, 1957. T. XLVIII. Zesz. 4.
- 36 *Documente din istoria Partidului Comunist din România.* Buc., 1956. Vol. 1: (1917—1922).
- 37 *Deutsche R.* Din lupta pentru apărarea revolutiei ruse (1917) // Analele Institutului de istorie a partidului de pe lingă CC al PMR. 1956. N 6.
- 38 *Amintiri despre Marele Octombrie.* Buc., 1957.
- 39 *Oktober zászlaja alatt.* Kolozsvár, 1957.
- 40 См.: Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Румынию. М., 1958.
- 41 См.: *Јовановић И., Рајковић С., Рибар В.* Југословенски добро-

- волячки корпус у Русји. Београд, 1954.
- ⁴² См.: *Чулинович Ф.* Отклики Октября в югославянских землях. М., 1967.
- ⁴³ *Hrabak B.* Komiteti u jugoslovenskoj dobrovoljačkoj vojsci u Rusiji 1917 godine // *Istorija XX veka: Zbornik radova.* Београд, 1962. III.
- ⁴⁴ См.: *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962.
- ⁴⁵ См.: *Мичев Д.* Първи български комунистически групи в Русия // *Българо-съветска дружба.* С., 1957. Кн. II; *Тишев Д., Панайотов П.* Революционната дейност на българи в гр. Одеса през 1919 г. // *Исторически преглед.* С., 1957. Кн. 5; *Панайотов П.* Още за революционната дейност на българи комунисти в Москве през 1918 и началото на 1919 г. // Там же. 1962. Кн. 6.
- ⁴⁶ *Vosske H.* Über die Teilnahme deutscher Arbeiter und Soldaten an der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution und am Bürgerkrieg in Sowjetrußland, 1918—1920 // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* 1959. N 4.
- ⁴⁷ *Striegnitz S.* Die aktive Teilnahme ehemaliger deutscher Kriegsgefangenen an der Oktoberrevolution 1917 und an den Kämpfen des Bürgerkriegs, 1918—1922 // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* 1960. N 1.
- ⁴⁸ *Dix R.* Deutsche Internationalisten in der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. В., 1967.
- ⁴⁹ См.: *Поворот мирового значения.* М., 1964.
- ⁵⁰ См.: *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России, Февраль — октябрь 1917 г. М., 1965.
- ⁵¹ См.: *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
- ⁵² См.: *Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции.* М., 1967.
- ⁵³ См.: *Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов.* М., 1967; *Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов и Востоке республики.* М., 1971.
- ⁵⁴ См.: *Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов.* М., 1968. Т. 1—2.
- ⁵⁵ См.: *Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов и материалов.* М., 1976.
- ⁵⁶ См.: *Под знаменем Октября: Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской революции и защите ее завоеваний.* М.; С., 1981.
- ⁵⁷ См.: *Под знаменем пролетарского интернационализма: Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов.* М., 1970.
- ⁵⁸ См.: *Октябрь и болгарские интернационалисты.* М.; С., 1973.
- ⁵⁹ См.: *Интернациональное сотрудничество КПСС и КПЧ: история и современность.* М., 1984.
- ⁶⁰ См.: *Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг.: К истории советско-венгерских интернациональных связей.* М., 1980.
- ⁶¹ См.: *СССР и Польша: Интернациональные связи — история и современность.* М., 1977. Т. 1.
- ⁶² *Zelenin V. V., Sumarokova M. M.* Legenda i stvarnost. Cinjenice iz biografije Crvenog Duncića // *Prilozi za istoriju socijalizma.* Београд, 1968. N 5; *Гранчак И. М., Лебович М. Ф.* Бела Кун. М., 1975; *Боевое братство: Рассказы об интернационалистах.* Куйбышев, 1975; *Васильев О. А., Дмитриенко М. Ф.* Лайош Гавро. М., 1977; *Дунаевский А.* Подлинная история Кароя Лигети: Иду за Гашеком: Красный Дундич. М., 1978; *Шимор А.* Так жил Тибор Самуэли. М., 1981; *Кун Б.* Избранное. Воспоминания о Бела Куне. М., 1986; и др.
- ⁶³ См.: *Яковлев Л. И.* Дружба, рожденная Октябрем. М., 1968.
- ⁶⁴ См.: *Копылов В. Р.* Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. М., 1977.
- ⁶⁵ См.: *Краснов В. Г.* Интернациональные формирования Красной Армии // *Защита Великого Октября.* М., 1982.

- 66 *Islamov T. M.* Az oroszországi magyar hadifogoly kommunisták elméleti és taktikai nézeteinek fejlődéséről // A Magyarországi Tanácsköztársaság 50 évfordulója. Bp., 1970.
- 67 См.: *Николаенко К. А.* Газеты венгерских интернационалистов в Советской России // История СССР. 1973. № 2.
- 68 См.: *Трегубов А. В.* Немецкая группа РКП(б) и Ноябрьская революция в Германии // Рабочее движение в Германии в период Ноябрьской революции и развитие интернациональных связей между трудящимися СССР и Германии: (Межвуз. сб.). Куйбышев, 1976.
- 69 См.: *Кулинич И. М.* О деятельности харьковской группы немецких коммунистов в 1918—1919 гг. // Ежегодник германской истории, 1968. М., 1969.
- 70 См.: *Зеленин В. В.* Под Красным знаменем Октября: Югославские интернационалисты в Советской России, 1917—1921. М., 1977.
- 71 См.: *Бирман М. А.* Балканские интернационалисты в Одессе весной и летом 1919 г. // Балкан. исслед. М., 1987. Вып. 10. В работе М. А. Бирмана, кроме болгарских, также освещается деятельность югославянских, румынских, греческих и других интернационалистов.
- 72 См.: *Дихан М.* Бесарабските българи в Октомврийската революция и гражданската война. С., 1971.
- 73 См.: *Калениченко П. М.* Брати по класу — брати по зброї. Київ, 1973.
- 74 См.: *Виноградов В. Н.* Два обращения румынских социал-демократов к революционной России // Вопр. истории. 1967. № 12; *Он же.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- 75 См.: *Спиваковский Е. И.* О некоторых проблемах создания Коммунистической партии Румынии // Вопр. истории. 1971. № 3.
- 76 См.: *Писарев Ю. А.* Из истории эвакуации югославян из Советской России (1918—1919 гг.) // История СССР. 1971. № 6.
- 77 См.: Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні (1917—1920). Київ, 1967.
- 78 См.: *Мельниченко В. Ю.* Діяльність іноземних комуністичних груп на Україні, 1918—1920. Київ, 1977.
- 79 См.: *Субаев Н. А.* Родники солидарности. Казань, 1971.
- 80 См.: *Данилов В. А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
- 81 См.: *Колмогоров Н. С.* Красные мадьяры. Новосибирск, 1970.
- 82 См.: *Матвеев А. М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю, 1914—октябрь 1917. Ташкент, 1977.
- 83 См.: *Сиргебаев Б. С.* Глубокие корни братства. Интернационалистское и коммунистическое движение среди иностранных пролетариев в Казахстане, 1915—1922. Алма-Ата, 1977.
- 84 См.: *Сологубов И. С.* Великий Октябрь и революционное движение пролетарских интернационалистов в Туркестане // Звезда Востока. 1977. № 4.
- 85 См.: *Язборовская И. С.* О некоторых аспектах влияния Октября на содержание, направление и формы классовой борьбы в Польше (1918—1923 гг.) // Советско-польские отношения, 1918—1945. М., 1974.
- 86 См.: *Калениченко П. М.* О революционизирующей деятельности польских трудящихся, возвратившихся на родину из Советской страны // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.
- 87 См.: *Щербаков Ю. Н.* Искры Великого Октября: Вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
- 88 *Józsa A.* Háboru, hadifogság, forradalom: Magyar internacionalista hadifoglyok az 1917-es Oroszországi forradalmakban. Bp., 1970.
- 89 *Józsa A., Milei Gy.* A rendíthetetlen szäzerer. Magyarok a Nagy Októberi szocialista forradalomban és a polgárháboruban. Bp., 1968; *Йожа А., Милей Д.* Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977.
- 90 *Milei Gy.* A mi forradalmunk is! Bp., 1979.
- 91 *Szanto Zs.* Magyar internacionalisták Szovjetországban

- 1919-ben // A Magyar munkásmozgalmi múzeum évkönyve, 1967—1968. Bp., 1969.
- ⁹² Kun Béla a kortársak szemével. Bp., 1986.
- ⁹³ *Spustek J.* Polacy w Piotrogrodzie, 1914—1917. W-wa, 1966; *Slicz A.* Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919). W-wa, 1968; *Pawłowski J., Sobczak K.* Walczy e li o Polsce: Polacy i oddziały polskie w rewolucji Październikowej i wojne domowej w Rosji, 1917—1921. W-wa, 1967.
- ⁹⁴ Na granicy epok: Wspomnienia o udziale Polaków w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji, 1917—1921. W-wa, 1967.
- ⁹⁵ Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej, 1917—1920: Biografie. W-wa, 1967.
- ⁹⁶ См.: *Панайотов П.* Приносът на българи за победата на Октомврийската революция (1917—1920). С., 1967; Българо-съветски отношения и връзки 1917—1923. С., 1982.
- ⁹⁷ См.: *Самуилов И.* Българската комунистическа група в Петроград в периода на Великата Октомврийска социалистическа революция и чуждестранната военна интервенция // Научни трудове на Висшата партийна школа «Ст. Димитров» при ЦК на БКП. 1966. Кн. 26.
- ⁹⁸ См.: *Белоусов Н. В. И. Ленин: Комунистическият Интернационал и българите (1919—1923) // Исторически преглед. С., 1970. № 1—2.*
- ⁹⁹ См.: *Янев К.* Ленин мина през България. С., 1982.
- ¹⁰⁰ См.: *Черкезов С.* Пратеник на Ленин. С., 1967; *Чужалов С.* Михаил Антонов: Генерал от Червената армия. С., 1968.
- ¹⁰¹ Jugosloveni u Oktobarskoj revoluciji. Beograd, 1977.
- ¹⁰² *Hrabak B.* Nastanak i obrazovanje Jugoslovenske komunističke grupe RKP(b) u proleće 1918. godine // Istorija XX veka: Zbornik radova. Beograd, 1968. IX.
- ¹⁰³ *Popović N.* Jugoslovenska centralna komunistička organizacija u Rusiji (1918—1921 godine) // Prilozi za istoriju socijalizma. 1968. N 5.
- ¹⁰⁴ См.: *Унк Г.* Солидарность румынского рабочего и демократическо-го движения с Великой Октябрьской социалистической революцией (1917—1922). Бухарест, 1968.
- ¹⁰⁵ *Cheresteşiu V., Copoiu N.* Participarea oamenilor muncii din România la apărarea şi sprijinirea Morii Revoluţiei Socialiste din Octombrie // Analele Institutului de studii istorice şi social-politice de pe lângă C. C. al P. C. R. 1967. N 4.
- ¹⁰⁶ *Liveanu V.* 1918: Din istoria luptelor revoluţionare din România. Buc., 1960.
- ¹⁰⁷ Marea Revoluţia Socialistă din Octombrie şi Mişcarea Revoluţionară şi Democratică din România: Documente şi amintiri. Buc., 1967.
- ¹⁰⁸ Tradiţii de solidaritate internaţionalistă Romano-Sovietice. Buc., 1977.
- ¹⁰⁹ *Kral V.* Historické mezníky ve vuvoji Československa. Pr., 1978.
- ¹¹⁰ *Křížek J.* Rijnová revoluce a česká společnost. Pr., 1976.
- ¹¹¹ *Kaplan J., Doležal J.* Rudoarmeji z Východních Cech. Hradec Králové, 1982.
- ¹¹² Revolučné roky: Spomienku na Oktobrovú revoluciu a občiansku vojnu. Br., 1967.
- ¹¹³ Za Sovětské Rusko: Vzpomínky československých rudoarmejců. Brno, 1978.
- ¹¹⁴ Lenin medzi nami. Br., 1970.
- ¹¹⁵ *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrussland, 1917—1918. B., 1979.
- ¹¹⁶ *Манхарг Г.* Записки интернационалиста. Благоевченск, 1969.
- ¹¹⁷ *Манусевич А. Я.* Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917—1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции; Он же. Вопросы интернационалистского движения в работах советских историков // Защита Великого Октября. М., 1982; *Пушкаш А. И.* Венгерская историография об участии венгерских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в Советской России // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг.; *Исламов Т. М., Йожа А.* Вопросы историографии и источниковедения истории венгерских интер-

националистов // Там же; *Алешина В. А.* Участие иностранных интернационалистов в борьбе за победу и упрочение Советской власти на Украине, 1917—1920 гг.: (Историография проблемы) // Интернационализм — определяющий принцип внутренней, внешней и военной политики КПСС, Советского государства. Одесса, 1978.

¹¹⁸ *Essen R.* Zwischen der Ostsee und dem Stillen Ozean. Frankfurt a. M., 1925; *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1917—1920. B., 1927; *Klante M.* Von der Wolga zum

Amur. B., 1931; *The Revolutionary Internationals, 1864—1943.* Stanford, 1966; *Braunthal J.* History of the International. N. Y.; Wash., 1967. Vol. II; Hungary in Revolution, 1918—19: Nine Essays. Lincoln, 1971; *Molnar M.* A short history of the Hungarian communist party: Westview press. Boulder (Colorado-Dawson); Folkestone (England), 1978; *Weydenthal J.* The communists of Poland: An Historical Outline. Stanford (Cal.), 1978; *Suda Z.* Zealost and Revels: A History of the Communist Party of Czechoslovakia. Stanford (Cal.), 1980.

ТРУДЯЩИЕСЯ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая мировая война втянула в свою орбиту 34 страны с населением около 1 млрд человек¹. В ходе войны происходило передвижение огромных людских масс как наступавших и отступавших армий, так и гражданского населения.

Вследствие ряда обстоятельств Россия стояла на одном из первых мест среди воюющих держав как по общей численности, так и по разнородности национального состава оказавшегося в ее пределах временного, иностранного населения: военнопленных, военнослужащих армий союзных держав, эмигрантов, иностранных рабочих, включавших представителей около двадцати различных национальностей, являвшихся подданными более чем десяти государств Европы и Азии. Кроме того, во внутренних областях России находилось свыше 1,5 млн польских беженцев, эвакуированных во время войны с территории так называемого Королевства (Царства) Польского, а также около 0,5 млн солдат-поляков — военнослужащих русской армии.

Численность и положение военнопленных Центральных держав на территории России

Среди различных групп иностранного населения, находившегося на российской территории, одну из наиболее многочисленных составляли военнопленные, из армий Центрального блока². Помимо чисто военных причин, в этом немаловажную роль сыграли и факторы национального и социального характера в лагере противников России.

В числе воевавших с Россией держав находилась многонациональная «лоскутная монархия» — Австро-Венгрия. Острые национальные противоречия внутри нее способствовали добровольной сдаче в русский плен или облегчали пленение русскими войсками в ходе боевых действий многих тысяч солдат и офицеров габсбургской армии, в первую очередь славянского происхождения. Начавшись с перехода отдельных солдат и офицеров габсбургских войск на сторону русских, этот процесс получил дальнейшее развитие в добровольной сдаче в плен на Восточном

фронте целых воинских частей, сформированных из представителей неполноправных национальностей монархии³.

Причины национального характера нередко переплетались с социальными. Сдача в плен зачастую была проявлением стихийного протеста одетых в военную униформу рабочих и крестьян из стран Центральной и Юго-Восточной Европы против чуждой интересам трудящихся империалистической бойни, связанных с ней бедствий и страданий, резкого усиления политического, классового угнетения.

Сведения о количестве неприятельских пленных в пределах российских границ и линии фронтов, содержащиеся в различных источниках и исторической литературе, противоречивы и колеблются между 1,9 млн и 2,4 млн человек⁴.

Систематизируя данные о количестве находившихся в русском плену неприятельских солдат и офицеров, можно условно разделить все источники, дающие ответ на этот вопрос, на три основные группы. К первой из них относятся документы российских государственных и военных учреждений, включая учреждения Российской Советской республики, ко второй — материалы военных и правительственных органов Центральных держав, к третьей — отчеты организаций Международного Красного Креста.

Во время империалистической войны в сумятице военных событий партии пленных нередко отправлялись военными властями в лагерь без составления именных списков. Регистрация на местах затруднялась из-за отсутствия людей, знавших иностранные языки, а также частых перемещений военнопленных из лагеря в лагерь и в те пункты, где они использовались на работах. Поэтому центральные органы, занимавшиеся учетом пленных, часто не получали с мест точных сведений.

Согласно «Положению о военнопленных» от 7(20) октября 1914 г., учет военнопленных проводился Центральным справочным бюро, а также делопроизводством Главного штаба и штабом Московского военного округа. Кроме того, регистрацией пленных занимался Центральный комитет по делам военнопленных Российского общества Красного Креста.

Рассматривая источники, относящиеся к первой группе, необходимо отметить, что наименьшее количество вражеских военнопленных — 1 782 966 человек — отмечается в материалах Центрального комитета по делам военнопленных Российского общества Красного Креста⁵. Но этот комитет не располагал исчерпывающими данными.

Несколько большее количество — 1 961 333 человек — было зарегистрировано в материалах Главного штаба и опубликовано в 1925 г. ЦСУ СССР в сборнике «Россия в мировой войне 1914—1918 годов»⁶. Однако и эти данные не могут считаться достаточно полными: они ограничивались периодом лишь до 1 сентября 1917 г. и, как указывали сами составители сборника, базировались лишь на уже готовых сведениях, имевшихся в материалах штаба, а эти сведения не было возможности проверить и уточнить⁷.

Наиболее точными представляются данные созданной согласно декрету СНК РСФСР от 24 апреля 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев — Центропленбежа, преобразованного затем в Центроэвак. В распоряжение Центропленбежа поступали все материалы российских органов, занимавшихся учетом военнопленных. Сотрудники Центропленбежа—Центроэвака в течение 1918—1921 гг. провели кропотливую работу по сбору сведений о количестве пленных, проверке и уточнению их именной картотеки. Согласно итоговым данным Центропленбежа, а затем Центроэвака, подготовленным к 1921—1922 гг., общая численность военнопленных, принадлежавших к армиям Центральных держав и зарегистрированных на территории России, составила 2 328 540 человек⁸.

Эти данные довольно близки к сведениям, сообщаемым второй группой источников — документами и публикациями правительственных и военных учреждений Австро-Венгрии и Германии. Согласно материалам 10-го отдела австро-венгерского военного министерства в Вене, обработанным уже после распада габсбургской монархии, за период с августа 1914 по октябрь 1918 г. в русский плен попали 2 111 101 военнослужащий габсбургской армии, в том числе 2 056 955 солдат и 54 146 офицеров⁹.

В опубликованных в 1923 г. материалах немецкого Бюро военных потерь указывалось, что в Россию попали 177 104 человека¹⁰ германских военнопленных. Согласно материалам Генерального штаба болгарской армии, количество болгарских солдат и офицеров в русском плену составило к концу 1917 г. 1473 (по другим данным, 1633) человека¹¹.

К данным об общем количестве неприятельских военнопленных, сообщаемым двумя первыми группами источников, приближаются и сведения, содержащиеся в материалах Международного Красного Креста и опубликованные в книге сотрудницы одной из его миссий Э. Брендстрем. Преимущество их заключается не только в том, что они собирались непосредственно органами Красного Креста при обследовании лагерей и других мест водворения военнопленных, но и в том, что их сбором занимались одни и те же органы, деятельность которых не прерывалась на протяжении всего периода пребывания пленных в России — от начала войны до окончания их реэвакуации в 1921—1922 гг. Согласно этим данным, в русском плену находились 2 342 378 солдат и офицеров вражеских армий¹².

Сопоставление трех категорий источников позволяет сделать вывод, что суммарная численность всех зарегистрированных на российской территории военнопленных из армий государств Центрального блока составляла не менее 2,2—2,3 млн человек.

Однако в связи с тем что некоторое количество пленных еще до Октября вступило в формировавшиеся польские, чехословацкие, югославские национальные части и было отправлено в распоряжение союзных государств, обменено на русских пленных, интернировано в другие страны, бежало, умерло и т. п., их численность

к началу массового обмена военнопленными на основе Брестского договора, т. е. к марту 1918 г., составляла около 2 млн человек.

Значительные по своей численности массы иностранных военнопленных представляли собой пестрый этнический и социальный конгломерат.

В связи с тем что военные власти России не всегда производили детальный учет пленных по их национальному признаку, отмечая зачастую лишь их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание, установление их точного национального состава представляет известные трудности. Определенным ориентиром для выяснения национальной структуры наиболее многочисленной и этнически разнородной группы военнопленных — пленных из Габсбургской империи — может служить то, что в период первой мировой войны среди находившихся на действительной военной службе в вооруженных силах австро-венгерской монархии около 25% составляли австрийцы и немцы, 23 — венгры, 13 — чехи, 4 — словаки, 9 — сербы и хорваты, 2 — словенцы, 8 — украинцы, 8 — поляки, 7 — румыны, 1% — итальянцы¹³.

Однако это соотношение, разумеется, не может быть механически перенесено на военнопленных австро-венгерской армии, поскольку побудительными мотивами при сдаче в плен зачастую являлись именно факторы национального порядка. Поэтому доля чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, румын, итальянцев среди пленных была более высокой, чем их процент среди военнослужащих габсбургской армии. Вместе с тем в связи с усиленной мобилизацией в австро-венгерские войска в 1915—1917 гг. мужского населения призывных возрастов из аграрных районов монархии (соответствующие группы населения, занятого в военной промышленности наиболее индустриально развитых районов Австрии с преимущественно австрийским населением, а также Чехии и Моравии с преимущественно чешским, освобождались от призыва) среди солдат и офицеров габсбургской армии несколько возрос процент венгров, призывавшихся из районов Венгрии с преимущественно сельскохозяйственным населением¹⁴.

Сопоставляя эти данные и делая известные поправки в связи с указанными выше соображениями, можно предполагать, что австрийцы и немцы составляли примерно 20—22% всех военнопленных габсбургской армии (т. е. приблизительно 400—500 тыс. человек), венгры — 24—25 (500—550 тыс. человек), чехи и словаки — 13—18 (250—350 тыс. человек), сербы, хорваты и словенцы — 11—12 (200—250 тыс. человек), румыны — 7—8 (120—150 тыс. человек), поляки — 8—9 (150—200 тыс. человек), украинцы — 8 (150—160 тыс. человек), итальянцы — 1—2% (20—40 тыс. человек)¹⁵. К этому нужно добавить, что в составе пленных германской армии (170—180 тыс. человек) находилось, кроме немцев, небольшое число поляков из западных польских областей и французов-эльзасцев¹⁶, а в рядах пленных из армии Турции (50—60 тыс. человек), кроме турок, были армяне, ара-

бы, курды и представители других национальностей Ближнего Востока.

В социальном составе иностранных военнопленных с теми или иными отклонениями нашла отражение классовая структура населения стран, выходцами из которых они являлись.

Многонациональная монархия Габсбургов представляла собой в начале XX в. одну из крупных, но второразрядных империалистических держав¹⁷.

Используя имеющиеся данные о профессиональном составе солдат и офицеров габсбургской армии, отнесенных к категории военных потерь (помимо убитых и раненых, в эту категорию нередко зачислялись и пленные), можно приблизительно установить и классовую структуру военнопленных. Рабочие составляли около 15% общей численности военнослужащих габсбургской армии, отнесенных к категории военных потерь, средние и мелкие землевладельцы (в большинстве крестьяне), сельскохозяйственные рабочие и поденщики — 57%; среди солдат и офицеров, происходивших из наиболее развитой в промышленном отношении части двуединой монархии — австрийской (в которую, в частности, входили самые индустриально развитые области: Чехия, Моравия, Нижняя и Верхняя Австрия и др.), доля рабочих составила 21,3%, средних и мелких землевладельцев, сельскохозяйственных рабочих и поденщиков — 38,55%; среди представителей венгерской части габсбургской монархии эта доля составляла соответственно 11 и 66,67%¹⁸.

Рассматривая социальный состав второй по численности группы военнопленных — пленных германской армии, необходимо учитывать, что перед первой мировой войной германский промышленный и аграрный пролетариат, включая паемных рабочих в промышленности, в торговле и на транспорте, в сельском хозяйстве, а также мелких служащих, прислугу и т. п., составлял вместе с иждивенцами 52,8% всего населения страны¹⁹.

На основе этих данных, а также исследований историков ГДР Р. Дикса и С. Штригниц, можно считать, что более половины германских военнопленных относились по своему социальному положению к промышленному и аграрному пролетариату²⁰.

Большую часть болгарских и турецких военнопленных составляли малоземельные и безземельные крестьяне.

Несмотря на то что пролетарские слои занимали в количественном отношении сравнительно небольшое место в общей массе военнопленных, их роль в развитии классового сознания и зарождения революционного движения иностранных трудящихся, оказавшихся в российском плену, была несравненно более значительной, чем их доля в общем числе военнопленных.

Наиболее сознательной частью, ядром пролетарских элементов среди пленных были левые социал-демократы, входившие до войны в состав социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы и принесшие с собой в российский плен значительный опыт участия в пролетар-

ском движении, деятельности социал-демократических и профсоюзных организаций, руководства борьбой рабочего класса.

В годы войны в России в качестве военнопленных оказались многие активные деятели рабочего, социал-демократического движения и выходцы из кругов прогрессивной, близкой к марксизму интеллигенции Австро-Венгрии, Германии, Болгарии.

В условиях нарастающего подъема революционного движения в России в среде военнопленных — рабочих, крестьян и представителей прогрессивной интеллигенции, прежде всего активных деятелей социал-демократического движения из стран Центральной Европы и Балкан, — начинается постепенный процесс переосмысления взглядов, характерных для социалистических партий в их странах и преодоления ошибочных воззрений, которые проповедовали правореформистские и центристские лидеры у них на родине.

В то же время необходимо учитывать, что, поскольку более половины военнопленных составляли выходцы из рядов крестьянства и городской мелкой буржуазии, восприятие ими идей великой российской пролетарской революции происходило в ходе сложного процесса преодоления мелкобуржуазных, реформистских и националистических взглядов и традиций, трудной ломки старых представлений. То обстоятельство, что многие трудящиеся военнопленные принадлежали к угнетенным в своих государствах национальностям, создавало почву как для формирования у них революционных взглядов, так и для объединения их под лозунгами «национального единства» с буржуазно-помещичьими элементами из среды военнопленных соответствующих национальностей и вовлечения их в сферу влияния действовавших легально проантантовских националистических организаций, связанных с российской и международной контрреволюцией.

7(20) октября 1914 г. Николай II утвердил «Положение о военнопленных». В основу его были положены главные принципы Гагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. Но понятно, что статья «Положения», гласившая, что с военнопленными, «как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво»²¹, служила лишь лицемерным прикритием почти полного бесправия и тяжелых материальных лишений, которые были во время войны характерными чертами положения военнопленных не только в царской России, но и в Германии, Австро-Венгрии и других государствах — участниках империалистической войны.

Руководствуясь соображениями военного и политического характера, царская администрация предполагала размещать пленных в местах, отдаленных от административных и экономических центров²². Однако поступление огромных масс пленных и недостаток рабочей силы побудили царское правительство уже в 1915 г. начать размещение пленных по всей территории страны. Всего в России в годы войны насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в том числе в Петроградском военном округе —

15, в Московском — 128, Одесском — 18, Казанском — 113, Омском — 28, Иркутском — 30, Туркестанском — 37²³. При этом, считая военнопленных немцев, австрийцев и венгров менее надежными, нежели пленные славянских национальностей и румыны, царские власти предпочитали размещать военнопленных немцев, австрийцев и венгров главным образом за Уралом, в то время как пленных славянских и румынской национальностей водворяли в европейской части России.

По неполным данным на 1(14) января 1917 г., в Московском военном округе находилось 321 тыс. военнопленных, в Казанском — 285 тыс., в Омском — 199 тыс., — в Иркутском — 135 тыс., в Приамурском — 17 тыс., в Туркестанском — 155 тыс. военнопленных²⁴.

Характерной чертой военного плена в период первой мировой войны — чертой, которая отличала его от пленения во все предшествующие войны, являлось применение всеми воюющими державами в больших масштабах принудительного труда военнопленных в самых различных отраслях экономики. Рескриптом от 20 августа (2 сентября) 1914 г. устанавливалась «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы, притом без какого-либо особого за выполнение такого рода работ вознаграждения...»²⁵ Утвержденные 28 февраля (13 марта) 1915 г. новые «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы»²⁶ значительно расширяли возможность применения труда пленных (преимущественно немецкого и невенгерского происхождения) на работах в сельских хозяйствах в районах, не входящих в театр военных действий. В апреле 1915 г. эти правила были распространены на работы, подведомственные Главному управлению землеустройства и земледелия²⁷.

Принятые 17 (30) марта, а затем 29 мая (11 июня) 1915 г. Правила допускали применение труда пленных на работах на частных промышленных предприятиях горной и фабрично-заводской промышленности и в других имеющих государственное значение отраслях производства.

Количество военнопленных, занятых в различных отраслях экономики России, быстро росло. В январе 1916 г. между министерствами — военным, внутренних дел и земледелия — было заключено соглашение, по которому было решено в дополнение к пленным, уже занятым на сельскохозяйственных работах, передвинуть из-за Урала в европейскую часть страны всех оставшихся еще свободными от работ военнопленных и распределить их между основными, производящими зерно губерниями²⁸.

Главное управление Главного штаба 4(17) марта 1916 г. в директиве, отданной в соответствии с приказом военного министра, предписало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался бы в лагере без назначения и все было бы отдано сельским хозяйствам»²⁹. Около половины контингента военнопленных, занятого на сельскохозяйственных ра-

ботах, было направлено в крупные помещичьи имения размером свыше 100 десятин; в хозяйствах размером свыше 1 тыс. десятин было занято в каждом в среднем по 224 военнопленных³⁰.

Тогда же, в марте 1915 г. царские власти разрешили использование труда пленных на частных промышленных предприятиях. В угледобывающей промышленности Донецкого бассейна к началу 1916 г. были заняты 24 тыс. пленных, которые составляли 10,4% всех занятых рабочих; в феврале—марте 1917 г. их было уже 76—77 тыс. человек, что составляло не менее 26% общего количества рабочих; в дальнейшем вплоть до октября 1917 г. их было не менее 21% всей численности работников, занятых в этой отрасли донецкой промышленности³¹, к ноябрю 1917 г. на уральских заводских предприятиях были заняты 20 794 военнопленных (12,2% общей численности рабочих), в горных предприятиях — 10 569 (25,2%), в лесных — 20 297 (36,1%)³².

Всего, по неполным данным, почерпнутым из материалов министерства торговли и промышленности царского, а также министерства труда Временного правительства, в 1915 г. использовались на различных работах 140 тыс. военнопленных, на 1 апреля 1916 г.—648 792, на 1 апреля 1917 г.—1 648 317, на 1 июля 1917 г.—1 000 241, на 1 октября 1917 г.—895 491³³.

Труд военнопленных вначале, по расчетам царских властей, вообще не должен был оплачиваться, таким образом, весь продукт, произведенный ими, за вычетом ничтожной стоимости, затраченной на их содержание, должен был поступать в распоряжение государства. Однако, работая без всякой компенсации, военнопленные давали чрезвычайно низкую производительность. Поэтому, учитывая предложения земств и частных предпринимателей, стремившихся какими-то способами повысить интенсивность труда, царское правительство внесло изменения в правила использования пленных на различных работах. Согласно «Правилам об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 г., при предоставлении их сельским хозяйствам не менее половины заработной платы, устанавливаемой земскими управами, выдавалось на руки³⁴. В соответствии с правилами использования труда пленных на частных промышленных предприятиях, утвержденных 17 марта 1915 г., не менее трети заработной платы отчислялось на счета соответствующих министерств, а из оставшейся части после возмещения расходов предприятий на содержание пленных и их охрану мог выдаваться им «денежный отпуск»³⁵. Позже в связи с требованиями российских промышленников, не желавших делить с казной доходы от дешевого принудительного труда пленных, отчисления части их заработка в фонд государства были уменьшены до 25%, а затем с 1 (14) апреля 1916 г. военное министерство вообще отменило эти отчисления³⁶, одновременно разрешив увеличить денежную выдачу военнопленным до 50 коп. в день и распространить этот порядок на всех пленных.

На деле даже это подобие заработной платы зачастую военнопленным не выдавалось. Кроме того, с целью получения наивысших прибылей предприниматели снижали затраты на содержание пленных до минимума.

Неограниченная эксплуатация и бесправное положение не только были источником тяжелого положения трудовых масс военнопленных, но и вызывали у них чувство протеста, являлись мощным фактором их революционизирования. Использование труда пленных в промышленности и сельском хозяйстве России создавало объективные условия для вовлечения оказавшихся на российской земле иностранных трудящихся в борьбу российского рабочего класса и крестьянства.

Численность и положение беженцев, эмигрантов и отходников на территории России

Вторую большую группу временного населения, находившегося на российской территории в годы войны, составляли беженцы из входившего в состав Российской империи так называемого Королевства (Царства) Польского, а также из Румынии и Сербии.

С первых дней империалистической войны население западных районов Российской империи, спасаясь от опасностей и бедствий, связанных с военными действиями, начало эвакуироваться в глубь страны. К потоку добровольных беженцев вскоре присоединились рабочие и служащие предприятий, эвакуированных царскими властями, а также население районов, оказавшихся под угрозой немецкой оккупации, которое принудительно выселялось русским командованием в восточные губернии.

Массовая эвакуация польского населения наступила в июле 1915 г., когда царские войска под ударами немцев начали отступать из польских губерний. По приказу царского командования машины, оборудование, инвентарь, сырье, а также зерно и все другие продукты питания увозились на восток³⁷. Население, в первую очередь мужчины призывного возраста вместе с их семьями, тоже принудительно эвакуировалось.

«Это было переселение народов, заполнившее людьми, скотом, телегами дороги, поля и леса, переселение медленное, неподготовленное, трагическое для всех участников его,— писал один из очевидцев событий.— У кого была фурманка и лошадь, тот нагружал ее до самого края, у кого была тележка, но не было лошадей, тот бросал в нее самые необходимые вещи и сам впрягался с семьей вместо рабочего скота. У кого не было ни фурманки, ни лошадей, тот брал на свои плечи мешок с хлебом и плелся с семьей по дороге. Гнали скот и птицу перед собой и кормили чем бог послал...»³⁸

Массы беженцев сначала заполнили территорию губерний, прилегавших к линии фронта: Смоленской, Киевской, Могилев-

ской и др., а затем широкой волной разлились по всей стране от Украины и Кавказа до Сибири и Дальнего Востока.

Согласно данным «Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны», созданного царским правительством 14 (27) сентября 1914 г. в качестве полуофициального органа для оказания помощи беженцам, беженцы-поляки составляли на 1(14) февраля 1917 г. $\frac{1}{10}$ огромной беженской массы в 3 200 000 человек, что выразилось цифрой 513 434 человека»³⁹. Однако эти сведения не могут считаться исчерпывающими. Исследовавшие в 20-х годах проблемы общей численности беженцев М. М. Гран и др. достаточно обоснованно считали, что данные, приводимые в отчетах «Татианинского комитета», нуждаются в уточнении⁴⁰.

Наиболее близкими к действительности представляются данные органов Советской республики, в первую очередь Комиссариата по польским делам Наркомнаца.

При подсчете общей численности польских беженцев проявился принципиально новый подход Комиссариата по польским делам к исчислению общего количества беженцев из польских земель. Комиссариат исходил из того, что в это число входят не только поляки, но и белорусы, украинцы, литовцы, евреи и лица других национальностей, эвакуировавшиеся с территории Королевства Польского. Сотрудники комиссариата пришли к выводу о том, что общая численность беженцев из польских земель в 1914—1918 гг. составила 1,5 млн человек. Эта цифра нашла отражение в Отчете о деятельности Наркомнаца за период с 1 ноября 1917 по 20 июня 1918 г.⁴¹

Кроме беженцев, довольно многочисленным был контингент поляков — военнослужащих царской армии. Среди них были как призванные в армию еще на территории Королевства Польского, так и из числа беженцев, а равно лица, проживавшие во внутренних губерниях России. Основываясь на сведениях, приводимых в меморандуме Польского национального комитета в Париже летом 1918 г., и документах военного отдела Комиссариата по польским делам Наркомнаца, можно говорить примерно о 500 тыс. солдат и офицеров — поляков, находившихся в годы первой мировой войны в российской армии⁴².

Самой малочисленной, но сыгравшей важнейшую роль в политической жизни польского временного и постоянного населения России являлись польские революционеры, содержавшиеся до Февральской революции в царских тюрьмах или отдаленных поселениях. Еще накануне первой мировой войны, в июле 1914 г., из варшавских мест заключения были вывезены 502 узника, осужденных по политическим мотивам⁴³, а перед эвакуацией города, летом 1915 г. — еще около 3 тыс. политических заключенных⁴⁴.

Среди политических узников и ссыльных находились такие видные деятели польского рабочего движения, как Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский, В. Матушевский, Ю. Лещинский (Лен-

ский), Ю. (И. С.) Уншлихт, Ст. Бобинский, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк, Я. Тарвацкий и др.

Еще задолго до первой мировой войны на территории собственно России, в особенности в ее западных губерниях, проживало значительное количество поляков. Среди них были представители польской аристократии, тесно связанной с царским режимом и имевшей большие земельные владения на Украине, в Белоруссии и Литве.

Польская буржуазия, стремясь использовать обширный российский рынок, создавала филиалы своих акционерных обществ, фирм и банков в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Ростове, Екатеринославе и других городах. В их составе имелись многочисленные штаты служащих-поляков.

На рубеже XIX—XX вв. в поисках заработка в крупные русские промышленные центры потянулись высококвалифицированные польские рабочие. Особенно быстро приток рабочих, главным образом металлистов, из польских губерний начал расти после первой русской революции.

Наиболее значительные контингенты польских рабочих оказались во время войны в крупных промышленных центрах России. Согласно данным Комиссариата по польским делам, из 95 промышленных предприятий, эвакуированных из Польши, 31 находилось в Московской губ., 12 — в Харьковской, 8 — в Екатеринославской, 7 — в Петроградской⁴⁵. Сюда же стягивалось в поисках работы много беженцев-поляков из других губерний. Всего в Московской губ. осело 72,6 тыс. польских беженцев (в том числе в Москве 54 тыс.), в Харьковской — 36,2 тыс., в Екатеринославской — около 68 тыс., в Петроградской — 66 тыс.⁴⁶

Многие польские рабочие устроились на крупные промышленные предприятия русской столицы, обладавшие закаленными кадрами пролетариата и имевшие славные революционные традиции. Около 5 тыс. поляков в годы империалистической войны работало на Путиловском заводе, значительную часть из них составляли беженцы. Большая группа польских рабочих имела на заводе «Новый Лесснер» и других предприятиях Петрограда⁴⁷.

Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в приобретении польских трудящихся к революционной борьбе российского пролетариата. Польские рабочие-беженцы, находясь на крупных заводах и фабриках, уже в годы войны вовлекались в могучий поток революционного движения в России, попадали под непосредственное влияние большевистской партии.

Если принять за основу сведения Комиссариата по польским делам, считавшего, что на российской территории находилось 150 тыс. рабочих, эвакуированных из Королевства Польского и других западных губерний⁴⁸, то можно предполагать, что доля представителей промышленного пролетариата среди польских беженцев составляла не менее 10%.

Другой, притом наиболее многочисленной частью польской эмиграции было крестьянство. Есть основания полагать, что среди польских беженцев в годы первой мировой войны находилось около 400 тыс. крестьян⁴⁹. Приблизительное представление о соотношении доли крестьянства в общей массе беженцев-поляков могут дать цифры, отражающие пропорцию сельского и городского населения среди беженцев. Согласно им, среди беженцев, прибывших во внутренние губернии страны с территории Королевства Польского и прилегавших к нему десяти западных губерний в период с июля 1915 по декабрь 1916 г., насчитывалось примерно 83,5% сельских и 16,5% городских жителей⁵⁰.

Приблизительное представление о соотношении отдельных социальных групп среди временного польского населения в крупнейших городах России могут дать сведения о роде занятий польских беженцев в Петрограде и Москве.

Из общего числа беженцев-поляков, проживавших в первой половине 1916 г. в Петрограде, 9% было рабочими, 17% — ремесленниками, 20% ранее занимались сельским хозяйством и 15% имели «свободные» профессии⁵¹.

Согласно данным Статистического бюро польского комитета, в Москве среди представителей «новой» польской эмиграции к декабрю 1916 г. около 16,9% составляли рабочие, занятые в промышленности, торговле, на транспорте и предприятиях связи⁵².

Наиболее политически сознательным ядром польских рабочих-беженцев являлись оказавшиеся по разным причинам в годы войны на российской территории представители революционных партий пролетариата польских земель: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партии — левицы (ППС-левицы), первая из которых входила непосредственно в состав РСДРП. В числе польских революционеров, оказавшихся в России, были такие видные деятели рабочего движения, как З. Фабержевич, член польского Союза социал-демократической молодежи с 1905 г., проживавший с 1910 г. в Петербурге, сотрудник редакции большевистской «Правды»; Фр. Гжелщак, член СДКПиЛ с 1904 г., участник V съезда РСДРП, перед войной руководитель профсоюза металлистов в Варшаве, призванный в 1914 г. в царскую армию; К. Циховский, член СДКПиЛ с 1907 г.; Б. Будкевич, состоявшая с 1904 г. в рядах ППС, а с 1906 г. ППС-левицы, неоднократно избиравшаяся в состав ее Варшавского и Лодзинского комитетов, с 1913 г. проживавшая в Петербурге; С. Будкевич, член ППС с 1904 г. и ППС-левицы с 1906 г., проживавший с 1913 г. в Петербурге⁵³, и др.

Связанные с российским рабочим движением тесными узами братской солидарности, представители революционного крыла польского пролетариата немало сделали для того, чтобы наладить активное сотрудничество польских рабочих-беженцев с революционным движением рабочего класса России. Этому стреми-

лись противодействовать организации буржуазно-помещичьей и мелкобуржуазно-националистической эмиграции — от национальных демократов до ИПС-«фракции».

Сравнительно большую группу беженцев составляли выходцы из Румынии. После вступления Румынии в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты румынская армия потерпела ряд серьезных неудач, а часть территории страны была оккупирована войсками нейтральных держав. В связи с этим по соглашению между румынским и русским правительствами в конце 1916 — начале 1917 г. в пределы России были перебазированы румынские государственные учреждения, промышленные предприятия из Бухареста, Ясс, Галаца с занятыми на них рабочими и служащими, а также часть румынской армии и флота. В Одессе разместилась крупнейшая румынская судостроительная верфь «Ферник» из Галаца, в Херсоне — арсенал военно-морского флота Румынии и судоремонтный завод, в Кременчуге — завод «Арсенал» из Бухареста. В порты Николаева и Одессы были выведены корабли военного и торгового флотов Румынии. Кроме того, во многих городах России находились румынские военные госпитали, склады и т. п.

Приводимые в источниках и исторической литературе данные об общей численности румынских граждан, эвакуированных на российскую территорию, весьма разноречивы. Видимо, к концу 1917 г. на юге России оказалось не менее 150 тыс. румынских рабочих, крестьян, солдат и моряков⁵⁴.

Общение румынских рабочих с пролетариатом России, втягивание их передовых слоев в революционную борьбу облегчались тем обстоятельством, что многочисленные их контингенты трудоустроивались непосредственно на российских промышленных предприятиях. По соглашению, заключенному 9 марта 1917 г. между правительством Румынии и России, предусматривалось обязательство российской стороны «принять на русские государственные и частные фабрики и заводы до 15 тыс. рабочих различных специальностей, прибывающих с различных фабрик»⁵⁵. Еще в декабре 1916 г. на Луганский патронный завод было принято несколько тысяч эвакуированных рабочих с патронного и порохового заводов Румынии⁵⁶.

В рядах передовой части представителей румынского пролетариата, оказавшихся в России, находилось немало активных деятелей социалистического движения, членов Социал-демократической партии Румынии. Среди них были член Исполкома СДПР с 1910 г., а в 1906—1916 гг. редактор рабочих газет «Романиа мунчитоаре» и «Лупта» М. Бужор, мужественно выступавший еще в 1907 г. в поддержку крестьянского восстания в Румынии, руководитель румынских рабочих-судостроителей Галаца, возглавлявший там перед войной социал-демократическую организацию Г. Строич, член СДПР с 1910 г., публицист социалистической прессы, один из сотрудников газеты «Романиа мунчитоаре» И. Дическу-Дик, видный деятель румынского социалистического

движения А. Николау, который еще 17-летним юношей вступил в Социал-демократическую партию, дважды привлекался властями буржуазной Румынии к суду за антимилиитаристскую пропаганду и агитацию среди крестьян, а в годы мировой войны открыто разоблачил политику румынской буржуазии в своей книге «Преступления румынской олигархии», и многие другие.

Самую немногочисленную группу среди беженцев из Балканских стран представляли беженцы из Сербии.

После поражения сербской армии осенью 1915 г. и оккупации Сербии австро-германскими и болгарскими войсками в пределы России сумели эвакуироваться по течению Дуная отдельные сербские воинские части и некоторые группы гражданского населения. Сербские беженцы, большую часть которых составляли крестьяне, были размещены царскими властями главным образом в Херсонской губернии.

Кроме того, на российской территории оказались во время войны сравнительно небольшие по численности группы сербских военнослужащих, откомандированных в Россию сербским правительством Н. Пашича с о-ва Корфу для обеспечения командным составом формирующиеся воинские части из добровольцев-югославын, ранее служивших в габсбургских войсках, но либо попавших в плен, либо добровольно перешедших на сторону России. Лишь в феврале—марте 1916 г. для формирования 1-й Сербской добровольческой дивизии были направлены в Одессу несколько высших сербских офицеров во главе с полковником С. Хаджичем, 12 командиров батальонов, 26 командиров рот, 31 унтер-офицер и солдат, а также некоторое количество офицеров различных родов войск⁵⁷. В дальнейшем по мере формирования 1-й, а затем и 2-й Сербских дивизий с о-ва Корфу прибывали новые контингенты Сербских военнослужащих.

Большая часть офицерского состава, прибывшего с о-ва Корфу, была представлена кадровыми офицерами, которые придерживались крайних монархических и великосербских убеждений. Поэтому характерной чертой политического развития в среде оказавшихся в России военнослужащих югославын (включая, прежде всего, пленных югославын, вступивших в 1-ю и 2-ю Сербские добровольческие дивизии) была острая борьба между командным составом и основной массой добровольцев, выступивших за равноправие национальностей в будущем Югославском государстве, его демократическое общественное — политическое устройство. На настроение широких солдатских масс военных частей, сформированных из югославын, после Февраля 1917 г. оказывало влияние растущее революционное движение в русской армии⁵⁸.

Большую группу иностранных трудящихся в России представляли отходники — рабочие и крестьяне из зарубежных стран, приехавшие в поисках работы, или квалифицированные рабочие, присланные правительствами союзных государств для использования на российских фабриках и заводах в период империалистической войны.

Еще до войны ежегодно в Россию прибывало на заработки значительное количество болгарских трудящихся⁵⁹. Среди переселенцев и отходников из Болгарии имелось немало крестьян. Большая часть их в России занималась огородничеством. Накануне Октября в российских губерниях, главным образом на юге, проживало около 15 тыс. болгарских огородников⁶⁰.

В Петрограде, Москве и других городах в высших и средних специальных учебных заведениях училось немало болгарских студентов и учащихся, приехавших для завершения образования.

Помимо этого, в Россию эмигрировали некоторые недовольные прогерманским режимом царя Фердинанда Кобургского военнослужащие болгарской армии. Многие из них были вынуждены уйти с военной службы из-за своих русофильских взглядов. Некоторые из этих болгарских офицеров-эмигрантов занимали впоследствии видные посты в русской армии и флоте. Среди них были генералы Р. Димитриев, П. Стаев, С. Ванков, М. Драганов, полковник И. Пехливанов и др.⁶¹

Передовую часть болгарских эмигрантов и военнопленных, находившихся на русской земле, составляли болгары, принимавшие у себя на родине и в России активное участие в революционном движении. Многие из них еще являлись членами БРСДП (тесных социалистов), некоторые вступили в России в ряды большевистской партии. Среди них были Стоян Илиев Джоров, член БРСДП (т. с.) с 1903 г., уехавший в 1908 г. в Россию и вступивший здесь в партию большевиков, сосланный царскими властями за активное участие в революционном движении в Сибирь, К. Касапов, который из-за преследований со стороны болгарского правительства за участие в революционной борьбе на родине выехал в июне 1917 г. в Россию, И. Дечев, член БРСДП (т. с.), подвергавшийся репрессиям за революционную пропаганду в болгарской армии во время Балканских войн и вынужденный в связи с этим в 1913 г. эмигрировать в Россию, где вступил в ряды РСДРП(б), и другие болгарские революционеры⁶². В России еще с довоенного времени было также немало эмигрантов из Сербии, Черногории, а также из югославянских земель, находившихся под властью Австро-Венгрии. Среди них играли значительную роль буржуазные элементы, создававшие различные эмигрантские общества и группировки. Так, хорватский националист и русофил К. Геруц явился инициатором образования в 1915 г. в Москве русско-хорватского Общества памяти Крижанича, которое заимствовало у этого хорватского ученого XVII в. идею объединения всех славянских народов вокруг России⁶³. В апреле 1916 г. вместо этого общества К. Геруцем было создано другое — «Югославия», целью которого являлось объединение деятельности всех лиц югославянского и вообще славянского происхождения, живущих в России и выступающих за всемерное культурное, экономическое и политическое единение всех южных славян. С ним активно сотрудничал словенский буржуазный националист

Г. Тума, под руководством которого в Петрограде выходила газета «Югославия».

Наряду с буржуазным движением в среде югославянской эмиграции в России существовало и социал-демократическое течение. Многие югославянские социал-демократы и представители прогрессивной интеллигенции, оказавшись в эмиграции, активно сотрудничали с российской социал-демократией, принимали деятельное участие в рабочем движении России. В течение ряда лет до войны жил в России сербский социал-демократ Филип Филипович, ставший впоследствии одним из основателей Коммунистической партии Югославии, видным деятелем югославского и международного коммунистического движения. После окончания в 1904 г. физико-математического факультета Петербургского университета он занимался преподавательской деятельностью. Сближившись с революционными кругами русских студентов, он принимал участие в российском рабочем движении, публиковал в «Правде» корреспонденции о положении на Балканах⁶⁴. Возвратившись перед войной на родину, Ф. Филипович активно участвовал в освободительной борьбе рабочего класса Сербии.

Таким образом, среди беженцев, эмигрантов и других выходцев из-за рубежа, проживавших ко времени низвержения самодержавия в России, было немало революционных деятелей и еще больше лиц, которые потенциально составляли своего рода резерв, способный войти в политическую армию назревавшей в России революции.

Вместе с братьями по классу

Путь, который привел десятки тысяч иностранных рабочих и крестьян, оказавшихся в России, к осознанию идей Октябрьской революции, к участию в борьбе за ее идеалы, не был прямым и гладким. От зарождения первых нелегальных антимилитаристских и социал-демократических кружков и организаций среди военнопленных, беженцев и эмигрантов еще во время царизма он вел к все более широкому вовлечению в русло российского революционного движения. Националистические предрассудки и шовинистическая агитация буржуазии и офицерства, оппортунистические взгляды, внедрявшиеся десятками лет в сознание масс правой социал-демократией, и религиозно-клерикальная пропаганда — таковы лишь некоторые из тех серьезных препятствий, которые должны были преодолеть на этом пути большинство зарубежных трудящихся, оказавшихся в России, чтобы прийти в лагерь революции.

В мировоззрении этой многоликой по своему социальному и национальному составу, политическим взглядам и религиозным убеждениям, по культурному уровню, воспитанию и традициям огромной массы военнопленных, беженцев, эмигрантов и их от-

дельных социальных и национальных групп в течение длительного времени сохранялись те классовые и национальные представления, которые сложились еще в довоенные годы.

Рабочие и крестьяне, составившие подавляющее большинство пленных и беженцев, были свидетелями, а зачастую и непосредственными участниками острых классовых и освободительных боев у себя на родине. Нередко они входили в ряды социал-демократических, социалистических партий и профсоюзов, объединялись в организациях аграрного пролетариата и крестьянской бедноты, участвовали в массовых политических и экономических стачках и демонстрациях.

Следует напомнить, что в социалистическом движении средневропейских и Балканских стран на рубеже XIX и XX вв., как и во всем международном рабочем движении, шла упорная борьба двух направлений: революционного и оппортунистического.

Хотя в центральноевропейских и Балканских странах в начале XX столетия все более созревали условия для буржуазно-демократических и национально-освободительных революций, имевших в период империализма перспективы к перерастанию в социалистические, левые силы пролетариата этих стран были еще недостаточно подготовлены к тому, чтобы по-настоящему возглавить рабочий класс и широкие трудящиеся массы. И это не могло не отразиться и на политическом сознании трудовых слоев военнопленных, беженцев—выходцев из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Все более усиливавшееся в широких массах иностранных рабочих и крестьян чувство стихийного протеста против затеянной господствующими классами войны, против несправедливости буржуазно-помещичьего строя, классового и национального гнета еще не сопутствовало пониманию путей и средств, с помощью которых можно было достичь прекращения империалистической бойни, уничтожения социального и национального угнетения.

Политическая жизнь в среде военнопленных и беженцев представляла сложную и динамическую картину переплетения и борьбы многообразных государственно-политических, социальных, национальных и религиозно-клерикальных течений, их оттенков, выражавших интересы различных общественных классов, социальных слоев и национально-этнических групп. Различные политические группировки в среде военнопленных и беженцев испытывали влияние со стороны стран Антанты и Центральных держав, органов царского, затем Временного правительств, а также российских буржуазных и мелкобуржуазных партий.

В лагерях военнопленных в борьбе за влияние на массы сталкивались интересы представителей самых различных политических направлений — от шовинистически настроенных офицеров-монархистов германской, австрийской и других армий Центральных держав до левых социал-демократов и социалистов, стоявших на позициях классовой борьбы и революционной интернационалистской тактики, стремившихся к установлению контактов с

российскими большевиками. Не менее острая борьба разнородных политических сил происходила и в польской беженской среде.

Процесс противоборства разнородных общественных направлений в среде временного иностранного населения в России интегрировался в двух основных, тесно взаимосвязанных между собой планах.

Во-первых, в плане классовом, отражавшем борьбу, с одной стороны, между представителями трудовых слоев иностранного населения в России и, с другой — между выходцами из среды эксплуататорских классов: земельной аристократией, крупной и средней буржуазией и выражавшими их интересы слоями буржуазно-помещичьей интеллигенции.

Во-вторых, этот процесс столкновения и взаимодействия различных политических и общественных позиций в среде военнопленных и беженцев интегрировался в плане национальном, представляя собой отражение национально-освободительных движений, борьбы угнетенных национальностей.

Непосредственное участие в больших, переломных общественных событиях, связанных с войной, способствовало пробуждению политической активности беженцев, отходников, военнопленных, расширяло их кругозор, заставляло по-новому оценивать происходившие события.

В. И. Ленин писал осенью 1914 г.: «Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра... соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одуряченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготавливать к войне против буржуазии и „своей“ страны и „чужих“ стран»⁶⁵.

В массах военнопленных, беженцев и эмигрантов, заброшенных волей исторических судеб на далекие от их родины просторы России, постепенно, но неуклонно происходило классовое размежевание. В основе его лежали не только коренные различия в социальном и материальном положении выходцев из среды трудовых и эксплуататорских классов, существовавшие у них на родине, но и значительные отличия в условиях их жизни в плену и на чужбине, в которых как бы находила свое продолжение предшествовавшая классовая градация. Привилегированное положение высокопоставленных военнопленных офицеров, которым царские власти обеспечивали сносную жизнь и в плену⁶⁶, получавших значительную материальную помощь по линии органов датского и шведского Красного Креста от германского и австро-венгерского правительств и обладавших правами регулирования внутреннего распорядка в лагерях, дисциплинарных наказаний в отношении рядовых, вызывало растущее возмущение пленных солдат.

Тяжелое положение широких слоев рядовых военнопленных явилось одним из факторов, повлиявших на расслоение и среди

пленных офицеров. В противоположность шовинистически и монархически настроенному кадровому германскому, австрийскому, венгерскому офицерству из среды пленных офицеров, относившихся до войны к слоям прогрессивной, демократической, близкой к рабочему движению интеллигенции, выделяются группы, которые все более сближаются с основной массой пленных солдат и в ряде случаев начинают проводить среди них антимилитаристскую, антимонархическую и даже социалистическую пропаганду. Эти все более обострившиеся противоречия между кадровым офицерством и широкими слоями пленных солдат, являвшиеся своеобразным продолжением антагонизмов между господствующими классами и трудящимися в их странах, были той почвой, на которой впоследствии благодаря деятельности оказавшихся в плену левых социал-демократов и под могучим влиянием борьбы российского революционного пролетариата и крестьянства зародилось и развилось антимилитаристское, социалистическое движение среди военнопленных.

Процесс классовой поляризации беженских масс, в первую очередь среди польских беженцев, протекал более интенсивно, чем среди военнопленных. Это было связано с тем, что в составе беженцев находились компактные группы рабочих, которые в первые же недели своего пребывания на территории России вливались в коллективы российских рабочих или тесно общались с ними, испытывая, таким образом, все более возрастающее влияние острых классовых антагонизмов и революционной борьбы в стране.

Несмотря на попытки польских буржуазно-помещичьих кругов затушевать классовые противоречия внутри беженских масс и использовать своеобразное положение пришедшего польского населения, чтобы создать какое-то подобие «национального единства», социальная поляризация в среде польских беженцев проявлялась все с большей силой.

Имевшие тесные связи с российской торгово-промышленной буржуазией польские заводчики и фабриканты, предприятия которых были во время войны эвакуированы в глубь страны, развернули в условиях предоставляемых им обильных государственных субсидий и сыпавшихся на них военных заказов активную предпринимательскую деятельность. Представители польской аристократии, связанные с царским двором, выходцы из среды чиновничества получили «теплые местечки» в административном аппарате, правлениях польских и российских фирм и компаний, в польских общественных и благотворительных организациях. В то же время, как вынужден был констатировать один из деятелей Отдела по устройству беженцев Союзов земств и городов, «силой обстоятельств беженцы поставлены в такие условия, что многие склонны рассматривать их как граждан второго разряда и на их труд смотрят везде как на труд подневольный и принудительный... Различные... общественные учреждения и частные лица смотрят на труд беженца как на средство наживы»⁶⁷.

Тесно общаясь с революционным пролетариатом и крестьянством России, беженцы вовлекались в общий поток российского революционного движения.

Своими, близкими становятся для значительной части иностранных рабочих и крестьян и польских трудящихся задачи борьбы, чаяния и стремления трудового люда России. Это явилось основным условием того всеобъемлющего, глубокого воздействия, которое оказал впоследствии на трудовые массы военнопленных и польских, румынских, сербских трудящихся-беженцев, болгарских эмигрантов Великий Октябрь.

Неоценимой школой классовой борьбы стали для зарубежных пролетариев совместные стачечные выступления с рабочими России, те классовые бои, в ходе которых зарождалось и крепло сознание интернациональной солидарности с российским пролетариатом.

После некоторого сокращения количества стачек в России в первые месяцы империалистической войны уже в феврале—марте 1915 г. в стране начался новый подъем забастовочного движения. С февраля по июль 1915 г. произошло 574 забастовки, в которых приняли участие 241 тыс. человек, с июля 1915 по январь 1916 г.— 606 забастовок, в которых участвовали 432 тыс. человек, при этом 36% всех забастовок носили политический характер⁶⁸. В 1916 г. произошло 1410 забастовок с числом участников 1086 тыс. человек⁶⁹. Начиная с осени 1915 г. стачечное движение проходило в основном под руководством большевистских организаций.

Несмотря на запреты и жестокие репрессии царских властей, начиная с 1915 г., военнопленные пролетарии принимали участие в ряде забастовок на Риддеровском руднике на Алтае, на Бухарской железной дороге, на строительстве железнодорожной линии Казань—Екатеринбург⁷⁰. В 1915 г. отказалось работать 700 пленных, занятых на Орской железной дороге. Забастовщики, во главе которых стояла группа пленных социал-демократов (Я. Ивани, Ф. Юричек и др.), потребовали улучшения питания и регулярной выплаты жалованья. Вместе с ними, и поддерживая их, прекратили работу занятые на этом участке дороги русские рабочие. Стачка была подавлена военной силой⁷¹.

В донесении начальника Московско-Камышинского жандармско-полицейского управления от 17 (30) июня 1915 г. сообщалось, что военнопленные, производившие ремонт на Сызрано-Вяземской железной дороге, объявили забастовку, требуя оплаты труда. С подобными требованиями выступили и пленные в Туле. Забастовка здесь отличалась длительным характером и стойким поведением стачечников, несмотря на то что царские власти использовали против них полицию. В это же время происходили волнения военнопленных на строительстве железнодорожной ветки Минусинск—Ачинск. Для подавления выступлений из Красноярска и Минусинска были вызваны воинские части и казаки⁷².

В борьбу за улучшение своего положения вступали уже в

1915 г. и военнопленные, использовавшиеся в сельском хозяйстве. 31 июня (13 июля) 1915 г. товарищ министра внутренних дел Джунковский в одном из циркуляров констатировал, что «в некоторых местностях империи имели место случаи неподчинения привлеченных к казенным, общественным, сельскохозяйственным и иным работам военнопленных установленным правилам и даже отказа от работ»⁷³.

На рубеже 1915 и 1916 гг. стачечное движение военнопленных становится более организованным, в нем появляются черты антивоенной направленности, они чаще связаны с проявлениями интернациональной солидарности. Примером может служить крупная стачка, вспыхнувшая в январе 1916 г. на Таганрогском металлургическом заводе, в которой приняли активное участие и работавшие там военнопленные⁷⁴. 18 апреля (1 мая) 1916 г. отказались от работ чешские и словацкие пленные, занятые в имении Бобринских в Чигиринском у. Харьковской губ. Свой отказ от работы они мотивировали тем, что день Первого мая является праздником рабочих⁷⁵.

Все чаще выступления военнопленных происходили в тесной связи с забастовками российских рабочих, и именно эти забастовки являлись для военнопленных побудительными импульсами к борьбе. Это проявилось при отказе от работ 500 военнопленных в мае 1916 г. после мощной стачки рабочих Днепровского металлургического завода в Екатеринославской губ., в выступлении военнопленных в апреле—мае того же года во время всеобщей забастовки российских шахтеров в Шебалино-Горловском р-не Донбасса, а также в забастовке пленных после ряда стачек рабочих Усть-Катавского завода на Урале⁷⁶.

Совместные выступления российских и иностранных пролетариев вызывали большую тревогу у царской администрации.

Вопрос о борьбе со стачечным движением среди военнопленных обсуждался в конце апреля 1916 г. на совещании губернаторов с участием председателя Совета министров Б. В. Штюрмера. Все губернаторы заявляли, что отказ от работ — это «явление заурядное». Совещание приняло решение о необходимости «строжайших карательных мер». Об этом решении Штюрмер лично докладывал Николаю II⁷⁷.

В документах российской администрации, касающихся военнопленных, красной нитью проходило стремление максимально изолировать иностранных трудящихся от рабочих и крестьянских масс России. 1 мая 1915 г. Тетюшский уездный воинский начальник сообщал уездному исправнику о том, что командующий Казанским военным округом «запретил посещение военнопленными публичных мест и приказал принимать все меры к недопущению их тесного общения с публикой и выражения каких-либо симпатий военнопленным со стороны частных лиц»⁷⁸. Начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Познанский 10 мая 1915 г. обращался к самарскому губернатору с ходатайством о выделении дополнительно к местной полиции

отряда стражников для «предотвращения всяких сношений посторонних лиц» и проникновения их в черту одного из самых крупных в России Тоцкого лагеря военнопленных, расположенного в Бузулукском у. Самарской губернии⁷⁹.

Однако попытки царских властей полностью изолировать иностранных пролетариев от революционной борьбы российского рабочего класса были безуспешными. Осенью 1916 г. произошла совместная стачка русских рабочих-текстильщиков и военнопленных на Рождественской мануфактуре в Твери. Руководители бастовавших военнопленные — Голлендер, Гросс, Фидлер и др. — поддерживали связи с большевиками⁸⁰. (Один из организаторов забастовки среди военнопленных, венгерский инженер Голлендер, был еще до войны участником рабочего движения на родине.) Это было первое в городе проявление солидарности иностранных пролетариев с русскими рабочими. Оно стало успешным потому, указывал Голлендер, что среди военнопленных вели работу многие рабочие, являвшиеся социал-демократами⁸¹.

В конце 1916 г. вспыхнула стачка почти 3 тыс. шахтеров в одном из промышленных центров Донбасса — Кадиевке. Вместе с русскими рабочими не вышли на работу и занятые здесь на шахтах военнопленные. Их представители — 20—25 австро-венгерских пленных, в том числе выходец из Трансильвании М. Балог, — вошли в созданный под руководством большевиков стачечный комитет⁸².

В 1916 г. произошла стачка военнопленных на ситценабивной фабрике Шишкова в Оханске⁸³.

Эмигранты из Сербии и Болгарии, во главе которых стояли болгары братья Караджаловы и другие иностранные подданные, активно участвовали во всеобщей стачке в Горловке весной 1916 г.⁸⁴

Забастовки и волнения пленных стали почти повсеместным явлением. Осенью 1916 г. отказались от работ, требуя улучшения питания, военнопленные габсбургской армии, направленные в помещичье имение Пещак под Киевом⁸⁵. Крупная забастовка, в которой приняло участие около 1200 человек, вспыхнула в том же году среди пленных занятых близ Хвалынска в Саратовской губ. на распиловке леса⁸⁶. 27 декабря 1916 г. забастовали военнопленные, производившие рубку леса в Измайловском удельном имении, 7 января 1917 г. отказались от работ, указывая на исключительно скудное питание, пленные в имении графини Бобринской в Московской губернии⁸⁷.

Нараставшая волна стачечного движения захватила еще в большей мере, чем военнопленных, польских трудящихся-беженцев. Польские рабочие активно участвовали в происходивших в 1916 г. забастовках на фабрике Швидерского в Коврове (Владимирская губ.), на заводах Бормана и Шведе в Александровске Екатеринославской губ. и в других местах.

Совместная борьба польских и российских рабочих на предприятиях, принадлежавших польским капиталистам, разбивала

миф польских буржуазных националистов о «национальном единстве». Общность классовых интересов, совместный труд укрепили в трудовых массах военнопленных, беженцев и эмигрантов чувство классовой солидарности с пролетариатом и трудящимся крестьянством России.

Сложный и многоплановый процесс классового размежевания не только протекал далеко не равномерно в различных отрядах временного иностранного населения России, но, естественно, получил разные формы проявления в рядах отдельных классовых и социальных групп трудящихся: беженцев, военнопленных, эмигрантов. Польские рабочие-беженцы сделали уже до Октября активными соратниками российских рабочих по революционной борьбе. Особенно тесные контакты установились между большевиками и членами СДКПиЛ. В ноябре 1916 г. в Петрограде на базе польского культурно-просветительного общества «Промень» возникла группа СДКПиЛ, возглавлявшаяся З. Фаберже-вичем, А. Радзишевским, К. Циховским, Я. Здеховичем и др.⁸⁸ Она развернула активную работу среди беженцев-поляков по разъяснению вопросов о войне, мире и революции. Деятельность польских социал-демократов, составной частью которой явилось издание ими начиная с января 1916 г. журнала «Жиче», внесла значительный вклад в пропаганду среди польских рабочих и крестьян, оказавшихся в России, идей революционного марксизма.

Условия тюремно-лагерного режима, в которых содержались военнопленные, психологические и языковые барьеры и другие факторы несколько ограничивали в период до Октября возможности общения пролетарских слоев пленных с революционным российским рабочим классом.

Но уже в 1915—1916 гг. в ряде лагерей военнопленных образовались антимилитаристские, социал-демократические кружки и группы: в Ташкенте и на строительстве Орской железной дороги под руководством венгерского рабочего, члена СДПВ с 1899 г. Я. Ивани и активного участника социал-демократического движения с 1909 г. серба Ф. Юричека⁸⁹, в Омске — функционера австрийской социал-демократии К. Томана⁹⁰, в Томске — видного деятеля венгерского рабочего движения Б. Куна, представителей близкой к социалистическому движению венгерской прогрессивной интеллигенции: Ф. Мюнниха, К. Райнера, Э. Зайдлера, Д. Гарди, Б. Яроша, И. Силади, Э. Липшица, а также австрийского социал-демократа М. Юнга⁹¹, в Иркутске — германских социал-демократов И. Шнейдера и А. И. Штиллера, венгра Ф. Омасты⁹², в Песчанке близ Читы — электромеханика будапештского завода «Ганц-Данубиус» Ф. Штейнхардта и венгерского социал-демократа А. Мюллера⁹³, в Шкотове под Хабаровском под руководством рабочего-плотника, являвшегося с 1907 г. одним из секретарей Центрального правления СДПВ К. Вантуша⁹⁴.

Несмотря на то что идейно-политическая платформа первых

антимилитаристских, социалистических организаций в среде военнопленных была еще далеко не последовательна, их руководители шли по пути постепенного восприятия революционного марксизма и стремились наладить контакты с российским революционным движением.

Большевистская партия, верная знамени пролетарского интернационализма, была единственной политической партией, которая последовательно выступала во время войны в защиту трудящихся военнопленных и беженцев и отстаивала лозунг интернационального сплочения трудовых слоев временного, иностранного населения, оказавшегося на российской земле, с рабочим классом России. В. И. Ленин, разрабатывая в период первой мировой войны вопросы борьбы за интернациональное сплочение всех отрядов международного пролетарского движения, уделял при этом значительное внимание и аспекту, связанному с обеспечением интернационального единства рабочих коренных национальностей в каждой стране с теми представителями зарубежных трудящихся, которые вследствие различных причин оказались на ее территории. В написанных В. И. Лениным в 1916 г. тезисах «Задачи левых циммервальдистов в Швейцарской с.-д. партии» была подчеркнута необходимость для революционной социал-демократии последовательного отстаивания интересов и прав иностранных рабочих. «Политическое бесправие иностранных рабочих,— писал В. И. Ленин,— и отчужденность их усиливает и без того растущую политическую реакцию и ослабляет интернациональную солидарность пролетариата»⁹⁵.

Ленинские идеи пропагандировались большевиками во время войны во многих легальных и нелегальных изданиях. Защищая иностранных братьев по классу — военнопленных-пролетариев — от угнетения со стороны российской буржуазии и помещиков, саратовская большевистская «Наша газета» в октябре 1915 г. с гневом и возмущением писала о том, что фабриканты и помещики России стремятся широко применять в целях получения наивысших прибылей почти даровой, чрезвычайно низкооплачиваемый труд военнопленных. «Возможность пользоваться этим трудом была так заманчива,— указывалось в газете,— что предприниматели и городские думы пробовали перейти к использованию труда военнопленных даже там, где была безработица (Иваново-Вознесенск, Витебск). В сельском хозяйстве применение труда военнопленных сыграло роль прямого средства в борьбе за понижение заработной платы, благо по отношению к пленным можно было прибегать к таким средствам воздействия, которые сильно напоминают времена крепостного права»⁹⁶. Видный большевик М. С. Ольминский в статье «Что будет?», опубликованной в 1916 г. в журнале «Голос печатного труда», писал: «На полях крупнейших землевладельцев, как и в предприятиях капиталистов, раньше работали вольнонаемные рабочие, имевшие возможность проявить недовольство уходом с работы, забастовками и тому подобное. А теперь работают совершенно бесправные чуже-

странцы... Их труд оплачивается много ниже труда вольных туземных рабочих. Их права сводятся к арестантскому положению, к рабству...»⁹⁷.

Передовая часть российского пролетариата не только разоблачали политику господствовавших классов России по отношению к трудовым слоям временного иностранного населения, но и оказывала им посильную поддержку в борьбе против угнетения, в отстаивании их прав, улучшении материального положения. В 1915 г. «Наша газета» сообщала в корреспонденции из Петрограда, озаглавленной «Рабочие и беженцы», что рабочий класс столицы не остался безучастным к тому положению, в котором оказались их братья по классу, эвакуированные в Россию. Петроградские рабочие, не дожидаясь помощи беженским массам со стороны буржуазных благотворительных организаций, начали тут же оказывать материальную поддержку беженцам, содействовать в устройстве на работу, знакомить с условиями производства и т. п.⁹⁸

Помощь петроградского пролетариата беженцам не была исключением. Во многих городах и фабрично-заводских поселках страны российские рабочие оказывали подобную поддержку эвакуированным туда трудящимся-беженцам.

В Саратове на совещании представителей больничных касс, состоявшемся 25 августа 1915 г. по инициативе большевиков, была принята резолюция, в которой указывалось, что «пролетариат, руководствуясь товарищеской солидарностью и своими классовыми интересами, не может остаться безучастным к страданиям товарищей и не может допустить, чтобы предприниматели, пользуясь их тяжелым положением, ухудшали местные условия труда»⁹⁹.

Неуклонная борьба большевиков в защиту прав трудящихся военнопленных и беженцев, последовательное осуществление ленинской тактики интернационального сплочения пролетариев всех стран и национальностей способствовали сближению участников первых антивоенных социал-демократических групп и кружков, образовавшихся среди пленных, с большевистскими организациями. С их помощью передовая часть военнопленных рабочих и крестьян, представителей прогрессивной интеллигенции начинала получать информацию о революционных событиях в стране, снабжаться нелегальной литературой, знакомиться с некоторыми положениями теории и тактики большевизма.

«Наше революционное движение,— писал позднее Б. Кун,— возникло в результате того, что угнанные насильно на империалистическую войну и оставшиеся в живых военнопленные включились в пролетарское движение в России, ознаменовавшее собой начало мировой революции. Движение носило сначала стихийный характер: ненависть к войне, тяга к миру и свободе побуждали к сплочению венгерских военнопленных — бывших промышленных рабочих и крестьян-бедняков. Российская коммунистическая партия, Советская власть, руководствуясь принципом

международной солидарности пролетариата, а также понимая всемирный характер и значение русской революции, протянули руку помощи возникавшим повсеместно революционным организациям военнопленных, сплотили их и приложили максимум усилий для того, чтобы привести в стихийно возникшее революционное сознание коммунистические идеи большевизма, марксизма»¹⁰⁰.

Работа большевистской партии среди военнопленных и польских беженцев в некоторых местах начала проводиться еще до Февральской революции 1917 г. Эту работу, в особенности до февраля 1917 г., нельзя назвать систематической, так как большевистские организации в годы войны были ослаблены репрессиями царской охранки, не обладали достаточным количеством агитаторов, владевших иностранными языками, не всегда имели возможность наладить контакты с военнопленными, однако она проводилась.

Так, видная деятельница большевистской партии Е. Д. Стасова, находившаяся весной 1916 г. в ачинской ссылке, вспоминала: «Вела я там и партийную работу, так как в Ачинске было много военнопленных и солдат, среди которых мы, большевики, распространяли листовки»¹⁰¹.

В результате разъяснительной деятельности большевиков революционно настроенные военнопленные знакомились с большевистской программой по вопросам войны, мира и революции и отдельными ленинскими произведениями. Например, участники группы левых социал-демократов и близких к социализму представителей прогрессивной интеллигенции, образовавшейся в томском лагере военнопленных под руководством Б. Куна, «установили связь с сибирскими организациями большевиков и впервые познакомились с некоторыми трудами Ленина»¹⁰².

По воспоминаниям военнопленного Я. Балоба, большевики уже в 1916 г. вели работу среди военнопленных, занятых на строительстве железной дороги Казань—Екатеринбург, распространяли отдельные произведения В. И. Ленина. Русские рабочие разъясняли, что «империалистическая война должна превратиться в гражданскую... объясняли пленным различие между большевиками и меньшевиками»¹⁰³.

Во время бесед русских рабочих с военнопленными на Нижне-Солдинском металлургическом заводе на Урале, писал в своих воспоминаниях Л. Немети, ставший впоследствии одним из руководителей венгерских коммунистов, военнопленные-венгры «впервые услышали о Владимире Ильиче Ленине, о котором все говорили с большим уважением как о вожде большевиков»¹⁰⁴.

Революционные военнопленные узнавали о деятельности В. И. Ленина и большевиков и из других источников. Венгерский интернационалист А. Мюллер в воспоминаниях пишет о том, что революционные военнопленные, находившиеся в Песчанке близ Читы, в декабре 1916 г. прочитали в одной из швейцарских газет статью буржуазного обозревателя. В ней говорилось о том, что

В. И. Ленин призывает солдат всех воюющих стран направить оружие против господствующих классов, чтобы свергнуть существующий строй и, таким образом, установить мир на Земле.

«Из этой газеты мы... впервые узнали,— рассказывает А. Мюллер,— что Ленин возглавляет борьбу трудящихся всего мира за свержение буржуазии и установление справедливого длительного мира. Эту газету мы решили дать прочесть и другим пленным, настроение которых мы хорошо знали, а спустя неделю собралось нас человек восемь и совместно обсудили статью. Так возникла у нас группа горячих сторонников тактики Ленина»¹⁰⁵.

Немецкий интернационалист Ф. Питржик, находившийся в Амурской обл., вспоминал, что в процессе формирования его революционных взглядов большую роль сыграли беседы с политическими сыльными-большевиками. «С одним из этих товарищей,— писал он,— я особенно близко сошелся. Он разъяснил мне разницу между взглядами эсеров, меньшевиков и большевиков. Он так понятно мне всё разъяснил, что в конце концов я мог сделать только один вывод: правильной цели добиваются большевики»¹⁰⁶.

О большевистской агитации среди военнопленных, работавших на фабрике в Клину, рассказывал в своих воспоминаниях и немецкий рабочий А. Холлик. Здесь он познакомился с русским большевиком Сиренко. «Вскоре он, большевик, и я, социал-демократ, стали друзьями,— вспоминал А. Холлик.— Когда заходил разговор о политике, ему в большинстве случаев удавалось убедить меня... Постепенно русские товарищи узнавали меня ближе, и я стал их единомышленником и союзником»¹⁰⁷.

Большевики призывали к прекращению грабительской войны и установлению справедливого демократического мира, к сплочению всех трудящихся без различия их государственной принадлежности и национальности в борьбе за достижение этой цели, за уничтожение всякого социального и национального угнетения. Это не могло не встретить отклика и сочувствия среди измученных страданиями империалистической бойни, плена и беженства, подвергавшихся в своем большинстве жестокой эксплуатации трудовых слоев пленных, беженцев и других категорий временного иностранного населения, оказавшегося на территории России.

Не случайно уже накануне свержения самодержавия большевистские организации отмечали, что в тех местностях России, где было скопление больших масс военнопленных и они тесно общались с российским рабочим классом, как, например, в Донбассе, наблюдалось тяготение передовой части пленных к большевистским организациям.

В декабре 1916 г. Бюро ЦК РСДРП (б), информируя В. И. Ленина о партийной работе в Донбассе, сообщало: «В районе много военнопленных... Отношение между ними и рабочими самое лучшее. Военнопленные организуются и стараются примкнуть к нашим организациям»¹⁰⁸.

Наряду с факторами социального характера влияние на сложный и многоплановый процесс развития политического сознания трудовых слоев военнопленных и беженцев в ряде случаев оказывали национальные факторы. Стремление к национальному освобождению из-под гнета австро-венгерской и германской монархий, получившее все более широкое распространение в среде военнопленных, относившихся к неполноправным народам этих стран, стали одним из стимулов революционизирования многочисленной категории иностранных трудящихся, оказавшихся к октябрю 1917 г. на территории России.

В то же время буржуазные круги стремились использовать национальные чувства трудящихся военнопленных и беженцев, находившихся в России, для отвлечения их от классовой борьбы, изоляции от российского революционного движения и превращения в послушную силу для достижения своекорыстных целей национальной буржуазии. Буржуазно-эмигрантские организации, существовавшие в России еще до войны, после ее начала развернули среди беженцев и военнопленных деятельность, направленную на объединение их под лозунгами «национального единства». Уже в конце августа — начале сентября 1914 г. в Петрограде чехословацкими эмигрантскими организациями был создан подготовительный комитет, в задачу которого входил созыв съезда чешских и словацких организаций в России. В состав комитета вошли представители буржуазных кругов чехословацкой эмиграции: В. Червеный — совладелец фабрики музыкальных инструментов, Ф. Дедина — совладелец завода сельскохозяйственных орудий, В. Пауль, владевший машиностроительным заводом. После того как вопрос о названии создавшейся организации был «проконсультирован в соответствующих правительственных учреждениях», она получила наименование «Союз чешских (затем чехословацких) обществ в России». 22—26 февраля 1915 г. в Москве был созван съезд союза. На нем было утверждено решение о создании в России чехословацких воинских частей из эмигрантов и военнопленных, а также была принята политическая декларация, в которой заявлялось о желательности создания самостоятельного чехословацкого государства во главе со славянским королем, которое проводило бы свою политику в полном единстве со всем славянским миром, прежде всего с Россией¹⁰⁹. Уже к октябрю 1914 г. чехословацкие эмигрантские круги сформировали «Чешскую дружину», в которой насчитывалось 903 солдата и офицера. Военнослужащие этого подразделения выполняли на фронте задания разведывательного характера, а также вели агитационную работу среди чешских и словацких солдат в габсбургской армии. Позже, в начале февраля 1916 г. дружина была переименована в чехословацкий стрелковый полк, а в середине апреля 1916 г. начальник штаба ставки генерал М. В. Алексеев дал разрешение на формирование чехословацкой бригады. Вместе с тем формирование воинских частей из военнопленных чехов и словаков развевывалось далеко не такими темпами, какими

предполагали лидеры чехословацких организаций в России. Правительственные круги царской России не желали связывать себя серьезными обещаниями чехословацким буржуазным политикам в отношении создания самостоятельного чехословацкого государства и опасались усиления влияния в чехословацких организациях западных союзников России — Англии и Франции¹¹⁰.

В 1916 г. в среде чехословацкой эмиграции и ее организациях в России обострилась внутренняя борьба, которая была в значительной мере отражением столкновения интересов различных группировок в российских правящих кругах и империалистических противоречий между странами Антанты. Эта борьба разделила представителей чехословацкого буржуазного движения в России на два, в свою очередь внутренне неоднородных и включавших довольно широкий круг сторонников различных взглядов лагеря: «западников» и «русофилов». В то время как «западники» в лице Б. Чермака, И. Клецанды, Б. Павлу и др. ориентировались на западные страны Антанты, «русофилы» Ф. Дедина, В. Зивал, В. Вондрак, В. Швиговский стояли в основном на позициях поддержки в чехословацком движении политики России. После сложных перипетий эта борьба закончилась победой на состоявшемся в апреле 1917 г. «Чешско-словацком национальном съезде» антантофильского направления. Съезд постановил считать «высшим органом чехословацкой национальной политической борьбы» созданный еще в феврале 1916 г. Чехословацкий Национальный совет во главе с видным чешским буржуазным идеологом и политиком Т. Г. Масариком¹¹¹. Было избрано Отделение Чехословацкого Национального совета в России, большинство членов которого безоговорочно поддерживало Т. Г. Масарика и его единомышленников¹¹².

Наряду с чехословацкими эмигрантскими обществами на российской территории действовали югославянские организации и органы, проводившие агитацию среди военнопленных сербов, хорватов, словенцев и представителей других национальностей югославянских земель. Как уже указывалось выше, после подписания в 1915 г. соглашения между сербским и царским правительствами о формировании на территории России сербских добровольческих частей из военнопленных, в Россию было направлено несколько групп офицеров сербской армии. Деятельность по привлечению пленных в ряды добровольческих частей, их формированию и обучению солдат координировалась Сербской военной миссией в России.

Органом югославянских буржуазных кругов в русской эмиграции являлось представительство в России Югославянского комитета. Югославянский комитет образовался в мае 1915 г. в Лондоне из представителей сербской, хорватской и словенской политической эмиграции. Его председателем стал видный хорватский буржуазный политический деятель А. Трумбич. Комитет выдвигал в качестве главной цели объединение всех югославянских земель в единое государство. Представителем Юго-

славянского комитета в России был в конце 1915 г. официально признан царским правительством А. Мандич¹¹³.

После того как Румыния в 1916 г. вступила в войну на стороне Антанты, царское правительство разрешило Румынской военной миссии организацию румынских частей из военнопленных-румын. Агенты Румынской военной миссии развернули среди румынских военнопленных националистическую пропаганду. Для этой же цели широко использовалась газета «Романия Марэ» («Великая Румыния») ¹¹⁴.

Таким образом, среди пленных чехов и словаков вели в годы войны целенаправленную буржуазную, националистическую пропаганду «Союз чехословацких обществ в России», а с апреля 1917 г. русское отделение Чехословацкого Национального совета, среди сербских, хорватских, словенских пленных — агенты сербского королевского правительства и его военной миссии во главе с полковником Б. Лонткиевичем, а также представители буржуазного Югославянского комитета, среди военнопленных румын, служивших ранее в австро-венгерской армии, — эмиссары правительства и военной миссии королевской Румынии. Чешским буржуазным кругам удалось сформировать на территории России чехословацкий корпус, в котором к концу 1917 г. насчитывалось 38 500 легионеров¹¹⁵, югославянским — 1-ю, а затем 2-ю Сербские добровольческие дивизии, объединенные позже в корпус общей численностью более 27 тыс. человек¹¹⁶, румынским — приступить к формированию «Румынского добровольческого корпуса», в котором к концу 1916 г. было 1450 человек¹¹⁷.

Однако сопоставляя численность этих национальных воинских формирований с общим количеством военнопленных, находившихся на территории России, можно прийти к выводу о том, что подавляющая масса пленных не проявила большой активности и готовности к вступлению в чехословацкие, югославянские, румынские части. Это объяснялось не только крайней усталостью военнопленных, измученных империалистической войной, а также тем, что цели и задачи противоборства обеих групп капиталистических держав были чужды массам пленных, страстно жаждавших мира и возвращения на родину. Одной из причин того, что буржуазным националистам не удалось вовлечь в свои воинские формирования более широкие слои военнопленных, была разъярительная работа левых социал-демократов в их среде, а также возраставшее влияние все более усиливающегося революционного, антивоенного движения, развертывавшегося в России.

В целом, оценивая соотношение тех влияний, которые оказывала на различные национальные группы пленных агитация германофильских и австрофильских элементов, с одной стороны, и представителей буржуазно-националистических течений в среде военнопленных — выходцев из рядов угнетенных национальностей — с другой, необходимо отметить определенное преобладание влияния последней. В то время как создание и деятельность

германских, австрийских, венгерских националистических организаций среди пленных официальными органами царского, а позже Временного правительства строго запрещались, агитация чешских, словацких, югославянских, румынских, польских буржуазных националистов получила поддержку со стороны российских государственных органов и буржуазно-помещичьих кругов, которые рассчитывали тем самым усилить внутренние противоречия в тех государствах, против которых они вели вооруженную борьбу, и ослабить таким образом своих империалистических соперников. «Генеральные штабы в теперешней войне,— указывал В. И. Ленин,— тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п.»¹¹⁸

Факторы национального характера оказывали влияние и на процесс эволюции политического сознания огромных по своей численности масс беженцев-поляков.

Горячее стремление к освобождению польских земель, к объединению их и созданию единой, независимой и свободной Польши никогда не угасало в сердцах польских рабочих и крестьян, в том числе и тех, которые по различным причинам оказались в то время в России.

Польские революционные социал-демократы и социалисты тесно связывали перспективы освобождения своей страны с глубокими политическими и социальными преобразованиями, с достижением народными массами Польши не только национальной свободы, но и социальной справедливости, с тесным революционным союзом в борьбе за освобождение с российским пролетариатом.

Подобной перспективе решения польского вопроса противостояли своекорыстные классовые интересы представителей самых различных направлений польского буржуазно-помещичьего лагеря. Среди них были силы, стоявшие на позициях самого махрового национализма и клерикализма, проводившие до февраля 1917 г. процаристскую политику, как, например, партии «реальной политики» и «национальных демократов», а также находившиеся в умеренной оппозиции к самодержавию польские буржуазно-либеральные круги, группировавшиеся вокруг возникшего в Москве еще летом 1914 г. Польского комитета во главе с А. Ледницким. На левом фланге этого лагеря находились представители ППС-«фракции», прикрывавшей свою сугубо националистическую антирусскую линию социалистической фразеологией.

Смертельно боясь подлинно революционного пути разрешения назревавшей проблемы освобождения и воссоединения польских земель и не без оснований опасаясь развертывания в этом случае глубокого народного движения, которое могло поставить вопрос и о ликвидации их классового господства, польские буржуазно-помещичьи круги либо возлагали надежды на милость царского самодержавия, как это делали «национальные демократы» и пар-

тия «реальной политики», либо связывали это решение с приходом к власти в России либеральной буржуазии (приверженцы А. Ледницкого), либо рассчитывали на помощь западных держав (подобную позицию заняли «эндеки» после краха своих надежд на силы царизма) или Центральных держав (как например, ППС-«фракция» и весь лагерь возглавлявшийся Ю. Пилсудским), Находившиеся под влиянием этих политических течений польские общественно-политические, культурно-просветительные, религиозные и попечительские организации, ведавшие помощью беженцам, включая такой полуправительственный орган, как Центральный гражданский комитет, в котором наибольший вес имели представители «эндеков», «Польское общество помощи жертвам войны», руководимое сторонниками А. Ледницкого, клерикальное «Римско-католическое общество благотворительности» и многие другие использовали самые различные пути и средства для усиления своего воздействия на массы беженцев. При этом, несмотря на различия политических позиций польских буржуазно-помещичьих кругов, на широкий спектр оттенков их взглядов на решение польского вопроса, общим для всех этих сил было стремление обособить временное польское население от российского революционного движения.

Упрочить свои позиции польские реакционные круги в России рассчитывали созданием польских воинских формирований в составе царской армии. Еще 6 августа 1914 г. один из убежденных сторонников царизма, Б. Матушевский, направил верховному главнокомандующему русской армией записку с ходатайством разрешить на территории России формирование польской армии. Инициатива по организации частей из польских добровольцев была поддержана и Центральным гражданским комитетом, при котором был создан Организационный комитет польских легионов. Формирование их началось в Новой Александрии. Однако к январю 1915 г. удалось набрать добровольцев лишь на две польские дружины. В связи с этим формирование было прекращено. Летом 1915 г. на рассмотрение царских властей был подан еще один проект создания польских частей, представленный командиром 104-й бригады государственного ополчения Г. М. Шиманским. После получения согласия на формирование отдельной польской бригады развернулась активная деятельность по ее созданию¹¹⁹. К концу 1917 г. в I Польском корпусе, сформированном в период существования Временного правительства, насчитывалось более 15 тыс. солдат и офицеров¹²⁰ (не считая запасных и вспомогательных частей).

Однако, как свидетельствовал весь ход исторических событий, несмотря на наличие разветвленной сети политических, просветительных, благотворительных, клерикальных организаций и органов, а также значительную по численности изданий и тиражам польскую буржуазную прессу, материальные средства и экономические возможности, польскому буржуазно-помещичьему лагерью не удалось достичь своей главной цели — нарушить склады-

завшийся и все более крепнувший революционный союз между трудовыми слоями польских беженцев и российским рабочим классом и трудящимся крестьянством.

Кроме перечисленных выше объективных и субъективных факторов, оказывавших как положительное, так и отрицательное влияние на сложный и многоплановый процесс формирования революционного сознания иностранных рабочих и крестьян и польских трудящихся, попавших к октябрю 1917 г. на российскую территорию, действовали и другие вытекавшие из специфики социального положения и политических взглядов отдельных групп военнопленных и беженцев, соотношения классовых сил в стране в целом и в отдельных ее районах, этапов развития революционного движения в России и различных ее областях.

Однако при всей сложности воздействия на этот процесс самых разнообразных факторов, их переплетения и взаимодействия, более сильного проявления тех или иных из них на разных этапах развития все же преобладающую роль играло революционизирующее влияние на военнопленных и беженцев борьбы российского пролетариата и трудового крестьянства.

Иностранные интернационалисты в России в период перехода от Февраля к Октябрю

Многотысячные массы временного иностранного населения, попавшего на российскую землю, оказались вследствие стечения целого ряда исторических обстоятельств так или иначе вовлеченными в сферу неповторимых по своему значению политических событий, не только приведших в конечном счете к коренным изменениям в общественном строе России, но и оказавших определяющее влияние на судьбу всего человечества. «Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций...» — писал В. И. Ленин в марте 1917 г., получив первые известия о победе Февральской буржуазно-демократической революции¹²¹.

Если выходцы из помещичье-буржуазных кругов в среде военнопленных и беженцев восприняли Февральскую революцию в России в первые недели после ее победы лишь как ограниченный по своим социальным последствиям буржуазно-демократический переворот, из которого они надеялись извлечь определенную выгоду в своих великодержавных и националистических стремлениях, то трудовые слои, в первую очередь представители рабочего класса, вскоре почувствовали ее глубокий социальный смысл. Трудящиеся слои военнопленных и беженцев не только встретили русскую революцию как предвестницу освобождения от жестоких страданий плена и беженства, но и увидели в ней вдохновляющий пример революционного действия широких народных

масс в справедливой борьбе против монархии и войны, социального и национального гнета. Выходцы из рядов рабочего класса и крестьянства Австро-Венгрии, Германии, Румынии, Болгарии и других стран, тех стран, перед которыми в то время стояли непосредственные задачи ликвидации многочисленных остатков феодализма, помещичьего и национального гнета, не могли не ощутить того, что великий революционный почин российского пролетариата указывает и им путь в борьбе за свободу. «Первые сведения о Февральской революции военнопленные приняли радушно не только потому, что предполагали, что эта революция может приблизить нас к заключению мира и возможности возвращения на родину, а и потому, что они в этой революции видели начало перестройки существующего строя» — вспоминал о настроениях пленных Тощкого лагеря создатель одной из первых антимилитаристских групп в этом лагере венгр Й. Габор¹²². На митинге в Никольско-Уссурийском, состоявшемся вскоре после Февральской революции, военнопленные встретили призыв одного из выступавших — русского рабочего: «Мы свергли царя, а теперь ваша очередь повернуть винтовки против войны и прогнать Франца Иосифа...» — возгласами «Ура! Да здравствует мир! Да здравствует революция»¹²³.

На многочисленных митингах и собраниях, проходивших в Петрограде, Москве, Харькове, Красноярске¹²⁴ и во многих других городах, эвакуированные сюда польские пролетарии, прежде всего польские социал-демократы и левые социалисты, подчеркивали глубокую солидарность с рабочим классом России, выражали готовность оказать ему действительную поддержку в его устремлениях к дальнейшему развитию революции. Собравшиеся 1 (14) марта 1917 г. в клубе «Промень» рабочие-поляки Петрограда направили Совету рабочих и солдатских депутатов приветствие, в котором говорилось: «Польские рабочие Петрограда приветствуют революционное движение пролетариата России. Мы всегда шли с вами рука об руку в борьбе против нашего общего врага — царского правительства, оплота всеобщей реакции. Мы приложим все свои силы, чтобы вместе с вами довести до конца начатое дело свержения ненавистного самодержавия. Пусть ваша победа проложит дорогу пролетариату всех стран к последнему, решающему бою возрожденного Интернационала с капитализмом, который толкнул народы в теперешнюю кровавую резню»¹²⁵.

«Свержение самодержавного царизма, который своим деспотизмом так страшно тяготел и над нашей жизнью, является для нас не менее близким, чем для русских рабочих... Польский рабочий поэтому идет рука об руку с русским рабочим к свержению общего врага, сознавая, что направление, которое примет в дальнейшем своем развитии русская революция, не безразлично для него», — заявили рабочие-поляки Харькова на своем митинге, состоявшемся 3 (16) марта 1917 г.¹²⁶

Передовая часть польских трудящихся, которая среди других контингентов временного иностранного населения находилась в ус-

ловиях, наиболее близких к условиям российского рабочего класса и трудового крестьянства, оказалась начиная с февраля 1917 г. в одних рядах с революционными классами России. Польские социал-демократы Петрограда 3 (16) апреля 1917 г. вместе с петроградскими рабочими участвовали на площади перед Финляндским вокзалом во встрече великого вождя революции В. И. Ленина, вернувшегося из эмиграции¹²⁷.

В славных шеренгах революционного народа России шли на штурм самодержавия такие польские революционеры, как М. Козловский, активный деятель СДКПиЛ, являвшийся в 1907 г. делегатом V съезда большевистской партии, избранный в первые недели революции в состав Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в дальнейшем председатель Малого Совета Народных Комиссаров РСФСР¹²⁸, и адвокат из Люблина большевик с 1903 г. и одновременно активный работник СДКПиЛ М. Черлунчакевич, который в февральские дни вместе с группой польских студентов и русскими рабочими участвовал в разгромах эвакуированной в годы войны в Москву канцелярии Варшавского жандармского управления¹²⁹.

На первом заседании Московского Совета рабочих депутатов в здании городской думы выступил с пламенной речью, в которой горячо приветствовал революцию, еще одетый в тюремную одежду, только что освобожденный из заключения Ф. Э. Дзержинский. С первых дней революции он выступал на многочисленных митингах рабочих и солдат, в том числе среди эвакуированных в Москву польских рабочих¹³⁰.

Член ППС-левицы М. Торуняк, в то время работавший в мастерских Путиловского завода в Гельсингфорсе, вместе с революционными матросами под руководством П. Е. Дыбенко принимал участие в овладении арсеналом и крепостью в Свеаборге¹³¹, а член большевистской партии рабочий-металлист из Варшавы Ян Мизеркевич шагал в феврале 1917 г. в Саратове в первых рядах революционных демонстрантов, приветствовавших падение ненавистного самодержавия¹³². На заводах Борковского в Чугуеве польскими рабочими, участвовавшими вместе с русскими и украинскими рабочими в разоружении царской полиции и предотвращении попыток контрреволюционного мятежа юнкеров, руководили член СДКПиЛ с 1900 г., один из деятелей рабочего движения в Варшаве и Белостоке, Фр. Перковский, и молодой польский революционер, большевик с 1915 г., уже прошедший суровую школу царских тюрем и ссылок, А. Дапелюк¹³³. В Москве принимал деятельное участие в исторических событиях бывший член Варшавского комитета СДКПиЛ Ст. Будзыньский, проводивший по поручению Московского комитета РСДРП(б) работу среди солдат гарнизона, избранный после Февраля членом Московского Совета солдатских депутатов¹³⁴. В Кронштадте — революционной цитадели Балтийского флота — боролся в те дни унтер-офицер военно-морской школы мотористов, а в прошлом рабочий-текстильщик из Белостока и Лодзи, активный участник

польского социалистического движения, член ППС-левицы, в дальнейшем выдающийся советский военачальник Р. Муклевич¹³⁵. В Иркутске внес свой вклад в свержение местных властей царского правительства старый товарищ Ильича по шушенской ссылке польский социал-демократ Ян Проминьский¹³⁶. Вместе с ним действовали большевик, член СДКПиЛ с 1900 г. Ю. Унплихт¹³⁷ и ветеран польского революционного движения социал-демократ с 1898 г. В. Матушевский¹³⁸. В Ачинске, а затем в Красноярске участвовал в революционных событиях сосланный туда член ППС-левицы Фр. Врублевский¹³⁹. В Сретенске боролся вместе с русскими пролетариями и солдатами польский рабочий-металлург член СДКПиЛ с 1906 г., призванный в русскую армию, А. Рызинский¹⁴⁰ и т. д.

Вместе с революционными рабочими и крестьянами России боролись за свержение самодержавия и передовые представители других народов. На Путиловском заводе, являясь активным участником революционных событий, встретил русскую революцию болгарский революционер И. Чернополски (Ефрем Николов). Ветеран освободительной борьбы болгарского народа, сражавшийся в 1876—1878 гг. против турецких поработителей в составе легендарной четы под командованием Христо Ботева, он позже эмигрировал в Россию и связал свою судьбу с русским революционным движением¹⁴¹. В далеком Красноярске вел активную революционную работу в феврале 1917 г. другой болгарский революционер — С. Джоров¹⁴², сосланный туда царскими властями. В Курганском у. Тобольской губ. боролся за ликвидацию царских учреждений и установление новой, революционной власти болгарин, ветеринарный фельдшер по профессии И. Дечев, избранный здесь в первые дни после Февральской революции заместителем председателя местного Совета в с. Лебяжьем¹⁴³.

Февральская революция оказала большое влияние и на солдат Сербского добровольческого корпуса. Под ее воздействием в нем активизировалась деятельность социал-демократических групп. По примеру возникших в русской армии солдатских комитетов они стремились создать такие же органы в Сербском корпусе и улучшить положение солдат. Во второй половине апреля 1917 г. в отдельных частях корпуса были организованы нелегальные комитеты, деятельность которых объединил солдатский Совет. Совет организовал подготовку к первомайской демонстрации 18 апреля (1 мая) 1917 г., в которой участвовало около 300 солдат-югославян.

Но если наиболее передовые представители беженцев и эмигрантов приняли уже в первые недели после Февральской революции активное участие в революционных событиях, то широкие массы как польского, так и других групп временного населения, находившегося на российской территории, в том числе иностранных трудящихся, оказавшихся в России в качестве военнопленных, должны были еще пройти сложный путь политического размежевания с буржуазными элементами, прежде чем они превра-

тились из потенциальных в действительных союзников российского пролетариата.

Могучий подъем революционного движения российских трудящихся пробудил в массах военнопленных стремление добиться улучшения своего экономического положения и обеспечения хоть каких-то минимальных прав. Волнения военнопленных весной и летом 1917 г. происходили в самых различных районах страны. Они были отмечены среди пленных, занятых на строительстве железнодорожных линий Нижний Котельнич—Казань—Екатеринбург, Арамаз—Шихраны, на станции Верхняя Часовня около Симбирска и во многих других местах¹⁴⁴.

21 апреля 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа телеграфировал всем губернским комиссарам, что находящиеся на частных работах военнопленные, «забыв свое пребывание в плену, под угрозой забастовок предъявляют всякого рода требования»¹⁴⁵. Комиссар Временного правительства Зубатов писал о том, что на Алтае «военнопленные, работающие в сельских хозяйствах, предъявляют непомерные требования в отношении содержания и пищи, не подчиняются установленным правилам и отказываются от работ»¹⁴⁶.

Именно это повышение активности иностранных трудящихся, которое было встречено с большой тревогой буржуазными кругами России и органами Временного правительства, участие военнопленных в митингах, собраниях и демонстрациях побудили еще 4 (17) апреля 1917 г. Главное управление русского Генштаба подчеркнуть в письме, направленном Исполкому Петроградского Совета, что «представленная военным служащим свобода собраний безусловно не распространяется на военнопленных чинов неприятельских армий»¹⁴⁷.

Российская буржуазия приложила все силы, чтобы ограничить возможность общения иностранных трудящихся с российским пролетариатом и трудовым крестьянством, их участия в поднимавшемся на все большую высоту освободительном движении в стране. Военный министр А. Гучков издал 19 апреля (2 мая) 1917 г. в связи с случаями неповиновения военнопленных специальный приказ: «Всех бунтующих и непокорных пленных немедленно направлять в ближайшие лагеря, где применять к ним самый суровый режим и строгие наказания»¹⁴⁸.

Надежды военнопленных на то, что буржуазное правительство, приведшее к власти в России, улучшит их положение, не оправдались. Правительство Керенского отменило все данные ранее небольшие льготы, несколько улучшавшие участь пленных, и стремилось установить для них еще более суровый режим, чем при царизме. Военнопленные, находившиеся на работах, должны были носить на одежде буквы ВП. Буржуазные круги развернули среди населения против них шовинистическую агитацию, в отдельных случаях имели место погромы, организованные черносотенными элементами¹⁴⁹.

Следует, однако, подчеркнуть, что обстановка, сложившаяся в России в результате Февральской революции, сделавшей ее самой свободной из всех воюющих стран, серьезно препятствовала достижению целей российских буржуазных кругов во главе с Временным правительством. Политические свободы, которые дала революция, возникновение Советов и возрождение профсоюзов, выход из подполья большевистской партии создавали в целом условия, благоприятствующие втягиванию военнопленных в общественные контакты большевики. Положение трудящихся масс военнопленных зачастую зависело от реального соотношения сил буржуазии и пролетариата на местах. Там, где Советы действовали как подлинные представители трудящихся, они, не считаясь с распоряжениями Временного правительства, представляли пленным свободу передвижения, заботились об улучшении их материального положения, создавали возможности для образования и деятельности их революционных, интернационалистских групп.

Примером защиты интересов рабочих-военнопленных может служить политика Совета рабочих и солдатских депутатов Судженска. Весной 1917 г. шахтеры Судженских угольных копей, среди которых около 20% составляли военнопленные, потребовали от владельца шахт Л. А. Михельсона улучшения условий труда, жилищных условий, установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, уравнивания оплаты труда русских рабочих и военнопленных. Борьба судженских шахтеров против эксплуатации и произвола предпринимателя привлекла внимание В. И. Ленина, который в своей статье «Еще одно преступление капиталистов», опубликованной в «Правде» 1 июня (19 мая) 1917 г., заклеил политику владельца и администрации шахт и оказывавшего им поддержку Временного правительства¹⁵⁰. В ответ на отказ Михельсона увеличить заработную плату военнопленным, мотивировавшего свой отказ тем, что это было бы равносильно уплате контрибуции врагам России, Судженский Совет рабочих и солдатских депутатов заявил в принятой им резолюции, что «патриотизму он не намерен учиться у капиталистов, которые под ширмой патриотизма вызвали братоубийственную войну...» Конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна, состоявшаяся в середине июня 1917 г., приняла решение уравнивать оплату труда военнопленных с русскими трудящимися. Поддержка требований иностранных пролетариев рабочим классом и его органами — Советами — позволила добиться впервые в России на шахтах Судженска «оплаты всем военнопленным наравне с русскими рабочими»¹⁵¹.

Вместе с тем ситуация, сложившаяся в стране непосредственно после свержения самодержавия, гигантский рост мелкобуржуазных иллюзий в массах, их наивная вера в «надклассовый» характер Временного правительства, распространение представлений о том, что с победой буржуазно-демократической революции война со стороны России якобы утратила свой империалистический

характер и стала «освободительной»,— все это не могло не оказать влияние и на трудовые слои иностранных военнопленных, польских, румынских и сербских беженцев. Среди значительной части беженцев и военнопленных, принадлежавших у себя на родине к угнетенным национальностям, утверждались представления о том, что Временное правительство ведет войну за освобождение малых наций от гнета австрийского и германского империализма, что оно вместе со своими западными союзниками после победы над Центральными державами будет искренне заинтересовано в образовании национальных — чехословацкого, югославянского, польского и др.— государств.

Такого рода иллюзии облегчали влияние буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных националистических элементов в среде военнопленных и беженцев. Масштабы и глубина этого влияния были различными.

Соотношение политических сил в широких слоях временного иностранного населения на территории России складывалось в первые месяцы после Февраля таким образом, что наибольшее влияние буржуазно-националистические и правосоциалистические элементы получили в среде польских беженцев, а также среди тех национальных групп военнопленных, которые принадлежали в своих странах к угнетенным национальностям. Это было связано с тем, что буржуазные и мелкобуржуазные политические организации и органы, действовавшие в среде этих национальных групп беженцев и военнопленных, не только получили после Февральской революции полную свободу политической деятельности среди беженцев и пленных, но и пользовались значительной поддержкой определенных кругов Временного правительства.

Вместе с тем, открыто шовинистические, буржуазно-националистические и социал-националистические элементы среди военнопленных немецкой, австрийской, венгерской национальностей не имели столь благоприятных условий для своей деятельности, поскольку создание их организаций запрещалось, а все их попытки развернуть соответствующую их взглядам активную политическую деятельность в среде пленных наталкивались на противодействие со стороны Временного правительства и его органов.

В процессе перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической происходили формирование и постепенное усиление левого, интернационалистского крыла в среде трудящихся военнопленных и беженцев всех национальностей. В ходе острого противоборства пролетарских, с одной стороны, и буржуазно-националистических и соглашательских сил — с другой, шел процесс постепенного высвобождения трудящихся беженцев, военнопленных и рабочих и крестьян из-под влияния буржуазно-националистических и правосоциалистических группировок.

Победа Февральской революции создала благоприятные условия для развертывания работы большевиков в широких массах выходцев из-за рубежа. Новые задачи, вставшие перед ленинской

партией на новом стратегическом этапе борьбы, сформулированные В. И. Лениным в знаменитых «Апрельских тезисах», — задачи перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической требовали от большевиков усиления связей со всеми левыми интернационалистскими силами международного пролетариата. Разъясняя основные направления борьбы большевистской партии в новых условиях в своей брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», В. И. Ленин подчеркивал, что «международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план»¹⁵².

После Февральской революции начался новый этап в работе большевистской партии среди широких слоев военнопленных и беженцев. Большевики получили возможности перейти от отдельных контактов с левыми революционными элементами в среде иностранных трудящихся к широкой систематической политической деятельности среди них. Уже в первые дни революции — в конце марта 1917 г. — Бюро ЦК РСДРП(б) внесло в Исполком Петроградского Совета предложение о немедленном расследовании положения военнопленных и улучшении их участи. Подчеркивая международное значение подобных мер, ЦК большевистской партии связывал их с борьбой за скорейшее окончание войны, рассматривая их как один из шагов, способствующих «восстановлению взаимного доверия между рабочей демократией воюющих держав»¹⁵³. Поскольку меньшевистско-эсеровское большинство исполкома постаралось утопить это предложение в бумажном море резолюций и постановлений, в мае—июне 1917 г. печатные органы ЦК РСДРП(б) — журнал «Работница» и газета «Правда» — публикуют две статьи: «Военнопленные солдаты — наши братья» и «Пленники русских империалистов». Они принадлежали перу А. М. Коллонтай. Требуя облегчения участи пленных в России, автор статей подчеркивала, что большевистские организации должны наладить работу по интернациональному, революционному воспитанию трудящихся зарубежных стран. Напоминая об обращении Бюро ЦК РСДРП(б), А. М. Коллонтай указывала на конкретные задачи, которые стояли перед партийными организациями в этом отношении: расследовать положение военнопленных и опубликовать этот материал на страницах большевистской печати, добиться активного участия Советов в улучшении их участи, защиты от произвола военных властей и, наконец, организовать регулярное распространение среди пленных социалистической литературы, помочь им в налаживании своей интернационалистской печати. «Пребывание в России сотен тысяч пролетариев из Центральных держав, — писала А. М. Коллонтай, — надо нам использовать для того, чтобы укрепить с ними нашу мировую партийную связь, чтобы дать окрепнуть чувству рабочей солидарности, нашего единства против общего врага — империалистов всех стран»¹⁵⁴.

В период между Февралем и Октябрем 1917 г. происходит упрочение связей между революционной частью военнопленных

и беженцев и большевистскими организациями, которые, несмотря на категорические запрещения Временного правительства, все шире привлекают иностранных трудящихся к совместным революционным выступлениям. Тысячи зарубежных пролетариев шагали в то время в колоннах первомайских демонстраций, участвовали в собраниях и митингах как в столице и крупных центрах, так и в различных уголках революционной страны. Выступая с трибуны VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) в качестве делегата от Уральской партийной организации, Я. М. Свердлов сообщал: «Первомайский праздник прошел великолепно. Поскольку удалось выяснить, товарищи не хотели считаться с постановлением министра Гучкова о воспрещении шествий военнопленных. В первомайских празднествах принимали участие также пленные австрийцы и германцы»¹⁵⁵.

В ряде промышленных центров наиболее передовая часть военнопленных не только устанавливает непосредственные контакты с большевиками, но уже весной 1917 г. начала вступать в партийные организации большевиков. В организации РСДРП(б) Анжерских и Судженских копей имелась секция венгерских, немецких, австрийских военнопленных, в которой насчитывалось около 300 человек¹⁵⁶, в Макеевке (Донбасс) в местную организацию РСДРП(б) входила группа военнопленных численностью около 100 человек¹⁵⁷. Секция военнопленных социал-демократов, объединявшая более 90 человек, во главе с австрийцем Г. Мельхером летом 1917 г. существовала в большевистской организации Ростова-на-Дону¹⁵⁸.

Возникавшие в большевистских организациях партийные группы иностранных трудящихся активно включались в агитационную работу среди других военнопленных, разъясняли им сложившуюся в России обстановку и международную ситуацию, необходимость борьбы против империалистической войны, против социал-шовинистов, за сплочение революционных сил пролетариата всех воюющих стран, освещали задачи большевистской партии на новом стратегическом этапе революции. О процессе все более тесного сближения большевистских организаций с передовыми слоями военнопленных ярко свидетельствовали отчеты местных партийных организаций на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). В докладе о работе Макеевской организации в Донбассе указывалось: «Еще существовали организации военнопленных германцев и австрийцев, теперь они объединились и вошли в РСДРП, даже хотят быть пропагандистами и организуют не только свои организации военнопленных, но и наши, русские. Решено было отпечатать резолюцию на немецком языке и отправить с уезжавшими солдатами на фронт»¹⁵⁹.

Относительно быстро развертывался процесс поляризации пролетарских и буржуазных элементов в среде польских беженцев.

Попытки польских буржуазно-либеральных кругов создать уже в первые дни революции польские демократические клубы, в составе которых на платформе независимости и республикан-

ского устройства будущей Польши объединились бы почти все политические течения в среде польских беженцев, от польских либералов — сторонников А. Ледницкого и до ППС-левицы, не увенчались успехом¹⁶⁰. Выход уже в конце марта 1917 г. из состава такого клуба, созданного в Петрограде, представителей ППС-левицы (С. Будкевича), затем ППС-«фракции» (Б. Сивика) и, наконец, клуба «Промень» (С. Филиповского) обусловил провал попыток образования подобного объединения¹⁶¹. Но если процесс размежевания пролетарских и мелкобуржуазных течений, с одной стороны, и буржуазно-либеральных — с другой, в польской беженской среде произошел уже в первые недели после Февраля, то политическая дифференциация подлинно социалистических элементов от мелкобуржуазно-националистических, прикрывавшихся псевдосоциалистическими лозунгами и выступавших под флагом «единства» всех польских социалистов, была гораздо более длительной и сложной. В условиях, когда гигантская мелкобуржуазная волна, поднимавшаяся в России в первые дни после свержения самодержавия, смогла на время заразить пролетариат мелкобуржуазными взглядами на политику, часть польских рабочих-беженцев также оказалась под влиянием ППС-«фракции», которая призвала к созданию «общенациональных» «социалистических» организаций. Однако в обстановке все более развивавшейся поляризации классовых сил в период назревания в стране социалистической революции созданные в своем большинстве под руководством ППС-«фракции» еще в первые дни после Февраля в ряде городов «Польские социалистические объединения», в которые иногда вместе с «фраками» входили представители не только ППС-левицы, но и СДКПиЛ, проявили вследствие своей классовой разнородности полную нежизнеспособность.

В результате острой борьбы, развернувшейся внутри этих организаций между представителями различных политических направлений, прежде всего между членами СДКПиЛ и ППС-левицы, с одной стороны, и «фраками» — с другой, на III конференции «Польских социалистических объединений», состоявшейся 27—28 августа (9—10 сентября) 1917 г. в Харькове, было принято решение об их роспуске. Лишь в тех объединениях, где наиболее революционным организациям польского пролетариата — группам СДКПиЛ — удалось повести за собой подавляющее большинство членов этих объединений, как это произошло, например, в Минске, Чугуеве, Луганске, они превратились в массовые организации польских трудящихся, проводившие работу в подлинно революционном, интернационалистском духе¹⁶².

Процесс постепенной классовой дифференциации развивался и в организациях ППС-«фракции» в России, возникших во многих случаях раньше, чем группы СДКПиЛ и ППС-левицы. Если в первые дни революции многие польские рабочие поддались на уверения ППС-«фракции», будто в условиях революционной России накануне осуществления новых больших задач, которые ждут их на родине, нет места для межпартийных споров и разногла-

сий и что все польские социалисты должны объединиться в единую Польскую социалистическую партию, то по мере дальнейшего развития российских революционных событий происходила все большая кристаллизация взглядов внутри организаций самой ППС-«фракции». Если в состоявшемся во второй половине марта 1917 г. организационном собрании ППС-«фракции» в Москве приняли участие и представители ППС-левицы, заявившие вместе с «фраками» о создании в условиях эмиграции «единой ППС», то уже 22 апреля (5 мая) произошло образование московской группы ППС-левицы. Из состава ППС-«фракции» выходили целые местные секции, как это случилось, например, в июле 1917 г. в таких российских промышленных центрах, как Нижний Новгород и Сормово, или происходило разделение прежней организации ППС-«фракции» на две самостоятельные группы: «фраков» и «левиццев», как было, к примеру, в фабричном посаде Вологды — Печаткине. Одновременно и внутри оставшихся внешне едиными организаций ППС-«фракции» в ряде случаев усиливались левые элементы, стремившиеся к революционной тактике, к тесному сотрудничеству с группами СДКПиЛ, со всем революционным пролетариатом России¹⁶³.

Уже в первые дни революции вышла из подполья и развернула работу группы СДКПиЛ в Петрограде. Во главе этой группы стояли такие известные деятели польского рабочего движения, как Бр. Весоловский, М. Козловский и Ю. Унплихт.

Занятые в первые недели революции непосредственной политической деятельностью в массах революционного народа, польские социал-демократы сумели собраться на свое первое легальное общее собрание лишь 21 марта (3 апреля) 1917 г. На нем были приняты решения, подтверждающие принадлежность к РСДРП(б), о создании при ее районных организациях секций СДКПиЛ, о их деятельном участии во всех мероприятиях большевистской партии.

В принятой тогда же польскими социал-демократами резолюции говорилось: «Во имя международной солидарности пролетариата и считая РСДРП единственной идейной выразительницей интересов рабочего класса России без различия национальности, а также считая недопустимым создание на данной территории пролетарских партий по национальному признаку, Петроградская группа Социал-демократии Польши и Литвы решила вступить в ряды РСДРП, принять в ее рядах самое деятельное участие и подчиниться руководству как Центрального, так и Петроградского комитетов партии.

Принимая во внимание, что большинство рабочих-поляков очутились в Петрограде временно и лишь благодаря военным обстоятельствам, а также в целях широкой и успешной пропаганды идей революционной социал-демократии среди широких масс польских рабочих, которым доступен лишь польский язык, и для борьбы с воинствующим польским национализмом Петроградская

группа решила оставаться и действовать в виде отдельной группы при Петроградском комитете партии»¹⁶⁴.

В качестве представителя Петроградской группы в состав Бюро ЦК РСДРП вошел с правом решающего голоса Бр. Весоловский, который, согласно решению Бюро с 15 (28) марта 1917 г., одновременно представлял в нем СДКПиЛ в России¹⁶⁵. Группа также делегировала в Петроградский Совет двух своих представителей: М. Козловского и Я. Здзеховича, которые были избраны в состав его Исполкома.

Основные организационные формы, найденные во взаимоотношениях с РСДРП(б) Петроградской группы СДКПиЛ при выходе ее после революции на арену открытой политической борьбы, нашли воплощение и в тех организационных связях с большевистской партией, которые устанавливались создававшимися весной 1917 г. организациями польской революционной социал-демократии в других городах России. 3 (16) марта 1917 г. оформилась группа СДКПиЛ в Москве¹⁶⁶. В ее исполком вошли Ф. Дзержинский, Ст. Будзыньский, Э. Прухняк, С. Лазоверт, Б. Закс. При своем образовании она заявила о полной поддержке партии большевиков и о том, что рассматривает себя как ее составную часть¹⁶⁷. В уставе группы говорилось: «Политически и морально группа есть часть СДКПиЛ на родине. В организационном отношении она является частью РСДРП, будучи автономной в своих внутренних вопросах»¹⁶⁸.

Организации Социал-демократии Польши и Литвы также возникли во многих городах России: Красноярске, Омске, Туле, Пскове, Нижнем Тагиле, Царицыне, Саратове, Самаре, Ростове, Киеве, Екатеринославе, Феодосии и др. Всего к октябрю 1917 г. на территории России действовало более 40 групп СДКПиЛ.

Польские социал-демократы принимали участие в VI (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), проходившей 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. и разработавшей на основе ленинской линии конкретную программу борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. СДКПиЛ представляли на конференции Ст. Будзыньский, Ю. Лещиньский, Ю. Унплихт. Одним из делегатов от Московской городской организации РСДРП(б) был Ф. Дзержинский¹⁶⁹.

Группы СДКПиЛ в России по всем основным вопросам революции стояли на платформе большевиков. Поддержка ленинской политики большевистской партии обеспечивала группам СДКПиЛ все более возрастающее влияние на массы польских трудящихся, находившихся в России. Социал-демократия Польши и Литвы успешно боролась как против открыто националистической политики национальных демократов и польских буржуазно-либеральных кругов, так и против псевдосоциалистической, прикрывавшей свое националистическое содержание демагогическими фразами ППС-«фракции».

В ходе российской революции, в горниле непосредственной борьбы за подготовку и осуществление великого пролетарского

переворота, в котором передовые польские социал-демократы участвовали плечом к плечу с русскими большевиками, происходил постепенный, но исключительно плодотворный процесс дальнейшего обогащения их теоретических воззрений и политического опыта, овладения ими основными положениями ленинского учения. Анализ печатных органов групп СДКПиЛ в России: газеты «Трыбуна» и других, их публикаций показывает, что польские социал-демократы шли по пути восприятия важнейших ленинских положений об империализме, о революционной ситуации, о Советах как органах диктатуры пролетариата. В то же время по целому ряду тактических вопросов — национальному, аграрному и т. п. — представителям польской революционной социал-демократии еще предстояло пройти путь усвоения важнейших ленинских положений, применения их к конкретным задачам польского рабочего движения.

Одновременно с организациями СДКПиЛ среди польских трудящихся, находившихся в России, проводили работу образовавшиеся после Февральской революции группы ППС-левицы. Они возникли в Петрограде, Москве, Киеве, Бердянске, Казани, Саратове, Царицыне, Нижнем Тагиле, Харькове и других городах. В мае 1917 г. образовался ЦИК ППС-левицы в России, в который вошли С. Круликовский, Д. Будвьяк, Ф. Пенташевский, Л. Пинкус, Ю. Чонглинский, Ст. Лапинский, Ф. Кон¹⁷⁰.

Руководство ППС-левицы в России не смогло сразу найти правильную политическую линию в сложной обстановке нарастания в стране социалистической революции. Несмотря на попытки сотрудничать с СДКПиЛ в борьбе против польской контрреволюции, лидеры ППС-левицы допускали в своей политической деятельности значительные колебания, подчас примыкая к меньшевикам-интернационалистам, критикуя большевиков за то, что они якобы проводят «авантюристическую тактику», скатываются к «бланкизму», стремясь осуществить пролетарский переворот в такой стране, где большинство населения составляет крестьянство.

Однако организации ППС-левицы на местах не повторяли полностью колебания политической линии руководства. Среди широких масс польских социалистов росло стремление к тесному сотрудничеству с большевиками, с СДКПиЛ, к поддержке социалистической революции в России. Развивался процесс все большей радикализации членов ППС-левицы. Он прежде всего проявился в главных пролетарских центрах: в Петрограде, Москве, Харькове, Нижнем Новгороде, Сормово, Нижнем Тагиле, Перми и др.¹⁷¹

Более медленными темпами, чем среди польских трудящихся, развертывались процессы политического размежевания с буржуазными элементами, а также идеологического и организационного формирования левого, пролетарского крыла в среде чешских, словацких, югославянских, румынских военнопленных.

Находившиеся у руководства в чехословацком движении в России антантофильские круги чешской и словацкой буржуазной эмиграции, представленные российским отделением Чехословацкого Национального совета (ЧНС), стремились привлечь в свои организации и тех чешских и словацких военнопленных, которые входили до войны в ряды социал-демократии. Большую помощь им в этом отношении оказывали находившиеся в плену правые социал-демократы типа Рихтера, Полака, Гоуски. Они, выполняя задания руководства российского отделения ЧНС, всеми силами стремились помешать образованию независимых от чехословацкого буржуазного движения рабочих организаций и переходу их на позиции классовой пролетарской политики¹⁷². Лидеры ЧНС и входившие в его состав правые социал-демократы всячески старались дискредитировать в глазах чешских и словацких пленных интернационалистскую, антивоенную политику революционной российской социал-демократии. При этом большевики, борющиеся против империалистической войны, изображались ими как противники национального освобождения чешского и словацкого народов. Выступая против создания самостоятельных чехословацких социал-демократических организаций, не входивших в состав ЧНС, и излагая свою позицию в отношении различных российских политических партий, Т. Г. Масарик заявлял, что он исключает возможность того, чтобы чешский пленный социал-демократ примкнул к Ленину и его пораженческой (т. е. интернационалистической). — *Авт.* позиции»¹⁷³.

Однако ЧНС не смог остановить процесс постепенной политической консолидации пролетарских элементов. К тому же с ЧНС конкурировало Общество чешско-славянского единения, которое создали в Киеве еще в июне 1916 г. чешский фабрикант Ф. Дедина и его соотечественник В. Зивал.

Дедина и Зивал стремились противопоставить основанное ими общество Союзу чехословацких обществ, к руководству которым пришла еще на II съезде чехословацких организаций в России (25 апреля — 1 мая 1916 г.) либерально-буржуазная группировка. Стремясь отстранить эту группу от руководства союзом, лидеры Общества чешско-славянского единения обращались и к приехавшему в Россию по приглашению царского правительства члену ЧНС Й. Дюриху, которого российские правящие круги пытались поставить во главе чехословацкого движения, противопоставив его Т. Г. Масарику, и к председателю Совета министров царской России князю Н. Д. Голицыну, пытаясь убедить их в том, что чехословацкие организации возглавляются людьми, которые «плохо служат царю, народу и славянству»¹⁷⁴. Используя свои связи с царской бюрократией, Дедина и Зивал добились права брать «на поруки» чешских и словацких военнопленных и выдавать им временные удостоверения для устройства на работу и свободного передвижения по городу. Это обеспечило прилив в ряды Общества чешско-славянского единения большого количества пленных, среди которых было немало членов Чехославянской социал-демо-

кратической рабочей партии. В середине мая 1917 г. в нем насчитывалось около 1 тыс. членов, а к середине июня — уже около 4 тыс. человек¹⁷⁵.

Февральская революция лишила процаристские, монархические круги в руководстве Общества чешско-славянского единения политической основы для их деятельности. На общем собрании членов общества Ф. Дедина, В. Зивал и другие реакционеры были изгнаны из его рядов, к руководству им пришла сложившаяся весной 1917 г. там же, в Киеве, организация чехословацких социал-демократов. В то время в ней состояло примерно 700—800 человек¹⁷⁶. По инициативе социал-демократической организации 12 (25) марта 1917 г. в здании Педагогического музея в Киеве состоялся митинг военнопленных, участники которого приветствовали свержение царского самодержавия. На нем также прозвучал призыв к созданию чешскими и словацкими пленными своих социал-демократических групп¹⁷⁷. В политической платформе этой первой организации чехословацких социал-демократов говорилось о солидарности с пролетариатом всего мира, с рабочим Интернационалом, рождающимся «под гром пушек и пулеметов», о том, что члены организации обращают свои взоры к «русскому пролетариату, зажегшему факел революции и указавшему всем трудящимся путь к социализму»¹⁷⁸. Киевская организация чехословацких социал-демократов заняла позицию поддержки лозунга мира без аннексий и контрибуций и выдвинула требование учреждения самостоятельной Чехословацкой республики.

Важным этапом в процессе идейного и организационного развития киевской организации чехословацких социал-демократов стало основание ею 4 (17) августа 1917 г. «Чехославянской социал-демократической рабочей партии», в которую к октябрю 1917 г. входило 2074 члена, объединенных, помимо киевской, еще в 13 местных групп: в Одессе, Таганроге, Екатеринославле, Борисполе, Фастове, Корсуне, Сквире, Тарговицах и других городах¹⁷⁹. С 19 октября (2 ноября) 1917 г. начал издаваться ее печатный орган газета «Свобода».

Создавая эту организацию, чехословацкие социал-демократы ставили своей целью углубление «классового и национального сознания» чешских и словацких пленных, в первую очередь их пролетарских слоев, а также ознакомление русского рабочего класса со стремлениями чешского пролетариата. Считая, что русская революция представляет собой начало всемирной социальной и пролетарской революции, которая получит продолжение после войны у них на родине и во всем мире, они выступили за создание самостоятельной чехословацкой республики и заявляли, что борются за «свободу не только национальную, но и социальную»¹⁸⁰. Несмотря на ряд верных положений своей идейной платформы, чехословацкие социал-демократы отдавали политическое руководство национально-освободительным движением в руки буржуазии, заявляя о полной поддержке ЧСНС в «общенародных делах». «Мы считаем, что в настоящее время Загранич-

ный Национальный совет в Париже во главе с проф. Масариком и его отделение в России имеют полное право выступать в политических и дипломатических вопросах от имени всего чехословацкого народа», — писали они на страницах «Свободы»¹⁸¹. Непонимание ими империалистического характера войны, ошибочное представление о том, что страны Антанты могут принести освобождение чешскому и словацкому народам от габсбургского ига, привели к тому, что чехословацкие социал-демократы поддерживали лозунг «войны до победного конца», высказывались за вступление чешских и словацких пленных в сформировавшийся ЧСНС при поддержке Временного правительства чехословацкий корпус в России и за усиленную работу чехословацких рабочих-военнопленных «на оборону» в тылу.

Таким образом, возникшее в то время, несмотря на все препятствия, ставившиеся чехословацкой буржуазной эмиграцией, социал-демократическое движение в среде чешских и словацких военнопленных еще переживало этап своего организационного и идейно-политического становления. Противоречивость и непоследовательность политических и идеологических позиций чехословацких социал-демократов нашли свое проявление и в их попытках наладить контакты с русскими и украинскими меньшевиками и даже вступить в меньшевистскую партию. Причинами этого было и то, что большинство членов киевской чехословацкой социал-демократической организации входило до войны в Чехославянскую социал-демократическую рабочую партию, в которой преобладали оппортунистические, националистические тенденции¹⁸², и то, что на протяжении длительного периода времени они были оторваны от пролетарского движения в своей стране, и то, что обстановка, в которой они действовали на Украине, была исключительно сложной. К тому же ряд деятелей киевской большевистской организации стоял на ошибочных позициях по ряду вопросов, в том числе национальному¹⁸³. В этих условиях чешским и словацким социал-демократам было особенно трудно разобраться в сложных перипетиях политической борьбы, во взглядах и позициях отдельных партий и течений, выработать правильную тактику по отношению к буржуазно-националистическому движению в среде чехословацкой эмиграции.

Ведя борьбу против киевской чехословацкой социал-демократической организации и стремясь подчинить ее политику целям буржуазного лагеря, отделение ЧСНС пыталось создать и свои социал-демократические организации, которые полностью шли бы в фарватере его политического курса. Осенью 1917 г. отделению удалось организовать при своей комиссии по делам военнопленных «Чехословацкую революционно-демократическую рабочую организацию», в которую вошел ряд чешских и словацких социал-демократов, занимавших непоследовательную, колеблющуюся позицию и склонных к соглашению с ЧСНС¹⁸⁴. В то же время сторонникам Масарика удалось в определенной мере подчинить

своему влиянию и возникшую еще в мае 1917 г. Чехословацкую рабочую организацию в Москве¹⁸⁵.

Так же медленно развивался процесс политической дифференциации в среде югославянских военнопленных. Этому препятствовали не только взгляды насаждавшиеся Сербской королевской миссией и буржуазным Югославянским комитетом, но и то обстоятельство, что социальные отношения в среде этой группы пленных были как бы завуалированы той острой внутренней национальной борьбой за решение национального вопроса в будущем едином Югославском государстве, которая началась еще до февраля 1917 г. и развернулась с особой силой после буржуазно-демократической революции в России. Узость пролетарской прослойки, сравнительно небольшое количество среди пленных социал-демократов, занимавших левые позиции, преобладание крестьянских, мелкобуржуазных слоев в среде югославянских военнопленных также оказывали тормозящее влияние на процесс классового размежевания.

Развернувшаяся с особой силой после Февраля в Сербском добровольческом корпусе острая социальная и национально-политическая борьба за равноправие представителей всех югославянских национальностей и демократическое решение национального вопроса в будущей Югославии привела к выходу из корпуса многих офицеров и солдат, главным образом хорватов и словенцев, недовольных его внутренним режимом и великосербской политикой командования. Но одновременно с этим движением под влиянием российских революционных событий также усиливалось другое течение, получившее распространение в широких слоях солдат Сербского корпуса и направленное на демократизацию порядка в нем, на улучшение материального положения солдатских масс. Как уже указывалось выше, по примеру русской армии участники этого движения создавали солдатские комитеты. С их возникновением приходилось мириться и командованию корпуса, которое стремилось ограничить их деятельность внутренними хозяйственными вопросами¹⁸⁶.

В среде солдат и младших офицеров корпуса создавались нелегальные социал-демократические группы. Одна из них возникла на основе образовавшейся еще в 1916 г. группы, руководителем которой был уроженец Славонии рабочий металлист Р. Маркович, имевший еще до войны опыт участия в пролетарском движении, погибший во время кровопролитных боев в Добрудже. Одним из ее руководителей был сербский социал-демократ Н. Грулович. В состав группы входили Й. Шипош, С. Лазич, У. Чонкич, Л. Прибичевич, Н. Ковачевич, Д. Иосимович и др.¹⁸⁷

В борьбе за усиление своего политического влияния на массы югославян в России группа покинувших корпус офицеров-диссидентов во главе с Г. Пекле, М. Горупом, М. Баничем, С. Ландкушичем предприняла летом 1917 г. шаги, направленные на создание организации, которая объединила бы всех сторонников образования будущего Югославянского государства на буржуаз-

но-демократических принципах, на основе полного равенства в нем сербов, хорватов и словенцев. В результате этих усилий, а также привлечения к образованию нового объединения организованных солдатами-диссидентами солдатских комитетов летом 1917 г. в Киеве состоялась расширенная конференция комитетов солдат-югославян, на которой было провозглашено создание новой организации — Югославянского революционного союза (ЮРС). В ЦИК ЮРС вместе с представителями офицеров вошли наиболее авторитетные солдаты-диссиденты, среди которых было немало социал-демократов: Н. Грулович, Н. Ковачевич, У. Чонкич, Й. Шипош, Э. Чопп, М. Миятов и др. Председателем союза стал фельдфебель М. Чанак¹⁸⁸. Однако вошедшие в руководство ЮРС социал-демократы вплоть до Октября 1917 г. не смогли придать ему пролетарского, классового характера. ЮРС представлял собой организацию национально-демократического типа, объединявшую в своих рядах вместе с представителями левого пролетарского крыла и выходцев из буржуазно-демократического лагеря, которые по мере развития российской революции все переходили на открыто контрреволюционные, националистические позиции. Будучи не в силах наметить четкую классовую линию в нараставших революционных событиях, пролетарская часть союза пошла вслед за офицерством, заявив о своем «нейтралитете» к русской революции. Вместе с тем внутри ЮРС уже с первых дней вскрылись острые противоречия между трудящейся его частью и представителями буржуазного офицерства.

Идеологическое и политическое размежевание в рядах Югославянского революционного союза произошло уже после Октябрьской революции, под ее определяющим влиянием.

В развитии революционного движения среди румынских трудящихся, в том числе и военнопленных, оказавшихся на российской территории, сыграли особую роль передовые представители румынского рабочего класса — социал-демократы, заброшенные в ходе войны в результате эвакуации румынских промышленных предприятий и по другим причинам на землю революционной России. В июне 1917 г. в Одессе был основан «Румынский социал-демократический комитет действия», во главе которого встали активисты рабочего движения Румынии М. Бужор, А. Николау, Х. Раковский, А. Залик и др.¹⁸⁹ Комитет, объединивший значительное число румынских рабочих, с 5(18) сентября приступил к изданию своего печатного органа газеты «Лупта», название которой напоминало румынским рабочим о центральном органе Социал-демократической партии Румынии, запрещенном буржуазным правительством вскоре после вступления Румынии в войну, подчеркивая тесную идейную связь организаций румынских революционеров с рабочим движением на родине.

Румынские социал-демократы призывали рабочий класс своей страны свергнуть по примеру русской революции монархию и добиться установления демократической республики, выступали за заключение мира без аннексий и контрибуций. Решающим ус-

ловием успеха румынского пролетариата в борьбе против буржуазного строя и господства румынской олигархии они считали тесный союз с рабочим классом, всеми трудовыми слоями революционной России¹⁹⁰. Вместе с тем недостаточная идейная зрелость обусловила то, что румынские социал-демократы не смогли занять последовательной интернационалистской позиции по вопросу о характере империалистической войны. Оставаясь в плену настроений «революционного оборончества», они считали, что после свержения самодержавия характер войны со стороны России изменился, она стала освободительной, революционной войной. Румынские социал-демократы вначале не понимали политической, социально-экономической обусловленности курса большевистской партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, считая такой курс ошибочным вследствие экономической отсталости России.

В ходе дальнейшего развития революционных событий в стране и совместной борьбы передовых представителей рабочего класса Румынии с большевиками происходил постепенный и сложный процесс идеологического созревания левых румынских социал-демократов.

Под могучим революционизирующим воздействием борьбы российского пролетариата и крестьянства после Февраля начался процесс создания революционных организаций и в среде болгарских военнопленных. В сентябре 1917 г. в г. Инсар Пензенской губ. образовалась одна из первых социал-демократических групп болгарских военнопленных — кружок «Революция», руководителем которого стал бывший студент Г. Михайлов (Добрев), принимавший уже до войны активное участие в социалистическом движении на родине¹⁹¹. Организация ставила целью повышение политического уровня своих членов, изучение опыта русской революции. Согласно воспоминаниям Г. Михайлова (Добрева), восемь участников кружка объединились в партийную группу, члены которой не только сочувствовали революционному движению в России, но и выразили свою готовность принимать активное участие в русской революции на стороне большевистской партии¹⁹².

Несколько иными путями развивались процессы политической дифференциации в среде германских, австрийских, венгерских военнопленных. Если одним из главных препятствий в развитии классовой поляризации в массах военнопленных, относившихся у себя на родине к угнетенным национальностям, являлись получившие большое распространение в их среде взгляды о необходимости «национального единства», то среди пленных немцев, австрийцев и в определенной мере среди венгров эти процессы тормозились в первую очередь шовинистическими, великодержавными предрассудками. Однако сфера воздействия шовинистической пропаганды в среде этих групп пленных несколько сужалась вследствие того, что деятельность буржуазно-националистических организаций среди германских, австрийских

и венгерских пленных запрещалась властями Временного правительства, а все попытки создания подобных организаций жестоко пресекались. Германское и австрийское офицерство использовало для поддержания своего влияния главным образом органы лагерного самоуправления — офицерские и солдатские комитеты, а также полномочия комендантов, назначенных русскими военными властями из числа старших пленных офицеров и т. п., но возможности использования этих органов для прогерманской и проавстрийской пропаганды ограничивались контролем русских начальников лагерей.

Не располагала благоприятными возможностями для своей политической деятельности среди пленных солдат-венгров и та находящаяся в оппозиции к кадровому австрийскому офицерству часть венгерского офицерства (главным образом из числа офицеров запаса), которая представляла в плену интересы оппозиционных кругов буржуазии. Среди них было немало приверженцев венгерской Партии независимости, в том числе сторонников течения М. Каройи, выступавших в духе традиций освободительной борьбы 1848—1849 гг. за отделение от Австрии и создание независимого венгерского государства, за проведение им самостоятельного внешнеполитического курса вплоть до заключения сепаратного мира с Россией и другими странами Антанты¹⁹³. Но оказавшиеся в русском плену представители венгерской национальной буржуазии не смогли найти прочной основы для сотрудничества с правящими кругами и политическими группировками буржуазно-помещичьей России. Это было связано в значительной мере с тем, что они стремились к сохранению за Венгрией территорий, населенных словаками, сербами, хорватами, румынами и представителями других неполноправных национальностей габсбургской монархии, что противоречило политическим интересам правящих кругов России. Попытки представителей венгерской буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции создать в среде пленных-венгров свои политические организации под антигабсбургскими лозунгами борьбы за достижение государственной самостоятельности великодержавной Венгрии пресекались русскими властями и встречали противодействие со стороны самих военнопленных угнетенных национальностей.

В то же время и в среде германских, австрийских, венгерских военнопленных под революционизирующим воздействием российских революционных событий также шел постепенный процесс кристаллизации левых, интернационалистских сил, происходили усиление уже существовавших до Февраля нелегальных революционных групп и создание новых антиимпериалистических кружков и организаций.

Массы зарубежных трудящихся, оказавшиеся в революционной России, начали проходить здесь ту непосредственную школу революции, о которой В. И. Ленин чрезвычайно метко писал, что каждый ее месяц равняется «в смысле обучения основам поли-

тической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году „мирного“, „конституционного“ развития»¹⁹⁴.

Влияние Февральской революции, естественно, проявилось в первую очередь в том, что она способствовала росту в широких массах военнопленных и беженцев радикальных настроений общедемократического характера, направленных на достижение всеобщего справедливого мира, на революционное уничтожение монархии, национального гнета, помещичьего землевладения, на широкую демократизацию общественной жизни у них на родине. Соотношение степени воздействия общедемократических лозунгов российской революции на отдельные национальные и социальные группы внутри трудящихся пленных и беженцев было различным. Если революционный путь свержения монархии, столь ярко продемонстрированный трудовым народом России в Феврале 1917 г., мог оказать влияние на все национальные категории пленных и беженцев, то воздействие лозунгов национального освобождения, требования прав наций на самоопределение оказывали особое воздействие на те военнопленные и беженские массы, которые относились в своих странах к угнетенным национальностям.

Лозунги ликвидации помещичьего землевладения и перехода земель крупных землевладельцев в руки крестьянства без всякого выкупа встречали глубокий резонанс прежде всего в крестьянских слоях военнопленных и беженцев. Отмечая огромное революционизирующее воздействие российской революции на венгерских военнопленных, венгерский революционер К. Лигети, находившийся в августе 1917 г. в омском лагере военнопленных, писал: «Среди нашего народа лучше всего понимает русскую революцию венгерский крестьянин. Он может постичь всю глубину и революционное величие того шага, который делают русские крестьяне, когда они с самодельной деревянной саженью выходят всем селом на поля и делят землю баронов, графов, князей и попов. Венгерский крестьянин, столетия боровшийся за землю, загнанный под жандармские штыки, сейчас, стиснув кулаки, с налитыми кровью горящими глазами, смотрит на мужиков, делящих землю, и думает о родине, думает о родине»¹⁹⁵.

То обстоятельство, что подавляющее большинство военнопленных и беженцев составляли представители трудового крестьянства и аграрного пролетариата, которые подвергались у себя на родине жестокому гнету, проявлявшемуся как в полуфеодальных, так и в капиталистических формах, обусловило особенно сильное влияние на них могучего антифеодального движения российского крестьянства. Этому способствовало то, что, лишь по данным министерства продовольствия на 1(14) апреля 1917 г., было занято в сельском хозяйстве 421 690 военнопленных, а на 14(27) октября 1917 г. это количество возросло до 431 090 человек¹⁹⁶. В июне 1917 г. по распоряжению военного министра было направлено на работу в деревню из прифронтовой полосы и ряда лагерей около 0,5 млн военнопленных¹⁹⁷. Таким образом, общее количе-

ство пленных, занятых на сельскохозяйственных работах, составляло в конце лета и осенью 1917 г., в период уборки урожая, около 1 млн человек.

Широкие слои иностранных трудящихся были свидетелями, а в ряде случаев и участниками массовых разгромов помещичьих имений, дележа земли и инвентаря, создания новых органов власти в деревне — крестьянских комитетов. Под влиянием этой могучей революционно-демократической борьбы крестьянства были нередкими отказы военнопленных от работ, выдвигались требования о повышении заработной платы и улучшении их материального положения. В начале мая 1917 г. подобные выступления произошли среди военнопленных, занятых на сельскохозяйственных работах в Шевском у. под Брянском, в апреле и мае вспыхнули стачки военнопленных в Тульской губ., в Ардатовском у. Нижегородской губ.¹⁹⁸, в Лебединском и Змиевском уездах Харьковской губ. и других местах¹⁹⁹. В сентябре—октябре забастовки аграрного пролетариата с участием военнопленных рабочих прошли в Ольгопольском у. Подольской губ., а также в Сквирском у. Киевской губ.²⁰⁰

В ряде мест пленные и беженцы не только принимали участие в революционных выступлениях против помещиков вместе с российскими крестьянами, но и избирались в состав тех органов власти, которые в ходе революции приобретали все большее влияние, — крестьянских комитетов. В июле 1917 г. заведующий местным отделением Государственного банка в Каменец-Подольске выражал большую тревогу в связи с тем, что в руководство вновь созданными крестьянскими комитетами, которые берут в свои руки власть в деревне, были избраны вместе с крестьянами и австрийские военнопленные²⁰¹.

В ходе дальнейшего развития российской революции, в процессе перехода от ее первого, демократического этапа ко второму, который должен был дать власть в руки пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством, все более возрастало влияние на широкие слои военнопленных и беженцев социалистических лозунгов. Деятельность Советов, их большевизация, борьба рабочего класса против антинародной политики Временного правительства были могучим революционизирующим стимулом для трудовых слоев временного иностранного населения в России. Рост социалистических настроений среди передовой части трудящихся-военнопленных характеризует высказывание пленного врача К. Капельмана, находившегося осенью 1917 г. на строительстве Мурманской железной дороги. Касаясь политических взглядов пленных, он писал: «Военнопленные сильно тяготели к социалистическим идеям, часто и смело выступали в их защиту»²⁰².

Влияние социалистических лозунгов на массы военнопленных и беженцев осуществлялось с особой силой в ходе их совместной классовой борьбы с российским пролетариатом. Нараставшее стачечное движение в России все более втягивало в свою орбиту и широкие слои военнопленных и беженцев. В мае—июне 1917 г.

вместе с русскими рабочими бастовали пленные, занятые на шахтах в Анжеро-Судженском р-не, где они составляли около 20% всех шахтеров²⁰³, в августе — военнопленные Симского, Аша-Балашевского, Миньярского и Усть-Катавского заводов, в сентябре — иностранные пролетарии, работавшие на Каслинском, Каштымском, Верхне-Уфалейском, Верхне-Туринском, Кушвинском и других заводах Урала²⁰⁴. В октябре 1917 г. пленные участвовали в политических стачках в Юзовском, Makeевском, Чистяковском, Боково-Хрустальском р-нах²⁰⁵. Всего, по данным И. Шнейдера, в забастовочном движении в период между Февралем и Октябрем участвовало около 0,5 млн военнопленных²⁰⁶.

В обстановке надвигавшейся революционной бури летом и осенью 1917 г. наиболее передовые представители беженцев и военнопленных все более решительно вставали на сторону революции, вступая вместе с российскими пролетариями в ряды Красной Гвардии. Это означало, что интернациональная солидарность русских и иностранных трудящихся в России начала проявляться в такой форме, которая была непосредственно связана с подготовкой к переходу власти в руки революционного пролетариата.

Большевики, создавая политическую армию, способную свершить великую революцию, объединяя под знаменем интернациональной пролетарской солидарности трудящихся всех национальностей России, придавали немалое морально-политическое значение привлечению в ряды этой армии и представителей зарубежного пролетариата, польских рабочих и крестьян, оказавшихся в России. Именно поэтому передовые слои польских, румынских и сербских беженцев, эмигрантов и военнослужащих, а также военнопленных пролетариев, трудящихся крестьян, представителей прогрессивной интеллигенции из Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и других стран стали одной из составных частей того огромного революционного потока, который возглавила ленинская партия в борьбе за победу Великого Октября.

¹ Россия в мировой войне 1914—1918 годов: (В цифрах). М., 1925. С. 8.

² К сентябрю 1914 г. в плену в России оказалось более 100 тыс. военнопленных из армий Германии и Австро-Венгрии, к 1(14) января 1915 г. пленных было свыше 250 тыс., на 1(14) января 1916 г. около 1 млн. См.: Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967. С. 14.

³ 3 апреля 1915 г. во время наступления русских войск в Карпатах добровольно перешла на их сторону значительная часть (око-

ло 1400 солдат и офицеров 28-го пражского полка) чехов по национальности. В ночь на 27 мая того же года на восточном берегу р. Сан добровольно сдалось в плен к русским большинство военнопленных двух батальонов 36-го младоболеславского полка, также чехов по национальности. Общая численность перешедших в плен солдат и офицеров этого полка составила около 1500 человек. См.: Pfehled československých dějin. Pr., 1960. Díl II: 1848—1918. Sv. 2: 1900—1918. S. 1125.

⁴ В многотомном труде «Великая война. 1914—1918», опубликован-

ном в Германии в 1923 г., общее количество военнопленных из армий Центрального блока на территории России определялось в 2 497 378 человек (Der grosse Krieg, 1914—1918. В., 1923. Т. 3. С. 182). Большая советская энциклопедия указывала, что численность военнопленных в России составила 2 467 000 человек (БСЭ. 1-е изд. Т. XII. С. 284).

Значительно различаются данные о численности военнопленных и в трудах современных советских ученых. Л. И. Жаров и В. М. Устинов в книге «Интернациональные части в боях за власть Советов» М., 1960) приводят сведения, согласно которым в России в плену находился 1 962 773 человек (с. 7). Л. И. Яковлев считал, что общее количество военнопленных в России к 1917 г. превышало 2 млн человек (Яковлев Л. И. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России, 1917—1922. М., 1964. С. 61). В монографии «Интернационалисты» сообщаются данные трех источников: русского Генерального штаба (1 961 363 человек), Центропленбежа (2 112 646 человек) и Международного Красного Креста (2 342 378 человек), см.: Интернационалисты. С. 14—15.

⁵ *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1921. С. 281. При этом в материалах Центрального комитета по делам военнопленных РОКК содержались следующие данные о соотношении количества пленных армий Центральных держав: австро-венгерская армия — 1 587 099 человек, германская — 152 760, турецкая — 42 988, болгарская — 199 человек.

⁶ См.: Россия в мировой войне... С. 41.

⁷ См.: Там же. С. 7.

⁸ *Жданов Н.* Русские военнопленные... С. 281—282.

⁹ *Józsa A. Háború, hadifogság, forradalom: Magyar-ernacjonalista hadifoglyok az 1917-es oroszországi forradalmakban.* Bp., 1970. 96—97 old.

¹⁰ *Wirtschaft und Statistik.* В., 1923. С. 127.

¹¹ Интернационалисты. С. 69; *Панайотов П.* Болгары в борьбе за Советскую власть, 1917—1920. С., 1967. С. 18—19.

¹² *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914—1920. В., 1922. S. 8.

¹³ *Winkler W.* Der Anteil der nicht-deutschen Volksstämme an der Öst.-Ung. Wehrmacht. Wien, 1919. S. 1—2.

¹⁴ *Józsa A. Háború, hadifogság...* 34.—37. old.

¹⁵ К этим цифрам приближаются и выводы о численности военнопленных различных национальностей в русском плену, сделанные советскими и зарубежными исследователями. Авторы коллективной монографии «Интернационалисты» определяют численность пленных австрийцев в 400—450 тыс. человек (Интернационалисты. С. 15). Венгерский историк А. Йожа пришел к выводу о том, что в русском плену находилось около 500 тыс. венгров (*Józsa A. Háború, hadifogság...* 102. old.). Чешский историк И. Веселый указывал на то, что в России имелось около 400 тыс. пленных чехов и словаков. См.: *Веселый И.* Чехи и словаки в революционной России. М., 1959. С. 5.

¹⁶ Согласно переписи 1900 г., поляки составляли 6,07%, французы — 0,41% среди населения Германской империи. См.: *Justus Perthes' Taschen-Atlas.* Gotha, 1908. S. 21.

¹⁷ В 1910 г. 55,13% населения Австро-Венгрии было занято в сельском хозяйстве, 31,93% — в промышленности, ремесле, торговле и на транспорте, в том числе лишь в промышленности и ремесле 23,25%. Среди различных национальных групп наибольший процент населения, связанного с промышленностью, был у чехов (38,06%) и австрийцев (36,58%); 90,85% украинского населения, 86,01% румынского, 81,49% сербского и хорватского, 70,56% словацкого было связано с сельским хозяйством. См.: *Kolossa T.* Statistische Untersuchung der sozialen Struktur der Agrarbevölkerung in den Ländern der österreichisch-ungarischen Monarchie (um 1900): Die Agrarfrage

- in der österreichisch-ungarischen Monarchie, 1900—1918. Buc., 1965. S. 137—144.
- 18 Winkler Wilhelm Berufstatistik der Kriegstoten der öst.-ung. Monarchie. Wien, 1919. S. 12—20.
 - 19 Лукин-Антонов Н. М. Очерки по новейшей истории Германии, 1890—1914 гг. М., 1925. С. 42—43.
 - 20 Dix R. Deutsche Internationalisten in der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. В., 1967. S. 14; Striegnitz S. Deutsche Kommunisten und Internationalisten in Sowjetrusland, 1917—1918: Diss. В., 1970. S. 13.
 - 21 Собрание узаконений и распоряжений правительства издаваемых при правительствующем сенате. Пг. № 281. 16 октября 1914 г. Отд. 1. С. 3812.
 - 22 Гос. архив Ульяновской обл. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1107. Л. 13.
 - 23 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 97. Л. 10.
 - 24 Интернационалисты. С. 16.
 - 25 Там же. С. 16—17.
 - 26 Собрание узаконений... № 83. 12 марта 1915 г. Отд. 1. С. 1051.
 - 27 Там же. С. 1466.
 - 28 Гос. архив Куйбышевской обл. Ф. 3. Оп. 62. Д. 37. Л. 670 и об., 671.
 - 29 ЦГВИА. Ф. 1720. Оп. 15. Д. 662. Л. 19—20.
 - 30 Интернационалисты. С. 19.
 - 31 Соколов В. Донецкий уголь // Нар. хоз-во. 1919. № 5. С. 75—80.
 - 32 Хильченко М. П. Интернационалисты на Урале // Из истории партийных организаций на Урале: Уральский лесотехнический институт. Свердловск, 1962. С. 4.
 - 33 Аникст А. Применение труда военнопленных в России до 1918 г. // Аникст А. Организация распределения рабочей силы: (Ст. и докл. за 1918—1920 гг.). М., 1920. С. 45.
 - 34 Собрание узаконений... № 83. 12 марта 1915 г. Отд. 1. С. 1052.
 - 35 Там же. № 150. 29 мая 1915 г. Отд. 1. С. 1575.
 - 36 Трудовое посредничество. М., 1917. Т. 1. С. 54.
 - 37 Spustek J. Polacy w Piotrogradzie, 1914—1917. W-wa, 1966. S. 175—179.
 - 38 Беженский вопрос и общественные организации в России // Обществ. врач. 1916. № 3. С. 78—79.
 - 39 Гран М. М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914—1917 гг. в России // Тр. Комис. по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. М.; Л., 1923. С. 38.
 - 40 См.: Там же. С. 34—39.
 - 41 Народный комиссариат по делам национальностей: Отчет о деятельности, 1 ноября 1917 г.—20 июня 1918 г. М., 1918. С. 18.
 - 42 Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России, Февраль — октябрь 1917. М., 1965. С. 18.
 - 43 Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1956. Т. 5. С. 299.
 - 44 Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 19.
 - 45 ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1588. Л. 6.
 - 46 Там же. Л. 79; Д. 1589. Л. 18-в.
 - 47 Spustek J. Polacy... С. 218.
 - 48 ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1588. Л. 18.
 - 49 Polacy w Rosji wobec Rewolucji Październikowej. W-wa, 1957. S. 7.
 - 50 Wygnańcy polscy w Moskwie: (Notatka statystyczna)/Opr. K. Kowalewski. Moskwa, 1918. S. 6—7.
 - 51 Spustek J. Polacy... С. 217.
 - 52 Wygnańcy polscy w Moskwie. S. 11—12.
 - 53 Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej, 1917—1920: Biografie. W-wa, 1967. S. 118—119, 121, 148—149, 220.
 - 54 Интернационалисты. С. 66.
 - 55 Унк Г. Солидарность румынского рабочего и демократического движения с Великой Октябрьской социалистической революцией (1917—1922). Бухарест, 1968. С. 67.
 - 56 Интернационалисты. с. 32.
 - 57 Југословенски Добровољачки корпус у Русији: Прилог историји добровољачког покрета (1914—1918). Београд, 1954. С. 13—21.
 - 58 Hrabak B. Komiteti u jugoslovenskoј dobrovoljačkoј vojsci u Rusiji 1917: Istorija XX veka. Beograd, 1962. Knj. III. S. 277—343; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 29—41.

- 59 См.: Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні (1917—1920). Київ, 1967. С. 179.
- 60 Октябрь и болгарские интернационалисты. М.; С., 1973. С. 138.
- 61 См.: Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 138—139.
- 62 См.: Под знаменем Октября. Сб. документов и материалов. М.; С., 1981. Т. 1: Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. С. 104—105, 233, 287.
- 63 См.: Зеленин В. В. Под Красным знаменем Октября: Югославские интернационалисты в Советской России, 1917—1921. М., 1977. С. 12—13.
- 64 См.: Сумарокова М. М. Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Филиповича // Сов. славяноведение. 1967. № 1. С. 56—59.
- 65 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 41.
- 66 Согласно «Положению о военнопленных» от 7 октября 1914 г., высшие военнопленные офицеры получили от царской казны денежное содержание: обер-офицеры — 600 руб., штаб-офицеры — 900 руб., генералы и адмиралы — 1500 руб. в год. См.: Собрание узаконений... № 281. 16 октября 1914 г. Отд. 1. С. 3819.
- 67 Всероссийский Земский и Городской Союзы: Отдел по устройству беженцев: Отчеты и материалы. М., 1917. Т. 1: Трудовое посредничество. С. 27.
- 68 Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 6—7.
- 69 Там же. С. 5.
- 70 См.: Попов Н. А. Революционные выступления военнопленных в годы первой мировой войны // Вопр. истории. 1963. № 2. С. 77—79.
- 71 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 45. Л. 1—15.
- 72 См.: Интернационалисты. С. 40.
- 73 ГАКО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 37. Л. 126.
- 74 См.: Попов Н. А. Революционные выступления... т. 78.
- 75 См.: Интернационалисты. С. 42.
- 76 См.: там же.
- 77 См.: Там же. С. 42—43.
- 78 ЦГВИА. Ф. 1720. Оп. 15. Д. 509. Л. 679—680.
- 79 ГАКО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 37. Л. 71.
- 80 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 370. Л. 3.
- 81 Там же.
- 82 Milei G. A magyar hadifoglyok kommunista szervezeteinek kialakulása és tevékenysége Szovjet-Oroszországban, 1917—1918 // Magyar-oros történelmi kapcsolatok. Bp., 1956. 325 old.
- 83 См.: Погоньи А. Военнопленные на ситценабивной фабрике Шипкова // Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 218.
- 84 См.: Интернационалисты. С. 39.
- 85 Matějka K. Spomienky robotníka // Revolučné roky: Spomienky na Októbrovu revolúciu a občan-sku vojnu. Bp., 1976. S. 58—59.
- 86 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 35. Л. 27.
- 87 См.: Клеванский А. Х. Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 32—33.
- 88 Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 55—56.
- 89 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 45. Л. 1—15.
- 90 См.: Томанн К. Полонені під час пролетарської революції в Радянському Союзі // Літопис революції. Харків, 1932. № 3/4 (52/53). С. 287—288.
- 91 См.: Мюнних Ф. Бурный путь. М., 1968. С. 27—33.
- 92 См.: Шнейдер И., Шгиллер А. И. Между Енисеем и Амуром // Ноябрьская революция в Германии. М., 1960. С. 460.
- 93 См.: Мюллер А. А. В пламени революции. Иркутск, 1957. С. 13—16.
- 94 См.: Йожа А., Милей Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977. С. 40.
- 95 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 202.
- 96 Наша газета. 1916. 13(26) окт.
- 97 Цит. по кн.: Интернационалисты. С. 36.
- 98 См.: Там же. С. 36—37.
- 99 Там же. С. 37.
- 100 Vörös Újság. 1921. 9. I.
- 101 Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1958. С. 78.
- 102 Мюнних Ф. Бела Кун // Венгер-

- ские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 184.
- ¹⁰³ Sarló és Kalarács. 1932. N 10/11. 100 old.
- ¹⁰⁴ *Немети Л.* Так для меня началась новая жизнь // В боях и походах. Свердловск. 1959. С. 554.
- ¹⁰⁵ *Мюллер А. А.* В пламени революции. С. 16.
- ¹⁰⁶ *Питржик Ф.* На Амуре мы выполняли свой интернациональный долг // Поворот мирового значения. М., 1964. С. 218.
- ¹⁰⁷ *Холлик А.* Мы принимали участие в революционных боях в Москве // Там же. С. 103.
- ¹⁰⁸ *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. М.; Л. 1923. Ч. II. С. 39—40.
- ¹⁰⁹ См.: *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914—1921 гг. М., 1965. С. 23—24.
- ¹¹⁰ См.: *Понов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. // Красный арх. 1929. № 33. С. 21—22.
- ¹¹¹ *Vávra V.* Klamná cesta. Pr., 1958. S. 41.
- ¹¹² *Král V.* Historické mezníky ve vývoji Československa. Pr., 1978. S. 20.
- ¹¹³ *Slipičević F.* Prvi svijetski rat i stvaranje države jugoslovenskih naroda. Sarajevo, 1957. S. 37.
- ¹¹⁴ См.: Интернационалисты. С. 28.
- ¹¹⁵ *Vávra V.* Klamná cesta. S. 66.
- ¹¹⁶ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР.... С. 29—30.
- ¹¹⁷ *Titu D.* Voluntarii romani din Transilvania in lupta importiva puterilor centrale, pentru eliberare nationala si unitate (1916—1918) // Studii. tomul 21, 1968. N 6. P. 1130; Независимость Румынии. Бухарест, 1977. С. 187.
- ¹¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 56.
- ¹¹⁹ Интернационалисты. С. 28—29; *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты... С. 33.
- ¹²⁰ *Wrzosek M.* Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917—1918. W-wa, 1969. S. 112.
- ¹²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.
- ¹²² ЦГАСА, Ф. 28361. Оп. 2. Д. 38. Л. 23.
- ¹²³ Там же. Д. 35. Л. 17.
- ¹²⁴ *Promień.* 1917. 31.III; *Jedność Robotnicza.* 1917. 12(25).III; W XXXV rocznice Wielkiej Październikowej Rewolucji Socialistycznej. W-wa, 1952. S. 171.
- ¹²⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений М., 1963. Т. 1. С. 19.
- ¹²⁶ *Jedność Robotnicza.* 1917. 12(25).III.
- ¹²⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5(18) апр.
- ¹²⁸ Na granicy epok: Wspomnienia o udziale Polaków w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji, 1917—1921. W-wa, 1967. S. 68.
- ¹²⁹ ЦГВИА. Ф. 1606. оп. 2. Д. 967. Л. 6, 7, 11, 13.
- ¹³⁰ См.: *Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография.* 3-е изд., доп. М., 1986. С. 102—106; *Soborak J.* Feliks Dzierżyński. W-wa, 1976. S. 70—71.
- ¹³¹ *Toruniak M.* Sygnały świetlne na masztach // Na granicy epok. S. 83—85.
- ¹³² *Mizerkiewicz J.* Rewolucja w Saratowie // Na granicy epok. S. 658.
- ¹³³ *Księga Polaków...* S. 174—175.
- ¹³⁴ *Budzyński S.* Na czele 55 pułku piechoty // Na granicy epok. S. 161.
- ¹³⁵ *Księga Polaków...* S. 521—522.
- ¹³⁶ *Kalestyńska L., Kochański A.; Toporowicz W.* Polscy bohaterowie Rewolucji Październikowej // Z pola walki. 1967. N 3(39). S. 46.
- ¹³⁷ *Księga Polaków...* S. 880.
- ¹³⁸ Там же. С. 550—560.
- ¹³⁹ Там же. С. 944—945.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 738—739.
- ¹⁴¹ См.: *Веков А.* Ленин в България: Хроника. С., 1970. С. 244.
- ¹⁴² ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 689. Л. 79, 109, 161.
- ¹⁴³ См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 377; *Панайотов П.* Пратеник на В. И. Ленин в България // Българи борци за свободата на друг народи. С., 1973. С. 98.
- ¹⁴⁴ ЦГВИА. Ф. 1720. Оп. 15. Д. 904. Л. 34, 37; *Валхар Ф., Форст Л.* Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на родине

- Ленина. Куйбышев, 1936. С. 136—137.
- 145 ЦГВИА. Ф. 1720. Оп. 15. Д. 904. Л. 14.
- 146 Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 29 апр.
- 147 ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 84. Л. 4.
- 148 Интернационалисты. С. 49—50.
- 149 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 47. Л. 10; Знамя революции. Томск, 1917. 1 июля.
- 150 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 123—124.
- 151 Интернационалисты. С. 55—56.
- 152 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 169.
- 153 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 89. Л. 1—2.
- 154 Правда. 1917. 3(16) июня.
- 155 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков): Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков), Апрель 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 123.
- 156 Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Томск, 1957. С. 172.
- 157 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). С. 160.
- 158 Weltrevolution. 1918. 29.IV. Наше знамя. Ростов н/Д, 1917. 29 июня (12 июля).
- 159 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 160.
- 160 См.: Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 66. *Prómień*. 1917. 31.III(13.IV).
- 162 См.: Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 137—152.
- 163 См.: Ермолаева Р. А. Поляки-интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне (1917—1920 гг.) // СССР и Польша: Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1. С. 360—361.
- 164 Правда. 1917. 13(26) апр.
- 165 См.: Протоколы Бюро ЦК РСДРП(б) // Вопр. истории КПСС. 1962. № 3. С. 149.
- 166 См.: Правда. 1917. 11(24) марта.
- 167 Трубна. 1917. 10(23).III.
- 168 Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 83.
- 169 См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) большевиков. С. 327, 328, 330; Манусевич А. Я. Польские интернационалисты... С. 106—113.
- 170 См.: Интернационалисты. С. 62—63.
- 171 ЦПА ИМЛ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 31; ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 55. Л. 28—29; *Bitner H. (Bicz)*. *Autobiografia // Z pola walki*. W-wa, 1958. N 1. S. 233; *Tomicki J.* *Mirosław Zdziarski // Z pola walki*. 1960. N 2(10). S. 119; *Robotnik w Rosji*. 1917. 7(20)VII.
- 172 *Vávra V.* *Klamná cesta*. Pr., 1958. S. 50—51.
- 173 *Czechoslovak*. 1917.3.VII.
- 174 *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 38—42. *Archiv Ústavu marxizmu-leninizmu ÚV KSC* (далее — AUML). F. 48. Sign.: *Synek Jan* — 2079, 1. 333, 352—353.
- 175 *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 41—42, 72; *Archiv Vojenskeho historického ústavu* (далее — AVHÚ). J (8) 1. S. 25.
- 176 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 4. Л. 52, 60 и об.
- 177 *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 73.
- 178 Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 мая.
- 179 *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 105; ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 4. Л. 4, 68, 86.
- 180 *Svoboda*. 1917. 19.X(1.XI).
- 181 Там же.
- 182 См.: Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979. С. 41, 52—53.
- 183 См.: В борьбе за власть Советов на Украине. Киев, 1977. С. 85—86, 145—146.
- 184 *Čečo-slováci ve válce a v revoluci*. Moskva, 1919. S. 123; *Czechoslován*. 1917. 24.XII.
- 185 AVHÚ. F. Pres. OČSNR. Krab. 8.
- 186 См.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 24—28.
- 187 См.: *Зеленин В. В.* Под Красным знаменем Октября. С. 43—44.
- 188 См.: Там же. С. 63—64.
- 189 См.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 218.

- ¹⁹⁰ См.: *Виноградов В. Н.* Два обращения румынских социал-демократов к революционной России // *Вопр. истории.* 1967. № 12.
- ¹⁹¹ См.: 17-та година: Спомени на български революционери за Октомврийската революция и отражението и у нас. С., 1957. С. 18—19.
- ¹⁹² См.: *Сов. архивы.* 1966. № 4. С. 56.
- ¹⁹³ *Józsa A. Háboru, hadifagság... 157—165 old.*
- ¹⁹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9.
- ¹⁹⁵ *Ligeti K. Válogatott írásai.* Бр., 1957. old.
- ¹⁹⁶ ЦГАОР. Ф. 382. Оп. 2. Д. 190. Л. 10.
- ¹⁹⁷ ЦГАОР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 544. Л. 109.
- ¹⁹⁸ См.: *Крестьянское движение в 1917 году*/Под ред. М. Н. Покровского, А. Я. Яковлева. М.; Л., 1927. С. 10, 16, 69.
- ¹⁹⁹ См.: *Лисецкий А. М.* Из истории пролетарского интернационализма. Тр. Харьк. политехн. ин-та им. В. И. Ленина. 1961. Вып. 1, т. XIII. С. 78.
- ²⁰⁰ См.: *Лисецкий А. И.* Из истории забастовочной борьбы сельскохозяйственного пролетариата Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.) // *Уч. зап. Харьк. ун-та им. А. М. Горького.* 1960. Т. 107. С. 95—96.
- ²⁰¹ ЦГАОР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 216. Л. 67—68.
- ²⁰² *Йожа А., Милеи Д.* Венгерские интернационалисты... С. 72.
- ²⁰³ *Józsa A. Háború, hadifagság... 271 old.*
- ²⁰⁴ См.: *Попов Н. А.* Революционные выступления военнопленных в России // *Вопр. истории.* 1963. № 2. С. 86.
- ²⁰⁵ См.: *Лисецкий А. М.* Большевики во главе стачечной борьбы пролетариев Донбасса в период подготовки Октябрьского штурма (сентябрь — октябрь 1917 г.) // *Сб. науч. работ кафедр истории КПСС вузов г. Харькова.* Харьков, 1960. Вып. 3. С. 73; ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 174. Л. 15.
- ²⁰⁶ См.: *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России, 1915—1919 гг. // *Борьба классов.* 1935. № 2. С. 57.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ОКТЯБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ И В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

В Октябрьском восстании в Петрограде

История не знает свершений, которые по своему неизменному и все возрастающему влиянию на поступательное движение человечества могли бы сравниться с Великой революцией Октября 1917 г. Подготовленная всем предшествующим развитием русского революционного движения, осуществленная по стратегическому и тактическому плану В. И. Ленина и под руководством созданной им партии коммунистов, Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории.

Победа революции была обусловлена тем, что партии большевиков удалось соединить с мощным социалистическим движением пролетариата демократическое движение крестьянства и освободительное движение угнетенных народов бывшей Российской империи. Благодаря своей политической зрелости, неустанному развитию в новых исторических условиях теории социалистической революции, глубокой обоснованности своего стратегического курса, широкой воспитательной и организаторской деятельности в массах, силе своих идей большевистская партия сумела сформировать мощную политическую армию революции, сплотившуюся вокруг рабочего класса.

Дела и дни Октябрьской революции были и остаются самым преобразующим, самым творческим воздействием народных масс на ход исторического процесса. Эти свершения оказались непреодолимыми. Союз российских рабочих и крестьян разгромил все силы мировой реакции, ополчившейся против революции.

Вызванное революцией мощное движение пролетарской солидарности охватило рабочий класс многих стран. Часть своих сил (передовые группы беженцев, отходников, военнопленных) это движение влило непосредственно в состав политической армии пролетарской революции в России.

Петроградский Совет на 31 августа (13 сентября) 1917 г. принял внесенную большевиками резолюцию о создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства. Задачами этой власти должны были явиться немедленная отмена частной собственности на землю, обеспечение беднейших крестьян

инвентарем, введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением, национализация важнейших отраслей промышленности, объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира¹.

Происходил массовый переход Советов на позиции большевистской партии. К началу осени 1917 г. Советы Кронштадта, Иваново-Вознесенска, Екатеринбургa, Твери, Владивостока, Луганска, Брянска, Челябинска, Красноярска и многих других городов фактически уже осуществляли власть на местах². В стране продолжалось бурное полевение рабочего класса. Об этом говорила большевизация Советов. Среди большевистских депутатов, пополнявших в начале осени Советы, были зарубежные интернационалисты, главным образом из рядов польских социал-демократов.

Широко развернувшееся движение за введение рабочего контроля, создание в большинстве пролетарских центров отрядов Красной гвардии, массовые политические стачки, как и другие формы пролетарского движения, оказывали растущее воздействие на беженцев и военнопленных, отходников. Рабочие из числа беженцев и отходников, а часто и занятые в промышленности военнопленные были деятельными участниками выступлений российского пролетариата. Они также вливались в великую политическую армию революции. В составе этой политической армии они добивались установления в России такой власти, которая покончит с войной, поведет борьбу с голодом и разрухой, уничтожит социальный и национальный гнет, откроет им путь к возвращению в свои страны. Объективно такой властью могла стать только власть Советов под руководством большевиков — единственной партии, имевшей реально обоснованную программу разрешения коренных политических и социально-экономических вопросов в соответствии с коренными интересами всех трудящихся, всех угнетенных и эксплуатируемых. Поэтому, когда вновь зазвучал лозунг «Вся власть Советам!», практически выразивший курс партии большевиков на социалистическую революцию и вооруженное восстание, этот лозунг поддержала и вся передовая часть находившихся в России зарубежных трудящихся.

Как и ранее, в политическом и организационном единстве с большевиками выступали польские социал-демократы. На Демократическом совещании Ю. Уншлихт 19 сентября (2 октября) огласил от имени СДКПиЛ декларацию; в ее заключительной части указывалось, что необходимо «революционное правительство пролетариата и крестьянства, которое одно только способно вести борьбу за демократический мир среди народов втянутых в водоворот войны; только такая власть может путем внутренних преобразований дать толчок развитию международной революции...»³.

Вместе с А. В. Луначарским, В. Володарским, Н. А. Скрыпником и другими участниками коллегии агитаторов и лекторов Петроградского комитета РСДРП(б) перед рабочими и солдата-

ми петроградского гарнизона выступали входившие в эту же коллегию М. Бронский, К. Залевский, Ст. Пестковский, Я. Феништейн (Долецкий), А. Радзишевский (Р. Арский) и другие польские социал-демократы. Зб. Фабержевич (Т. Гневич) и другие известные публицисты (польские социал-демократы) систематически выступали на страницах таких органов большевистской печати, как «Правда», «Солдат», «Работница» и т. д.

В возобновленном осенью 1917 г. большевистском теоретическом журнале «Просвещение» наряду с огромного значения статьями В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы» были напечатаны статьи Р. Арского и К. Залевского. По всем вопросам момента СДКПиЛ стояла на позициях полного единства с большевиками. Это обстоятельство подчеркивалось тем, что в списках кандидатов, рекомендованных ЦК РСДРП(б) для проведения в Учредительное собрание, были имена Ф. Дзержинского, Ю. Лещинского, Ю. Уншлихта. Польские социал-демократы являлись единственной национальной революционной группой, выступившей также и со своим списком кандидатов в Учредительное собрание. Помимо лиц, значившихся в списках, предложенных ЦК РСДРП(б), в список Исполкома (ИК) групп СДКПиЛ в России были внесены: от ее Московской группы Б. Закс, а от Киевской — И. Фиалек. Список кандидатов, выдвинутых ИК группы СДКПиЛ, был рекомендован ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям⁴. Последние, в свою очередь, выдвинули в Учредительное собрание ряд польских социал-демократов, заслуживших у них признание и авторитет своей революционной работой.

Между тем в порядок дня выдвигался центральный вопрос революции — вопрос о власти.

15(28) сентября ЦК РСДРП(б) обсудил письма В. И. Ленина о власти и вооруженном восстании.

Для непосредственного участия в подготовке и проведении восстания В. И. Ленин конспиративно вернулся из Финляндии в Петроград. 7(20) октября В. И. Ленин написал «Письмо питерской городской конференции. Для прочтения на закрытом заседании», в котором указывал, что вопрос о восстании «становится на очередь»⁵. Польские участники конференции — Я. Феништейн и Я. Здзехович (от Петроградской группы СДКПиЛ), Ю. Уншлихт (от редакции «Трибуны»), К. Кадлубовский (от Второго городского района) и др.⁶ — вместе со всеми питерскими большевиками выразили твердую уверенность в том, что наступил канун массового победоносного пролетарского восстания. 9(22) октября Петроградский Совет принял предложенную большевиками резолюцию о создании военно-революционного штаба, получившего 12(25) октября наименование Военно-Революционного Комитета (ВРК). В состав ВРК были избраны среди других Ф. Дзержинский и Ю. Уншлихт; 29 октября (12 ноября) 1917 г. ВЦИК Советов делегировал среди других для работы в ВРК Ф. Гжельцака⁷.

На заседании ЦК партии 10(23) октября, где после обстоятельного доклада В. И. Ленина было установлено, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, по предложению Ф. Дзержинского было избрано для политического руководства Политическое бюро во главе с В. И. Лениным⁸. Через несколько дней, заполненных напряженной политической и организационной работой, состоялось расширенное заседание ЦК партии. В заседании участвовали представители Исполнительной комиссии Петроградского комитета партии, в том числе Я. Фенигштейн. Среди других ораторов, безоговорочно одоббивших предложение В. И. Ленина и осудивших капитулянтскую позицию Л. Каменева и Г. Зиновьева, был Ф. Дзержинский. После того как закончилось расширенное заседание, ЦК продолжал заседание в узком составе. На этом заседании был создан Военно-революционный центр из членов ЦК для непосредственного руководства восстанием. Вместе с А. С. Бубновым, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным, М. С. Урицким в Военно-революционный центр был избран и Ф. Дзержинский.

С 20 октября (2 ноября) ВРК приступил к назначению в части гарнизона и особо важные пункты столицы и ее окрестностей своих комиссаров. Среди них было немало польских интернационалистов. В Николаевское кавалерийское училище, например, комиссаром был назначен А. Радзишевский (Р. Арский); на Балтийский вокзал — А. Гранас⁹. Член СДКПиЛ с 1905 г. А. Гранас прибыл в Петроград из Стокгольма в апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным, с которым он был знаком еще с 1912 г. А. Гранас, многолетний узник царизма, бежавший в 1912 г. из ссылки, проживал преимущественно в эмиграции. В годы войны Гранас работал в датском Красном Кресте в Копенгагене, занимаясь распространением среди русских военнопленных в Германии большевистской литературы, поступающей из Швейцарии; переехав в Стокгольм, присоединился к группе политических эмигрантов, возвращавшихся в Россию. Вскоре после приезда в Петроград ЦК партии большевиков направил Гранаса на Северный фронт, где он вел большую политическую работу в 12-й армии, был одним из редакторов «Окопной правды» и в октябре прибыл в Петроград в качестве делегата от Совета г. Вендена (ныне г. Цесис) на II съезд Советов¹⁰.

Приводились в полную готовность отряды Красной Гвардии. Среди других интернационалистов-красногвардейцев на боевом посту начальника отряда Красной Гвардии завода «Сименс—Шукерт» (ныне завод «Электросила» им. С. М. Кирова) и заместителя начальника Красной Гвардии Московско-Заставского р-на столицы действовал член СДКПиЛ с 1907 г. Адам Качоровский, в дальнейшем под именем Адама Славиньского ставший одним из видных деятелей КП(б) Белоруссии, КП Польши, ВКП(б), членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала¹¹.

В те дни нарастающего революционного накала тысячи интер-

националистов, связанных всеми своими стремлениями с большевистской партией, готовились выступить вместе с рабочими и солдатами всей России против власти Временного правительства. В отряды Красной Гвардии вступали интернационалисты в разных местах России. В Иваново-Вознесенске, Курске и других городах, где Советы решительно порывали с соглашателями, среди красногвардейцев появилось немало военнопленных. Отряды Красной Гвардии формировались и в ряде лагерей для военнопленных¹².

Особое значение приобретали выражения солидарности представителей зарубежного пролетариата с революционными рабочими, солдатами и моряками России. Эти проявления пролетарского интернационализма укрепляли веру российского пролетариата в то, что революция в России имеет верных союзников и друзей.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания «Трыбуна» писала: «Два лагеря лихорадочно готовятся к борьбе не на жизнь, а на смерть: революционная демократия и контрреволюционные силы помещиков, капиталистов и генералов. В хвосте плетутся обозники социал-соглашательства... Пролетариат России должен до конца выполнить свою историческую миссию в отношении собственной страны и братских народов. Нам предстоит взять последнюю баррикаду русского империализма. Ее падение предвещает крах международного империализма, открывает борьбу за социализм. Слушайте, товарищи!.. Бьет двенадцатый час революции!»¹³.

Отражая настроения польских социал-демократов, находившихся в России, Екатеринославская группа СДКПиЛ за день до начала восстания телеграммой в Петроград приветствовала собиравшийся II съезд Советов и призывала его немедленно взять в свои руки власть¹⁴.

По всему Петрограду проходили митинги; большевистские ораторы призывали готовиться к решающему штурму. Вместе с коренными питерскими рабочими участниками этих митингов были рабочие других стран, трудившиеся тогда в Петрограде. Наряду с другими выдающимися деятелями большевистской партии на митингах выступали и польские интернационалисты: Ф. Держинский — в Московском и Нарвском районах и на Охте¹⁵, Ст. Пестковский — на Трубочном заводе и заводе Посселя¹⁶, Ю. Лещинский — на Путиловском заводе¹⁷ и т. д. Большую организаторскую и пропагандистскую работу вели сотни интернационалистов: рабочий обувной механической фабрики «Победа» член СДКПиЛ с 1899 г. В. Прусс, много лет проведенный в царских тюрьмах, вскоре после февральских дней он стал членом районного комитета партии, гласным Нарвской районной думы, а затем и городской думы столицы)¹⁸; К. Кадлубовский, почтово-телеграфный работник, член СДКПиЛ с 1906 г., участник революции 1905—1907 гг., организатор профсоюза почтово-телеграфных служащих и большевистской орга-

низации на петроградском почтамте, тесно связанный в своей агитационной работе с Н. К. Крупской¹⁹; Э. Соколовский-Орловский, товарищ Ф. Дзержинского по социалистическому кружку в виленской гимназии, деятель СДКПиЛ с 1899 г., многократный узник царизма, депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и член его Исполнительного комитета с марта 1917 г.²⁰, и др. В отрядах Красной Гвардии и революционных частях армии, в рабочих коллективах, в Советах и военно-революционных комитетах передовые представители иностранных трудящихся плечом к плечу с российским пролетариатом и крестьянством шли на бой за победу социалистической революции.

В секретариате ЦК большевистской партии продолжал работу видный польский социал-демократ, большевик Бр. Весоловский; 20 октября (2 ноября) ЦК партии поручил Весоловскому работу также и в ВРК²¹. В дни корниловщины в секретариате ЦК и одновременно в большевистской фракции ЦИК и Петроградского Совета начал работу Ст. Пестковский, после Октября перешедший в Народный комиссариат по делам национальностей, в 1918 г. по поручению партии руководивший нелегальной и партизанской деятельностью в местностях, оккупированных германскими и австро-венгерскими империалистами²², а затем занимавший руководящие посты на советской дипломатической службе. Как секретарь большевистской фракции II съезда Советов Ст. Пестковский с утра 24 октября (6 ноября) вел регистрацию прибывших на съезд делегатов. Днем 24 октября (6 ноября) Ст. Пестковский и Ю. Лещинский (впоследствии Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Польши и один из выдающихся деятелей Коммунистического Интернационала) руководили по поручению ВРК занятием Главного телеграфа в Петрограде²³. В соответствии с указанием В. И. Ленина ВРК немедленно телеграфировал большевистским организациям других городов и районов, что восстание в столице началось²⁴. Первым комиссаром почтамта стал К. Кадлубовский²⁵. Выступая на заседании районного комитета 2-го Городского р-на Петрограда, он призывал к твердости и решительной борьбе²⁶. Вскоре К. Кадлубовский вошел в коллегию Комиссариата почт и телеграфа.

Среди рабочих и солдат, сокрушавших последние опорные пункты Временного правительства в Петрограде, свой долг революционеров выполнили сыны многих зарубежных народов. Вместе с красногвардейцами-путиловцами в занятии Николаевского вокзала участвовал летчик-болгарин Сотир Черкезов. Впервые попав в Россию еще совсем молодым человеком, он был очевидцем революционных событий первой русской революции. После вторичного приезда из Болгарии он окончил в России летную школу, участвовал в первой мировой войне в рядах русской армии, затем служил в Петрограде на авиационном заводе, сблизился с большевиками. В первые недели после Октября в жизни С. Черкезова произошло незабываемое событие — он вместе с группой летчиков был вызван в Смольный к В. И. Ленину. Вла-

димир Ильич говорил с ним о необходимости быстрейшего ремонта самолетов, имеющих в распоряжении молодой Советской республики, для использования их в целях распространения листовок с текстами первых декретов Советского правительства. Узнав, что среди присутствующих находится летчик—болгарин по происхождению, Ленин говорил с ним о своих симпатиях к народу Болгарии, к болгарским теснякам и их руководителям — Д. Благоеву и В. Коларову ²⁷.

Вместе с революционными трудящимися Петрограда в борьбе за власть Советов участвовали и другие болгарские революционеры. В освобождении политических заключенных из пересыльной тюрьмы принимали участие вместе с питерскими рабочими болгары Тодор Бояджиев, Иван Някшев и другие, в рядах красногвардейцев, занявших Центральную телеграфную станцию, находился болгарский эмигрант Петр Таушанов. В первые дни после победы Октября болгарам Михаилу Антонову и Петру Захариеву советскими органами было поручено организовать в столице военный госпиталь. С этой задачей они справились успешно ²⁸.

Освобожденный Октябрьской революцией из тюрьмы, куда он был заключен при Временном правительстве за участие в антивоенной агитации, командиром одного из красногвардейских отрядов стал в Петрограде серб Данило Сердич (Срдич), ставший в дальнейшем одним из славнейших командиров Красной Армии ²⁹.

В уличных боях в рядах красногвардейских отрядов приняли участие и несколько венгерских интернационалистов, находившихся в Петрограде ³⁰.

В 22 час. 45 мин. 24 октября (6 ноября) В. И. Ленин оставил свою последнюю конспиративную квартиру и отправился для непосредственного руководства борьбой в штаб революции Смольный.

Революционная борьба за власть Советов в столице России приобрела широкий размах. В ночь на 25 октября (7 ноября) были заняты важнейшие стратегические пункты Петрограда.

В то же время один из красногвардейцев — член ППС-левицы с 1906 г. В. Домбровский был направлен связным в Смольный от красногвардейцев завода «Новый Леснер» ³¹. Во главе революционного отряда на рассвете дня новой эры солдат В. Беднарек участвовал в занятии помещения буржуазной газеты «Новое время», а затем Государственного банка ³².

К утру 25 октября (7 ноября) в руках восставших рабочих и солдат практически находилась вся столица. От имени ВРК при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов В. И. Ленин в 10 час. утра написал краткое обращение «К гражданам России!», уведомлявшее о том, что Временное правительство низложено, а дело, за которое боролся народ, обеспечено ³³. В середине дня был окружен Зимний дворец — последнее прибежище старой власти. В 21 час. 40 мин. в среду 25 октября (7 ноября) 1917 г. прогремел исторический выстрел с «Авроры». В экипаже этого славного корабля были матросы польского происхождения ³⁴. Один из них — гальванер Я. Шварце-Мартынюк,

слушавший В. И. Ленина 3(16) апреля 1917 г. на площади Финляндского вокзала, спросил, кто приказал стрелять. «Тогда,— вспоминает он,— последовал ответ: революция и Ленин... И мы дали выстрел»³⁵.

После выстрела «Авроры» начался штурм Зимнего дворца. История не сохранила имена всех тех, кто шел в этот исторический бой. Пока с достоверностью можно назвать лишь некоторых зарубежных трудящихся — участников боя за Зимний дворец. Среди них красногвардеец, рабочий завода «Металлизатор» Ян Бадюра³⁶, который много лет спустя сражался против гитлеровцев в рядах французского Сопротивления, а затем внес свой вклад в строительство народной Польши³⁷. Участвовали в штурме Зимнего член СДКПиЛ с 1907 г., рабочий патронного завода, член Совета рабочих депутатов Выборгского р-на Петрограда, в дальнейшем деятель КПИ и Польской объединенной рабочей партии Ян Ясканис³⁸; военный моряк, член ППС-левицы с 1906 г., председатель комитета судовых мотористов в Кронштадте Р. Муклевич, через три дня после штурма Зимнего возглавивший подавление мятежа юнкеров Владимирского училища, а в дальнейшем ставший видным военачальником Советского Военно-Морского Флота³⁹, командир десантного отряда с военного корабля «Африка» Ян Савицкий⁴⁰ и др. В одной из венгерских газет в январе 1918 г. появилось до сих пор еще окончательно не проверенное сообщение о том, что во время обстрела Зимнего дворца военнопленный венгерский офицер с группой товарищей, присоединившихся к большевикам, командовал артиллерийской батареей⁴¹.

В чехословацких источниках имеются сведения о том, что несколько чехов приняли участие в событиях на Дворцовой площади. Попытки создания организации чешских и словацких социал-демократов из числа эмигрантов и беженцев началась в Петрограде еще летом 1917 г. Некоторые из чешских интернационалистов — Ян Горгилак, работавший на Трубочном заводе⁴², Ф. Перча⁴³ и др. — вступили летом 1917 г. в РСДРП. Во время восстания в Смольном находились два чешских социал-демократа, выполнявших поручения ВРК⁴⁴. В одном из красногвардейских отрядов, действовавших в районе Адмиралтейства, недалеко от Зимнего дворца, был военнопленный-немец, бывший сельскохозяйственный рабочий Ф. Клиггер⁴⁵. Г. Манхарту привелось не только участвовать в октябрьских событиях в Петрограде, но после победы революции он, по его воспоминаниям, даже стоял на посту в Смольном у кабинета Ленина и разговаривал с ним⁴⁶.

В работе открывшегося 25 октября (7 ноября) II съезда Советов, по неполным данным, участвовали десять делегатов, написавших в анкетах, что они являются членами польских рабочих партий⁴⁷. Среди них был фронтовик Ф. Гжельцак (Марцин Гжегожевский), в конце 1918 г. он был избран председателем Варшавского Совета рабочих депутатов, а затем стал известен

как один из руководителей КПП и видных деятелей Коммунистического Интернационала⁴⁸. На II съезде Советов Ф. Гжелщик выступил с гневной речью против меньшевиков. Присутствовавший на съезде Джон Рид отметил его выступление и привел в своей книге несколько сказанных им слов⁴⁹.

Первое заседание съезда продолжалось всю ночь. Под утро слово взял Ст. Лапинский. Он заявил, что депутаты ППС-левицы останутся на съезде. Тем самым ППС-левица отмежевалась от меньшевиков и эсеров, которые, не желая считаться с волей рабочих, солдат и крестьян, покинули съезд. В то же время Лапинский огласил декларацию о необходимости создания правительства всех «социалистических партий»⁵⁰. Эта позиция, которую заняло в то время руководство ППС-левицы, не соответствовала позиции ее групп, которые как в Петрограде, так и на местах в большинстве случаев действовали в октябрьские дни вместе с большевиками. Даже многие члены ППС-«фракции» оказались в общих революционных рядах. «Трибуна» писала, что вопреки своим вождям они «пошли с русскими рабочими, прекрасно понимая, что ведется бой за общее пролетарское дело»⁵¹.

Под утро 26 октября (8 ноября) II съезд Советов принял воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам, извещавшее о взятии им власти в свои руки. «Что тут поднялось! — пишет присутствовавший на заседании американский журналист Альберт Рис Вильямс. — Люди от радости плакали и обнимались. Заспешили с сообщениями курьеры. Застучали телеграфные ключи, зажужжали телефоны. На фронт помчались автомобили. Над реками и равнинами полетели аэропланы. Радио передало эту весть за океан. Все сообщали о великом событии!

Воля революционных масс победила. Советы стали правительством»⁵².

Передовая часть из пролетариев зарубежных стран, которые находились в октябрьские дни в Петрограде, самоотверженно служила делу пролетарской революции. Но сколько их было, сказать нельзя. Они ничем не отличались и не выделяли себя. В солдатской шинели, матросском бушлате, рабочем пальтишке с красной ленточкой на груди или на шапке они шли в сражение так, как того требовал их классовый долг, как им подсказывали их интернационализм и революционность.

Нет и не было источников, которые помогли бы ответить на вопросы, а сколько же интернационалистов, представители рабочего класса каких народов и кто именно чекали шаг в красногвардейских патрулях, участвовали в героических атаках и мужественно отбивали удары контрреволюции. Непосредственных участников событий влекли вперед новые дела, им было не до того, чтобы отметить свой вклад в историю, — они ее делали, они ее творили. Позднее, когда пришло время воссоздать картину великого перелома в истории человечества, многое оказалось невозможным.

Вечером 26 октября (8 ноября) открылось второе заседание съезда Советов. Восторженно встреченный делегатами и гостями с докладом выступил В. И. Ленин. Отражая чаяния народных масс России, всех угнетенных и эксплуатируемых, установленная победоносным пролетарским восстанием Советская власть предлагала всем народам и правительствам немедленные переговоры о справедливом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром, указывал В. И. Ленин, рабочее и крестьянское правительство России считает мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций. Далее в зачитанном В. И. Лениным и им же подготовленном проекте Декрета о мире устанавливалось, что согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности под аннексией понимается всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, где эта нация живет⁵³.

Выдвинутая В. И. Лениным, партией большевиков программа демократического справедливого мира и предложенные способы достижения такого мира определяли незыблемые основы советской внешней политики и открывали пути к коренной перестройке взаимоотношений между странами и народами, исторически сложившихся в результате насилий, захватов, угнетения, на новой основе равноправия, взаимопонимания, сотрудничества, дружбы. Впервые в истории человечества не отдельные мыслители, не группа мечтателей, а правящая партия в одной из крупнейших стран мира, правительство, государство провозглашали своей целью борьбу за ликвидацию социального и национального гнета.

Естественно, что в борьбе за принципы, провозглашенные Декретом о мире, за их утверждение, за их претворение в жизнь сотни тысяч временных жителей России — польских, финских, чешских, словацких, сербских, хорватских, немецких, венгерских, румынских, китайских, корейских и других трудящихся — увидели свой прямой долг по отношению как к русской революции, так и к своим собственным народам. Укрепление революции в России, победа Советской власти становились лучшей и важнейшей гарантией, что в истории человечества, во взаимоотношениях народов восторжествуют эти новые принципы.

На II съезде Советов мысли и чувства всех зарубежных интернационалистов нашли свое выражение в словах Ф. Дзержинского, выступившего от польской социал-демократии в прениях по докладу В. И. Ленина. Он заявил, что польский пролетариат с энтузиазмом принимает предложенный В. И. Лениным Декрет

о мире. Подчеркивая его международное значение, Держинский выразил уверенность, что декрет найдет «отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира... У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»⁵⁴.

Как Декрет о мире, так и предложенный В. И. Лениным Декрет о земле были утверждены делегатами съезда. На съезде было образовано рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Победа революции — «это наша победа», писала «Трибуна» на следующий день после образования Советского правительства⁵⁵. II съезд Советов заложил основы советского общественного и государственного строя. В состав избранного съездом ВЦИК вошли по списку большевистской партии польские социал-демократы Ф. Держинский, Я. Фенигштейн, Ф. Гжелыцак; кандидатами в члены ВЦИК стали Ст. Пестковский, М. Броньский, Ю. Лещинский, Бр. Весоловский. На заседании ВЦИК членом ВЦИК специально от ИК групп СДКПиЛ в России был утвержден Ю. Уншлихт⁵⁶. Избрание интернационалистов в высший орган пролетарской власти соответствовало глубокой интернациональной сущности Советской власти. Председателем Следственной комиссии ВРК, занявшейся в первую очередь расследованием того, как подготовлялся юнкерский мятеж в Петрограде, стал также польский интернационалист, член СДКПиЛ с 1899 г., делегат V съезда РСДРП, большевик, член Исполнительного комитета Петроградского Совета, председатель Выборгской районной думы, юрист М. Козловский, затем — председатель Малого Совета Народных Комиссаров⁵⁷.

Победа Октябрьского вооруженного восстания, первые декреты Советской власти дали огромный толчок дальнейшему развитию интернационалистского движения среди иностранных трудящихся в России. Свои чувства зарубежные интернационалисты стремились выразить в обращениях к Советскому правительству и лично к В. И. Ленину.

Так, находившаяся в Петрограде группа чехословацких левых социал-демократов военнопленных обратилась к В. И. Ленину с просьбой оказать содействие в опубликовании в печати воззвания к чешским и словацким военнопленным в России⁵⁸. Возможно, что результатом этого обращения явилось появление на страницах «Правды» воззвания «Чешским военнопленным в России и чешским добровольцам на русском фронте». Несвободное от некоторых ошибочных положений, это воззвание правильно подчеркивало, что в России «рабочий, солдат и крестьянин совершают плечом к плечу историческое дело, которое будет иметь неизмеримое социальное значение не только для России, но и для всей Европы, даже для всего земного шара...»⁵⁹. Те же чувства солидарности с революцией звучали в приветствии, направленном 12(25) ноября Одесской секцией Румынской социал-демократической партии Совету Народных Комиссаров — правительству,

которое «обращается к войскам и народам для заключения долгожданного мира»⁶⁰. Лояльность нескольких находившихся в Петрограде австрийских военнопленных, опекавшихся датской миссией, позволила ВРК тотчас после победы революции согласиться на их отправку за границу⁶¹.

Видный польский публицист, один из лидеров СДКПиЛ в России Зб. Фабержевич, вскоре погибший от рук польских контрреволюционеров, писал в «Правде»: «Русская революция не есть внутренний русский вопрос, а кровное дело всего мирового пролетариата»⁶². Приветствия победоносной пролетарской революции приходили в Смольный и из-за рубежа. Поступило сообщение, что болгарские тесняки провели в Софии 19 ноября (2 декабря) митинг, на котором присутствовали 10 тыс. рабочих. На митинге выступили Димитр Благоев, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев. Митинг признал «дело русского пролетариата своим собственным делом»⁶³.

Со страстным словом к русской революции обратилась К. Цеткин. Выдающаяся немецкая революционерка, приветствуя «безгранично храбрый натиск» большевиков, давала одновременно отповедь тем, кто торопился посеять пессимизм в отношении судьбы пролетарской революции в России, утверждая, что для ее победы якобы отсутствует «необходимая зрелость» материальных условий и людей. «„Необходимая зрелость“ материальных условий и людей для революции есть формула, в которую действительность вдохнет жизнь и содержание, а эта действительность,— писала Цеткин,— не позволяет втиснуть себя в ту или иную схему. Исторический материализм не есть сборник готовых рецептов для врачей и знахарей, и аптекарей исторического развития человечества. Экономическое и социальное развитие России надо мерить ее собственной меркой... Русские пролетарии и крестьяне созрели для революции... Революция не может удовлетвориться тем, что захватывает в свои руки политическую власть, она должна и в экономике и в социальной области философствовать молотом, чтобы выковать им нечто новое из России»⁶⁴. Тот факт, что лучшие представители международного рабочего класса безоговорочно заявили о своей солидарности с делом Октября, способствовал дальнейшему втягиванию иностранных трудящихся в России в борьбу за победу и утверждение Советской власти.

Движение солидарности с Советской властью охватывало лагерь военнопленных. В письмах и через ходяков передовая часть военнопленных заявляла о полной поддержке Советского правительства. «Правда», в частности, писала, что «венгр офицер-интернационалист, давно ведущий революционную пропаганду среди венгров против австро-венгерской монархии»,— весьма вероятно, что речь шла о Бела Куне, прибывшем к тому времени в Петроград,— сообщил, что среди пленных венгров и австрийцев-пролетариев очень сильное движение против германского империализма и что если по вине центральных империй демократический мир окажется невозможным, то революционные австро-

венгры готовы будут создать целый отряд в распоряжение революционной России...»⁶⁵. О поддержке Советской власти заявляли участники многочисленных митингов военнопленных, авторы писем и резолюций, поступавших в большевистские газеты и издаваемые Советской властью органы печати для иностранных трудящихся.

Военнопленные из лагеря у станции Сусанино Московско-Виндавско-Рижской железной дороги обращались к В. И. Ленину как к вождю революции и защитнику угнетенных⁶⁶. Состоявшийся в Москве 3(16) декабря 1917 г. митинг военнопленных приветствовал Совет Народных Комиссаров, выразил солидарность с его политикой и призвал братьев солдат, рабочих и крестьян по ту сторону фронта поддерживать русскую революцию⁶⁷. Военнопленные обращались в органы Советской власти с предложениями помощи и содействия⁶⁸. Зарубежные интернационалисты внесли свой вклад в победу Советов и во второй столице — Москве.

Интернационалисты в вооруженном восстании в Москве

В то время как в Петрограде уже произошли важные исторические события, знаменовавшие собой приход к власти в России рабочих и трудящихся крестьян, в Москве все еще продолжалась подготовка к вооруженному восстанию. То обстоятельство, что политическая, организационная, техническая подготовка к взятию власти в Москве затягивалась, позволяло контрреволюционным элементам использовать время для дополнительных политических маневров и подтягивания сил. К тому же, искусно маневрируя, контрреволюция умело использовала подрывные действия меньшевиков и ошибки ряда других членов Советов рабочих и солдатских депутатов. Все это оказало влияние на то, что упорные уличные кровопролитные бои в Москве продолжались целую неделю.

Как и питерские рабочие, московские пролетарии входили в многочисленные отряды Красной Гвардии, рвавшиеся в решающий бой. Их готовность к борьбе нарастала со дня на день. Они были твердо уверены, что пришлое трудовое население, в первую очередь беженцы, будут вместе со всей революционной Москвой. Большевистский «Социал-демократ» писал в середине октября 1917 г., что естественными союзниками партии большевиков являются массы польских беженцев, изгнанные и измученные войной; только в большевистской партии они находят искренних и действительных друзей⁶⁹.

Трудящаяся часть польских беженцев, как и передовые группы работавших на московских предприятиях и в Подмоскovie военнопленных, все решительнее становилась на позиции борьбы за власть Советов. Так, собрание 700 рабочих эвакуированного в

Москву Варшавского арматурного завода в принятой резолюции заявило, что «только Советы могут спасти революцию и страну»⁷⁰.

Утром 25 октября (7 ноября) в Москве были получены известия о свержении Временного правительства и переходе власти в Петрограде к ВРК. Среди революционных воинских частей, вышедших в связи с этим на демонстрацию, был 55-й запасной полк. С сентября в этом полку служил Ст. Будзыньский, являвшийся одним из членов Военного бюро Московского комитета большевиков⁷¹. Он вместе с группой солдат-большевиков быстро добился перехода полка на большевистские позиции⁷². В обновленном полковом комитете, из которого были устранены эсеры, Будзыньский пользовался большим влиянием. Солдаты полка избрали его также в Московский Совет солдатских депутатов. Когда вечером 25 октября (7 ноября) объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов образовало наконец Московский ВРК, одним из трех кандидатов в его члены был избран и Будзыньский; он же входил в состав штаба, осуществлявшего военно-оперативное руководство восстанием⁷³. Вечером 28 октября (10 ноября) 1917 г. в обстановке проходивших с немалыми трудностями боев с контрреволюционными силами был утвержден «запасной штаб», руководителем которого партийный центр назначил члена ВРК Городского р-на польского интернационалиста Ст. Бобиньского⁷⁴.

Вечером 26 октября (8 ноября) по приказу ВРК Ст. Будзыньский вывел из казарм шесть наиболее надежных рот 55-го запасного полка, насчитывавших до 1500 солдат, и направил их в распоряжение ВРК⁷⁵. Сам Будзыньский вслед за тем принял участие в организации революционного штаба Замоскворецкого р-на⁷⁶, затем пробрался через кварталы, занятые юнкерами, в Московский ВРК и участвовал в уличных боях⁷⁷. Позже, 28 октября (10 ноября), на гарнизонном собрании полковых, ротных и прочих комитетов он был избран в Совет десяти, образованный взамен скатившегося на контрреволюционные позиции Исполкома Совета солдатских депутатов, и принимал деятельное участие в мобилизации частей гарнизона на борьбу против контрреволюции⁷⁸.

27 октября (9 ноября), когда в результате промедлений и ошибок, допущенных колебавшимися членами ВРК, в Москве создалась серьезная опасность для дела революции, основные пролетарские организации, руководимые большевиками, выпустили совместное обращение «К рабочим», призывая их к всеобщей забастовке и разгрому контрреволюции. Под этим обращением стояли подписи ВРК, Центрального совета профессиональных союзов Москвы, Центрального совета городских служащих и рабочих, МК большевиков, а также Московской организации СДКПиЛ⁷⁹.

Польские интернационалисты находились во многих отрядах Красной Гвардии и революционных армейских частях, вступив-

ших в разворачивавшиеся с 28 октября (10 ноября) уличные бои с юнкерами и другими силами контрреволюции. Компактной группой действовали польские интернационалисты-красногвардейцы с Варшавского арматурного завода, расположенного у въезда с Замоскворечья на Крымский мост. Несколько групп юнкеров, прорывавшихся в Замоскворечье, было остановлено и разоружено красногвардейцами с арматурного. Вместе с подошедшими красногвардейцами завода Михельсона они отбросили юнкеров, овладели Крымской площадью, и открыли выход отрядам Красной Гвардии и солдатам из Замоскворечья на Садовое кольцо⁸⁰. Красногвардейцами с завода Михельсона командовал М. Кжеминьский, член ППС с 1904 г., затем ППС-левицы, а с 1917 г. большевик, многократный узник царизма, опытный организатор. Кжеминьский⁸¹, как отмечает один из руководителей Красной Гвардии Москвы, Ян Пече, решительно осуждал тактику выжидания, проводившуюся частью членов ВРК, участвовал в занятии электростанции и в боях за Крымский мост⁸². Польские интернационалисты составляли значительную часть отряда Красной Гвардии фабрики Тильманиса на Пресне. Обучали красногвардейцев бывшие солдаты-фронтовики А. Пжевоцкий, А. Манцевич, М. Секлицкий. 26 октября (8 ноября) группа красногвардейцев во главе с Юзефом Кибортом заняла участок милиции. Затем они участвовали в боях в районе Кудринской площади, на Садово-Кудринской, Большой и Малой Никитских улицах⁸³.

Тем временем упорная борьба развернулась в Городском р-не. Интернационалисты были здесь участниками многих боев. В революционном штабе Городского р-на, помещавшемся на Сухаревской площади в трактире Романова, вместе с О. А. Варенцовой находился Ст. Бобиньский. «Тов. Бобиньский вместе с т. Варенцовой и с одним офицером из соседних казарм разрабатывал боевые планы, но больше, чем в штабе, он находился на улицах, — пишет участник событий В. Сирота, — часто появлялся в жарких местах, проверяя на месте выполнение планов, или принимал непосредственное участие в проведении того или другого боевого действия»⁸⁴.

Опоясав район Сухаревской площади баррикадами и окопами, революционный штаб двинул красногвардейцев и революционных солдат на телеграф, почтамт и телефонную станцию. В последней юнкера оказывали упорное сопротивление. В зону боев стали прибывать революционные отряды из других частей города. Со стороны Солянки с боями пробивался отряд, сформированный по собственной инициативе польским интернационалистом членом СДКПиЛ с 1903 г. Якубом Венглиньским⁸⁵.

На помощь восставшему пролетариату Москвы начали прибывать отряды красногвардейцев и революционных солдат Подмосковья. Из Серпухова, где власть перешла к Совету еще 26 октября (8 ноября), вместе с другими революционными силами прибыли красногвардейцы-военнопленные. Они участвовали в за-

нятии Курского вокзала, вокзалов на Каланчевской площади, а затем в боях за Кремль⁸⁶. С отрядом из 36 красногвардейцев (в их числе 8 военнопленных-интернационалистов) из Клина прибыл австрийский солдат А. Холлик⁸⁷. В боях за Кремль, а до того в штурме Александровского военного училища приняла участие группа работавших на заводе Гужона военнопленных во главе с членом венгерской социал-демократической партии с 1909 г. Фр. Карикашем⁸⁸. Здесь, у Кремля, скрестились боевые пути многих зарубежных интернационалистов, сражавшихся в рядах восставшего московского пролетариата. За Кремль боролась группа польских интернационалистов во главе с Ст. Бобиньским⁸⁹. Тут же находился член СДКПиЛ с 1898 г., гласный Марьино-Суцевской районной думы А. Ягодзиньский⁹⁰. В штурме Кремля принял участие отряд Я. Венглинского, после боев в районе Солянки выбивавший юнкеров из Китай-города и помогавший взятию гостиницы «Метрополь»⁹¹. Член польской социал-демократии с 1898 г. каменщик И. Грушковский возглавил успешную атаку на юнкеров, засевших на Никольской улице. Рядом с И. Грушковским сражался и был ранен его сын⁹². В боях в Городском р-не, а затем и за Кремль участвовал член СДКПиЛ с 1903 г. рабочий-жестянщик Ян Щепаньский, прошедший в царских тюрьмах и ссылке 11 лет⁹³. Освобождали Кремль член СДКПиЛ с 1903 г. депутат Московского Совета от рабочих фабрики Высоцкого М. Кравчинский⁹⁴, оказавшийся в Москве по партийным делам депутат Екатеринбургского городского Совета член СДКПиЛ с 1917 г. К. Бенек и др. Ответственные поручения по поддержанию связи между Московским ВРК и районными военно-революционными комитетами выполнял Э. Прухняк⁹⁵, С. Лазоверт ведал охраной Басманного р-на и транспортом продовольствия⁹⁶.

В составе прибывших на помощь московским пролетариям из близлежащих промышленных городов отрядов красногвардейцев было немало недавних военнопленных. Так, из Иваново-Вознесенска во главе с Ф. Янчиком прибыли 22 венгерских интернационалиста. Рядом с ними за власть Советов сражались в дальнейшем ставшие видными военными и политическими деятелями Я. Ивани, Л. Винерман и др.; как позднее писал Ф. Карикаш, в ходе боев за последние оплоты контрреволюции «оказалась нарушенной заводская организационная структура Красной Гвардии. Из кусков лагерь к нам подходили во все большем количестве совершенно неизвестные военнопленные, судя по языку, сербы и румыны...»⁹⁷.

В боевых действиях московской Красной Гвардии приняла участие группа югославских рабочих, в их числе С. Никетич, Т. Груич, П. Михалчич⁹⁸. На Арбате и на Воробьевых горах сражался черногорский революционер В. Маркович. Свой долг пролетарской революционерки выполнила в те исторические дни француженка Жанна Лябурб, в течение многих лет связанная с революционным движением в польских землях⁹⁹. На Моховой и

Знаменке, на Новинском бульваре и в других местах сражавшейся Москвы можно было увидеть красногвардейца-испанца Травинно¹⁰⁰. Среди сражавшихся за власть Советов были и болгарские революционеры К. Иванов и Т. Чолаков, И. Дечев, М. Георгиев¹⁰¹.

1 (14) ноября, когда события были близки уже к развязке, «Социал-демократ» сообщил, что на помощь терпевшим поражение силам контрреволюции пришли французские артиллеристы¹⁰². Речь шла об артиллеристах находившегося в Москве французского батальона; командующий Московским военным округом полковник Рябцев пытался вовлечь батальон в борьбу против восставшего пролетариата, но офицеры французской миссии, сославшись на инструкцию о невмешательстве во внутренние русские дела, отказали ему¹⁰³. По-видимому, позиция офицеров французской миссии в Москве диктовалась не столько действительной или мнимой инструкцией — ведь французские дипломатические и военные представители еще до Октября активно поддерживали российскую контрреволюцию и инспирировали многие ее заговоры, сколько трезвым учетом соотношения сил и морально-политического состояния французов солдат. Во всяком случае, уже в день опубликования в «Социал-демократе» указанного сообщения газета получила письмо от командира французского отряда, в котором опровергались сведения об участии французских артиллеристов в борьбе против рабочих и солдат. Публикуя это письмо, редакция «Социал-демократа» сопроводила его следующей заметкой: «Мы, конечно, рады, что сообщенное нами оказалось неправдой и что французские артиллеристы не с врагами народа. Мы враги империалистов-захватчиков, к какой бы нации они ни принадлежали, но мы стремимся быть в полном единстве с рабочими и крестьянами всего мира»¹⁰⁴.

Среди тех, кто отдал жизнь за победу революции в Москве, были борцы разных стран. Вместе с другими героями уличных боев на Красной площади под стенами Кремля был похоронен польский рабочий-беженец Я. Вальдовский¹⁰⁵ — боец Пресненского отряда Красной Гвардии. В этом же отряде состоял другой рабочий-беженец — Кароль Сверчевский, в дальнейшем командир Красной Армии, один из героев борьбы испанского народа против фашистских мятежников и итало-германских интервентов, участник Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков, один из выдающихся организаторов и руководителей народного Войска Польского¹⁰⁶.

После победы восстания в Московский ВРК явились делегаты от военнопленных чехов, словаков, поляков, немцев и венгров, содержавшихся в лагерях на ст. Владыкино Московской окружной железной дороги. Они передали ВРК 412 руб. 78 коп., собранных военнопленными¹⁰⁷. Конечно, дело было не в размерах этой помощи, а в самом том факте, что, довольно многочисленная группа военнопленных различных национальностей сочла нужным выделить часть своих копеечных заработков на

поддержку пролетарской революции. В ВРК обратились и делегаты военнопленных солдат австро-венгерской и германской армий, работавших на заводе Гужона. Как уже указывалось, именно среди этой группы сложилось ядро во главе с Ф. Карикашем, игравшее заметную роль в развитии движения интернационалистов в Москве и Подмоскowie. Военнопленные с завода Гужона были участниками уличных боев в Москве. Их делегаты просили ВРК напечатать на немецком, венгерском, болгарском, румынском и других языках воззвание, составленное самими военнопленными социал-демократами, а затем распространить его среди солдат германской и австро-венгерской армий¹⁰⁸. 9(22) ноября «Деревенская правда» — орган Московской военной организации РСДРП(б), а также некоторые другие газеты опубликовали обращение «Восстаньте, народы Германии и Австро-Венгрии!», подписанное — «Военнопленные австрийцы и германцы, работающие на заводе Гужона в Москве». Авторы его призывали создавать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, полковые, ротные, фабричные и заводские комитеты, поднимать знамя восстания, брать власть в руки трудящихся, добиваться «честного демократического мира», социализма и дружбы народов¹⁰⁹. В этом документе, написанном чуть ли не в ходе восстания, поражает не столько его политическая страстность, сколько идейная глубина. Для его составителей революция в России — дело не только русского народа, это дело международного пролетариата.

Обращение военнопленных было одним из ярких свидетельств идейно-политического воздействия большевиков на ту часть зарубежных трудящихся, которая оказалась свидетельницей и участницей величайшей революции. Тот факт, что солидарные действия во время вооруженной борьбы были вызваны осознанным восприятием главных, решающих в данный момент положений большевистской политической программы, подчеркивал ее большое влияние на иностранных пролетариев и международное значение.

Вооруженное восстание в Петрограде и Москве сопровождалось многими яркими проявлениями пролетарского интернационализма, сплочения трудящихся из разных стран вокруг российских рабочих и солдат, совершивших под руководством большевиков социалистическую революцию. Конечно, для исхода восстания участие в нем зарубежных союзников по классу практически имело небольшое значение. Но оно поднимало дух бойцов, оно вселяло уверенность, что за идущим рядом рабочим из Польши, солдатом-военнопленным из Австро-Венгрии или Германии пойдут их соотечественники, что знамя социализма, победно взметнувшееся в Петрограде и Москве, взвzвется над всем миром.

С победой вооруженного восстания в Петрограде и Москве, с образованием Советского правительства и принятием первых декретов Советской власти, с превращением партии большевиков

в правящую партию образовавшейся Российской Советской Республики начался новый этап социалистической революции — триумфальное шествие Советской власти.

В период триумфального шествия Советской власти

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и в Москве положила начало установлению Советской власти на всей необъятной территории Российского государства. Происходило своего рода триумфальное шествие Советской власти. Ее установление в подавляющем большинстве местностей совершалось мирным путем и в короткие сроки.

«История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение... Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны, — писал В. И. Ленин в марте 1918 г. — Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик... Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран»¹¹⁰.

Среди этих миллионов была и передовая часть трудящихся из-за рубежа, которых Великий Октябрь и триумфальное шествие Советской власти застали там, где вслед за Петроградом и Москвой устанавливалась Советская власть. Как в Петрограде и Москве, так и по всей стране, привлечение различных групп выходцев из-за рубежа к активной революционной деятельности явилось результатом огромной идеологической, политико-воспитательной и организационной деятельности, которую партия большевиков, ее местные организации вели среди беженцев, отходников, военнопленных и других групп, составлявших многомиллионное население России¹¹¹.

Результаты этой деятельности проявились и в октябрьские дни и — еще более широко — в послеоктябрьский период.

Почти тотчас же вслед за Москвой была установлена Советская власть на всей территории центральных и промышленных губерний. Почти повсеместно — в Туле, Твери, Иваново-Вознесенске, Курске, Орле, Казани, Пензе, Саратове, Симбирске и многих других больших и малых городах — известное участие в утверждении власти Советов приняли и передовые круги беженцев и военнопленных¹¹².

Уже 25 октября (7 ноября) 1917 г. тотчас же за получением известия о вооруженном восстании в Петрограде Минский Совет,

в котором большевики и сочувствовавшие им депутаты с сентября имели преобладающее большинство, взял всю власть в городе и обратился с воззванием, призывавшим к образованию Советов на местах и взятии ими власти¹¹³.

На территории Белоруссии находилось более 1,5 млн солдат Западного фронта и Минского военного округа. Среди них успешно действовали большевистские организации, которыми руководил Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) во главе с А. Ф. Мясниковым (Мясниканом). Органической частью большевистской партии являлись польские социал-демократические организации. В связи с средоточением в Белоруссии больших групп польских беженцев и значительного удельного веса поляков среди солдат Западного фронта, а равно с нахождением на территории Белоруссии польских помещиков и 1-го корпуса генерала Ю. Довбор-Мусьницкого на организации польских социал-демократов ложилась большая ответственность¹¹⁴. Многие польские социал-демократы играли заметную роль в революционном движении в Белоруссии. Например, член СДКПиЛ с 1904 г. делегат V съезда РСДРП(б) Ф. Гжелщак, призванный в царскую армию в 1914 г., был еще летом 1917 г. избран членом Армейского комитета 2-й армии Западного фронта, от армии же его избрали депутатом Учредительного собрания. Делегат II Всероссийского съезда Советов, он выступал на нем, о чем речь уже шла несколько выше. Его товарищи по СДКПиЛ и РСДРП(б) поднимали рабочих и трудящихся крестьян на то, чтобы следовать примеру питерских и московских рабочих.

Так, бывший подпоручик царской армии, член полкового комитета Белгородского польского запасного полка, затем его представитель в Минске, где он вступил в СДКПиЛ и РСДРП(б), В. Дашкевич руководил в октябрьские дни занятием революционными войсками минского почтамта, затем был командиром 1-го революционного полка им. Минского Совета, руководил военным отделом Польского комиссариата Западной области и фронта¹¹⁵; комиссаром по польским делам Военно-Революционного Комитета области и фронта, а затем и одним из народных комиссаров Белорусской и Литовско-Белорусской советских республик был другой польский интернационалист — С. Берсон, расстрелянный несколько позднее польскими интервентами¹¹⁶.

Укрепление Советской власти в Минске произошло в борьбе против штаба Западного фронта, городской думы, фронтового комитета, в котором верховодили эсеры и меньшевики, польских, белорусских и других буржуазно-националистических контрреволюционных органов и организаций. Советские органы с успехом решили одну из важнейших задач момента — не допустить переброски подкреплений для поддержки мятежа Керенского—Краснова.

Важной, но с большими трудностями решавшейся задачей являлись усилия, прилагавшиеся польскими интернационалистами, направленные к демократизации 1-го Польского корпуса. Коман-

дование корпуса не допускало проведения мер по демократизации армии, установленных советским верховным командованием, — избрания ротных, полковых и других комитетов, выборности командного состава и т. д. Центральная советская печать неоднократно обращала внимание на ненормальное положение в корпусе¹¹⁷ и связанную с этим опасность того, что корпус станет орудием борьбы против Советской власти. Корпус представлял собой один из существенных элементов того, что В. И. Ленин характеризовал как корниловские войска «второго призыва»¹¹⁸. «Известия ВЦИК» в корреспонденции из Могилева отмечали, что расквартированные в Белоруссии польские легионы — части 1-го корпуса — препятствуют осуществлению земельной реформы, защищают интересы польских помещиков, «разжигают и поддерживают национальную рознь... Этому необходимо положить конец — в интересах польской демократии, польских рабочих и крестьян и самих польских солдат»¹¹⁹. На состоявшемся в том же Могилеве в декабре I губернском съезде Советов говорилось о том, что польские легионы «игнорируют местный Совет рабочих и солдатских депутатов и даже стремятся навязать ему свою волю»¹²⁰.

В Минск после Октябрьской революции перебрался основной военный центр польской контрреволюции — Главный польский военный комитет (Начполь), одним из членов которого являлся и Довбор-Мусьницкий, а председателем — С. Рачкевич, ставший сенатором в буржуазно-помещичьей «санационной» Польше, а после ее краха «президентом» в эмиграции. Когда польские интернационалисты Минска 4 (17) ноября 1917 г. приступили к изданию под редакцией С. Берсона своей газеты «Правда» (вскоре она стала выходить под названием «Польска правда»), генерал Довбор-Мусьницкий попытался было подчинить ее в своей цензуре. Эта попытка окончилась неудачей. Но и советское командование, и местные органы Советской власти не имели достаточных сил для обуздания и ликвидации центров польской контрреволюции в Белоруссии.

Правда, командованию корпуса не удалось воспрепятствовать разгрому такого центра общероссийской контрреволюции, которым являлась Ставка верховного главнокомандующего, находившаяся в Могилеве. Не помогли и стягивавшиеся к Могилеву генералом Н. Н. Духониним некоторые части 1-го Польского корпуса. Однако другие части того же корпуса содействовали бегству 19 ноября (1 декабря), накануне прибытия в Ставку советского верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, из «тюрьмы» в Быхове содержащихся там в заключении главарей поднятого в августе 1917 г. контрреволюционного мятежа Л. Г. Корнилова и его сподвижников А. И. Деникина, А. С. Лукомского и др. В этой «тюрьме» (здании бывшей женской гимназии) генералов и заговорщиков посещал командир дислоцированной вокруг Быхова одной из дивизий 1-го Польского корпуса. Довбор-Мусьницкий приказал командиру дивизии оберегать Кор-

нилова и др. Когда же генералы-заговорщики оставили «тюрьму» и стали пробиваться на Дон и Северный Кавказ, штаб польской дивизии снабдил Деникина удостоверением, согласно которому он якобы являлся помощником начальника польского перевязочного отряда ¹²¹.

Вслед за разгромом контрреволюционной Ставки из Могилева в Киев поспешили переехать военные миссии Франции, Англии и США.

На Украине при далеко неодинаковом соотношении сил в различных по экономическому, социальному и политическому положению губерниях ¹²², где около двух третей промышленных рабочих было сосредоточено на крупных предприятиях Донбасса, в Екатеринославской и Харьковской губерниях, являвшихся прочной опорой революции ¹²³, ко времени победы Октябрьской революции различные буржуазные, националистические и соглашательские партии сохраняли влияние на относительно широкие круги населения, особенно на Правобережье. К тому же на территории Украины находились отдельные части румынской королевской армии, формировавшиеся 2-й и 3-й Польские корпуса, Чехословацкий корпус, Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев, сравнительно большая сеть не только украинских, но и польских и других контрреволюционных и соглашательских организаций и, наконец, Центральная рада, ее местные органы и созданные ею вооруженные силы. Центральная рада, в которой большинством мест располагала Украинская партия социалистов-революционеров, заняла враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции. В упорной борьбе, которую вели под руководством большевиков 29—31 октября 1917 г. рабочие дружины против контрреволюционных сил в Киеве, возглавлявшихся штабом Киевского военного округа, войска Временного правительства потерпели поражение. На стороне контрреволюции в то время выступили чехословацкие части, против чего безуспешно протестовал Центральный комитет Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в России ¹²⁴. Разгромом юнкеров и других мятежников сумела воспользоваться Центральная рада. Она объявила себя верховным органом власти в провозглашенной ею 7(20) ноября 1917 г. «Украинской народной республике». Рада, тесно связанная с поднявшим на Дону мятеж генералом Калединым, антантовскими миссиями, командованием и политическим руководством чехословацкого корпуса и др., стала одним из главных центров всероссийской контрреволюции. В Киев под опеку Рады потянулись остатки разгромленной Ставки, некоторые избежавшие ареста бывшие министры и другие главари контрреволюции.

То, что Киевский комитет РСДРП(б) и по его инициативе Совет рабочих и Совет солдатских депутатов, заняв ошибочную позицию, признали власть Рады ¹²⁵, а за ними и некоторые партийные организации и Советы, тормозило развитие революционного процесса в целом, в том числе среди тех организаций, групп

беженцев, отходников, военнопленных, которые поддержали решения II Всероссийского съезда Советов.

Ошибки, допущенные отдельными партийными организациями, сочетались с единым и общим, направляемым ЦК РСДРП(б) курсом на дальнейшую большевизацию Советов и солдатских комитетов всех ступеней. Большое влияние на развертывание революционного движения на Украине оказал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» Совета Народных Комиссаров, текст которого был написан В. И. Лениным¹²⁶.

Крупнейшей вехой в развитии событий на Украине явился состоявшийся 11—12 (24—25) декабря 1917 г. в Харькове I Всеукраинский съезд Советов¹²⁷. Съезд провозгласил Украину Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а Раду объявил вне закона¹²⁸. Созыву съезда предшествовало установление в городе власти большевизированного Совета и разоружение сил Рады — петлюровских гайдамаков. Большую роль в этих событиях сыграли и польские рабочие, особенно эвакуированного из Варшавы завода «Герлях и Пульст». В принятой ими резолюции указывалось, что «настало время осуществления Советской власти на деле»¹²⁹.

По всей Украине расширилась борьба против Рады, за установление власти Советов. Повсеместно активными участниками этой борьбы были польские интернационалисты¹³⁰. Когда революционные войска Советской Украины, в том числе два отряда чехословацких добровольцев, насчитывавших 400 бойцов¹³¹, находились на подступах к Киеву, в городе началось восстание против Рады. Основной силой Рады были отряды, которыми командовали бывший фельдфебель австро-венгерской армии С. Коновалец и его сподручные, в дальнейшем гитлеровские приспешники, кровавые палачи украинского народа¹³². Наиболее ожесточенные и упорные бои велись в Киеве у завода «Арсенал». Здесь одним из руководителей героической борьбы «арсенальцев» был Ипполит Фиалек. Участник польского революционного рабочего движения с начала 90-х годов Фиалек, как писал о нем С. Бобинский, «был одним из выдающихся рабочих в нашей (СДКПиЛ.— Авт.) партии, выделялся своею развитостью, способностями и энергией и имел рекордное количество арестов, насчитывавшихся десятками»; Дзержинский «говорил о нем с восхищением и высоко ценил»¹³³.

Работая с 1916 г. на «Арсенале», Фиалек вскоре стал признанным вожаком рабочих, был избран ими в Киевский Совет рабочих депутатов и в Исполнительный комитет Совета, выдвигался кандидатом при выборах в Учредительное собрание, неизменно в рядах большевиков и польских социал-демократов вел борьбу за власть Советов. Раненный во время закончившегося неудачей восстания на «Арсенале», он случайно избежал расправы, а через несколько дней власть Рады рухнула под напором революционных сил. Против Рады в Киеве отважно сражался и отряд ин-

тернационалистов сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, которым командовал рабочий М. Чанак¹³⁴. Предательская Рада, вступившая в сговор с германскими и австро-венгерскими империалистами, смогла вернуться в Киев лишь в результате развернувшейся германской вооруженной интервенции.

К тому времени, когда еще до вмешательства интервентов рухнула власть Рады, Советская власть фактически установилась на всей Украине, а вскоре разгрому подвергся и контрреволюционный мятеж, охвативший было Донскую и прилегающие области. Одним из руководителей революционной борьбы в Ростове-на-Дону был польский социал-демократ, большевик, член Ростовского ВРК П. Жук¹³⁵.

Сражались с каледи́нцами и интернационалисты-военнопленные, работавшие на шахтах и предприятиях Донецкого бассейна. В разгроме как Центральной рады, так и каледи́нщины деятельными участниками были и многие из выходцев из-за рубежа, видевшие в борьбе за Советскую власть свое кровное дело¹³⁶. Так, в Екатеринославе, а также в Бердянске представители групп СДКПиЛ входили в состав городских революционных (военно-революционных) комитетов. Одним из главных очагов революции в Екатеринославе был Брянский завод, среди 6 тыс. рабочих которого немалую часть составляли польские беженцы, а также военнопленные из разных стран. Из среды последних был организован особый красновардейский отряд. В создание этого отряда включился прибывший из Петрограда Д. Сердич. Когда 1(14) января 1918 г. пролетарский Екатеринослав провожал в последний путь погибших в борьбе за власть Советов красновардейцев, местная большевистская газета констатировала: «В этой борьбе один путь у москвича и у екатеринославца, у петроградца и харьковчанина, у русского и немца, у украинца и у поляка»¹³⁷.

В Одессе, где Советская власть победила в вооруженной борьбе против гайдамаков 18(31) января 1918 г., среди сражавшихся за нее были и румынские, и польские, и югославянские, и другие интернационалисты. Вскоре многие из них включились в борьбу против войск королевской Румынии, начавших 4(17) января 1918 г. наступление на советские земли.

Многие видные польские интернационалисты после царских тюрем и ссылок для восстановления здоровья приехавшие в Крым, стали здесь участниками и руководителями борьбы за власть Советов¹³⁸.

Немало польских социал-демократов после Февральской революции включались в работу тех большевистских организаций, в зоне деятельности которых они до того отбывали каторгу или ссылку.

Так, членом Иркутского городского комитета РСДРП(б) стал после Февральской революции В. Матушевский, начавший свою революционную деятельность в Варшаве еще в конце 80-х годов. Профессиональный революционер, не раз бывший узником царизма, делегат ряда съездов СДКПиЛ и V съезда большевистской

партии, он после нескольких месяцев партийной работы в Иркутске с августа 1917 г. работал в Красноярске, был одним из организаторов большевистской газеты «Красноярский рабочий», участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в январе 1918 г.; после мятежа чехословацкого корпуса сражался в партизанском отряде, вел большую подпольную партийную работу и мученически погиб в белогвардейском застенке¹³⁹.

В одно время с Матушевским в Красноярске работал другой польский интернационалист, также многократный узник царизма Ф. Врублевский. Находясь в ссылке в Ачинске он создал в 1916 г. большевистскую группу среди солдат местного гарнизона. Группа установила связь с томскими большевиками. Член Среднесибирского областного бюро РСДРП(б) с августа 1917 г., выдающийся публицист и организатор, Врублевский стал одним из руководителей революционного подполья в пору колчаковского правления в Сибири¹⁴⁰. Вместе с Врублевским в составе Среднесибирского областного бюро РСДРП(б), возглавлявшего большевистские организации Томской, Енисейской и части Иркутской губерний, входила профессиональная революционерка, член СДКПиЛ с 1903 г. Янина Красовская-Пекаж, в 1919 г. замученная в колчаковской тюрьме¹⁴¹. В Восточной Сибири широкую политическую и военную революционную работу проводил А. Рыдзинский, революционная деятельность которого началась в 90-е годы в Варшаве¹⁴².

Наряду с Красноярском одним из главных центров революционного движения в Восточной Сибири являлся Томск. Еще до Февральской революции томские большевики установили связь с революционным кружком в местном лагере военнопленных, сложившимся вокруг Б. Куна, Ф. Мюнниха, К. Рейнера и др. В апреле 1917 г. оказавшийся в госпитале Б. Кун использовал более благоприятные, чем в лагере, условия для того, чтобы обратиться с письмом в местную социал-демократическую организацию. Напомнив, что на Амстердамском конгрессе II Интернационала, проходившем во время русско-японской войны, Г. В. Плеханов и Сэн Катаяма дружески обнялись и показали этим, что «международная солидарность социал-демократии не может быть задущена даже кровопролитием», Б. Кун писал, что страстно ждет того дня, «когда мы сообща будем продолжать наше общее дело — освобождение пролетариев всех стран...»¹⁴³. Так как гарнизон Томска (а его численность доходила до 70 тыс. человек¹⁴⁴) находился под преобладающим влиянием большевиков, то гарнизонному Совету удалось еще до Октябрьской революции и установления Советской власти добиться освобождения Б. Куна и ряда его товарищей из лагеря военнопленных. Это позволило им развернуть довольно широкую революционную работу среди военнопленных. Работа приняла столь значительные масштабы, что находившийся тогда в Томске Н. Н. Яковлев — один из видных деятелей большевистской партии, издавна переписывавшийся с Н. К. Крупской, — посчитал необходимым специально инфор-

мировать ЦК партии и лично В. И. Ленина об интернационалистском движении среди военнопленных¹⁴⁵.

Уже в период подготовки социалистической революции в томском, как и в других лагерях, возникли комитеты военнопленных. Они способствовали приобщению передовой части военнопленных к российскому революционному движению, вели борьбу против повиннистических и контрреволюционных элементов из военнопленных, создавали интернационалистские группы и отряды Красной Гвардии. После установления Советской власти в ряде лагерей комитеты военнопленных уступили место Советам военнопленных; при томском Совете военнопленных работала школа агитаторов, которую возглавлял Ф. Мюнних¹⁴⁶, в дальнейшем командир одного из батальонов Красной Армии, видный политический и военный деятель Венгерской Советской Республики, командир одной из интернациональных бригад, сражавшихся в Республиканской Испании против фашистских мятежников и итапо-германских интервентов, ряд лет глава правительства Венгерской Народной Республики.

Столь же активно поддерживала передовая часть военнопленных борьбу за установление и защиту Советской власти на Дальнем Востоке, в Западной Сибири, на Урале, в Средней Азии и в других районах, губерниях, областях страны¹⁴⁷.

Животворной силой, способствовавшей широкому развитию различных форм сотрудничества выходцев из других стран с российским пролетариатом и его авангардом — партией большевиков, являлась вся политика Советского государства, направленная на завершение империалистической войны демократическим миром, на решение аграрного и национального вопросов в интересах трудящегося крестьянства и угнетенных народов, на ликвидацию капиталистической эксплуатации и движение всего общества по пути, ведущему к социализму.

Слово В. И. Ленина, декреты Советской власти, документы большевистской партии, вся действительность Страны Советов помогали тысячам военнопленных, беженцев, отходников активнее включаться в поддержку великих задач Советской власти. В результате широко поставленной агитационно-пропагандистской работы большевиков, издания в центре и на местах многих газет, листовок, брошюр на языках, родных для тех, кто оказался в пределах России, ускорялся процесс приобщения временных контингентов населения к делу борьбы и созидания, развернувшихся в Стране Советов.

Все звенья большевистской партии считали своим прямым долгом ведение революционной пропаганды среди военнопленных, беженцев, отходников, среди хлынувших на страну с запада и востока, с севера и юга интервенционистских войск. Был создан и специальный орган, призванный способствовать политическому просвещению иностранных трудящихся и солдат, находившихся как в России, так и в других странах, — Отдел международной пропаганды при Народном комиссариате иностранных дел. Обра-

зованный в декабре 1917 г., Отдел затем подвергался ряду преобразований, обусловленных задачами момента. Помимо того, делами военнопленных занимались другие органы Советской власти, в первую очередь Военный отдел ВЦИК и действовавшее при нем по инициативе Я. М. Свердлова Бюро пленных, которое возглавлял член ВЦИК И. И. Ульянов. В апреле 1918 г. был создан центральный орган по делам временного населения — Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, руководство которым было возложено на Ю. Уншлихта.

Советское правительство принимало меры по ликвидации принудительного труда военнопленных, по приравниванию их заработков к заработкам российских рабочих, по демократизации режима в лагерях, по оказанию помощи беженцам, поставив во время переговоров с Центральными державами вопросы о взаимном улучшении положения пленных и других категорий населения воюющих стран, оказавшегося во власти другой стороны. Оно делало все возможное для урегулирования вопроса о военнопленных и беженцах на максимально благоприятных для них условиях, но неизменно во время переговоров в Бресте и Петрограде сталкивалось с решительным противодействием противников России по мировой войне каким-либо мерам, облегчавшим положение военнопленных и беженцев¹⁴⁸.

Несмотря на ограниченные материальные возможности Советской власти, сам характер, существо ее политики поднимали все более широкие круги беженцев и военнопленных на активную и всестороннюю борьбу по упрочению и дальнейшему развитию дела, начатого Великим Октябрем. Практически повсеместно, где были беженцы и военнопленные, они по собственной инициативе образовывали комитеты, группы, советы, ставившие своей главной задачей оказание посильной помощи Советской власти, выражавшие свою поддержку проводимой ею политике. Как и раньше, в полном единстве с партией большевиков действовали группы польской социал-демократии.

К концу 1917 г. во всех крупных городах и административных центрах, где были сосредоточены военнопленные, возникли их комитеты, стоявшие на позициях поддержки Советской власти. При этом, понятно, создававшимися благоприятными политическими условиями стремились воспользоваться в своих целях националистические реакционные элементы из военнопленных, разворачивавшие при поддержке представительств датского и шведского Красного Креста, дипломатических миссий различных стран, российских контрреволюционных элементов довольно широкую деятельность, направленную на то, чтобы использовать соответствующие круги военнопленных и беженцев для вовлечения их в прямую борьбу против Советской власти. Такие попытки далеко не всегда оказывались безуспешными. Но энергичный отпор оказывала им все возрастающая часть военнопленных и беженцев, для которой солидарность с Советской властью, с ее борьбой за мир, за социальную справедливость и национальное

равенство становилась отвечающей их непосредственным интересам, подлинным жизненным интересам их стран и народов, интересам всего человечества.

Первоначально организации революционных кругов военнопленных были преимущественно однонациональными по своему составу, носили локальный или региональный характер. Возникший Петроградский революционный центр (комитет) военнопленных, о деятельности которого сохранились лишь весьма отрывочные сведения, не сыграл крупной роли, хотя, несомненно, весьма деятельно способствовал работе тех органов Советской власти, которые были образованы для политико-просветительной работы среди военнопленных и оказания им всесторонней возможной помощи.

В крайне сложных условиях, возникших в результате германской, австро-венгерской, турецкой, румынской интервенции, контрреволюционных заговоров и мятежей, многие из которых и инспирировались, и возглавлялись агентурой антантовских правительств, стала резко возрастать революционная активность зарубежных трудящихся — очевидцев борьбы партии большевиков, Советской власти за мир, за глубочайшие социальные и политические преобразования. Политико-просветительная и организаторская работа большевиков непрерывно расширяла их воздействие на военнопленных, беженцев, отходников.

Все более прочными становились связи большевистских организаций в центрах и на местах с передовыми кругами возраставшего численно и идейно движения зарубежных интернационалистов, находившихся в Стране Советов. Возникла потребность в сплочении их отдельных групп и создании их организации в широком общегосударственном масштабе. Об этом все чаще писали большевистские газеты и издания, специально предназначенные для военнопленных, а также беженцев и др., такие, как польские социал-демократические газеты «Трыбуна» и «Польска правда», румынская «Лупта», петроградские «Фёлькенфриден», «Революцион», самарская «Фрайе ворте», чешские киевская «Свобода» и петроградский «Походен», венгерская петроградская «Немзеткози социалишта», самарская «Эбредэш»¹⁴⁹.

16(29) декабря 1917 г., сообщая о предстоявшем в тот же день митинге военнопленных, «Правда» писала, что «жертвы кровавой преступной бойни империалистов всех стран сойдутся вместе с русскими рабочими, как братья одной общей семьи всех трудящихся»¹⁵⁰. Участники многолюдного интернационального митинга выражали поддержку политике Советской власти, указывали на необходимость создания единой массовой организации военнопленных, действующей в тесной связи с большевистской партией, подчеркнули, что Октябрьская революция открыла путь к завершению войны справедливым миром¹⁵¹. Митинг дал своего рода завершающий толчок к созданию организации военнопленных социал-демократов в России. С самого начала организация выступала и как революционно-интернационалистская и

последовательно патриотическая, так как равно ставила задачи борьбы в поддержку Советской власти в России и подготовки сил к последующей революционной борьбе у себя, в своих странах. Деятельность организации разворачивалась при содействии со стороны Международного и Военного отделов ВЦИК, всех большевистских организаций.

17 февраля 1918 г. на новом массовом митинге, созванном при содействии созданного по инициативе секретаря ЦК РСДРП(б), председателя ВЦИК Я. М. Свердлова Всероссийского бюро пленных при Военном отделе ВЦИК, руководство бюро было возложено на члена ВЦИК И. И. Ульянова — был образован интернациональный по составу Социал-демократический революционный центр (комитет) военнопленных.

Социал-демократический центр (комитет) военнопленных был создан как раз накануне того дня, когда, прервав мирные переговоры и нарушив соглашение о перемирии, германские и австро-венгерские войска, а за ними и турецкие перешли в наступление по всему фронту и приступили к вооруженному захвату Советской земли. Используя свое бесспорное военное превосходство над только что начавшей создаваться Красной Армией, интервенты, встречая всенародный отпор, продвигались в глубь Страны Советов.

21 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял написанный В. И. Лениным декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Указав на то, что германский милитаризм хочет задушить революцию, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы банкирам, декрет-воззвание обязывал все средства и силы страны целиком предоставить делу революционной обороны. Всем Советам и революционным организациям вменялось в обязанность «защищать каждую позицию до последней капли крови»¹⁵².

Вместе со всеми российскими трудящимися на защиту социалистического отечества поднялись тысячи зарубежных интернационалистов. Были они и среди тех, кто преградил путь интервентам на Петроград, кто стремился отстоять от переметнувшихся на сторону интервентов Украинской Центральной рады и корпуса Довбор-Мусьницкого Украину и Белоруссию¹⁵³, Донскую область и Прибалтику. ЦИК групп СДКПиЛ в России, конференция секций ППС-левицы в России, митинги австрийских, немецких, чешских, венгерских, югославянских военнопленных призывали к защите дела Октябрьской революции¹⁵⁴. На оккупированных территориях интервенты беспощадно расправлялись с оказывавшимися в их власти зарубежными интернационалистами — защитниками Страны Советов. Дело отпора германским интервентам, защиты революции, надежд на мир и стремления к лучшему будущему побудили многих до того не столь уж активных беженцев и военнопленных стать на защиту великого завоевания российского и мирового пролетариата — Советской власти. Зарубежные интернационалисты были и там, где велись бои про-

тив германских и австро-венгерских интервентов, и там, где велась борьба против калединских, дутовских, семеновских банд и других сил внутренней контрреволюции, против разворачивавшейся интервенции империалистов Англии, Японии, США, Франции и других стран...

В связи с переездом Советского правительства из Петрограда в Москву и переездом туда же многих руководящих деятелей СДКПиЛ, а также интернационалистского движения военнопленных задачи Социал-демократического революционного центра (комитета) военнопленных в Петрограде, еще не успевшего даже войти в контакт с многочисленными сложившимися к тому времени организациями, охватывавшими отдельные лагеря военнопленных, группы лагерей, губернии или целые регионы, как бы автоматически перешли к московской организации военнопленных.

Еще 17(30) ноября 1917 г. группа военнопленных — участников Московского вооруженного восстания обратилась через Московский комитет большевиков в Совет солдатских депутатов с предложением о создании всероссийской организации военнопленных. Получив соответствующее одобрение, группа инициаторов направила своих представителей-агитаторов в ряд лагерей для военнопленных. 3(16) декабря 1917 г. в Москве состоялся крупный митинг военнопленных. Его участники выразили полную солидарность с российской революционной демократией и призвали рабочих, солдат, крестьян, находящихся как в своих странах так и в плену, «поддержать великую русскую революцию...»¹⁵⁵. Вскоре, 17(30) декабря, состоялось собрание делегатов от военнопленных, находившихся в территориальных пределах Московского военного округа, охватывавшего значительную часть Европейской России. Делегатское собрание приветствовало партию большевиков, делающую все возможное, чтобы «положить конец страшной мировой войне, и борющуюся за торжество интернационализма». Ставя задачи на будущее, собрание призвало военнопленных использовать свое пребывание в Советской России для того, чтобы должным образом подготовиться к предстоящей революционной борьбе в своих странах¹⁵⁶. На собрании было решено создать Союз военнопленных социал-демократов интернационалистов Московского военного округа и был избран его исполнительный комитет, в который вошли авторитетные немецкие, венгерские, австрийские, чешские, болгарские, румынские военнопленные-интернационалисты.

Организации военнопленных-интернационалистов возникали в различных частях страны: в Самаре¹⁵⁷, Казани¹⁵⁸, Омске, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Барнауле, Иркутске, Самарканде, Ташкенте, десятках других больших и малых населенных пунктов¹⁵⁹. Подписание Советским правительством навязанного ему грабительского Брестского мира не привело к прекращению дальнейшего расширения германской и антантовской интервенции, контрреволюционных мятежей, заговоров, диверсий.

Нашествие империалистов и разворот контрреволюции укрепили стремление передовых кругов беженцев и военнопленных к вовлечению самых широких масс своих находившихся в России соотечественников в дело борьбы за демократический мир, за поддержку Советской власти. Исполнительный комитет Союза военнопленных социал-демократов интернационалистов установил связи с революционными организациями интернационалистов, возникшими в Перми, Воронеже, Омске, Самаре, Томске и многих других городах¹⁶⁰. В ряде мест наиболее последовательные интернационалисты-военнопленные вступали в состав РКП(б). Нарастал процесс, приведший к постепенному становлению национальных групп РКП(б), состоящих из самой передовой части тех контингентов временного населения, которое появилось в России в годы войны.

14 марта 1918 г. в Москве, опираясь на содействие Всероссийского бюро пленных при Военном отделе ВЦИК, руководство московского Союза военнопленных социал-демократов интернационалистов провело конференцию социал-демократов интернационалистов, в которой участвовали Б. Кун, Т. Самуэли, А. Пескариу, Г. Михайлов (Добрев), А. Эбенгольд и другие известные иностранные интернационалисты. От большевистской партии в конференции приняли участие И. И. Ульянов, Б. И. Рейнштейн и еще несколько лиц. Конференция приняла решение о созыве Всероссийского съезда военнопленных и иностранных трудящихся и избрала комиссию для подготовки и проведения съезда. Его целью должно было служить дальнейшее развитие солидарности с Октябрьской революцией и РКП(б).

Как на самой конференции, так и в ходе подготовки съезда среди деятелей интернационалистского движения дискутировался вопрос о характере и задачах организации военнопленных-интернационалистов. Тогда как одни (А. Эбенгольд, Э. Райтер и др.) считали, что организации военнопленных не должны подразделяться на языково-национальные группы, заниматься преимущественно вопросами быта и труда военнопленных и подготовки их возвращения в свои страны, другие (Б. Кун, Э. Пор и др.), не отвергая задач, выдвигавшихся их оппонентами, первостепенное внимание уделяли вопросам строительства в рамках широкого интернационалистского движения коммунистических организаций, которые, подобно группам СДКПиЛ, были бы органической частью большевистской партии.

Вскоре после конференции, 24 марта 1918 г., была образована Венгерская группа РКП(б). Образование этой группы, последовавшее создание других национальных групп РКП(б), а равно создание не на национально-языковой основе коммунистических организаций иностранных рабочих и крестьян Урала, Сибири, Туркестана и др. являлись важным направлением развития международного коммунистического движения.

В связи с теми ограничениями, которые было вынуждено по условиям Брестского мира принять на себя Советское правитель-

ство, для дальнейшего развития интернационалистского движения особое значение приобрел обсужденный на заседании ВЦИК Советов 1 апреля декрет о приобретении прав гражданина Советской Социалистической Республики. Для этого требовалось обратиться в местный Совет с соответствующей просьбой, содержащей согласие подчиняться всем законам Советского государства¹⁶¹. В связи с многочисленными запросами Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал сообщение о том, что именно на указанных основаниях военнопленные могут приобрести российское, т. е. советское, гражданство¹⁶². Тем самым в известной мере затруднялись многочисленные попытки правительств Германии и Австро-Венгрии найти юридические предлоги для того, чтобы вынудить Советское правительство пресечь интернационалистское движение находившихся в России зарубежных граждан.

Пресечь это движение или переключить его на антисоветское контрреволюционное направление пытались антантовские миссии, российские контрреволюционные организации, националистические, антинародные круги в среде самих беженцев и военнопленных. Об этом, в частности, говорили сообщения ВЧК о связях командного состава расположенных в Москве польских легионов с мятежным изменником Довбор-Мусьницким¹⁶³ или сообщение Исполнительного комитета Чехословацкой коммунистической партии в России, о которой речь пойдет в соответствующей главе, о попытках Чехословацкого Национального совета стянуть в Омск всех чехов, находившихся в лагерях или работавших на предприятиях для того, чтобы принудить их вступить в чехословацкий корпус¹⁶⁴, которому отводилась все более зловещая роль в замыслах интервентов и внутренней контрреволюции, и т. д. и т. п. Тем временем на местах происходили при помощи большевистских организаций и Советов конференции военнопленных, рассматривавшие задачи их организаций и избравшие делегатов на Всероссийский съезд (по регламенту — 1 делегат от 100 членов организаций военнопленных-интернационалистов).

В первой половине апреля 1918 г. большинство избранных делегатов прибыло в Москву. «Правда» сообщала, что 13 апреля состоится предварительное совещание, а 14 апреля — совещание групп, собираемых по языковому признаку¹⁶⁵.

13 апреля на первой полосе газеты в набранном крупным шрифтом извещении сообщалось о назначенном на следующий день в здании Политехнического музея митинге военнопленных-интернационалистов. Была указана основная тема митинга — «Наши задачи по возвращении на родину»¹⁶⁶. Таким образом, еще раз как бы подчеркивалось, что исполнение бывшими военнопленными интернационального долга неразрывно связано с революционными задачами по отношению к их собственным народам.

Митинг открыл приветственной речью И. И. Ульянов. Затем выступил представитель революционного казачества, отметивший,

что если казаки ранее были верными рабами царя, то теперь трудовое казачество будет бороться только за дело народа и не пойдет больше ни против русских, ни против иностранных пролетариев. Далее выступили от Венгерской группы РКП(б) Б. Кун, от немецких интернационалистов — И. Гельрих-Петрова, от польских интернационалистов — М. Броньский, от чешских — Ф. Бенеш и т. д.¹⁶⁷

В тот же день, когда проходил митинг, «Правда» посвятила редакционную статью собиравшемуся съезду военнопленных. Она выражала уверенность, что военнопленные не врагов «увидят в русских рабочих и крестьянах, а своих братьев, с которыми будут идти рука об руку для завоевания социализма»¹⁶⁸.

Сам съезд, заседавший 16—18 апреля, решил образовать единую «Интернациональную революционную организацию социалистов рабочих и крестьян» и избрал ее Центральный Исполнительный комитет¹⁶⁹.

Вслед за Всероссийским съездом состоялись съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов Восточной Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, конференция военнопленных социал-демократов интернационалистов Поволжья в Самаре, вторая конференция Союза социал-демократов интернационалистов Урала в Екатеринбурге и другие съезды, конференции, совещания деятелей интернационалистского движения.

Широко разворачивая устную и печатную пропаганду среди многих сотен тысяч бывших военнопленных, их интернационалистические организации стремились политически просветить тех, кто лишь выжидал возможности вернуться на родину. Советское правительство стремилось, насколько это позволяли транспортные и другие условия, облегчить и ускорить отъезд тех, кто ни трудом, ни оружием не помогал Советской власти.

Между тем положение Советского государства, оказавшегося в кольце вооруженной интервенции, экономической блокады, терзаемого гражданской войной, голодом, хозяйственной разрухой, эпидемиями, было неопишимо тяжким. Именно в этих условиях место массовых, в известной мере аморфных интернационалистских организаций, являвшихся в ряде случаев скорее движениями, чем организованными союзами единомышленников, постепенно заняли сплоченные коммунистические группы. Действуя в составе РКП(б), они вместе со всей большевистской партией решали сложнейшие военные и хозяйственные задачи, показывая пример беззаветного служения делу социалистической революции, пролетарского интернационализма.

¹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 601—602.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1. С. 224.

³ Рабочий путь. 1917. 20 сент. (3 нояб.) Трубна. 1917. 23.IX. (6 X).

⁴ Трубна. 1917. 7(20).X.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 347.

⁶ См.: Вторая и третья Петроградская общегородская конференция

- большевиков в июле и октябре 1917 г. М.; Л., 1927. С. 127—129 и др.
- ⁷ См.: Петроградский Военно-Революционный Комитет: Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 275.
- ⁸ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), Август 1917 г.— февраль 1918 г. М., 1958. С. 86.
- ⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 123. Л. 2—3.
- ¹⁰ Там же. Д. 417. Л. 3—18.
- ¹¹ ГАОРСС ЛЮ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 123. Л. 1—3.
- ¹² См.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 29.
- ¹³ Trybuna. 1917. 21.X(3.XI).
- ¹⁴ См.: Звезда. Екатеринбург, 1917. 24 окт. (6 нояб.).
- ¹⁵ См.: Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957. С. 367.
- ¹⁶ См.: *Пестковский С.* Об октябрьских днях в Питере // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 95; Рабочий путь. 1917. 22 окт. (4 нояб.).
- ¹⁷ Trybuna. 1917. 21.X(3.XI).
- ¹⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 296. Л. 137. Сохранилась подписанная 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) М. И. Калининым, являвшимся после Октября петроградским городским головой, справка о том, что Прусс — гласный думы. См.: Там же. Л. 140.
- ¹⁹ См.: Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957. С. 239—245.
- ²⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 212. Л. 3; Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej, 1917—1920. W-wa, 1967. S. 783—784.
- ²¹ См.: *Стасова Е.* Накауне Октября // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 64; ЦГАОР. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 84. Л. 116.
- ²² ЦПА ИМЛ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 417. Л. 102—103.
- ²³ См.: *Пестковский С.* Об октябрьских днях... С. 95—96.
- ²⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 3829. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16 об.; Петроградский Военно-Революционный Комитет. Т. 1. С. 141.
- ²⁵ СА КС PZPR: Wspomnienia. Т. 8313.
- ²⁶ См.: Первый легальный ЦК большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 347.
- ²⁷ См.: Октябрь и болгарские интернационалисты. М.; С., 1973. С. 152.
- ²⁸ См.: Воспоминания болгарских товарищей о Ленине. М., 1958. С. 33—40; *Черкезов С.* Пратеник на Ленин. С., 1967. С. 54—58.
- ²⁹ ЦГАСА. Л/д 168—015. Л. 6.
- ³⁰ Sarlo és Kalapasz. 1933. N 6. 41—42 old; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 51. Л. 12.
- ³¹ ГАОРСС МО. Ф. 2165. Оп. 1. Д. 392.
- ³² СА КС PZPR: Wspomnienia. Т. 3285.
- ³³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.
- ³⁴ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (далее — ЦГАВМФ). Ф. 989. Оп. 4. Д. 212; Ф. 2109. Оп. 1. Д. 100. Л. 3 об. и др.
- ³⁵ Правда. 1963. 3 нояб.
- ³⁶ СА КС PZPR: Wspomnienia. Т. 202; *Słascy bojownicy w Rewolucji Październikowej.* Katowice, 1958. S. 19—23.
- ³⁷ См.: Księga Polaków... S. 45.
- ³⁸ См.: Славяне. 1957. № 10. С. 53—54; Księga Polaków... S. 342—343.
- ³⁹ СА КС PZPR: Wspomnienia. Т. 7891; *Муклевич Р.* Октябрьские дни в Ленинграде // Воен. вестн. 1924. № 42.
- ⁴⁰ Wspomnienia Polaków — uczestników Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej. Gdynia, 1957. S. 18—40.
- ⁴¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия: Сб. ст. Будапешт, 1959. С. 40; *Йожа А., Милеи Д.* Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977. С. 72.
- ⁴² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 22.
- ⁴³ Там же. Л. 73.
- ⁴⁴ *Cecho-slováci ve válce a revoluci* Moskva; Kijev, 1919. S. 135.
- ⁴⁵ См.: Поворот мирового значения. М., 1964. С. 190.
- ⁴⁶ Незадолго до революции Г. Манхарт бежал из лагеря и при поддержке русских друзей-большевиков нашел свое место в борьбе за Советскую власть. В 1918 г. он вступил в большевистскую партию, сражался против белогвар-

- дейцев в Сибири и Средней Азии, вернулся в 1921 г. на родину и вошел в ряды Коммунистической партии Германии. См.: Поворот мирового значения. С. 197—217.
- 47 См.: Из истории польского рабочего движения. М., 1962. С. 108—109.
- 48 Z pola walki. 1958. N 2. S. 179—186.
- 49 См.: Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 94; Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 6, 39.
- 50 Robotnik w Rosji. 1917. 12(25).XI.
- 51 Trybuna. 1917. 11(24).XI.
- 52 Рио Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С. 155.
- 53 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13—14.
- 54 Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. М., 1957. Т. 1. С. 258.
- 55 Trybuna. 1917. 27.X(9.XI).
- 56 См.: Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 2-го созыва. М., 1918. С. 8, 23.
- 57 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 308. Л. 167—168; Зубов Н. И. Первый Председатель Малого Совета Народных Комиссаров. М., 1975.
- 58 ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 47. Л. 190.
- 59 Правда. 1917. 9(22) нояб.
- 60 Там же. 28 нояб. (11 дек.).
- 61 См.: Петроградский Военно-Революционный Комитет. М., 1967. Т. 3. С. 9—11.
- 62 Правда. 1917. 2(15) дек.
- 63 Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1. С. 23—24.
- 64 Цеткин К. Борьба за свободу и мир в России. М., 1918. С. 13—14.
- 65 Правда. 1917. 16(29) дек.
- 66 АВП СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 48. Ч. 4. Л. 123—124.
- 67 Там же. Д. 44. П. 4. Л. 8—9; Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 5(18) дек.
- 68 АВП СССР. Ф. 496. Д. 53. П. 5. Л. 109; Д. 44. П. 4. Л. 7, 26—27 и др.
- 69 См.: Социал-демократ. 1917. 10(23) нояб.
- 70 Там же. 1917. 13(26) окт.
- 71 См.: Октябрь в Москве. М., 1957. С. 192.
- 72 См.: Будзыньский Ст. Октябрьские дни в Москве // Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 183—193.
- 73 См.: Грунт А. Я., Старцев В. И. Петроград—Москва, Июль—ноябрь 1917. М., 1984. С. 175.
- 74 См.: Московский Военно-Революционный Комитет, Октябрь—ноябрь 1917. М., 1968. С. 74.
- 75 Budzyński S. Dni październikowe w Moskwie: Wspomnienia. W-wa, 1958. S. 75—78; Стрелков Н. Машиностроительный завод Ильича (б. Михельсона) // От Февраля к Октябрю. М., 1923. С. 197.
- 76 См.: Файдыш В. Октябрь 1917 г. в Замоскворечье. М., 1935. С. 31; ГАОРСС МО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 87.
- 77 Budzyński S. Dni... S. 105—108.
- 78 См.: Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. М.; Л., 1927. С. 275—276; Игнатьев Г. А. Октябрь 1917 г. в Москве. М., 1934. С. 85.
- 79 См.: Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917 28 окт. (10 нояб.).
- 80 См.: Чичарнов Ф., Рогинский А. Варшавский арматурный завод // Красное Замоскворечье: Сб. революционных воспоминаний. М., 1927. С. 140; ГАОРСС МО. Ф. 2188. Оп. 1. Д. 1356.
- 81 См.: Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965. С. 185.
- 82 См.: Пече Я. Красная Гвардия: Москвы в боях за Октябрь. М.; Л., 1929. С. 20—21, 59; ГАОРСС МО. Ф. 2188. Оп. 1. Д. 645.
- 83 См.: Крымов И. Идет революция... // Москва. 1966. № 11.
- 84 Сирота В. Октябрьские бои в Гордовском районе // Пролетарская революция. 1929. № 11(94). С. 92.
- 85 Bobińska E. Pamiętnik tamtych lat. W-wa, 1963. Cz. 1. S. 123. Обнаруживший прекрасные организаторские способности и огромную энергию, Я. Венглинский в дальнейшем служил в войсках ВЧК, партизанил в тылу войск буржуазно-помещичьей Польши. См.: ГАОРСС МО. Ф. 2186. Оп. 1. Д. 951.
- 86 ЦГАОР СССР. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 27. Л. 6.
- 87 См.: Поворот мирового значения. С. 104.
- 88 Sarló és Kalaracz. 1930. N 10—11.
- 89 Wspomnienia Polaków... S. 21—58.

- ⁹⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 718. Л. 94; Д. 733. Л. 87—89.
- ⁹¹ ГАОРСС МО. Ф. 2192. Оп. 1. Д. 201.
- ⁹² Trybuna. 1918. 13.X; Trybuna komunistyczna. 1921. 29.V.
- ⁹³ После победы социалистической революции Ян Щепанский был избран в Московский Совет и его Исполком, но вскоре ушел на фронт; поправившись после тяжелого ранения, он перешел на работу в ВЧК и погиб в 1921 г. См.: Правда. 1921. 8 мая; Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. М., 1925. С. 709.
- ⁹⁴ ГАОРСС МО. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 891.
- ⁹⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 732. Л. 113; *Próchniak E. Autobiografia // Z pola walki*. 1958. N 4. S. 228.
- ⁹⁶ См.: *Шлихтер А.* Памятные дни в Москве // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 203—204.
- ⁹⁷ *Йожа А., Милей Д.* Венгерские интернационалисты... С. 76—77.
- ⁹⁸ См.: *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 161.
- ⁹⁹ См.: *Жоаннес В.* Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и интернационализм французских рабочих. М., 1957. С. 11.
- ¹⁰⁰ Травино родился в 1896 г. в Испании в Гренаде. В рядах Красной Армии он оставался до середины 30-х годов. См.: ГАОРСС МО. Ф. 2191. Оп. 1. Д. 554.
- ¹⁰¹ См.: Октябрь и болгарские интернационалисты... С. 153.
- ¹⁰² См.: Социал-демократ. 1917. 1(14) нояб.
- ¹⁰³ ЦГАОР СССР. Ф. 6720. Оп. 1. Д. 2. Л. 9—17; *Herval R. Huit mois de révolution Russe*. P., 1918. P. 132—133.
- ¹⁰⁴ Социал-демократ. 1917.2(15) нояб.
- ¹⁰⁵ См.: Там же. 17(30) нояб.
- ¹⁰⁶ См.: *Броневская Я.* О человеке, который не кланялся пулям. М., 1963; *Кардин В.* Сколько длится полвека? М., 1977.
- ¹⁰⁷ Социал-демократ. 1917. 9(22) нояб.
- ¹⁰⁸ См.: Деревенская правда. 1917. 8(21) нояб.
- ¹⁰⁹ См.: Там же. 9(22) нояб.
- ¹¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 78—79.
- ¹¹¹ См.: Интернационалисты. С. 91—175.
- ¹¹² См., например: *Йожа А., Милей Д.* Венгерские интернационалисты... С. 81—85; Интернационалисты... С. 114—116; *Щербаков Ю. Н.* Братство, скрепленное кровью. Куйбышев, 1961.
- ¹¹³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Минск, 1957. Т. II. С. 30—31.
- ¹¹⁴ См.: *Heltman St.* Robotnik Polski w Rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927.
- ¹¹⁵ См.: *Księga Polaków...* S. 177.
- ¹¹⁶ Там же. С. 88.
- ¹¹⁷ См.: Известия ВЦИК. 1917. 27 нояб. (10 дек.), 5(18) дек.
- ¹¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 406.
- ¹¹⁹ Известия ВЦИК. 1917. 23 нояб. (6 дек.).
- ¹²⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. II. С. 579.
- ¹²¹ Беглые генералы стали одними из главных организаторов гражданской войны в России.
- ¹²² См.: *Мицук И. И.* История Великого Октября. М., 1973. Т. 3. С. 521—528.
- ¹²³ См.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1977. С. 231—241.
- ¹²⁴ См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 24—25.
- ¹²⁵ См.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. С. 233—234.
- ¹²⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143—145.
- ¹²⁷ См.: Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Киев, 1957. Т. 2. С. 574.
- ¹²⁸ См.: Там же.
- ¹²⁹ Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции, Февраль 1917 — апрель 1918 г. Харьков, 1957. С. 354.
- ¹³⁰ См.: *Калениченко П. М.* Брати по класу — брати по зброї: Участь польських інтернаціоналістів у боротьбі за владу Рад на Україні, 1917—1920 роки. Київ, 1973.
- ¹³¹ См.: *Клеванский А. X.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 149.
- ¹³² См.: Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні. Київ, 1967. С. 309; *Чередни-*

- ченко В. П. *Анатомия предательства*. Киев, 1983. С. 16—17; и др.
- ¹³³ ЦПА ИМЛ. Ф. 124. Оп. 2. Л. 13.
- ¹³⁴ См.: *Сердич Д. Ф.* От Балканского полуострова до Красного Царицына // В боях за Царицын: Сб. ст. и документов. Сталинград, 1937. С. 338.
- ¹³⁵ См.: *Księga Polaków...* S. 988.
- ¹³⁶ См.: *Интернационалисты*. С. 120—121.
- ¹³⁷ Звезда. 1918. 3(16) янв.
- ¹³⁸ См.: *Bielakiewicz J.* *Internacjonaliscy polscy w walce o ustanowienie władzy Rad na Krymie (marzes 1917 — styczey 1918)* // *Z pola walki*. 1967. N 3.
- ¹³⁹ См.: *Księga Polaków...* S. 559.
- ¹⁴⁰ Там же. S. 944—945.
- ¹⁴¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 295. Л. 50—51.
- ¹⁴² См.: *Księga Polaków...* S. 738—739.
- ¹⁴³ *Новая жизнь: Социал-демократическая газета*. Томск, 1917. 12(25) апр.
- ¹⁴⁴ *Равагон И. М.* Томск накануне Февральской революции 1917 г. // *Томску 375 лет*. Томск, 1979. С. 130.
- ¹⁴⁵ См.: *Чугунов М. И.* Революционная деятельность Бела Куна в Томске // *Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке*. М., 1980. С. 32.
- ¹⁴⁶ См.: Там же. С. 33—34.
- ¹⁴⁷ См.: *Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России*. М., 1957; *Матвеев И. Г.* У истоков вечной дружбы: О братской помощи зарубежных рабочих в годы военной интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. Новосибирск, 1959; *Колмогоров Н. С.* Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. Омск, 1958; *Данилов В. А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972; и др.
- ¹⁴⁸ См.: *Интернационалисты*. С. 125—130.
- ¹⁴⁹ См.: *Стрижкова А.* Печать иностранных интернационалистов в Советской России (1917—1920 гг.) // *Интернационалисты в боях за власть Советов*. М., 1965. С. 370—388.
- ¹⁵⁰ *Правда*. 1917. 29(16) дек.
- ¹⁵¹ См.: Там же. 1918. 1 янв. (1917. 19 дек.).
- ¹⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357.
- ¹⁵³ См.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Т. 1. С. 292—298.
- ¹⁵⁴ См.: Там же. С. 323—328; *Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР*. М., 1976. С. 75—76; и др.
- ¹⁵⁵ *Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР*. М., 1968. Т. 1. С. 30.
- ¹⁵⁶ См.: *Социал-демократ*. 1917. 30 дек. (1918. 12 янв.).
- ¹⁵⁷ См.: *Интернационалисты*. С. 135.
- ¹⁵⁸ См.: *Субаев Н. А.* Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.) // *Интернационалисты в боях за власть Советов*. С. 338—340.
- ¹⁵⁹ См.: *Йожа А., Милей Д.* Венгерские интернационалисты... С. 109—111.
- ¹⁶⁰ См.: *Жаров Л. И.* *Правда Октября*. М., 1967. С. 26—27.
- ¹⁶¹ См.: *Правда*. 1918. 3 апр.
- ¹⁶² См.: Там же. 9 апр.
- ¹⁶³ См.: Там же.
- ¹⁶⁴ См.: Там же.
- ¹⁶⁵ См.: Там же. 11 апр.
- ¹⁶⁶ См.: Там же. 13 апр.
- ¹⁶⁷ См.: Там же. 16 апр.
- ¹⁶⁸ См.: Там же. 14 апр.
- ¹⁶⁹ Подробнее о съезде см.: *Копылов В. Р.* Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов (апрель 1918 г.) // *Интернационалисты в боях за власть Советов*. С. 66—89.

ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

В первые месяцы строительства Советского государства

Многие тысячи трудящихся — выходцев из польских земель стали участниками великого дела борьбы за победу и утверждение Советской власти в России. Они помогали громить ее врагов, способствовали формированию новых устоев общественной жизни.

Среди тех, против кого непосредственно была направлена революция, находились и польские аристократы, помещики, капиталисты, владевшие землей, фабриками, заводами, шахтами во внутренних губерниях России, занимавшие высокие посты в старой государственной администрации, в царской армии, промышленных синдикатах, банках. Действовавшие в России многочисленные политические, военные и другие польские буржуазные организации находились в тесной связи с родственными им по духу, классовым интересам организациями русских господствующих классов.

Расчитывая сразу же использовать в своих контрреволюционных целях значительные массы постоянного и временного польского населения России, польские буржуазно-помещичьи круги пытались в первую очередь внушить им фальшивые представления о «нейтралитете» и «неучастии» в происходившей в России политической борьбе, в необходимости «выделения» из общероссийских организаций, российской армии. В этом направлении действовали и многочисленные эмиссары пилсудчиковской тайной Полтавской военной организации (ПОВ), имевшие весьма разветвленную сеть своих представительств, находившихся в основных центрах расселения выходцев с польских земель¹, лидеры ППС-«фракции» в России. «Революция — это русское дело. От нее нам не холодно и не жарко» — так характеризовала социал-демократическая «Трибуна» позицию руководства пилсудчиковских и реформистских элементов ППС-«фракции» в России².

Фальшивому лозунгу «нейтралитета» польские социал-демократы как истинные интернационалисты противопоставляли политику пролетарского единства и солидарности. «Плечом к плечу с русским пролетариатом!.. Долой нейтральность и выделенчество! Да здравствует международная революционная солидарность!» — призывала «Трибуна» в послеоктябрьские дни³. «Было бы исторической несправедливостью, если бы в этот историче-

ский момент не прозвучал голос польского пролетариата, вашего соратника в борьбе с царизмом, — заявил на состоявшемся 15(28) ноября 1917 г. объединенном заседании ВЦИК крестьянского съезда и Петроградского Совета выступивший от имени СДКПиЛ М. Броньский. — Польские буржуазия и помещики дали лозунг: будьте нейтральны, пусть русский рабочий сам борется с русской буржуазией. Но мы сказали: в борьбе с буржуазией для нас не может быть нейтралитета»⁴.

В своем стремлении сплотить самые широкие круги польских трудящихся в России, сделать их активными и сознательными участниками российской социалистической революции и подготовиться к борьбе за свободную, социалистическую Польшу польские социал-демократы находили полную поддержку у большевистской партии и органов Советской власти. Военно-Революционный Комитет, придавая большое значение польскому вопросу, назначил Ю. Лещиньского специальным комиссаром по польским делам.

5(18) ноября в Петрограде состоялся митинг военнослужащих-поляков. «Долго и страстно, — писала „Правда“, — обсуждался вопрос о „польской нейтральности“... В дебатах принимали участие представители разных политических течений». Несмотря на то что почти все ораторы выступали за «нейтральность», значительным большинством голосов была принята резолюция, одобрявшая действия Советской власти и общие, единые интернационалистские действия пролетариата»⁵.

Добиваясь сплочения основных течений польского рабочего движения в России, СДКПиЛ выражал готовность к сотрудничеству с ППС-левицей и ППС-«фракцией» и их местными секциями при условии поддержки ими Советской власти. Но лидеры ППС-левицы в России навязали политику «примирения» всех сил «демократии», а лидеры ППС-«фракции», провозглашая «нейтрализм», в то же время утверждали, что победа большевиков — «это Пиррова победа», это социалистическая революция в крестьянской России обречена на поражение⁶. Правда, в отличие от позиций своих руководителей не только подавляющее большинство членов секций ППС-левицы в России, но и весьма значительная часть членов ППС-«фракции» выступила в революционных боях вместе с большевиками и польскими социал-демократами⁷. Но позиция руководства ППС-«фракции» побудила Исполнительный комитет Петроградского Совета своим решением от 4(17) декабря отказать в праве представительства в Совете⁸.

После того как был ликвидирован контрреволюционный мятеж Керенского—Краснова, провалились деятельность контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции» и инспирированный им юнкерский мятеж в Петрограде, выявилось бессилие «Польского совета безопасности», образованного 27 октября (9 ноября) 1917 г. в Петрограде в составе представителей всех буржуазных организаций, духовенства, ПОВ, ППС-«фракции», Главного польского военного комитета (Начполя) и других анти-советских групп и организаций. Начполь перебазировался в

Минск, поближе к корпусу Довбора. Руководители же и ППС-левицы и ППС-«фракции» изменили свои позиции и под давлением своих рядовых членов и пошли в известной мере на сотрудничество с Советской властью и согласились на участие в создаваемом ею специальном органе по польским делам — Польском комиссариате.

Дважды — 24 ноября (7 декабря) и 27 ноября (10 декабря) — на проходивших под председательством В. И. Ленина заседаниях Совета Народных Комиссаров рассматривался вопрос о Польском комиссариате⁹. При этом подчеркивалось, что комиссариат должен действовать в целях сплочения всех стоявших на платформе признания Советской власти¹⁰. 28 ноября (11 декабря) народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, действуя в соответствии с постановлением, принятым накануне Советским правительством, назначил Ю. Лещиньского комиссаром по польским делам. Его заместителями были назначены члены СДКПиЛ К. Циховский и Ст. Бобиньский.

В обращении Польского комиссариата «К польскому населению в России» сообщалось, что волей победоносной революции образован орган, который призван помогать польским беженцам, военнопленным, солдатам. «Настал наконец исторический момент, — говорилось в обращении, — когда польское население в России накануне своего возвращения на родину имеет возможность организовать и заботиться о своих нуждах не только без препятствий со стороны государства, но, наоборот, с его помощью.

Разбив цепи рабства и угнетения, великая русская революция пробудила к жизни доселе дремавшие народные силы, открыла каждому народу возможность широкой и смелой общественной деятельности по переустройству всех областей своей собственной жизни»¹¹.

Вслед за образованием Польского комиссариата Советское правительство приняло ряд актов, установивших, что в ведение комиссариата передаются все государственные и общественные учреждения, эвакуированные с территории Королевства Польского¹², что все правительственные учреждения при издании приказов и распоряжений по польским делам должны согласовывать свои действия с Польским комиссариатом¹³ и т. д. Особое значение имел подписанный В. И. Лениным, Ю. Лещиньским, А. В. Луначарским, Г. И. Петровским декрет Совета Народных Комиссаров об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу¹⁴.

Все декреты и действия Советского правительства по польскому вопросу наглядно говорили о том, что с победой социалистической революции в России польский народ впервые в своей истории оказался перед лицом государственной власти, последовательно и всесторонне отстаивающей его интересы, его право на свободу и независимость.

К работе в Польском комиссариате и образованном при нем совещательном органе — Совете революционно-демократических

организаций — польские социал-демократы сумели привлечь ППС-левицу и ППС-«фракцию», а также отдельные беженские и другие организации. Руководителем демобилизационного отдела комиссариата был назначен Людвик Пинкус, отдела военнопленных — Стефан Круликовский, военного отдела — Роман Лонгва, являвшиеся видными деятелями организации ППС-левицы в России. Работали в комиссариате Тадеуш Жарский и другие представители ППС-«фракции». Редактором официального органа Польского комиссариата двухнедельника «Вядомосци комиссариату» был социал-демократ З. Фабержевич, издавна сотрудничавший в большевистской печати, являвшийся в 1912 г. одним из организаторов в Петербурге легального большевистского издательства «Прибой». Несмотря на споры и трения, вызывавшиеся противодействием представителей других партий линии, осуществлявшейся польскими социал-демократами, комиссариат сумел все же развернуть огромную работу¹⁵.

В Москве, Киеве, Харькове, Воронеже, Туле, Минске, Казани, Смоленске, Витебске, Екатеринославе, Самаре, Саратове и многих других городах, где оказалось сосредоточенным польское население, были открыты польские комиссариаты, действовавшие на правах отделов местных Советов. Одной из ближайших задач всей системы польских комиссариатов являлась демократизация различных органов и учреждений, созданных до революции для опеки над беженцами.

Много внимания комиссариат и его местные органы уделяли детям, обеспечению их хлебом, одеждой, обувью. С помощью прогрессивной части учительства комиссариат добивался отделения школы от церкви, улучшения школьных программ и т. п. Значительное содействие работе польских школ в России оказывали А. В. Луначарский и Н. К. Крупская. Работники польских комиссариатов помогали организации разного рода политических и профессиональных кружков и курсов для взрослых, создавали школы по ликвидации неграмотности. В Петрограде, Москве и Минске предполагалось открыть польские народные университеты. Прилагая огромные усилия к политическому, общеобразовательному и специальному просвещению польских трудящихся, комиссариат руководствовался не только текущими непосредственными нуждами и интересами, но и стремлением подготовить польских рабочих и крестьян к той деятельности, к которой им предстояло приступить по возвращении на родину.

Советское правительство, учитывая нужды беженцев, стремилось ускорить и облегчить их возвращение на родину. Уже на первом заседании созданной в ходе проходивших в Брест-Литовске переговоров о мире Комиссии о гражданских и военных пленных, образованной из представителей Советского правительства и правительств Германии и ее союзников, состоявшемся 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) в Петрограде, советская сторона предложила обсудить вопрос о пленных и всех лицах, вывезенных из оккупированных областей¹⁶. Для лучшего представительства

польских интересов советская сторона привлекла к работе в комиссии деятелей СДКПиЛ Ю. Уншлихта и Я. Фенигштейна (Долецкого). На пленарном заседании комиссии 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) советские делегаты предложили рассмотреть вопрос о возвращении в Польшу рабочих, насильственно увезенных в Германию, и беженцев, находившихся в России. Но германская сторона отказалась обсуждать эти предложения. Советская сторона занесла в протокол конференции заявление, что «германская делегация категорически отказалась обсуждать вопрос о поляках»¹⁷. Польский комиссариат обратился к комиссии с особой декларацией, в которой содержалось требование, чтобы Германия освободила всех насильственно вывезенных из оккупированных ею польских земель. Все лица, проживавшие ранее на польских территориях, оккупированных Германией и Австро-Венгрией, и находящиеся в России, получили возможность возвращения на родину¹⁸.

Советское правительство делало все от него зависящее не только для помощи польскому населению России, но и для справедливого решения польского вопроса в целом. С самого начала мирных переговоров с Центральными державами Советское правительство в соответствии с принципами своей национальной политики отстаивало право Польши на свободу, независимость, единство. Польша, писала газета «Известия» на следующий день после открытия мирной конференции в Брест-Литовске, «должна включать в себя все части бывшего Польского государства, где преобладает польское население, и быть страной глубоко демократической»¹⁹. Стремясь облегчить достижение всеобщего мира и демократическое решение польского и других вопросов, Советское правительство призывало правительства западных стран поддержать его позицию, высказаться, в частности, в пользу самостоятельности Польши. Но державы Антанты, не желая окончания войны демократическим миром без аннексий и контрибуций, на основе предоставления всем народам права на самоопределение, не только не поддержали Советское правительство, но и развернули против него ожесточенную борьбу. Воспользовавшись этим, Германия предъявила в Бресте широкую аннексионистскую программу. Советское правительство упорно и последовательно боролось против захватнических требований Германии. Оно предоставило возможность сказать свое слово на Брестской конференции подлинным выразителям чаяний польского народа — в состав советской делегации были включены польские социал-демократы; ППС-левица и ППС-«фракция», которым также было предложено представлять в составе делегации, отклонили это предложение. 25 января (7 февраля) 1918 г. по требованию советской делегации слово на Брестской конференции получил заместитель руководителя Польского комиссариата Ст. Бобиньский. Так впервые в истории на межгосударственной конференции раздался голос деятеля, представлявшего эксплуатируемые классы

польского народа; впервые за многие десятилетия Польша была представлена на международных переговорах.

Отметив в начале выступления, что на Брестской конференции в прениях по вопросу о Польше «не прозвучал еще голос непосредственно заинтересованной стороны, а именно голос польского народа»²⁰, Ст. Бобинский огласил декларацию. В этом документе отмечалось, что требования польского народа состоят в уничтожении национального гнета, устранении полицейских перегородок между тремя частями одной страны, предоставлении польскому народу возможности свободно устраивать свою жизнь. Оккупационные войска должны быть немедленно выведены из Польши; разрушенные области Польши должны быть восстановлены на средства международного фонда, собранного путем обложения имущих классов всех воюющих стран; вопрос о границах должен быть решен путем голосования и соглашения с заинтересованным в этом соседним населением — таковы были главные положения декларации, предъявленной на Брестской конференции польскими представителями, входившими в состав советской делегации. В декларации отмечалось, что «только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа...»²¹.

Польская декларация на Брестской конференции была проникнута глубоким патриотизмом и интернационализмом. Ее положения имели огромное принципиальное значение, далеко выходящее за рамки собственно польских интересов.

Центральные державы не дали ответа на польскую декларацию. Фактически же ответом на декларацию, равно как и на все мирные предложения советской стороны, явился заключенный договор с обанкротившейся контрреволюционной украинской Центральной радой. По этому договору, открывавшему им путь к захвату Украины, Германия и Австро-Венгрия «уступали» Украине ряд польских земель.

В полных гнева статьях «Правда» и другие органы советской печати разоблачали преступный стговор Рады с империалистами Центральных держав как измену революции, предательство по отношению к Украине и России как новый раздел Польши²². ЦИК Советов заклеил поведение делегации украинской Центральной рады как акт измены и предательства и объявил недействительным договор, заключенный ею с Центральными державами²³.

В ту же пору проявился сдвиг в позиции польских буржуазно-помещичьих организаций и группировок, действовавших в России и ранее придерживавшихся проантантовской ориентации. Не порывая полностью с этим курсом, они в целях «защиты имущества и жизни поляков» стали на путь сотрудничества с германскими империалистами и образованным ими в Варшаве для прикрытия оккупационного режима Регентским советом²⁴. Польские буржуазные и помещичьи круги на Украине, равно как и ППС-«фракция», поддерживали Центральную раду в той мере,

в какой ее действия были направлены против революции, на расчленение многонационального Российского государства и могли в дальнейшем облегчить польскую экспансию на восток. В состав Центральной рады входило 4 представителя ППС-«фракции» и 9 представителей польских буржуазных организаций, действовавших на Украине²⁵.

Тотчас же вслед за подписанием договора с Украинской радой Германия и ее союзники потребовали от Советской республики принятия их условий мирного договора. Предъявляя ультиматум Советскому правительству, германские империалисты уповали не только на превосходство своей военной машины по сравнению с еще лишь зарождавшимися вооруженными силами пролетарского государства, но и на действия контрреволюционных элементов в тылу Советского государства, в частности на мятеж, поднятый польскими контрреволюционерами в Белоруссии.

В этих условиях исключительное значение приобрела агитационная работа польских интернационалистов. Газеты «Трибуна», «Правда» («Польска правда») популяризировали и разъясняли декреты Советской власти, перепечатывали публиковавшиеся центральной печатью статьи и речи В. И. Ленина, систематически разоблачали антипольскую политику стран Антанты и Центральных держав. «Польша принадлежит к числу наиболее пострадавших стран. Только принятие самим народом власти из рук прожорливой собственнической клики может спасти Польшу от полного обеднения и разорения», — ясно представляя себе перспективы развития родины, писала «Польска правда»²⁶.

С разъяснениями полного единства интересов польского народа, польской демократии с интересами революционной России не один раз выступал центральный орган большевиков газета «Правда». Она, в частности, писала, что польская реакция, всякие Довбор-Мусьницкие и другие в первую очередь стремятся защитить польских земельных магнатов на Украине, в Белоруссии; новую Польшу могут «создать только новые люди — польская демократия»²⁷.

Задачам революционного авангарда польского народа в отношении социалистической революции в России и социального и национального освобождения самой Польши была посвящена I Всероссийская конференция групп СДКПиЛ в России, состоявшаяся 2—4 (15—17) января 1918 г. в Петрограде. На конференции были представлены только 12 партийных организаций — большая часть организаций не смогла в силу различных обстоятельств направить своих делегатов в Петроград. Важнейшим документом, принятым конференцией, являлись «Тезисы по польскому вопросу». Во многих отношениях этот документ показал, что, несмотря на величайшую революционную школу, которую польские социал-демократы проходили в рядах большевистской партии, руководство организаций СДКПиЛ в России не освободилось еще от ошибочных представлений по ряду вопросов и, в частности, не занимало ленинской позиции по такому острому вопросу момента, как воз-

возможность и допустимость мира между Советской страной и империалистическими хищниками. Сильную сторону «Тезисов по польскому вопросу» составляли свойственный им дух пролетарского интернационализма, солидарности с Советской властью и большевистской партией, революционный патриотизм, утверждение полного единства интересов всего польского народа как в бывшем Королевстве Польском, так и на землях, издавна находившихся под игом Германии и Австро-Венгрии, равно как и той части польских трудящихся, которая оказалась вне родных земель²⁸.

В принятом конференцией документе «Революция и польский пролетариат» подчеркивалось, что победа Октябрьской революции «открыла всему миру эру непосредственной борьбы за социализм, эру международной социалистической революции»²⁹. В других своих решениях конференция отметила задачи в отношении Польского комиссариата, неустойчивость позиции ППС-левицы, национализм ППС-«фракции», опасность замыслов польской буржуазии, стремящейся создать из будущей независимой Польши «охранный вал» против русской революции, необходимость борьбы с клерикально-националистическим влиянием на беженцев, польских солдат в России и т. д. Завершая процесс организационного строительства польских социал-демократических организаций в России, конференция приняла устав групп СДКПиЛ в России. Устав определял, что членом группы является каждый, «кто принадлежит к РСДРП (большевиков), стоит в польском вопросе на позиции СДКПиЛ, признает настоящий устав и платит членские взносы»; члены группы образуют польские секции при местных организациях РСДРП, посылают своих представителей в комитеты большевистской партии; руководство польской социал-демократией в России осуществляет ЦИК, избираемый конференцией. В состав ЦИК групп СДКПиЛ в России конференция избрала Ф. Дзержинского, Ю. Лещиньского, Ст. Будзыньского, Т. Магжика, Ст. Бобиньского, Ю. Уншлихта, Я. Фенигштейна, кандидатами в члены ЦИК групп — Э. Прухняка, З. Фабержевича, Ст. Лазоверта³⁰.

Являясь неизменными участниками всей деятельности большевиков и Советской власти, видные польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Фр. Гжелъцак, Ю. Уншлихт были по спискам большевистской партии избраны депутатами Учредительного собрания³¹. Среди депутатов был также Ян Озембловский, член РСДРП с 1905 г., большевик, организатор в июле 1917 г. большевистской группы в Белгородском полку. Вместе со всеми депутатами-большевиками они ушли с заседания Учредительного собрания после того, как контрреволюционное большинство Учредительного собрания отказалось признать декреты Советской власти.

Спустя несколько дней, 10(23) января 1918 г., Ю. Лещиньский в приветственной речи от имени польской социал-демократии пожелал успехов в работе III съезду Советов³². С приветствиями съезду выступили также деятели швейцарской, румын-

ской, шведской, норвежской социал-демократии, Британской социалистической партии, американец Джон Рид и др. Съезд Советов, среди делегатов которого был и один чешский интернационалист, одобрил и внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства, утвердил «Декларацию прав народов России». Депутаты съезда — польские социал-демократы поддержали резолюцию, одобрявшую политику, направленную на проведение «в жизнь принципа самоопределения народов»³³, решение о том, что Российская Социалистическая Республика учреждается как федерация советских республик. В составе ВЦИК, избранного съездом, среди 160 большевиков были польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн, Фр. Гжельцак³⁴.

Идя вместе с большевиками, польские социал-демократы в России вместе с тем обнаруживали непонимание ленинской позиции в вопросе о необходимости заключения сепаратного и аннексионистского мира, навязывавшегося Советскому правительству на переговорах в Бресте Германией и ее союзниками. На III съезде Советов ЦИК группы СДКПиЛ огласил декларацию, в которой категорически высказывался против всякого компромисса с империализмом и призывал дать ему достойный революционный отпор³⁵. Эта позиция, развивавшаяся далее во многих статьях «Трибуны» и выступлениях ряда руководящих деятелей польской социал-демократии, в том числе Ф. Дзержинского, как бы сближала позицию СДКПиЛ в России по вопросу о мире и войне с позицией «левых коммунистов». Однако в отличие от последних польские социал-демократы не скатывались до заявлений о предпочтении гибели Советской власти несправедливому миру, до противопоставления себя ленинскому ядру ЦК и всей большевистской партии. Они никогда демагогически не спекулировали, как это делали и «левые коммунисты», и лидеры ППС-левицы, и ППС-«фракции», и другие колеблющиеся и непоследовательные элементы, на том, что заключение грабительского мира лишит польский народ возможности тотчас и непосредственно утвердить свою независимость, основы которой заложила Октябрьская революция. Заблуждаясь в вопросе о мире и революционной войне, польские социал-демократы оставались истинными революционерами и интернационалистами. Своим первым делом они считали всестороннее содействие упрочению Советской власти.

Отметая спекулятивные рассуждения «левых коммунистов», В. И. Ленин писал в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»: «Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше»³⁶.

В развитии Советского государства, в деятельности большевистской партии все большее значение приобретали задачи формирования вооруженных сил, способных отстоять и упрочить дело революции. Передовая часть польских интернационалистов припымала энергичное участие в начавшемся строительстве Красной Армии. В красногвардейские отряды, отряды революционных матросов и солдат в Красную Армию вливались многие выходцы из польских земель.

Безоговорочно поддерживая действия Советской власти, направленные к укреплению ее вооруженных сил, польские социал-демократы довольно долго отрицали целесообразность существования в составе интернациональной по своему характеру Красной Армии национальных подразделений и частей. Преодолевая отрицательное отношение к польским революционным формированиям, обусловленное тем, что весьма часто национальная форма использовалась контрреволюцией в своих целях, польские интернационалисты Белоруссии уже в ноябре 1917 г. выступили за создание польских революционных отрядов. Вскоре в Минске в составе 1-го Революционного полка им. Минского Совета рабочих и солдатских депутатов был образован польский революционный батальон³⁷.

Большую организационную и политическую работу по формированию польских революционных частей провели при помощи местных большевистских и советских органов комиссар Военно-революционного Комитета Западного фронта по делам польских гражданских и военных организаций, а затем народный комиссар по делам национальностей Западной области и фронта Ст. Берсон, комиссар по польским делам С. Гельтман и один из организаторов 1-го Революционного полка им. Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, руководитель военного отдела Польского комиссариата в Минске, в дальнейшем командир Красной Армии и Народного Войска Польского В. Дашкевич.

Польские революционные формирования складывались и в других городах. Но Польский комиссариат с крайней осторожностью относился к ним. Его позиции в этом вопросе определялись не только недооценкой польскими социал-демократами национальных форм общественных, военных и других организаций, но и опасением, что национальные военные формирования могут с большей легкостью, чем интернациональные, оказаться под влиянием польских националистов. Такие опасения порождались не только состоянием польских корпусов, сформированных при поддержке Временного правительства, но и результатами съезда левых кругов военнотружущих-поляков и событиями, ареной которых в декабре 1917 г. стал Белгородский полк.

Съезд левых кругов военнотружущих-поляков, состоявшийся в Петрограде 30 ноября — 6 декабря (13—19 декабря) 1917 г., решительно отверг все предложения открытых врагов Советской власти. В то же время позиция социал-демократов, в особенности их безоговорочное осуждение политики Регентского совета,

образованного австро-германскими оккупантами в Варшаве, не встретила поддержки большинства участников съезда³⁸, которое в этом вопросе пошло за пилсудчиками, за лидерами ППС-«фракции», утверждавшими, что Регентский совет является органом, способным отстаивать подлинные интересы польского народа.

О том, что элементы, не стоящие на платформе Советской власти, пользуются еще заметным влиянием даже в наиболее революционных польских частях, говорили и события, произошедшие в Белгородском полку. Не разобравшись в националистическом и контрреволюционном характере украинской Центральной рады, полковой и ротные комитеты, опасаясь, что и украинские, и польские националисты используют действия белгородчиков для разжигания противоречий между народами, отказались выполнить приказ революционного военного командования об отправке ряда батальонов на борьбу против войск Рады. До того белгородчики успешно сражались с прорывавшимися на юг корниловскими «ударниками» и получили в связи с этим приветствие от Петроградской группы СДКПиЛ³⁹. Последовавший затем конфликт между революционным командованием и полком раздувался все еще находившимися в полку контрреволюционными офицерами, входившими в тайную организацию «Пляцувка», и другими враждебными Советской власти элементами. Во время этого конфликта провокаторами был убит выборный командир полка поручик Мечислав Яцкевич. В связи с событиями в Белгороде Совет Народных Комиссаров, признав вопрос особенно важным, поручил И. В. Сталину и Н. И. Подвойскому образовать комиссию для выяснения обстоятельств, приведших к гибели Яцкевича⁴⁰.

По инициативе Московской группы СДКПиЛ командующий Московского военного округа Н. В. Муралов отдал приказ о переводе полка из Белгорода в Москву⁴¹. 6(19) января 1918 г. до 12 тыс. солдат и офицеров полка прибыли в Москву и разместились в Александровских казармах⁴². Начались демобилизация желающих и очищение полка от неустойчивых и вражеских элементов. Разрабатывались планы создания на базе полка бригады, которой предполагалось присвоить имя Тадеуша Костюшко⁴³. Но многие события помешали осуществлению этих планов. Первым по времени в ряду этих событий был мятеж, поднятый командованием 1-го Польского корпуса. Корпус, насчитывавший свыше 21 тыс. солдат и офицеров⁴⁴, пользовался широкой материальной поддержкой империалистов Антанты, русской и польской контрреволюции⁴⁵, был связан с украинскими и белорусскими буржуазными националистами, лидерами буржуазно-националистических кругов в России⁴⁶. Объявив 11(24) января 1918 г. войну Советской власти в соответствии с планами антантовских империалистов⁴⁷, командование корпуса в то же время втайне от своих западных союзников вступило в сговор с германским командованием. Переход на сторону Германии, затеваемый командованием корпуса, был порожден страхом перед Со-

ветской властью, поражениями, понесенными в борьбе с революционными частями, и обнаружившимся сразу же после начала мятежа развалом корпуса⁴⁸.

Некоторые части и подразделения корпуса с самого начала мятежа отказались выполнять приказ контрреволюционных генералов. Началось массовое дезертирство солдат из частей и подразделений корпуса. Не только польские социал-демократы, но и ряд групп ППС-левицы, московская, витебская, могилевская и другие секции ППС-«фракции», многие союзы поляков-военнослужащих осудили организаторов и руководителей мятежа. Солдаты бывшего Белгородского полка призвали солдат 1-го Польского корпуса покинуть его ряды и направили группу своих представителей во главе с социал-демократом В. Сцибором для ведения разъяснительной работы среди мятежников⁴⁹.

Мятеж 1-го Польского корпуса был накануне полного провала, когда после авантюристического и преступного срыва Троцким мирных переговоров в Бресте Германия и ее союзники днем 18 февраля 1918 г. начали наступление. Германское командование в оплату заслуг командования корпуса выделило ему для дислокации Бобруйск и некоторые другие местности Белоруссии, где сразу же были восстановлены буржуазно-помещичьи порядки. В связи с тем что среди солдат и части офицеров были сильны проантантовские настроения, в мае 1918 г. германское командование разоружило и расформировало остатки 1-го Польского корпуса.

После начала немецкого вторжения Совет Народных Комиссаров обратился к народу с написанным В. И. Лениным 21 февраля 1918 г. воззванием «Социалистическое отечество в опасности!». Для отпора немецкому нашествию вместе с другими защитниками Советской власти поднялись и польские интернационалисты. 24 февраля в Доме Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Петрограде собралась Петроградская группа СДКПиЛ, чтобы обсудить свои задачи в связи с «походом империализма против революции». ЦИК групп СДКПиЛ в России обратился к польским рабочим: «Вставайте в ряды Красной Армии, берите оружие и бейте врага!»⁵⁰. 22 и 23 февраля «Трибуна» поместила напечатанный огромными буквами призыв: «К оружию! Революция в опасности! Польский рабочий люд умеет бороться и погибать за свободу! Станем все в первых рядах революционной армии»⁵¹.

В те дни со страниц «Трибуны» раздался поэтический призыв к оружию, к защите революции:

Штыки примкнуть! Под флаг червонный!
Пусть кровь горячая кипит.
На бой, рабочих батальоны!
Пусть песнь свободная звучит...⁵²

Сотни и сотни польских рабочих и солдат вступали в ряды Красной Армии. Комиссаром одного из отрядов, двинутых против

оккупантов, был назначен Р. Муклевич⁵³, инспектором (командующим) артиллерии так называемой Донецкой республики стал член СДКПиЛ с 1910 г. Ф. Леонардо-Шелига⁵⁴, во 2-й Макеевский отряд вступил рабочий Ю. Ярош⁵⁵, на фронт отправился один из героев октябрьских боев в Замоскворечье, М. Кжеминьский⁵⁶. Во 2-й Московский советский полк вошел составленный из бывших солдат Белгородского полка кавалерийский отряд в 600 человек. Командиром отряда был назначен капитан П. Борович, учитель из Лодзи, призванный в армию в 1914 г. и ставший после Февральской революции членом СДКПиЛ. П. Борович весьма успешно командовал батальоном во время боев с корниловцами под Белгородом. Его отряд, получивший затем название «Победа», нанес тяжелый удар немецким оккупантам под Курском⁵⁷.

22 марта на базе бывшего Белгородского полка завершилось формирование новой воинской части Красной Армии — 1-го Революционного полка Красной Варшавы⁵⁸. Свое название (полк назывался также Красным полком революционной Варшавы) полк получил согласно воле бойцов — в значительной части уроженцев Варшавы и Варшавской губернии. Командиром полка вскоре стал поручик Ст. Жбиковский, еще недавно изучавший математику в Варшавском университете⁵⁹.

В ночь с 11 на 12 апреля отряд, сформированный из солдат полка, участвовал в проводившейся ВЧК ликвидации анархо-бандитских очагов в Москве. Погибшие в этой операции бойцы А. Гадомский и Ф. Барасевич, уволенный с действительной службы после ранения, полученного в боях с корниловцами, но в марте добровольно вернувшийся в свой полк, были торжественно похоронены на Красной площади. Выступая перед прибывшими на траурный митинг трудящимися и воинскими частями, Ст. Бобинский призывал продолжать дело, за которое пали еще два товарища, и больше крепить нерушимый союз русского и польского пролетариата⁶⁰.

По утверждению участника событий Ю. Подсядло, захоронение на Красной площади погибших бойцов полка Красной Варшавы было проведено по предложению В. И. Ленина⁶¹.

Огромная тревога, охватившая все революционные и демократические элементы в связи с германским нашествием, вызвала подъем интернационалистского движения среди поляков-военнопленных. Принимая участие во всех революционных акциях военнопленных-интернационалистов, польские военнопленные-интернационалисты также организовывались. У них сложился комитет военнопленных-коммунистов.

Помимо 1-го Революционного полка Красной Варшавы, на базе бывшего Белгородского полка были сформированы Отдельная сводная караульная дружина, предназначавшаяся для несения гарнизонной службы в Москве, эскадрон мазовецких улан и ряд других подразделений и отрядов. Вслед за 1-м Польским революционным батальоном, входившим в состав 1-го Революционного

полка им. Минского Совета, из бывших солдат 1-го Польского корпуса зимой 1918 г. был сформирован 2-й Польский революционный дивизион⁶²; в Витебске действовал польский революционный дивизион, насчитывавший весной 1918 г. до 690 бойцов⁶³. Польские по основному составу части и подразделения Красной Армии имелись также в Петрограде, Туле, Воронеже, Борисоглебске, Нижнем Новгороде и других городах⁶⁴. Своего рода признанием боевого значения польских формирований Красной Армии явилось то, что 1-й Революционный полк Красной Варшавы участвовал в состоявшемся 1 мая 1918 г. в Москве первом военном параде Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На параде присутствовал В. И. Ленин. Как писала «Правда», «с блеском, щеголевато прошли польские части»⁶⁵.

Польские интернационалисты — бойцы и командиры Красной Армии — отдавали весь свой боевой опыт строительству вооруженных сил первого пролетарского государства, делу его защиты от внешних и внутренних врагов. В то же время тысячи других польских интернационалистов самоотверженно трудились на промпредприятиях, на транспорте, в органах власти и управления молодого Советского государства.

Борьба Советской республики за мирную передышку и польские интернационалисты

С начала германского нашествия вопрос о войне или мире стал вопросом самого существования Советского государства. В. И. Ленин требовал немедленного ведения переговоров с Германией за подписание тяжелого и унижительного мира на навязываемых империалистами условиях⁶⁶. «Теперь нет возможности ждать, — говорил он. — Это значит сдавать русскую революцию на слом»⁶⁷. Большинство руководителей СДКПиЛ в России стояло в то время на позиции революционной войны. Однако многие ее видные деятели (Ст. Будзыньский, Зб. Фабержевич, К. Циховский, Ст. Берсон и др.), ее Омская, Царицынская и другие группы разделяли ленинскую позицию. Польские социал-демократы, участники VII съезда большевистской партии, проходившего 6—8 марта 1918 г. в Петрограде, — Ст. Бобинский, Ю. Лещинский, Я. Фенигштейн, Зб. Фабержевич — по вопросу о мире на съезде не выступали. В своей речи по докладу В. И. Ленина о пересмотре программы и названии партии Я. Фенигштейн выдвинул предложения, одобренные съездом: создать комиссию для доработки программы большевистской партии и единогласно одобрить ленинское предложение впредь называть партию Российской коммунистической партией (большевиков)⁶⁸. Съезд опять избрал Ф. Дзержинского в состав ЦК партии⁶⁹.

Во время работы IV Чрезвычайного съезда Советов, состоявшегося 14—16 марта в Москве, принявшего решение о ратифика-

ции Брестского мира и тем самым завершившего борьбу В. И. Ленина и большинства ЦК партии за мирную передышку, ни ЦИК СДКПиЛ, ни «Трыбуна» уже не пытались противопоставить ленинской линии свою грозившую военной катастрофой установку на «революционную войну». В то же время лидеры ППС-«фракции» продолжали, подобно эсерам и др., добиваться развязывания «революционной войны»⁷⁰, а практически все шире разворачивали борьбу против Советской власти.

Весьма противоречивой была позиция ППС-левицы. III конференция ее секций в России призвала к защите Советской власти⁷¹. Но ее лидеры заявляли, что революция в России якобы руководствуется партикуляристской, провинциальной крестьянской идеологией⁷².

В обстановке резкого обострения классовой борьбы в стране, наступившего вслед за германским нашествием, начавшейся антантовской вооруженной интервенции и активизации внутренней контрреволюции усилились разногласия между различными течениями польских интернационалистов. Деятели ППС-«фракции», участвовавшие в работе Польского комиссариата и Совета революционно-демократических организаций, при поддержке деятелей ППС-левицы предприняли ряд попыток, направленных к вытеснению социал-демократов с руководящих позиций в комиссариате и к отделению самого комиссариата от Советского правительства. В борьбе вокруг вопроса о прерогативах Совета революционно-демократических организаций и роли Польского комиссариата, затеянной ППС-«фракцией» и лидерами ППС-левицы, нашел одно из своих выражений отход мелкобуржуазных и колеблющихся элементов от Советской власти. В середине апреля межпартийное сотрудничество в Польском комиссариате распалось⁷³.

Оставив свои посты, представители ППС-«фракции» практически полностью перестали сотрудничать с Советской властью. Правда, отдельные деятели этой партии не последовали за раскольниками. То же следует сказать и о ППС-левице с той лишь разницей, что ее отход от Советской власти оказался сравнительно непродолжительным и сопровождался бурной внутрипартийной борьбой, результатом которой был полный переход этой партии на позиции диктатуры пролетариата.

Вся многосторонняя революционная работа среди польского населения, проводившаяся Польским комиссариатом и его местными органами, легла на польских социал-демократов.

Одним из последствий германской интервенции явилось то, что значительная часть польских беженцев и других выходцев из Польши в феврале—марте 1918 г. оказалась на оккупированной германскими и австрийскими войсками советской территории. К весне 1918 г. у границы с оккупированными областями скопилось до 300 тыс. беженцев⁷⁴, которые в связи с заключением Брестского мира надеялись быстрее вернуться на родину. Народный комиссариат по иностранным делам Советской республики

дважды обращался в апреле 1918 г. к германскому правительству с просьбой учесть бедственное положение польских беженцев, скопившихся вдоль линии немецкой оккупации, и разрешить им вернуться на родину. Но германские власти, опасаясь массового перенесения «большевистской заразы» в Польшу, не пропускали на запад не только беженцев, скопившихся в «приграничной» зоне, но и беженцев, находившихся на оккупированных территориях Украины и Белоруссии. Активизировали свои проски среди польских беженцев, солдат-поляков и других групп польского населения различные контрреволюционные элементы. Положение осложнило и то обстоятельство, что, опираясь на поддержку германского правительства и его представительства в Советской республике, явочным порядком в Москве в апреле 1918 г. развернуло деятельность представительство варшавского Регентского совета. Своим представителем в Москве Регентский совет назначил А. Ледницкого, деятеля левого крыла российской конституционно-демократической партии, ведавшего во времена Временного правительства широким кругом дел, связанных с интересами польских имущих классов. Сложное международное положение Советской России вынудило Г. В. Чичерина учесть пожелание германского посла графа В. Мирбаха об установлении контактов с представителями Регентского совета⁷⁵. Польский комиссариат относился весьма негативно к этим вынужденным контактам.

Советской власти, Польскому комиссариату приходилось прилагать огромные усилия, чтобы прокормить и уберечь от эпидемий беженцев, собравшихся у «пограничных» станций, и удержать других беженцев от неподготовленного и преждевременного отъезда из мест временного расселения. Работа по демобилизации, трудоустройству, реэвакуации, помощи бывшим военнопленным, выявлению вывезенных из Польши при отступлении царской армии предприятий и ценностей, борьба с польской контрреволюцией, всесторонняя помощь Советской власти, содействие ей в формировании Красной Армии, в борьбе с разрухой, в создании продовольственных отрядов составляли основное содержание деятельности Польского комиссариата и передового отряда польских трудящихся — социал-демократии.

Польские социал-демократы в подавляющем большинстве вопросов поддерживали позицию большевистской партии. Они вели упорную работу по политическому просвещению и организации польских трудящихся масс в России. Ставшая с февраля 1918 г. ежедневной газета «Трибуна» являлась энергичным проводником идей революции и интернационализма. В связи с переносом издания этой газеты в Москву в Петрограде начала выходить местная польская интернационалистская газета «Справа работнича». В Москве же продолжалось издание органа Польского комиссариата двухнедельника «Вядомосци комисарьяту»; стал выходить орган Союза польской социал-демократической молодежи «Глос вольных»; большими тиражами издавались брошюры; отдельные

группы СДКПиЛ в Казани, Самаре, Царицыне и других городах выпускали листовки по самым актуальным вопросам момента.

Вместе с большевиками, под их руководством польские социал-демократы добивались сплочения интернационалистских элементов в международном рабочем движении. Представитель СДКПиЛ Я. Фенигштейн участвовал в проходившем в Петрограде в январе 1918 г. предварительном совещании представителей партии большевиков революционного крыла социалистических партий Швеции, Норвегии, Британской социалистической партии, Американской социалистической партии и других революционных сил международного рабочего движения, посвященном вопросу о подготовке к созданию III Интернационала ⁷⁶.

Движение за активную поддержку Советской власти охватило и поляков-военнопленных, служивших ранее в австрийской и германской армиях. Представители интернационалистских кругов поляков-военнопленных приняли участие в состоявшейся в Москве 14 марта 1918 г. конференции интернационалистов-военнопленных ⁷⁷.

Вскоре после этой конференции, 30 марта 1918 г., в Москве начала выходить новая еженедельная газета на польском языке «Интернационалиста». «Вступайте в боевые отряды революционной Красной Армии» — под таким призывом вышел ее первый номер ⁷⁸. Газета сначала выходила как орган комитета военнопленных-коммунистов, а затем как орган Польской группы эмигрантов при РКП(б). Но существование особой организации польских коммунистов из бывших военнопленных при наличии организаций СДКПиЛ, входивших в состав РКП(б), оказалось нецелесообразным. Поэтому польские интернационалисты из числа военнопленных и других лиц, не состоявших ранее в русском подданстве, сплачивались в составе группы СДКПиЛ, а издание газеты «Интернационалиста» было вскоре прекращено.

Для обсуждения новых задач, исправления ряда допущенных ранее ошибок 12—14 мая в Москве была проведена II конференция групп СДКПиЛ в России. В отчетном докладе, сделанном от имени ЦИК польских социал-демократических групп Ю. Лещиньским и Э. Прухняком, была предпринята попытка оправдать позицию ЦИК по вопросам мира и войны ⁷⁹.

Выступившие на конференции К. Циховский, Ст. Берсон, Зб. Фабержевич и др. резко критиковали линию и практическую деятельность ЦИК групп польской социал-демократии. «В вопросах войны правда находилась на стороне Ленина», — заявил член партии большевиков с 1905 г., затем активный участник польского революционного движения, делегат конференции В. Домбровский (С. Борский) ⁸⁰. Обстоятельный доклад о эвакуации беженцев сделал председатель Центропленбежа Ю. Уншлихт. Хотя в докладе Ст. Бобиньского о польских воинских соединениях наряду с повторением позиции о недопустимости создания национальных частей признавалась возможность существования частей, подобных 1-му Революционному полку Красной Варшавы, в ко-

торых польские солдаты составляли большинство, конференция в своей резолюции высказалась против создания отдельных польских боевых единиц в составе Красной Армии⁸¹. Но это не помешало тому, что конференция бурно приветствовала Ст. Жбиковского, заверившего польских социал-демократов, что полк Красной Варшавы по примеру другой, по составу польской части, которой командовал П. Борович, готов идти на борьбу с врагами революции.

В работе конференции получил отражение процесс идейно-политического роста авангарда польских интернационалистов — социал-демократов, но в решениях конференции, в частности по вопросу о текущем моменте, еще проявлялась живучесть взглядов, характерных для «левых» коммунистов⁸². В новый состав ЦИК группы СДКПиЛ в России были избраны Ю. Лещинский, Ст. Бобинский, Ю. Уншлихт, Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн, Э. Прухвяк, Ст. Будзыньский, Бр. Весоловский, М. Бронский⁸³.

В своей практической деятельности польская социал-демократия в России не жалела усилий для укрепления Советской власти, борьбы за претворение в жизнь ленинского плана приступа к построению социализма. Однако осуществление этого плана срывалось врагами революции.

В борьбе с контрреволюционными заговорами и мятежами

Советское государство постепенно оказывалось в кольце фронтов. Опираясь на интервентов, активизировалась вся внутренняя контрреволюция. Польские контрреволюционные элементы формировали свои отряды, участвовали в антисоветских мятежах и заговорах. Даже в Москве в иммигрантском полку, в основном офицерский по составу полк, которому для маскировки дали имя сподвижника Т. Костюшко крестьянина Бартоша Главацкого⁸⁴. Организаторы полка, действуя совместно с российскими контрреволюционными кругами и антантовскими агентами, замыслили осуществить государственный переворот, свергнуть Советское правительство. Заговор был раскрыт, а полк разоружен и расформирован советскими органами. В апреле ВЧК арестовала одну из групп польских контрреволюционных заговорщиков во главе с М. Лютославским⁸⁵. Вскоре была пресечена деятельность еще одного польского контрреволюционного центра, находившегося в контакте с главой французской военной миссии генералом Лавернем и чехословацкими заговорщиками⁸⁶.

В ночь с 15 на 16 февраля 1918 г., протестуя против антипольской политики Центральных держав, 2-я Карпатская бригада польских легионов, сражавшаяся в составе австрийской армии и состоявшая в основном из поляков-добровольцев, вернула оружие и прорвалась во главе со своим командиром

Ю. Галлером с боем на советскую территорию в районе расположения 8-й армии Юго-Западного фронта. Революционное командование 8-й армии приветствовало и поддержало перешедшую бригаду⁸⁷. Вскоре бригада объединилась с частями сформировавшегося на Румынском фронте, насчитывавшего всего около 4 тыс. солдат и офицеров⁸⁸ 2-го Польского корпуса.

После германского вторжения на Украину и перехода Румынии на сторону австро-германской коалиции командиром корпуса стал Ю. Галлер; начальником штаба корпуса стал М. Жимерский. 2-й Польский корпус начал отходить на восток. Его командование вело одновременно секретные переговоры с германским оккупационным командованием в Киеве и с советскими властями.

Делегация, направленная командованием корпуса в Москву, посетила Я. М. Свердлова и И. В. Сталина. Я. М. Свердлов предложил делегации вступить в переговоры с Польским комиссариатом. Делегаты встречались со Ст. Бобинским. Но их основная цель состояла в установлении секретных контактов с антантовскими дипломатами, находившимися в Москве, и центрами польской контрреволюции⁸⁹.

В разгар переговоров пришло известие, что 11 мая немецкие войска разгромили 2-й Польский корпус, находившийся к тому времени в районе Канева.

Многие офицеры и солдаты корпуса сумели избежать плена и перебраться на советскую территорию. В Москву тайно прибыл и Галлер. Действовавший здесь польский контрреволюционный центр, находившийся в тесном контакте с французской военной комиссией, назначил Галлера военным руководителем польских националистических вооруженных сил⁹⁰. С помощью большой и разветвленной конспиративной сети Галлер и его ближайшие помощники начали стягивать отдельные группы польских солдат и офицеров в Вологду, Ярославль, Нижний Новгород и другие города, где предполагалось совместно с российскими контрреволюционными силами поднять антисоветские мятежи. При этом польские антисоветские элементы активно сотрудничали и с теми кругами русской контрреволюции, которые, как, например, командующий «Добровольческой армией» генерал М. В. Алексеев, стояли на позиции «единой и неделимой России» и не допускали мысли о создании независимого Польского государства. На общей платформе борьбы против социалистической революции сплачивались и проантантовские и прогерманские круги польской контрреволюции в России. Поэтому бывшие процаристские элементы действовали совместно с пилсудчиками, их весьма активной экспозитурой, продолжавшей свои происки и в Петрограде, и в Москве, и в Киеве, Одессе, Харькове...⁹¹

В составе «Добровольческой армии» постепенно сложилось целое польское соединение, позднее получившее наименование 4-й Польской дивизии (1—3-я находились на территории Франции). Командиром дивизии стал генерал Л. Желиговский.

В Сибири при поддержке ставшего позже так называемым временным верховным «правителем» адмирала А. В. Колчака также формировались польские контрреволюционные силы. Их предводителем был «командующий польскими войсками в Восточной России и Сибири» бывший «галлерчик» майор В. Чума.

ВЧК, другим органам Советской власти, польским интернационалистам удалось пресечь некоторые замыслы заговорщиков.

Организуя отпор многочисленным врагам, Советская власть была вынуждена «лабирировать, отступать, выжидать», продолжая изо всех сил свою военную подготовку⁹². Удары, падавшие на Советскую республику, вместе со всем народом испытывали на себе и польские трудящиеся. От рук контрреволюционеров гибло немало польских интернационалистов. В частности, в Крыму белогвардейцы и крымскотатарские националисты захватили и расстреляли председателя Симферопольского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов, члена СДКПиЛ с 1898 г., делегата V съезда РСДРП, многократного узника царизма, председателя комитета губернского РКП(б) Яна Тарвацкого и комиссара внутренних дел Таврической Советской Республики, члена СДКПиЛ с 1906 г., также делегата V съезда РСДРП Станислава Новосельского⁹³. Серьезный урон понесли группы СДКПиЛ Киева, Одессы, Луганска, Харькова и других оккупированных местностей, продолжавшие в составе большевистских организаций борьбу против захватчиков и их ставленников — гетмана Скоропадского на Украине, атамана Краснова на Дону и др.

Приведенный в полную боевую готовность 1-й Революционный полк Красной Варшавы 11 мая 1918 г. принес присягу на верность революции, борьбе за свободу своего и всех народов⁹⁴. Особое, символическое значение принесению присяги придавал тот факт, что торжественная церемония происходила на территории одной из цитаделей пролетариата Москвы — на заводе Михельсона. Бойцы и командиры полка, казармы которого находились недалеко от завода, часто посещали собрания рабочих, бывали на заводских митингах. Здесь они, как вспоминает боец-варшавянин Юзеф Подсядло, слушали выступления В. И. Ленина⁹⁵.

Антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса, вспыхнувший в конце мая, резко ухудшил положение Советской республики. Обширные территории Поволжья, части Урала, Сибири и Дальнего Востока оказались во власти мятежников, белогвардейцев и полностью скатившихся в лагерь контрреволюции различных эсеровских и меньшевистских «правительств». Войска английских империалистов вторглись в Туркестан и Закавказье. Вместе с российской контрреволюцией и антантовскими интервентами выступали их польские союзники. Были они и в составе мятежного чехословацкого корпуса; в августе в захваченной мятежниками Самаре состоялся даже съезд представителей различных польских контрреволюционных организаций, проходивший при участии представителей французской и английской военных миссий

и чехословацкого командования. Съезд призвал к созданию «польской армии» в Поволжье и Сибири⁹⁶.

Но в тылу врага вместе с другими революционерами сражались против мятежников и интервентов интернационалисты—партизаны, красногвардейцы, красноармейцы. Польские интернационалисты стали деятельнейшими участниками революционного подполья.

Летом и осенью 1918 г. Восточный фронт оказался главным фронтом борьбы Советского государства за свое существование, за спасение социалистической революции⁹⁷.

Вместе с представителями других национальных коммунистических групп, составлявших Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б), Ст. Бобинский от имени СДКПиЛ подписал обращение об отправке на противочехословацкий фронт всех членов групп, присутствие которых не является необходимым в Москве или других тыловых городах⁹⁸. Польские социал-демократы способствовали включению в вооруженные силы революции всех готовых ее защищать. Совместно с Е. М. Ярославским и Б. Рейнштейном Ст. Жбиковский, командир 1-го Революционного полка Красной Варшавы, выступил с публичной лекцией об интернациональных отрядах, их задачах и целях⁹⁹.

Варшавский полк продолжал служить серьезной базой для создания ряда выделяемых из его состава подразделений, отрядов, команд. Уже в январе 120 бойцов полка было направлено на пополнение Балтийского флота¹⁰⁰. Из состава полка постоянно выделялись караульные команды для особо ответственной в условиях жестокого голода и массового бандитизма охраны продовольственных грузов, реквизиции запасов продовольствия, находившихся у частных организаций и лиц. Один за другим полк формировал отряды и направлял их на боевые участки. Так, 2-я рота полка под командованием инструктора Марьяна Ковальского была направлена на укрепление советских сил в Курск¹⁰¹, находившийся под угрозой захвата российскими контрреволюционными силами, опиравшимися на оккупировавшие Украину немецкие войска; отряд под командованием Романа Эйненкеля в борьбе с кулацким мятежом восстанавливал Советскую власть в Талдомском у. Московской губ.¹⁰²; в начале июня после выполнения этого задания тот же Эйненкель во главе роты Варшавского полка был направлен на фронт в район Астрахани¹⁰³. Вслед за тем 200 бойцов полка во главе с инструктором А. Шпаком и комиссаром В. Сцибором направились на подавление контрреволюционного мятежа в район Усмани¹⁰⁴, а гусарский эскадрон был послан в Тамбов¹⁰⁵, который одно время являлся крупным центром формирования польских по составу частей Красной Армии, и т. д. Вместе с тем Варшавский полк непрерывно пополнялся. В частности, 1 июня в состав полка были включены в качестве отдельного батальона остатки прибывшего в Москву 1-го Польского пехотного полка советских войск армии южных республик¹⁰⁶; в полк определялись добровольцы из солдат, бе-

женцев и т. п. Принимались в полк также бывшие военнопленные, а равно и те из легионеров бывших 1-го и 2-го Польских корпусов или солдат, вовлеченных в другие контрреволюционные формирования, которые переходили на сторону революции.

Хотя основное ядро полка составляли поляки, с самого начала полк складывался как интернациональная по составу часть. Помимо русских, в полк зачислялись югославяне¹⁰⁷; еще в мае в полк были приняты 90 китайцев¹⁰⁸; позднее в полку были сформированы мусульманский взвод¹⁰⁹ и Восточный китайский батальон¹¹⁰. В полку служили корейцы¹¹¹, а также евреи, итальянцы, австрийцы, словаки, чехи¹¹² и др. В конце апреля в полку насчитывалось 573 человека, в конце мая — 703, в июле — 1115¹¹³, в начале августа — 1799 человек¹¹⁴. Среди 31 лица командного состава полка, начиная от инструкторов-командиров рот и выше, 10 человек были членами СДКПиЛ, 1 — членом ППС-«фракции», 1 — членом ППС-левицы, 19 — беспартийными¹¹⁵. Всего в полковой группе польской социал-демократии в июле состояло несколько более 30 человек¹¹⁶. Сравнительно малочисленная группа СДКПиЛ, к которой принадлежали командир полка Ст. Жбиковский и комиссар полка Ст. Бобинский, оказывала решающее влияние на морально-политический облик всей части. Военный комиссариат Замоскворецкого р-на аттестовывал полк как самую дисциплинированную воинскую часть, на которую «можно возлагать самые трудные и ответственные задачи по борьбе с врагами Рабоче-Крестьянской власти»¹¹⁷.

В полк постоянно сообщались все новости, поступающие с берегов Вислы. По возвращении в Москву из нелегальной поездки по партийным делам на родину Ст. Будзыньский 28 июня выступил перед красноармейцами полка и рабочими завода Михельсона с докладом о положении в Польше¹¹⁸. На этом же митинге собравшиеся более 4 тыс. человек прослушали речь В. И. Ленина о гражданской войне, с которой он выступал и на других московских заводах¹¹⁹. Участники митинга приняли резолюцию, одобрявшую постановление Московского Совета от 25 июня об исключении из состава Совета навсегда меньшевиков и эсеров (правых и центра), ставших явными предателями рабочего дела.

Но лидеры и левых эсеров, саботируя политику Советской власти в отношении контрреволюционного кулачества, пропагандируя планы срыва Брестского договора и войны с Германией, все больше противопоставляли себя большевикам, революции.

И 6 июля 1918 г. во время работы V Всероссийского съезда Советов левые эсеры организовали убийство германского посла в Советской России графа В. Мирбаха и подняли мятеж в Москве. Мятежники захватили несколько кварталов города, овладели телеграфом, арестовали председателя ВЧК Ф. Дзержинского и других видных советских деятелей, а также командира одного из отрядов ВЧК, героя октябрьских боев Я. Венглинского¹²⁰. На другой же день мятеж левых эсеров был подавлен.

Более длительным, затянувшимся до 21 июля было сопротивление белогвардейцев, эсеров и меньшевиков, поднявших 6 июля мятеж в Ярославле.

При подавлении мятежа в Москве активно действовали многие интернационалисты. Заметным было участие в борьбе против мятежников отряда конных пулеметчиков Варшавского полка во главе с Брониславом Гаврисем¹²¹.

Тотчас же после получения известия о начале мятежа в Ярославле Московский окружной комиссариат по военным делам приказал Варшавскому полку выслать для борьбы против мятежников отряд в 250 человек при 8 пулеметах¹²². В отряд, командиром которого был Виктор Фильянович, а комиссаром — Владислав Сцибор, вошли 1-я рота полка, 6-я рота, состоявшая преимущественно из китайцев и корейцев, бойцы которой так сдружились с польскими интернационалистами, что отклонили предложение перейти в формируемую китайскую часть Красной Армии; в составе отряда были также эскадрон мазовецких улан, пулеметчики и бомбометчики¹²³. Вместе с воинскими частями и вооруженными отрядами рабочих из Петрограда, Москвы, Рыбинска, Иваново-Вознесенска и некоторых других городов отряд разгромил мятежников.

Вслед за мятежниками в Москве и Ярославле 10 июля поднял мятеж в Сибирске командующий советскими войсками на Восточном фронте левый эсер М. А. Муравьев, замышлявший сорвать мир с Германией, соединиться с мятежным Чехословацким корпусом и антантовскими интервентами. Интернационалисты, в том числе и польские, входившие в охрану Муравьева, заняли по его приказу почту, телеграф и телефонную станцию. Но как голько в результате разъяснительной работы большевиков бойцам стала известна контрреволюционная суть событий, участниками которых они оказались, они поднялись против Муравьева и помогли ликвидировать мятеж¹²⁴.

Как и ранее, польские социал-демократы действовали в критические июльские дни 1918 г. в полном, органическом единстве с большевиками. Польские социал-демократы делегаты V съезда Советов Ст. Берсон, Ст. Бобиньский, Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский и др. вместе с большевиками голосовали за резолюцию, одобрявшую внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства, за резолюцию, подтверждавшую неизбежность хлебной монополии, необходимость решительного подавления сопротивления кулачества и организации комитетов бедноты. Они, как и все большевики, одобрили меры по организации и укреплению Красной Армии на основе обязательной воинской повинности трудящихся. Наконец, они одобрили акт величайшего исторического значения, принятый съездом, — Конституцию РСФСР, закрепившую основные завоевания социалистической революции.

Среди 153 человек, вошедших от РКП(б) в новый состав ВЦИК, были Ст. Бобиньский, М. Броньский, Бр. Весоловский,

Ф. Дзержинский, а среди 30 кандидатов в члены ВЦИК от РКП(б) был избран Ст. Пестковский¹²⁵. На первом же заседании ВЦИК по предложению Я. М. Свердлова в состав высшего органа Советской власти был кооптирован незадолго до того вызволенный Советским правительством из германского концентрационного лагеря выдающийся деятель польского и международного рабочего движения Юлиан Мархлевский.

В связи с ухудшавшимся военным положением Советской республики объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. приняло по предложению В. И. Ленина решение: «Признать социалистическое отечество в опасности». Провозглашенный тогда же лозунг «Смерть или победа!» стал боевым лозунгом всех бойцов за дело революции.

Так случилось, что первую свою речь, разъясняющую этот лозунг, В. И. Ленин произнес именно перед польскими интернационалистами. По приглашению Ю. Мархлевского, Ст. Бобиньского и других своих польских друзей В. И. Ленин выступил 1 августа 1918 г.¹²⁶ перед отправлявшимся на фронт 1-м Революционным полком Красной Варшавы. Митинг происходил в актовом зале Коммерческого института (ныне Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова), расположенного недалеко от казарм полка¹²⁷. Выступление В. И. Ленина было выражением признательности вождя и организатора социалистической революции ко всем участникам интернационалистского движения. Определяя задачи этого движения, разъясняя особенности международного и внутреннего положения Советской республики, Ленин подчеркивал, что русская революция прокладывает путь рабочим революциям в других странах.

Указав на полное единство русских и польских революционных интересов, В. И. Ленин отметил, что «мы, и польские и русские революционеры, горим теперь одним желанием сделать все, чтобы отстоять завоевания первой мощной социалистической революции, за которой неминуемо последует ряд революций в других странах»¹²⁸. Напутствуя красноармейцев-интернационалистов, В. И. Ленин говорил им: «Ваша задача, идя на фронт, прежде и больше всего помнить, что это единственно законная, справедливая, священная война угнетенных и эксплуатируемых против насильников и грабителей». Закончил он свою речь выражением уверенности в том, что против интернациональной Красной Армии, выступающей под боевым лозунгом «Смерть или победа!», «не устоит никакая сила империалистов!»¹²⁹.

Через несколько дней после выступления В. И. Ленина, 6 августа 1918 г., полк выбыл из Москвы в Тамбов¹³⁰. Избрание Тамбова местом дислокации одной из лучших частей Красной Армии диктовалось рядом обстоятельств: в Тамбовской губ. находились значительные запасы хлеба¹³¹ и Тамбовский плацдарм разделял силы контрреволюции, действовавшие в Среднем Поволжье и на Дону.

Еще до отправления полка в Тамбов польские социал-демократы, учитывая удачный опыт формирования этой части Красной Армии и делая надлежащие выводы из того обстоятельства, что многие польские интернационалисты выражали желание служить именно в такого рода частях, разработали план формирования новых интернационально-польских воинских частей и сведения их в одну Западную стрелковую дивизию.

3 августа 1918 г. приказом военного командования Ст. Жбиновскому было предписано приступить к формированию Западной советской дивизии (Западной стрелковой дивизии). Кроме 1-го Революционного полка Красной Варшавы, основой дивизии становилась также Отдельная сводная караульная дружина, которая по желанию солдат была реформирована в боевую часть — Люблинский пехотный полк¹³². При дивизии создавались инструкторские курсы для подготовки командного состава.

Уже 22 августа была сформирована 1-я бригада дивизии в составе 1-го Варшавского и 2-го Подлясского стрелковых полков, Варшавского гусарского полка и легкого артиллерийского дивизиона¹³³. Командиром бригады был назначен Р. Лонгва, комиссаром — В. Сцибор. В сентябре началось формирование 2-й бригады дивизии (в составе 3-го Люблинского, 4-го Варшавского, 6-го Гродненского полков и других частей). Командиром бригады был назначен Е. Ф. Маковский, ранее организовавший в Витебске Польский революционный дивизион. Активный деятель ППС-«фракции», прошедший ряд лет в царских тюрьмах, Маковский после Февральской революции одно время представлял именно эту партию в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Работа в Совете и Польском комиссариате вскоре привела его в ряды большевиков.

В октябре 1918 г. началось формирование 3-й бригады дивизии. Происходило оно в условиях, когда отдельные ее части и подразделения вели бои с мятежниками и контрреволюционерами, когда, как и ранее, на фронт направлялись специальные отряды и группы. Так, в августе отряд из 165 мазовецких улан, состоявших при 1-м Революционном полке Красной Варшавы, был направлен в район Казани, где вошел в 27-ю стрелковую дивизию 5-й армии¹³⁴. В Тамбовскую губ. в распоряжение ЧК был направлен отряд, одним из инструкторов которого был К. Пысь¹³⁵, на Южный фронт в 14-ю армию был послан отряд в составе 398 штыков, 120 сабель, 2 пулеметов, 8 тяжелых пулеметов. Инструктором (командиром) в отряде был Борисов, комиссаром — сначала К. Пивонь, затем Ст. Зелинский¹³⁶. Части и подразделения Западной стрелковой дивизии вели бои также в районах Борисоглебска—Поворино, южнее Балашова и в других местах. Во многих боях революционным солдатам противостояли превосходящие силы противника, но красноармейцы самоотверженно вели борьбу. В одном из сражений против белоказаков батальон Люблинского полка из 340 бойцов потерял 217 человек. Докладывая о результатах сражения, командир батальона писал, что хотя

многие солдаты Красной Армии погибли в бою, «но они показали красновской банде, как борются люблинцы за дорогую Октябрьскую революцию»¹³⁷.

Продолжали свой боевой путь и ранее сложившиеся польские революционные части. После боев против войск Центральной рады на Украине и различных контрреволюционных сил на Смоленщине в июне был брошен против чехословацких мятежников 1-й Революционный полк им. Минского Совета (в дальнейшем 237-й стрелковый Минский полк¹³⁸); в составе этого полка продолжали сражаться остатки польских революционных батальонов. На страже Советской власти в Витебске стоял дивизион тяжелой артиллерии: дивизион не только не поддержал командование 1-го корпуса, в составе которого числился, но и послужил ядром для создания революционного 4-го Варшавского пехотного полка¹³⁹. В составе Воронежской пехотной дивизии 3-й армии Южного фронта состояли сформированные из поляков Красный Люблинский полк и Варшавский пехотный полк¹⁴⁰, в Орле был сформирован польский батальон¹⁴¹, в Саратове действовала польская боевая дружина¹⁴² и т. д. Бойцы и командиры — польские интернационалисты служили почти в каждой из частей Красной Армии.

В результате разъяснительной работы польских социал-демократов и других интернационалистов целые группы солдат, оказавшихся втянутыми в различные контрреволюционные формирования, переходили на сторону Советской власти. Более 200 солдат, служивших ранее в 1-м и 2-м Польских корпусах, подписали обращение, призывавшее к борьбе за революцию и социализм. В Польше, говорилось в обращении, сами солдаты, рабочие города и деревни «должны взяться за дело создания нового государства, в котором земля и фабрики станут собственностью народа. Здесь, в России, мы должны учиться, как приступать к этому делу у нас на родине, и прежде всего мы должны встать в ряды героически сражающегося русского народа и помочь ему одержать победу, ибо поражение России будет поражением также и для польского пролетариата»¹⁴³.

Дух пролетарского интернационализма и революционного патриотизма, характерный для всей деятельности СДКПиЛ, вызывал к ней глубокие симпатии всего российского пролетариата. В связи с исполнявшимся 25 августа 1918 г. 25-летием со времени основания польской социал-демократии редакция «Правды», выражая чувства всех членов РКП(б), обратилась с боевым приветом к польским друзьям и товарищам, «с которыми наша партия была всегда в наиболее близких отношениях». Далее в приветствии выражалось пожелание успехов «в назревающих классовых битвах в городах и селах истерзанной войной Польши»¹⁴⁴.

В Москве в Польском доме состоялось торжественное заседание, посвященное 25-летию СДКПиЛ. Участники заседания избрали в президиум ветеранов польского революционного движения, основателей партии Бр. Весоловского и Ю. Мархлевского,

а также Ст. Пестковского. В приветственном слове, произнесенном по поручению ЦК РКП(б) и ВЦИК, Я. М. Свердлов отметил постоянную совместную деятельность польских и русских марксистов, которая в России уже привела к победе¹⁴⁵. Призыву сомкнуть теснее ряды для защиты социалистической республики было посвящено выступление на торжественном заседании Ф. Дзержинского. Те же мотивы звучали в речах Ю. Лещиньского, представителей латышских и литовских коммунистов, швейцарских социал-демократов. Выступившая от имени английских и французских коммунистов Жанна Ляжурб, революционная деятельность которой началась в годы первой русской революции на польской земле, указала, что пролетариат Запада всей душой вместе с революционными российскими рабочими. Участники торжественного заседания послали телеграмму томившейся в германской тюрьме Розе Люксембург¹⁴⁶.

Напрягая все свои усилия, чтобы сокрушить Советскую власть, контрреволюция решила обезглавить Советское государство и большевистскую партию. 30 августа при выходе с завода Михельсона был ранен отравленными пулями В. И. Ленин. Гнев и негодование, вызванные этим злодейским преступлением, вместе со всем советским народом разделили сотни тысяч иностранных трудящихся, находившихся в революционной России. Примером этому может послужить телеграмма В. И. Ленину участников польского коммунистического вечера, состоявшегося 7 сентября в Тамбове. Собравшиеся выражали непоколебимую уверенность, что «дорогой Владимир Ильич скоро поправится и снова возьмет в свои могучие руки кормило русской и мировой революции». Участники тамбовского собрания решили на предательские покушения из-за угла ответить сплочением своих рядов и массовым террором, направленным против класса угнетателей¹⁴⁷.

Вместе со всеми бойцами и командирами Красной Армии, со всеми советскими трудящимися польские интернационалисты отдавали все силы для отпора врагу. При освобождении 12 сентября от чехословацких мятежников и белогвардейцев Симбирска — родины В. И. Ленина — особо отличился переброшенный на Восточный фронт польский по составу своего основного ядра дивизион «Победа» под командованием П. Боровича¹⁴⁸.

Резкое обострение вооруженной классовой борьбы в стране и покушение на жизнь В. И. Ленина вызвали крутое изменение позиции ППС-левицы — ранее весьма непоследовательного направления польских интернационалистов. Комитет московской секции ППС-левицы обратился 5 сентября с письмом к В. И. Ленину, в котором писал, что своими выстрелами «подлые слуги буржуазии, мирового империализма и контрреволюции, злейшие враги рабочего класса думали убить великие идеи непосредственной борьбы за социализм и власть в руках пролетариата. Но великие лозунги, которыми тов. Ленин призывал российский пролетариат к Октябрьской революции, не замолкнут, пока не приведут нас к полной победе во всех странах. И мы уверены, что с неуклон-

ной своей энергией и железной волей тов. Ленин будет продолжать вести российский пролетариат к нашей общей полной победе»¹⁴⁹.

Вслед за тем руководство ППС-левицы в России, сормовская, московская, петроградская и другие секции этой партии одна за другой вынесли решение о полной поддержке РКП(б) и вступлении в ее состав¹⁵⁰. В соответствии с условиями договора, заключенного между РСДРП и СДКПиЛ в 1906 г.¹⁵¹, вступление ППС-левицы в РКП(б) могло произойти только путем предварительного ее объединения с СДКПиЛ.

Углублявшаяся политическая поляризация проявилась также в позиции ППС-«фракции». Конференция ее секций, состоявшаяся 5—8 октября 1918 г. в Москве, с рядом оговорок высказалась за поддержку Советского правительства и партии большевиков. Конференция признала, что в России «единственной, имеющей реальную силу социалистической партией является партия коммунистов... Пролетарская революция в России дала рабочему классу всего мира пример как пролетариат должен решать задачи, стоящие перед рабочим классом». Конференция призвала к полной поддержке дела строительства Красной Армии и предложила всем секциям подготовиться к празднованию первой годовщины Октябрьской революции¹⁵².

Партия большевиков ценой гигантской политической и организаторской работы успешно отстаивала Советскую власть в борьбе против внутренних и внешних врагов. В августе 1918 г. Советское правительство приняло декрет, которым все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи и касающиеся разделов Польши, объявлялись отмененными бесповоротно. В октябре Советское правительство назначило Ю. Мархлевского дипломатическим представителем в Польше. Г. В. Чичерин писал, что назначение советским представителем в Польше одного из самых видных и старых вождей польского рабочего движения будет воспринято польскими народными массами как доказательство не только отсутствия со стороны Советской России каких-либо враждебных намерений по отношению к национальной свободе Польши, но и полной солидарности Советского правительства со стремлением народных масс Польши к социальному освобождению¹⁵³. Опасаясь именно этих стремлений, польские буржуазные круги воспрепятствовали приезду в Варшаву официального советского представителя.

Тем временем на родину, в Польшу, возвращалось все большее количество беженцев. Польские социал-демократы вели агитационную работу среди эвакуировавшихся. Они снабжались листовками, брошюрами.

Издательская деятельность СДКПиЛ, несмотря на недостаток бумаги и технические трудности, непрерывно расширялась. В переводах на польский язык были выпущены «Государство и революция» В. И. Ленина, текст Конституции РСФСР, брошюры Р. Люксембург, Ю. Мархлевского, Т. Гневича и др. Польские со-

циал-демократы добились некоторых успехов в организации на советской территории польских школ, в ликвидации неграмотности взрослого населения. В Перми, Астрахани, в польских по основному составу частях Красной Армии возникали новые группы польской социал-демократии.

На местах все группы СДКПиЛ помогали организации всеобщего обучения трудящихся военному делу, вели борьбу с организаторами голода и националистами. Каждая группа стремилась определить свои задачи, вытекающие из местных условий. Царицынская группа СДКПиЛ, например, со времени мятежа чехословацкого корпуса в своей деятельности руководствовалась тем, что Царицын оказался единственным пунктом, через который юг страны сохранял связь с Москвой и Петроградом¹⁵⁴. Там, в Царицыне, среди многих польских тружеников, которых социал-демократы приобщили к активной и сознательной защите революции, была и крестьянская семья Формальских, беженцев из Люблинщины. Эта семья дала в дальнейшем польскому революционному движению много славных бойцов, в том числе Малгожату Формальскую, одну из организаторов созданной в 1942 г. в подполье героической Польской рабочей партии. Тогда в 1918 г., юная Малгожата вступила в Царицыне вместе со своей матерью Марцианной в группу польских социал-демократов, а затем вслед за старшим братом Александром и сестрой Фелицией пошла в Красную Армию¹⁵⁵.

Делая все для защиты Советской республики, польские интернационалисты ни на миг не упускали из виду положение на родине. По поручению своих партийных органов ряд деятелей СДКПиЛ и ППС-левицы направились на нелегальную работу в Польшу. Оттуда также приезжали социал-демократы и социалисты для знакомства с положением в первой стране пролетарской революции.

Значительна была активность польских интернационалистов в освободительной борьбе, происходившей на территориях, оккупированных белогвардейцами и интервентами, особенно в Белоруссии и Литве. Во главе партийного подполья в Минске находился прибывший из Петрограда А. Славинский (Качоровский). В августе 1918 г. он был избран в Краевой комитет коммунистических организаций Белоруссии и Литвы¹⁵⁶. В августе же в Москве состоялось совещание по вопросам работы в оккупированных областях. Руководил совещанием Ст. Пестковский, являвшийся с сентября 1918 г. заместителем народного комиссара по делам национальностей. В совещании участвовал еще один польский социал-демократ — Ю. Лещинский. Пестковский стал затем председателем Центрального бюро по руководству коммунистическими организациями оккупированных областей, созданного ЦК РКП(б) в сентябре 1918 г.

Представители польской социал-демократии принимали участие в состоявшейся в октябре 1918 г. в Москве конференции коммунистических организаций оккупированных Германией Ук-

раины, Белоруссии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, а также областей РСФСР. На конференции выступил Я. М. Свердлов, председательствовал Ст. Пестковский. Конференция, активными участниками которой были Ст. Бобинский, Ст. Будзыньский, Ю. Лещинский, К. Циховский и представитель варшавской организации СДКПиЛ, уделила много внимания задачам работы в оккупированных областях, вопросам использования для этого интернационалистских групп, установления тесных контактов со спартаковцами, действовавшими в германских войсках. В. И. Ленин передавал через Ст. Пестковского важные советы участникам конференции. В частности, рекомендуя всемерно поддерживать на освобожденных территориях лозунг «Вся власть Советам!», он в то же время советовал в определенных условиях не пренебрегать проведением выборов в Учредительные собрания, а использовать их для укрепления связи партии с массами, для подведения масс к осознанию необходимости замены Учредительного собрания Советами. В ленинском духе конференция высказалась за пропаганду лозунгов совместной борьбы трудящихся всех национальностей против иноземных и отечественных помещиков и капиталистов, за солидарность с пролетариатом Советской России и революционной Германии¹⁵⁷. Вместе с тем в решениях конференции нашло отражение ошибочность взглядов по национальному и некоторым другим вопросам.

В период решающих побед над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции

Революционные выступления трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы, развал монархии Габсбургов, капитуляция кайзеровской Германии, окончание первой мировой войны, крупные победы Красной Армии на Восточном фронте существенно изменили международное положение Советской республики. 13 ноября 1918 г. ВЦИК Советов аннулировал Брестский мир. Но тогда же империалисты стран Антанты и США, освободившись от борьбы против Центральных держав, начали сосредоточивать силы для борьбы против Советской республики — главного очага и базы мирового революционного движения.

В новых условиях, создавшихся после окончания мировой войны и отъезда в свои страны многих бывших военнопленных, беженцев, отходников, значительная часть польских интернационалистов осталась рядом со своими советскими единомышленниками и товарищами: ведь агрессивная антисоветская политика польских правящих кругов предельно сближала задачу защиты Советской республики от польских захватчиков с борьбой против польских угнетательских классов, за социальное освобождение самого польского народа.

Польские социал-демократы писали в приветствии VI Чрезвычайному съезду Советов, заседавшему 6—9 ноября 1918 г., что тысячи польских пролетариев, возвращавшихся из России на родину, заронят и туда искры того грандиозного революционного пожара, который охватил пролетарскую Россию¹⁵⁸.

Совместная борьба за общее дело революции в России и Польше находилась в центре внимания III конференции групп СДКПиЛ в России, проходившей 14—17 ноября 1918 г. в Москве. На конференции были рассмотрены все аспекты работы польской социал-демократии в Советском государстве и на родине. При этом конференция не смогла полностью преодолеть недооценку национальных и общедемократических задач польского революционно-освободительного движения¹⁵⁹. Участники конференции приветствовали предложения об объединении с ППС-левицей, но практическое решение вопроса посчитали находящимся в компетенции лишь партийных инстанций, действовавших в самой Польше. Конференция отметила, что осуществлявшаяся в последнее время концентрация поляков-военнослужащих в одних частях Красной Армии себя оправдала и вполне отвечала задачам момента.

С согласия ЦК РКП(б) и командования Красной Армии ЦИК СДКПиЛ начал добиваться перевода в Западную стрелковую дивизию всех красноармейцев и командиров поляков, непосредственно не участвовавших в ту пору в боях на фронте. В воззвании к рабочим и солдатам, призывавшем их в ряды Западной стрелковой дивизии, ЦИК СДКПиЛ указывал, что Польша не должна стать слугой англо-американских банкиров и оплотом контрреволюции, что все должны быть готовыми выступить по призыву братьев из Польши¹⁶⁰. Реввоенсовет республики приказом № 115 разрешил всем беженцам и уроженцам Польши, Литвы и Белоруссии переводиться по их желанию из других частей Красной Армии в Западную дивизию¹⁶¹.

Общее изменение обстановки сделало целесообразным переброску Западной стрелковой дивизии на западные рубежи Советской республики. Из частей этой дивизии лишь 1-я бригада в составе 1-го Варшавского, 2-го Люблинского, Варшавского гусарского полков продолжала вести тяжелые бои на Южном фронте. Части бригады действовали разрозненно и в течение ноября—декабря 1918 г. 12 раз перебрасывались с одной позиции на другую. В декабре в упорных боях в районе Красное, Плешаково и других местах по направлению к железнодорожному узлу Лиски бригада потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 800 человек¹⁶². В феврале 1919 г. бригада была переброшена на запад на соединение со всей дивизией. Соединиться с дивизией стремилась и кавалерийская часть под командованием П. Боревича, входившая в 1-ю армию Восточного фронта¹⁶³.

Еще в последние месяцы 1918 г. в связи с наметившимся крахом германской оккупации советских земель и Польши центр

практической деятельности польских интернационалистов стал перемещаться из Москвы в Смоленск.

Части Западной стрелковой дивизии участвовали в освобождении от оккупантов Минска, Лиды, Барановичей, Вильно и других городов Белоруссии и Литвы. Польские интернационалисты играли большую роль в формировании белорусской и литовской советской государственности, приведшем 16 декабря 1918 г. к образованию Литовской Советской Социалистической Республики, а 1 января 1919 г. — Белорусской Советской Социалистической Республики. Народным комиссаром государственного контроля Белорусской ССР стал Ст. Берсон¹⁶⁴. Когда в целях объединения сил и для отпора империалистической контрреволюции, ставшей особенно опасной в связи с враждебной и агрессивной политикой буржуазной Польши, была создана Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, польские интернационалисты самоотверженно трудились над укреплением молодой Советской республики — ближайшей соседки Польши. Председателем объединенного ЦИК Советов Литбела был избран К. Циховский. Член СДКПиЛ с 1907 г., участник Октябрьской революции, деятель Польского комиссариата К. Циховский в последующие годы стал одним из руководителей Коммунистической партии Польши, работал в Исполкоме Коминтерна, участвовал в формировании интернациональных бригад, сражавшихся в конце 30-х годов в Испании против фашистских мятежников и италогерманских интервентов¹⁶⁵. К. Циховский, а также Я. Фенигштейн, являвшийся народным комиссаром внутренних дел Литбела, в марте 1919 г. на объединительном съезде КП Литвы и КП Белоруссии были избраны в ЦК партии; Я. Долецкий вошел также в состав президиума ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии¹⁶⁶. Народным комиссаром Литбела по военным делам был Ю. Уншлихт, народным комиссаром юстиции — М. Козловский, народным комиссаром просвещения — Ю. Лещиньский¹⁶⁷.

Ко времени, о котором идет речь, во всех тех местностях Советского государства, где действовали польские интернационалисты, завершился процесс слияния групп СДКПиЛ с секциями ППС-левицы в единые группы Коммунистической рабочей партии Польши в России. Этот процесс начался вскоре же после того, как стало известно о крупнейшем событии в польском рабочем движении — объединении СДКПиЛ и ППС-левицы и образовании Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП). Среди 95 делегатов I съезда КРПП, состоявшегося 16 декабря 1918 г. в Варшаве, была группа деятелей, принимавших непосредственное участие в революционных событиях 1917—1918 гг. в советской республике: Ст. Будзыньский, Фр. Гжельщак (бывшая СДКПиЛ), Г. Битнер, Г. Ивиньский, М. Здыарский, Ст. Круликовский, Р. Яблоновский (бывшая ППС-левица)¹⁶⁸. Среди десяти человек, избранных в состав первого ЦК КРПП, были Фр. Гжельщак и Ст. Круликовский; одним из двух кандидатов в члены ЦК — Г. Ивиньский¹⁶⁹.

Группы КРПП в России сохранили организационные связи с РКП(б), подобные тем, какие ранее сложились у групп польской социал-демократии. В руководящий орган — ЦИК групп КРПП в России, сформированный в январе 1919 г., — вошли Ст. Бобинский, К. Бродский, Ст. Будкевич, Ф. Дзержинский, Я. Долецкий, Ю. Лещинский, С. Лазоверт, Фр. Пенташевский, Ю. Уншлихт, кандидатами в члены ЦИК были Р. Муклевич и Ст. Пшедецкая¹⁷⁰. ЦИК групп КРПП в России находился в Минске, а затем в Вильно, куда и переехала часть его членов. Сначала в Минске, а с 23 февраля 1919 г. в Вильно, с мая 1919 г. опять в Минске выходила газета «Млот», ставшая центральным органом польской коммунистической печати в советских республиках. «Трыбуна» продолжала выходить еженедельно в Москве.

Одним из первых актов ЦИК групп КРПП было обращение 14 января 1919 г. ко всем группам о необходимости вербовки в Западную стрелковую дивизию. В ряде городов со сравнительно большим удельным весом польского населения — Минске, Вильно, Лиде, Опшянах, Петрограде, Москве, Смоленске, Туле, Воронеже, Саратове и др. — были открыты бюро по набору добровольцев в дивизию¹⁷¹. Только польские коммунисты Саратова, руководителями которых были член СДКПиЛ с 1905 г. Ян Мизеркевич и член СДКПиЛ с 1906 г. Ст. Коханьский, отправили в дивизию в течение декабря 220 добровольцев, за первую неделю января — 40 человек, за одну из следующих недель — 76 человек и т. д.¹⁷²

В связи с отъездом Ст. Жбиковского в Польшу на подпольную партийную работу командование Западной стрелковой дивизии перешло через некоторое время к Р. Лонгве. В состав образованного Революционного военного совета дивизии входили Ст. Бобинский, Ю. Уншлихт, Я. Долецкий, Р. Лонгва, Ст. Бродовский. Ст. Бобинский оставался комиссаром дивизии. В комиссариат дивизии также вошли Ст. Бродовский, А. Славинский, С. Лазоверт, Бр. Дзяткевич¹⁷³. При дивизии была создана школа красных командиров, комиссаром которой был Зд. Шерыньский.

5-й Виленский полк, состоявший преимущественно из уроженцев литовских земель, был выделен из состава дивизии и реорганизован в Литовскую стрелковую дивизию. Реввоенсовет дивизии и ЦИК групп КРПП в России разрабатывали планы соединения с дивизией кавалерийского полка П. Боревича, ряда небольших польских отрядов, действовавших на различных фронтах, отрядов польских партизан, сложившихся в период немецкой оккупации на территории Литвы и Белоруссии, и повстанческих польских отрядов, прибывавших с запада на советскую территорию. Эти силы предполагалось использовать для развертывания польской армейской группы.

Деятели групп КРПП в России были убеждены в том, что события, развивавшиеся в Польше, вскоре должны привести к пролетарской революции. Однако пролетариат Польши оказал-

ся недостаточно сильным для того, чтобы свергнуть эксплуататорские классы. Укрепившись у власти, польские правящие круги, опираясь на поддержку как держав Антанты, так и Германии, уже в феврале 1919 г. перешли к захвату советской территории: 9 февраля польские войска захватили Брест, 13 февраля — Вылковыск, а 21 апреля — Вильно...

Польские интернационалисты вместе со всеми бойцами Красной Армии упорно сражались с наступающими польскими войсками. ЦИК КРПП распространял в польской армии листовки, в которых призывал польских солдат переходить на сторону Красной Армии, становиться в ряды борцов за освобождение трудящихся¹⁷⁴.

Хотя в результате сложившихся обстоятельств военная работа поглощала основные силы и главное внимание польских интернационалистов, польские трудящиеся не только на фронтах, но и в тылу выступали как подлинныя союзники рабочих и всех трудящихся Советского государства. Многие тысячи их по-прежнему работали в промышленности и на транспорте.

Польский комиссариат, его отделения на местах оказывали содействие еще остававшимся беженцам. Новыми постановлениями Советского правительства был определен порядок передачи в ведение комиссариата польских материальных и культурных ценностей, вывезенных царским правительством из Польши. Много сил у польских интернационалистов отнимала борьба с буржуазно-националистической агентурой и другими антисоветскими элементами среди польского населения республики.

Польские контрреволюционеры вели активную подрывную работу в советском тылу. Продолжалась вербовка в польские контрреволюционные части, сложившиеся не только в Сибири, но и на Кубани, где у генерала Деникина немногочисленными польскими силами командовал генерал Л. Желиговский, и в Архангельске, где к весне 1919 г. действовал польский контрреволюционный отряд, насчитывавший примерно 300 человек¹⁷⁵. Подразделения бригады Желиговского были в качестве авангарда интервенционистских войск Антанты переправлены морем из Новороссийска в Одессу. Бригада Желиговского вскоре была развернута при помощи французских и других интервентов в 4-ю стрелковую дивизию, личный состав которой едва доходил до 4 тыс. человек.

Тотчас же по прибытии в Одессу первых польских отрядов с Кубани местные группы СДКПиЛ, ППС-левицы и ППС-«фракции» в совместной выпущенной листовке призывали легионеров стать рядом с рабочим народом в борьбе за свободу и социализм¹⁷⁶. Вслед за тем Одесская группа СДКПиЛ опубликовала воззвание, в котором разъясняла солдатам, что польские паны давно предали лозунг «За вашу и нашу свободу!» и что Польша станет свободной, перестанет быть предметом торга только тогда, когда буржуазия будет отстранена от власти¹⁷⁷. Эти и подобные воззвания, равно как и листовки на французском, румынском и

других языках, печатались в нелегальной типографии, руководимой Яном Гжеляком. В дальнейшем с весны 1919 г. деятельность польского революционного подполья в Одессе практически слилась с деятельностью Иностранной коллегии¹⁷⁸, проводившейся под руководством подпольного обкома КП(б) Украины. В самой дивизии также сложились нелегальные коммунистические ячейки, проводившие большую политическую работу среди солдат, отдельные группы которых дезертировали, переходили на сторону Красной Армии.

Из польских интернационалистов была сформирована боевая дружина, личный состав которой — около 100 человек — принял участие в вооруженной борьбе, приведшей в апреле 1919 г. к освобождению Одессы от интервентов и белогвардейцев.

Вскоре же, 10 апреля 1919 г., в Одессе стала выходить газета местной организации польских коммунистов «Комуна»¹⁷⁹.

Как и другие участники мощного интернационалистского движения, развернувшегося под влиянием Октябрьской революции и деятельности большевистской партии, польские коммунисты стремились к сплочению интернационалистских сил не только внутри Советской республики, но и в международном масштабе. ЦИК групп КРПП в России, действуя в соответствии с поручением ЦК своей партии¹⁸⁰, принимал участие в подготовительной работе, связанной с созданием III, Коммунистического Интернационала. Представитель ЦИК групп КРПП участвовал в проводившемся В. И. Лениным во второй половине января 1919 г. совещании представителей коммунистических и левосоциалистических партий и групп ряда стран. Под обращением участников этого совещания «К первому съезду Коммунистического Интернационала» от имени КРПП стоит подпись Ю. Мархлевского (Карского)¹⁸¹.

1 марта в Москве состоялось предварительное совещание делегатов по вопросам международного съезда коммунистов, а 2—6 марта происходил I конгресс Коммунистического Интернационала, на котором польских коммунистов представлял Ю. Уншлихт. Вместе с В. И. Лениным, Б. Рейнштейном, Ю. Сиранолой и др. он подписал Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира¹⁸².

Среди делегатов состоявшегося вскоре же, 18—23 марта 1919 г., VIII съезда РКП(б), помимо Ф. Дзержинского, Я. Дольского, М. Козловского, Ст. Пестковского, избранных непосредственно большевистскими партийными организациями, К. Бродский и Я. Ганецкий представляли польских коммунистов¹⁸³. В сделанном В. И. Лениным отчете съезду Центрального Комитета партии, содержавшем анализ стратегии и тактики партии за время, прошедшее после заключения Брестского мира, была дана высокая оценка интернационалистского движения и его значения для развития международного коммунистического движения и создания III Интернационала¹⁸⁴. Съезд принял новую програм-

му партии — программу построения социализма. Ф. Дзержинский, как и ранее, был избран членом ЦК партии.

Вместе со всеми партийными организациями группы польских коммунистов развернули большую работу по пропаганде решений VIII съезда РКП(б). Работа по осуществлению решений VIII съезда проходила в сложной обстановке, вызванной наступлением колчаковских войск, подошедших в апреле к Волге. Контрнаступление Красной Армии, начатое в конце апреля, привело к значительным успехам. Но тогда, чтобы помочь Колчаку, активизировались белогвардейские силы на севере, северо-западе и в Прибалтике, создав было угрозу Петрограду. Западная стрелковая дивизия и другие части Красной Армии, действовавшие на Западном фронте, вели упорные оборонительные бои против возобновивших наступление польских войск. Польские коммунисты в Литбеле вместе со всеми коммунистами республики, вместе с находившимся в июне в Белоруссии агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция», коллектив которого возглавлял М. И. Калинин, делали все для укрепления фронта. Но войскам буржуазной Польши удалось 8 августа 1919 г. занять Минск и продвинуться дальше на восток.

Хотя в мае — августе 1919 г. Красная Армия нанесла ряд крупных ударов по силам Колчака и освободила Урал, положение республики оставалось исключительно тяжелым. С лета главная опасность Советской республике стала угрожать с юга, откуда наступали войска Деникина.

Трудное военно-политическое положение республики сделало невозможным осуществление ряда хозяйственных, военных и других планов, намеченных в течение зимы 1918/19 г. Среди неосуществленных планов оказалось начатое сведение всех польских интернационалистов, служивших в Красной Армии, в польскую армейскую группу. Повинуясь своему революционному долгу, красноармейцы и командиры польского происхождения, как и новое пополнение из числа польских трудящихся, служили в тех частях Красной Армии, где это диктовалось общими условиями.

Вслед за проведением в июне по предложению советских республик Литвы, Белоруссии и Латвии объединения сил всех советских республик для защиты Советской власти от общего врага в июле 1919 г. приказом по 16-й армии Западная стрелковая дивизия была переименована в 52-ю стрелковую дивизию, 1-й Варшавский стрелковый полк — в 460-й стрелковый полк, 2-й Люблинский стрелковый полк — в 461-й стрелковый полк и т. д. Это были не только меры упорядочения, но и проведения единства в организации Красной Армии. В отношении Западной стрелковой дивизии эта линия объективно вытекала из того, что с лета 1919 г. ее пополнение лишь в небольшой степени проходило за счет уроженцев польских земель.

В октябре, когда после захвата Курска и Воронежа деникинцы оказались сравнительно близко от Москвы, 52-я (бывшая

Западная) стрелковая дивизия в соответствии с принятым ЦК партии решением о переброске на Южный фронт возможно большего числа лучших войсковых частей была снята с Западного фронта и брошена на деникинский фронт.

Возможность снятия 52-й дивизии с противоположного фронта, где именно на этой дивизии лежала основная тяжесть обороны, появилась в связи с тем, что, не желая помогать победе деникинцев, выступавших под лозунгом «единой и неделимой» России, т. е. России в границах 1914 г., польские правящие круги с конца лета 1919 г. приостановили активные военные действия против Советской республики. Определенная заслуга во временной приостановке военных операций на советско-польском фронте принадлежала Ю. Мархлевскому.

Возвращаясь нелегально весной 1919 г. из Германии (где он находился с января 1919 г., был кооптирован в ЦК КПГ и руководил классовыми боями рабочих в Рейнско-Вестфальской области), Ю. Мархлевский, несмотря на большой риск, по собственной инициативе вступил в Варшаве в контакт с польскими правящими кругами, обеспокоенными великодержавной позицией Колчака и Деникина. Он убеждал польских правителей в готовности Советского правительства к выгодному для Польши мирному урегулированию и предлагал начать неофициальные советско-польские переговоры, которые могли бы привести к открытым переговорам¹⁸⁵. После того как польская сторона выразила согласие, Ю. Мархлевский, действуя уже в соответствии с официальным поручением Советского правительства, хотя и вопреки взглядам ряда лиц из высших польских партийных инстанций в Советской России¹⁸⁶, вел переговоры с польской стороной в Беловеже в июле и в Микашевичах в ноябре—декабре 1919 г.¹⁸⁷ Эти переговоры не привели к открытию мирных переговоров, но они все же способствовали временной стабильности на Западном фронте, что было очень важно в период решающих сражений Красной Армии против деникинцев.

Освобождение 20 октября Орла явилось переломом в борьбе против деникинцев; одновременно с развернувшимся контрнаступлением на Южном фронте советские войска разгромили войска генерала Юденича и погнали из Сибири войска адмирала Колчака. В ходе гражданской войны произошел коренной перелом в пользу Советской власти.

Решающим условием этого перелома явилась огромная политическая и организаторская работа большевистской партии, в ходе которой укреплялось единство партии и лежащие в основе ее построения принципы демократического централизма и коллективности руководства. В соответствии с решениями VIII партийной конференции при ЦК и при местных органах ВРКП(б) создавались отделы агитационно-пропагандистской работы среди национальных меньшинств. Для руководства работой среди поляков-коммунистов и всего польского населения республики было решено образовать Польское бюро агитации и пропаганды при

ЦК РКП(б). Польские коммунистические группы преобразовывались в польские коммунистические секции при местных организациях РКП(б)¹⁸⁸. Тем самым было ликвидировано двойственное положение польских коммунистических групп, которые ранее считались составной частью и РКП(б) и КРПП, самостоятельно принимали новых членов, собирали партийные взносы и т. п. Завершение перестройки польских партийных организаций было связано с первой конференцией поляков — ответственных партийных работников, состоявшейся 9—11 сентября 1919 г. В состав избранного конференцией и утвержденного ЦК РКП(б) польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) вошли Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Ст. Бродовский, Ст. Бобинский, К. Бродский, Я. Долецкий, С. Лазоверт¹⁸⁹. Я. Долецкий вместе с К. Циховским и С. Пшедецкой входил также в Исполнительное бюро — созданный в сентябре 1919 г. орган, специально занимавшийся связью с КРПП, оказанием ей помощи, отправкой на родину польских коммунистов, работой в польской армии и на оккупированных ею территориях¹⁹⁰. Находилось Исполнительное бюро в Смоленске, куда было перенесено и издание газеты «Млот». При 12, 15 и 16-й армиях РККА были образованы польские отделы¹⁹¹.

Польские коммунисты в Советской республике продолжали вести большую, специально обращенную к польскому населению работу. В результате деятельности лишь редакционно-издательской комиссии Польского бюро с сентября по конец 1919 г. было издано 109 названий различных журналов, газет, брошюр, листовок общим тиражом почти в 1,5 млн. экземпляров¹⁹². Среди этих изданий было немало листовок, обращенных к солдатам польской армии¹⁹³. О том, что эта агитация достигала цели, говорили переход польских солдат на советскую сторону, волнения в отдельных польских частях, общий рост антивоенных настроений в польской армии¹⁹⁴, обращения польских солдат, оказавшихся в советском плену, к солдатам польской армии с призывами повернуть оружие против своих угнетателей — польской буржуазии и помещиков¹⁹⁵.

Задачу широкого приобщения постоянного и временного польского населения Украины к борьбе за полное изгнание интервентов и полную ликвидацию остатков гетманщины и петлюровщины пытались решать, как писал Ф. Кон, польские коммунисты, действовавшие в рядах КП(б) Украины¹⁹⁶.

Решающие победы, одержанные Советской властью в 1919 г. над силами внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, давались ценой больших жертв и огромных усилий. В рядах Красной Армии, в партизанских отрядах сложили свои головы многие герои борьбы — польские интернационалисты. Погиб Бронислав Весоловский. Находясь в Польше во главе официальной миссии Российского Красного Креста, он вместе со своими сотрудниками был расстрелян польскими жандармами 2 января 1919 г. Был расстрелян польскими солдатами 22 апреля

1919 г. под Вильно Ст. Герсон; убит жандармерией в Лацах Зб. Фаберкевич (Т. Гневич); польской охранкой в Мишке был убит участник революции 1905—1907 гг., один из видных деятелей ППС-левицы, корреспондент довоенной ленинской «Правды» Ст. Кулечинский. 19 января 1919 г. от руки левозсеровских заговорщиков, действовавших по наущению английских империалистов, погибли 14 туркестанских комиссаров, среди них Владислав Фигельский, школьный товарищ Юлиана Лещинского, блестящий математик, ученик по Сорбонне Андре Пуанкаре, неоднократно встречавшийся в Париже с В. И. Лениным. В. Фигельский с 1913 г. жил и работал в Туркестане, где вскоре стал деятельным участником большевистской организации. Депутат Самаркандского Совета солдатских и рабочих депутатов, затем его председатель В. Фигельский в мае 1919 г. был избран председателем Совета Народных Комиссаров Туркестанской Советской Республики¹⁹⁷. После мучительных пыток пал от рук чехословацких контрразведчиков один из организаторов СДКПиЛ В. Матушевский, являвшийся в 1917—1918 гг. видным деятелем большевистских организаций Восточной Сибири. В бою пал комиссар 1-го батальона Пензенского полка, варшавский каменщик, член СДКПиЛ с 1898 г. И. Грушковский. В колчаковском застенке умер делегат II и V съездов СДКПиЛ и V съезда РСДРП Т. Магжик.

Подводя итоги прошедшего периода борьбы с внутренними и внешними врагами революции, В. И. Ленин говорил на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 г., что «главные трудности у нас позади»¹⁹⁸. Конференция приняла новый Устав РКП(б). В связи с тем что существовавшие в 1917—1919 гг. национальные партийные группы и организации свою роль уже сыграли, устав предусматривал деятельность лишь территориально-производственных организаций партии.

Тотчас же после конференции состоялся VII Всероссийский съезд Советов. От имени рабочих Польши съезд приветствовал Ф. Кон. Своего рода официальным мандатом, дающим ему полномочия на такого рода приветствие, он просил считать «боевой клич, раздающийся на улицах Варшавы и Лодзи... В тот момент, когда я обращаюсь к вам от польского пролетариата, он выступает во всех городах с кличем «Долой войну с Советской Россией!»¹⁹⁹. Съезд предложил мирные переговоры всем государствам, воюющим против Советской республики. В ноте правительства РСФСР польскому правительству от 22 декабря 1919 г. указывалось, что мир между Польшей и Россией «является жизненной необходимостью для развития обеих стран, для их благосостояния и экономической деятельности»²⁰⁰. Теми же стремлениями к установлению отвечающих жизненным интересам обеих стран мирных, добрососедских отношений были пронизаны обращение СНК 28 января 1920 г. к правительству и народу Польши с изложением основ политики в отношении Польши, обращение ВЦИК 2 февраля 1920 г. к польскому народу²⁰¹.

«За нашу и вашу свободу!»

Решающие победы Советской республики над силами внутренней и внешней контрреволюции позволили ей перейти к преодолению хозяйственной разрухи, развала транспорта и промышленности. В январе 1920 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет о введении всеобщей трудовой повинности. Во главе созданного Главного комитета всеобщей трудовой повинности был поставлен Ф. Дзержинский, остававшийся также на многих других ответственных постах, в том числе на посту председателя ВЧК²⁰².

Большую роль в организации советской экономики сыграли член СДКПил с 1902 г. М. Броньский, являвшийся с конца 1917 г. заместителем народного комиссара торговли и промышленности; Я. Ганецкий — член Коллегии Народного комиссариата финансов; М. Козловский — член Коллегии Народного комиссариата юстиции, председатель Малого Совнаркома. Сотни других польских коммунистов работали в партийном, государственном аппаратах, хозяйственных органах.

Вопросы хозяйственного строительства, путей развития советской экономики, электрификации страны заняли центральное место в работе IX съезда РКП(б), заседавшего 29 марта — 5 апреля 1920 г. Среди 715 делегатов съезда, представлявших свыше 600 тыс. членов партии, были Ф. Врублевский от Красноярской организации РКП(б), Ф. Кон от КП(б) Украины, Ст. Пестковский от Оренбургской партийной организации, Ю. Уншлихт от большевиков 16-й армии²⁰³. Избранный опять в состав ЦК партии Ф. Дзержинский на Пленуме ЦК был избран и кандидатом в члены Оргбюро ЦК.

Вместе со всем рабочим классом Советской республики рабочие-поляки участвовали в больших хозяйственно-политических кампаниях зимы и весны 1920 г., во всероссийском первомайском субботнике²⁰⁴. Под руководством С. Дзержинской, А. Ганецкой и др. была возобновлена в широких масштабах работа по расширению знаний и повышению культурного уровня польских трудящихся. В Москве, в частности, зимой 1919/20 г. были открыты 20 пунктов ликвидации неграмотности среди взрослого польского населения²⁰⁵.

Словив главные силы белогвардейской и антантовской контрреволюции, заключив первый мирный договор — договор с Эстонией, вынудив Антанту к снятию блокады, Советская республика еще вела борьбу с врангелевцами, остатками колчаковцев и др. Напряженным оставалось положение на линии соприкосновения с польской армией: правящие круги Польши не только уклонялись от мирных переговоров с Советской республикой, но явно готовились при поддержке Франции и других западных держав к возобновлению вооруженной борьбы.

На заседании ВЦИК 2 февраля Ю. Мархлевский от имени всех коммунистов-поляков, проживавших в России, огласил заяв-

легке, подписанное 43 видными деятелями. В заявлении отмечалось, что КРПП не перестает добиваться окончания войны. Как КРПП, так и польским коммунистам, работающим в России, чужда мысль об установлении коммунистического строя в Польше с помощью русского оружия. Свергнуть установившийся в Польше порядок внешней силой нельзя. Коммунисты-поляки стремятся к миру между Советской республикой и Польшей. Но если польское правительство будет продолжать наступление, коммунисты-поляки будут, как и раньше, защищать пролетарскую Россию²⁰⁶.

Выступая 6 марта 1920 г. на заседании Московского Совета, В. И. Ленин указывал, что Советская республика сделала все возможное, чтобы предотвратить войну с Польшей: «Но хотя мы сделали все возможное, дальнейшее зависит не от нас»²⁰⁷.

После того как реакционные правители Польши развязали 25 апреля 1920 г. широкую агрессию против Советского государства, ВЦИК и СНК в обращении, подписанном М. И. Калининым, В. И. Лениным и др., провозгласили: «Долой польских захватчиков, насильников и угнетателей! За нашу и вашу свободу! — говорим мы пролетариям и крестьянам Польши. — Да здравствует братство трудящихся масс Польши и России!»²⁰⁸.

Исполнительное бюро польских коммунистов в Смоленске выпустило листовку к польским солдатам, призывая их бороться за мир с Советской Россией. В центре внимания проходившей в Москве 3—5 мая 1920 г. II Всероссийской конференции поляков-коммунистов были вопросы борьбы против возобновившейся агрессии со стороны Польши. В конференции участвовали 90 делегатов. Конференция по предложению председательствовавшего Ю. Мархлевского без дискуссии приняла решение о мобилизации максимального количества польских товарищей, находящихся в Советской республике. Конференция указала на необходимость усиления работы среди военнопленных и беженцев, среди молодежи²⁰⁹. Учитывая, что успехи на фронте находятся в прямой зависимости от состояния тыла, участники конференции отметили задачи польских трудящихся, связанные с работой в промышленности и на транспорте. Конференция внимательно и критически рассмотрела деятельность Польского бюро, отметив его сравнительно слабую организационную работу, а равно и недооценку некоторыми местными партийными организациями задач работы среди польского населения.

Предательское нападение войск буржуазно-помещичьей Польши вызвало глубокое возмущение широких кругов польского населения Советской республики. На собрании в Харькове 16 мая после выступлений Ф. Кона, А. Скарбека, А. Славиньского колонна польских интернационалистов направилась к зданию, где заседал IV Всеукраинский съезд Советов. На плакате, который несли демонстранты, было написано: «Польские помещики и капиталисты воюют против Советской России и Красной Украин-

пы — польский пролетариат объединяется с рабочим классом России и Украины в борьбе против польской буржуазии»²¹⁰.

В ходе борьбы против агрессии буржуазной Польши польские коммунисты стремились быть на самых сложных и ответственных местах. Одной из главных своих задач наряду с вступлением в Красную Армию они считали работу среди войск противника и в прифронтовой полосе, где значительную часть населения составляли поляки²¹¹. Специфической формой работы, порожденной требованиями момента, явились широкие конференции рабочих и красноармейцев поляков, проводившиеся коммунистами-поляками. Одна из таких конференций с участием 142 делегатов от 1210 человек состоялась 1 июля 1920 г. в Москве. Ее участники после доклада Ю. Мархлевского и выступлений Ю. Лещиньского, С. Дзержинской и др. приняли резолюцию, в которой указали, что польское правительство, вызвав войну, предъявляет неосновательные претензии на восстановление границ 1772 г., что польские трудящиеся едины с пролетариатом России²¹². Основная работа Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) была перенесена в Смоленск. Для проведения работы на Правобережной Украине Польское бюро агитации и пропаганды образovalo особое бюро в составе Ю. Лещиньского, Ст. Борского и Я. Войтыги²¹³. В Москве работой оставшейся здесь части бюро агитации и пропаганды стала вестать С. Дзержинская.

В тылу польских войск расширялось партизанское движение, участниками которого были и польские трудящиеся. В войсках буржуазной Польши замечалось брожение, группы солдат переходили на советскую сторону. Многие польские военнопленные выражали желание помочь Советской республике.

В Белостоке — крупном промышленном центре у восточного пограничья польских этнографических земель — с начала мая 1920 г. происходили массовые выступления рабочих, требовавших прекращения антисоветской агрессии и проведения демократических преобразований²¹⁴. Размах этих выступлений, на которые вдохновляли в первую очередь коммунисты, а также деятели левого крыла ППС, возрастал по мере приближения к городу фронта, на котором Красная Армия теснила польских агрессоров.

В тяжелых условиях белого террора КРПП призвала польский народ к борьбе против реакционных правителей. Ю. Мархлевский, представляя КРПП на II конгрессе Коминтерна, на первом же его заседании, состоявшемся 19 июля в Петрограде, выступил с гневной речью, обличавшей авантюризм и преступный характер политики правителей Польши.

Когда советские войска в результате мощного контрудара погонали польскую армию с советской земли и стало очевидным, что Красной Армии предстоит по стратегическим соображениям перенести военные действия на собственно польскую территорию, было решено провести всеобщую мобилизацию коммунистов-поляков²¹⁵. В освобожденном Красной Армией Белостоке

30 июля 1920 г. образовался Временный революционный комитет Польши, в состав которого вошли широко известные в международном революционном движении интернационалисты: Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Э. Прухняк и Ю. Уншлихт.

Временный революционный комитет Польши обратился с манифестом к польскому трудовому народу. В манифесте разъяснялось, что советские братья борются прежде всего за мир, что они идут с лозунгом «За нашу и вашу свободу!» — лозунгом героев польской освободительной борьбы²¹⁶.

Хотя все члены Польревкома прошли школу Октябрьской революции и борьбы за власть Советов в России, на освобожденных польских землях они в ряде случаев допускали ошибки и действовали без учета конкретной обстановки²¹⁷. В сочетании с ошибками командования это привело после многих крупных успехов Красной Армии к ее неудачам²¹⁸.

На развитие военных операций на польском театре военных действий большое влияние оказало наступление врангелевских войск из Крыма. Среди других соединений оказалась скованной борьбой на врангелевском фронте и 52-я (бывшая Западная) стрелковая дивизия, в которой все еще находилось сравнительно много польских интернационалистов. Дивизия, оттесненная на правый берег Днепра, действуя вместе с Латышской и 15-й дивизиями, вскоре форсировала Днепр и повела 6—8 августа ставшие затем знаменитыми бои за Каховку. В этих боях особо отличился 464-й (бывший 5-й Виленский) полк. В ноябре 1920 г. 52-я дивизия вместе с 15-й и 153-й дивизиями форсировала Сиваш и, проделав проходы в проволочных заграждениях на Литовском полуострове, проложила путь к полному разгрому последнего крупного очага контрреволюции и интервенции. К тому времени погибшего Р. Лонгву сменил на посту командира дивизии Ян Роудман, комиссаром дивизии был В. Грузедь²¹⁹.

После окончания советско-польской войны польские коммунисты в Советской республике продолжали большую работу как среди постоянного польского населения, так и среди беженцев (к весне 1921 г. их оставалось еще до 500 тыс.) и военнопленных солдат и офицеров в польской армии.

Поляки-коммунисты составляли внушительную политическую силу: к весне 1921 г. их состояло в РКП(б) 18 тыс. человек²²⁰. При организациях РКП(б) насчитывалось тогда 8 областных, 37 губернских и 36 уездных польских бюро. Состоявшаяся в ноябре 1921 г. III Всероссийская конференция коммунистов-поляков нацелила членов партии на работу среди постоянного польского населения республики. Это диктовалось тем, что вслед за подписанием в марте 1921 г. Рижского мирного договора с Польшей начался быстрый отъезд всех временных контингентов польского населения. Оставшиеся группы польского населения — (в том числе и из бывших беженцев, солдат царской

армии, военнопленных) прочно вошли в состав населения Советской страны.

Одной из ярких страниц последнего периода польского интернационалистского движения в России было участие бригады польских интернационалистов в разгроме антоновщины. Польские интернационалисты принимали участие и в подавлении кронштадтского мятежа. В бою с мятежниками погиб комиссар курсов польских красных командиров, видный военачальник Б. Корифельд²²¹.

Славные дела польских интернационалистов явились особо яркой страницей в истории революционного союза польского народа и народов России, в их совместной борьбе за свободу, демократию и социализм.

- ¹ См., например: *Hołowko T. Przez dwa fronty. W-wa, 1931.*
- ² *Trybuna. 1917. 11(24).XI.*
- ³ Там же.
- ⁴ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов II созыва. М., 1918. С. 68.
- ⁵ См.: *Правда. 1917. 10(23) нояб.*
- ⁶ *Głos Robotnika i Żo nierza. 1917. 11.XI.*
- ⁷ См.: *Правда. 1917. 3(16) нояб.*
- ⁸ См.: Триумфальное шествие Советской власти. М., 1963. Ч. 1. С. 187.
- ⁹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 18.
- ¹⁰ См.: Ленинский сб. Т. 21. С. 95.
- ¹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 185; см. также: *Trybuna. 1917. 3(16).XII; Правда. 1917. 6(19) дек.*
- ¹² ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 27. Л. 49; Газета рабочего и крестьянского правительства. 1918. 2(15) янв.
- ¹³ ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 95; Газета рабочего и крестьянского правительства. 1917. 12(25) дек.
- ¹⁴ См.: Газета рабочего и крестьянского правительства. 1918. 19 янв. (1 февр.).
- ¹⁵ См.: *Манусевич А. Я. Из истории деятельности Польского комиссариата // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 149—206.*
- ¹⁶ АВП СССР. Ф. 413. Оп. 1. Д. 114. П. 8. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Д. 116. П. 8. Л. 2.
- ¹⁸ *Wiadomości Komisarjatu. 1918. 20.II.*
- ¹⁹ Известия ЦИК, 1917. 10(23) дек.
- ²⁰ *Trybuna. 1918. 17.II.*
- ²¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске: Пленарные заседания, заседания политической комиссии. М., 1920. Т. 1. С. 171—175.
- ²² См.: *Правда. 1918. 1(14), 2(15) марта и др.*
- ²³ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 462.
- ²⁴ *Glinka W. Pamiętnik z Wielkiej Wojny. W-wa, 1928. Т. III. S. 92, 128.*
- ²⁵ *Jabłoński H. Polska autonomia narodowa na Ukrainie, 1917—1918. W-wa, 1948. S. 49, 51—52, 72.*
- ²⁶ *Polska Prawda. 1917. 16(29).XII.*
- ²⁷ *Правда. 1917. 2(15) дек.*
- ²⁸ Подробнее см.: *Манусевич А. Я. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти // Из истории польского рабочего движения. М., 1962. С. 183—189.*
- ²⁹ *Trybuna. 1918. 22.I(4.II).*
- ³⁰ Там же. 26.I(8.II).
- ³¹ См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 119, 120 и др.
- ³² См.: Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 16.
- ³³ Там же. С. 94.
- ³⁴ См.: *Правда. 1918. 21 янв. (3 февр.).*
- ³⁵ См.: Третий Всероссийский съезд Советов... С. 92—93.
- ³⁶ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251.*

- 37 См.: *Heltman St. Robotnik Polski w Rewolucji Październikowej na Bia orusi. Mińsk, 1927. S. 66.*
- 38 Trybuna. 1917. 10(23).XII.
- 39 Там же. 17(30).XII.
- 40 См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 дек. (1918. 12 янв.). Останки М. Яцкевича были перевезены в специальном вагоне в Москву и похоронены с воинскими почестями.
- 41 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 57.
- 42 Еще до переезда полка многие солдаты и офицеры были уволены в долгосрочный отпуск (ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 7. Л. 101).
- 43 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 64; *Glinka W. Pamiętnik z Wielkiej Wojny. T. III. S. 210.*
- 44 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Д. 294а. Л. 257.
- 45 Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Fond Komitetu Narodowego Polskiego w Paryżu. Dz. II. T. 3. L. 2.
- 46 Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Cabinet Ciwilny Rady Regencyjnej. T. 46.
- 47 См.: *Polska Prawda. 1918. 14(27).I.*
- 48 См.: *Манусевич А. Я. Борьба Советского правительства за выход из первой мировой войны и польские интернационалисты в России // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1962. Т. XXV. С. 29 и др.*
- 49 См.: *Правда. 1918. 31 янв.; 13 февр.); СА КС PZPR: Wspomnienia. T. 6804.*
- 50 Trybuna. 1918. 23, 28.II.
- 51 Там же. 22, 23.II.
- 52 Там же. 20.III.
- 53 СА КС PZPR: *Wspomnienia. T. 7891.*
- 54 ГАОРСС МО. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 655.
- 55 СА КС PZPR: *Wspomnieni. T. 8418.*
- 56 ГАОРСС МО. Ф. 2188. Оп. 1. Д. 645.
- 57 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 65; *Kalendarz Komunistyczny na rok 1920. Moskwa, 1920. S. 61; Trybuna. 1918. 1.V.*
- 58 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 1. Л. 1—3; *Zatorski Dzieje pu'ku bielgorodzkiego. W-wa, 1960.*
- 59 *Z pola walki. 1960. N 2(10). S. 85.*
- 60 Trybuna. 1918. 17.IV.
- 61 *Z pola walki. 1958. N 1. S. 153.*
- 62 *Антонов А. Е. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 г. // Военно-политическая ордена Ленина акад. Крас-*
- ной Армии им. В. И. Ленина: Тр. акад. М., 1940. Сб. IV. С. 65.*
- 63 *Sprwa Zo nierska. 1918. 21.1(3.II).*
- 64 ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1610. Л. 16—18 об; Ф. 3935. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 342.*
- 65 *Правда. 1918. 3 мая.*
- 66 См.: *Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), Август 1917 г.—февраль 1918 г. М., 1958. С. 194—199.*
- 67 Там же. С. 201.
- 68 См.: *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б): Седьмой съезд. М.; Л., 1928. С. 188—189.*
- 69 См.: Там же. С. 177.
- 70 *G os Robotnika i Żołnierza. 1918. 1.V.*
- 71 См.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 325—328.*
- 72 *Robotnik w Rosji. 1918. Marz.*
- 73 Trybuna. 1918. 13.IV; *Petrogradzki g os robotnika. 1918. 1.V.*
- 74 *Wiadomości Komisarjatu. 1918. 30.VI.*
- 75 См.: *Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 371—372.*
- 76 См.: *Правда. 1918. 30 янв. (12 февр.).*
- 77 См.: Там же. 17 марта.
- 78 *Internationalista. 1918. 30.III.*
- 79 Trybuna. 1918. 15.V.
- 80 Там же. 24.V.
- 81 Там же. 31.V.
- 82 См.: *Правда. 1918. 7 июня.*
- 83 Trybuna. 1918. 31.V.
- 84 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 294а. Л. 531.
- 85 См.: *Известия ВЦИК. 1918. 4 мая.*
- 86 См.: Там же. 4 окт.
- 87 ЦГВИА. Ф. 7947. Оп. 2. Д. 103. Л. 10.
- 88 См.: *Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie, 1914—1920. W-wa, 1923. S. 340.*
- 89 СА КС PZPR: *Rada Polska Zjednoczenia Międzypartyjnego. 392/5. K. 82—88.*
- 90 Archiwum Akt Nowych w Warszawie. КНР. Dz. II. Т. 59. К. 64—65.
- 91 См.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 427.*
- 92 См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 323.*
- 93 Trybuna. 1918. 10.V.

- 94 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 13. Л. 10.
- 95 *Podsiadło J.* W szeregach rewolucyjnego pułku Czerwonej Warszawy // *Z pola walki.* 1958. N 1. S. 152.
- 96 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 699. Л. 1—2.
- 97 См.: *Ненароков А. П.* Восточный фронт, 1918. М., 1939.
- 98 См.: Правда. 1918. 16 июня.
- 99 См.: Там же. 6 июня.
- 100 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 64—65.
- 101 Там же. Л. 77.
- 102 ГАОРСС МО. Ф. 73, Оп. 2. Д. 151. Л. 133.
- 103 ЦГАСА. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 3. Л. 107.
- 104 Там же. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 9. Л. 883.
- 105 Там же. Д. 1. Л. 179.
- 106 Там же. Д. 12. Л. 26.
- 107 Там же. Д. 9. Л. 219.
- 108 Там же. Л. 323, 326.
- 109 Там же. Д. 12. Л. 168.
- 110 Там же. Д. 9. Л. 799—801.
- 111 Там же. Л. 736.
- 112 Там же. Д. 3. Л. 32; Д. 4. Л. 72—76.
- 113 Там же. Д. 18. Л. 25, 237, 508.
- 114 Там же. Д. 18а. Л. 222.
- 115 Там же. Д. 9. Л. 719.
- 116 Там же. Л. 719 об.
- 117 ГАОРСС МО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 151. Л. 44 об.
- 118 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 6. Л. 428.
- 119 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 470, 626; Правда. 1918. 30 июня.
- 120 См.: Правда. 1918. 8 июля.
- 121 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 81а, 84—85.
- 122 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 2. Д. 12. Л. 80.
- 123 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 128. Л. 73.
- 124 Там же. Л. 79.
- 125 См.: Известия ВЦИК. 1918. 14 июля.
- 126 В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (Т. 37. С. 24—26) вслед за «Вечерними известиями Московского Совета» от 3 августа 1918 г. ошибочно указывается, что выступление В. И. Ленина на митинге полка состоялось 2 августа 1918 г.
- 127 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 2. Д. 9. Л. 734, 753.
- 128 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 24.
- 129 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 26.
- 130 ГАОРСС МО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 151. Л. 162.
- 131 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 554.
- 132 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 9. Л. 796.
- 133 Там же. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.
- 134 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 600. Л. 78.
- 135 ЦГАСА. Ф. 3856. Оп. 3. Д. 4. Л. 27.
- 136 *Księga Polaków uczestników Rewolucji Październikowej, 1917—1920.* W-wa, 1967. S. 851.
- 137 ЦГАСА. Ф. 191. Оп. 4. Д. 25. Л. 42 об.
- 138 Там же. Ф. 4878. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.
- 139 ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1611. Л. 8—9.
- 140 См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 383.
- 141 См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М., 1957. С. 120.
- 142 Трубна. 1918. 22.VIII.
- 143 Там же. 1.VIII.
- 144 Правда. 1918. 27 авг.
- 145 См.: *Свердлов Я. М.* Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 269.
- 146 См.: Правда. 1918. 30 авг.
- 147 Трубна. 1918. 13.IX.
- 148 См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 241, 249.
- 149 ЦПА ИМЛ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
- 150 См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 438—439; ЦПА ИМЛ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 37. Л. 21; Д. 35. Л. 19 и др.
- 151 См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 529—530.
- 152 ЦПА ИМЛ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 198. Л. 6—7.
- 153 См.: Известия ВЦИК. 1918. 29 окт.; см.: *Манусевич А. Я.* Акт исторического значения // *Международная жизнь.* 1983. № 8. С. 100—108.
- 154 ЦПА ИМЛ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 522. Л. 32.
- 155 См.: *Форнальская М.* Воспоминания матери. М., 1961. С. 278—279, 288—289.
- 156 См.: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1968. Ч. 1. С. 423.
- 157 ЦПА ИМЛ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 8.
- 158 См.: Правда. 1918. 9 нояб.; ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 4. Л. 56—57.

- 159 Trybuna. 1918. 17.XI.
- 160 Там же. 1.XII.
- 161 См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2. С. 69.
- 162 ЦПА ИМЛ. Ф. 70, Оп. 5. Д. 128. Л. 100.
- 163 ЦГАСА, Ф. 1458. Оп. 1. Д. 29. Л. 280.
- 164 См.: Жизнь национальностей. 1919. 16 февр.
- 165 Z pola walki. 1958. N 4. S. 226—227.
- 166 См.: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 1. С. 443.
- 167 См.: Жизнь национальностей. 1919. 9 марта.
- 168 Z pola walki. 1958. N 4. S. 61—63.
- 169 Там же. S. 96.
- 170 ЦПА ИМЛ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
- 171 М от. 1919. 8.III.
- 172 Государственный архив Саратовской области. Ф. 521. Оп. 1. Д. 53. Л. 1, 6, 11 и др.
- 173 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 104.
- 174 Там же. Ф. 446. Оп. 1. Д. 12. Л. 75.
- 175 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 202.
- 176 См.: Там же. С. 33—34.
- 177 Kalendarz Komunistyczny na rok 1922. Moskwa, 1922. S. 53.
- 178 См.: Коновалов В. Г. Герои одесского подполья. М., 1960. С. 53—58.
- 179 Komuna. 1919. 10.IV.
- 180 ЦПА ИМЛ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
- 181 См.: Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала, 1914—1919. М., 1934. С. 116.
- 182 См.: Первый конгресс Коммунистического Интернационала, Март 1919 г. М., 1933. С. 201—212.
- 183 См.: Еосьмой съезд РКП(б), Март 1919 года: Протоколы. М., 1959. С. 459—461, 463, 468, 475.
- 184 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 147—148.
- 185 Księga czerwona. Moskwa, 1920.
- 186 Gostyńska W. Rola Juliana Marchlewskiego w tajnych rokowaniach polsko-radzieckich (czerwiec—lipiec 1919 г.) // Z pola walki. 1956. N 2(34).
- 187 ЦПА ИМЛ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 110. Л. 2—9; Marchlewski J. Pisma wybrane. W-wa, 1956. Т. II. S. 754—756; Sieradzki J. Bia owieża i Mikaszewicze. W-wa, 1959.
- 188 ЦПА ИМЛ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 189 Там же. Д. 4. Л. 7.
- 190 Там же. Л. 1.
- 191 См.: Ермолаева Р. А. К истории польских коммунистических организаций и органов РКП(б) для работы среди польского населения на территории Советской Республики в 1917—1921 гг. // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957. С. 57—59.
- 192 ЦПА ИМЛ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 15. Л. 60—61.
- 193 См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 408—410, 435—437.
- 194 См.: Там же. С. 378—379, 396 и др.
- 195 М от. 1919. 7.XII.
- 196 Trybuna Komunistyczna. 1920. 24.II.
- 197 См.: Зевелев А. Владислав Дамианович Фигельский. Ташкент, 1962.
- 198 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 349.
- 199 ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 6. Д. 37. Л. 29.
- 200 Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 313.
- 201 См.: Там же. С. 331—333, 355—357.
- 202 За огромные заслуги в борьбе с контрреволюцией Ф. Э. Держжинский в январе 1920 г. был награжден орденом Красного Знамени. В постановлении ВЦИК о награждении Ф. Э. Держжинского отмечалось, что он на посту председателя ВЧК проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию и выдержку. См.: Известия ВЦИК. 1920. 28 янв.
- 203 См.: Девятый съезд РКП(б), Март—апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 447, 453, 465.
- 204 Trybuna Komunistyczna. 1920. 1.V.
- 205 Там же. 24.II.
- 206 Там же.
- 207 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 196.
- 208 Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 495.
- 209 Trybuna Komunistyczna. 1920. 18.V.
- 210 Там же. 10.VI.
- 211 ЦПА ИМЛ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 401. Л. 81.
- 212 Там же. Л. 111—112 об.
- 213 Там же. Л. 86.

- 214 Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 195. Л. 12—13.
- 215 Там же. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.
- 216 Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski. W-wa, 1955. S. 78—81.
- 217 См.: *Калениченко П.* О деятельности Польского временного революционного комитета // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957; *Манусевич А. Я.* К истории советско-польских отношений и польского революционного движения в 1918—1920 гг. // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 44—62.
- 218 См.: *Кузьмин Н. Ф.* Крушение последнего похода Антанты. М., 1958.
- 219 ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 128. Л. 112—113.
- 220 Там же. Ф. 63. Оп. 1. Д. 99. Л. 14.
- 221 Trybuna Komunistyczna. 1921. 3.IV.

УЧАСТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В РОССИИ

Великий Октябрь и чехословацкие социал-демократические организации в России 1917 — начало 1918 г.

Победа Октябрьской революции явилась решающим стимулом в дальнейшем идейном и организационном формировании чехословацких социал-демократических, рабочих организаций на территории Советской республики. Но процесс консолидации и идейного становления подлинно интернационалистских элементов среди бывших военнопленных и колонистов чехов и словаков в Советской России был непростым. Он проходил в остром противоборстве с буржуазными течениями в чехословацком движении, с представителями правого, националистического крыла социал-демократии. Пролетарские, интернационалистские силы лишь постепенно, в ходе напряженной политической борьбы, в процессе все более глубокого усвоения идей Октябрьской революции находили более или менее правильный ответ на те коренные вопросы, которые перед ними ставила жизнь — об отношении к свершившейся российской социалистической революции, проблемам национального и социального освобождения чешского и словацкого народов и роли в решении этих проблем находившихся в России военнопленных и других выходцев из Чешских земель и Словакии.

Сразу же после победы вооруженного восстания возникла социал-демократическая организация чешских пленных и эмигрантов в Петрограде¹. Она была основана, очевидно, в начале ноября 1917 г. К. Кнофличком, Ф. Бенешем и другими военнопленными, работавшими еще до Октябрьской революции в типографии газеты «Чехословак» и уже тогда связанными с русскими социал-демократами Петрограда. В большинстве своем участники организации ранее были членами Чешской социал-демократической рабочей партии в Австрии — так называемыми централистами. К. Кнофличек и Ф. Бенеш уже в июле 1917 г. активно участвовали в мощной демонстрации петроградского пролетариата и за это были из типографии уволены, а затем подверглись репрессиям со стороны властей Временного правительства.

Петроградская организация, действовавшая в политическом центре пролетарской революции, несмотря на свою малочисленность, быстро заняла видное место среди чехословацких социал-демократических организаций в России. С ней были тесно связаны чехословацкие социал-демократические группы, возникшие в окрестностях Петрограда: Шлиссельбурге, Лодейном Поле, Колпине, Паше и др.²

Уже в первых заявлениях чехословацких социал-демократов Петрограда, опубликованных в «Правде» и «Известиях ЦИК», подчеркивалось, что так называемое чехословацкое легионерское движение в России, руководимое Чехословацким национальным советом, находится в финансовой зависимости от Антанты и, как показали события на Украине в августе и сентябре 1917 г., носит контрреволюционный характер. Поэтому в отличие от киевской петроградская организация решительно высказалась против вступления социал-демократов в чехословацкий корпус, а также против отправки добровольцев на антигерманский фронт во Францию³. В первом же номере своей газеты «Походень» («Факел»), вышедшей 7 февраля 1918 г., петроградские социал-демократы заявили, что цели, стоящие перед чехословацкими трудящимися, могут быть достигнуты не путем участия в империалистической войне под руководством чешской буржуазии, а совместной борьбой пролетариев всех стран против международного капитала. Газета призывала к организации «сильной пролетарской армии»⁴ для борьбы за национальную и социальную свободу, за создание Чешской Социалистической Республики⁵.

Поддерживая лозунги Октябрьской революции, чехословацкие социал-демократы заявляли о том, что Советская Россия борется за заключение справедливого мира без аннексий и контрибуций на основе осуществления права на самоопределение всех народов, что в результате этого будет обеспечено и право на самоопределение для чешского и словацкого народов.

Чехословацкие социал-демократы Петрограда вместе с другими военнопленными-интернационалистами сразу же после Октябрьской революции подписали обращение к солдатам Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Турции с призывом взять в свои руки инициативу заключения всеобщего демократического мира⁶. На одном из первых митингов военнопленных в Петрограде 16(29) декабря 1917 г. их представитель заявил, что «чешский пролетариат будет бороться за идеалы русской революции вместе с немецкими, польскими, русскими и венгерскими рабочими»⁷. Представители чехословацкой социал-демократической организации вошли в созданный в феврале 1918 г. социал-демократический революционный центр (комитет) военнопленных.

Деятельность чехословацких социал-демократов в Петрограде, противоречившая политической линии Национального совета, обратила на себя внимание его руководителей. В письме, направленном 31 января 1918 г. петроградской канцелярией отделения Национального совета своему руководству, находившемуся в то

время в Киеве, говорилось: «Бенеш и Кнофличек уже заседают на Дворцовой площади в доме № 6, где находится редакция газеты „Походень“. Они провозгласили борьбу против чешской буржуазии и намереваются с помощью газеты развернуть деятельность главным образом среди нашего войска, куда они будут высылать ее во множестве экземпляров. Поэтому было бы правильным действовать так, чтобы парализовать то влияние, которое могла бы иметь эта газета на наших добровольцев»⁸.

Первые публичные выступления членов чехословацкой социал-демократической организации Петрограда отражали влияние идей большевизма. Однако, провозглашая и пропагандируя главным образом конечные цели пролетарского движения, они не только не представляли себе четко место и роль средних слоев в революционной борьбе на ее различных этапах, но и не видели необходимости подведения широких пролетарских масс к пониманию и восприятию социалистических лозунгов. Они отмахивались от выдвижения национально-освободительных требований. По ряду других важнейших вопросов, в том числе и по вопросу о мирных переговорах в Брест-Литовске, их взгляды были далеки от ленинской позиции. Все это, а также элементы сектантской замкнутости, особенно в организационных вопросах, еще долго ограничивали эффективность политической деятельности организации.

В первые же месяцы после Октябрьской революции начался процесс постепенной политической дифференциации в «Чехословацкой рабочей организации» в Москве. Она, как и подобные ей „внепартийные“, „общенародные“ организации в других местах, испытывала с первых дней своего возникновения влияние отделения Чехословацкого национального совета. Устав, принятый, очевидно, при возникновении организации в мае 1917 г., свидетельствовал о том, что ее задачи и цели не выходили за рамки сплочения и взаимопомощи. «Чешско-словацкая рабочая организация, — указывалось в нем, — поставила своей целью: объединить всех рабочих чехов и словаков... и защищать их социальные, хозяйственные и культурные интересы, также доставлять своим членам материальную и нравственную помощь»⁹.

Недавно обнаруженное в фонде архивного хранения библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС воззвание Чехословацкой рабочей организации в Москве «Товарищи русские рабочие!», изданное в конце июня 1917 г., также свидетельствовало о том, что в вопросах внешнеполитических, в отношении к проблемам войны и мира, освобождения Чешских земель и Словакии от габсбургского ига эта организация находилась в русле политики Чехословацкого национального совета. Несмотря на то что в воззвании выражалась уверенность в уничтожении в грядущем капитализма, милитаризма и братоубийственных войн, главной своей задачей члены организации считали сплочение всех сил чешского и словацкого народов для осуществления тех целей, которые были выдвинуты профессором Т. Г. Масариком, именованным одним из

«глашатаев идей демократизма и социализма». Документ свидетельствовал о том, что участники Чехословацкой рабочей организации в Москве видели путь к освобождению своей родины в продолжении империалистической войны и не понимали необходимости самостоятельных действий чехословацкого рабочего класса в национально-демократической революции, фактически ограничивая его роль в освободительной борьбе поддержкой «собственной» буржуазии.

В октябре 1917 г. организация насчитывала 636 членов. Под несомненным идейным влиянием победившей в России пролетарской революции входившие в организацию рабочие социал-демократы (военнопленные и эмигранты) все более решительно протестовали против продолжения прежней политической линии руководства. В декабре 1917 г. организация стала именоваться Чехословацкой социалистической рабочей организацией. 14(27) января 1918 г. она высказалась в поддержку Октябрьской социалистической революции. В резолюции организованного в тот день ею митинга указывалось, что «успех социализма в России является и успехом социализма во всем мире, а поражение русского социалистического пролетариата было бы вместе с тем и поражением пролетариата всего мира»¹⁰. Исходя из этого, чехословацкие рабочие социалисты видели в русской революции самую мощную опору в борьбе за достижение государственной независимости и освобождение от гнета буржуазии. В середине января 1918 г. в письме, посланном советской мирной делегации в Брест-Литовске, организация горячо приветствовала «решительность шагов революционной России к достижению всеобщего мира, который был бы не только демократическим, но и социалистическим»¹¹.

Левым, революционным элементом, объединившимся вначале вокруг рабочего-печатника социал-демократа с 1902 г. Р. Дворжака, приходилось, однако, преодолевать сильное сопротивление руководителей организации, стремившихся к сотрудничеству с Чехословацким национальным советом. Левая оппозиция внутри Чехословацкой социалистической рабочей организации действовала в целом в полном отрыве от Комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа, хотя уже в то время некоторые чехословацкие социалисты, находившиеся в Москве, активно участвовали в работе комитета.

Вслед за центральными районами России левые чехословацкие социал-демократы и социалисты развернули энергичную организационную и политическую работу по всей стране. Одна из крупнейших чехословацких социал-демократических организаций была создана в самом начале 1918 г. в Омске. В первой половине января 1918 г. чехословацкие военнопленные социал-демократы автономисты и централисты объединились в единую «Чехословацкую социал-демократическую рабочую партию»¹². Организация вначале насчитывала не более 150 человек, в марте—

апреле — уже 1300—1600, а к маю, по некоторым сведениям, она объединяла лишь в Омске около 2 тыс. членов и около 600, состоящих в пяти группах, разбросанных по области¹³. Вскоре в Омске сложилось и интернациональное объединение военнопленных-социалистов немцев, австрийцев, венгров, чехов, словаков, румын, югославян, поляков и итальянцев. В Центральном комитете этого объединения вместе с другими была представлена и чехословацкая секция¹⁴.

Чехословацкие социал-демократы были активными участниками создания интернациональных объединений военнопленных в Симбирске (Ф. Валхарж, В. Орел, И. Пильчак, И. Пружанский, Р. Гурко), Самаре (Ф. Шебеста), Казани (Шмейкал), Екатеринбургe (В. Смрчка, Р. Косулик), Петропавловске (Й. Матейка), Хабаровске (В. Суханек) и других городах.

Деятельность революционных организаций военнопленных активизировалась и приобрела новые черты в середине февраля 1918 г., когда Центральные державы, нарушив перемирие, двинули свои армии в глубь Советской России.

Созванное по инициативе Комитета военнопленных социал-демократов интернационалистов Московского военного округа совещание представителей революционных организаций, в котором впервые приняли участие и чехословацкие социал-демократы из московской социалистической рабочей организации, для обеспечения единства действий решило создать объединенный революционный комитет и обратиться к военнопленным с призывом вступать в ряды Красной Армии¹⁵.

Февраль 1918 г. ознаменовался коренным поворотом и в характере политической деятельности московской Чехословацкой социалистической рабочей организации. Этот процесс был связан с приездом 16(29) января 1918 г. из Омска и вступлением в члены организации известного чехословацкого социал-демократа, руководителя омских интернационалистов чехов и словаков Вацлава Ружички. Выступив на общем собрании организации 17 февраля, В. Ружичка подверг острой критике политику руководства. Он указал, что та деятельность, которая ведется организацией, «не социалистическая»¹⁶. Национальный совет, говорил В. Ружичка, потерпел крах, он проводил политику империалистов, «которая основывалась на обещаниях Вильсона»; Национальный совет «стоит на стороне реакции, на стороне Корнилова, Каледина и др.»¹⁷. Поэтому, заявлял он, Национальный совет не может сегодня выражать требования социал-демократии, требования чешских рабочих. Он призывал отделиться от чехословацкого буржуазного течения, «создать новое движение», занять «социалистические интернациональные позиции»¹⁸. Против В. Ружички выступил приверженец Национального совета Глосс, который назвал его речь «злой травлей», предлагая и далее поддерживать политику Масарика. На общих собраниях 17 и 24 февраля после острой дискуссии между представителями оппозиции и руководством большинство проголосовало за необходимость «про-

известии пересмотр своей деятельности». В политической резолюции, принятой собранием, подчеркивалось, что чехословацкий пролетариат сможет ликвидировать национальный и социальный гнет лишь согласованными действиями со всеми трудящимися Австро-Венгрии и международным пролетариатом. Собрание постановило впредь принимать в организацию лишь того, «кто делает письменное заявление о том, что он безусловно признает международную социал-демократическую программу», а социалистов «других оттенков», не признавших этого решения, исключить из своих рядов. Собрание предложило созвать съезд представителей всех социал-демократов чехов и словаков в России»¹⁹ с тем, чтобы создать новый революционный орган руководства освободительным движением.

Вместе с тем решения собраний 17 и 24 февраля были противоречивыми. Несмотря на то что большинство членов Чехословацкой социалистической рабочей организации выразило недоверие политике отделения Национального совета, это еще не означало полного разрыва с ним, поскольку члены организации заявили, что, «исходя из серьезности ситуации», они признают совет в качестве своего «верховного института»²⁰.

Последующие шаги в идеологическом и организационном развитии московской чехословацкой социалистической организации были обусловлены переездом в Москву ведущих деятелей чехословацких социал-демократов из Петрограда и их усилиями, направленными на объединение обеих организаций.

Сразу же после получения известий о революционных событиях в Петрограде находившиеся в Киеве руководители филиала Чехословацкого национального совета заключили соглашение с командованием Киевского военного округа и Юго-Западного фронта об использовании чехословацких частей для поддержки «законного» правительства. Вслед за этим помощник комиссара Временного правительства при штабе Юго-Западного фронта И. Григорьев распорядился двинуть чехословацкие части на Киев. 28 октября (10 ноября) чехословацкие подразделения совместно с юнкерами уже участвовали в развернувшихся в городе боях.

Вечером 29 октября (11 ноября) члены ЦК чехословацкой социал-демократической организации явились к комиссару корпуса П. Максе и заявили протест против вмешательства чехословацких частей в политическую борьбу в России, потребовав их немедленного вывода из города. Макса, по сообщению газеты «Свобода», ответил, что выступление «анархистских и большевистских элементов» он не считает политической борьбой²¹. Тогда ЦК обратился с листовкой к чехословацким солдатам. «Существует опасность,— говорилось в ней,— что чешская армия истечет кровью на улицах Киева в борьбе не против нашего извечного врага, а против русского и украинского народа... Братья! Не допустите, чтобы ваше оружие было обагрено славянской и пролетарской кровью!»²²

Между тем 30 октября (12 ноября) положение верных Временному правительству войск стало критическим, многие части прекратили сопротивление, а юнкера заявили о своем нейтралитете. На следующий день в Киеве было заключено перемирие, одним из условий которого был вывод из города всех войск, вызванных с фронта. Однако чехословацкие подразделения только 3—5 (16—18) ноября покинули Киев.

В октябрьские дни чехословацкие части использовались против революции не только в Киеве. Еще по пути туда рота 2-го полка обезоружила гарнизон Белой Церкви, восставший против Временного правительства²³, а батальон 1-го полка охранял штаб 11-й армии в Староконстантинове от «ненадежных» русских и украинских частей²⁴.

Естественно, что события 27—31 октября (9—13 ноября) вновь, как и поведение чехословацкого военного командования в дни корниловского мятежа, не могли не насторожить трудящихся Киева. Недоверие к чехословацкой военщине могло серьезно отразиться и на отношении к тысячам чехов и словаков военнопленных, работавших на киевских предприятиях. Однако рабочие Киева сумели оценить интернационалистскую позицию чехословацкой социал-демократической организации в октябрьские дни и приняли меры для того, чтобы предотвратить возникновение чреватого серьезными последствиями недоразумения. В открытом письме ЦК чехословацкой социал-демократической организации Киевский совет профессиональных рабочих союзов 8(21) ноября приветствовал действия чехословацких социал-демократов и заявил, что последние события не изменят мнения о чехословацких рабочих. «В этой великой борьбе рабочих и крестьян против буржуазии,— подчеркивалось в письме,— сказала сила международной солидарности пролетариата... И как бы ни было выгодно нашим врагам разбить солидарность рабочих разных национальностей, мы будем в одних рядах продолжать творить наше общее пролетарское дело...»²⁵

Хотя классовый подход помог чехословацким социал-демократам занять правильную позицию во время октябрьских событий в Киеве, противоречивость предшествующего идейно-политического развития, влияние меньшевиков predeterminedли первоначально выжидательно-настороженное отношение руководства киевской чехословацкой социал-демократической организации к революционным событиям в Петрограде. В вышедшем 2(15) ноября номере газеты «Свобода» (первом номере после получения в Киеве известий об Октябрьской революции) было помещено краткое сообщение о первых декретах II Всероссийского съезда Советов и сформировании Советского правительства. Вместе с тем газета призывала чехословацких социал-демократов к осторожности, «ибо еще не ясно, кто станет хозяином страны»²⁶. В следующем номере «Свободы», вышедшем 9(22) ноября, излагалось содержание Декрета о мире, однако газета комментировала его

в том смысле, что дескрипт, дескать, останется на бумаге, так как у Советской России не хватит сил провести его в жизнь.

Поместив также сообщение об открытом письме Г. В. Плеханова к петроградским рабочим с призывом объединиться со всеми классами и слоями, не желающими восстановления самодержавия, редакция «Свободы» заявила, что этот призыв безнадежен, ибо идея коалиции с буржуазией полностью дискредитирована. В то же время в статье «Какое будет правительство в России?» поддерживалась идея «однородного социалистического кабинета, который объединит все социалистические течения — от крайне правых до крайне левых», вытекавшая из ошибочного предположения, что именно такое правительство сможет противопоставить буржуазной контрреволюции все социалистические силы²⁷.

Важным рубежом в идеологическом и организационном развитии «Чехославянской социал-демократической рабочей партии» на Украине явилась состоявшаяся 25—26 ноября (8—9 декабря) 1917 г. в Киеве партийная конференция. К тому времени чехословацкие социал-демократические организации на Украине объединяли более 3 тыс. членов²⁸.

В политической резолюции, принятой конференцией, указывалось, что виновниками войны являются правительства обеих империалистических группировок, скрывающие свои захватнические цели под лживым лозунгом борьбы за свободу малых наций. Осудив социал-шовинистов, поддерживающих свои империалистические правительства, конференция призывала чешских пролетариев и трудящихся всех воюющих стран в случае необходимости с оружием в руках поддерживать лозунг русской революции о демократическом мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. Участники ее выразили убеждение, что без вмешательства международного пролетариата не дойдет до освобождения угнетенных народов, но, напротив, во всех государствах произойдет усиление реакции. Действительное освобождение всех народов, заявляли они, настанет лишь тогда, когда совместными усилиями пролетариата всего мира будет уничтожено господство капитализма. Этого нельзя достичь путем войны, но лишь путем революции, которую осуществил российский пролетариат. Целью чешского пролетариата, говорилось в заключительной части документа, является «создание самостоятельной демократической Чехословацкой республики». Австро-Венгрия должна исчезнуть с карты Европы, а на ее месте будет создан «союз самостоятельных независимых демократических республик, который совместно с союзом русских республик будет первым шагом к созданию европейского и всемирного союза наций...»²⁹

Следует отметить, что конференция не сумела еще четко определить своего отношения к буржуазному руководству отделения Чехословацкого национального совета. Во вступительном докладе секретаря ЦК организации чехословацких социал-демократов на Украине А. Муны отмечалось, что отношения с отделением крайне напряженные, но это происходит не по вине чехословацких

социал-демократов, со стороны которых уже было проявлено и имеется достаточно желания и сейчас к совместной работе. Конференция не смогла дать классовой оценки буржуазному течению в чехословацком движении, определить свое отношение к созданному буржуазией для осуществления своих политических целей чехословацким воинским формированиям в России. Делегаты не сумели занять правильной позиции и по отношению к Центральной раде.

Руководители организации подчеркивали в своих речах наличие хороших взаимоотношений и с Центральной радой, и с Советом рабочих депутатов, и с Советом профессиональных союзов, и «со всеми фракциями русских товарищей»³⁰. Но прежде всего они имели в виду хорошие отношения между ними и меньшевиками³¹.

26 января (8 февраля) 1918 г. красногвардейские части, поддержанные восставшими рабочими, заняли Киев. Центральная рада была изгнана.

Установление Советской власти на всей Украине создало, как никогда ранее, благоприятные условия для деятельности чехословацких рабочих организаций. К февралю 1918 г. чехословацкая социал-демократическая организация на Украине насчитывала 5054 члена, состоявших в 62 организациях (из них 46 провинциальных). Тираж газеты «Свобода», имевшей подписчиков в 48 губерниях России, достиг 5 тыс. экземпляров³². Чехословацкая революционная социал-демократия начинала лучше понимать, где ее место в той борьбе, которая развернулась между буржуазией и пролетариатом. Обращаясь к Исполкому Киевского Совета рабочих депутатов 25 января (7 февраля) 1918 г., ее руководство писало: «В нынешний торжественный момент, когда Советская власть укрепляется на Украине, ЦК чешско-славянской СДРП приветствует эту новую победу русского и украинского пролетариата. ЦК считает своим долгом стоять по боку (так в тексте.— Авт.) русских товарищей и их рабоче-крестьянского Советского правительства в их борьбе за осуществление великих идеалов социализма и уничтожение всякой эксплуатации человека человеком...»³³. События показали чехословацким социал-демократам, что большая часть народа, и прежде всего рабочих, идет за большевиками. Тактика большевиков, констатировала теперь «Свобода», оправдала себя в период революции. «Товарищи! — обращался с ее страниц солдат 7-го чехословацкого полка Й. Седларж. — Давайте спросим себя, положи руку на сердце, кто нам ближе — большевики или буржуазия? Ответ ясен — большевики. Большевики были и всегда будут нам ближе, они являются частью единой великой пролетарской семьи, они доказали, что способны к великой творческой работе. Поэтому наша обязанность примкнуть к ним»³⁴.

Советское правительство Украины, в свою очередь, шло навстречу чехословацким социал-демократическим организациям. 15 февраля руководство Чехославянской социал-демократической

рабочей партии было официально уполномочено народным секретарем по военным делам Ю. Коцюбинским вести пропаганду среди чехословацких рабочих и солдат и формировать отряды чехословацкой Красной Гвардии как составной части социалистической армии пролетарского государства³⁵. Имеются сведения, что в красногвардейских частях, освобождавших Киев, было два чехословацких подразделения, в которых насчитывалось около 500 бойцов³⁶. В середине февраля к ним присоединилось несколько сот солдат, ушедших из стоявшего в Березани 7-го полка чехословацкого корпуса. Как сообщал позднее Й. Жальский, являвшийся совместно с В. Петрасом, Й. Седларжем, Л. Шварцем, Й. Иравой и другими левыми социал-демократами инициатором перехода солдат 7-го полка в Красную Гвардию, только из 10-й роты ушли 92 человека, а из других рот полка — еще около 250³⁷. К концу февраля единый чехословацкий отряд Красной Гвардии Киева насчитывал уже 700—800 человек, а несколько позже — около 1 тыс.³⁸

В Киеве сложились и интернациональные красногвардейские отряды, в которые наряду с другими входили чехословацкие военнопленные, и красногвардейские отряды отдельных промышленных предприятий. В них, как, например, в отряде завода «Арсенал», также состояли чехи и словаки³⁹.

Формировались чехословацкие и интернациональные красногвардейские отряды в Екатеринославе, Таганроге, Харькове и других городах. В Одессе было организовано одно из наиболее крупных на Украине интернациональное красногвардейское формирование — Интернациональная гвардия. Среди ее подразделений был чехословацкий красногвардейский отряд, созданный, очевидно, из добровольцев-чехов, служивших ранее в сербском корпусе и работавших на местных предприятиях⁴⁰.

Руководители филиала Чехословацкого национального совета утверждали, что Красная Гвардия, дескать, предназначается для выполнения «жандармских функций» и что вступление в ее ряды нарушает провозглашенный Масариком принцип нейтралитета. Разоблачая эти измышления, социал-демократы заявляли, что чешский пролетариат «не может быть нейтральным в момент борьбы с капиталом. Чешский пролетариат обязан с оружием в руках выступить в поддержку революции и бороться рядом с русскими товарищами за свободу трудящегося класса и своей нации...»⁴¹. Таким образом, призвав социал-демократов вступать в Красную Гвардию, начав агитацию за это и в частях корпуса, отказавшись уплачивать отделению Чехословацкого национального совета так называемый национальный налог, киевская социал-демократическая организация встала на путь открытой борьбы против политики буржуазного руководства чехословацкого национального движения.

Вместе с тем развитие событий российской революции, в особенности необходимость защиты от наступления на Украину германских и австро-венгерских войск, обусловило, то, что даже сре-

ди той части чехословацких социал-демократов, которая не вступила в «Чехославянскую социал-демократическую рабочую партию», а шла в фарватере политики отделения Национального совета и в рядах созданной им еще осенью 1917 г. так называемой «Чехословацкой революционно-демократической рабочей организации», появились люди, которые начали с большей или меньшей долей критичности относиться к политической линии отделения. В то время как руководство отделения Национального совета и лично Т. Г. Масарик, прикрываясь лозунгом «вооруженного нейтралитета», заявили об отходе чехословацкого корпуса с Украины с целью якобы предполагавшегося отъезда его на Западный фронт во Францию, часть чехословацких социал-демократов, входивших в организации отделения и выступавших ранее с поддержкой его политики, начала склоняться к мысли о необходимости защиты Советской власти на Украине от германских и австро-венгерских захватчиков. 24 февраля 1918 г. в Киеве на общем собрании военнопленных чехов и словаков выступил от имени «Чехославянской социал-демократической рабочей партии» А. Муна, который призвал к сплочению всех чехословацких революционных сил, что, по его мнению, стало бы возможным, если бы были отстранены все, кто стоял на правом крыле. По его предложению был избран «Чехословацкий революционный совет рабочих и солдат». В него вошли вместе с представителями «Чехославянской социал-демократической рабочей партии» А. Гайсом и А. Муной делегаты Чехословацкой революционно-демократической рабочей организации О. Коуделька, Я. Сынек и А. Скотак. В состав совета были также избраны от легионеров Я. Шварц и члены отделения Национального совета В. Ваничек, Й. Кисела и Фр. Рихтер (имя последнего было внесено в состав совета О. Коуделькой без его согласия). Проявлением наивной веры широких масс чехословацких пленных и легионеров в «революционность» Т. Г. Масарика явилось то, что он был избран председателем «Чехословацкого революционного совета рабочих и солдат». Не присутствуя на собрании, находясь в то время вместе с отделением Национального совета уже в Пирятине, Масарик не имел никакого представления о своем избрании на эту должность и впоследствии занял резко отрицательную, враждебную позицию по отношению к созданию этого нового чехословацкого революционного органа.

На следующий день Чехословацкий революционный совет в начавшем выходить его печатном органе «Справы» («Известия») опубликовал обращение «Всем чехам и словакам», в котором призвал к вооружению всех чешских и словацких пленных и сосредоточению их в чехословацкой армии для борьбы против германских и австрийских империалистов, стремящихся к уничтожению русской и чешской революций, к подавлению пролетарской революции во всем мире. Однако попытка Чехословацкого революционного совета рабочих и солдат взять в свои руки руководство чехословацким корпусом и использовать его для защиты

Украины от германских и австро-венгерских интервентов не увенчалась успехом. Большинство частей корпуса уже отступили из Киева и переходили на левый берег Днепра. Главное же состояло в том, что массы рядовых легионеров продолжали доверять буржуазному руководству отделения Национального совета и под влиянием его пропаганды с недоверием относились к чехословацким левым социал-демократам.

Потерпели неудачу и попытки левых чехословацких социал-демократов, прежде всего ЦК «Чехославянской социал-демократической рабочей партии», с помощью Чехословацкого революционного совета освободить чехословацкое движение от влияния буржуазного Национального совета и заменить его новым революционным органом, который объединил бы все левые силы чехословацких организаций в России. Вскоре Чехословацкий революционный совет распался. Те его члены, которые принадлежали к течению, возглавлявшемуся отделением Национального совета, — О. Коуделька, Я. Кисела, В. Ваничек заявили, что их целью при создании Чехословацкого революционного совета было лишь стремление распустить чехословацкие отряды Красной Гвардии.

Находившийся в то время уже в Москве Т. Г. Масарик, выступая 3 марта 1918 г. на заседании комитета местной организации отделения Национального совета, резко осудил попытку создания Чехословацкого революционного совета и в особенности захвата им руководства чехословацким корпусом. Он заявил, что это «незрелое, необдуманное решение», что было бы «преступлением в отношении нашего войска отдать его в такие руки»⁴². Стремясь противопоставить влиянию левых чехословацких социал-демократов правые, националистические элементы, он призвал стоявших на этих позициях чехословацких социалистов «действовать так, чтобы до этого не дошло»⁴³.

Таким образом, руководство Национального совета и командование чехословацкого корпуса отказались участвовать совместно с советскими войсками в борьбе против австро-германских армий, вторгшихся на Украину. Лишь кратковременным эпизодом явилась совместная борьба отступавших с территории Украины чехословацких легионов и отрядов Красной Армии под г. Бахмач 8—13 марта 1918 г. Легионерские части 6-го и 7-го полков вели бои с немцами лишь до тех пор, пока основная масса чехословацких войск в этом районе сосредоточилась и погрузилась в вагоны. После этого, оставляя в тяжелом положении красноармейские части, легионеры отступили на восток. Против австро-германских оккупантов бок о бок с советскими войсками стойко сражались лишь чехословацкие интернационалисты. Так, в Ровенском отряде В. И. Киквидзе в боях под Бородянкой и Жмеринкой принимал участие великолепно дравшийся, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, чехословацкий батальон. Чехословацкие красногвардейцы участвовали в недолгой, но упорной схватке под Киевом совместно с отрядами Г. И. Чудновского. Чехословацкий красногвардейский отряд защищал же-

лезнодорожный узел Гребенку. Часть его затем, очевидно, была переброшена на север, к Бахмачу, а часть — на юг, к Золотоноше. Эти отряды вновь объединились уже под Ромоданом, а потом с тяжелыми боями, неся серьезные потери, отходили к Полтаве и Харькову⁴⁴.

В документах, приведенных в воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко, есть сведения, что в обороне Полтавы наряду с «русско-сербским отрядом» действовал «чешский отряд» (17 марта). В оперативных документах 4-й армии В. И. Киквидзе при обороне р. Ворсклы фигурируют уже «чехословацкие отряды» (28 марта). В частях 5-й армии Р. Ф. Сиверса, действовавших в районе станции Ворожба, упоминаются (16 марта) «отряд интернационалистов и интернациональная батарея» численностью в 900 бойцов. В 20-х числах апреля «чехословацкий батальон с батареей» был направлен из Луганска в Камышеваху в резерв Донской армии. Наконец, в начале мая в армии, оборонявшей рубеж между станциями Журавкой и Уразово, числился «чехословацкий батальон» в 150 штыков при 12 пулеметах и 1 орудии. В дальнейшем часть чехословацких красногвардейцев влилась в формировавшуюся в Тамбове дивизию Киквидзе, часть отошла к Луганску и Миллерово, а большая группа (вместе с ЦК «Чехославянской социал-демократической рабочей партии», штабом Красной Гвардии и редакцией газеты «Свобода») — к Таганрогу. Здесь к ним присоединилась часть чехов и словаков — рабочих военного завода Русско-Балтийского общества — членов местной социал-демократической организации. Из Таганрога многие чехословацкие интернационалисты вскоре переехали в Пензу, где формировался 1-й Чехословацкий революционный полк, многие — в Москву, ставшую теперь политическим центром чехословацкой революционной социал-демократии.

Известно также, что чехословацкие красногвардейцы сражались под Екатеринославом и на юге, сдерживая наступление немцев на железнодорожной линии Раздельная—Одесса. Затем они через Феодосию были переброшены сначала под Царицын, а оттуда в Пензу⁴⁵. Большинство чехословацких интернационалистов вместе с украинскими советскими войсками с боями отступили на север и восток к границам Российской республики.

В ходе участия в защите молодой Страны Советов от сил внешней и внутренней контрреволюции организации чехословацких левых социал-демократов приобретали все больший политический опыт. Развивался процесс идейной дифференциации, размежевания с буржуазным течением в чехословацком движении в России. Постепенно создавались условия для объединения чехословацких левых сил социал-демократических организаций в Советской республике на базе тех идейно-политических и теоретических положений, которые они восприняли у большевистской партии.

Первые шаги по пути объединения организаций левых чехословацких социал-демократов в Советской России.

Чехословацкие интернационалисты и мятеж чехословацкого корпуса

Мирный договор с Центральными державами, утвержденный VII съездом РКП(б) и IV Всероссийским съездом Советов в первой половине марта 1918 г., привел к существенному изменению обстановки, в которой действовали революционные организации военнопленных и других зарубежных интернационалистов.

После переезда Советского правительства в Москву сюда же переместилось и руководство петроградской чехословацкой социал-демократической группы. Оно установило контакт с московской Чехословацкой социалистической рабочей организацией. 27 марта 1918 г. вышел первый номер новой еженедельной газеты «Прукопник» («Пионер») — органа, как значилось в подзаголовке, «чехословацких социал-демократов (коммунистов-интернационалистов)». В первом номере газеты сообщалось о готовящемся съезде «чехословацких социалистов-эмигрантов в России», которому предстояло решить вопрос о единстве действий всех находившихся в России чехословацких социалистов и определить их отношение к русской революции и социалистическим партиям других национальностей⁴⁶.

Левые социал-демократы, группировавшиеся вокруг газеты «Прукопник», провозглашая своей целью создание небольшой группы «вполне сознательных и при всех обстоятельствах готовых к борьбе коммунистов»⁴⁷, делали особый упор на необходимость обособления, выделения чехословацких коммунистических групп из уже существовавших на местах интернациональных партийных организаций. Уже второй номер «Прукопника» вышел с подзаголовком «Орган Чешско-словацкой секции Российской коммунистической партии (большевиков)».

Правильные представления о формах организации иностранных коммунистов России, организации, позволившей бы как успешно решать общие интернациональные задачи, так и учитывать своеобразие национальной среды, в которой предстояло работать коммунистам, выкристаллизовывались постепенно, по мере накопления ими собственного революционного опыта, изучения и восприятия богатого опыта большевистской партии.

В начале апреля 1918 г. увенчались определенным успехом попытки руководителей группы чехословацких интернационалистов, переехавших в Москву из Петрограда, привлечь на свою сторону московскую Чехословацкую социалистическую рабочую организацию. Еще 18 марта в заседании комитета этой организации приняли участие К. Кнофличек и Ф. Бенеш. После подробной

информации о деятельности петроградской группы Ф. Бенеш подверг острой критике политику отделения Национального совета⁴⁸. Выступивший от имени московской организации Ф. Павловский заявил, что между обеими группами нет внутренних противоречий, что их позиции во многом являются сходными, однако в то же время отметил, что комитет не согласен с тактикой петроградцев, возлагавших все свои надежды на освобождение чешского и словацкого народов на грядущие революции в Германии и Австро-Венгрии⁴⁹. Вследствие того что члены комитета не смогли прийти к единому мнению об отношении к организации чехословацких интернационалистов, прибывших из Петрограда, было решено вынести этот вопрос на общее собрание. На состоявшемся 27 марта общем собрании московской организации точку зрения группы петроградцев отстаивали Ф. Бенеш, К. Кнофличек, В. Ружичка, Б. Гула и Я. Гашек. Они выступили с резкой критикой политики Национального совета и его отделения в России, против отъезда чехословацкого корпуса во Францию, заявляя, что в случае поражения русской революции и «для нас не взойдет солнце свободы»⁵⁰. С противоположных позиций обратился к участникам собрания секретарь отделения Национального совета в России И. Клецанда, который пытался опровергнуть обвинения в адрес руководства отделения в поддержке им сил российской контрреволюции и подчеркивал, что оно якобы проводит политику «нейтралитета». В связи с затянувшейся дискуссией собравшиеся постановили перенести решение вопроса на следующее общее собрание, назначенное на 7 апреля. В промежутке между этими собраниями состоялись еще три заседания комитета московской организации. На третьем из них, проходившем 5 апреля, было решено предложить общему собранию проект решения о том, что Чехословацкая социалистическая рабочая организация в Москве поддерживает то течение, которое представлено чехословацкими коммунистами⁵¹. Общее собрание 7 апреля 1918 г. единодушно одобрило эту резолюцию и избрало в комитет организации К. Кнофличека и Ф. Бенеша.

10 апреля в письме на имя Я. М. Свердлова Исполком Чехословацкой секции РКП(б), как стал именоваться руководящий орган объединенных петроградской и московской организаций, сообщал, что в Москву с Украины в ближайшие дни приезжают руководители Чехославянской социал-демократической рабочей партии и редакции газеты «Свобода». «Вследствие того, — указывалось в письме, — что между Комитетом нашей партии и Центральным комитетом партии из Киева нет принципиальных разногласий, оба комитета после переговоров дошли (так в тексте. — Авт.) к соглашению и желают созвать в самом непродолжительном времени съезд всех чешских социалистов, стоящих на платформе Советской власти, который привел бы соединение обеих рабочих партий». Чехословацкие коммунисты выражали желание посоветоваться обо всех возникших в связи с этим вопросах с руководством большевистской партии⁵². На следую-

щий день в газете «Прукопник» было объявлено о созыве на 4—6 мая в Москве учредительного съезда Чехословацкой социал-демократической (коммунистической) партии в России. Это объявление было подписано как представителями объединенной петроградской и московской групп, так и киевской организации, два члена Центрального комитета которой уже прибыли из Таганрога⁵³. Несколько позднее съезд по просьбе сибирских групп был перенесен на конец мая. Очевидно, в связи с получением более полных сведений о местных организациях, желавших принять участие в съезде (их численность оказалась больше, чем предполагалось), были несколько изменены и нормы представительства. Одним делегата предстояло избрать теперь на съезд не от 50, а от 100 членов партии или бойцов Красной Армии и Красной Гвардии⁵⁴. В конце апреля была создана чехословацкая коммунистическая организация в Тамбове, насчитывавшая 44 члена⁵⁵. Приблизительно в то же время возникла самарская чехословацкая коммунистическая группа, в которую входило около 30 человек⁵⁶. Омская чехословацкая организация, также именовавшаяся теперь коммунистической, во второй половине апреля являлась одной из крупнейших. В апреле — начале мая уже существовали чехословацкие коммунистические группы в Пензе и Воронеже, состоявшие так же, как в Тамбове и Самаре, главным образом из бойцов формировавшихся здесь интернациональных подразделений Красной Армии.

В начале весны 1918 г. были сделаны первые шаги к созданию интернационалистских организаций бывших военнопленных на Дальнем Востоке. Во Владивостоке тогда же был создан небольшой отряд красногвардейцев-интернационалистов, насчитывавший около 40 человек⁵⁷. В середине мая из солдат, ушедших из чехословацкого корпуса, здесь был сформирован Чехословацкий революционный отряд при Красной социалистической армии, насчитывавший первоначально от 200 до 300 бойцов. При отряде было создано информационное бюро, публиковавшее воззвания и обращения на страницах советских газет Дальнего Востока и Центральной России⁵⁸, а с 5 июня начавшее выпускать на чешском языке свою газету «Правда» («Орган чехословацкой социал-демократической партии коммунистов»). На совещании чехословацких революционных социал-демократов города был избран партийный комитет (председатель — И. Машек, секретарь и редактор газеты — И. Янда)⁵⁹. Командиром Чехословацкого революционного отряда, переименованного в июне в 1-й стрелковый батальон Чехословацкой Красной Армии во Владивостоке, стал бывший офицер чехословацкого корпуса Вацлав Миrowsкий.

В середине мая 1918 г. в Москве развернул активную деятельность Чехословацкий отдел Народного комиссариата по делам национальностей. Через отдел, в составе которого было организовано три секции: труда, военная и культурно-просветительная, советские государственные органы принимали в советское

гражданство чехословацких колонистов, эмигрантов и военнопленных, способствовали их трудоустройству, а также проводили среди них политическую и культурно-просветительную работу⁶⁰.

По договоренности с Советским правительством в конце марта чехословацкое командование начало переброску частей корпуса по железной дороге в направлении на Владивосток для дальнейшей отправки во Францию на Западный фронт. Чехословацкие интернационалисты развернули большую агитационно-пропагандистскую деятельность на крупных железнодорожных станциях, через которые следовали на восток эшелоны корпуса (Пенза, Самара, Петропавловск, Челябинск, Омск и др.).

В Пензе главным образом из солдат, уходивших из чехословацкого корпуса, успешно шло формирование чехословацкого красноармейского отряда. Ярослав Штромбах, организатор отряда и его первый командир, попал в плен в сентябре 1915 г., добровольно вступил в чехословацкий корпус, получил чин подпоручика; летом 1917 г. участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Вскоре, однако, как писал он в одной из анкет, «был разжалован за бунт в 3-м чехословацком полку». В конце марта — начале апреля 1918 г. Я. Штромбах был во главе группы чехословацких интернационалистов командирован «партией чехословацких коммунистов» в Сызрань, но, получив в Рузаевке информацию о том, что все эшелоны чехословацких легионеров, среди которых интернационалисты должны были вести агитационную работу, проезжают через Пензу, принял решение остановиться в этом городе и создать здесь центр по формированию чехословацких интернациональных частей⁶¹.

Первый из сохранившихся приказов по 1-му Пензенскому чехословацкому революционному полку датирован 12 апреля⁶². Хотя полк состоял главным образом из чехов и словаков, но в разное время в нем были целые подразделения, сформированные из бойцов других национальностей: русских, латышей, сербов⁶³. По сведениям контрразведки чехословацкого корпуса, в конце апреля в полк ежедневно переходило около 20 солдат из эшелонов, двигавшихся через Пензу⁶⁴. Судя по не полностью сохранившимся приказам, в полк с 9 по 27 мая прибыло 285 человек, в том числе чехословацкий красногвардейский отряд из Одессы и отряд Ф. Гашека из Донбасса⁶⁵. Общая численность полка, состоявшего из трех стрелковых рот, артиллерийской батареи, пулеметного взвода и взвода связи, к 26 мая достигла 720 бойцов⁶⁶.

В Самаре чехословацкие интернационалисты с помощью командированного сюда в начале апреля 1918 г. московской коммунистической группой Ярослава Гашека⁶⁷ также сформировали интернациональный отряд из солдат, ушедших из чехословацкого и югославянского корпусов. На 29 мая 1918 г. в нем насчитывалось 120 человек⁶⁸.

Попытки членов филиала Национального совета протестовать перед советскими учреждениями против агитации чехословацких

интернационалистов среди солдат корпуса были решительно отклонены. Советские представители, в свою очередь, потребовали от командования корпуса пресечь попытки применить насилие по отношению к агитаторам и тем солдатам, которые выражали желание уйти из корпуса.

В конце апреля — начале мая 1918 г. на сторону чехословацких коммунистов в Пензе перешли несколько членов филиала Национального совета, а также ротных, батальонных, полковых комитетов и комитета 1-й дивизии: В. Ваничек, О. Коуделька, Я. Сынек, А. Скотак, Я. Пекса и другие социал-демократы и социалисты, пользовавшиеся большим авторитетом среди солдат.

2 мая в листовке, обращенной к товарищам из корпуса, В. Ваничек, Я. Сынек, А. Скотак и О. Коуделька заявили, что их надежды добиться в сотрудничестве с Национальным советом демократизации чехословацкого освободительного движения оказались напрасными. Окончательно убедившись в этом, они решили покинуть ряды чехословацкой армии, глубоко уверенные в том, что, «когда социалистическая Россия строит новую армию и создает основы нового общественного строя на базе четкой социал-демократической программы, мы как рабочие и социалисты не можем и не смеем покидать эту Россию и отказывать ей в своей помощи... Русская революция дала нам опыт, она даст нам и свободу — политическую и социальную...»⁶⁹

25 мая 1918 г. непримиримо настроенная по отношению к Советской власти группировка внутри чехословацкого буржуазного политического руководства и командования, связанная с российским контрреволюционным подпольем и подстрекаемая дипломатами Антанты, толкнула дезориентированных солдат чехословацкого корпуса на антисоветский мятеж, план которого был уточнен еще 14 мая на совещании командования корпуса, антантовских представителей и правых эсеров, состоявшемся в Челябинске. Руководители мятежа обвинили Советское правительство в сговоре с Германией и нежелании обеспечить отправку корпуса во Францию, заявили солдатам, что советские власти намерены заключать их в лагеря. В первые дни мятежниками, а также белогвардейцами были захвачены Челябинск, Новониколаевск, Мариинск, Нижнеудинск, Канск. 29 мая после кровопролитного боя мятежники взяли Пензу. В обороне Пензы вместе с другими частями Красной Армии принял участие и 1-й Чехословацкий революционный полк. В боях за город 28—30 мая он потерял, по одним сведениям, 168, по другим — 220 человек⁷⁰. Чехословацкие и эсерово-белогвардейские мятежники, преодолевая сопротивление малочисленных частей Красной Армии и отрядов Красной Гвардии, овладели также Сызранью, Самарой, Екатеринбургом, Казанью...

Так же как и в Пензе, во многих других местах в первых боях с мятежниками вместе с только что созданными немногочисленными частями Красной Армии, наспех сформированными

и недостаточно обученными отрядами рабочих принимали участие и подразделения чехословацких красноармейцев.

Во время наступления белочехов на Сызрань сформированный здесь отряд чехословацких интернационалистов под командованием Альденбаума заявил, что будет до последней капли крови защищать Советскую власть от мятежников. Созданный в Самаре под руководством Ярослава Гашека отряд чехословацких интернационалистов стойко сражался против белочехов вместе с другими советскими частями в бою под Липягами 4 июня 1918 г. Он занимал вместе с отрядом моряков центр боевой позиции советских войск.

Только когда большинство защитников этой позиции погибло, врагу удалось овладеть ею. Часть чехословацкого отряда охраняла до последних минут железнодорожный вокзал в Самаре и лишь под давлением превосходящих сил противника отступила в Уфу и Бузулук.

Я. Гашек не успел отступить вместе с отрядом. Уничтожив в гостинице «Сан-Ремо» архив «Чешского военного отдела для формирования чешско-словацких отрядов Красной Армии» в Самаре, Я. Гашек, ежеминутно рискуя жизнью, выбрался из города и в течение трех месяцев скрывался в селах Самарской губ., пока в сентябре 1918 г. не пробрался в Симбирск, освобожденный Красной Армией. Вступив здесь в 1918—1920 гг. в ряды 5-й армии, он вместе с ней прошел славный боевой путь от Бузульмы до Иркутска.

Около 40 чехословацких красноармейцев служило в интернациональном отряде, сформированном интернационалистами Симбирска под руководством чешского коммуниста Ф. Валхаржа. Интернациональный отряд был включен в 1-й Симбирский советский полк и стойко сражался, защищая родной город Ильича от белочешских мятежников.

Организуя отпор мятежным частям чехословацкого корпуса, Советское правительство вместе с тем приложило максимум усилий для того, чтобы добиться мирного урегулирования конфликта. Во время переговоров с чехословацким командованием в конце мая — начале июня советские представители неизменно указывали, что советская сторона делала и сделает все возможное для немедленной отправки чехословацких частей во Францию, но при неременном условии прекращения военных действий и сдачи оружия. В ходе мирных переговоров советские представители никогда не упускали из виду, что солдатская масса чехословацкого корпуса оказалась вовлеченной в контрреволюционную авантюру вопреки своему желанию, что солдаты не хотят воевать с Советской властью⁷¹. В. И. Ленин не уставал повторять, что против Советской власти «идут не чехословаки, а их контрреволюционный офицерский состав»⁷².

В первые же дни после начала мятежа, по воспоминаниям чешского коммуниста Ф. Каплана и словацкого интернационалиста М. Кршиака, В. И. Ленин, выступая на специальном совеща-

нии, на которое Ф. Каплан был приглашен вместе с другими видными деятелями чехословацкого коммунистического движения, указывал, что солдаты корпуса долго находились под односторонним идейным влиянием и являются людьми заблуждающимися, политически малосознательными. Ленин подчеркивал, что по отношению к ним следует действовать чрезвычайно тактично, избегать преждевременных угроз, стремиться договориться, чтобы ликвидировать мятеж путем добровольного разоружения. Согласно воспоминаниям М. Кршиака, Владимир Ильич «уделял большое внимание чехословацкой коммунистической секции и ее роли, которая заключалась в том, чтобы помочь чехословацким legionерам покинуть лагерь контрреволюционеров и интервентов. В. И. Ленин давал советы чехословацкой секции, как работать среди legionеров, как им разъяснять их трагическую ошибку...»⁷³.

Настойчиво и терпеливо в течение длительного времени и члены советских мирных делегаций, в которые входили чехословацкие коммунисты, и специально посылаемые навстречу чехословацким эшелонам агитаторы-интернационалисты стремились через головы офицеров установить контакт с солдатской массой, разоблачить провокационную ложь о якобы враждебных намерениях Советского правительства, разъяснить его действительную позицию в отношении чехословацкого корпуса, в вопросах войны и мира. С воззваниями к чехословацким солдатам обращались Советы Пензы, Омска, Екатеринбургa, Томска, Иркутска и других городов. Одновременно к солдатам корпуса обращались и многочисленные интернационалистские организации Поволжья, Урала, Сибири.

Контрреволюционное командование корпуса делало все, чтобы не допустить членов советских мирных делегаций к рядовым солдатам, затянуть и затруднить переговоры. Становилось все более очевидным, что оно лишь делает вид, что стремится «уладить недоразумение», что оно старается выиграть время, подтянуть и сконцентрировать свои силы, разведать численность и вооружение советских войск, дать возможность организовать в зоне мятежа силам русской контрреволюции⁷⁴. В этих условиях Советскому правительству не оставалось ничего другого, как отдать распоряжение, ведя переговоры, не прекращать военных действий вплоть до того момента, пока корпус действительно не разоружится⁷⁵.

В результате мятежа чехословацкого корпуса мирная передышка, завоеванная Советской республикой ценой тяжелейших лишений, ценой подписания грабительского Брестского договора, была сорвана. «Наша страна,— отмечал В. И. Ленин,— попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехословаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты»⁷⁶.

Именно потому, что чехословацкий корпус стал ядром, вокруг которого объединилась российская и иностранная контрреволюция, В. И. Ленин предупреждал, что к мятежу нельзя относиться несерьезно. «Спасение не только русской революции, но и международной на чехословацком фронте», — подчеркивал он 23 августа 1918 г.⁷⁷

Образование Чехословацкой группы РКП(б). Чехословацкие интернационалисты на первых фронтах гражданской войны

25 мая, когда на сибирской магистрали раздалась первая выстрелы мятежников и пролилась первая кровь, в Москве в помещении гостиницы «Европа» на Неглинной улице начало работу предварительное совещание делегатов чехословацких коммунистических и левых социал-демократических организаций в России, собравшихся на свой учредительный съезд. Согласно справке мандатной комиссии, на съезде присутствовали 79 делегатов. Из них 58 представляли 5600 членов социал-демократических и коммунистических организаций и групп и 21 делегат — 1850 добровольцев чехословацких и интернациональных формирований Красной Армии и Красной Гвардии⁷⁸. В работе съезда приняли также участие 22 гостя⁷⁹, в числе которых были А. А. Андреев, Н. А. Скрышник, Ю. М. Коцюбинский, Б. Кун, Ст. Бобиньский и др.

Выступившие на первом заседании съезда гости передали привет делегатам от РКП(б), коммунистов Украины, Югославянской, Венгерской и Немецкой коммунистических групп, польских коммунистов, ЦИК Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян и пожелали съезду успешной работы. Н. А. Скрышник в своем выступлении подчеркнул значение помощи, оказанной чехословацкими красногвардейцами украинскому пролетариату в его тяжелой борьбе против австро-германских оккупантов, и призвал чехословацких революционеров и далее крепить боевую пролетарскую солидарность⁸⁰. Решительно осудив антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, съезд заявил в своей резолюции, что чехословацкий социалистический пролетариат «глубоко убежден, что свобода русского пролетариата является залогом свободы всего мира. Это убеждение властно диктует чехословацким пролетариям объявить, что враги Советской республики являются врагами чехословацкого пролетариата»⁸¹. Обращаясь к русским товарищам, чехословацкие коммунисты говорили: «Мы вместе с вами берем оружие в руки, дабы защищать вашу и поддержать нашу революцию»⁸². В воззвании к чехословацким рабочим на родине съезд подчеркнул, что лишь осуществление программы III Интернационала принесет чехословацкому пролетариату социальное и

национальное освобождение, и высказал твердое убеждение в том, что в предстоящей решающей схватке между пролетариатом и буржуазией чехословацкий рабочий класс будет бороться, как и раньше, в первых рядах австро-венгерского пролетариата за создание Чехословацкой социалистической республики в федеративном союзе социалистических республик Европы⁸³.

Вся дальнейшая работа съезда была посвящена обсуждению программных, тактических и организационных принципов, на которых предстояло объединиться чехословацким революционным организациям в России.

Доклады и содоклады, с которыми выступили представители основных течений чехословацкой левой социал-демократии (В. Ружичка и А. Муна, К. Кнофличек и Ф. Бенеш), показали единство взглядов по главным, принципиальным вопросам движения.

II Интернационал, отмечалось в докладах и Программной резолюции, не выполнил своей исторической задачи. Лишь одна партия — русских большевиков — осталась верна революционному марксизму. Она объявила войну войне, осуществила пролетарскую революцию, в небывало тяжелых условиях строит новое, социалистическое общество. «Мы, которые живем на почве русской социальной революции, мы, которые во многих местах России активно ей содействовали, мы, которые одобряем социалистический переворот в России со всеми его последствиями, — заявил в своем докладе В. Ружичка, — сегодня должны провозгласить свое полное согласие с революционным социализмом, социальной революцией и диктатурой пролетариата»⁸⁴.

Делегаты записали в резолюции: «Мы вполне соглашаемся с программой и тактикой Российской коммунистической партии (большевиков), принимаем название „Чешско-словацкой коммунистической партии“ и вступаем в международное объединение пролетариата — Третий Интернационал»⁸⁵.

Чехословацкие коммунисты, отвергая реформистские и признавая революционные методы борьбы, провозгласили своей целью создание Чехословацкой социалистической республики. Но они не пытались сформулировать свои ближайшие программные требования. На съезде возникли серьезные трудности при обсуждении программных и тактических положений по национальному вопросу. Выступивший с приветствием к съезду Ст. Бобинский в своей речи уделил особое внимание разногласиям между большевиками и польскими революционерами по национальному вопросу. Он заявил, что польская социал-демократия всегда выступала и продолжает выступать теперь против лозунга о праве наций на самоопределение, считая, что в эпоху империализма независимость нации — утопия, а национальная идея у угнетенных народов занимает подчиненное место по отношению к идее социального освобождения. Бобинский призвал и чехословацких коммунистов, у которых, по его мнению, взгляды на эту проблему также отличаются от точки зрения русских коммунистов, высказаться против права наций на самоопределение, за «само-

определение пролетариата»⁸⁶. И хотя старые разногласия по национальному вопросу, как известно, когда-то расколовшие чешско-славянских социал-демократов на так называемых автономистов и централистов, не были еще изжиты, позиция Бобинского по национальному вопросу встретила решительный отпор. Так, докладчик, выступавший от имени бывших автономистов, заявил, что в национальном вопросе единственно правильным является взгляд представителей русской коммунистической партии⁸⁷. В свою очередь, бывший централист, в своем содокладе, подчеркнул, что решение национального вопроса «возможно только на основании принципов русского большевизма»⁸⁸.

Первый параграф принятого съездом и вскоре опубликованного⁸⁹ устава указывал, что членом партии может быть каждый чех и словак без различия пола и вероисповедания, признающий Программную резолюцию, одобренную Учредительным съездом, имеющий поручительство двух членов партии. Второй параграф предусматривал для членов партии лишь обязанность платить членские взносы и подписываться на центральный печатный орган — новую газету «Прукопник свободы» («Пионер свободы»). Следует, однако, подчеркнуть, что уже 19 июля «Прукопник свободы» опубликовал имеющее принципиальное значение «Обращение ко всем товарищам и организациям». В нем указывалось, что по решению ЦИК каждый член партии обязан «активно участвовать в движении и в организационной работе...»⁹⁰. Согласно уставу, местные партийные организации строились по производственному и территориальному принципу. Они создавались на предприятиях, в воинских частях, а также по месту жительства и объединялись в масштабах города и района (округа).

Специальные разделы устава были посвящены изложению целей партии и средств их достижения. В них указывалось, что партия стремится практически и теоретически подготовить своих членов к борьбе за освобождение рабочего класса, к осуществлению целей, выдвинутых «Манифестом Коммунистической партии» и Октябрьской революцией. Устав подчеркивал решимость чехословацких коммунистов действовать в тесном союзе с другими братскими партиями в России и за границей. Важнейшей задачей членов партии устав объявлял установление связей с товарищами на родине, содействие их трудной борьбе и подготовку к тому, чтобы в решительный момент выступить бок о бок с ними.

Съезд высказался за создание добровольческих чехословацких частей Красной Армии, подчеркнув, что чехословацкие красноармейские части должны действовать в тесном контакте с другими национальными частями, а формирование их проводится в полном согласии с Советским правительством. Съезд также обратил внимание на необходимость политической работы в лагерях военнопленных. Съезд избрал Центральный исполнительный комитет, председателем которого стал А. Муна — рабочий-швейник, видный профсоюзный деятель из Моравии, один из организаторов и

руководителей чехословацкой социал-демократической организации на Украине. Были избраны также ревизионная комиссия и редакционная коллегия газеты «Прукопник свободы».

Объединив чехословацкие революционные организации и провозгласив создание Чехословацкой коммунистической секции (группы) РКП(б), съезд сыграл важную роль в консолидации находившихся в России сознательных пролетарских элементов чехословацкого революционного движения.

В связи с тем что летом 1918 г. главным для Советской республики стал вопрос военный, основное внимание всех иностранных коммунистических групп было обращено на организацию вооруженной поддержки пролетарской революции в России. Особо ответственные и трудные задачи ложились на чехословацких коммунистов прежде всего потому, что чехословацкий корпус стал авангардом антисоветских сил.

11 июня ЦИК Чехословацкой коммунистической группы обратился с воззванием к чехословацким трудящимся в России. Подчеркнув, что мятеж чехословацкого корпуса ложится «тяжелым пятном на весь чешско-словацкий трудовой народ», ЦИК призвал всех сознательных пролетариев вступить в чехословацкие части Красной Армии и всеми силами содействовать быстрой ликвидации контрреволюционной авантюры. «Только энергичной и усиленной работой нас всех,— указывалось в воззвании,— мы можем смыть позор, навеянный на нас несчастным и преступным выступлением чешско-словацких полков»⁹¹. 10 августа ЦИК группы принял специальное постановление о том, что каждый член партии «обязан с оружием в руках защищать Советскую власть от всех ее врагов» и поэтому должен «обучиться военному строю и по первому зову встать в ряды Красной Армии»⁹².

Многие чехословацкие коммунисты не оставляли мысли о возможности и необходимости создания крупного национального воинского соединения Красной Армии. Военная секция Чехословацкого отдела Наркомнаца, в частности, в течение длительного времени настаивала на создании такого соединения⁹³ и полностью игнорировала интернациональные формирования Красной Армии.

Высшие военные учреждения Советской республики считали наиболее целесообразным создание интернациональных формирований Красной Армии (от батальона и выше), включающих подразделения (взводы, роты и т. д.), состоявшие из бойцов, говорящих на общем языке⁹⁴.

В правильности этого принципа скоро убедились и многие побывавшие на фронте руководящие работники Чехословацкой коммунистической группы и Чехословацкого отдела Наркомнаца. 3 июля представители ЦИК Чехословацкой коммунистической группы, командированные на Уральский фронт, писали в отчете о своей поездке: «В Екатеринбурге работали мы вместе с ЦК иностранных рабочих и крестьян и вынесли то впечатление, что

совместная работа в международных организациях является наилучшей гарантией успеха. Мы убедились в пользе интернациональных отрядов для русской пролетарской революции и создания новых национальных отрядов мы ни в коем случае не рекомендуем...»⁹⁵. Чехословацкие коммунисты сыграли активную роль в формировании ряда интернациональных частей и соединений Красной Армии и многие из них за годы гражданской войны выросли в крупных военных и политических работников.

В документах ЦИК Чехословацкой группы РКП(б) и военной секции Чехословацкого отдела Наркомнаца сохранились лишь отрывочные сведения об общей численности чехословацких интернационалистов, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Так, в сообщении ЦИК Чехословацкой группы от 19 июня 1918 г. указывалось, что «Чешско-словацкая Красная Армия насчитывает 2960 добровольцев»⁹⁶. В отчете VIII съезду РКП(б) Чехословацкая группа указывала, что на фронте к концу 1918 г. находилось около 4 тыс. чехословацких интернационалистов⁹⁷. В отчете военной секции Чехословацкого отдела Наркомнаца за 1918 г. указывалось, что в Москве «в течение 6 недель составлены были 2 роты. Одна из них отослана на Воронежский фронт, а другая исполняет караульную службу в Пресненском районе»⁹⁸.

Согласно приказам по 1-му Пензенскому чехословацкому революционному полку, к 11 июня 1918 г. в нем числилось 224 человека. В конце месяца после отправки очередного пополнения на Уральский фронт в сводный отряд Я. Штромбаха в Пензе осталась лишь караульная команда и агитационная комиссия — всего 86 человек⁹⁹. В середине августа, судя по докладной записке Чехословацкого отдела Наркомнаца, в Пензенском полку было уже 170 человек, а к концу года — свыше 400¹⁰⁰.

Об Уральском сводном отряде, которым командовал бывший командир 1-го Пензенского чехословацкого революционного полка Я. Штромбах, сведения весьма скупы. Я. Штромбах писал, что отряд этот участвовал до октября 1918 г. в боях против Дутова¹⁰¹. Отряд постоянно пополнялся бойцами, прибывавшими из Пензы. Боец отряда Ян Ганак в опубликованных в Братиславе воспоминаниях упоминает, что в состав отряда входили чехословацкая, русская и латышская роты, взвод венгров и чехословацкая артиллерийская батарея¹⁰². Летом 1918 г. отряд был преобразован в Пензенский полк, командование которым вскоре после назначения Я. Штромбаха командиром Уральской дивизии принял бывший командир роты 1-го Чехословацкого революционного полка К. Галанц. Под его руководством в январе 1919 г. этот полк штурмовал Уральск, а впоследствии громил белоказак генерала Толстова¹⁰³.

С марта по май 1918 г. в Тамбове из частей 4-й армии под командованием В. И. Киквидзе, вышедших с Украины, была ор-

ганизована дивизия внеочередного формирования. «Вместе с нами с Украины,— вспоминал позднее помощник начальника дивизии С. П. Медведовский,— прибыло десятка два-три революционных чехов... В районе Тамбова, Саратова, Самары находились лагеря военнопленных. У нас возникла мысль сформировать из них революционный полк. По всем лагерям рассыпались красные чехи и приводили оттуда добровольцев целыми группами. Работа шла успешно, и в короткое время был сформирован полк под названием Чехословацкий, впоследствии по желанию самого полка названный Интернациональным, поскольку в нем оказались не только чехословаки, но и немцы, и австрийцы, и мадьяры»¹⁰⁴.

19 мая дивизия приняла присягу, а 22 мая Н. И. Подвойский сообщил В. И. Ленину, что, проводя смотр частей сформированных в Тамбове, убедился в организаторском таланте Киквидзе, который представил части, «порадившие военных специалистов мужественным видом, хорошей подготовкой, налаженностью обучения и обещающие развиваться в грозную и мощную воинскую единицу»¹⁰⁵. Летом дивизия, в состав которой входили 1-й Чехословацкий (в дальнейшем 2-й Интернациональный) полк и чехословацкая батарея, уже сражалась в рядах армии Южного фронта против Краснова.

В боях 2-й Интернациональный полк показал себя одним из лучших. «Полк этот,— писал Киквидзе 16 августа,— действительно могу назвать боевым и славным,— в боях люди дрались как львы, не щадя жизни...»¹⁰⁶ Из переписки командира полка с Союзом иностранных рабочих и крестьян в Царицыне известно, что в то время в полку было 700 штыков, пулеметная команда, эскадрон кавалерии (около 100 бойцов) и артиллерийский дивизион из восьми орудий. В его рядах сражались чехи, словаки, немцы, венгры, итальянцы¹⁰⁷.

В боях на Южном фронте, в районе станции Поворино, летом 1918 г. принял участие и созданный на базе партийного отряда Воронежский интернациональный коммунистический полк. Чехословацкой ротой этого полка (в полку, насчитывавшем 600 бойцов, кроме чехословацкой, были русские, сербская и румынская роты) командовал бывший поручик чехословацкого корпуса Лаудович¹⁰⁸. Здесь же, под Царицыном, сражалась и организованная из интернационального отряда Николаевской слободы 3-я интернациональная рота 2-го полка 1-й Луганской коммунистической дивизии¹⁰⁹, на $\frac{2}{3}$ состоявшая из чехословацких интернационалистов¹¹⁰. В тяжелых летних боях рота понесла большие потери, но была вновь пополнена и осенью влилась в Саратовский интернациональный батальон 10-й армии Камышинского фронта¹¹¹. Я. Пекса, посетивший по заданию ЦИК Чехословацкой группы РКП(б) этот батальон в конце 1918 — начале 1919 г., отмечал в своем отчете спаянность и высокие боевые качества чешских, словацких, польских и немецких бойцов батальона. «Отношения между товарищами,— писал он,— дружные, искренние и крепкие. Они твердые большевики...»¹¹²

Чехословацкий коммунистический отряд, формирование которого началось еще в середине июня в Москве, насчитывал к концу сентября 1918 г. 128 бойцов¹¹³. В составе Московского коммунистического полка (21-го, а впоследствии 123-го стрелкового), созданного из красногвардейцев Пресненского, Сокольнического, Городского районов и интернациональных отрядов столицы, они уже в середине сентября приняли участие в боях под Новохоперском, а потом под Царицыном в рядах 14-й им. А. К. Степина дивизии 9-й армии¹¹⁴.

В мае — июне 1918 г. началась организация отряда чехословацких интернационалистов в Саратове¹¹⁵. В августе в его рядах насчитывалось 90 интернационалистов чехов и словаков. Чехословацкое подразделение, командиром которого был Ренорт, входило вместе с югославянским и немецко-венгерским в общий отряд саратовских интернационалистов¹¹⁶. Бойцы чехословацкого подразделения активно участвовали вместе с другими советскими отрядами в подавлении контрреволюционного мятежа, вспыхнувшего в Саратове 16 мая 1918 г. и являвшегося одним из звеньев в общей цепи антисоветских выступлений, организованных российской контрреволюцией и империалистами Антанты весной 1918 г. Когда Саратовский Совет оказался окруженным мятежниками и его защищал лишь находившийся в здании красноармейский отряд численностью 150—200 человек, одними из первых пришли ему на помощь интернациональные части. «Вскоре в Совет явились социалисты-интернационалисты: венгры, немцы, чехословаки», — докладывал заместитель председателя Саратовского Совета М. И. Васильев (Южип) о подавлении мятежа¹¹⁷.

Интернациональный отряд, созданный в Симбирске в июне 1918 г. (в нем было 40 бойцов чехов и словаков), принял участие в ликвидации антисоветской авантюры тогдашнего командующего Восточным фронтом эсера Муравьева, а затем самоотверженно защищал город от частей мятежного корпуса¹¹⁸. «В этот критический момент, — писала позже симбирская газета „Пролетарий“, — интернационалисты доказали на деле свою стойкость и храбрость, до последней минуты оставаясь в городе, под снарядами и шрапнелью отстаивая пядь за пядью»¹¹⁹. Немало чехов и словаков было и в 1-м Интернациональном полку (сформирован в первой половине 1918 г. в Астрахани), воевавшем против Краснова в районе Кизляра, а потом в составе героической 11-й армии¹²⁰. Состояли чехи и словаки и в интернациональных отрядах Ярославля, сыгравших крупную роль при подавлении контрреволюционного мятежа в городе летом 1918 г.¹²¹, и во многих других интернациональных формированиях.

Из среды чехословацких интернационалистов вышел ряд талантливых организаторов и командиров Красной Армии. На Восточном фронте начал свой боевой путь один из видных организаторов интернациональных частей Красной Армии, Славояр (Ярослав) Частек. Его короткая, но яркая жизнь известна лишь

по сухим приказам, анкетам, отрывочным воспоминаниям его сподвижников и небольшому взволнованному некрологу, опубликованному в пензенской газете «Красное знамя». С. Частек родился в 1894 г., а умер от сыпного тифа в феврале 1920 г., когда ему не было еще и 26 лет. Уроженец города Пльзень, по специальности лесовод, поручик австро-венгерской армии С. Частек попал в плен в середине января 1917 г. С 13 марта 1918 г. он командир небольшого интернационального отряда Красной Армии в Пензе. 24 апреля 1918 г. Частек стал членом организации социал-демократов интернационалистов Пензы, а с 6 июля 1918 г. членом РКП(б). Его отряд, расположенный в бараках за Уральско-Рязанским вокзалом Пензы, малочисленный и плохо вооруженный (в нем было всего 84 бойца), сумел, как только начался мятеж чехословацкого корпуса, прорваться в центр города, а затем сквозь кольцо врагов к Поповой горе. В июне 1918 г. во главе 300 бойцов-интернационалистов Частек ушел на Восточный фронт. Здесь в боях за Сызрань он был ранен в голову, но остался в строю. Отряд Частека стал ядром сформированного в начале августа 1918 г. интернационального полка 1-й сводной Симбирской пехотной дивизии, командиром которой был организатор самарских боевых дружин Г. Д. Гай (Гайк Бжишкян).

В начале сентября 1918 г. интернациональный полк под командованием С. Частека (он насчитывал всего 180 стрелков при семи пулеметах) участвовал в освобождении Симбирска. С. Частек был назначен помощником коменданта освобожденного города, командира 1-го Симбирского пехотного полка Воробьева. В ноябре 1918 г. Симбирская дивизия стала именоваться 24-й стрелковой Железной дивизией, а интернациональный полк получил номер 216. В конце 1918 г. С. Частек «как коммунист, знающий военное дело», был отозван в Москву, где ему было поручено руководство формированием интернациональных частей Красной Армии на территории Российской Советской Республики ¹²².

На Восточном фронте продолжал свою боевую деятельность и другой крупный организатор интернациональных частей, уроженец г. Хоцень, бывший студент, социал-демократ с 1912 г., Франтишек Каплан (Ф. Ф. Лангер). В 1916 г. Ф. Каплан, артиллерист-наводчик, попал в плен и в том же году добровольно вступил в чехословацкий корпус. Зимой 1917/18 г. он уже в рядах красногвардейского отряда, освобождавшего Киев. После отступления с Украины Ф. Каплан — делегат Учредительного съезда Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) в Москве. 31 мая 1918 г. Ф. Каплан вместе с Франтишком Козой, Ю. Волек-Хоразом, Я. Сынеком и другими чехословацкими коммунистами был уполномочен Совнаркомом вести разъяснительную работу среди солдат чехословацкого корпуса. С середины июня по поручению Подвойского Ф. Каплан ведет контрразведывательную работу на Екатеринбургско-Златоустовском на-

правлении. С начала июля он комиссар броневых понтонов, с конца августа — командир Камской речной флотилии, а затем Пермского броневое флота. 8 марта 1919 г. приказом Реввоенсовета республики Ф. Каплан был назначен помощником Я. Частека и вместе с ним начал формировать первое крупное соединение интернационалистов¹²³.

Во главе Пензенского полка, а затем 2-й (65-й) бригады 22-й дивизии вплоть до лета 1919 г. сражался с белоказацкими армиями на Урале К. Галанц¹²⁴. Командиром полка, а потом и бригады на Восточном фронте стал и чешский шахтер Денис Коуделька (Б. И. Коуделько), бывший ранее инструктором красногвардейского отряда Большой ярославской мануфактуры и командиром интернационального батальона¹²⁵.

Во главе небольшого красногвардейского отряда, сражавшегося против белоказачков Дутова под Оренбургом, застал мятеж чехословацкого корпуса будущего героического командира интернационалистов Туркестана Эрнста Кужело. Э. Кужело родился в 1890 г. в Кутна-Горе. Еще в годы учебы в Остравском сельскохозяйственном училище он активно участвовал в молодежном социал-демократическом движении. В 1909 г. Э. Кужело был призван в армию, в 1911 г. окончил Венское военное училище, но во время Балканских войн по подозрению в сочувствии сербам был разжалован в рядовые и уволен в запас. В первые месяцы мировой войны Кужело вновь был призван в армию, восстановлен в офицерском звании и отправлен на фронт. Через несколько дней после того, как 6-й драгунский полк прибыл на передовые позиции, Э. Кужело перешел на сторону русских войск. Потом лагерь военнопленных, служба в чехословацком корпусе и изгнание из него в августе 1917 г. «за отказ, как писал Э. Кужело в одной из анкет, поддержать Корнилова». С мая 1918 г. Э. Кужело — комендант крепости Илецкая Защита. В июне на него было возложено формирование интернациональных дружин Оренбургского фронта¹²⁶.

В политотделе 24-й дивизии 1-й армии Восточного фронта работал моравский сапожник Й. Седларж, бывший солдат 7-го полка чехословацкого корпуса и один из организаторов красногвардейского отряда в Киеве¹²⁷.

К концу лета 1918 г., когда части чехословацкого корпуса при поддержке вооруженных отрядов контрреволюционных правительств Поволжья и Урала достигли на северо-западе Казани, а на юго-западе Хвалынска, на укрепление Восточного фронта были брошены все силы большевистской партии и советского народа. В первых числах сентября советские армии Восточного фронта перешли в наступление. 10 сентября интервенционистские и белогвардейские части были вынуждены очистить Казань. Взятие Казани, по словам В. И. Ленина, ознаменовало «перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям»¹²⁸.

Все более ощутимые результаты стала приносить и агитационная работа чехословацких коммунистов на Восточном фронте. 1 сентября в Арзамас в штаб Восточного фронта была отправлена первая чехословацкая передвижная типография. 20 октября вторая такая же типография начала работать в Перми при штабе 3-й армии¹²⁹. Обе типографии печатали специальные агитационные издания: «Чехословацкий бюллетень», листовки, воззвания, которые разбрасывались с аэропланов за линией фронта, переправлялись чехословацкими коммунистами разведчиками и подпольщиками в глубокий тыл, на Урал и в Сибирь. Работой редакций руководили члены ЦИК Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) Ян Сынек, сапожник из Плумлова, социал-демократ с 1904 г., а с мая 1918 г. коммунист; Франтишек Коза (Франц Антонович Пермский), с шестнадцати лет принимавший активное участие в рабочем движении на родине, военнопленный, а затем боец чехословацкого красногвардейского отряда на Украине; Юлиус Волек-Хораз, учитель из Моравии, социал-демократ, также ставший красногвардейцем на Украине, а затем коммунистом, и другие видные чехословацкие коммунисты. До конца 1918 г. арзамасская типография выпустила десять номеров «Чехословацкого бюллетеня» (58 тыс. экземпляров) и 112 тыс. экземпляров различных воззваний, а пермская — шесть номеров «Чехословацкого бюллетеня» (135 тыс. экземпляров)¹³⁰. Ежедневно из Москвы отправлялись на Восточный фронт увеличенные тиражи «Прукопника свободы» (отдельные номера газеты выходили тиражом до 45 тыс. экземпляров)¹³¹.

Если в течение первых трех месяцев боев, как отмечалось в докладе политотдела 3-й армии, агитация среди солдат чехословацкого корпуса «видимых результатов не давала»¹³², то уже в конце августа — начале сентября в политсводках и прифронтовой печати появляются сообщения о начавшемся брожении в корпусе и о появлении первых перебежчиков¹³³.

Одновременно с успехами на фронте, достигнутыми большевистской партией, в тылу белых и интервентов ею были собраны и консолидированы уцелевшие от разгрома партийные кадры, созданы подпольные организации на предприятиях и в армии, налажены их связи с Центральной Россией, разведывательная и агитационная работа. Уже в конце осени 1918 г., очевидно, были установлены и первые связи большевистского подполья с солдатами чехословацкого корпуса. В этом отношении несомненный интерес представляет доклад обкому партии, написанный в Перми 14 ноября 1918 г. членом тройки организации Сергеем Малышевым, ведшим конспиративную работу в Челябинске под именем Бориса Туманова. «Среди чехов,— писал он,— начинается слабое брожение. Были случаи отказа идти на позиции целых эшелонов. Энергично работает чешская подпольная организация коммунистов. Работой организации руководит бывший товарищ председателя Невьянского совдепа¹³⁴. Челябинский чешский гарнизон готов выступить и взять Челябинск, но ставит условие,

что выступит только тогда, когда наши части возьмут Уфу и будут близко около Златоуста или когда падет Екатеринбург. Объясняют это условие тем, что если они не смогут удержаться в Челябинске, то им легко будет пробиться к красным. В общем подготовительная работа в тылу неприятеля сделана. Почва для дальнейшей работы благодарная... Долг нашей партии обратить серьезное внимание на тыловую работу, принять в этом направлении спешные меры и оказать посильную помощь нашим зарубежным товарищам»¹³⁵.

Не сразу, но неуклонно все большее число не только чехословацких солдат, но и офицеров начинало понимать, что вопреки своей воле они оказались втянутыми в борьбу не с «кучкой германских агентов», а с братским народом, стали орудием чуждой им и чуждой России политики.

В начале 1919 г. чехословацкое командование оказалось перед фактом прогрессирующего морального и политического разложения частей корпуса.

Как только были получены первые сообщения о революционных событиях в Австро-Венгрии и Германии, интернационалисты создали Германский и Австро-Венгерский Советы иностранных рабочих и крестьян. (В конце 1919 г. были созданы Венгерский, Чехословацкий, Югославянский и Румынский Советы. В связи с созданием Чехословацкого совета 30 октября 1919 г. был ликвидирован Чехословацкий отдел Наркомнаца.) Важнейшей задачей Советов, руководимых иностранными коммунистами и всемерно поддерживаемых Советским правительством, была организация репатриации военнопленных. Однако, как свидетельствовали факты, буржуазное чехословацкое правительство ничего не предпринимало для ускорения возвращения военнопленных на родину.

Состоявшаяся 10 ноября 1918 г. конференция коммунистов — выходцев из Австро-Венгрии приняла постановление начать ликвидацию местных ячеек и отправку их членов на родину¹³⁶. Такие поспешные действия породили случаи стихийного самороспуска отдельных низовых партийных организаций, а также создали почву для агитации за немедленное, самостоятельное возвращение на родину и в некоторых интернациональных частях на фронтах. В декабре ЦИК Чехословацкой коммунистической группы указывал, что из 35 ячеек, существовавших на местах, отчеты о деятельности за ноябрь прислали лишь 25, причем 11 из них уведомили о частичной или полной ликвидации¹³⁷.

Руководство Федерации и национальные группы, исправляя допущенные ошибки, принимали энергичные меры, чтобы наиболее целесообразно организовать отъезд коммунистов для партийной работы на родину, провести концентрацию интернациональных частей и планомерную эвакуацию остальных военнопленных.

3—4 марта 1919 г. в Москве состоялась конференция иностранных коммунистов, созванная Центральной Федерацией иностранных групп (ЦФИГ). Конференция постановила перенести

центр своей деятельности в Киев, а интернациональные части сконцентрировать под руководством С. Частека на Украине¹³⁸.

Накануне конференции состоялось совещание чехословацких коммунистов. После отчета ЦИК Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) о проделанной работе¹³⁹ совещание приняло политическую резолюцию, которая, приветствуя «достижение национальной независимости чехословацких земель», в то же время подчеркивала, что «этой независимостью далеко еще не удовлетворены требования социалистического пролетариата Чехии, который для своего действительного освобождения должен добиться всего того, чего путем диктатуры достиг революционный пролетариат Советской России». Правительство Масарика—Крамаржа не заслуживает доверия пролетариата, отмечало совещание, ибо оно заявило о своей солидарности с контрреволюционными силами в Сибири, отказалось вернуть десятки тысяч пленных-пролетариев из России, вновь погнало в бой чехословацких трудящихся против немцев, поляков, венгров вместо того, чтобы договариваться с народами бывшей Австро-Венгерской монархии на основе принципа самоопределения наций. Совещание призвало чехословацких пролетариев на родине объединиться в рядах коммунистической партии, а находящихся в России—вступить в Красную Армию¹⁴⁰.

В апреле ЦИК чехословацкой коммунистической организации, как и ЦФИГ, переехал в Киев. На базе Чехословацкой группы при Коммунистической партии Украины, организационно оформившейся уже в начале марта¹⁴¹, и начал свою деятельность Центральный исполнительный комитет чехословацких коммунистических групп в России и на Украине—как теперь именовался руководящий орган чехословацкой коммунистической организации¹⁴². Новый ЦИК вместо уехавшего на родину А. Муны возглавили Ян Сынек (председатель) и Ярослав Салат-Петрлик (секретарь), журналист, член социал-демократической партии с 1912 г. 1 мая 1919 г. в Киеве вышел первый номер новой еженедельной газеты «Правда», редакторами которой были члены ЦИК Ф. Коза-Пермский и Ю. Волек-Хораз.

Все усилия чехословацких коммунистов весной и летом 1919 г. были направлены прежде всего на поддержку пролетарской революции в Венгрии и Словакии и на борьбу с контрреволюцией, активизировавшейся на Украине.

24 мая ЦИК Чехословацких коммунистических групп в России и на Украине объявил мобилизацию всех членов групп¹⁴³. Сотни чехословацких коммунистов влились в те дни в интернациональные части, формировавшиеся на Украине при деятельном участии С. Частека, Ф. Каплана, Я. Пексы, Й. Седларжа, Й. Нетика.

В течение нескольких недель после начала северного похода против наступавших войск буржуазной Чехословакии Венгерская Красная армия, в рядах которой сражались и сотни чешских, словацких, русских, украинских добровольцев, освободила север-

ную Венгрию и большую часть восточной Словакии. 16 июня в г. Прешове была провозглашена декларация о создании Словацкой Советской Республики¹⁴⁴.

Чехословацкие коммунисты в России правильно оценили политическое значение создания Словацкой Советской Республики. Решительно отнеся попытки буржуазной и правосоциалистической печати толковать ее провозглашение как проявление словацкого сепаратизма или венгерского шовинизма, чехословацкие коммунисты заявляли: «Словацкая Советская Республика является ныне революционным авангардом чехословацкого пролетариата». Они призывали рабочий класс на родине остановить руку буржуазии, замახнувшуюся на пролетарскую революцию в Венгрии и Словакии¹⁴⁵. В приветствии конгрессу венгерской социалистической партии чехословацкие коммунисты выражали свое восхищение «героическими подвигами венгерских рабочих и крестьян, которые сумели отбросить наступающие банды чехословацких, румынских и прочих наймитов международного капитала», и заверяли, что «напрягают все свои силы для помощи венгерским братьям»¹⁴⁶. Поздравляя словацких товарищей с победой, чехословацкие коммунисты в телеграмме Словацкому революционному правительственному совету отмечали, что эта победа придает им новые силы. «Мы счастливы,— писали они,— что вы всеми своими силами пришли на помощь венгерским товарищам»¹⁴⁷.

Одновременно с военно-организационной работой разворачивалась и партийно-политическая деятельность ЦИК чехословацких коммунистических групп. В Киеве при клубе чехословацких коммунистов были созданы специальные курсы агитаторов, по окончании которых члены партии направлялись на политическую работу в армию и на родину. Агитбригады чехословацких коммунистов выезжали в Херсон, Одессу и на Волынь. В Киеве начала печататься документальная книга «Чехословаки в войне и революции», на страницах чехословацкой «Правды» появились переводы работ В. И. Ленина, энергично шел сбор средств для поддержки рабочей печати на родине.

Революционный подъем, начавшийся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после окончания мировой войны, естественное стремление принять непосредственное участие в борьбе трудящихся на родине предопределили сосредоточение основного внимания иностранных коммунистов с конца 1918 г. на событиях, происходивших на западных рубежах России. Чехословацкие коммунисты в то время несколько ослабили работу на Восточном фронте, исходя из того, что наступление Красной Армии здесь приостановилось, а чехословацкий корпус отведен в глубокий тыл Колчака.

С начала 1919 г. фактически вся агитационно-политическая работа среди солдат чехословацкого корпуса легла на плечи Сибирского бюро ЦК РКП(б), политотделов армий (прежде всего 5-й армии), подпольных большевистских организаций Сибири и тех чехословацких коммунистов, которые находились в армиях

Восточного фронта и в колчаковском тылу. Связь чехословацких коммунистов, действовавших в Сибири, с центральным руководством почти полностью прекратилась несмотря на то, что во время переговоров о переезде ЦИК группы в Киев, ведущихся с ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины в феврале—марте, руководителей чехословацких коммунистов просили не забывать, что «Восточный фронт еще окончательно не ликвидирован»¹⁴⁸. Хотя по инициативе местной организации чехословацких коммунистов Москвы были отпечатаны воззвания и посланы два человека для нелегальной работы в Сибири, руководство чехословацких коммунистических групп вплоть до осени 1919 г. не предпринимало почти никаких реальных шагов для активизации своей политической деятельности на Восточном фронте.

Чехословацкие коммунисты в тылу белогвардейцев и интервентов

Отдельные спорадические связи между большевистским подпольем и солдатами чехословацкого корпуса прослеживаются, как уже упоминалось, с конца 1918 г., но установлению прочных контактов длительное время препятствовали постоянные перемещения чехословацких частей из одного пункта магистрали в другой, перекрестная слежка колчаковской и чехословацкой контрразведок, недостаток у подпольщиков материальных средств и пропагандистских кадров, способных работать в специфических условиях чехословацкого корпуса. Антисоветская пропаганда, насаждавшаяся в среде легионеров недоверие к русским большевикам и чехословацким коммунистам, также давала себя знать. Большевикам нужно было преодолеть все эти трудности, чтобы найти путь к сознанию чехословацкого солдата.

В середине марта 1919 г. подпольщики Екатеринбурга освободили из тюрьмы чешского коммуниста Рихарда Косулика, одного из видных организаторов интернационалистского движения на Урале и в Сибири¹⁴⁹. Косулик сообщил уральским большевикам имена известных ему чехословацких солдат в различных частях корпуса, с которыми следовало установить связь. В середине апреля заместитель председателя Екатеринбургского партийного центра А. Попов выехал в Сибирь, чтобы связаться с большевистскими подпольными организациями, а также с теми чехословацкими солдатами, имена которых назвал Косулик. По возвращении в Екатеринбург Попов был арестован, и дальнейшие связи с чехословацкими частями у екатеринбургских подпольщиков, очевидно, прервались¹⁵⁰. Эти связи сумели восстановить и укрепить большевики Омска.

В районе Омска размещались крупные лагеря военнопленных¹⁵¹, в том числе и специальный лагерь для чехов, не желавших вступить в корпус (для словаков был создан лагерь в

Иркутске). В начале 1919 г. в Омске появились и первые чехословацкие «рабочие дружины», созданные из солдат тех подразделений корпуса, которые были расформированы и разоружены за неповиновение. Именно через военнопленных и штрафников омские большевики начали устанавливать связи с солдатами чехословацкого корпуса. Особенно интенсивно развернулась работа среди солдат армий интервентов после III Сибирской нелегальной конференции РКП(б), состоявшейся в Омске в 20-х числах марта 1919 г., которая подчеркнула в своих решениях необходимость усиленной агитации «среди иностранных военных частей, находящихся в Сибири»¹⁵².

Под руководством Сибирского областного и Омского комитетов РКП(б) возникают подпольные организации иностранных коммунистов. С помощью чехословацких коммунистов, командированных из Центральной России на подпольную работу в Сибирь, была создана и чехословацкая коммунистическая ячейка. Через нее большевики-подпольщики наладили связь с солдатами чехословацких частей, расположенных не только в Омске, но и в Петропавловске, Челябинске, Барабинске, Томске и, возможно, в других городах. Члены ячейки помогали вести агитационную и разведывательную работу, а также приобретать оружие. В конце марта — начале апреля руководители сибирских большевиков А. Масленников, М. Рабинович и П. Парняков уже могли сообщить в Москву о наличии связей с солдатами войск интервентов, и в частности с солдатами чехословацкого корпуса¹⁵³. О нелегальных контактах подпольных большевистских организаций с чехословацкими военнопленными свидетельствуют документы и блокнот секретаря Сибирского подпольного обкома П. Парнякова, отобранные у него при аресте колчаковцами 20 апреля 1919 г. Среди вещей, изъятых контрразведкой, находились «два пропуска из лагеря чехо-словаков в Омске, от $\frac{4}{4}$ на 2 чел. и от $\frac{5}{4}$ на одного человека с надписями и печатями»¹⁵⁴. В листках его блокнота имелись следующие записи: «Листовку к чехам. Штемпель и пропуск», «Воскр. 4 часа с чех. Принести пасп. с женой. Штемпеля, бланки», «Пропуски чех.-лаг. (Шапирограф и архив)»¹⁵⁵.

Одним из чехословацких коммунистов-подпольщиков, работавших весной 1919 г. в Омске, был Владислав Петрас. Уроженец Моравской Остравы, член местной молодежной социал-демократической организации «Лассаль», рабочий, а потом солдат австро-венгерской армии, В. Петрас в 1914 г. оказался в плену, вступил добровольцем в 7-й полк чехословацкого корпуса, а в феврале 1918 г. был уже одним из организаторов чехословацкого красногвардейского отряда в Березани. Во главе этого отряда он участвовал в тяжелых арьергардных боях в составе 4-й армии В. И. Киквидзе. В апреле 1918 г. Петрас приехал в Москву, а оттуда летом 1918 г. был командирован на работу в Сибирь. Арестованный чехословацкими властями, он находился в екатеринбургской тюрьме, а затем был переведен в тюрьму 1-го ом-

ского лагеря военнопленных. По заданию местной большевистской организации члены чехословацкой подпольной ячейки Й. Жальский и Й. Ирава помогли Петрасу бежать¹⁵⁶. Кроме Й. Жальского и Й. Иравы, членами чехословацкой подпольной ячейки омских лагерей являлись бывшие красногвардейцы Я. Краткий, Ф. Кагоун, А. Забранский и К. Гарвалик. К. Гарваликом, в частности, подписано хранящееся в Новосибирском партийном архиве письмо, адресованное шести товарищам из 7-го полка, в котором он и В. Петрас когда-то служили. Гарвалик сообщил в письме, что большевики уже установили связь с югославянами и тайным польским комитетом в Новониколаевске и что податель этого письма поможет и им связаться с большевистской рабочей организацией¹⁵⁷.

Три других письма чехословацких интернационалистов-подпольщиков, обнаруженных исследователями (два из них подписаны «Чехословацкий коммунист», а третье — «Твой Ян»), были адресованы солдатам 9-й роты 2-го полка и 5-й роты 8-го полка¹⁵⁸. Письма, судя по тексту, были не первыми, направленными по этим адресам. В них указывалось на настоятельную необходимость, не медля, использовать брожение, начавшееся в чехословацкой армии, «для нашего дела, дела справедливого» и сообщалось, что подобная работа ведется уже во всех частях: «В каждом полку мы имеем совет из людей, с которыми работаем рука в руку, и все идет очень хорошо». Во 2-м и 8-м полках, говорилось в одном из писем, также нужно найти людей, «которые возьмут на себя задачу организовать своих товарищей в ротах, основать тайную организацию рабочих, войти в сношение с русскими рабочими, помочь им опять достигнуть той свободы, которая у них была нами отнята». Авторы писем рекомендовали сначала создать ячейки в ротах из четырех-пяти надежных товарищей, а вслед за тем полковую организацию. Все остальные инструкции, указывалось в письмах, сообщат устно русские товарищи, имеющие поручения в городах (упоминается, в частности, Челябинск), где расположены чехословацкие части¹⁵⁹.

Вероятно, автором писем солдатам 8-го полка являлся чехословацкий коммунист-подпольщик Антонин Забранский, служивший когда-то в этом полку.

Антонин Забранский (подпольные клички «Зика», «Эдмунд») родился в г. Витковице в 1893 г. Рабочий-стекольщик, член Чехославянской социал-демократической рабочей партии с 1908 г., он солдатом 84-го пехотного полка австро-венгерской армии осенью 1915 г. под Дубно попал в плен, а в августе 1917 г. вступил в чехословацкий корпус. В феврале 1918 г. Забранский стал коммунистом. В конце мая 1918 г. он ушел из корпуса и вступил в чехословацкий красногвардейский отряд во Владивостоке. 29 июля 1918 г. Забранский попал в руки легионеров и осенью того же года полевым судом екатеринбургской группы войск «за дезертирство и коммунизм» был присужден к тюремному заключению со строгим режимом. В начале 1919 г. Забран-

ский был переведен в Омск в так называемую рабочую дружину. Здесь он и начал свою подпольную работу. «Посылал, — записано в деле, заведенном на него охранной службой корпуса, — в чехословацкие воинские части агитационные письма и листовки, направленные против существующих порядков и законов»¹⁶⁰.

Колчаковская контрразведка располагала сведениями и о некоем чехе Иосифе (фамилию его не удалось установить), формировавшем отряд на станции Барабинск, связанном с местными, а через них с омскими большевиками, и безрезультатно разыскиваемом чехословацкими властями¹⁶¹.

Агенты колчаковской контрразведки доносили о существовании в Петропавловске подпольной организации, «поставившей себе целью распространение брошюр и сближение чехов с рабочими». Центр этой организации, по сведениям колчаковцев, находился в Омске или Челябинске¹⁶².

В течение апреля и мая колчаковской контрразведке с помощью провокаторов удалось нанести жестокий удар по большевистскому подполью. Чехословацкая коммунистическая организация также понесла серьезные потери. Некоторые ее члены были арестованы. К. Гарвалик вскоре умер в омской тюрьме от сыпного тифа; А. Забранский вместе с «рабочей дружиной» был переброшен первоначально, очевидно, в Канск, а потом под Иркутск; И. Жальский, Я. Краткий, Ф. Кагоун были отправлены на работы в Анжерские копи. Связи, налаженные с чехословацкими частями с таким трудом и риском, оборвались как раз в тот момент, когда волнения в корпусе приобрели наибольший размах. Вскоре, однако, чехословацкая коммунистическая организация вновь возродилась под руководством и с помощью иркутских большевиков. Уже 6 августа агенту контрразведки 1-го полка чехословацкого корпуса, размещенного в Иркутске, стало известно о существовании тайной большевистской организации, в которую входили и чехи. Вскоре ему удалось проникнуть в нее¹⁶³. 21 августа тайное разведывательное отделение при штабе корпуса сообщило в штаб 1-й дивизии, что члены этой организации «создают в наших частях известные уже „пятерки“, работают очень осторожно и, кажется, даже с успехом»¹⁶⁴.

В начале сентября агентам тайного разведывательного отделения стало известно имя руководителя чехословацкой коммунистической организации в Иркутске. Им оказался бежавший 2 августа из рабочей дружины и скрывавшийся в деревне Мельниково А. Забранский. Как следует из многочисленных агентурных донесений, под руководством единого центра, находившегося в Иркутске, работали большевистские организации в Иннокентьевской, на Батарейной, в Усолье, Слюдянке, Канске, Ачинске, Черемхове. Следы вели также в Нижнеудинск и Читу. Чехословацкая коммунистическая организация имела связи с лагерями военнопленных, армейскими мастерскими, обозной ротой, рабочей дружиной, солдатами 2-го и 3-го полков.

Руководителем интернациональной партийной ячейки на станции Иннокентьевская, работавшей под руководством местной подпольной организации РКП(б) и насчитывавшей, по сообщению агентов, до 30 членов, являлся Ф. Кагоун¹⁶⁵. Из тех же источников поступали сообщения, что члены иркутской организации распространяли листовки, отдельные номера издававшейся в Брно левой социал-демократической газеты «Дельници денник» («Рабочая газета»), укрывали дезертиров, переправляли их потом в партизанский отряд Н. Каландарашвили, собирали средства для помощи заключенным, медикаменты и оружие. Организация, доносили агенты, испытывала серьезные материальные затруднения, прежде всего ощущался недостаток типографского приффа, краски, бумаги, а также взрывчатых веществ. Руководитель чехословацкой коммунистической организации А. Забранский имел связи с иркутским большевистским центром и участвовал в его совещаниях.

9 сентября А. Забранский и некоторые другие члены коммунистической организации были схвачены агентами чехословацкой контрразведки в Глазкове. В начале октября был арестован Ф. Кагоун. Й. Жальский и Я. Краткий были вновь отправлены на работу в угольные копи. Однако, как доносило 25 сентября разведывательное отделение 1-й дивизии, тайная коммунистическая организация продолжала свою работу. Теперь, по его сведениям, организацию возглавил Ян Дворжак¹⁶⁶. Усилия контрразведчиков разгромить организацию не увенчались успехом.

В первой половине сентября чехословацкая коммунистическая организация распространила по всей магистрали листовки Иркутского комитета РКП(б) с призывом к солдатам корпуса не медлить и встать на путь революционной борьбы, ибо «только общий союз с сибирскими рабочими и крестьянами даст вам возможность получить гарантию для отправки на родину через Советскую Россию»¹⁶⁷.

Чехословацкие интернационалисты на фронтах гражданской войны в конце 1919—1920 г.

Осенью 1919 г. инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к Красной Армии. Преследование разгромленной армии Колчака советским командованием было возложено на 5-ю армию. В связи с этим руководство политической работой на освобождаемой от белых и интервентов территории, а также в тылу врага в значительной степени сосредоточивалось в ее политотделе. Еще летом 1919 г. в составе политотдела была создана иностранная секция (четыре политработника), возглавляемая Я. Гашеком (позднее секция была расширена и преобразована в интернациональное отделение политического отдела 5-й армии).

Задачей секции было проведение организационно-агитационной работы среди иностранцев в Сибири. Наряду с изданием газет, листовок, воззваний, брошюр на венгерском, немецком, сербском и чешском языках, организацией митингов, собраний, концертов работники секции производили регистрацию иностранцев, формировали интернациональные подразделения Красной Армии.

В Уфе, Челябинске, Ишиме, Барнауле, Омске, Новониколаевске и других освобожденных городах отделением создавались организации иностранных коммунистов, а в интернациональных частях — коммунистические ячейки¹⁶⁸. В члены организаций принимались лишь те, кто активно участвовал в подпольной работе в тылу Колчака, а остальные — лишь как сочувствующие¹⁶⁹.

Интернациональное отделение вело агитационную и разведывательную работу в чехословацком корпусе и, как свидетельствуют документы, было хорошо информировано о настроениях солдатской массы в отдельных полках¹⁷⁰. Освобожденный из омской тюрьмы В. Петрас был прикреплен к уполномоченному ЦК РКП(б) при штабе 5-й армии специально для организации работы среди солдат чехословацкого корпуса¹⁷¹.

После падения Венгерской и Словацкой советских республик и занятия Киева Деникиным в сентябре 1919 г. в Москву возвратилось руководство ЦФИГ и национальных групп. С переездом ЦИК чехословацких групп в Москву была восстановлена прервавшаяся связь центрального руководящего органа с местными организациями и отдельными чехословацкими коммунистами, работавшими в различных уголках республики. Еще в августе из коммунистов, группировавшихся с мая 1919 г. вокруг Совета Чехословацких рабочих депутатов Петрограда, была создана новая местная партийная организация¹⁷². Согласно данным секретариата ЦИК Чехословацкой коммунистической группы, к концу 1919 г. существовали местные чехословацкие коммунистические организации в Москве, Петрограде, Тамбове, Старой Руссе, Угличе, Рассказове, Моршанске, Рузаевке, Метиле, Петрозаводске¹⁷³. Кроме того, следует назвать тульскую, симбирскую и челябинскую интернациональные организации, в которых было много чехов и словаков-коммунистов¹⁷⁴. В общем же к концу года секретариат располагал сведениями о 588 чехословацких коммунистах, находившихся на территории РСФСР (членов партии и сочувствовавших)¹⁷⁵. В это число, как и ранее, не включались чехословацкие коммунисты, входившие непосредственно в организации РКП(б), а также в интернациональную организацию Туркестана, связь с которой была установлена лишь в начале 1920 г. Между тем к октябрю 1919 г. Коммунистическая организация иностранных рабочих и крестьян Туркестанской республики объединяла 1545 человек, кроме того, в действовавших в Туркестане частях Красной Армии было более 3 тыс. интернационалистов, большинство которых также являлось членами партии¹⁷⁶.

Как в местных и армейских организациях, так и в республиканском руководящем органе — Краевом комитете партии — чехо-

словацкие коммунисты играли весьма заметную роль. С весны 1919 г. председателем Краевого комитета был бывший каменщик, член Чешской социал-демократической партии Австрии с 1898 г. Б. Свобода, вступивший в коммунистическую организацию в августе 1918 г. в Самарканде. Свобода являлся делегатом VIII съезда Советов Туркестанской республики, делегатом III краевого съезда РКП(б), членом Самаркандского областного, а затем и Краевого комитета РКП(б).

Одновременно с оживлением партийно-организаторской работы в соответствии с решением Всероссийской конференции РКП(б) группа активизировала политическое воспитание и теоретическое обучение членов партии. В Москве была продолжена работа курсов агитаторов, начатая еще в Киеве. В течение двух месяцев слушатели каждого выпуска (до конца года курсы закончило более 60 человек) познакомились с основами марксизма, Программой РКП(б), проблемами международной политики и советского строительства¹⁷⁷. До конца года группа перевела и издала работы В. И. Ленина «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Программу РКП(б), принятую VIII съездом, брошюру Н. И. Подвойского «Звезда Красной Армии», опубликовала книгу документов «Чехословаки в войне и революции»¹⁷⁸.

Созданная в конце сентября 1919 г. Военная комиссия ЦФИГ, в состав которой от Чехословацкой коммунистической группы входил Я. Пекса, перенесла центр формирования интернациональных частей на Урал¹⁷⁹.

Очевидно, с того времени и ЦИК Чехословацкой группы устанавливает более тесный контакт с политотделами 3-й и 5-й армий. Как отмечалось в отчете о деятельности группы за ноябрь 1919 г., вся агитационная работа ее членов была в основном сосредоточена на Восточном фронте¹⁸⁰. Здесь вновь была учреждена полевая типография, сюда главным образом направлялись издававшаяся в Москве политическая литература и газеты. Большая группа чехословацких коммунистов была отправлена в качестве инструкторов в различные части Красной Армии, действовавшие на Урале и в Сибири; в освобожденные районы были командированы члены ЦИК для организационно-политической работы среди военнопленных, а также несколько коммунистов для подпольной работы в корпусе¹⁸¹.

В Сибири между тем события приобретали все более грозный для колчаковцев и интервентов характер. 21 декабря 1919 г. началось антиколчаковское восстание в Черемхове — центре важнейшего угольного бассейна. 24 декабря оно перекинулось в Глазков — предместье Иркутска. Кроме рабоче-крестьянских дружин и партизанских отрядов, составной частью вооруженных сил иркутских повстанцев являлись интернациональные части. Они были организованы Центральным штабом рабоче-крестьянских дружин из иностранных рабочих-отходников, военнопленных окрестных лагерей, солдат чехословацких, польских, югославян-

ских, румынских строевых и нестроевых формирований, перешедших на сторону восставших.

В 20-х числах января 1920 г. иркутским большевикам удалось сформировать Интернациональный коммунистический полк, состоявший из чехословацкой, польской, корейской, немецкой, югославянской, китайской и венгерской дружин и караульной команды, общей численностью в 436 бойцов¹⁸². При штабе полка действовала коммунистическая ячейка, преобразованная в дальнейшем в интернациональную секцию при Иркутском губкоме РКП(б). В январе в немецкой, венгерской, чехословацкой и югославянской ячейках секции было 55 членов партии и 94 кандидата¹⁸³.

Чехословацкие коммунисты принимали самое деятельное участие в формировании интернационального полка. В Восточной Сибири им удалось, как отмечалось в одном из докладов интернациональной секции политотдела 5-й армии Сибирскому бюро РКП(б), создать также нелегальные коммунистические ячейки при штабе чехословацкого корпуса и при штабах 2-й и 3-й дивизий корпуса¹⁸⁴. Особенно эффективной была их работа среди солдат полков, расположенных в Иркутске и западней его¹⁸⁵. В работу чехословацкой коммунистической организации включались теперь и ушедшие из своих частей бывшие члены подпольных ячеек корпуса и освобожденные из иркутской тюрьмы А. Забранский, Й. Жальский, Р. Филип, Й. Марван, Й. Машек, К. Смишек, Й. Стухлы и др. Р. Филип командовал взводом, Й. Стухлы — батальоном, а потом и интернациональным полком. К. Смишек был избран секретарем полковой коммунистической ячейки. Председателем бюро чехословацкой организации при Иркутском губкоме РКП(б) стал Й. Жальский, а секретарем — Й. Марван¹⁸⁶.

Чехословацкая коммунистическая организация Иркутска, его предместий, близлежащих городов и поселков к весне 1920 г. насчитывала уже около 200 человек¹⁸⁷. Среди ее членов было не менее 35 человек, ранее содержавшихся чехословацким командованием в тюрьмах за политическую деятельность¹⁸⁸. Это были энергичные, опытные и убежденные пропагандисты революционных идей. С 17 февраля 1920 г. в Иркутске стала выходить еженедельная газета «Ческословенски комуниста» (с марта она стала называться «Комуниста»). Газета печаталась на русском и чешском языках тиражом 500 экземпляров и распространялась по всей Восточной Сибири¹⁸⁹. Материалы, публиковавшиеся газетой, листовки и прокламации, издававшиеся иркутской организацией, разъясняли солдатам сущность событий, пережитых ими в России, теоретически и политически вооружали их для предстоящей борьбы за установление действительного народовластия на родине.

Нелегально, минуя жандармские кордоны, скрываясь от полицейской слежки, возвращались на родину чехословацкие коммунисты. В течение 1919 г. для партийной работы на родине ЦИК

Чехословацкой коммунистической группы отправил, по одним сведениям, 132, а по другим — 164 человека¹⁹⁰. Политический опыт, приобретенный ими в революционной России, необходимо было всемерно использовать для активизации наступательных действий чехословацкого пролетариата. Вернувшийся после нескольких месяцев пребывания на родине секретарь ЦИК группы Я. Салат, а также побывавшие в Москве в 1920 г. руководители левых чехословацких социал-демократов и социалистов Б. Шмераль, А. Запотоцкий, И. Ольбрахт и др. настаивали на быстрейшей отправке всех способных партийных работников в Чехословакию. Эта задача и стала главной для созданного в марте 1920 г. Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Работой Центрального бюро руководил вначале Ф. Коза-Пермский, а после возвращения из Чехословакии Я. Салат. Бюро организовало пять областных и пять уездных отделений. Главное внимание, как указывалось в отчете Центрального бюро за 1920 г., уделялось работе в Сибири и Туркестане. Если к началу весны 1920 г. ЦИК Чехословацкой коммунистической группы имел сведения лишь о 302 коммунистах, то летом Центральное бюро получило более точные данные из Сибири, а осенью — из Туркестана, где было около 300 чехословацких коммунистов. Однако по-прежнему многие из чехословацких коммунистов не были учтены, так как находились в различных частях Красной Армии, действовавших в Средней Азии, Крыму, на Кавказе, Западном и Северном фронтах.

В течение 1920 г. Центральное бюро отправило на родину 308 чехословацких коммунистов, а за январь—май 1921 г. — еще 57¹⁹¹. Список коммунистов, уехавших в Чехословакию, составленный в конце декабря 1921 г., включал 468 фамилий¹⁹². Чехословацкие коммунисты везли с собой на родину новые переводы работ В. И. Ленина, Программу РКП(б), Конституцию РСФСР и другую марксистскую литературу. С ними был отправлен в Чехословакию и собранный членами коммунистической группы «Фонд для издания коммунистической литературы», предназначенный прежде всего для поддержки рабочих газет¹⁹³, а также многие документы об антисоветском мятеже чехословацкого корпуса.

По-прежнему серьезное внимание Центральное бюро уделяло политической работе среди возвращающихся на родину военнопленных чехов и словаков. «Наша задача, — писал товарищу в Вологду председатель чехословацкого отдела агитации и пропаганды при Петроградском губкоме, — создавать революционное настроение эвакуирующихся масс... Эвакуация долго не продлится, а потом, когда она кончится, мы эвакуируем сами себя в Чехословакию — на баррикады...»¹⁹⁴

Вплоть до отъезда на родину работали чехословацкие коммунисты во многих советских и партийных учреждениях, на промышленных предприятиях, в шахтах, больницах, сельскохозяйст-

венных коммунах¹⁹⁵. До последних дней гражданской войны сражались они на фронтах.

С декабря 1918 г. сначала во главе интернационального партизанского отряда им. III Интернационала, затем 2-го Интернационального им. К. Либкнехта полка и, наконец, 1-й Отдельной ферганской бригады интернационалистов громил басмачей в Ферганской и Алайской долинах Э. Кужело. В начале сентября 1920 г. он командовал Каттакурганской группой войск, штурмовавшей Бухару, в октябре его кавалерийская бригада преследовала банды Махно в Таврии, а затем до конца 1922 г. вновь сражался с басмачами в Туркестане. Двумя орденами Красного Знамени и золотым оружием были отмечены героизм и боевое мастерство Э. Кужело в годы гражданской войны¹⁹⁶. Вместе со своим наставником прошел славный боевой путь и его ординарец Й. Ганоусек (180 походов, 90 боев), награжденный за храбрость орденом Красного Знамени и золотыми часами¹⁹⁷.

В начале 1919 г. с Восточного на Западный фронт, в Эстонию, был переброшен комбриг Я. Штромбах. Осенью того же года во главе Пензенской сводной бригады Штромбах сражался с войсками Мамонтова и Шкуро под Воронежом и Касторной. С начала 1920 г. его бригада участвовала в операциях против Махно. Вплоть до весны 1921 г. 54-я бригада под командованием Штромбаха вела бои в Закавказье. За личную храбрость, мужество и умелое руководство частями бригады Я. Штромбах был награжден орденом Красного Знамени¹⁹⁸. На Северном Кавказе сражался сначала военком полка, а потом отдельной Таманской кавбригады 11-й армии Р. Дворжак. В этой же армии воевал комиссар 172-го полка 20-й стрелковой дивизии В. Форманек. В рядах 1-й Конной армии громили Врангеля и польских интервентов начальник 19-й кавалерийской дивизии В. Новотный, командующий артиллерией Донской дивизии Ф. Каплан, командиры полков И. Сикора и Я. Гойя, командир батареи Я. Шейфер, боец-артиллерист Б. Новак. Группой бронепоездов 13-й армии командовал Ю. Скалик, артиллерийским бортом бронепоезда им. Володарского — Ф. Краль. Разведкой Карельского фронта руководил А. Шипек. В разведотделе 3-й армии Западного фронта работал В. Щастный, а на самом юге страны возглавлял гарнизон Кушкинского укрепленного района военком К. Прохазка; командовал артиллерией Закаспийского фронта В. Почандо, добивал басмачей в Ферганской долине начальник уездной милиции Ю. Цмейрек.

Многие чехословацкие интернационалисты отдали свои жизни, защищая первую пролетарскую республику. От руки агента чехословацкой контрразведки погиб партизанский командир Вацлав Мировский, были повешены под Липягами попавшие в плен бойцы 1-го Чехословацкого революционного полка Алоис Скотак, Йозеф Поспишил и Людвик Оченашек. Пал в бою командир одной из рот этого полка Владимир Карник. Казнен под Екатеринбургом один из руководителей уральских интернационалистов; Вацлав Смрчка, а в Благовещенске — Суханек. Тиф скосил

С. Частека. В штыковой атаке под Перекопом погиб бывший командир 3-го Интернационального полка 1-й Интернациональной бригады Йозеф Нетик, в боях с семеновцами — командир роты 2-го Омского интернационального отряда Йозеф Гофман. На Дону под хутором Шемякиным окруженный врагами застрелился тяжело раненный комбриг Константин Галанц. А сколько безымянных могил, в которых покоятся чехословацкие бойцы-интернационалисты, осталось в снегах Сибири и песках Туркестана, на берегах Волги и Сиваша!

Многие чехословацкие интернационалисты — И. Шнеберк, Ф. Каплан, Ю. Волек-Хораз, Я. Сынек, Ф. Коза-Пермский и др. — после возвращения на родину влились в ряды левого крыла чехословацкой социал-демократии и внесли достойный вклад в борьбу революционных сил рабочего класса Чехословакии за создание в стране пролетарской партии нового типа. Оставшиеся в Советской республике Я. Штормбах, Э. Кужело, В. Почандо, А. Шинек, десятки и сотни других чехословацких интернационалистов приняли активное участие в строительстве социализма в Стране Советов, боролись за создание нового общества в первой стране победившей диктатуры пролетариата.

- ¹ Pochodeň. Petrograd, 1918. 19.II; Čecho-slováci ve válce a v revoluci. Kijev; Moskva, 1919. S. 136.
- ² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 97. Л. 20; Pochodeň. 1918. 14, 24.II; Veselý J. Češi a Slováci v revolučním Rusku, 1917—1920. Pr., 1954. S. 96.
- ³ См.: Правда. 1917. 9(22) нояб., 3(16) дек.; Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3(16) дек.
- ⁴ Pochodeň. 1918. 7.II.
- ⁵ Там же. 14.II.
- ⁶ Čecho-slováci ve válce a v revoluci. S. 135.
- ⁷ Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17(30) дек.
- ⁸ AVHŮ. OČSNR. Pres. Č. 4063.
- ⁹ Vznik KSČ: Sborník dokumentů, 1917—1921. Pr., 1981. Составители сборника ошибочно приняли Устав Чехословацкой рабочей организации в Москве за Устав Чехословацкой коммунистической группы РКП(б).
- ¹⁰ ГАОРСС МО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 1185. Л. 22; Социал-демократ. М., 1918. 17(30) янв.; AVHŮ. Svaz ČS. spolku. Kr. 9. Inv. Č. 48.
- ¹¹ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 18(31) янв.
- ¹² См.: Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 22 марта.
- ¹³ Dělnický deník. Brno, 1918. 22.IX; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 266. Л. 1; Československý deník. 1918. 22.IX; Průkopník. Moskva, 1918. 18.IV.
- ¹⁴ Dělnický deník. 1918. 22.IX.
- ¹⁵ См.: Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 27 февр.
- ¹⁶ AVHŮ. Svaz čs. spolku. Kr. 9. Inv. Č. 48.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 6 марта; Правда. 1918. 10 марта.
- ²⁰ AVHŮ. Korespondence presidia OČSNR. Č. j. 2652.
- ²¹ Svoboda. 1917. 2(15).XI.
- ²² Там же.
- ²³ Za svobodu: Obrázková kronika

- československého revolučního hnutí na Rusi 1914—1920. Pr., 1926. D. II. S. 730.
- ²⁴ Deník plukovníka Švece. Pr., 1921. S. 189—190.
- ²⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 251. Л. 18; Пролетарская мысль. Киев, 1917. 10(23) нояб.
- ²⁶ Svoboda. 1917. 2(15).XI.
- ²⁷ Там же. 9(22).XI.
- ²⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 97. Л. 20—21; Д. 253. Л. 49, 58, 61.
- ²⁹ Svoboda. 1917. 30.XI(13.XII).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 253. Л. 51.
- ³² Там же. Д. 97. Л. 20—21.
- ³³ Там же. Д. 251. Л. 13.
- ³⁴ Svoboda. 1918. 14.II.
- ³⁵ Там же. 21.II.
- ³⁶ *Veselý J. Češi... С. 82.*
- ³⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 330. Л. 94.
- ³⁸ Там же. Д. 257. Л. 18, 82; Д. 97. Л. 20.
- ³⁹ См.: Киевский арсенал в пролетарской революции. Киев, 1928. С. 127—128.
- ⁴⁰ Za svobodu. D. II. S. 840.
- ⁴¹ Svoboda. 1918. 14.II.
- ⁴² AVHÜ. MSV—Moskva, nesign., 1917—1918. Zápisy ze schůzi. С. j. 4206/1918.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М.; Л., 1928. Т. II. С. 32, 86—89, 127, 245, 295.
- ⁴⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 257. Л. 18, 82; Д. 97. Л. 20; ЦГАСА. Ф. 2831. Оп. 2. Д. 163. Л. 14; Československý deník. 1918. 21.V; Za svobodu. D. II. S. 818; *Veselý J. Češi... С. 87—89.*
- ⁴⁶ Průkopník. 1918. 27.III.
- ⁴⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 113. Л. 34.
- ⁴⁸ Muzeum Klementa Gottwalda: Protokoly výborových a členských schůzí Česko-slovenské dělnické organizace v Moskvě. S. 47.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. S. 49.
- ⁵¹ Там же. S. 50.
- ⁵² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.
- ⁵³ Průkopník. 1918. 11.IV.
- ⁵⁴ Там же. 18.IV.
- ⁵⁵ Там же. 17.V.
- ⁵⁶ Там же. 9.V.
- ⁵⁷ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 436. Л. 81.
- ⁵⁸ См.: Крестьянин и рабочий. 1918. 19 мая; Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 18 мая.
- ⁵⁹ Pravda. Vladivostok, 1918. 12 июня.
- ⁶⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 280. Л. 15—20; ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 49. Л. 3, 5.
- ⁶¹ AVHÜ. MV—VS (vnitřní poměry). K 85 «Štrombach»; *Vávra V. Jaroslav Štrombach: Severo-české nakladatelství. Ústí nad Labem, 1981.*
- ⁶² ЦГАСА. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Kvasnička J. Československé legie v Rusku, 1917—1920. Br., 1963.*
- ⁶⁵ ЦГАСА. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 и др.
- ⁶⁶ В ЦПА ИМЛ хранится «Именной список Чехословацкой Красной армии» (без даты), кончающийся порядковым номером 660 (Ф. 17. Оп. 1. Д. 264).
- ⁶⁷ Я. Гашек (будущий всемирно известный чешский сатирик) попал в плен осенью 1915 г., а весной 1916 г. вступил в Чешскую дружину. В Киеве он сотрудничал в газете «Чехослован». В начале 1918 г. Гашек порвал с филиалом Чехословацкого национального совета и в марте того же года вступил в РКП(б).
- ⁶⁸ AVHÜ. CsRA. Kart. 2. С. j. 330.
- ⁶⁹ Československá Rudá Armáda. Penza, 1918. 19.V.
- ⁷⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 280. Л. 19; Д. 283. Л. 176 об.
- ⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 441.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 426.
- ⁷³ Hlas revoluce. Pr., 1958. 21.V; *Kršiak M. V ruskej revolúcii // Revolučné roky: Spomienky na Októbrovu revolúciu a občanskú vojnu. Br., 1967. S. 162.*
- ⁷⁴ ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 59.
- ⁷⁵ Там же. Д. 44. Л. 53.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 15.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 69—70.
- ⁷⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 299. Л. 44а.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸¹ См.: Известия ВЦИК. 1918. 29 мая. Československá Rudá Armáda. 1918. 9.VI.

- 82 Ист. арх. 1957. № 4. С. 6.
- 83 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 217а. Л. 6.
- 84 Там же. Л. 6.
- 85 Там же. Л. 10.
- 86 Известия ВЦИК. 1918. 29 мая; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 217а. Л. 8.
- 87 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 217а. Л. 6.
- 88 Там же. Л. 10.
- 89 Průkopník svobody. 1918. 15.VI.
- 90 Там же. 19.VII.
- 91 Ист. арх. 1957. № 4. С. 8.
- 92 Правда. 1918. 10 авг.
- 93 ГАОРСС МО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 953. Л. 23.
- 94 См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922): Документы и материалы. М., 1957. С. 131, 150, 164, 165.
- 95 Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (далее — ПАНУ). Ф. 5. Оп. 6. Д. 100. Л. 2.
- 96 Ист. арх. 1957. № 4. С. 13.
- 97 Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 503.
- 98 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 280. Л. 19.
- 99 ЦГАСА. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 1. Л. 267—269.
- 100 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 283. Л. 176.
- 101 ЦГАСА. Коллекция послужных списков. № 241—246; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 323. Л. 44; *Vávra V. Jaroslav Štrombach*. S. 97—104.
- 102 *Vojoová píseň zněla...* Вр., 1958. С. 132.
- 103 См.: Воен.-ист. журн. 1965. № 6. С. 99.
- 104 Солдат революции. М., 1959. С. 15.
- 105 Южный фронт. Ростов н/Д, 1962. С. 43.
- 106 Ист. арх. 1957. № 4. С. 16.
- 107 См.: Там же. С. 16—17.
- 108 ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 361. Л. 1—17.
- 109 Там же. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 163. Л. 11.
- 110 Лит. газ. 1957. 24 окт.
- 111 ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 250. Л. 79—82; Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Документы и материалы. Саратов, 1958. С. 38.
- 112 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 299. Л. 102; Д. 289. Л. 32.
- 113 Там же. Л. 200; Д. 278. Л. 31; Д. 257. Л. 79. 119; Жизнь национальностей. 1919. 1 июля.
- 114 См.: Москвичи на фронтах гражданской войны. М., 1960. С. 214—227.
- 115 См.: Саратовская Красная газета. 1918. 2 июня.
- 116 Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 692. Оп. 1. Д. 6. Л. 585.
- 117 1917 год в Саратовской губернии. Сб. документов. Саратов, 1957. С. 405.
- 118 ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 757. Л. 29, 33; 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 144—147.
- 119 Пролетарий. Симбирск, 1919. 11 февр.
- 120 См.: Боевое содружество... С. 104—105; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 67. Л. 4.
- 121 См.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 243; *Генкин Л. Б.* Ярославские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Ярославль, 1958. С. 59.
- 122 См.: Боевое содружество... С. 176, 223, 224, 330 и др.; ЦГАСА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3. Л. 6; Оп. 1. Д. 275. Л. 76; Д. 387. Л. 134.
- 123 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 312. Л. 16—23; ЦГАСА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Д. 50. Л. 98; Д. 51. Л. 24—32.
- 124 См.: От Урала до Черного моря. Краснодар, 1928. С. 14—15.
- 125 ЦГАСА. Коллекция послужных списков. № 160—955; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 299. Л. 108; Воспоминания ветеранов Октября. Ярославль, 1957. С. 56.
- 126 ЦГАСА. Коллекция послужных списков. № 190—239; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 364. Л. 4; *Сойфер А.* Эрнст Францевич Кужело. Ташкент, 1961.
- 127 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 91.
- 128 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 96.
- 129 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 250. Л. 17.
- 130 Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 503.
- 131 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 279. Л. 69.
- 132 ЦГАСА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 550. Л. 68.
- 133 Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 104.

- Л. 109—110; Красная Армия. Пенза, 1918. 7 сент.
- 134 Фамилии его установить не удалось.
- 135 Партийный архив Свердловского обкома КПСС (далее — ПАСв. О). Ф. 41. Оп. 1. Д. 506. Л. 8.
- 136 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2. Л. 18.
- 137 Там же. Оп. 4. Д. 38. Л. 5.
- 138 Там же. Оп. 9. Д. 3. Л. 1—15; Д. 2. Л. 18.
- 139 За девять месяцев, указывалось в отчете, были созданы 32 новые местные организации с 1938 членами. Путем агитации в ряды Красной Армии было привлечено 2736 добровольцев из числа чехословацких военнопленных и солдат корпуса и созданы 11 отрядов, в которых состояло 5 тыс. бойцов. См.: Průkopník svobody. 1919. 9.III.
- 140 Там же.
- 141 См.: Киевский коммунист. 1919. 9 марта; Коммунист. Киев, 1919. 25 марта.
- 142 См.: Коммунист. Киев, 1919. 3 мая.
- 143 Pravda. Kijev, 1919. 24.V.
- 144 Vietor M. Slovenská sovietska republika v r. 1919. Bratislava, 1955. Dok. č. 37. S. 347.
- 145 Pravda. Kijev, 1919. 26.VI.
- 146 Боевое содружество... С. 184.
- 147 Vietor M. Slovenská... S. 351.
- 148 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 289. Л. 34, 48, 52.
- 149 AVHÜ. General ubytovatel. T. V. O. Kг. 10. С. 53.
- 150 См.: Колчаковщина. Екатеринбург, 1924. С. 197—198.
- 151 По данным колчаковских властей, к марту 1919 г. в них находилось около 26 тыс. человек. См.: ЦГАОР. Ф. 200. Оп. 9. Д. 19. Л. 48.
- 152 Омские большевики в борьбе за власть Советов. Омск, 1952. С. 155.
- 153 См.: Там же. С. 142, 164.
- 154 ПАНО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 124. Л. 11—12.
- 155 Там же.
- 156 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 163. Л. 14; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 315. Л. 76. В 1920 г. В. Петрас работал в штабе 5-й армии, потом руководил коммунистическими курсами в Москве, был председателем Чехословацкого совета, слушателем Коммунистического уни-
- верситета им. Я. М. Свердлова, делегатом II конгресса Коминтерна.
- 157 ПАНО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 139. Л. 155—161, 167.
- 158 ЦГАОР. Ф. 176. Оп. 3. Д. 14. Л. 132, 133; Ист. арх. 1961. № 1. С. 140—143.
- 159 ЦГАОР. Ф. 176. Оп. 3. Д. 14. Л. 134—135.
- 160 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 366. Л. 118—122; AVHÜ. General ubytovatel. Stražní služba. Kг. 6. С. 16.
- 161 ЦГАОР. Ф. 147. Оп. 10. Д. 20. Л. 120.
- 162 Там же. Л. 141.
- 163 AVHÜ. Stab I div. Kг. 12. I G/16.
- 164 Там же. General ubytovatel. T. V. O. Kг. 10. С. 53; Svodka. T. V. O. С. 1036. 7.IX. 1919.
- 165 После отказа работать в Анжерских копах он, а также Й. Жальский, Я. Краткий были отправлены в Иннокентьевскую и некоторое время работали здесь на интендантских складах (ЦПА ИМЛ. ф. 17. Оп. 1. Д. 330. Л. 84; Д. 310. Л. 12).
- 166 AVHÜ. Stab I div. Kг. 13. I G/22.
- 167 Там же. Kг. 12. I G/18.
- 168 См.: Боевое содружество... С. 208—209; ЦГАСА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 267. Л. 12; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1454. Л. 324.
- 169 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 93.
- 170 ЦГАСА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 797. Л. 27.
- 171 Там же. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 163. Л. 14.
- 172 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 290. Л. 58; АВП СССР. Ф. 138. Оп. 2. П. 1. Л. 5—6.
- 173 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 275. Л. 54—61; Оп. 7. Д. 86. Л. 6; Оп. 1. Д. 288. Л. 8—9.
- 174 Там же. Оп. 1. Д. 299. Л. 98; Оп. 11. Д. 322. Л. 4; Д. 325. Л. 7; Оп. 9. Д. 7. Л. 224—225.
- 175 Там же. Оп. 1. Д. 288. Л. 8—9.
- 176 Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 56.
- 177 Там же. Оп. 7. Д. 81. Л. 19—20, 41—64; Оп. 1. Д. 288. Л. 1—11.
- 178 Там же. Оп. 1. Д. 275. Л. 30; Д. 237. Л. 282.
- 179 ЦГАСА. Ф. 803/19. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—8; Д. 10. Л. 16; Д. 28. Л. 133.
- 180 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 30.
- 181 ЦГАСА. Ф. 803/19. Оп. 1. Д. 28. Л. 19. 57.

- ¹⁸² Боевое содружество... С. 217.
- ¹⁸³ Партийный архив Иркутского обкома КПСС (далее — ПАИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 172. Л. 43.
- ¹⁸⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.
- ¹⁸⁵ Archiv Ústavu marxizmu-leninizmu ÚV KSČ. F. 31. Kř. 12.
- ¹⁸⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 313, Л. 301—302; Д. 318. Л. 138—144, 246—264; Д. 320. Л. 46—66; ПАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 287. Л. 1—40.
- ¹⁸⁷ ПАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 284. Л. 73; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
- ¹⁸⁸ ПАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 287. Л. 1—40.
- ¹⁸⁹ В начале мая из-за недостатка бумаги издание газеты было прекращено. Всего вышло девять номеров. См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1, Д. 400. Л. 33.
- ¹⁹⁰ Там же. Д. 288. Л. 9; Оп. 9. Д. 2. Л. 16.
- ¹⁹¹ Там же. Оп. 1. Д. 331. Л. 18; Д. 332. Л. 29.
- ¹⁹² Там же. Д. 400. Л. 36—42; Д. 6. Л. 24—98; Д. 7. Л. 31; Д. 357. Л. 43; Д. 359. Л. 4; Оп. 7. Д. 86. Л. 6.
- ¹⁹³ К концу 1920 г. в этот фонд было собрано 564 256 руб. См.: Pravda. Moskva, 1921. 15.IV; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 335. Л. 21.
- ¹⁹⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 336. Л. 199.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 10. Л. 48; Д. 396. Л. 73, 80; Д. 405. Л. 35.
- ¹⁹⁶ ЦГАСА. Коллекция послужных списков. № 190—239.
- ¹⁹⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 357. Л. 27—28.
- ¹⁹⁸ ЦГАСА. Коллекция послужных списков. № 241—426; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 323. Л. 44.

ВЕНГЕРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ ОКТЯБРЯ

«Красные мадьяры» — так называли в грозные годы гражданской войны венгров-интернационалистов, с оружием в руках вставших под знамена Великого Октября в разных районах Советской России — от предгорий Карпат до Амура, от Петрограда и Нарвы до Средней Азии и Закавказья. Венгры-интернационалисты были частью международной армии трудящихся, выступившей на защиту Октябрьской революции.

Бессмертные идеи Ленина и воодушевляющие цели Великого Октября, писал Генеральный секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар, «увлекли за собой огромные массы сознательных венгерских трудящихся. Под влиянием этих идей почти 100 тыс. венгерских добровольцев из числа военнопленных, оказавшихся в России в годы гражданской войны, взяли за оружие и сражались за победу социалистической революции»¹.

Естественно возникает вопрос о причинах столь широкого участия венгерских военнопленных в вооруженной защите Страны Советов. Очевидно, что исчерпывающий ответ требует анализа всех основных предпосылок движения венгерских интернационалистов в их совокупности, т. е. прежде всего учета своеобразия исторического развития самой Венгрии. Без этого не может быть раскрыто во всем объеме и влияние Октябрьской революции на эту страну, результатом которого явилось провозглашение Венгерской Советской Республики. Движение венгерских интернационалистов возникло в России, на русской почве, но всеми своими корнями оно было органически связано с революционным процессом на родине, в стране с сильными революционными традициями, укоренившимися в национальном сознании ее народа. Накануне мировой империалистической войны в силу остроты раздиравших ее противоречий, разрешить которые могла только революция, Венгрия стала одним из слабейших звеньев в цепи империализма. В. И. Ленин еще в статьях, опубликованных в 1912—1913 гг., дал глубокий анализ социально-экономического развития Венгрии и пришел к выводу о сходстве его с Россией².

Венгерские военнопленные в первые месяцы социалистической революции

Одни из венгерских военнопленных искренне приветствовали победу Октябрьской революции, другие заняли резко враждебную позицию, третьи предпочитали воздерживаться от всяких проявлений одобрения или осуждения. К первым относились прежде всего убежденные социалисты, активные участники венгерского рабочего движения, которые, согласно определению заместителя главы находившейся в Москве австро-венгерской миссии по делам военнопленных Раабла, «были заражены революционными идеями уже дома»³. Вторую группу составляли почти целиком кадровые офицеры, профессиональные военные преимущественно дворянского происхождения. Основная же масса пленных, по свидетельству того же Раабла, «хотя и радостно встретила русскую революцию, но вначале сделала это не потому, что новые идеи в целом нашли их одобрение, а потому, что она обещала осуществление годами вынашивавшихся ими надежд (на возвращение домой.— Авт.), а также улучшение их материального положения»⁴. Чтобы перейти от симпатии к активным действиям в поддержку рабоче-крестьянского государства, массе пленных нужно было руководящее и направляющее воздействие их собственных политических организаций. Эта гигантская революционная задача выпала на долю самых передовых, самых сознательных из венгерских пленных — интернационалистов.

В распространении ленинских идей среди венгерских военнопленных немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в австро-венгерскую армию были мобилизованы многие деятели венгерского рабочего движения, в первую очередь социал-демократы, активно выступавшие против оппортунистического курса руководства Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ). Неудивительно, что в первых рядах среди руководителей развернувшегося в России движения интернационалистов была целая плеяда деятелей венгерского рабочего движения, прошедших школу классовой борьбы у себя на родине в предвоенные годы, социалистов с большим опытом партийной работы и значительным партийным стажем. Членами СДПВ были Фаркаш Лебович — с 1894 г., Карой Вантуш и Янош Ивани — с 1897 г., Ференц Янчик и Йожеф Рабинович — с 1901 г., Эрнэ Мюллер — с 1903 г., Нандор Орос — с 1904 г., Эрнэ Пор — с 1905 г., Эрнэ Зайдлер — с 1910 г. В СДПВ еще в довоенные годы вступили Карой Лигети, Тибор Самуэли, Эрнэ Руднянски, Карой Райнер и др. Они и многие другие социал-демократы явились продолжателями лучших революционных традиций венгерского рабочего движения. Уже одно это обстоятельство опровергает излюбленный тезис антикоммунистической пропаганды о том, что движение венгерских интернационалистов, возникшее в Советской России, не имело якобы корней, связывающих его с венгерской почвой,

и было оторвано от предшествующего ему социалистического движения Венгрии.

Выдающаяся роль в организации движения интернационалистов принадлежит Б. Куно. В 1903 г., будучи 16-летним юношей, он включился в рабочее движение и стал членом Социал-демократической партии Венгрии⁵. В 1905 г. за написание и распространение листовки, в которой были усмотрены подстрекательство и призыв «к насильственным действиям против власти», 20-летний социалист был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Накануне войны Б. Кун являлся одним из руководящих деятелей трансильванской организации венгерской социал-демократии. Призванный в армию, он в 1916 г. попал в плен и вскоре был направлен в томский лагерь. Здесь Б. Кун связался с существовавшим еще до Февральской революции революционным кружком офицеров, в который входили Эрнэ Зайдлер, Карой Райнер, Ференц Мюнних, Имре Силади. «С момента появления Бела Куна направление всей деятельности группы приняло решительно социалистический характер», — писал один из ее руководителей — Ф. Мюнних⁶.

Уместно отметить, что жизнь в лагерях для военнопленных офицеров не шла ни в какое сравнение с тем, что царило в солдатских бараках. В распоряжении пленных офицеров были библиотеки, они имели возможность изучать иностранные языки, заниматься спортом, играть в шахматы, устраивать театральные представления, бегать на коньках и т. д. В томском лагере было даже организовано нечто вроде кружка юристов, в который входили вместе с Бела Куном также Эрнэ Зайдлер и Карой Райнер.

Есть основания предполагать, что Бела Кун в конце 1916—начале 1917 г. вступил в контакт с сибирскими большевиками. Косвенное свидетельство тому — воспоминания В. М. Косарева, написанные в 1921 г. В них он описывает известный инцидент, связанный со столкновением между консервативным большинством офицерского барака и небольшой группой революционно настроенных офицеров, которые после свержения царизма обратились за поддержкой к руководимому Н. Н. Яковлевым и В. М. Косаревым Совету солдатских депутатов Томского гарнизона. «Бела Куна, — писал Косарев, — мы знали еще раньше — по его брошюрам, которые были переведены на русский язык. Он тогда почти не говорил по-русски»⁷. О связях Бела Куна с большевиками Сибири, и в частности с Н. Н. Яковлевым, упоминал в 1920 г. орган Томского губкома партии «Знамя революции»⁸. «В середине апреля 1917 г. к нам в партийный комитет явился чрезвычайно энергичный мужчина, человек лет тридцати: это был Бела Кун», — вспоминает Татьяна Сибирцева, член томской организации. Кун информировал комитет о деятельности группы пленных, попросил литературу и предложил установить регулярную связь между местным комитетом РСДРП и венгерскими военнопленными. С тех пор началась совместная работа обеих организаций⁹. Б. Кун быстро завоевал уважение и симпатии

томских революционеров¹⁰. О том, что Кун наладил связи с русскими большевиками еще до Февраля, вспоминал и его товарищ по лагерю Андор Келемен: «В том, что мадьяры все в большем числе принимали участие в нелегальном большевистском движении, большую роль сыграло то обстоятельство, что в лагере оказался и взял в свои руки руководство движением Бела Кун, который уже раньше на родине принимал участие в рабочем движении...»¹¹. От Томской большевистской организации Кун получал революционную литературу, и в том числе книги на немецком языке. Келемен видел его читавшим в лагерном бараке «Капитал» Маркса. Деятельность Бела Куна и его группы среди военнопленных в Томске приняла целенаправленный характер после того, как были установлены прочные связи с сибирскими большевиками. О его работе в Томске в период от Февральской революции до Октябрьской революции свидетельствует краткая запись, сделанная им в личной карточке (анкете) в 1921 г.: «С марта 1917 по октябрь 1917 — пропагандист и литератор в Томске, член городского комитета партии»¹².

Судя по статье В. М. Косарева «Мадьяры в Сибири в 1918 году», опубликованной в газете «Советская Сибирь» (Омск) от 20 марта 1921 г., пропагандистские материалы, доклады и лекции и т. д., написанные Бела Куном и переведенные на русский язык, способствовали распространению большевистских лозунгов и идей среди солдат гарнизона и округа.

Возникшие в Томске, Омске, Чите, Красноярске и других местах революционные группы, стоявшие сначала на антимилицаристской антивоенной платформе, а затем более крупные организации социал-демократов интернационалистов находились под влиянием местных большевистских организаций либо большевистских фракций РСДРП, действуя под их непосредственным руководством¹³, распространяя еще до Февральской революции среди военнопленных, находившихся в лагерях, а также работавших в промышленности и в сельском хозяйстве, идеи ленинизма¹⁴.

Вскоре после победы Февральской революции, в марте 1917 г., в Томске состоялась демонстрация и парад в честь памяти жертв царизма. На почетной трибуне среди приветствовавших участников парада частей гарнизона был и Бела Кун¹⁵, он выступил с краткой приветственной речью. В демонстрации участвовали семь офицеров-интернационалистов, а также рядовые пленные (Э. Зайдлер, К. Райнер, И. Силади и др.). Их головные уборы украшали красные ленточки. И на первомайской демонстрации 1917 г. по улицам Томска среди рабочих города шествовала колонна пленных во главе с Куном. Раздавались лозунги «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует мир между народами!»¹⁶. Бела Кун был одним из организаторов демонстрации, состоявшейся 28 мая (10 июня) в Томске в знак протеста против смертного приговора, вынесенного австрийским судом Фридриху Адлеру, убившему премьер-министра Штюргга. После демонстрации в ла-

гере произошли столкновения между офицерами, лояльно относившимися к Австро-Венгерской монархии, и рядовыми, протестовавшими против судебной расправы. Старший в лагере офицер полковник Планк организовал бойкот Бела Куна и его товарищам, обвинив их в «оскорблении величества». В середине октября 1917 г. по решению исполкома томского гарнизонного совета группа Куна в составе 12 человек (Мюнних, Рабинович, Бела Ярош, Зайдлер, Райнер и др.) была переведена из лагеря на городскую квартиру. В тесном сотрудничестве с большевиками группа включилась в работу местных советских и партийных органов. В лагерях тоже шла острая классовая борьба¹⁷.

28 октября (10 ноября) 1917 г. большевистская газета «Знамя революции», публикуя статью Б. Куна о положении крестьянства в Венгрии, назвала автора «выдающимся венгерским социалистом». Русская революция пробудила в нем надежду на то, что «вскоре и над венгерскими долинами взвоется красное знамя с надписью «Земля и Свобода». «Что бы ни говорили маловеры и враги русской революции,— писал Кун,— далеко разлетелись искры революции и из этих искр — в этом я убежден — по всей Европе разгорится пламя революции»¹⁸. Кун решительно выступал за конфискацию помещичьей земли. Он полагал, что землю, как и другие виды средств производства, нельзя оставлять в частной собственности, что она должна перейти в коллективное пользование крестьян и аграрного пролетариата.

1 (14) декабря 1917 г. Б. Кун в статье «Возможна ли революция в Германии?», опубликованной в газете «Сибирский рабочий», оценил события в Петрограде как «новый тип революции», как первую, не считая Парижской Коммуны, пролетарскую революцию, которая в соответствии «с внутренними законами развития общества становится международной революцией»¹⁹.

Партия большевиков со своей стороны оказывала всяческое содействие развитию революционных настроений среди военнопленных. В сентябре 1917 г. «Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» опубликовали воззвание группы пленных-социалистов читинского лагеря, возглавлявшейся Арманом Мюллером и Ференцем Штейнхардтом, призвавшие к созданию во всех лагерях комитетов и сбору подписей всех тех, кто поддерживал требование о немедленном прекращении империалистической войны и заключении мира. К тому времени в различных уголках России уже существовали и действовали при большой помощи со стороны большевистской партии различного типа организации австро-венгерских военнопленных, носившие по преимуществу профсоюзный характер. По некоторым данным, к началу сентября 1917 г. профсоюзы военнопленных в Сибири объединяли 25 тыс. членов. Отряды интернационалистов, созданные на заводе Гужона, Михельсона и других московских предприятиях, в октябрьские дни бок о бок со своими русскими товарищами сражались против частей, оставшихся верными Временному правитель-

ству. Вместе с ними в штурме Кремля участвовали также отряды Ш. Холлендера (из Серпухова) и отряд Ф. Янчика, прибывший из Иваново-Вознесенска. Они дрались и у Никитских ворот, и Курского вокзала, и у стен Кремля. Свидетель штурма Кремля, венгерский офицер Миклош Мартин, вернувшийся на родину в марте 1918 г., в своем показании, во время допроса в частности, заявил: «Многие наши унтер-офицеры артиллеристы помогали большевикам обстреливать Кремль, а одна пехотная рота из пленных также помогала им в боях...»²⁰

После Октябрьской революции наступил новый этап деятельности Б. Куна. В декабре он был вызван в Петроград²¹. Приехав в столицу, Б. Кун продолжал поддерживать связь с томскими большевиками. В январе 1918 г. в томской печати появилась его важная и в теоретическом плане статья «О революционном Интернационале», в которой отчетливо выражено понимание Куном выдвинутой Лениным исторической задачи создания нового, Коммунистического Интернационала²². В каждом шаге, в каждом действии рабочего класса России он видел проявление того, что «его дело перерастает национальные рамки» и стоит в непосредственной связи с делом победы социализма во всех странах. Прекрасным примером широты политических воззрений Б. Куна является статья «Рабочий класс и коммунизм». В центре внимания автора — вопрос о повышении производительности труда, проблемы критики и самокритики в государстве диктатуры пролетариата. Праздничное настроение, экстаз и опьянение от успехов революции, писал он, не должны помешать нам критически и самокритически относиться к успехам. Русские рабочие, одержавшие блестящие победы на поле боя, на улицах и площадях, теперь должны перенести свою деятельность на заводы и служить производственному процессу, являющемуся «источником жизненной силы пролетарского государства»²³. Организация производства — актуальнейшая задача пролетариата, писал Б. Кун.

В конце 1917 — начале 1918 г. в связи с подготовкой к мирной конференции в Бресте возникла необходимость создания специальной группы из революционно настроенных военнопленных Германии и Австро-Венгрии при Наркоминделе, которая могла бы содействовать переводу соответствующих материалов для переговоров, а также других материалов, предназначенных для распространения среди солдат германской и австро-венгерской армий. В декабре же в Петроград стали прибывать выделенные для этой работы и рекомендованные местными партийными и советскими органами товарищи из Москвы, Серпухова, Томска и других городов. Среди первых венгерских интернационалистов, включившихся в эту работу, были Шандор Холлендер и Эндре Руднянски, которым при поддержке отдела печати Наркоминдела довольно быстро удалось наладить издание первой на венгерском языке газеты в России — «Немзеткэзи социалишта».

В числе венгерских коммунистов, направленных партией в Петроград, был и Б. Кун. По прибытии в Петроград Бела Кун побывал в Наркоминделе и в редакции «Правды». Затем он направился в Смольный. Его сопровождал венгерский интернационалист Пал Михайфалви, который русским владел тогда лучше, чем он, и помогал Куну как переводчик. В Смольном (предположительно между 6 и 12 января 1918 г.) состоялась первая встреча Бела Куна с В. И. Лениным. О ее содержании можно судить лишь по воспоминаниям П. Михайфалви, записанным спустя шесть десятилетий. В. И. Ленина, разумеется, в первую очередь интересовали вопросы, связанные с положением военнопленных, их политическими настроениями. Вопросы, поставленные Владимиром Ильичем, были точны и целенаправлены, поскольку он уже располагал определенной информацией о работе Куна в Томске²⁴.

Сам по себе тот факт, что вождь революции, перегруженный заботами громадной государственной важности, нашел время и возможность для беседы с Куном, со всей очевидностью свидетельствует о значении этой встречи и обсуждавшихся на ней вопросов. Проблемой номер один уже в то время являлось обеспечение защиты первого рабоче-крестьянского государства от возможного нападения извне и контрреволюционных выступлений внутри страны. В обстановке, когда в стране находились сотни тысяч бывших солдат и офицеров армии Австро-Венгрии и Германии, вопрос о том, чью сторону они примут, отнюдь не являлся теоретическим, а приобретал большое политическое значение. Советскому народу, не могло быть безразличным, будут ли бывшие военнопленные его союзниками или врагами, будут они резервом контрреволюции или революции. Тем более что наиболее сознательные из военнопленных изъявляли готовность защищать отечество трудящихся всего мира всеми средствами. Об этом говорилось на заседании Петроградского Совета уже в начале декабря²⁵.

Первостепенную важность приобретала задача организации революционной работы в армиях Германии и Австро-Венгрии. И в эту работу могли внести полезный вклад военнопленные. Нужны были опытные организаторы и пропагандисты, преданные Октябрю, делу мировой революции, умеющие говорить с солдатами вражеских армий на их родном языке. Всем этим требованиям отвечал Бела Кун, хорошо владевший и немецким языком и, главное, одинаково свободно владевший и пером и живым словом. Сказанное объясняет не только его появление в Петрограде, а затем и в Москве, но также содержание состоявшегося в рабочем кабинете Председателя Совнаркома разговора. Косвенно об этом свидетельствует та многосторонняя деятельность Бела Куна, которая началась сразу же после встречи с вождем революции. Он принимает активное участие в организованной Наркоминделом работе по изданию и доставке на фронт революционной литературы. Через несколько дней после встречи в Смольном по по-

ручению отдела военнопленных Наркоминдела Кун выезжает в Москву, где работает в тесном контакте с одним из руководителей Московского военного округа, А. Я. Аросевым, участвует в совещании, на котором обсуждался вопрос о формировании двух дивизий из военнопленных. Здесь Бела Кун с Виктором Аради и Ференцем Янчиком представлял Московский комитет интернационалистов в качестве его члена. Вместе со старым партийцем А. Я. Аросевым он отстаивал точку зрения, согласно которой следовало немедленно приступить к созданию в рамках формировавшихся организаций военнопленных-интернационалистов партийных ячеек по языковому принципу. Решение о создании социал-демократического революционного центра было принято 17 февраля 1918 г. в Петрограде на собрании около 2 тыс. военнопленных, на котором с речью на венгерском языке выступил Бела Кун. Центр должен был объединить все существовавшие к тому времени организации в интересах «русской рабоче-крестьянской революции и социальной революции в Австро-Венгрии». 24 февраля 1918 г. в Москве под председательством Бела Куна состоялось совещание делегатов, представлявших 29 тыс. революционно настроенных военнопленных Московского военного округа, на котором обсуждались практические вопросы формирования интернациональных частей Красной Армии²⁶.

С началом германского наступления в феврале 1918 г. кратковременная мирная передышка закончилась и для интернационалистов. Реакция на попытку германского и австро-венгерского империализма задушить республику была мгновенной. 23 февраля газета венгерских интернационалистов обратилась к военнопленным с призывом: «К оружию! В опасности общая родина социалистов!.. Вступайте, наши братья, в нашу Красную Армию, чтобы спасти русскую революцию, чтобы начать с оружием в руках борьбу за освобождение венгров, венгерских рабочих, венгерских крестьян. К оружию! За землю, за хлеб, за мир, за свободу»²⁷.

Позиция, занятая венгерскими коммунистами, была предельно ясной, четкой, до конца интернационалистской. В ней воедино сливались национальные и международные задачи пролетариата, причем в соответствии с конкретно-исторической обстановкой на первый план ставились задачи общие, международные, а именно вооруженная защита единственного тогда социалистического государства. Союз военнопленных социал-демократов интернационалистов Московского военного округа на заседании, проходившем под председательством Бела Куна, постановил привлечь в ряды Красной Армии всех своих пригодных для этого членов²⁸. Вместе с частями нарождавшейся Красной Армии на фронт против наступавшей на Петроград армии кайзеровской Германии выступили и интернационалисты. Небольшой отряд венгерских бойцов, руководимый Бела Куном и Эрнё Пором, принял первое боевое крещение под Нарвой, в строю балтийских мо-

ряков, которыми командовал П. Е. Дыбенко. Венгерский отряд, как вспоминал позднее Э. Пор, был вскоре разбит²⁹, но его участие в историческом сражении под Нарвой, оповестившем мир о рождении Красной Армии Страны Советов, стало символом боевого сотрудничества двух народов. В 1927 г., когда Бела Кун был награжден орденом Красного Знамени, в приказе Реввоенсовета отмечалось, что он был организатором «первого боевого отряда иностранных рабочих против германских империалистических оккупантов»³⁰.

26 февраля из Москвы на германский фронт выступил отряд венгерских, австрийских, немецких интернационалистов (около 400 бойцов). Отряд сражался в районе Чернигова и Гомеля. В масштабах всей России о готовности участвовать в отражении германского наступления заявили около 150 тыс. военнопленных. Отряды интернационалистов участвовали также в боях под Псковом и Минском, на Украине.

Помимо Томска, важнейшим центром венгерского интернационалистского движения был Омск. Здесь также еще до Октябрьской революции сложилась интернациональная организация пленных во главе с венгерскими социал-демократами. Й. Фодором, Й. Шомяи, Й. Шомоди, Е. Витрейхом, австрийцем Карлом Томаном и немцем В. Раковым. В Омске же находился и один из виднейших деятелей венгерского интернационалистского движения, Карой Лигети.

Сын кузнеца, К. Лигети после окончания школы работал на авторемонтном заводе в Будапеште, где вступил в социал-демократическую партию. Вскоре он стал сотрудничать в качестве внештатного корреспондента в центральном партийном органе — газете «Непсава» («Голос народа»). В начале войны он был призван в армию, направлен на сербский, а затем на русский фронт. В 1916 г. во время брусилковского прорыва Лигети попал в плен. Из лагеря в Коврове в конце февраля 1917 г. Лигети был переведен в Иваново-Вознесенск, где и произошло его первое близкое знакомство с русским революционным движением. Здесь он принимал деятельное участие в создании социалистической организации военнопленных. На Лигети, как и на других пленных-социалистов, большое впечатление произвела Февральская революция. На первомайском митинге 1917 г. Лигети выступил с речью перед демонстрантами.

Стремясь избавиться от энергичного социалиста, военные власти в начале сентября перевели его подальше от революционных центров европейской части России — в Омск. Здесь он стал душой организации военнопленных. Лигети одним из первых венгерских революционеров пытался извлечь уроки из событий в России для будущей венгерской революции. Еще в августе 1917 г. он писал, имея в виду революционный захват земли, что русскую революцию лучше всего поймет венгерский крестьянин: «Он поймет этот шаг русского крестьянина во всей его глубине и революционном величии...»³¹.

Накануне октябрьских событий Лигети с помощью омских большевиков организовал боевую дружину военнопленных, а также тайный склад оружия в лагере. Под его руководством группа омских интернационалистов стала надежным оплотом и верным помощником Советской власти. 8(21) декабря 1917 г. митинг военнопленных омских лагерей принял текст приветственного обращения к Советскому правительству. В обращении, подписанном К. Лигети, Й. Фодором и др., говорилось: «Товарищи! Мы стали союзниками русской революции и идем теперь вместе с вами». Во имя успешной борьбы против врагов революции они просили предоставить военнопленным гражданские права, чтобы они имели возможность «свободно учиться, равно и учить друг друга»³².

Тесная связь венгерских интернационалистов с Омским комитетом партии большевиков оказала решающее влияние на идейный рост и организационное оформление движения военнопленных.

31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) президиум Омского Совета удовлетворил просьбу группы венгерских революционеров об организации «партийного комитета венгерских социал-демократов (большевиков)», который должен был работать в рамках общей большевистской организации³³. Что касается Лигети и его единомышленников, то они фактически еще до Октябрьской революции действовали как большевики и таковыми себя считали. «Мы все являемся большевиками,— писал Лигети 10(23) октября,— и домой будем посылать большевистских людей, понимающих толк в баррикадных боях»³⁴.

Цели, задачи, а также принципы организационного строения венгерской партийной ячейки были разработаны К. Лигети и его товарищами на основе Программы и Устава РСДРП(б), с учетом специфики движения интернационалистов. По их замыслу в целях облегчения агитации партийная организация иностранных рабочих создавалась из национальных групп. Возглавляться они должны были общим центральным комитетом и избираемым последним исполкомом. Национальные группы должны были решать две основные задачи: воспитание, обучение и подготовка пролетарских масс к грядущей социальной революции и защита русской революции морально, а в случае нужды и с оружием в руках от любых ее врагов. В перспективе предусматривались свержение монархии и власти буржуазии на родине, национализация промышленности и банков, передача земли крестьянам без всякого выкупа. Ближайшей, конкретной задачей партийных организаций в лагерях являлось создание выборных коллегий, призванных заменить старую администрацию лагерей, и формирование Красной Гвардии для охраны и поддержания порядка в них. Четко было определено, что иностранные партийные ячейки являются частью организаций РСДРП(б)³⁵. Предусматривалось, что партийная организация интернационалистов будет представлена в местных органах власти.

На собрании венгерской организации, состоявшемся 8(21) января 1918 г., по сообщению газеты «Революционная мысль», присутствовали «и румыны, знакомые с венгерским языком»³⁶. С большой речью об Октябрьской революции и задачах интернационалистов выступил К. Лигети. 300 участников собрания единогласно приняли резолюцию, выражавшую решительный протест против захватнических планов Центральных держав и требовавшую от правительства Австро-Венгрии немедленного прекращения войны, заключения мира без аннексий и контрибуций. Венгерские и румынские интернационалисты заявили, что будут до конца защищать русскую революцию, «ибо с гибелью русской революции погибло бы навсегда дело освобождения человечества...». В резолюции выражалась надежда на то, что после заключения демократического мира «все народы Венгрии получат автономию»³⁷.

17 февраля 1918 г. общее собрание партийной организации интернационалистов, на котором присутствовали 612 из 867 членов партии, избрало членами Омского Совета К. Лигети, Й. Рабиновича и Й. Шомяи³⁸.

После создания коммунистической организации заметно ускорился процесс идейно-политической эволюции венгерских интернационалистов.

Благодаря помощи местных партийных и советских органов и поддержке Всероссийского бюро пленных ВЦИК было начато издание редактировавшейся К. Лигети газеты «Форрадалом» («Революция»). Первый номер газеты вышел 10(23) февраля 1918 г.

В первом номере газеты было помещено подписанное Лигети «Обращение к венгерским рабочим и крестьянам», в котором разоблачались истинные виновники империалистической бойни. Обращаясь к господствующим классам Венгрии, Лигети писал: «Нам не нужен разбой, нам не нужны кровавые плоды порабощения других народов! Мы, венгерские неимущие, венгерские трудящиеся, люди созидания, очень хорошо знаем, что, если даже территория Венгрии увеличится в десять раз, трудящемуся народу от этого никакой пользы не будет. Нам не нужно ни пяди чужой земли,— писал далее Лигети,— нам достаточно и той, что вы держите в ваших паразитических руках и которую мы у вас отберем»³⁹. Лигети обвинял господствующие классы Венгрии в том, что они сеяли национальную ненависть, чтобы помешать объединению угнетенных трудящихся. «Вы разделяли нас, чтобы господствовать над нами всеми. Но знайте, что страдания, которые стали уделом мадьяра, румына, серба, хорвата, словака, в равной мере научили нас видеть правду, которую так трусливо вы скрывали от нас... Знайте же,— заявлял Лигети,— что мы, которые по вашему наущению ненавидели и преследовали друг друга, мы все объединились под красным знаменем социализма для борьбы против вас»⁴⁰.

Отдельные материалы, а в некоторых случаях целые номера венгерской газеты «Форрадалом» печатались на румынском

языке; в газете публиковались также материалы на немецком, чешском, словацком языках⁴¹.

Омская организация интернационалистов строго соблюдала принципы национального равноправия и интернационализма. В лагерной коллегии, руководящем органе лагеря, каждая национальная группа была представлена пропорционально своей численности. Коллегия положила конец хищениям и, по признанию представителя шведского Красного Креста, улучшила материальное положение пленных, добившись равномерного распределения табака, сахара и других продуктов⁴².

Революция резко обострила противоречия, разделявшие массу пленных, одну часть которых составляли несколько десятков тысяч офицеров, выходцев из привилегированных слоев венгерского общества, а другую, исчислявшуюся сотнями тысяч — рядовые и примкнувшие к ним офицеры из рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. Конфликт между этими двумя антагонистическими силами явился специфической формой проявления классовой борьбы среди военнопленных.

После установления Советской власти революционно настроенные пленные взяли управление лагерями в свои руки. Офицеры читинского лагеря жаловались представителям Красного Креста, что «вступившие в Красную Гвардию пленные чехи, хорваты и мадьяры срывают с них знаки различия и отличия и хотят объединить офицеров в одну категорию с рядовыми»⁴³.

Руководимая венгерскими интернационалистами лагерная коллегия в Омске 1(14) апреля 1917 г. лишила офицеров их денщиков и потребовала, чтобы офицеры сами занимались уборкой помещения, двора и прочих мест. Кроме того, часть благоустроенных офицерских барачков была отведена больным и инвалидам независимо от ранга и звания.

Представитель Красного Креста граф Бонде с возмущением писал в своем отчете о посещении омского лагеря, что «Лигети, руководитель агитации среди военнопленных», склонил на свою сторону 300 пленных и даже в его, графа, присутствии «держал вместе с товарищами мятежные речи». Подводя итоги увиденному, граф должен был признаться: «Революционные идеи нашли благоприятную почву именно среди военнопленных»⁴⁴.

Реакционные офицеры стремились угрозами и нередко угрозами удержать рядовую массу от выступлений на стороне русских трудящихся. В троицком лагере, вспоминал венгерский интернационалист Ференц Ери, офицеры говорили, что «военнопленные никакого отношения к русской революции не имеют», и даже угрожали активистам расстрелом по возвращении на родину за нарушение присяги. Несмотря на их усилия, в Красную Гвардию здесь вступило «несколько десятков пленных»⁴⁵.

В Оренбурге дело дошло до вооруженного выступления контрреволюционных элементов из среды военнопленных: в боях против красногвардейских частей здесь приняли участие вооруженные Дутовым военнопленные-офицеры⁴⁶. После перехода власти

в городе к Совету интернационалисты произвели в лагере обыск с целью изъятия оружия, спрятанного офицерами. Об остроте классовой борьбы среди военнопленных свидетельствуют события в Троицке во время боев против Дутова, описанные их очевидцем: «В одном из последних декабрьских дней 1917 г. в штаб 17-го Сибирского полка пришла группа военнопленных. Венгры заявили о своем желании защищать русскую революцию. Их зачислили в полк. Лагерь военнопленных раскололся на две враждебные группы... Когда вторая группа венгров, следуя примеру своих товарищей, захотела выйти из лагеря, чтобы тоже вступить в красный полк, дорогу им преградили офицеры и кучка их сторонников. Началась жестокая драка... утром возле Менового двора нашли в придорожной канаве трех избитых и связанных военнопленных. Это были венгерские социал-демократы, над которыми учинили „темную“ их офицеры за то, что они вели в лагере революционную агитацию»⁴⁷. Тем не менее в полк вступили несколько сот мадьяр, сражавшихся против казаков Дутова в составе интернационального батальона под командованием Енё Лауфера.

В этой открытой классовой борьбе на стороне рядовой массы пленных стояли рабоче-крестьянское государство и местные советские и партийные органы; офицерская же каста находила неизменную поддержку у правительств Австро-Венгрии и Германии, у представителей международного Красного Креста. Бонде 16(29) декабря 1917 г. заявил официальный протест Омскому Совету, потребовав от него запрещения всякого участия пленных в политических демонстрациях и привлечения к ответственности К. Лигети и других революционных руководителей, виновных в «подстрекательстве рядовых военнопленных, которые нарушают мир в лагере и угрожают личной свободе лояльных солдат и офицеров»⁴⁸.

Заключение Брестского мира еще более осложнило обстановку в лагерях. Офицеры и их покровители становились все более наглыми и бесцеремонными. В Омский Совет явились два офицера и потребовали полного восстановления в лагере старых порядков⁴⁹. Совет отклонил требования австро-венгерских офицеров.

Решительные действия омских интернационалистов привлекли к их организации внимание военнопленных всех лагерей Сибири. После начала издания газеты «Форрадалом» из всех уголков Сибири к ним стали обращаться с письмами, с просьбами о помощи, о присылке газет и агитаторов. С помощью омских интернационалистов в феврале—марте 1918 г. были созданы организации пленных в Троицке, Инсаре, Марьяновке, Исилькуле, Татарске, Ачинске и других местах.

Разъясняя пленным мировое значение русской революции, газета «Форрадалом» писала: «Каждый пролетарий должен понять, что русская революционная Республика — священное сокровище пролетариата всего мира, гарантия грядущей мировой свободы, которую каждый рабочий, если нужно, должен защищать с ору-

жем, ценой собственной жизни, с какой бы стороны ни угрожала ей опасность... Интернационалистские организации,— констатировала газета,— должны воспитывать сознательных революционеров, готовить их к бескомпромиссной классовой борьбе»⁵⁰.

Газета «Форрадалом» оказала большую помощь вновь возникшим интернационалистским организациям Сибири.

Ленинизм и практика Октябрьской революции помогли наиболее революционным представителям венгерского рабочего движения критически пересмотреть и переоценить всю ту сумму представлений и систему взглядов о формах классовой борьбы и задачах рабочей партии, которые проповедовались и насаждались в рабочем движении партиями II Интернационала в довоенные годы. В этом отношении весьма примечательна статья К. Лигети «Коммунизм», опубликованная в «Форрадаломе» 21 апреля 1918 г. В ней он решительно отмежевывался от старой социал-демократии, которая изменила революционному учению Маркса, отреклась от революционного прошлого и, постепенно сближаясь с радикальными буржуазными партиями, превратилась в пособника империализма. Последний толчок к признанию революционными элементами венгерской социал-демократии необходимостью открытой и бескомпромиссной борьбы вплоть до разрыва с партиями II Интернационала дали, по-видимому, VII съезд РКП(б) и его историческое решение о переименовании партии в коммунистическую партию. Касаясь этого решения, Лигети писал: «Организации военнопленных в России тоже присоединяются к этой позиции... Они тоже вместе с соглашательской официальной политикой социалистов отбрасывают от себя и то последнее, что связывает их с предателями социализма,— они отбрасывают социал-демократическое название и принимают новое название... Мы — коммунисты», — этими гордыми словами закончил свою статью К. Лигети⁵¹.

Венгерские коммунисты хорошо знали нужды, потребности и настроения массы пленных. Особую сложность представляло для них ведение просветительской и организационной работы среди той части крестьян-пленных, которые на родине не принимали участия в политических и экономических выступлениях и организациях деревенской бедноты и которых на родине еще не коснулась социалистическая агитация. А в лагерях они составляли большинство. Кажущиеся простыми, ясными и понятными для каждого рабочего идеи пролетарского интернационализма и рабочей солидарности пленными крестьянского происхождения усваивались с трудом. Естественно, что и к тем из военнопленных, кто еще находился в поисках своего места в политической борьбе, венгерские коммунисты относились не как к противнику, а как к потенциальному союзнику.

Поскольку с самого начала революции обнаружилась невозможность склонить основную массу пленных к прямым антисоветским выступлениям, а также из опасения сыграть на руку Антанте, после заключения Брестского мира реакционное австро-

венгерское офицерство главным образом стремилось любыми способами удержать военнопленных от активной поддержки Советского государства. Контрреволюционные офицеры остерегались вести открытую антисоветскую пропаганду в лагерях, предпочитая указывать на необходимость соблюдения нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России. В иркутском лагере, где организация интернационалистов вначале была несравненно более слабой, чем, скажем, в Омске, офицерская пропаганда добилась определенных успехов. Подполковник Шамбергер и капитан Деак убеждали пленных, что воинский долг и присяга запрещают им заниматься политикой в плену; что же касается проблем, их волнующих, то они могут разрешить их дома, законным путем. Шамбергер и Деак рекомендовали рядовым бойкотировать собрания и митинги. Однако, как писали они сами, эти указания «венгерские солдаты нарушали в массовом порядке»⁵².

Еще в декабре 1917 г. в первом номере газеты «Немзеткези социалишта» было опубликовано письмо военнопленного социал-демократа из лагеря в Вологде, отражавшее настроение многих венгерских военнопленных. «Зная самоотверженную приверженность моих товарищей к нашим идеям и выражая мнение многих десятков тысяч наших товарищей, находящихся в русском плену,— писал автор письма,— заявляю, что мы все готовы предложить свои услуги народному правительству русской революции, и как интернациональные социалисты мы были бы счастливы, если бы могли помочь нашим русским товарищам в борьбе против общего врага — буржуазии»⁵³.

Партия большевиков, В. И. Ленин еще до Октябрьской революции видели в военнопленных союзников русских рабочих и крестьян в борьбе против войны, эксплуатации и гнета. Партия проявляла огромную заботу о политическом воспитании пленных, об их материальных нуждах и духовных запросах. Фракция большевиков в марте 1917 г. предлагала Петроградскому Совету заняться положением и делами военнопленных, оказать им помощь. Облегчение участи находившихся в плену иностранных трудящихся большевики считали своим интернациональным долгом, «звеном на пути восстановления нарушенного войной взаимного доверия между рабочими воюющих стран, шагом на пути к укреплению солидарности рабочих всего мира»⁵⁴. В русле этой политической установки действовали и коммунисты в местных организациях РСДРП, создавая условия для вступления в ряды партии иностранных трудящихся. Уже в декабре 1917 г. членами судженской партийной организации были 100 военнопленных (из общего числа 375), анжерской — 200 (из 700) и т. д.⁵⁵

Начало деятельности Венгерской группы РКП (б)

Идея создания массового движения интернационалистов, организованного во всероссийском масштабе и централизованного, созревшая еще до Октября, обрела реальную почву уже в ходе триумфального шествия власти Советов. С инициативой ее осуществления выступили московские и серпуховские интернационалисты. «Мы, военнопленные завода Гужона, — писали они в официальном обращении в Московский Совет солдатских депутатов 30 ноября (12 декабря) 1917 г., — нуждаемся в профессиональной организации по всей России»⁵⁶.

Состоявшееся в Колонном зале Дома союзов собрание 1200 представителей различных организаций пленных Московской и Тверской губерний, заверившее Советское правительство в своей полной поддержке, стало важным рубежом в истории движения интернационалистов. Принятая на нем резолюция осудила не только империалистическую войну, но и соглашательскую политику лидеров II Интернационала⁵⁷.

Вторым важным шагом стала конференция военнопленных социал-демократов в Москве 17(30) декабря 1917 г., 200 делегатов которой представляли 20 тыс. пленных Московского военного округа. Ее участники приветствовали подлинно интернационалистскую политику партии большевиков. В центре внимания стояли вопросы, связанные с подготовкой социалистов к грядущим классовым битвам на родине⁵⁸. Конференция объявила о создании Совета военнопленных социал-демократов интернационалистов Московского округа.

В речи, произнесенной на митинге в Политехническом музее 16 апреля 1918 г. по случаю начала работы Всероссийского съезда военнопленных, Б. Кун следующим образом определил задачи движения интернационалистов по возвращении на родину: «Оказать помощь тем, которые уже пробуждаются, тянутся к движению», «Расскажите вашим братьям, что произошло здесь, скажите им, что только революция может спасти нас»⁵⁹. Венгерские интернационалисты приняли самое активное участие в работе съезда: помимо Куна, в их числе были Ференц Янчик, заместитель председателя Московского комитета, Янош Майтени, который был избран секретарем съезда, Карой Вантуш, бывший до мобилизации в австро-венгерской армии одним из секретарей СДПВ, приехавший из Донбасса. В состав избранного съездом Центрального Исполнительного комитета Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян вошли двое мадьяр (Янчик и Вантуш). Вновь созданная массовая организация интернационалистов получила название «Комитет иностранных рабочих и крестьян». Как свидетельствует И. И. Ульянов, в развернувшуюся работу по организации движения во всероссийском масштабе «с особенно большой энер-

гией включалась венгерская группа, которой руководил товарищ Бела Кун»⁶⁰.

Накануне всероссийского съезда военнопленных правительство вильгельмовской Германии, встревоженное бурным ростом революционных настроений среди пленных, 19 апреля потребовало отделения «своих» военнопленных от австрийских и венгерских, опасаясь, что последние могут «заразить» бывших солдат германской армии⁶¹. Попытка вмешательства германского империализма в естественный процесс революционного развития движения вызвала бурное негодование со стороны сочувствующих русской революции иностранных трудящихся. Выражая их настроения, печатный орган Венгерской группы РКП(б) заметил, что начавшееся широкое движение среди масс пленных «уже нельзя остановить, нельзя запугать, нельзя задушить. Это уже начало бури, той бури, которая сметет капиталистов, пишущих подобные ноты и посылающих запреты»⁶².

В отличие от Всероссийского съезда съезд интернационалистов Сибири (15—25 апреля 1918 г.) в Иркутске избрал несколько иной путь организации движения, соединив партийное и массовое начало и образовав Коммунистическую (социал-демократическую) партию иностранных рабочих Сибири. Были приняты Программа и Устав, избран Центральный Исполнительный комитет, в который вошли венгры Имре Фихтер, Дежё Фрид и редактор газеты «Вилагфоррадалом» Лайош Эмбер.

Быстрое расширение массовой базы интернационалистского движения делало все более необходимым его организационное оформление, создание единого руководящего центра. Инициативу создания центральных революционных организаций венгерских военнопленных взяли на себя небольшие группы революционеров, находившихся в Петрограде и Москве. В числе первых интернационалистских групп, выступивших в поддержку победившего Октября, была организация военнопленных завода Гужона. Венгерскими военнопленными на заводе руководил Фридьеш Карикаш. Первоначально венгерские революционеры работали в составе организации военнопленных-интернационалистов Московского военного округа, созданной в декабре 1917 г., и Петроградского революционного центра (комитета) военнопленных, возникшего в феврале 1918 г. Выход газеты «Немзеткези социалишта», являвшейся органом Международного отдела ВЦИК, встретил горячее одобрение многих венгерских пленных. В Московский комитет военнопленных стали поступать просьбы об оказании содействия в формировании организации и о присылке литературы. Такие просьбы поступили из Брянска, Новгорода, Сызрани, Рязани, Новороссийска и других городов⁶³.

В организациях интернационалистов, как указывалось в предыдущих главах, шли острые дебаты о формах, характере и направлении их деятельности. Бела Кун и его сторонники предлагали тотчас же приступить к созданию коммунистических национальных групп в составе РКП(б). Одни их оппоненты ссылались

на то, что создание таких коммунистических групп будет непонятным для пленных, которые не собираются оставаться в России, а намерены поскорее вернуться на родину; другие считали, что создание организаций по национальному признаку нанесет ущерб идеям интернационализма⁶⁴. Выступая на совещании представителей интернационалистских организаций военнопленных, состоявшемся в Москве 14 марта 1918 г., Э. Пор указывал, что именно создание национальных коммунистических организаций в рамках российской партии придаст их деятельности строго марксистский характер. Приехавший из Петрограда Б. Кун, в свою очередь, подчеркнул необходимость создания централизованного руководства движением зарубежных интернационалистов и образования национальных коммунистических групп. «Настоящая пролетарская работа может быть достигнута только через национальные группы», — говорил Кун⁶⁵.

Одним из важнейших событий в процессе идейно-политического и организационного развития движения интернационалистов и одновременно важным рубежом истории венгерского рабочего движения явилось образование в марте 1918 г. Венгерской группы РКП(б) во главе с Бела Куном. Позднее, вспоминая обстоятельства ее возникновения, Кун писал: «Венгерскую коммунистическую группу при Российской коммунистической партии (большевики) мы создали в согласии с секретарем Российской коммунистической партии (большевики) товарищем Свердловым, а также комиссаром по делам военнопленных товарищем Иваном Ульяновым. Образованием интересовался сам Ленин»⁶⁶. Из этих скупых замечаний следует, что у колыбели зарождавшегося венгерского коммунистического движения стояли непосредственно В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, чьими конкретными советами и указаниями пользовались Бела Кун и его соратники. Образование групп означало первый шаг к организационному разрыву со старой социал-демократией, но ни в коей мере к сектанскому разрыву с революционно настроенным крылом венгерской социал-демократии и идущими за ней массами рабочих. Цель заключалась в том, чтобы объединить революционно настроенных пролетариев в Советской России и Венгрии, которым предстояло по возвращении на родину «сотрудничать с той частью социал-демократической партии, которая преследует ту же цель: пролетарская диктатура путем немедленного вооруженного восстания»⁶⁷.

24 марта в результате большой предварительной работы состоялось учредительное собрание Венгерской коммунистической группы РКП(б). На следующий день созданный на собрании комитет, в который входили Б. Кун, Э. Руднянский и Э. Пор, направил письмо в ЦК РКП(б), подчеркивая, что группа «теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии (большевики)» и считает ее устав обязательным для себя⁶⁸. Одновременно в другом документе организации указывалось: «Образованная 24-го марта Венгерская группа

РКП(б) ставит своей задачей идти по тому пути, по которому русская партия так успешно продвигается вперед. Группа организует курсы,— отмечалось в документе,— для подготовки агитаторов, и подготовленных таким образом товарищей мы хотим направить в Венгрию. Их обязанность — основать венгерскую коммунистическую организацию, поддерживать связь с тамошними левыми социал-демократами и группой, остающейся здесь. До образования общего международного органа группа будет работать под руководством Центрального Комитета РКП(б)⁶⁹.

В первом номере центрального печатного органа Венгерской группы РКП(б) газеты «Социалиш Форрадалом» («Социальная революция»), вышедшем в свет 3 апреля 1918 г. в Москве, в статье о целях венгерских коммунистов разъяснялось, что они твердо стоят на почве классовой борьбы и революционного марксизма. Передовая статья заканчивалась призывом «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁷⁰.

11 апреля 1918 г. ЦК РКП(б) сообщил, что создание Венгерской коммунистической группы им принято к сведению и нет возражений против ее деятельности «как группы российской партии в рамках организационного устава партии»⁷¹. Отмечая громадную организаторскую работу партии большевиков по формированию и сплочению движения интернационалистов, Бела Кун писал: «В агитационных отделах всех почти Советов находились на службе знающие языки агитаторы, которые под руководством членов Коммунистической партии развили могучую пропаганду среди военнопленных. Лучшие люди партии, стоявшие во главе советских учреждений, перегруженные работой, руководили этой пропагандой интернационализма. Комитеты военнопленных издавали при материальной поддержке Советов немецкие и венгерские, а в более крупных центрах также и чешские, румынские и югославянские газеты и летучки»⁷².

О разносторонней работе, проделанной группой уже в первый период ее деятельности, могут дать некоторое представление следующие данные. Со времени возникновения Венгерской группы до января 1919 г. ею было выпущено 15 листовок и воззваний тиражом 350 тыс. экземпляров и 11 брошюр в количестве от 15 тыс. до 35 тыс. экземпляров каждая⁷³. Тираж центрального органа группы газеты «Социалиш Форрадалом» составлял 15—20 тыс. экземпляров. Кроме того, венгерские газеты издавались в разное время и в других важнейших центрах сосредоточения военнопленных: «Эбреш» («Пробуждение») — в Самаре, «Форрадалом» — в 1918 г. в Омске, а в 1920 г. в Иркутске, «Непсава» («Голос народа») — в Томске, «Форрадалмар» («Революционер») — в Перми, «Вилагфоррадалом» («Мировая революция») — в Иркутске и Верхнеудинске, «Вилагсабадишаг» («Мировая свобода») — в Ташкенте и др. Эти газеты, по выражению авторов хортистского издания по истории венгерских военнопленных в России, «представляли собой самый настоящий враждебный яд. Их распространяли по всем лагерям. К счастью, они были еже-

недельными»⁷⁴. Всего в 1918—1920 гг. на территории Советской республики издавалась 51 венгерская газета, 35 из них в Сибири и Средней Азии и 16 в европейской части страны⁷⁵.

Основная задача этих газет состояла в распространении среди пленных идей социалистической революции. «Как в открытых большевистских выступлениях, так и через газеты, ими редактируемые на многих языках нашей монархии, вышеназванные (упоминались имена Б. Куна, Ф. Мюнниха и К. Райнера.— *Авт.*) прилагают величайшие усилия к тому, чтобы воздействовать на возвращающихся военнопленных в революционном духе и любым способом подорвать авторитет династии и офицеров»,— говорилось в донесении австро-венгерского офицера от 1 июля 1918 г., направленном в Вену⁷⁶. Большое внимание венгерские коммунисты уделяли работе по ознакомлению интернационалистов с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса.

Среди первых брошюр, выпущенных Венгерской группой РКП(б),— «Манифест Коммунистической партии» в переводе Бела Куна. Возвращение к первоисточкам научного коммунизма, не искаженного догматическим духом, господствовавшим во II Интернационале и в официальной идеологии венгерской социал-демократии, являлось столь важным делом, что в Омске Карой Лигети считал также необходимым перевести на венгерский язык и опубликовать на страницах своей газеты этот основополагающий документ марксизма.

За короткий срок венгерскими коммунистами были переведены и изданы на венгерском языке, кроме «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, ряд работ В. И. Ленина. Кроме того, были выпущены огромным тиражом брошюры и листовки, в которых в популярной форме излагались основы марксизма-ленинизма, разъяснялись истинные причины и цели империалистической войны, задачи пролетариата в осуществлении социалистической революции и т. д. Среди этих изданий— «Чего хотят коммунисты?» (15 тыс. экземпляров), «Чья земля?» (35 тыс. экземпляров), «Кто платит за войну?» (40 тыс. экземпляров), «Что такое Советская республика?» (20 тыс. экземпляров) Б. Куна; «Как глубоки карманы попов?» (15 тыс. экземпляров), «Почему упала царская корона?» (15 тыс. экземпляров), «Что случилось в Венгрии?» (20 тыс. экземпляров) Т. Самуэли; «Воззвание к возвращающимся на родину» (10 тыс. экземпляров), «Обращение к солдатам Украины» (35 тыс. экземпляров), «Мирные предложения украинских рабочих и крестьян» (35 тыс. экземпляров), «Воззвание к трудящимся в Венгрии» (30 тыс. экземпляров) и др. Венгерская группа РКП(б) в 1919 г. приступила к изданию серии книг «Коммунистической библиотеки». В сборник «Путь борьбы» вошли, кроме «Манифеста Коммунистической партии», произведения В. И. Ленина «Письма о тактике», «Апрельские тезисы», «Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров» на III Всероссийском съезде Советов 24 января 1918 г. Предисловие к сборнику написал Бела Кун.

В серии были опубликованы также работа В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», отрывки из работы «Пролетарская революция и ренегат Каутский», речь В. И. Ленина на I конгрессе Коммунистического Интернационала «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», а также Программа Российской коммунистической партии (большевиков), вскоре же после принятия ее VIII съездом партии.

Большое внимание группа уделяла подготовке революционных кадров. В апреле 1918 г. в Москве была создана школа агитаторов. До ноября 1918 г. школу окончило пять выпусков — 102 венгерских интернационалиста⁷⁷. Такие же курсы агитаторов работали в Самаре, Саратове, Пензе, Иркутске и других городах. В течение 1918 г. на этих курсах прошли подготовку 545 венгерских интернационалистов⁷⁸. Новые задачи, вставшие перед движением в условиях, возникших после Брестского мира, когда началось массовое возвращение на родину военнопленных, сформулировал Б. Кун в статье «Новые пути агитации среди военнопленных», выдвинув на первый план необходимость создания партийных коммунистических групп: «Мы создадим в рамках РКП(б) свои венгерские, немецкие, румынские и другие секции и будем работать в федеральном союзе»⁷⁹.

Образование Венгерской группы РКП(б) положило начало широкому развитию венгерских коммунистических организаций на всей территории Советской России. Венгерские коммунистические ячейки возникли в десятках городов: в Астрахани, Курске, Орле, Перми, Самаре, Саратове, Симбирске, Твери, Казани, Нижнем Новгороде и др. Только шесть из них уже в августе 1918 г. насчитывали 350 членов. К концу 1918 г. число членов группы достигло 724 человека⁸⁰.

В развитие движения венгерских интернационалистов огромный вклад внес Тибор Самуэли. В отличие от других руководителей группы Т. Самуэли, бывший, по выражению Б. Куна, соавестью венгерской революции, ее боевым глашатаем и разящим мечом, до Октябрьской революции не имел сколько-нибудь значительного опыта участия в рабочем движении. Незадолго до войны он стал сотрудничать в органах венгерской радикальной и социалистической прессы. С 1913 г. Т. Самуэли работал в отделе информации газеты «Непсава». В декабре 1914 г. он был отправлен на фронт, а весной 1915 г. оказался в плену. Здесь, в лагерях, он развернул антимилитаристскую и социалистическую программу, чем вызвал к себе злобную ненависть реакционно настроенных офицеров. Однажды он был жестоко избит ими в лагере. При попытке к бегству из России, предпринятой еще до Октябрьской революции, он был задержан на финской границе и снова подвергнут избиению, а затем заключен в штрафной барак. После Октябрьской революции Т. Самуэли активно включился в работу московской организации интернационалистов. Б. Кун, с которым он встретился в январе 1918 г., хотел предложить Самуэли войти в редакцию газеты «Немзеткези социалишта».

Однако газета вскоре под давлением Центральных держав была закрыта, и сотрудничество двух виднейших венгерских революционеров наладилось лишь в феврале—марте 1918 г. после переезда Куна в Москву. Вместе с Куном и Э. Пором Т. Самуэли принял самое активное участие в создании Венгерской коммунистической группы и в налаживании выпуска газеты «Социалистический Форрадалом». «Самуэли работал днем и ночью,— писал позднее Б. Кун,— организовывал материал, бегал из редакции в типографию и обратно, раздобывал шрифты, разыскивал наборщиков и доставал бумагу. Одновременно он выявлял контрреволюционеров, писал разящие сатирические статьи против социал-демократических вожаков военнопленных, комплектовал отряды интернационалистов, доставал для них продукты, транспорт, оружие, беспощадно боролся с саботажниками, бюрократами и авантюристами»⁸¹. В июле 1918 г. он вместе с Куном во главе роты интернационалистов заставил капитулировать засевших в здании Московского почтамта левозсеровских мятежников, дрался спустя некоторое время с белочехами под Казанью.

В статьях, опубликованных в «Социалистическом Форрадалом», Т. Самуэли неустанно прививал венгерским интернационалистам идею международной солидарности. «Никто не может сомневаться в том,— писал Самуэли,— что судьба революции русских рабочих есть судьба и нашей собственной пролетарской борьбы; будущее власти русских рабочих и крестьян, основанной на пролетарской диктатуре, также и наше будущее»⁸². После начала мятежа чехословацкого корпуса он предупреждал, что «в борьбе против чехословаков никто не должен исходить из так называемой национальной точки зрения... Национальные интересы маскируют покушение против революции рабочего класса,— подчеркивал он.— И поэтому, когда вы читаете, что контрреволюционные палачи уничтожают говорящих на венгерском языке пролетариев и крестьян, где бы они ни попадали в их руки, не думайте, что сейчас убивают вас, мадьяр. Не верьте этому, ибо чехословацкие контрреволюционеры не уничтожают жителей офицерских лагерей, которые с радостью взирают на контрреволюцию»⁸³.

С такой же решительностью против попыток реакции скомпрометировать движение венгерских интернационалистов выступал и Бела Кун. В статье, опубликованной в августе в «Правде», он писал: «Используя давнишнюю вражду между правящей венгерской и чешской буржуазией, русские и чешские контрреволюционные газеты, издающиеся в Самаре, Омске и других городах, клеветают, будто венгерские пролетарии сражаются с белочехами из шовинистических побуждений»⁸⁴. От имени венгерских интернационалистов Кун заявлял, что они готовы сражаться плечом к плечу с чешскими и словацкими интернационалистами на любом фронте революции и делают это, «исходя из чисто пролетарских, революционных, интернационалистических интересов... Они будут бороться не только против чешской, но и против всякой контрреволюции»⁸⁵.

Вся деятельность группы со дня ее основания была подчинена защите возникшего пролетарского государства от его врагов и подготовке к пролетарской революции, созревшей и в Венгрии⁸⁶.

Венгерской группе РКП(б) принадлежит заслуга и честь первой начать пропаганду ленинизма в венгерском рабочем движении. Излагая в популярной форме основы ленинского учения, венгерские коммунисты тем самым содействовали созданию идейно-политических предпосылок к образованию Коммунистической партии Венгрии. Исключительную роль в этой труднейшей работе сыграли статьи Б. Куна, опубликованные группой в 1918 г., в особенности его брошюра «Чего хотят коммунисты?». Брошюра Куна отражает все сильные и слабые стороны первого этапа становления венгерского коммунистического движения. Брошюру Куна сочла необходимым переиздать группа «Спартак» в Германии, а затем она была опубликована и в Австрии. В предисловии к немецкому изданию подчеркивалось, что «переведенная почти на все языки бывшей Австро-Венгерской монархии в колоссальном количестве экземпляров, она нашла широчайшее распространение среди военнопленных в России и за пределами России, в Австро-Венгрии и Германии»⁸⁷.

Первым из венгерских коммунистов Кун в этой брошюре сделал попытку применить учение В. И. Ленина к венгерской действительности. Он указывал, что война и империализм поставили и венгерский пролетариат перед альтернативой — «империализм или социальная революция». В брошюре показаны конкретные черты империализма в Венгрии, подчеркнута близость российских и венгерских социально-экономических условий. Большое внимание автор уделил проблеме союза рабочего класса и крестьянства в Венгрии. В ходе революции, по его мнению, пролетариат и Коммунистическая партия должны организовать крестьянство и осуществить безвозмездную конфискацию всей помещичьей и церковной земли. Немедленно после захвата земли она должна быть передана в распоряжение местных крестьянских Советов. О разделе земли среди крестьян в работе не говорится.

Проблема союза пролетариата и крестьянства рассматривалась Б. Куном специально в брошюре «Чья земля?», выпущенной Венгерской группой в мае 1918 г., и в статье «Крестьянин в революции», опубликованной газетой «Социалист Форрадалом» 27 апреля того же года. Путь крестьянства к земле, указывал Кун, лежит через революционное свержение монархии. Однако само по себе падение монархического строя не означает решения земельной проблемы. В борьбе за землю крестьянство может рассчитывать только на рабочий класс⁸⁸. Деревенская беднота, подчеркивал Кун, может получить землю, только участвуя совместно с городскими рабочими в революции⁸⁹. В качестве союзника пролетариата Кун признает только пролетарские и полупролетарские слои деревенского населения. В статье «Крестьянин в революции» Кун отрицал целесообразность раздела помещичьей земли

после ее захвата. Он выступал за объявление земли собственностью всего общества и передачу ее для коллективной обработки крестьянским Советам.

Следует также иметь в виду, что практическая работа по пропаганде, агитации, по организации интернациональных частей и, наконец, участие в боевых действиях на фронтах гражданской войны оставляли венгерским коммунистам не слишком много времени для спокойного и углубленного изучения теоретических основ ленинизма. Это обстоятельство способствовало сохранению в венгерском коммунистическом движении тех или иных элементов социал-демократической идеологии. «Даже и мы, вожди и борцы этого движения,— подчеркивал впоследствии Кун,— еще далеко не понимали ленинского учения большевистской партии во всей его глубине и широте... Многие принципы большевизма мы усвоили только внешне»⁹⁰.

Вместе с тем стремление молодых венгерских коммунистов к быстрейшему освобождению от груза социал-демократических взглядов и присущие им революционный темперамент и энтузиазм, глубокая увлеченность идеей мировой революции и ее скорейшего осуществления иногда приводили к непродуманным решениям и поступкам, к «левачеству». Руководители венгерских интернационалистов, по образному выражению Б. Куна, «проходили в ту пору лишь первые классы школы Ленина»⁹¹.

Недостаточная на первых порах политическая зрелость венгерских коммунистов проявилась, в частности, в их отношении к Брестскому миру. Известно, что Бела Кун и его соратники первоначально оказались среди тех, кто возражал против заключения мира. Объяснялась такая позиция не только их недостаточной политической зрелостью, непониманием необходимости политических компромиссов и временных уступок, но прежде всего революционной нетерпеливостью венгерских коммунистов, их убежденностью в необходимости вести бескомпромиссную борьбу против австро-венгерского и германского империализма. Кроме того, они были подданными монархии, уничтожение которой для них являлось первейшим долгом, долгом патриотическим и интернациональным одновременно. Не шовинистический и насквозь лживый в тех условиях призыв к «защите отечества» был их лозунгом, а беспощадная война всеми средствами против собственной буржуазии. Заключение мира с Германией и Австро-Венгрией венгерским интернационалистам казалось несовместимым с глубоко укоренившимся в их сознании лозунгом мировой революции. В ошибочности их взглядов в отношении Брестского мира, в том, что они не сумели глубоко разобраться в конкретно-исторической обстановке, сложившейся на рубеже 1917—1918 гг., Бела Кун и его товарищей убедили ясная и четкая позиция Коммунистической партии, логика В. И. Ленина, данный им диалектический анализ внутреннего и международного положения Советской республики. К чести Куна и его сподвижников следует сказать, что они, осознав свои ошибки, стали энергично и убежденно разъяс-

нять массам военнопленных всю несостоятельность и гибельность англобрестских настроений для дела революции. Так, в статье «Мир», опубликованной 31 марта 1918 г., К. Лигети доказывал военную и политическую необходимость мира и беспочвенность распространенных среди некоторых венгерских интернационалистов взглядов относительно собственной судьбы и судьбы пролетарской революции⁹². Впоследствии Б. Кун в письме В. И. Ленину от 22 апреля 1919 г. полностью одобрял его позицию в вопросе о мире: «Я потом не стыдился признать, что в вопросе о Брестском мире Ваша политика была правильной, а точка зрения тех, кто утверждал противное, не являлась ни исторической, ни марксистской»⁹³.

Наступивший этап ожесточенной гражданской войны, в особенности контрреволюционное выступление чехословацкого корпуса, стал важнейшим рубежом в развитии движения венгерских интернационалистов. Первостепенную важность отныне приобрела вооруженная защита республики от покушений интервентов и белогвардейцев.

Начало чехословацкого мятежа сопровождалось преследованиями военнопленных мятежниками и белогвардейцами, заключением венгров и немцев в концлагеря или расправой над ними.

Среди бывших военнопленных стали создаваться вооруженные отряды самообороны. На Урале их организацию взял на себя Исполком Уральской коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян. Для координации действий отрядов самообороны и Красной Армии в июне на Уральский фронт выезжал Бела Кун. Одновременно Венгерская группа РКП(б) обратилась в Наркомат по военным делам с письмом, подписанным Б. Куном и К. Вантушем, в котором содержалась просьба о формировании отрядов интернационалистов для борьбы «против чехословацких контрреволюционеров»⁹⁴. Инициатива была поддержана Федерацией, которая немедленно приступила к агитации с целью создания таких отрядов.

1 июня 1918 г. Бела Кун выступил в «Правде» со статьей, в которой заклеймил организаторов мятежа — националистическую чешскую буржуазию и империалистов Антанты, выразив вместе с тем надежду, что сознательные чешские пролетарии сумеют справиться с «этой провокацией». Контрреволюцию необходимо «раздавить как можно скорее как в интересах чешской, так и в интересах мировой революции», писал Кун в этой статье. На Урале он вместе с уральскими большевиками вел большую агитационную и организационную работу по мобилизации военнопленных, находившихся в казармах или работавших на промышленных предприятиях на вооруженную защиту республики от мятежников. На подпольную работу в тыл противника в спешном порядке направлялись агитаторы, чтобы сорвать попытки командования чехословацкого корпуса использовать в принудительном порядке десятки тысяч военнопленных Урала и Сибири на строительстве укреплений и других вспомогательных военных работах.

О масштабах деятельности венгерских коммунистов в те тяжелые дни, о том, каким неограниченным доверием партийного и государственного руководства пользовался Бела Кун в Советской России, ярко свидетельствует текст приказа, изданного по Московскому военному округу 25 июля 1918 г., который предписывал оказывать содействие и сотрудничать во всех отношениях со всеми товарищами, имеющими мандаты, подписанные Куном. В приказе, в частности, говорилось: «Тов. Бела Кун известен как революционный работник, вполне и безусловно стоящий на платформе Советской власти, коммунист, член международного конгресса»⁹⁵.

В связи с обострением положения на фронтах гражданской войны летом 1918 г. военный аспект в деятельности Венгерской группы РКП(б) и Федерации в целом выдвинулся на первое место. 10 июля группа постановила считать своей первейшей обязанностью защиту социалистического отечества. Т. Самуэли, Ф. Янчику и Э. Руднянскому комиссаром Московского военного округа были выданы особые мандаты на формирование интернациональных частей Красной Армии. Вступающие в Красную Армию подписывались под своеобразной клятвой-обязательством: «Всеми силами по собственному убеждению я буду служить осуществлению программы Российской коммунистической партии (большевиков). При любых обстоятельствах в любое время защищать социалистическую революцию против всякого посягательства на нее и всюду»⁹⁶.

Венгерские коммунисты вели большую политическую работу среди оккупационных армий Германии и Австро-Венгрии. Успешную агитацию в немецких войсках, расположенных в районе Витебска вел Фридьеш Карикаш. В июле 1918 г. Бела Кун принял участие в работе учредительного съезда Компартии Украины. В речи, обращенной к делегатам съезда, он рассказал о работе Федерации среди оккупировавших Украину германских и австро-венгерских войск⁹⁷. Выступал на съезде и Эрнё Пор, который в своей речи дал анализ состояния революционного движения в Венгрии⁹⁸.

В начале августа ЦК РКП(б) вновь направил Бела Куна на Восточный фронт в Пермь. Согласно выданному ему мандату, он был «делегирован на партийную конференцию иностранных рабочих и крестьян коммунистов»⁹⁹. Перед отъездом Кун имел встречу со Свердловым у него на квартире. Разговор за чашкой чая затянулся до полуночи. Здесь, как вспоминает К. Т. Свердлова, Бела Кун бывал часто¹⁰⁰.

Одновременно с партийно-организационной работой на Восточном фронте, ставшем тогда главным и наиболее опасным фронтом Советской России, Кун, если того требовала обстановка, занимался и чисто военными делами. Вновь отправиться на поле боя его побудила обстановка, сложившаяся на фронте в начале августа после падения Казани. Восточный фронт приобрел в те дни особое значение для деятельности Венгерской группы

РКП(б) и всей федерации в целом. 9 августа 1918 г. Бела Кун был назначен членом Военного совета Лысьвенского района, где действовала 3-я бригада Средне-Уральской стрелковой дивизии, командиром этой бригады был В. К. Рейхардт. Под Лысьвой Б. Кун встретился с Ф. Мюннихом, командовавшим интернациональным отрядом, а также увиделся с отступившими на Урал после захвата Сибири белочехами и другими своими товарищами по Томску. На фронт Бела Кун прибыл из Москвы с отрядом бойцов-интернационалистов, вошедшим в состав 3-й бригады и удерживавшим позиции непосредственно перед Лысьвенским заводом.

Комиссаром 3-й бригады 13 августа был назначен Бела Кун. «Помню, как глубоко потрясли Куна неудачи на нашем фронте, особенно потеря Симбирска и Екатеринбурга,— писал очевидец и участник этих событий Е. Преображенский в газете «Правда», — он вступил в ряды особой бригады, которая обороняла лысьвенское направление и здесь воодушевлял красноармейцев с не знающей страха храбростью. На этом участке фронта сражалось много мадьяр, у которых он пользовался особым авторитетом»¹⁰¹. Действия интернационалистов были отмечены в специальном приказе командарма 3-й армии Р. И. Берзина, посетившего бригаду 24 августа. Он выразил «особую благодарность» комбригу В. К. Рейхардту, комиссарам Б. Куну и П. А. Залуцкому, а также командиру отряда интернационалистов Ф. Мюнниху¹⁰².

В разгар боев стало известно о покушении эсеров на жизнь вождя революции. Реввоенсовет бригады 5 сентября направил ЦК партии телеграмму, подписанную Рейхардтом, Залуцким, Куном, Ефимовым, в которой выражалась решимость бойцов бригады отомстить контрреволюционерам всех мастей «за каждую каплю крови наших вождей»¹⁰³.

Вооруженная защита завоеваний Октября, формирование интернациональных частей отнюдь не отодвинули на задний план политическую деятельность по просвещению масс военнопленных, по привлечению их на сторону Советской власти, по воспитанию их в духе интернационализма. Попытка чехословаков и белогвардейских банд уничтожить рабоче-крестьянское государство, реальная опасность контрреволюции в России и террор белочехов и белогвардейцев на захваченной ими территории объективно способствовали прозрению тех венгерских военнопленных, которые до того времени предпочитали сохранять нейтралитет. В ходе военных действий наметился определенный поворот в настроениях нейтрально настроенных венгров-пленных и тех из них, кто хотя и сочувствовал Советской власти, но оставался пассивным. Этот поворот в настроениях бывших военнопленных венгров, испытавших на себе последствия белого террора, чутко уловил Реввоенсовет Восточного фронта, о чем убедительно свидетельствует его письмо Куну от 6 сентября 1918 г.: «Товарищ Бела Кун! В армиях Восточного фронта (речь, очевидно, идет о зоне действий войск фронта.— Авт.) наблюдается особо сочувст-

венное отношение к нам венгерских военнопленных, многие из которых выражают желание вступить в наши ряды. Эти настроения необходимо использовать, что может принести нам существенную пользу»¹⁰⁴.

С наступлением осени в настроениях венгерских военнопленных наметился новый поворот. Для многих из них он был связан с возникшей надеждой на скорое возвращение на родину, откуда все чаще стали поступать сообщения о приближающемся крахе Австро-Венгерской монархии, о растущем революционном брожении в стране. Эти настроения проникли и в среду наиболее сознательной части пленных-венгров, добровольно и с оружием в руках вступивших в ряды борцов за власть Советов. В частях интернационалистов ослабла дисциплина, были случаи неповиновения приказам командования¹⁰⁵. Объяснялось все это не только естественной ностальгией, потерями, усталостью от непрерывных боев, но и, как говорил Кун на собрании венгерских и немецких коммунистов 3-й армии, тем, что «интернационалистам приходится воевать в чужой стране, вдали от своей родины... И в случае отпуска бойцам в большинстве просто некуда было уходить, кроме казармы, ведь у них нет здесь ни знакомых, ни родственников»¹⁰⁶. Приняв во внимание изменившиеся обстоятельства, командование фронта в октябре ускорило отправку эшелонов с военнопленными на родину. В октябре же в Москву вернулся и Бела Кун, горевший желанием скорее включиться в революционную работу в Венгрии. «Бела Кун не хотел потерять ни одного часа,— пишет К. Т. Свердлова.— Он был готов уехать в Венгрию, воспользовавшись первым же удобным случаем»¹⁰⁷. Перед отъездом он навестил Якова Михайловича и имел с ним длительную беседу.

Принципиально важное значение для развития венгерского коммунистического движения, а также дальнейшего развертывания движения венгерских интернационалистов в Советской России имела встреча Бела Куна и Тибора Самуэли с В. И. Лениным в августе 1918 г., в разгар гражданской войны и иностранной военной интервенции. Вождя пролетариата интересовали вопросы, связанные с внутривнутриполитическим положением в Венгрии, перспективы борьбы с реформизмом в венгерской социал-демократии и создания в Венгрии коммунистической партии. О характере отношений, сложившихся между руководством Российской коммунистической партии и лидерами движения интернационалистов, можно судить по заявлению В. И. Ленина на VIII съезде партии. Ленин отмечал: «Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий»¹⁰⁸.

25 августа 1918 г. на заседании Венгерской группы РКП(б) с сообщением о поездке на фронт и о беседе с В. И. Лениным выступил Т. Самуэли. Как сообщил Т. Самуэли, Владимир Ильич интересовался тем, смогут ли венгерские коммунисты сотрудничать с Социал-демократической партией Венгрии¹⁰⁹. В соответ-

ствии с тогдашними представлениями венгерских коммунистов о социал-демократии Самуэли ответил, что сотрудничество невозможно¹¹⁰.

Подготовка к созданию Коммунистической партии Венгрии являлась одной из важнейших задач Венгерской группы. Еще в начале лета 1918 г. по предложению Б. Куна было решено созвать специальную конференцию по этому вопросу. Однако нависшая интервенция и мятеж чехословацкого корпуса помешали ее созыву, большая часть членов группы находилась на фронте. Лишь 24 октября, когда вести с родины не оставляли уже никаких сомнений в приближении революционного взрыва, была созвана конференция венгерских коммунистов. Венгерскому пролетариату нужна единая, строго дисциплинированная партия, подобная той, какой является Российская коммунистическая партия, заявил в своем докладе Б. Кун. Организационные основы венгерской партии, сказал он, должны быть такими же, как и у РКП(б), «и не потому, что мы являемся ее детьми, что мы рождены ею, а потому, что ныне пролетарская диктатура в России представляет краеугольный камень нового, пролетарского Интернационала»¹¹¹.

На конференции был принят манифест «К трудящемуся народу Венгрии», под которым стояла подпись Союза коммунистов Венгрии¹¹². Он был утвержден в качестве программного документа следующей конференцией коммунистов всех национальностей, выходцев с территории тогдашнего Венгерского королевства, состоявшейся 4 ноября 1918 г.

Учредительная конференция еще раз подчеркнула невозможность сотрудничества венгерских коммунистов с теми социал-демократами, которые отвергали диктатуру пролетариата, в то время как коммунисты взятие власти считали единственным способом освобождения пролетариата¹¹³. Выступивший на конференции Б. Кун, ссылаясь на опыт большевистской партии, рассеял сомнения тех, кто не верил в возможность создания Коммунистической партии Венгрии из-за малочисленности венгерских коммунистов в России. «Наше положение гораздо легче, — сказал Кун, — ибо мы опираемся на пролетарскую диктатуру, по-отечески заботящуюся о нас, любящую нас и неизменно солидаризирующуюся с нами. Наше положение облегчается и тем, что рабочие всего мира имеют перед собой пример пролетарской диктатуры, власть русского рабочего класса и безземельного крестьянства, выражающую также и наши устремления»¹¹⁴.

Конференция избрала Заграничное бюро и временный Центральный Комитет партии. Заграничное бюро должно было представлять партию в Советской России и вести работу среди бывших военнопленных. Временный ЦК был призван руководить движением до тех пор, «пока на легальной или нелегальной конференции или съезде в Венгрии не будет избран новый Центральный Комитет»¹¹⁵. В состав ЦК были избраны Б. Кун, К. Вантуш, Э. Пор и др. В состав ЦК вошли также югославян-

ские, румынские, словацкие коммунисты. Этот шаг подтвердил решимость венгерских коммунистов продолжить свои усилия по созданию партии нового типа на родине и не сворачивать с этого пути ни при каких обстоятельствах.

Резолюция, принятая конференцией, обязывала всех венгерских коммунистов в кратчайший срок покинуть пределы Российской республики и «посвятить свои силы служению делу мировой революции в Венгрии»¹¹⁶.

Уже через день в Венгрию отправилась первая группа¹¹⁷.

Венгерские коммунисты, особенно после отъезда на родину их наиболее опытных, теоретически подготовленных руководителей: Б. Куна, Т. Самуэли, Э. Пора, Ф. Янчика, Й. Рабиновича, Ф. Мюнниха, Ш. Кельнера и др., иногда не умели должным образом увязывать интернациональные и национальные задачи движения. При этом их увлекали в равной мере как собственное революционное нетерпение, так и настроения широких кругов интернационалистов.

После начала революции в Австро-Венгрии благородное желание осуществить у себя на родине то, что сделали русские рабочие и крестьяне в Советской России, охватило венгерских интернационалистов. К тому же с первого дня существования интернационалистского движения вся печатная и устная пропаганда венгерских интернационалистов была пронизана идеей подготовить борцов грядущей революции на родине, в Венгрии. С особой силой стремление вернуться на родину охватило венгерских интернационалистов после провозглашения Венгерской Советской Республики. В Венгерскую группу, в редакцию газеты «Социалистический Форрадалом», Центральную Федерацию иностранных групп со всех сторон начали поступать десятки писем и запросов о дальнейших планах руководства. Газета Венгерской коммунистической группы в ответ писала, что теперь нет никаких препятствий на пути осуществления желаний интернационалистов. Вместе с тем руководящие органы движения разъясняли, что интернационалисты сами должны проложить себе путь на родину с оружием в руках, оказав помощь в восстановлении Советской власти на всей территории Украины, помочь установить непосредственный территориальный контакт между Венгрией и Советской республикой¹¹⁸. Учитывая интересы фронтов гражданской войны в Советской республике, венгерские коммунисты указывали на то, что «мобилизация на венгерский фронт проводится главным образом среди тех, кто не состоит в Красной Армии»¹¹⁹.

Вместе с тем эта линия не всегда и не везде проводилась с достаточной последовательностью. Руководители венгерских интернационалистов в Астрахани — Л. Гавро, Й. Ковач и М. Шугар — 9 декабря обратились с письмом в Реввоенсовет республики, в котором говорилось: «Ввиду того что в Средней Европе вспыхнула революция, просим, чтобы все интернациональные войска, находящиеся на Южном фронте, были концентрированы в Астрахани и Саратове и отправлены на Украину... Наша

цель, — писали они, — прорвать ряды украинских белогвардейцев, наступать на землю Австро-Венгрии и оказать вооруженную помощь нашим революционным товарищам...»¹²⁰.

С такого же рода представлением по предложению Э. Руднянского, заменившего Б. Куна на посту руководителя Венгерской группы, обратилась еще раньше, 7 декабря, ЦФГИГ к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, указывая, что и интернационалисты Москвы, Перми, Черного Яра и Александра-Гая со дня на день ожидают своей отправки в Венгрию¹²¹.

Конечно, немедленное и одновременное снятие интернациональных подразделений с фронтов гражданской войны в Советской республике могло несколько ослабить отдельные части Красной Армии. Однако советские органы в данном случае руководствовались не столько военными соображениями, сколько необходимостью предотвращения угрозы дезорганизации, а возможно, и деморализации интернациональных частей и всего движения в целом.

Ввиду создания многомиллионной и регулярной Красной Армии осенью 1918 г. военное значение интернациональных формирований в общем балансе вооруженных сил Советского государства стало намного меньшим, чем было весной 1918 г. Это понимали и многие руководители интернационалистского движения. Б. Кун, например, еще в августе 1918 г. писал: «Сознательные венгерские пролетарии понимают, что в стране, где сила на стороне большинства народа, их борьба имеет второстепенное значение»¹²².

23 апреля 1919 г. было получено обращение к интернационалистам народного комиссара иностранных дел Венгерской Советской Республики Бела Куна, в котором разъяснялось, что в случае успеха русских белогвардейцев под угрозой была бы поставлена не только русская, но и венгерская революция, а также дело всего международного пролетариата. «Кто сейчас собирается покинуть фронт, чтобы вернуться в бассейн Дуная и Тисы для защиты революции, тот оставляет пролетарскую революцию в самый критический момент», — писал Б. Кун. В. И. Ленин приписал к обращению следующие строки: «Целиком присоединяюсь к обращению и верю, что венгерские пролетарии, сражающиеся на фронтах, поймут, что еще несколько месяцев борьбы за интересы международного пролетариата и победа, окончательная и решительная, будет за нами»¹²³.

При помощи большевиков руководители Венгерской группы РКП(б) и ЦФГИГ сумели исправить допущенные промахи. Об этом свидетельствовали, в частности, письма венгерских интернационалистов, поступающие с фронтов. «Наш интернациональный долг, — писали венгерские бойцы-интернационалисты, — быть там, где нас поставила революция. Без победы революционной свободы в России революция в Венгрии невозможна»¹²⁴.

Проблема интернационализма занимала Бела Куна не только в плане практическом, политическом, но и как вопрос, опреде-

ляющий норму поведения в условиях войны и мира, вопрос теоретический и идеологический. Его позиция в этих остро злободневных вопросах, сформулированное понятие интернационализма не лишены актуальности и в наши дни. В статье «Практический интернационализм», опубликованной в Москве в 1919 г. в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», опираясь на опыт русской революции и международного рабочего движения и исходя из сути и духа ленинского понимания интернационализма, Кун указывал на отличие понятия «практический интернационализм» от реформистского и центристского подхода к этому понятию. «Практический интернационализм, интернационализм вообще,— писал Кун,— означает превращение империалистической войны в гражданскую и захват политической власти пролетариатом в международном масштабе»¹²⁵. Таким образом, во главу угла ставится основная историческая задача революционного пролетариата каждой страны — захват политической власти и организация государства на основе диктатуры пролетариата.

Статья Бела Куна, написанная в первую годовщину Октября, буквально по горячим следам развернувшихся в России событий, представляет собой одну из первых попыток обобщения и осмысления опыта великой революции под углом зрения развития идеи пролетарского интернационализма и его роли в мировом революционном процессе. Пролетариат России, впервые в истории человечества захвативший государственную власть в свои руки и установивший свою диктатуру, показал на деле и в поразительно больших масштабах, что такое практический интернационализм. Конкретность постановки вопроса, упор на практический аспект интернационализма объясняются временем написания теоретической по характеру работы. Писалась статья на фронте в минуты передышки между боями, порой автору приходилось браться за перо, буквально отложив в сторону винтовку.

Новое содержание интернационализма, его эволюцию Кун непосредственно связывает с империализмом как кануном социалистической революции, конкретно-историческими условиями мировой войны. Отсюда и та сжатая, предельно концентрированная формула: «...отношение к русской революции есть пробный камень пролетарского интернационализма, воплощением которого является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», где он осуществляется на практике.

Бела Кун сформулировал важный как в теоретическом, так и в практическом отношении вывод, который гласил: «Советская Россия стала высочайшей школой революции, интернационализма». Благодаря разъяснительной работе среди военнопленных, огромной моральной и материальной помощи Коммунистической партии, создавшей условия для создания интернационалистами массовых организаций, а затем и партийных ячеек, «пролетарской диктатуре удалось за один год создать основы нового, Коммунистического Интернационала», писал Кун¹²⁶.

В боях за власть Советов против иностранной интервенции и белогвардейцев

Еще в первые месяцы после победы Октября наиболее передовые и сознательные венгерские военнопленные так же, как и пленные других национальностей, на своих митингах принимали многочисленные резолюции, в которых указывалось, что русской пролетарской революции каждый военнопленный-революционер обязан оказать вооруженную помощь¹²⁷.

Революционный комитет венгерских военнопленных в Омске в своем обращении «К оружию» писал: «Общая родина социалистов в опасности. Наша родина, наше сокровище, наше будущее, единственное наследство наших детей и внуков — революция! Разбойничья банда империалистов хочет похитить ее у нас. Они хотят, чтобы палачи растоптали рабоче-крестьянскую революцию, вновь посадили на кровавый трон царя, помещиков на земли крестьян, вновь отнять заводы у рабочих, чтобы навсегда истребить в нас — венгерских, немецких, австрийских рабочих — мысль, надежду на освобождение. К оружию! — это призыв правительства русских рабочих и крестьян. К оружию! — также и наш призыв, призыв Революционного комитета венгерских военнопленных». Обращение заканчивалось лозунгом французской революции конца XVIII в.: «Мир хижинам, война дворцам!» — и здравицей в честь венгерских частей Красной Армии¹²⁸.

Венгерские военнопленные, находившиеся в Омске, приняли резолюцию, в которой вооруженная защита Советской власти провозглашалась священным делом венгерских рабочих и крестьян. «Российскую Федеративную Советскую Республику, — говорилось в ней, — мы рассматриваем в качестве первого шага к освобождению пролетариата всего мира, и поэтому мы считаем своей священной обязанностью защищать ее как от внутренних, так и от внешних врагов; защищать словом и делом, а если нужно и силой оружия»¹²⁹. В дни решающих боев против чехословацких мятежников под Омском в мае 1918 г., согласно докладу шведского представителя Густава Расмуссена, «на стороне большевиков сражалось около 800 военнопленных... В этих боях принимало участие относительно значительное количество мадьяр...»¹³⁰.

Первые небольшие группы интернационалистов приняли бой с белогвардейской контрреволюцией еще в январе 1918 г. на Дальнем Востоке в составе армии С. Лазо на Даурском фронте. В рядах этой армии, отражавшей наступление банд атамана Семенова в январе — марте 1918 г., был и отряд венгерских интернационалистов, сформированный из военнопленных в лагерях Березовки, Читы, Иркутска. Во второй половине марта к ним присоединился 1-й Интернациональный отряд (в основном венгры и румыны), прибывшие из Омска. Только в марте здесь были сформированы четыре отряда. По пути на фронт к этим отря-

дам присоединялись пленные из других лагерей. Из Томска против Семенова выступил батальон, которым командовал Имре Ланьи. Под станцией Борзя мадьяры-гусары лихой кавалерийской атакой обратили в бегство белоказаков Семенова.

Один из отрядов омских интернационалистов сражался против белогвардейцев и чехословацких мятежников к западу от Омска, под Марьяновкой, а затем на участке Татарская—Каргат. Отрядом командовал К. Лигети, который еще в начале мая получил приглашение ЦК РКП(б) работать в Москве, но не смог выехать из-за начала военных действий¹³¹. Несмотря на большие потери, отряд Лигети стойко сражался против белых. После падения Омска 8 июня, проиграв бой под Каргатом, оставшиеся в живых интернационалисты решили попытаться пробиться к Тобольску. Под Карташевом (Тарой) они попытались захватить пароход, однако попали в засаду. Отряд был разбит, а тяжело раненный Лигети вместе со своей женой, польской революционеркой Зофьей Венцкович, попал в плен к карателям из 1-го Сибирского офицерского отряда. Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу.

Исполнению приговора помешало одно из подразделений чехословацкого корпуса, которое взяло Лигети с женой в качестве заложников на захваченный мятежниками пароход. Лигети пытались склонить к измене. В ответ на гнусное предложение он дал пощечину чешскому офицеру. Позднее своим товарищам в тюрьме Лигети говорил: «Знаю, что напрасно рисковать жизнью недостойно революционера, но, если бы такой случай повторился, моим ответом могла бы быть только пощечина. Тогда я сделал это импульсивно, но знаю, что и теперь я бы не мог иначе поступить»¹³².

В пути пароход подвергся обстрелу. Лигети снова был ранен, на этот раз осколком снаряда в обе ноги. В Тобольске врач-белогвардеец отказался оказать помощь раненому Лигети. Подпольщики Тобольска, и в их числе пленные мадьяры, подготовили побег Лигети из тюрьмы, однако накануне дня, когда должен был состояться побег, его перевели в Омск. Попытки, которым он подвергался в тюрьме, не сломили его духа. Лигети стойко выдержал все испытания. После ряда допросов контрразведка перевела его в лагерь. Тут ему удалось восстановить связь с подпольной организацией омских большевиков.

22 декабря 1918 г. в Омске вспыхнуло подготовленное подпольной большевистской организацией восстание рабочих, в котором участвовали и венгерские интернационалисты. Повстанцы надеялись освободить Лигети и других венгерских революционеров, интернированных в лагере. Однако восстание потерпело неудачу. Лигети пришлось испытать новые страдания и новые пытки; на казнь палачи вынесли его на носилках. Жизнь славного сына Венгрии и героя гражданской войны оборвалась 2 июня 1919 г. Перед смертью Лигети нашел в себе силы написать на родном языке поэтическое «Завещание»:

Пока хоть искра пламенеет в сердце,
Пока сердца стучат в одном строю,
Вперед стремитесь, красные венгерцы,
Я с вами вместе пасть готов в бою!

Останусь я в могиле безымянной,
Но пламя сердца вам, друзья, отдам,
Чтоб, словно факел яростно багряный,
Могучее, оно светило вам.

В последней битве буду вместе с вами,
Мадьяры, Красной Венгрии сыны!
Мы умерли отважными бойцами,
Вы воскресить нас в подвигах должны!¹³³

В Томске уже в конце 1917 г. некоторые из венгерских военнопленных-революционеров являлись членами вооруженных отрядов, сформированных местной организацией большевиков. Создание частей из военнопленных-интернационалистов здесь началось в декабре 1917 г., когда Томский Совет передал руководство двумя лагерями Революционному комитету военнопленных и разрешил ему организовать Красную Гвардию.

В начале 1918 г. в Томске был создан 1-й Красногвардейский батальон военнопленных численностью 400—500 бойцов. Этот батальон первоначально охранял лагерь военнопленных-офицеров и нес гарнизонную службу. Батальон подавил несколько контрреволюционных выступлений. В феврале был создан 2-й батальон Красной Гвардии. «В это переходное время,—писал Ф. Мюнних,— без преувеличения можно утверждать, что интернационалистская Красная Гвардия, состоявшая в большинстве своем из мадьяр и значительного числа румын, немцев, чехов и других национальностей бывшей Австро-Венгерской монархии, была единственной обученной в военном отношении и надежной вооруженной силой Томского Совета»¹³⁴. Это объяснялось тем, что в начале 1918 г. в Сибири местные органы Советской власти только приступали к созданию Красной Гвардии. Ядро вооруженных сил в то время составляли вооруженные рабочие и члены партии, не имевшие в большинстве случаев специальной военной подготовки.

Когда на линии Чита—Иркутск появились банды атамана Семенова, интернационалисты-красногвардейцы в ответ на обращение Томского Совета высказались на собрании за немедленное выступление против Семенова¹³⁵. По свидетельству командира одного из соединений Красной Армии, среди немногих «красных отрядов, принявших на себя первые удары семеновцев и с честью отражавших эти удары, первое место, бесспорно, принадлежит отряду интернационалистов»¹³⁶. В первое время немногочисленным советским войскам приходилось отступать после боев с контрреволюционными силами, превосходившими их как по чис-

ленности, так и по вооружению. Отряды интернационалистов как наиболее стойкие и дисциплинированные в августе перебрасывались в самые опасные места, нанося противнику серьезные удары.

Отличные боевые качества интернационалистов Забайкалья, подавляющее большинство которых составляли мадьяры, их преданность делу революции, храбрость и самоотверженность заслужили похвалы даже человека такой дерзкой отваги, каким был Лазо. Вот что, по свидетельству Н. Матвеева, говорил он об интернационалистах: «Все они бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом. Преданы революции»¹³⁷.

Интернационалисты Восточной Сибири и Дальнего Востока в ходе развития событий гражданской войны в течение длительного времени почти полностью были оторваны не только от европейской части России, но и от центров движения интернационалистов в Сибири. К ним крайне редко и нерегулярно поступали газеты и литература на венгерском языке. По своему идейно-политическому уровню восточносибирские организации интернационалистов значительно уступали таким организациям венгерских военнопленных, как омская или томская.

В Москве в начале 1918 г. был также организован отряд интернационалистов, состоявший из венгров, немцев, сербов, болгар, хорватов и лиц других национальностей. Как отмечалось, 1-й Московский коммунистический отряд интернационалистов во главе с Бела Куном и Тибором Самуэли принял участие в подавлении левоэсеровского мятежа в столице. Затем этот отряд стал центром концентрации интернационалистов. Сформированные в Москве подразделения интернационалистов направлялись на разные участки фронтов: в Царицын, Воронеж, Пермь, Александров-Гай, на Украину¹³⁸.

В сентябре 1918 г. «Социалист Форрадалом» сообщала об отправке из Москвы на фронт третьего «сильного отряда», который присоединился к интернационалистам, выступившим против чехословацких мятежников тотчас же после начала мятежа (два отряда уже длительное время сражались на Уральском и Царицынском фронтах). Вместе с третьим отрядом — батальоном Б. Ярша — на фронт вернулся Бела Кун¹³⁹.

Р. Гарашин в ноябре 1917 г. организовал небольшой отряд в 60 человек из военнопленных, работавших на строительстве железной дороги в г. Любиме. Этот отряд затем был развернут в батальон Красной Гвардии, а сам Гарашин избран членом Революционного военного совета Ярославля¹⁴⁰.

Оренбургскую революционную организацию венгерских пленных возглавляли социал-демократы Пал Олеандер и Йожеф Лукач. В Социал-демократическую партию Венгрии Олеандер вступил 18-летним юношей в 1903 г., работая каменщиком в Будапеште. Довоенная его деятельность прошла в крупнейшем венгерском профсоюзе строителей, руководителем одной из групп которого он стал в 1910 г. Социалистическую агитацию Олеандер

вел и после того, как попал в плен. Находясь с апреля 1917 г. в Оренбурге, он сумел установить связь с оренбургскими большевиками и принял активное участие в борьбе за власть Советов.

В ноябре, когда рабочие Оренбурга объявили всеобщую забастовку в знак протеста против ареста руководителей оренбургских большевиков, он организовал стачку пленных, работавших на железнодорожной станции, с целью сорвать движение эшелонов Дутова. 18(31) января 1918 г. советские войска, разгромив дутовцев, вступили в Оренбург, Олеандер вместе с другими интернационалистами, в том числе Л. Шипко и Р. Дюрко, в составе красногвардейского отряда, созданного в подполье оренбургскими рабочими, участвовал в свержении контрреволюционного режима в городе¹⁴¹.

И. Лукач, руководивший марксистским кружком пленных оренбургского лагеря с 1915 г., в декабре 1917 г. в составе советских отрядов участвовал в наступлении красногвардейских частей под командованием П. А. Кобзева на белоказачьи сотни Дутова¹⁴².

Весной 1918 г. отряд интернационалистов, сформированный в Сызрани, был переброшен в Самару, а затем в Оренбург, где влился в интернациональный легион, преобразованный затем в 3-й Интернациональный полк¹⁴³.

Значительные группы венгерских интернационалистов участвовали в обороне Самары в мае 1918 г. «Поэтому,— говорится в официальном хортистском издании,— после взятия города (силами контрреволюции.— Авт.) не щадили даже многих невинных мадьяр, венгерских военнопленных»¹⁴⁴.

В боях за освобождение Самары от белочехов принимал участие Саратовский интернациональный полк, в рядах которого сражалось много мадьяр¹⁴⁵.

Под Челябинском отрядом Красной Гвардии, снискавшим славу наиболее надежного соединения, командовал бывший взводный Капошварского полка Иштван Надь. Его отряд нанес чувствительный удар по белочехословакам¹⁴⁶.

Зимой 1917/18 г. венгерские интернационалисты сражались в рядах советских войск и против белоказачьих армий генерала Каледина в районе Юзовки, Мариуполя, Дебальцево. В ожесточенных боях за крупный железнодорожный узел — станцию Ясиноватую пулеметчики-мадьяры не раз срывали своим метким огнем яростные атаки казаков. Они прикрывали понесший большие потери, обескровленный в боях советский отряд. Все они погибли, но задачу свою выполнили¹⁴⁷.

Серьезным испытанием интернационализма пленных, их преданности Советской стране явилась борьба против австро-германских интервентов, оккупировавших Украину, когда быть на стороне Советской власти для каждого пленного, находившегося в прифронтовой полосе, означало прямое выступление против собственного государства. Перед таким трудным выбором, в частности, были поставлены австро-венгерские пленные, размещен-

ные в районе Одессы. Большевистские организации Одессы помогли им сделать правильный выбор. В лагерях появились листовки, напечатанные и на венгерском языке. «Товарищи, братья! — говорилось в одной из них. — Священное дело русской свободы — дело всех рабочих мира. Эта народная свобода, находящаяся под угрозой, призвана объединить пролетариев всего мира под священным знаменем — „Свобода, Братство, Равенство“. Пусть угрожающая опасность сплотит всех нас под этим знаменем»¹⁴⁸. На митинге, созванном в одном из лагерей, пленные гневно протестовали против действий австро-венгерского и германского империализма. Было решено избрать делегатов в Центральный комитет военнопленных, взявший на себя функции организатора международных частей. Вскоре был сформирован отряд Международной гвардии из австро-венгерских и германских пленн^{ых}¹⁴⁹.

4 марта, когда интервенционистские войска Австро-Венгрии перешли в наступление в районе Винницы и Жмеринки, а германские армии оккупировали Киев, Исполнительный комитет Международной гвардии обратился к пленным с настоятельным призывом вступить в отряд: «Наступил момент, когда вы должны решать свою судьбу... Орды германского империализма уже достигли Киева. Они угрожают расстрелом находящимся там военнопленным. В Австро-Венгерской монархии, Германии уже созданы концентрационные лагеря, в которые хотят бросить вас!.. Неужели вы хотите оставить без ответа эту пощечину! Вы, сознательные рабочие? Нет! В этот час вы должны объединиться! Вступайте все в Международную гвардию!»¹⁵⁰.

Уже через две недели после оккупации Одессы австро-венгерскими войсками суду военного трибунала были преданы 42 бывших военнопленных-интернационалиста¹⁵¹. В концентрационные лагеря были брошены 50 человек, у которых нашли листовки исполкома Международной гвардии. Кроме того, до 29 марта трибуналу были переданы еще семь арестованных военнопленных.

В ноябре 1918 г., когда революционный пожар охватил Австро-Венгрию и Германию, находившиеся на Украине оккупационные войска потребовали возвращения на родину. Верховное командование, стремясь избежать открытого мятежа солдат, было вынуждено начать поспешную эвакуацию войск. Но предотвратить революционные выступления солдатских масс офицерству удавалось не всегда и не везде. Так, в Жмеринке восстановившие солдаты 7-й Венгерской кирасирской дивизии перебили часть офицеров, а остальных выбросили с поезда. Солдаты, говорилось в донесении германского консула в Одессе, «всюду заявляли, что они возвращаются домой и хотят принять участие в организации нового политического строя у себя на родине...»¹⁵².

В наступательных операциях советских войск на Восточном фронте осенью 1918 г., приведших к освобождению Симбирска, Самары, Сызрани и других городов Поволжья, принимал участие

интернациональный полк Симбирской Железной дивизии, которым после С. Частека командовал Дьюла Варга. В составе полка сражалось много бывших венгерских военнопленных. При наступлении на Симбирск интернационалисты отличились в бою у станции Охотничья, а затем после освобождения города участвовали в обороне моста через Волгу, где проявили большое мужество и героизм¹⁵³. Позже полк сражался в Приуралье и на Урале. 19 февраля в районе Преображенского завода в упорном бою он разбил сильный отряд казаков¹⁵⁴. Весной 1919 г. венгерские интернационалисты в рядах 222-го Интернационального яюлка 25-й дивизии под командованием В. И. Чапаева участвовали в контрнаступлении против войск Колчака под Бугурусланом, а затем в Уфимской операции, закончившейся освобождением Уфы¹⁵⁵.

Жестящик из небольшого провинциального городка Венгрии Ясберень Лайош Винерман первое боевое крещение в рядах революционных войск получил в Минске, где он организовал интернациональный отряд. Перебравшись в Москву весной 1918 г., он возглавил 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд, вскоре переформированный в батальон и предназначенный для борьбы против контрреволюционеров на Восточном фронте. Отряд Винермана громил отборные казачьи сотни на Уральском фронте в районе от Красного Кута до Новоузенска и Александров-Гая. Здесь Винерман был назначен начальником войск Александрово-Гайской группы. 14 октября в бою с уральскими казаками вражеская пашка скосила этого командира, о бесстрашии и храбрости которого среди красноармейцев ходили легенды. В знак признания заслуг Винермана перед Советской республикой он был похоронен в Москве 23 октября 1918 г.¹⁵⁶ Астраханскому интернациональному коммунистическому полку, которым ранее командовал венгерский интернационалист, было присвоено имя Винермана. Кроме того, позже был сформирован 1-й Интернациональный коммунистический кавалерийский полк им. Винермана¹⁵⁷.

История движения венгерских интернационалистов знает немало примеров боевого содружества мадьяр с представителями угнетенных народов Венгерского королевства. Так, мадьярским отрядом особого назначения, успешно действовавшим летом 1918 г. на Забайкальском фронте, командовал трансильванский румын Михай Бодеску.

«Среди немногих красных отрядов, принимавших на себя первые удары семеновцев и с честью отражавших эти удары, первое место, бесспорно, принадлежит отряду интернационалистов, организованному тов. Бодеску из бывших военнопленных...» — такова была оценка, данная отряду Бодеску местными советскими властями¹⁵⁸. Этот же отряд сыграл немалую роль в боях против белочехов в августе 1918 г. в районе Чита—Благовещенск.

Весной 1919 г. в связи с победой социалистической революции в Венгрии и необходимостью оказания Венгерской Советской

Республике всемерной помощи как политическими, так и военными средствами Федерация признала необходимым перенести центр всей своей военно-политической деятельности в Киев. При КП(б) Украины была создана Венгерская группа. В июне—июле завершилось формирование 1-й Интернациональной стрелковой бригады под командованием Ярослава (Славояра) Частека, значительную часть бойцов которой составляли венгры.

Интернациональный румыно-венгерский полк (1-й Полтавский интернациональный, преобразованный позднее во 2-й Интернациональный полк), участвовавший в боях в районе Бобринская — Цветково — Черкассы, а затем под Винницей, сыграл немаловажную роль в разгроме банд Григорьева. Командир полка Рудольф Фекете был назначен начальником Винницкого боевого участка. 25 мая 1919 г. тотчас же по прибытии в Винницу интернационалисты вступили в бой, и на следующий день, «перейдя в стремительное наступление и словив сопротивление противника, преследовали его до г. Литина»¹⁵⁹. Через четыре дня Фекете уже доносил о полной ликвидации банд в этом районе. После этого полк был переброшен под Проскуров.

В то же время под Проскуровом бойцы 1-го Интернационального пехотного полка громили отряды петлюровцев. Полк был сформирован в Киеве в мае 1919 г. из 350 интернационалистов, прибывших из Астрахани, 57 бойцов бывшего интернационального полка Пеньковского и «венгров из всех мест Украины»¹⁶⁰. Полк, насчитывавший 1500 человек, 29 мая вступил в бой с петлюровскими войсками. В оперативной сводке Винницкого губернского военкомата от 5 июня говорилось: «Под Проскуровом слабые интернациональные части перешли в решительное наступление, ими забрана целиком петлюровская батарея и взят Черный остров»¹⁶¹. Под Проскуровым из строя выбыли две трети состава 1-го Интернационального полка.

Падение Венгерской Советской Республики, крах надежд возвращения на родину с оружием в руках серьезно отразились на настроениях и моральном состоянии многих венгерских интернационалистов. Необходимо было в соответствии с новыми условиями перестроить всю политическую работу среди военнопленных, сделать соответствующие выводы, чтобы поднять боевой дух интернационалистов, сохранить присущий им революционный оптимизм. Венгерские коммунисты с честью справились и с этой нелегкой задачей. В августе 1919 г. Венгерская группа коммунистов и мадьяры-интернационалисты, сражавшиеся в рядах Красной Армии, дали торжественную клятву: «Мы, неустанные борцы мировой пролетарской революции, даем торжественное обещание, что всеми силами и более настойчиво, более решительно и беспощадно будем бороться против мировой буржуазии»¹⁶².

Разъясняя интернационалистам смысл дела, за которое они шли в бой, газета венгерских коммунистов писала: «Сначала нужно бороться здесь, чтобы потом там, на родине, тоже покончить с эксплуататорами»¹⁶³.

Летом 1919 г. политотдел штаба Украинского фронта пришел к выводу, что интернациональные отряды «в силу особенностей характера их состава в разрозненном состоянии действуют несравненно хуже, нежели собранные вместе». Возник план объединения находившихся на Украине интернациональных полков в одну — 1-ю Интернациональную дивизию, командиром которой был назначен сначала Г. Барабаш, а затем Д. Бошкович. Ее части участвовали в боях на Украине.

В боях против армий Деникина и буржуазной Польши отличились интернационалисты 3-го (519-го) полка Лайоша Гавро. Лайош Гавро, бывший шахтер из Венгрии, вырос в крупного командира Красной Армии. Ему исполнилось всего 23 года, когда в декабре 1917 г. он организовал отряд красных конников в Астрахани. Спустя несколько месяцев он во главе 1-го Астраханского интернационального полка подавлял контрреволюционные восстания в Астрахани и Поволжье. В качестве командира интернационального полка, а затем 173-й бригады Гавро принимал активное участие в боях за освобождение Украины. Л. Гавро — один из немногих героев гражданской войны, удостоенных двух орденов Красного Знамени. В декабре 1919 г. полк Гавро принял участие в освобождении Киева. За героизм, проявленный в боях, полк наградили орденом Красного Знамени¹⁶⁴.

В борьбе за ликвидацию бандитизма на Украине летом 1920 г. отличился 1-й Туркестанский интернациональный полк, который «за беспримерные геройские подвиги» был награжден орденом Красного Знамени. В рапорте командира полка указывалось, что «полк за все свое существование получал пополнение в большинстве своем из мадьяр-добровольцев, которые принесли неисчислимые жертвы на алтарь Республики»¹⁶⁵.

Венгерская газета «Пролетар» («Пролетарий») сообщала 8 июля 1920 г. об участии в польском походе интернационального батальона, «и в первую очередь венгерских отрядов из Сибири и Туркестана», отправившихся на советско-польский фронт «по собственной просьбе». Газета с гордостью писала, что «сражающиеся в России венгерские красноармейцы большей частью являются членами РКП и многие из них годами служат идее коммунизма с оружием в руках»¹⁶⁶.

В Сибири и на Дальнем Востоке борьба за Советскую власть продолжалась и после временной оккупации этих территорий войсками иностранных интервентов и внутренней контрреволюции. В партизанских отрядах Щетинкина, Мамонтова, Жигалина, Кравченко и других сражались и бывшие венгерские военнопленные.

Суровая, полная опасностей борьба велась в лагерях военнопленных, оказавшихся на территориях, захваченных белогвардейцами и интервентами. Администрация лагерей жестоко преследовала за малейшее проявление симпатий к большевистской партии и Советской власти. Контрреволюционные офицеры-военнопленные выдавали колчаковской и чехословацкой контрразведкам тех

военнопленных, которые принимали участие в борьбе за Советскую власть или открыто сочувствовали ей. Тем не менее среди военнопленных шла напряженная, строго законспирированная революционная работа. В лагерях создавались организации военнопленных, работавшие в тесной связи с местным коммунистическим подпольем. Начальник колчаковской контрразведки отмечал, в частности, что коммунистическое подполье опирается на военнопленных Австро-Венгрии и Германии, среди которых имеются «коммунистические комитеты»¹⁶⁷.

Под руководством подпольного Омского комитета партии действовала организация интернационалистов в 650 человек, давшая «в распоряжение штаба 50 десятков боевиков»¹⁶⁸.

В подготовке восстания в Омске видную роль играли венгерские коммунисты Йожеф Шомоди и Эдмунд Радо. Член Омского подпольного комитета РКП(б) Шомоди был назначен начальником подрывного отряда, на который возлагалась задача вывода из строя железнодорожной магистрали. В ходе восстания Шомоди должен был возглавить операцию по разоружению расположенного в Омской крепости полка. Э. Радо, входивший в Омский военно-революционный штаб, являлся и одним из руководителей подпольного штаба третьего района. Его дом был главной явочной квартирой Сибирского бюро ЦК РКП(б)¹⁶⁹. Восстание, вспыхнувшее 22—23 декабря 1918 г., не удалось. Белогвардейцы усилили террор и преследования. Однако большевики не прекратили борьбу, они удвоили осторожность и бдительность.

Летом 1919 г. под руководством Йожефа Шомоди, Иштвана Полачека, Бергера (Варги) и других венгерских революционеров военнопленные Омска участвовали в подготовке к новому вооруженному восстанию. «В городе Омске центром подпольных большевистских организаций является мадьярская организация, — доносил начальник колчаковской контрразведки 13 августа, — сгруппированная по системе троек и обставленная строжайшей конспирацией... Эта организация в случае выступления должна сыграть роль инструкторской части, так как в состав ее входят люди, теоретически и практически знакомые с военным делом, численностью около 300 человек...»¹⁷⁰

11 августа колчаковцам удалось арестовать Шомоди и других руководителей омской венгерской организации. Однако на место погибших борцов вставали новые: в поднятом накануне освобождения Омска Красной Армией восстании омских рабочих участвовали и венгерские военнопленные.

Вторым центром подпольного движения венгерских военнопленных после Омска был Красноярск. В конце января 1919 г. в красноярском лагере организовалась небольшая коммунистическая группа. Подпольщики работали в чрезвычайно трудных условиях. Лагерь находился под постоянным и бдительным надзором колчаковских контрразведчиков, которым усердно помогали некоторые офицеры из числа пленных. Они создали свою организацию — Венгерский союз. Разнузданная националистиче-

ская пропаганда, развернутая союзом в лагере, сочеталась с борьбой против «своих» же венгерских рабочих и крестьян. Однако революционной организации в конечном счете в результате огромной политической работы удалось парализовать деятельность союза.

Сочувствие и помощь многих сознательных военнопленных, с одной стороны, и поддержка красноярских большевиков — с другой, позволили подпольщикам наладить выпуск двухнедельного журнала «Енисей». Журнал освещал события русской революции, а также проблемы общественного развития и рабочего движения Венгрии. Кроме того, в нем публиковались статьи по естественному и социологии. Одновременно венгерская подпольная группа переводила и распространяла в лагере листовки красноярской организации большевиков. Венгерским подпольщикам удалось проникнуть в городскую тюрьму и оказать материальную помощь политическим заключенным. Подпольная организация венгерских коммунистов понесла тяжелые потери после неудачного восстания в ночь с 30 на 31 июля 1919 г. солдат 31-го пехотного полка, расположенного вблизи лагеря. Лагерь военнопленных заняли чехословацкие части, которые установили режим открытого террора. 1 августа по приговору военно-полевого суда были расстреляны восемь венгерских революционеров, обвиненных в большевистской агитации и участии в тайной большевистской организации. Вот имена этих людей, не дрогнувших перед лицом смерти: Артур Дукес, Деже Форгач, Янош Пап, Павел Дьёрдь, Калман Лайош, Лайош Молнар, Албин Крашевски, Алберт Гашпар.

Казнь восьми венгерских большевиков нанесла тяжелый удар движению интернационалистов Восточной Сибири. Все они были опытными руководителями, талантливыми конспираторами и беззаветно преданными делу революции борцами. Глава группы, революционер кристальной чистоты А. Дукес, отличавшийся безграничной смелостью, обширными знаниями, решительностью, внушал уважение даже самым отъявленными реакционерам. Другой руководитель группы, Д. Форгач, бывший до войны секретарем социал-демократической организации города Сабадка (ныне Суботица, Югославия), сразу же после захвата Красноярска Колчаком за революционную деятельность был заключен в тюрьму. Освободившись из тюрьмы, он стал связным между подпольными организациями тюрьмы и лагеря пленных. Несмотря на тяжелую болезнь, огромную организационную и воспитательную работу в лагере вел редактор «Енисея» Калман Людвиг. Под стать им были и остальные расстрелянные венгерские коммунисты¹⁷¹.

Другие подпольщики красноярского лагеря продолжали дело своих казненных товарищей и после разгрома организации. Среди них был и приговоренный к расстрелу Мате Залка, которому удалось бежать из белогвардейской тюрьмы. Вырвавшись из рук тюремщиков, Залка вскоре сформировал из венгерских военно-

пленных, работавших на лесоразработках Енисейской губ., отряд, который в ноябре 1919 г. вошел в состав партизанского соединения Щетинкина. В феврале 1920 г. отряд был включен в состав 1-го Интернационального полка дивизии им. III Интернационала. Полком командовал Иштван Варга. В апреле 1920 г. полк выполнял почетное и ответственное поручение Советского правительства по сопровождению «золотого эшелона» из Ачинска в Казань.

Летом 1920 г. Мате Залка был направлен на врангелевский фронт, он служил командиром батальона 408-го полка 46-й стрелковой дивизии. Незаурядное военное дарование, дерзкая отвага, удивительная человечность М. Залки снискали ему уважение и любовь товарищей. Заслуги его перед революцией были отмечены орденом Красного Знамени.

Военная деятельность венгерских коммунистических организаций в Советской России вновь приобрела чрезвычайную актуальность весной 1920 г. в связи с вооруженным нападением на Страну Советов буржуазно-помещичьей Польши. Венгерские интернационалисты в числе первых откликнулись на призыв Советского правительства мобилизовать все силы на отпор врагу. Венгерские коммунисты тотчас же выдвинули лозунг «Место всех коммунистов, говорящих на венгерском языке, всех венгерских пролетариев — на польском фронте!»¹⁷². Уже в мае на польском фронте сражалось, по неуточненным данным, около 12 тыс. интернационалистов¹⁷³. Московская, Омская, и ряд других венгерских коммунистических секций направили на фронт значительную часть своих членов — от 20 до 50%¹⁷⁴.

В боях против белополяков отличились бойцы бронепоезда им. Бела Куна. Комбриг Лайош Гавро, который стал начальником гарнизона освобожденного Киева, за взятие столицы Украины был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Венгерские интернационалисты храбро сражались и за установление власти Советов в Средней Азии. После освобождения Красной Армией Хивы комполка Иштван Варга, участвовавший ранее в охране «золотого эшелона», был назначен заметителем наркома по военным делам Хорезмской республики и был награжден орденом «За помощь хорезмскому народу в его борьбе за свое освобождение»¹⁷⁵. В августе 1920 г. в подавлении контрреволюционного восстания в Бухаре участвовали интернациональный полк под командованием Миклоша Врабеца, сраженного в бою вражеской пулей, и батальон во главе с Яношем Варгой¹⁷⁶.

Для разгрома Врангеля и освобождения Крыма 21 сентября 1920 г. был образован Южный фронт под командованием М. В. Фрунзе. Членом Реввоенсовета фронта был назначен С. И. Гусев. В составе фронта действовали интернационалистские части, переброшенные на юг Украины из Сибири и Туркестана. Командантская рота в составе 136 бойцов — личная охрана командующего фронтом — состояла в основном из красных мадьяр

и прибыла на Украину вместе с ним из Туркестана¹⁷⁷. Много венгров сражалось в составе 13-й армии (начальником политотдела была Р. С. Землячка), что обусловило необходимость создания в этой армии венгерского агитпропотдела (бюро)¹⁷⁸. Накануне отъезда в штаб фронта в Харьков 28 сентября 1920 г. Бела Кун имел беседу с В. И. Лениным¹⁷⁹. Приказом РВС республики от 1 октября Бела Кун был назначен членом РВС Южного фронта. Назначение Куна членом РВС фронта последовало по инициативе В. И. Ленина.

Под военным соглашением, заключенным с Махно 18 октября 1920 г., стояла и подпись Куна (наряду с подписями Фрунзе и Гусева)¹⁸⁰. Однако Махно уклонялся от выполнения ряда важных условий соглашения, в частности от прорыва в тыл Врангеля, что сделало необходимым ведение с ним новых переговоров. Этим и объясняется поездка Б. Куна 22 октября в Ульяновку в ставку «повстанческой армии»¹⁸¹. Об этой миссии Бела Куна, о его переговорах с Махно позднее писал и С. М. Буденный. Кун, по его словам, «взял на себя чрезвычайно опасную задачу. Махно был хитер и коварен, он мог пуститься в любую авантюру, включая и убийство. Тот факт, что Бела Кун отправился в логово этого бандита, свидетельствует о многом. Для этого надо было быть не только храбрым, но также и хорошим дипломатом. И Бела Кун блестяще выполнил эту трудную задачу. Махно принял участие в боях против врангелевцев»¹⁸².

Среди частей Красной Армии, штурмовавших Перекоп, была интернациональная бригада 4-й армии. Более или менее многочисленные группы бойцов-интернационалистов дрались в составе еще нескольких стрелковых и кавалерийских дивизий. Большую часть времени в ходе сражения за Крым Бела Кун почти постоянно находился в 4-й армии, в формировании которой он участвовал ранее. Армия отличилась при прорыве врангелевского фронта у Чонгара.

В конце 1919 — начале 1920 г. были произведены важные изменения в структуре и работе венгерских коммунистических организаций в Советской России. Решением VIII Всероссийской конференции РКП(б) и новым Уставом партии были созданы венгерские отделы (секции) агитации и пропаганды губернских и городских организаций Коммунистической партии, работу венгерских отделов возглавило Центральное бюро венгерских отделов (секций) РКП(б). Первая Всероссийская конференция венгерских секций состоялась 22—23 марта 1920 г., делегаты которой представляли 1161 коммуниста и 2600 кандидатов в члены РКП(б). На конференции, однако, были представлены не все венгерские секции Сибири и Туркестана¹⁸³. Особое внимание участники конференции обратили на работу среди возвращавшихся на родину венгров, а также на необходимость усиления помощи коммунистическому подполью в Венгрии.

Приближавшееся завершение гражданской войны поставило перед венгерскими коммунистами новые задачи. В связи с возоб-

новлением эвакуации военнопленных большое внимание стало уделяться политическому просвещению отъезжающих: выпускались газеты и брошюры, устраивались собрания, митинги, проводились сборы средств в помощь жертвам хортистского белого террора в Венгрии. Только секция при Екатеринбургском губкоме РКП(б), например, в сентябре 1920 г. направила в Исполком Коминтерна 35 тыс. руб., собранных для этих целей¹⁸⁴.

С мая 1920 г. в Екатеринбурге начала выходить газета «Видлафоррадалом». Хотя тираж ее был невелик — 8 тыс. экземпляров, тем не менее она рассылалась в 110 различных пунктов Сибири и европейской части России, где имелись венгерские партийные организации или интернациональные части¹⁸⁵. Кроме того, было выпущено несколько брошюр, тираж каждой из которых достигал 10 тыс. экземпляров («Конституция РСФСР», «Коммунизм и диктатура пролетариата», «Программа РКП(б)», «Национальный вопрос и Коммунистический Интернационал»)¹⁸⁶.

Создание отделов агитации и пропаганды в освобожденных от белогвардейцев районах вызвало необходимость разработки новых методов общего руководства.

21 сентября 1920 г. состоялось предварительное совещание, на котором Центральное бюро было представлено Э. Руднянским, П. Маркушем, Н. Раабом, Ф. Лебовичем, Я. Переньи, П. Варгой и Я. Ивани; провинциальные отделы — делегатами Самары, Казани, Перми, Челябинска, Саратова, Уфы, Екатеринбурга, Красноярска, Ишима, Тюмени, Петропавловска, Барнаула, Симбирска, Омска, Тайги, Тулы, Томска, Петрограда, интернационалистами Южного фронта и курсов красных командиров в Астрахани. В работе совещания приняли участие также приехавшие в Советскую Россию после падения Венгерской Советской Республики деятели Коммунистической партии Венгрии Бела Кун, Енё (Евгений) Варга, Йожеф Погань и Тивадар Шугар. Б. Кун в своем выступлении подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления связей между венгерскими и русскими коммунистами¹⁸⁷. Совещание постановило провести Всероссийскую конференцию венгерских коммунистов.

Во Всероссийской конференции, проходившей в Москве с 26 по 29 сентября 1920 г., приняли участие 44 делегата, представлявших 3392 венгерских коммуниста (2240 членов партии и 1152 кандидата). 25 делегатов вступили в партию в 1918 г., 16 — в 1919—1920 гг., 3 были в партии до 1917 г. или с 1917 г.; 29 делегатов ранее состояли в социал-демократической партии¹⁸⁸.

По сведениям, поступившим в Центральное бюро с мест, на территории Советской республики были образованы венгерские отделы агитации и пропаганды в 76 городах. Однако не все они были представлены на конференции, в частности не могли прибыть делегаты организаций, действовавших в Средней Азии. Помимо Центрального бюро, деятельностью отделов агитации и пропаганды руководили три территориальных бюро: в Омске, Ташкенте и Казани. Все они работали под руководством цент-

ральных и местных органов РКП(б). Центральное бюро издавало литературу на венгерском языке, включая газету «Вёрёш Уйшаг» («Красная газета»), руководило подготовкой кадров организаторов, посылало инструкторов и агитаторов для помощи местным организациям¹⁸⁹.

На конференции были заслушаны отчеты о работе секций в Омской, Екатеринбургской и Казанской губерниях, в Туркестане и в 76 городах. С речью на ней выступали Бела Кун, Енё Варга, Йожеф Погань. Конференция прошла под знаком подготовки венгерских коммунистов и интернационалистов к новым классовым битвам в Венгрии, в ожидании нового и близкого, по мнению ораторов, революционного взрыва. Согласно решениям конференции, вся работа секций должна была строиться с учетом этой перспективы. На первом же месте по-прежнему стояли задачи, связанные с участием венгерских интернационалистов в вооруженной защите Советской России и в мирном созидательном труде на фронте социалистического строительства. В обязанность возвращавшихся на родину коммунистов вменялись поддержка и защита Советского государства — базы международного революционного движения.

Конференция утвердила предложенные Центральным бюро тезисы «О наших ближайших задачах в Советской России», исходившие из решений IX съезда партии и указаний руководящих органов РКП(б). В принятой резолюции отмечалось, что все решения РКП(б) и указания ее органов обязательны для всех венгерских коммунистов без исключения¹⁹⁰. Учитывая отсутствие четкости и единства в формах организации и содержания их деятельности, конференция призвала «организации говорящих по-венгерски коммунистов к возможно более полному включению и слиянию с соответствующими местными организациями РКП». Конференция признала целесообразным продолжать политическую работу среди венгерских военнопленных, возвращавшихся на родину, и готовить с этой целью кадры агитаторов. Последним рекомендовалось особенно глубоко изучить произведения В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция»¹⁹¹.

В центре внимания делегатов конференции стояли вопросы, связанные с работой партийных организаций интернациональных частей Красной Армии. Эти вопросы вызвали наиболее острую дискуссию. В докладе бюро отмечались вредные последствия отсутствия общих и твердо определенных принципов работы этих организаций. Среди интернационалистов, включая коммунистов, служивших в Красной Армии, были довольно широко распространены лозунги «На Запад!», «С оружием в руках на родину!». Вновь выдвигались планы сведения интернациональных частей в особые дивизии или бригады с целью осуществления вооруженного прорыва на родину. Центральное бюро неустанно разъясняло необоснованность, неосуществимость этих планов и лозунгов¹⁹². Тем не менее некоторые делегаты конференции, не счи-

таясь с изменениями международной и внутренней обстановки, продолжали настаивать на осуществлении этих лозунгов. Один из них, представитель венгерской секции Новониколаевска Вайс, выступил с предложением сосредоточить интернациональные отряды в Казани, а венгерских коммунистов — в одной из губерний Центральной России¹⁹³. Однако большинство делегатов поддержали позицию Центрального бюро. Секциям вменялось в обязанность разъяснять нереальность и вредность лозунгов о вооруженном прорыве на родину¹⁹⁴. Вместе с тем конференция подчеркнула огромное значение интернациональных отрядов, находящихся в тылу, в восточных районах страны, их дисциплинированность, политическую роль, их заслуги при подавлении контрреволюционных кулацких восстаний, в частности в районе Томска, Новониколаевска и Семипалатинска¹⁹⁵.

Решения конференции помогли тысячам венгерских коммунистов и интернационалистов, которые решили остаться в Стране Советов, найти свое место в жизни советского народа, приступившего к гигантскому мирному строительству. Вновь избранный состав Центрального бюро возглавлял Бела Кун. Одним из конкретных результатов работы нового руководства явилось создание венгерских отделов агитации и пропаганды в Баку, Харькове, Новороссийске и Ставрополе, а также издание двух новых венгерских газет: в Ташкенте и Омске (всего они выходили в 15 городах). Большое внимание Центральное бюро уделяло подготовке кадровых командиров из среды наиболее стойких и политически зрелых интернационалистов. Были созданы специальные курсы в Ташкенте, Омске, Москве, а затем в Баку (Высшая особая военная школа командного состава во главе с бывшим капитаном генштаба австро-венгерской армии Дюлой Капитань). Курсанты этой школы проявили себя в боях за освобождение Грузии в феврале 1921 г. Батальоном венгерских интернационалистов, участвовавшим в разгроме войск грузинских меньшевиков под Тифлисом, командовал Д. Капитань¹⁹⁶. Затем венгерские интернационалисты были брошены на борьбу против дашнаков и вместе с частями 11-й армии приняли участие в установлении Советской власти в Армении.

Много венгерских интернационалистов на завершающем этапе гражданской войны вступило в специальные части ВЧК, ЧОН, ВОХР, участвуя в подавлении контрреволюционных мятежей. Отличились венгерские интернационалисты в боях по ликвидации банд Махно в Гуляй-Поле. За героизм, проявленный в ходе ликвидации банд, орденами Красного Знамени были награждены комбриг Дюла Бошкочич и 19 венгерских интернационалистов¹⁹⁷.

В числе командиров и комиссаров бригад по охране внутреннего порядка были такие видные военные деятели движения венгерских интернационалистов, как Дюла Бошкочич, Рудольф Фекете, Лайош Гавро, Дюла Андраш Варга, Эмиль Брандейс, Ференц Патаки и др. Ф. Патаки в 1921—1923 гг. возглавлял отдел борьбы с бандитизмом ВЧК, был одним из тех, кто созда-

вал пограничные войска Страны Советов. Бела Кун, Мате Залка, Ференц Мюнних и многие другие бывшие венгерские военнопленные, прошедшие школу Великого Октября и гражданской войны, всю свою жизнь посвятили служению делу международного пролетариата. Во имя идей пролетарского интернационализма на испанской земле под Уэской погиб герой двух гражданских войн — в СССР и Испании — командующий интернациональной бригадой Мате Залка — генерал Лукач. Ференц Мюнних в 1956 г. стал одним из главных организаторов разгрома мятежа венгерских контрреволюционеров, в числе жертв которой оказался генерал Шандор Сиклаи, бывший боец интернациональных частей Красной Армии.

Орден Красного Знамени, которым был награжден в 1927 г. Бела Кун, стал символом признания советским народом заслуг венгерских интернационалистов в гражданской войне. Получая орден, Б. Кун заявил, что эту высокую награду он принимает от имени всех венгерских героев, живых и павших: «От имени Лигети, Яроша, Райнера, Винермана, этого бывшего рабоче-жестящика, ставшего командиром партизанского отряда, и от имени многих других, которых перечислить невозможно, но которые пожертвовали самым дорогим — жизнью, сражаясь на различных фронтах в рядах Красной Армии России»¹⁹⁸.

Газета «Вёрёш Уйшаг», обращаясь к группе венгерских военнопленных, которые после завершения гражданской войны покидали советскую землю, к «красным героям, красным мадьярам, сражавшимся вместе с русскими братьями от Амура до Черного моря», писала: «Русский пролетариат товарищеским рукопожатием прощается с вами, красными солдатами-интернационалистами, и этим рукопожатием он также дает вам обещание, что, когда на берегах Тисы вновь загремят пушки, он оставит завод и плуг и придет к вам на помощь так же, как это сделали вы на Урале и на Дону»¹⁹⁹. Эти слова сбылись и во время второй мировой войны, когда советский народ освободил Венгрию от гитлеровских оккупантов и хортистских фашистов, и осенью 1956 г., когда советский народ оказал помощь братскому венгерскому народу в борьбе против контрреволюции.

Историческое значение возникшего под непосредственным руководством партии В. И. Ленина движения интернационалистов в России состояло прежде всего в том, что оно создало организационные рамки для усвоения теории и практики социалистической революции для десятков тысяч сознательных рабочих и крестьян, указав им единственно верный путь к решению собственных социальных и национальных проблем в своей стране. «Советская Россия стала высшей школой революции, интернационализма,— писал Бела Кун в 1919 г.— Никогда еще учение революционного марксизма, интернационализма не находило доступа к пролетарским массам германской и австро-венгерской монархии в таком масштабе, как в эпоху пролетарской диктатуры, среди военнопленных в России»²⁰⁰.

- 1 Правда. 1977. 12 окт.
- 2 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 378.
- 3 Magyar katonai közlöny. Вр., 1929. 969. old.
- 4 Там же.
- 5 См.: Кун И. Бела Кун. М., 1966. С. 43.
- 6 Sarló és Kalarács. 1930. N 4. 35. old.
- 7 Косарев В. Мадыяры в Сибири в 1918 году: (Воспоминания) // Советская Сибирь. Омск, 1921. 20 марта.
- 8 См.: Знамя революции. Томск, 1920. 27 авг.
- 9 Népszabadság. 1966. 3.V.
- 10 Там же.
- 11 Kelemen Andor. A Tomszki hadifoglyok mozgalma, 1916—1920. Tanúságtevők. Вр., 1977. 273—274. old.
- 12 Kun Bélané. Kun Béla. Вр., 1959. 62. old.
- 13 См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 456.
- 14 См.: Там же. С. 457.
- 15 См.: Пролетарская революция. 1926. № 2/49. С. 94—95.
- 16 См.: Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.): Сб. документальных материалов. Томск, 1957. С. 41—42.
- 17 Arkossy Károly. A tömegek golgotáján. Вр., 1934. 105. old.
- 18 Знамя революции. Томск, 1917. 28 окт. (10 нояб.).
- 19 Сиб. рабочий. 1917. 1(14) дек.
- 20 Hadtörténelmi levéltár (далее — НЛ). I. világháborús gyűtemény, 1914—1918. 4403. 48.
- 21 Népszabadság. 1966. 3.V.
- 22 См.: Сиб. рабочий. 1918. 2(15) янв.
- 23 См.: Знамя революции. 1918. 14(27) янв.
- 24 PI Archivuma 867. Sz. 1/m.; см.: Kun Béla a kortársak szemével. Вр., 1966. 68—69 old.
- 25 См.: Правда. 1917. 8 дек.
- 26 См.: Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1969. Т. 2. С. 12—13.
- 27 Там же.
- 28 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 93. Л. 5.
- 29 Tanúságtevők. 1977. 3/a. K. 129. old.
- 30 Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 446.
- 31 Ligeti Károly. Válogatott írásai. 710. old.
- 32 Рев. мысль. 1917. 22 дек. (1918. 4 янв.).
- 33 Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 662. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
- 34 Ligeti Károly. Válogatott... 13. old.
- 35 Forradalom. 1918. 14.V.
- 36 Рев. мысль. 1918. 16(29) янв.
- 37 Там же.
- 38 ГАОО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 93. Л. 15.
- 39 Forradalom. 1918. 10(23).II.
- 40 Там же.
- 41 Terbe Lajos. Szibériai magyar lapok, 1915—1921 // Országos Széchenyi Könyvtar Évkönyve (далее — OSZKE). Вр., 1960. 246. old.; 1966. 286. old.
- 42 Hadifogoly magyarok története. Вр., 1930. 2. K. 334. old.
- 43 Там же. 349. old.
- 44 Там же. 316. old.
- 45 Sarló és Kalarács. 1933. N 1. 80. old.
- 46 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 193. Л. 17.
- 47 Попов П., Буранов Ю., Шинко И. По приказу революции. Свердловск, 1966. С. 54—55.
- 48 НЛ. I. világháborús gyűtemény. 3389. 35. 7. i.
- 49 Там же. 7/24-8.
- 50 Forradalom. 1918. 24.III.
- 51 Там же. 21.IV.
- 52 НЛ. I. világháborús gyűtemény. 3389. 35. 9. i.
- 53 Nemzetközi Szocialista. 1917. 14(27).XII.
- 54 Правда. 1917. 3(16) июня.
- 55 Борьба за власть Советов в Томской губернии, 1917—1919. Томск, 1957. С. 172.
- 56 ЦПА ИМЛ. Ф. 548. Оп. 1. Д. 92. Л. 161.
- 57 См.: Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 27—28.
- 58 См.: Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 дек.; 1918. 5 янв.
- 59 Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 140.
- 60 Пролетарская революция. 1929. № 7; см. также: ЦГАОР СССР. Ф. 33333. Оп. 9. Д. 1. Л. 251.
- 61 Известия ВЦИК. 1918. 20 апр.
- 62 Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 93—94.
- 63 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1. Л. 2, 54, 103, 200 и др.

- ⁶⁴ Там же. Д. 5. Л. 27.
- ⁶⁵ Там же. Л. 18.
- ⁶⁶ Tanuságtevők. Bp., 1977. 130. old.
- ⁶⁷ Szociális forradalom. 1918. 3.IV.
- ⁶⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.
- ⁶⁹ A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogattott: Dokumentumai. Bp., 1956. 5. K. 105. old.
- ⁷⁰ Szociális Forradalom. 1918. 3.IV.
- ⁷¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 86. Л. 6.
- ⁷² Кун Б. Практический интернационализм // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М., 1919. С. 319.
- ⁷³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 6. Л. 13.
- ⁷⁴ Hadifogoly magyarok története. Bp., 1930. 2. K. 342. old.
- ⁷⁵ OSZKE. 286. old.
- ⁷⁶ HL. I világháborus gyűjtemény. 3389. 36. N 10-7/7-1076, 35/15.
- ⁷⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2. Л. 16; *Milei György. A Kommunista Magyarországi Pártjának megalakításáról*. Bp., 1962. 57. old.
- ⁷⁸ Párttörténeti Intézet Archivuma. A (XXVIII) 41.
- ⁷⁹ Социал-демократ. 1918. 14 марта.
- ⁸⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2. Л. 16.
- ⁸¹ Кун Б. О Венгерской Советской Республике. М., 1966. С. 487.
- ⁸² Szociális Forradalom. 1918. 22.V.
- ⁸³ Там же. 30.VI.
- ⁸⁴ Правда. 1918. 4 авг.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ См.: Forradalom. 1918. 1.V.
- ⁸⁷ *Kun Béla. Was wollen die Kommunisten?* Hamburg, 1919.
- ⁸⁸ Szociális Forradalom. 1918. 27.IV.
- ⁸⁹ *Kun Béla. Kié a föld?* Moszkva, 1918. 8. old.
- ⁹⁰ Кун Б. Предисловие // Ленгель Й. Исторический репортаж. М., 1933. С. 9.
- ⁹¹ *Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársaságról*. Bp., 1958. 558. old.
- ⁹² Forradalom. 1918. 31.III.
- ⁹³ Кун Б. О Венгерской Советской Республике. С. 162.
- ⁹⁴ Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 142.
- ⁹⁵ Там же. С. 156.
- ⁹⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 85. Л. 86—87.
- ⁹⁷ См.: Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5—12 июля 1918 г. Киев, 1923. С. 32.
- ⁹⁸ См.: Там же.
- ⁹⁹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август — октябрь 1918 г.): Сб. документов. М., 1969. Т. IV. С. 5.
- ¹⁰⁰ См.: *Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов*. М., 1985. С. 386.
- ¹⁰¹ Правда. 1918. 24 марта.
- ¹⁰² См.: Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 161.
- ¹⁰³ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... Т. IV. С. 439.
- ¹⁰⁴ Партийно политическая работа в Красной Армии. М., 1961. С. 442—443.
- ¹⁰⁵ См.: Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 166.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ *Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов*. С. 431.
- ¹⁰⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 147—148.
- ¹⁰⁹ *Sarló és Kalapács*. 1932. N 4/6. 50. old.
- ¹¹⁰ Там же. 50—51. old.
- ¹¹¹ Кун Б. О Венгерской Советской Республике. С. 117.
- ¹¹² *Az OK(b)P Magyar csoportja a KMP megalakításáeret // Párttörténeti közlemények*. 1964. N 2. 164—169. old.
- ¹¹³ См.: Кун Б. О Венгерской Советской Республике. С. 118.
- ¹¹⁴ Там же. С. 119.
- ¹¹⁵ Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 144.
- ¹¹⁶ Кун Б. О Венгерской Советской Республике. С. 120.
- ¹¹⁷ Всего на партийную работу в Венгрии с ноября 1918 по март 1919 г. выехали из Советской республики 300 венгерских коммунистов. См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 35; Оп. 7. Д. 81. Л. 6.
- ¹¹⁸ Szociális Forradalom. 1918. 9.XII.
- ¹¹⁹ Там же. 20.XI.
- ¹²⁰ ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 33. Л. 117.
- ¹²¹ Там же. Л. 115; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 8. Л. 120.
- ¹²² Правда. 1918. 4 авг.
- ¹²³ Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 52—53.
- ¹²⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 8. Л. 8.
- ¹²⁵ Кун Б. Практический интернационализм. С. 314.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Согласно донесению офицера штаба Иштвана Шветцера от

- 9 мая 1918 г., до конца марта 1918 г. в Красную Гвардию вступило около 60 тыс. австро-венгерских пленных, среди которых был весьма значителен удельный вес венгров (HL. I. világháborus gyűjtemény. 3409. Cs. B-1/29. 412. 904). По сведениям, полученным армейской контрразведкой 4-й австро-венгерской армии предполагалось, что в советских отрядах находилось около 70 тыс. австрийцев, венгров и немцев (HL. Film-tár (далее — FT). Präs. Kriegsministerium. 10/kgf. Abt. 1918. N 21647). По предположительным опять-таки данным австро-венгерского главного командования, с октября 1917 по май 1918 г. «в распоряжении большевистского правительства находилось 85 тыс. венгров. См.: HL. FT. AOK. Chef des Generalstabes. Fasc. 1382. 1918. N 130. 650.
- 128 Forradalom. 1918. 10.III.
 129 Там же. 12 V.
 130 Hadifogoly magyarok története. 2. K. 360. old.
 131 ГАОО. Ф. 715. Оп. 7. Д. 267. Л. 43—44.
 132 Там же.
 133 Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 174.
 134 Sarló és Kalapács. 1931. N 3. 80. old.
 135 Там же.
 136 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 474. Л. 7.
 137 Лазо С. Воспоминания и документы. М., 1938. С. 33.
 138 См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 435.
 139 Szociális Forradalom. 1918. 25.IX.
 140 Sarló és Kalapács. 1932. N 2. 58. old.
 141 ГАОРСС МО. Ф. 2191. Оп. 1. Д. 1538.
 142 ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 187. Л. 27.
 143 Hedifogoly magyarok története. 2. K. 345. old.
 144 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 49. Л. 4—21.
 145 A magyar munkásmozgalom múzeum évkönyve, 1967—1968. Вр., 1969. 122—125. old.
 146 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 49. Л. 4—21.
 147 См.: Звягин И. П. От царского солдата до солдата революции. Сталино, 1957. С. 151—153.
 148 Одесский листок. 1918. 1 марта; Odessaauer Zeitung. 1918. 1.III.
 149 HL I világháborus gyűjtemény. 3389. 57.
 150 Hadtörténelmi Közlemények. 1963. N 2. 141. old.
 151 HL. FT. AOK. Op. Abt. 130096—1918. 382. Fasc. 402, I; HL. FT. Int. 4. 6.
 152 Весенин Е., Светлов А. Миллионы друзей. М., 1940. С. 12.
 153 См.: Гая-Гай. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М., 1931. С. 41, 47.
 154 См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М., 1957. С. 337.
 155 См.: Самарская губерния в годы гражданской войны. Куйбышев, 1958. С. 322, 326; Боевое содружество... С. 376—381.
 156 Szociális Forradalom. 1918. 16. 23.X.
 157 См.: Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 204—221.
 158 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 474. Л. 7.
 159 Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 315.
 160 Боевое содружество... С. 459.
 161 Там же. С. 460.
 162 Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 243.
 163 Vörös Ujság. Киев, 1919. 31.VIII.
 164 См.: Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 75—76, 333—351.
 165 Боевое содружество... С. 497.
 166 Proletár. 1920. 8.VII.
 167 Омск в дни Октября и установления Советской власти. Омск, 1947. С. 157—158.
 168 Партийный архив Новосибирской области. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1032. Л. 5. (Протокол II подпольной конференции РКП(б), 20—21 мая 1919 г.).
 169 См.: Колмогоров Н. Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске. Омск, 1958. с. 16.
 170 ЦГАОР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 206. Л. 266.
 171 См.: Фаркаш Г. Деятельность подпольной организации красноярских коммунистов в Красноярске в 1919 г. // Пролетарская революция. 1929. № 10(93). С. 100—102.

- ¹⁷² Vörös Ujság. Омск, 1920. 6.VI.
- ¹⁷³ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 51. Л. 36.
- ¹⁷⁴ Vörös Ujság. Москва, 1920. 27.VI.
- ¹⁷⁵ Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 443.
- ¹⁷⁶ См.: *Сологубов И. С.* Иностран-
ные коммунисты в Туркестане.
Ташкент, 1961. С. 139—141.
- ¹⁷⁷ ЦГАСА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 628.
Л. 1—3.
- ¹⁷⁸ См.: *Позняков К. И.* Красный
тыл — фронту: Деятельность Ком-
мунистической партии по укреп-
лению тыла Красной Армии в пе-
риод разгрома врангельщины:
(На материалах Украины). Харь-
ков, 1968. С. 199.
- ¹⁷⁹ См.: Ленинский сб. Т. 39. С. 340.
- ¹⁸⁰ См.: Коммунист. 1920. 22.X.
№ 236.
- ¹⁸¹ *Супруненко Н. И.* Очерки исто-
рии гражданской войны и иностран-
ной военной интервенции на
Украине. Киев, 1966. С. 433.
- ¹⁸² Tanúságtevők. 1977. 456. old.
- ¹⁸³ См.: Венгерские интернационали-
сты... Т. 1. С. 290—293; ЦПА ИМЛ.
Ф. 7. Оп. 1. Д. 92. Л. 18; Партий-
ный архив Свердловской области
(далее — ПАСв. О). Ф. 41. Оп. 1.
Д. 1123. Л. 120.
- ¹⁸⁴ ПАСв. О. Ф. 41. Оп. 1. Д. 540.
Л. 138. Весной 1920 г. секций было
собрано свыше 13 тыс. руб. в по-
мощь Западному фронту. См.:
ПАСв. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 79.
Л. 196.
- ¹⁸⁵ ПАСв. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Az OKP Magyar agitációs osztá-
lyainak II. öszorosországi Érte-
kezlete (1920. szeptember 26.—29.
Moszkvában). Moszkva, 1920.
4. old.
- ¹⁸⁸ Там же. 21. old.
- ¹⁸⁹ Там же. 25. old.
- ¹⁹⁰ Там же. 49. old.
- ¹⁹¹ Там же. 51. old.
- ¹⁹² Там же. 52—53. old.
- ¹⁹³ Там же. 55—56. old.
- ¹⁹⁴ Там же. 54. old.
- ¹⁹⁵ Там же. 59. old.
- ¹⁹⁶ См.: Венгерские интернационали-
сты... Т. 2. С. 425—427.
- ¹⁹⁷ См.: Там же. С. 441—442.
- ¹⁹⁸ Uj Marcius. 1927. X—XI.
- ¹⁹⁹ Vörös Ujság. 1921. 15.I.
- ²⁰⁰ *Кун Б.* Практический интерна-
ционализм. С. 320.

РУМЫНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Октябрьская революция и румынские трудящиеся в России

Передовая часть румынских трудящихся, находившихся в России, с полным одобрением встретила Великую Октябрьскую социалистическую революцию, установление в России Советской власти. «Приветствуем шаг Совета Народных Комиссаров, который обращается к войскам и народам для заключения долгожданного мира,—гласила резолюция, принятая 12(25) ноября 1917 г. Румынским социал-демократическим комитетом действия в Одессе,—только империалисты и капиталисты хотят продолжения войны. Румынский народ хочет мира»¹.

На чрезвычайном общем собрании румынских трудящихся, проживавших в Одессе, 16(29) ноября 1917 г. была принята резолюция, в которой говорилось: «Румынские рабочие, крестьяне и солдаты, находящиеся в Одессе, считают стремление русского революционного правительства немедленно заключить мир величественным и революционным актом... От имени истерзанного румынского народа, от имени сирот, вдов и калек мы выражаем симпатии и признательность и от души восклицаем: „Да здравствует русская революция, несущая мир!“»².

В воскресенье 19 ноября (2 декабря) 1917 г. трудящиеся Одессы провели грандиозную демонстрацию с требованием скорейшего заключения мира. Находившиеся в городе румынские рабочие, солдаты и моряки приняли участие в этой демонстрации, образовав свою колонну. С красными знаменами и лозунгом на румынском и русском языках «Румынский народ также хочет мира» румынские демонстранты прошли в центральную часть города. В состав колонны в ходе демонстрации вливались новые группы рабочих различных румынских предприятий, солдаты 17-го артиллерийского полка, дислоцированного в Одессе, моряки с военных и торговых румынских кораблей, легко раненные румынские солдаты, а также находившиеся в Одессе военнопленные трансильванские румыны. После манифестации состоялся большой митинг румынских рабочих и солдат, прошедший под лозунгом «Мир народам!». На митинге выступил ряд ораторов. Михай Бужор в своей речи призвал румынских трудящихся следовать примеру российского пролетариата и закончил выступление призывом «Долой олигархию, да здравствует свобода!»³.

Еще 16(29) ноября 1917 г. «Лупта» опубликовала Декрет о мире и специальное воззвание Румынского социал-демократического комитета действия «Ко всему румынскому народу»⁴.

В те незабываемые, потрясшие весь мир дни имя В. И. Ленина было буквально у всех на устах. «Лупта» 1(14) ноября 1917 г. опубликовала биографическую статью «Ленин», в которой характеризовала его как «народного вождя, имеющего железный характер».

В начале декабря 1917 г. Румынский социал-демократический комитет действия обратился к Советскому правительству со специальным посланием, которое было опубликовано в «Правде» под названием «Обращение румынских социал-демократов к русской революции». В этом обращении румынские революционеры еще раз горячо приветствовали победу революции, а также сообщали о проделанной работе и излагали свои планы на будущее. Обращение начиналось словами о том, что «русская революция держит в своих руках знамя социализма и она стала опорой и надеждой пролетариата соседних стран, а следовательно, и румынского пролетариата»⁵.

Ведя большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди румынских трудящихся, находившихся на юге России, Комитет действия рассматривал себя как неразрывную часть революционных сил Румынии, поддерживал связь с революционным движением в самой Румынии и содействовал ознакомлению передовой части румынского рабочего класса с опытом Октября, преодолению некоторых ошибочных представлений, имевшихся у действовавших в стране левых социал-демократов⁶.

Значительную часть издаваемой литературы румынские революционеры направляли к себе на родину. Опираясь на помощь большевиков, революционно настроенных солдат русских армий Румынского фронта, агенты Комитета действия переправлялись через Прут и успешно распространяли там литературу.

Многочисленные рапорты полиции, а также командиров румынских воинских частей свидетельствовали о широком распространении листовок, газет и другой литературы на румынской территории. В донесениях подчеркивалось, что революционная пропаганда Комитета действия влияет на гражданское население и солдат⁷.

Деятельность румынских революционеров была сложной и опасной. Неоценимую помощь в этом трудном деле им оказывали большевистские организации и большевистски настроенные солдаты русских армий Румынского фронта. 21 ноября 1917 г. большевики 6-й армии организовали в г. Романе массовый митинг с участием румынских солдат и трудящихся, на котором были оглашены декреты Советского правительства о земле и мире⁸.

После победы Октябрьской революции число румынских рабочих и военнослужащих на юге России значительно возросло. Еще в октябре 1917 г. румынские революционеры сумели орга-

низовать в районе румынских городов Дорохой и Яссы тайные переправы через Прут. На территорию Советской России переходили много румынских солдат, а также молодые рабочие и крестьяне, не желавшие сражаться за интересы румынской олигархии и избегавшие мобилизации в королевскую армию.

Румынские левые социал-демократы и сочувствующие им рабочие-соотечественники, проживавшие в Бессарабской, Херсонской и Подольской губерниях, спланировали в социал-демократические секции и группы и др. В конце 1917 — начале 1918 г. организации румынских левых социал-демократов сложились в Новой Килии, Кишиневе, Тирасполе.

В конце 1917 г. деятельность одесского Румынского социал-демократического комитета действия заметно расширилась. Комитет регулярно устраивал публичные лекции, организовывал собрания и митинги. Эти мероприятия обычно проводились в помещении Одесской большевистской организации на улице Кондратенко или в клубе одесской Красной Гвардии. В результате агитационно-пропагандистской работы членов секции румынские рабочие, солдаты и моряки стали глубже разбираться в происходивших в России всемирно-исторических событиях и лучше понимать, что им самим надлежит сделать, чтобы помочь как российскому пролетариату, так и трудовому народу Румынии.

На румынских промышленных предприятиях, эвакуированных в Одессу, Херсон, Николаев и другие города, рабочие прогнали старую администрацию, избрали фабрично-заводские комитеты и взяли управление предприятиями в свои руки. Участник этих событий, рабочий судовой верфи «Ферник» Сандулеску в своих воспоминаниях пишет: «Мы решили объявить завод своей собственностью, снять наших начальников и составить свое заводоуправление. Сначала объявили забастовку, она тянулась более месяца... Когда мы пришли обратно на работу, то мы прямо стали действовать, арестовали всех руководителей и сами стали пользоваться заводом»⁹. Рабочие и солдаты румынского авиационного парка, расположенного на окраине Одессы, разогнали офицеров и избрали Совет¹⁰.

Для охраны предприятий и поддержания на них революционного порядка в связи с враждебными происками бывшей администрации и ее агентуры румынские рабочие образовали боевые дружины, объединяющие по десять человек каждая¹¹.

Часть средств, которые поступали от реализации продукции, выпускаемой экспропрированными предприятиями, шла на издание газеты «Лупта», революционную пропаганду и обеспечение боевых рабочих дружин и отрядов.

Румынский социал-демократический комитет действия работал в тесном содружестве с большевистским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских (матросских) депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчеродом), оказывавшим румынским революционерам политическую и моральную поддержку. В декабре 1917 — январе

1918 г. на II съезде Румчерода участвовала группа видных румынских социал-демократов. В своих выступлениях они с воодушевлением говорили, что социалистическая революция в России положила начало освобождению трудящихся всего мира от капиталистического рабства, а Советская Россия является оплотом и подлинным отечеством международного пролетариата. «Знайτε, товарищи, что Румыния смотрит на русскую революцию как на свою избавительницу,— заявил на II съезде Румчерода видный деятель румынского рабочего движения А. Николау,— она знает, что русская революция сделала для рабочих, для крестьян и для солдат и что русские рабочие и солдаты будут продолжать свою войну против тех, кто желает вырвать из их рук все результаты этой революции... Румынский народ видит единственную надежду своего освобождения в победе русской революции. Румынский народ, угнетаемый буржуазным королем и чиновниками, жаждет освобождения и обращается к русскому пролетариату с просьбой о спасении. Да здравствует русская революция! Да здравствует Интернационал!»¹²

Председательствовавший на съезде большевик П. И. Старостин в своем ответном выступлении поблагодарил румынского революционера за приветствие. Под бурные аплодисменты делегатов Старостин закончил свою речь следующими словами: «Победа революции в России будет освобождением рабочего класса всего мира. И я глубоко убежден, что торжество российской революции есть залог освобождения пролетариата всего мира... И мы надеемся, что они (румынские пролетарии.— Авт.) также сбросят с себя путы буржуазии, путы своего царя и пробьются, как и мы, к социализму. И вместе с вами, вместе с рабочими всего мира мы пойдем в царство социализма. Да здравствует Интернационал! Да здравствует рабочий народ Румынии»¹³.

Еще 26 ноября (9 декабря) 1917 г. реакционное румынское правительство с согласия своих антантовских союзников пошло на подписание в Фокшанах соглашения с Германией и Австро-Венгрией о временном прекращении военных действий. Сделано это было с двойной целью: несколько ослабить размах антивоенного движения в стране и освободить силы для того, чтобы совместно с контрреволюционными частями генерала Д. Г. Щербачева и Украинской Центральной рады развернуть антисоветскую интервенцию¹⁴. Самый смысл перемирия на Румынском фронте сводился к повороту фронта против Советской России. Подрывные действия против Советской республики развернула прямая агентура румынской реакции — контрреволюционные круги в Бессарабии, сплотившиеся вокруг созданного ими 21 ноября (4 декабря) 1917 г. «Сфатул цэрия» («Совета страны» — националистического органа власти)¹⁵. Захватывая склады революционных частей русской армии, разоружая эти части, захватывая при полном содействии русского контрреволюционного офицерства большевистских руководителей, румынские правящие круги непрерывно расширяли борьбу против российских и румынских револю-

ционных сил. Заявив протест против начавшейся румынской интервенции и сопутствовавших ей репрессий, Советское правительство 13(26) января 1918 г. приняло постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией в связи с военными действиями, навязанными румынской олигархией¹⁶.

Румынские революционеры внимательно следили за происками реакционных сил на Румынском фронте и в Молдове. Румынские интернационалисты решительно выступили против первых же антисоветских вылазок королевского правительства. На состоявшемся 17(30) декабря 1917 г. общем собрании румынских рабочих и солдат Одессы была принята резолюция протеста против действий румынского правительства, которое, как отмечалось, «изменнически нападает на русские революционные войска на румынской территории и интригует против правительства Советов»¹⁷. Участники собрания потребовали прекратить преступную деятельность буржуазно-помещичьего правительства и заявили, «что для спасения родины есть только один путь — уничтожение румынской олигархии и введение республиканского строя»¹⁸.

В связи с тем, что действия румынской олигархии по отношению к русским революционным солдатам Румынского фронта становились все наглее, чрезвычайное собрание румынских трудящихся, которое состоялось 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) в клубе одесской Красной Гвардии, гневно осудило преступления, совершавшиеся правящими кругами буржуазной Румынии, и заявило, что румынский пролетариат «отомстит олигархии за убитых русских революционеров, поднявших голос в защиту измученных рабочих, солдат и крестьян Румынии»¹⁹.

Командированный Советским правительством в Одессу для участия в работе II съезда Румчерода член Петроградского комитета большевиков и Президиума ВЦИК В. Володарский в беседе с румынскими левыми социал-демократами 8(21) декабря 1917 г. сказал: «Румыния — самая близкая к нам страна; нам известны усилия румынской социал-демократии для заключения мира, и мы заверяем ее в нашей поддержке в борьбе за освобождение румынского народа»²⁰.

Огромное значение для деятельности Румынского социал-демократического комитета действия имели встречи его руководителей с В. И. Лениным и видными деятелями большевистской партии.

В начале декабря 1917 г. в Петроград приехал М. Бужор. Из Одессы он привез два экземпляра докладной записки по вопросам, касающимся разветвления революционной деятельности румынских революционеров на юге России: один — для В. И. Ленина, другой — для Народного комиссариата иностранных дел²¹. В революционном Питере Бужор провел более месяца. Он работал в архиве НКВД, в редакции «Правды», посещал митинги и собрания рабочих, солдат и матросов. 16(29) декабря 1917 г. в цирке «Модерн» состоялся митинг военнопленных. В числе других ораторов выступил на румынском языке и Бужор²².

В конце декабря 1917 г. В. И. Ленин тепло принял этого известного деятеля румынского рабочего движения в своем кабинете в Смольном и подробно беседовал с ним по-французски о положении в Румынии и на Балканах²³. Затем М. Бужор несколько раз виделся с В. И. Лениным во время работы III Всероссийского съезда Советов. Последний раз М. Бужор видел В. И. Ленина в Смольном после заседания Совнаркома 15(28) января 1918 г. Из рук Владимира Ильича Бужор получил мандат, удостоверяющий, что он назначен членом только что образованной «Верховной автономной коллегии Совета Народных Комиссаров по русско-румынским делам»²⁴.

Под благотворным воздействием идей ленинизма и исторических свершений пролетарской революции, а также в результате идейно-политической работы, развернутой Комитетом действия, у румынских трудящихся крепло классовое сознание, росло стремление к совместной с российскими рабочими и крестьянами борьбе за идеалы социализма, к свержению режима эксплуатации и угнетения в собственной стране.

10(23) января 1918 г. в «Правде» была опубликована резолюция Румынского социал-демократического комитета действия, принятая в связи с вероломной агрессивной буржуазно-помещичьего правительства Румынии против Советской России. В резолюции указывалось, что румынская олигархия, используя помощь американских и англо-французских империалистов и находясь в тесном контакте с русской, украинской и молдавской контрреволюцией, преследует сейчас одну цель — задушить пролетарскую революцию в России. Ярким подтверждением этому, отмечалось далее в резолюции, явились расстрел русских революционных солдат в Румынии и захват ряда местностей Бессарабии. Разоблачая преступные замыслы румынских бояр и капиталистов, румынские революционеры определили свои цели и задачи в создавшейся обстановке. В заключительной части резолюции говорилось: «Исполнительный комитет партии видит в последних событиях лишнее доказательство того, что румынское правительство есть правительство национального бедствия, и призывает всех трудящихся, честное и сознательное население страны встать и свергнуть правительство олигархии, этот источник гибели страны. Долой олигархию! Да здравствует революция!»²⁵.

В интересах мобилизации румынских революционных рабочих и солдат на поддержку власти Советов, а также в целях оказания содействия революционной борьбе румынских трудящихся против буржуазно-помещичьего режима в Румынии возникла необходимость в создании румынской военно-революционной организации. 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) на базе существовавшей при Румынском социал-демократическом комитете действия военной секции, несмотря на противодействие некоторых реформистских элементов, был создан Румынский военно-революционный комитет. В его состав вошли румынские революционеры, стоявшие на близких большевикам позициях: М. Бужор,

И. Дическу-Дик, А. Николау, В. Попович, Г. Стройчиу, А. Залик и др.²⁶ Спустя некоторое время секретарем ревкома был избран И. Дическу-Дик. Румынский ревком установил тесную связь с большевистским Румчеродом. Один из членов ревкома был введен с правом решающего голоса в состав Румчерода. В свою очередь, представитель Румчерода вошел в состав румынского ревкома²⁷.

29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) при Исполнительном комитете Румчерода была образована международная секция. От румынских левых социал-демократов в ее состав вошли М. Бужор и А. Николау²⁸.

Событием большой важности явилось образование в Одессе группы румынских коммунистов — одной из первых румынских коммунистических организаций.

9(22) января 1918 г. газета «Известия Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота города Одессы» сообщала: «В Одессе на днях образовалась фракция румынских большевиков, в программу которой входит борьба с румынской буржуазией»²⁹. Далее газета отмечала, что большевистский Румчерод выделил группе помещение и принял решение о предоставлении ей типографии.

Таким образом, с первых дней своего возникновения Румынская коммунистическая группа в Одессе ощущала заботу и получала помощь со стороны одесской большевистской организации.

Взрыв негодования вызвала у румынских трудящихся вооруженная интервенция в Бессарабии, начатая королевским правительством Румынии в конце 1917 г.

По инициативе Румынского военно-революционного комитета 9(22) января 1918 г. в Одессе была проведена внушительная демонстрация протеста румынских трудящихся против преступных действий румынской олигархии. В демонстрации участвовало около 3000 человек³⁰. С красными знаменами и транспарантами, на которых было написано «Да здравствует румынская революция!», колонны румынских рабочих, солдат и матросов прошли по центральным улицам города. Затем демонстранты посетили румынские госпитали, провели там летучие митинги, разъясняя раненым солдатам сущность происходящих событий и причину демонстрации³¹.

Вечером демонстранты направились в порт, где находились казармы 10-го и 14-го румынских артиллерийских полков. Разогнав офицеров, участники демонстрации освободили солдат, которые были заперты в казармах, и вместе с ними вышли на Приморский бульвар, где должен был состояться митинг. Когда колонны проходили мимо зданий Румчерода, их приветствовали члены президиума Румчерода В. Г. Юдовский, П. И. Старостин и др. На многочисленном митинге румынские рабочие, солдаты и матросы с волнением слушали ораторов и горячо одобряли их призывы к борьбе против преступной румынской олигархии.

Выступавшие на митинге А. Николау, А. Залик и другие румынские революционеры заявили, что ответом румынского пролетариата на наглое вторжение королевских войск на территорию Советской России будет создание румынской революционной армии, которая совместно с советскими войсками разгромит зарвавшихся интервентов.

10(23) января «Лупта» вышла под большим заголовком: «Час нашей революции пробил!». Выражая мысли и чувства румынских трудящихся, «Лупта» писала, что братская кровь, пролитая на полях Бессарабии, требует возмездия, и это преступление румынская олигархия смочит только своей кровью. Опубликованное в газете воззвание румынских революционеров закончилось призывом: «К оружию, товарищи и граждане! Образует революционную румынскую армию для защиты Русской революции, земли Бессарабской республики и свержения прогнившего режима преступной олигархии! Да здравствует революция! Да здравствует республика!»³².

Румынский ревком совместно с Румынским социал-демократическим комитетом действия и составлявшей его ядро Румынской коммунистической группой повели энергичную работу по формированию добровольческих частей из находившихся в Одессе и Бессарабии румынских рабочих, солдат и моряков. Был издан ряд новых обращений к румынским трудящимся. В них подчеркивалось, что те, кто напал на первую в мире республику рабочих и крестьян, являются врагами не только рабочих и крестьян Советской России, но и румынского трудового народа и с ними нужно бороться с оружием в руках. «К оружию! Вступайте все в первый румынский батальон. Солдаты, рабочие и крестьяне! Собирайтесь вокруг Красного знамени свободы, справедливости и братства между народами. Создадим батальон и полки, которые завтра освободят Румынию из-под власти преступной и чуждой народу», — говорилось в одном из воззваний³³.

Начиная с середины января 1918 г. в «Лупте» и одесских большевистских газетах систематически печатались объявления о записи добровольцев в 1-й румынский революционный батальон. Командиром батальона стал В. Попович, а батальону после того, как стало известно о гибели выдающегося деятеля немецкого и международного рабочего движения К. Либкнехта, застреленного немецкими контрреволюционерами, было присвоено имя этого пламенного интернационалиста. Одновременно началась и запись моряков в румынский морской батальон. Одесская газета «Южная мысль» 25 января (7 февраля) 1918 г. сообщала, что в румынские революционные отряды записались 800 человек и что 150 из них в полном боевом снаряжении отправились на фронт под Бендеры³⁴.

В тот период пролетариат Одессы и революционные моряки Черноморского флота вели жестокие уличные бои против войск Центральной рады. Плечом к плечу с одесскими красногвардейцами, революционными матросами и солдатами румынские добро-

вольцы штурмовали занятый гайдамацкими куренями вокзал, выбивали из военных училищ яростно сопротивлявшихся офицеров и юнкеров, ликвидировали последние контрреволюционные очаги на окраинах города. 17 января 1918 г. в отбитом у врага станционном здании Одесса-Малая красногвардейцы провели летучий митинг. Выступивший на нем румынский интернационалист Михай Василиу сказал: «Нас никто не посылал сюда, мы сами взяли оружие и добровольно пришли помочь вам изгнать буржуев и помещиков. Сегодня румынские матросы пролили свою кровь за русскую революцию, а завтра, возможно, вам придется помогать нам. Так и должны всегда поступать рабочие люди»³⁵.

В ответ на интервенцию, начатую буржуазно-помещичьим правительством Румынии против Советской России, и на преследования румынских революционеров и русских революционных солдат в Румынии были арестованы румынские парламентарии, генералы и высокопоставленные чиновники, находившиеся на юго-западе Советской страны. Как сообщали газеты, только в Одессе было арестовано около 200 человек. Часть арестованных вскоре была освобождена. Но около 80 человек продолжали оставаться под арестом в качестве заложников³⁶.

На требования румынского буржуазно-помещичьего правительства об освобождении заложников было предъявлено условие — вывести войска из Бессарабии и освободить политических заключенных.

Необходимый и своевременный акт обороны, предпринятый румынским революционным центром в Одессе, и выдвинутые им условия освобождения заложников имели большое значение³⁷.

Румынский ВРК обратился в ЦИК Румчерода с ходатайством немедленно секвестровать интендантские склады румынской королевской армии, которые находились в Одессе, Херсоне, Тирасполе, Раздельной, Николаеве, Севастополе и других городах. ЦИК Румчерода удовлетворил эту просьбу. Конфискованное имущество румынской королевской армии позволило наладить снабжение формирующихся румынских революционных батальонов оружием, боеприпасами и обмундированием³⁸.

В Одесском порту румынскими революционерами были конфискованы 6 шаланд и барж, груженных военной техникой, боеприпасами, обмундированием, медикаментами и т. д. Среди изъяттого имущества оказалось 30 автомобилей марки «Форд»³⁹. Было конфисковано также имущество высших офицеров румынского военно-морского флота: адмирала Пантази, коммодоров Мардиняну, Теодореску и др.⁴⁰ Во второй половине 1917 г. в Одессе выходила газета «Веститорул» («Вестник») — фактически орган румынского королевского правительства. Эта газета клеветала на Октябрьскую революцию, большевистскую партию и румынских левых социал-демократов, она стремилась отвлечь румынских рабочих, солдат и моряков, находившихся в южных районах России, от участия в революционной борьбе.

10(23) января 1918 г. группа вооруженных румынских революционеров прибыла в редакцию «Веститорул», реквизировала шрифт и весь запас бумаги, после чего румынский офицер больше не выходил⁴¹.

В конце января 1918 г. в Одессе завершилось формирование двух румынских революционных батальонов: пехотного и морского. Началось формирование третьего батальона⁴². Газета «Известия Одесского Совета» 24 января (6 февраля) 1918 г. писала: «В Одессе формируются и на днях отправляются против Щербачева и королевских румынских войск отряды румын-социалистов, ярых сторонников большевиков. Численность их внушительная. К ним присоединяется румынский военный корабль...». В другом номере этой же газеты говорилось: «Вчера в интернациональную секцию „Румчерода“ явилась многочисленная группа молодых румынских социалистов, требовавших их зачислить в боевые румынско-социалистические отряды, действующие против королевских войск...»⁴³. Газета «Голос пролетария» от 31 января (13 февраля) 1918 г. сообщала: «...очень много румын записываются в военно-революционные батальоны»⁴⁴. Всего в пехотный батальон записались 1082 человека. Батальон состоял из 4 рот, каждая рота имела по 3 взвода. Кроме румын, которые составляли большинство бойцов батальона, в его состав входили также 142 еврея, 3 итальянца, 2 немца, 2 турок и 2 грека⁴⁵. Командиром и комиссаром батальона Румынского ВРК назначил испытанного революционера В. Поповича. Первой ротой командовал Г. Коган, второй — бывший прапорщик румынской армии, примкнувший к революционному движению, И. Мунтяну. Третьей ротой, состоявшей почти целиком из выходцев из Северной Добруджи, командовал М. Бузинов⁴⁶. Другие командные должности в пехотном батальоне занимали Т. Диамандеску, И. Сечану, Ж. Маринеску, М. Буюмович, Н. Василеску, Д. Север, Н. Удря и др.

Из румынских матросов и портовых рабочих, находившихся в Одессе, был создан морской батальон, командиром которого стал Г. Строич. Боевым штабом морского батальона стало румынское судно «Дуростор». Вскоре в морской батальон влились румынские революционные отряды, созданные ранее на юге Бессарабии⁴⁷. Боевую подготовку румынские революционные батальоны проходили совместно с частями одесской Красной Гвардии⁴⁸.

В конце 1917 г. и начале 1918 г. румынские революционеры развернули активную деятельность также в Петрограде, Москве, Харькове, Мариуполе и других городах Советской России.

В начале 1918 г. румынская революционная организация возникла в Харькове при местном Совете. Она выпустила несколько воззваний на румынском языке, в которых призывала румынских рабочих и солдат, проживавших в Харькове и губернии, вступать в Красную Гвардию и защищать рабоче-крестьянскую власть⁴⁹.

В других городах Украины — Херсоне, Николаеве, Полтаве, Кременчуге, Бахмуте — многие румынские трудящиеся также стремились в ряды защитников завоеваний Октября⁵⁰. Входили они и в интернациональные по составу отряды и части. Так, например, в Херсоне в составе красногвардейских дружин были австрийцы, немцы, поляки, румыны, югославы, персы⁵¹. Революционно настроенные румынские матросы крейсера «Румыния» приняли участие в установлении Советской власти в Мариуполе⁵².

Пролетарская прослойка на флоте была значительно выше, чем в армии. В разгаре начавшейся военной интервенции в Бессарабии в середине января 1918 г. на ряде кораблей румынского военного и торгового флота, находившихся в дунайских портах, вспыхнуло восстание. Первыми восстали моряки в Сулине — базе румынского военно-морского флота. Однако восстание было недостаточно организованным и потерпело поражение. Отмечая значение восстания матросов румынского военно-морского флота в Сулине, Румынский социал-демократический комитет действия 11(24) января 1918 г. выпустил специальное воззвание по поводу событий в Сулине. «Моряки Сулины по примеру русских моряков подняли знамя революции, — говорилось в воззвании. — Движение было подавлено, но за румынским флотом навсегда останется слава, что он сделал первый шаг к новой жизни»⁵³.

Вслед за моряками Сулины восстали матросы на румынских речных судах, стоявших в порту Новая Килия. Это восстание непосредственно подготовляла килийская секция румынских левых социал-демократов. По ее инициативе 4(17) января 1918 г. на местной верфи состоялось собрание румынских рабочих, матросов и солдат. На нем присутствовала возглавляемая К. Поповичем делегация румынских революционеров, прибывших из Одессы. Собрание потребовало ликвидации монархии и «класса бояр»⁵⁴. На нем был избран революционный комитет во главе с Г. Строичем. Он назвал себя Килийским и Измаильским Революционным Румынским Комитетом⁵⁵. Созданный ревком возглавил революционную борьбу румынских трудящихся в районе дельты Дуная.

Ревком сразу же приступил к образованию румынских революционных отрядов для участия в борьбе с империалистической интервенцией в Бессарабии. Созданный в Новой Килии отряд насчитывал несколько сот бойцов⁵⁶. Революционный румынский отряд был организован и в Измаиле. В его состав входило около 500 человек⁵⁷.

Действуя в тесном контакте с русскими революционными организациями, возглавляемыми большевиками, ревком организовал 13—18 января в Новой Килии мощное революционное выступление румынских матросов, рабочих и солдат. Восстание охватило команды 13 судов. Матросы арестовали офицеров, подняли на мачтах красные флаги и заявили, что не будут воевать против рабочих и крестьян Советской России. Командование кораблями

перешло в руки военно-революционных комитетов, созданных восставшими.

Во второй половине января 1918 г. командование румынской королевской армии двинуло в направлении Измаил — Новая Килия одну пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду. Со стороны Дуная эти соединения были поддержаны военными кораблями, которые румынское командование сумело сохранить в своих руках. Против крупных сил слабооруженные, разрозненные красногвардейские отряды не могли противостоять. 22 января (4 февраля) после усиленного артиллерийского обстрела интервенты захватили Измаил, а 25 января — Новую Килию. Восставшие румынские суда оказались блокированными в устье Дуная. Все же нескольким кораблям удалось прорваться в Черное море и присоединиться в Севастополе к красному Черноморскому флоту⁵⁸.

В связи с возникновением состояния войны между боярской Румынией и Советской Россией Центральный комитет Черноморского флота совместно с Верховной автономной коллегией по русско-румынским делам 19 февраля 1918 г. издал декрет о конфискации всех судов королевской Румынии, находившихся в портах Советской России. В декрете говорилось, что все конфискованные суда передаются в распоряжение Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам «для оказания помощи румынскому революционному движению и для передачи их румынскому временному революционному правительству, как только таковое будет составлено»⁵⁹.

Верховная автономная коллегия по русско-румынским делам постановила переименовать конфискованные корабли ввиду того, что названия этих судов отражают монархический и шовинистический дух⁶⁰. Корабль «Император Траян» стал называться «Социальная революция», «Румыния» — «Румынская республика», «Король Карол» — «Ион Роатэ»⁶¹, «Дакия» — «1907 год»⁶², «Принцесса Мария» был переименован в «Освобождение» и т. д.

Декрет о конфискации кораблей румынского королевского флота и постановление об их переименовании были зачитаны на II Общечерноморском съезде военных моряков на русском и румынском языках. Съезд, на котором присутствовали и делегаты от румынских моряков, встретил эти решения бурными аплодисментами и возгласами русских и румынских делегатов: «Да здравствует румынская революция!»⁶³. Тепло было встречено на съезде выступление участника восстания в 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» А. Сырова, который подчеркнул, что «первыми пионерами в деле создания полного единения обоих пролетариатов были потемкинцы»⁶⁴.

Румынские революционные корабли, как и румынские революционные батальоны, стали служить делу борьбы с иностранными интервентами и российской контрреволюцией.

Возникновение и деятельность Румынской коммунистической группы

В то время когда румынские рабочие, солдаты и матросы, находившиеся на юге Советской страны, совместно с красногвардейцами Бессарабии, Одессы и Крыма боролись против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, вдали от них, в центральных районах России, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в революционную работу начинали включаться военнопленные румыны-трансильванцы — бывшие военнослужащие австро-венгерской армии. Бывший боец-интернационалист Красной Армии Андрей Секей, которого Октябрьская революция застала на уральских рудниках, в своих воспоминаниях писал: «Победа русской революции оказала огромное влияние на нас, военнопленных. Русские горнорабочие с большой радостью встретили весть о том, что большевики победили. И мы, военнопленные, отпраздновали победу революции, организовав в рабочем поселке большую демонстрацию. Мы пели революционные песни, приветствовали Ленина и победу революции»⁶⁵. В марте 1918 г. А. Секей вместе с группой своих земляков добровольно вступил в Красную Армию⁶⁶.

В начале 1918 г., особенно после того, как немецкий империализм бросил свои войска против молодой Республики Советов, солидарность иностранных трудящихся — бывших военнопленных и беженцев — с Октябрьской революцией приобрела более высокие формы, переросла в движение, направленное на защиту ее завоеваний. В Москве, Петрограде, Самаре, Омске, Астрахани и многих других городах были созданы интернациональные отряды, в которых приняли участие и румынские интернационалисты. 19 апреля 1918 г. газета «Петроградская правда» сообщила: «За последнее время среди военнопленных, главным образом болгар, румын, идет усиленная запись в ряды Советской Армии. В бюро военнопленных ежедневно являются десятки желающих...» 13 марта 1918 г. собрание Революционного комитета военнопленных Московского военного округа приняло резолюцию, которая в виде листовки была выпущена на нескольких языках, в том числе на румынском⁶⁷.

Вместе с тем наряду с численно преобладавшей массой рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры, среди военнопленных были выходцы и из эксплуататорских классов. Они враждебно восприняли социалистическую революцию в России. Особенно враждебное отношение к революции проявляли пленные кадровые офицеры, которые были преимущественно дворянского происхождения. Они вели в лагерях шовинистическую пропаганду и упорно твердили рядовым военнопленным, что Октябрьская революция — это чисто русское явление и в ней не следует принимать участие.

Среди делегатов состоявшейся в марте 1918 г. в Москве конференции социал-демократов военнопленных-интернационалистов были румынские интернационалисты А. Пескариу и А. Генегариу⁶⁸.

13 апреля 1918 г. группа румынских революционеров обратилась в ЦК РКП(б) с письмом, в котором выражалось твердое желание: «...образовать румынскую группу при Российской коммунистической партии (большевиков). Цель этой группы, которая будет действовать строго в рамках программы партии и ее устава, есть пропаганда среди оставшихся в России трансильванских военнопленных, а также среди рабочих и крестьян Румынии... Цель нашей пропаганды — подготовка социальной революции среди рабочих и беднейших крестьян, говорящих по-румынски...». От имени инициативной группы письмо подписали А. Генегариу, М. Гуйю, А. Пескариу. На этом документе имеется резолюция: «Румынская коммунистическая группа ЦК партии утверждена. Имеет полномочия на посылку комиссаров и агитаторов. За секретаря ЦК РКП(б)» (подпись неразборчива)⁶⁹.

Процесс образования Румынской группы РКП(б) был довольно длительным. Первоначальной ячейкой группы была «Организация румынских рабочих и крестьян». Она возникла в декабре 1917 г. в Москве и состояла из служащих эвакуированного сюда румынского национального банка и рабочих-печатников находившейся при банке типографии. Руководящую роль в организации играла революционно настроенная группа людей: уроженец Трансильвании печатник А. Генегариу⁷⁰, служащие румынского национального банка трансильванцы Г. Колоча и Г. Арделиану, политический эмигрант из «старого королевства» М. Томеску⁷¹. Большинство членов организации были далеки от понимания классово-борьбы. Согласно уставу организации в нее мог вступить «каждый румынский рабочий или крестьянин в России без различия пола, религии и политического кредо». Для вступающих ставилось лишь одно условие — «подчиняться программе работ и решениям собрания»⁷². Положение в корне изменилось, когда в эту организацию вступила группа революционных социал-демократов из военнопленных трансильванских румын. Среди них были А. Пескариу, М. Гуйю, Э. Корнеску и другие лица, принимавшие участие в рабочем движении в Трансильвании еще до войны, а затем в революционных выступлениях военнопленных в России. Чтобы наладить издательскую деятельность, на одном из заседаний по предложению А. Генегариу было решено конфисковать типографию румынского национального банка⁷³. Вскоре типография вместе с ее персоналом перешла в ведение созданной в марте 1918 г. на базе «Организации румынских рабочих и крестьян» новой организации — «Румынской крестьянской революционной партии»⁷⁴. Руководство этой организации поставило перед собой задачу вести агитационно-пропагандистскую работу среди румын, находившихся в Советской России, на ос-

нове Программы РКП(б) и оказывать содействие революционному движению рабочих и крестьян на родине⁷⁵.

С 24 марта 1918 г. Исполком Румынской крестьянской революционной партии начал издавать еженедельную газету на румынском языке «Фоайя цэранулуй» («Крестьянский листок») тиражом в 10 тыс. экземпляров⁷⁶. Главным редактором газеты был А. Пескариу. На первой полосе газеты крупным шрифтом были выведены слова: «Мир — хижинам, война — дворцам!»

Кроме издания газеты, был налажен выпуск брошюр, листовок и другой революционной литературы.

Выполняя решения конференции военнопленных-интернационалистов о создании национальных коммунистических групп и учитывая то, что руководители революционеров (из трансильванских румын) были уже членами РКП(б), Румынская крестьянская революционная партия 13 апреля 1918 г., как об этом уже говорилось, приняла новое название — «Румынская группа РКП(б)». Группа разработала и выдвинула ряд программных требований, которые легли в основу ее деятельности: добиваться передачи земли в Румынии крестьянам-труженикам, установления в стране власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, обеспечения равноправия национальных меньшинств, осуществления национализации промышленности и банков, предоставления всем национальностям права самим решать свою судьбу, вести неустанную и повсеместную борьбу против империализма и милитаризма⁷⁷.

Как видно, программные требования, выдвинутые Румынской группой РКП(б), носили социалистический и демократический характер. Несомненной заслугой группы является ее заявление о разрыве с реформизмом. Она решительно выступила против парламентских иллюзий. «Не нужно больше парламента! — писала „Фоайя цэранулуй“ в дни, когда новый монарх Австро-Венгрии Карл, пытаясь предотвратить распад своей империи, созвал рейхсрат. — Парламентская борьба кончилась. Долой болтовню, теперь говорит улица, говорит толпа, говорят факты!»⁷⁸

Делегация коммунистов-румын приняла участие в работе Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов в апреле 1918 г.

А. Генегариу был членом президиума съезда и выступил с горячим призывом к своим соотечественникам активно участвовать в революционной борьбе как на территории Советской России, так и на родине. В своей краткой речи он сказал: «Обращаюсь к вам, братья, и говорю: не возвращайтесь домой с пустыми руками. Вступайте в ряды румынских отрядов интернациональной армии. Те, которые не в силах уже носить оружие, идя домой, расскажите всем, что видели здесь. Скажите, что здесь вы жили как братья, были свободны, а домой возвратились в рабство. Графы и бароны будут пытаться обольстить вас красивыми словами, чтобы вы защищали их от венгерских рабочих и крестьян. Не повторяйте ошибок прошлого! Помните, что только в единстве сила»⁷⁹.

Съезд избрал Михаила Гуйю членом ЦИК Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян.

На первых порах ряд причин, к которым прежде всего относились недостаточная теоретическая подготовка большинства членов Румынской коммунистической группы, отсутствие у них опыта и революционной закалки, слабое знание русского языка обусловил то, что статьи, опубликованные в газете «Фоайя цэранулуй», не всегда отличались марксистской последовательностью, в них допускались отдельные ошибки⁸⁰.

Возникшая в мае 1918 г. при ЦК большевистской партии Центральная федерация иностранных групп РКП(б) оказывала братскую помощь румынским товарищам.

Начиная с мая 1918 г. агитаторы Румынской группы РКП(б) развезжали по тем городам России — Астрахань, Самара, Саратов, Александров-Гай, Тамбов, Воронеж, Курск, Липецк, Омск и др., — где находились большие группы военнопленных трансильванских румын, и вели среди них политико-воспитательную работу⁸¹. Отдельные члены Румынской группы вели в сотрудничестве с Немецкой и Венгерской группами РКП(б) агитационную работу на Украине среди румын — солдат оккупационной австро-венгерской армии⁸².

С августа 1918 г. в Москве параллельно с Румынской группой РКП(б) начал действовать Румынский революционный коммунистический комитет. Он был создан прибывшими с юга бывшими членами одесского Румынского революционного комитета А. Николау, И. Дическу-Диком, В. Поповичем и др. Комитет поставил своей задачей объединение всех румын в России, стоящих «на платформе революционного коммунизма и власти Советов». Комитет считал себя официальным представительством Румынской социал-демократической партии в России⁸³, он установил связь с революционными организациями в Бухаресте, а также усилил пропаганду среди румын-военнопленных в Советской России.

По рекомендации ЦФИГ в конце 1918 г. Румынский комитет объединился с Румынской группой РКП(б) в единую Румынскую коммунистическую группу, секцию Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б)⁸⁴. Председателем Румынской коммунистической группы стал А. Николау, секретарем — И. Пенца. Член Румынской социал-демократической партии с 1912 г., член РКП(б) с июня 1918 г. Ион Пенца, владевший румынским, венгерским, немецким и русским языками, стал одним из активных работников президиума ЦФИГ⁸⁵. Новое руководство провело ряд мер по организационному и идейному укреплению группы.

В редакцию газеты «Фоайя цэранулуй» были введены А. Николау, В. Попович и др. Для членов группы стали регулярно читаться лекции на внутривнутриполитические и международные темы. Систематически проводились собрания. На 1 января 1919 г. в Румынской коммунистической группе в Москве насчитывалось 43 человека — 25 членов и 18 сочувствующих⁸⁶. Интенсивно ра-

ботали при московской Румынской коммунистической группе курсы агитаторов. К декабрю 1918 г. курсы окончили 24 человека⁸⁷.

Серьезную роль в идейном воспитании румынских интернационалистов в Советской России сыграли переведенные членами московской группы и изданные в Москве при содействии ЦК РКП(б) на румынском языке произведения В. И. Ленина и материалы о В. И. Ленине, а также брошюры из серии «Революционная библиотека». Осенью 1918 г. А. Николау по поручению группы написал брошюру (была издана в Москве на румынском языке в 1919 г.) «Социалистическая революция в Румынии», в которой, исходя из опыта Великого Октября, изложил программные взгляды румынских коммунистов в Советской России, их позиции по вопросу о создании в Румынии революционной партии рабочего класса, о задачах и перспективах грядущей социалистической революции. Несмотря на то что А. Николау и другие румынские коммунисты еще не преодолели полностью ряда ошибочных взглядов, преобладавших в то время в социал-демократическом движении Румынии, значение этого первого программного документа румынских интернационалистов было то, что по всем основным вопросам революционного движения в Румынии и на международной арене он исходил из противоположных реформизму революционных позиций⁸⁸.

Румынской коммунистической группой в Москве были также изданы на румынском языке работы Б. Куна «Чья земля?» и «Кто платит за войну?», Конституция РСФСР и ряд популярных брошюр. Кроме того, было выпущено на румынском языке большое количество листовок и воззваний («Что такое большевизм», «К товарищам румынам, находящимся в России», «К бывшим военнопленным-румынам из Австро-Венгрии», «К румынскому народу», «К румынским солдатам» и т. д.)⁸⁹.

Одной из важнейших сторон деятельности румынских интернационалистов в Москве было их участие в формировании интернациональных отрядов в Красной Армии. Румынский интернационалист Александру Соки (одно время агитатор группы, уполномоченный по работе среди подданных Австро-Венгрии)⁹⁰ являлся представителем Румынской группы в Военной комиссии ЦФИГ; И. Дическу-Дик с весны 1919 г. был комиссаром Управления формирования армий штаба Южной группы войск Восточного фронта, А. Генегариу был направлен политработником в интернациональную бригаду, В. Попович командовал батальоном. Позднее он возглавлял продовольственные отряды Астраханской губ., затем интернациональный коммунистический батальон и 1-ю Интернациональную бригаду⁹¹. Рабочий механик из Бухареста, член Румынской социал-демократической партии с 1908 г., член одесского Румынского ревкома, командир взвода в румынском революционном батальоне в Одессе в январе 1918 г. Теодор Диамандеску с февраля 1919 г. был командиром (позднее комиссаром) румынского интернационального полка в Харькове и Пол-

таве⁹². Ион Сечану являлся командиром румынского интернационального полка в Харькове⁹³.

Представители и агитаторы Румынской группы в Москве помогли местным румынским коммунистическим группам и ячейкам, возникшим в 1918 г. в Самаре, Астрахани, Саратове, Тамбове, Воронеже, Курске и других городах. Наиболее деятельной из местных румынских коммунистических групп в 1918 г. была Астраханская (в Царевском и других уездах Астраханской губ. и в лагерях военнопленных было сосредоточено большое число румын-военнопленных), Астраханская румынская коммунистическая группа с августа 1918 г. входила на правах секции в Астраханскую федерацию иностранных групп; председателем федерации был избран румынский интернационалист М. Бузинов, прибывший в город вместе с другими румынскими интернационалистами — бойцами румынских революционных батальонов после отступления из Одессы и Крыма⁹⁴.

Московская Румынская коммунистическая группа поддерживала связь и с румынскими интернационалистами, оставшимися для подпольной работы на оккупированном интервентами юге России и действовавшими в тесном содружестве с большевиками Украины, левобережной Молдавии и Бессарабии и с революционерами в Румынии. В Одессе под руководством подпольного комитета КП(б) Украины летом — осенью 1918 г. сложилась группа румынских интернационалистов во главе с А. Заликом. В нее входили С. Димитриу, М. Гольдштейн, И. Обороча, Н. Мирча, М. Вильдер и др. Они вели агитацию среди солдат, издавали и распространяли листовки и другую революционную литературу на румынском языке⁹⁵.

В тесном контакте с одесским подпольем находилось большевистское подполье в оккупированном австро-германскими войсками левобережном Приднестровье и захваченной румынскими войсками Бессарабии. Руководил подпольной работой в этом районе Бендерский ревком во главе с большевиками Г. И. Борисовым (Старый) и И. К. Дьячишиным. Летом 1918 г. для пропаганды среди оккупационных войск при ревкоме была создана иностранная комиссия, в составе которой была и румынская секция. На работу в ней были направлены Попович и Маркович. Под их руководством на румынском языке печаталась революционная литература и велась агитационная работа среди румынских солдат⁹⁶. В помощь агитаторам-подпольщикам, которым приходилось вести работу среди солдат румынской армии и многонациональных австро-германских войск, при участии румынских и других интернационалистов был составлен словарь-разговорник, состоявший из 500 наиболее употребляемых в обиходе слов, написанных русской транскрипцией. Впоследствии, в конце 1918 г., после прихода оккупационных войск Антанты, в составе которых были французы, греки, арабы и представители других наций, словарь-разговорник был переработан (охватил 15 языков), расширен и размножен на гектографе. Большую помощь подполь-

щикам оказал В. Попович, хорошо знавший французский язык (высланный за участие в крестьянском восстании в 1907 г. из Румынии, он прожил некоторое время во Франции).

В период оккупации Одессы и юга России французскими войсками группа румынских интернационалистов во главе с А. Заликом продолжала вести активную подпольную работу, являясь в тот период составной частью Иностранной коллегии, созданной подпольным Одесским обкомом КП(б) Украины. Румынская группа коллегии действовала не только среди румын, но и среди французских и греческих солдат. Многие румынские интернационалисты владели французским языком. А. Залик был, в частности, одним из редакторов газеты «Коммюнист», М. Вильдер, И. Обороча и др. вели агитационную работу среди французских солдат⁹⁷.

Освобождение 6 апреля 1919 г. Одессы Красной Армией позволило перенести центр деятельности румынских интернационалистов в Советской республике из Москвы в Одессу.

Румынская коммунистическая группа в Одессе, вновь начавшая действовать с первых же дней освобождения города⁹⁸, сложилась из румынских интернационалистов-подпольщиков, действовавших в Иностранной коллегии, к которой присоединились значительная часть членов московской Румынской коммунистической группы, а также румынские коммунисты, прибывшие в Одессу в рядах частей Красной Армии. Как и в период подполья, Румынская группа (вместе с Болгарской, Югославской, Польской и др.) действовала в Одессе в составе Иностранной коллегии под руководством Одесского обкома КП(б) Украины (а с весны 1919 г. и под руководством Южнорусского бюро III Интернационала). В группе числилось 27 членов и 15 сочувствующих⁹⁹. В президиуме Иностранной коллегии группу представляли М. Бужор¹⁰⁰ и А. Залик. Председателем Румынской коммунистической группы в Одессе был избран И. Обороча¹⁰¹, член Румынской коммунистической подпольной группы в Одессе в 1918 г.¹⁰²

С 19 апреля 1919 г. Румынская коммунистическая группа в Одессе начала выпускать тиражом 3 тыс. экземпляров газету «Комунистул». Ведущими сотрудниками газеты были А. Залик (его статьи с подписью А. З. публиковались почти в каждом номере), Браду, Разеану и др. Газета информировала читателей о деятельности группы в Одессе, о международном положении и революционном движении в Румынии и других странах. В ней был опубликован перевод работы В. И. Ленина «Третий Интернационал и его место в истории», публиковались документы Коммунистического Интернационала, в частности «Манифест Коммунистического Интернационала». Начиная с 3-го номера и до последнего (28-го)¹⁰³ в газете публиковалась Программа РКП(б)¹⁰⁴. Наряду с газетой румынские коммунисты в Одессе издавали также листовки, воззвания и отдельные брошюры на румынском и французском языках, предназначенные для распространения среди трудящихся-румын юга России и среди

солдат румынских и французских интервенционных войск¹⁰⁵. С конца апреля 1919 г. Румынская коммунистическая группа в Одессе начала два-три раза в неделю устраивать публичные лекции на различные общественно-политические темы. Лекции читали Бужор, Залик, Мирча, Браду, Сегал, Псата и др.

15—16 мая 1919 г. в Одессе состоялась конференция представителей румынских коммунистических групп. В ней приняли участие 22 делегата от коммунистических групп Москвы, Одессы, Херсона, Тирасполя и Киева¹⁰⁶. На конференции было решено, что руководящим центром румынских коммунистических групп будет Одесская Румынская коммунистическая группа¹⁰⁷. После конференции ряд активистов одесской группы — Сота, Мирча, Дикман, Пандалеску и др. — были направлены в Румынию для связи с подпольными коммунистическими организациями и для оказания им помощи¹⁰⁸.

По мере того как ухудшалось военное положение Одессы (к городу приближались денкинцы, захватившие в июне 1919 г. Крым), газеты «Комунистул», а затем «Скынтейя» систематически публиковали воззвания к румынским трудящимся с призывом вступать в интернациональные подразделения Красной Армии, печатали также обращения румын бойцов и командиров Красной Армии последовать их примеру и встать на защиту Советской России. В формировавшуюся в Одессе интернациональную дивизию ушли политработниками многие активисты¹⁰⁹. Несколько членов Румынской коммунистической группы в начале августа 1919 г. отправились для революционной работы на родину, в Румынию¹¹⁰.

Когда советские войска в конце августа оставили Одессу, девять членов группы переехали в Москву. Активную роль в руководстве Румынской коммунистической группы в Москве играли И. Пенца, А. Генегариу, И. Левеску, одна из виднейших деятельниц румынской социал-демократии Екатерина Арборе-Ралли¹¹¹ и Елена Праля.

В середине мая 1919 г. в Самаре состоялся большой митинг румынских интернационалистов, посвященный мобилизации всех сил на борьбу с Колчаком. В принятой на митинге резолюции читаем: «Мы, румынские рабочие и крестьяне, заброшенные на далекий берег Волги и на Урал, выполняем в рядах русской Красной Армии тот же священный долг международной пролетарской солидарности, защищая своею кровью завоевания Великой Октябрьской революции против наступления черного ворона реакции — Колчака»¹¹². В 1919 — начале 1920 г. довольно активную работу вели другие провинциальные румынские коммунистические группы.

В тот период в Самаре действовала Румынская коммунистическая группа, во главе которой стояли И. Дическу-Дик и С. Стрезой¹¹³. Группа развернула активную политико-воспитательную работу среди бывших военнопленных трансильванских румын, провела ряд массовых митингов.

В результате этой работы из румынских трудящихся была образована караульная рота, принявшая участие в боях под городом Александров-Гай. Затем часть бойцов этой роты вступила в ряды 25-й дивизии, которой командовал В. И. Чапаев ¹¹⁴.

Самарская Румынская коммунистическая группа издавала на румынском языке газету «Стягул Рошу» («Красное знамя»). Газета выходила под девизом «Смерть бандиту Колчаку и контрреволюции всего мира!». Главное внимание газета уделяла пропаганде политических знаний среди своих читателей. Немаловажную роль в пропаганде марксистско-ленинского учения среди иностранных трудящихся сыграл журнал «III Интернационал», издававшийся в Самаре в конце 1918 — начале 1919 г. международной секцией политотдела 4-й армии в содружестве с иностранными коммунистами. Журнал выходил на немецком, сербском и румынском языках. В состав его редколлегии входил представитель Румынской коммунистической группы С. Стрезой ¹¹⁵. Журнал «III Интернационал» и газеты, выходившие в Самаре на иностранных языках, пользовались большой популярностью.

Румынская коммунистическая группа Самары не ограничивала круг своей деятельности только Самарой и губернией. Через свою газету «Стягул Рошу» она обращалась к бывшим военнопленным трансильванским румынам, находившимся на Урале, в Сибири и других местах. В статье «Кю всем братьям Сибири» газета писала: «Братья, приближается шестая зима, и она вновь застанет вас в глубине Сибири, откуда преградила вам пути сибирская буржуазия. Но разве вы не сыновья и правнуки Аврама Янку ¹¹⁶, разве вы не моцы ¹¹⁷ из Ардяля ¹¹⁸, разве вы не в состоянии сломить и преодолеть все те преграды, которые возвела перед вами сибирская буржуазия. Разве вы не помните, что мы должны отомстить буржуазии, графам и баронам, которые послали нас убивать наших братьев на войне за их интересы... Братья, приходите со всеми братьями, которые находятся в Сибири, через колчаковский фронт, переходите в Советскую Россию, приходите все в Самару... Приходите, переходите скорее фронт на помощь пролетариату всего мира» ¹¹⁹.

В период господства Колчака в Сибири военнопленные были вновь загнаны за колючую проволоку. В лагерях начался открытый террор против тех, кого белогвардейцы подозревали в сочувствии Советской власти. Только в декабре 1918 г. в омских концлагерях было расстреляно около 1000 революционно настроенных венгров, австрийцев, немцев, чехов и румын ¹²⁰.

Наиболее забитую, отсталую часть бывших румынских военнопленных белогвардейцы и их американские и англо-французские «советники» пытались использовать в своих контрреволюционных целях. В сентябре 1918 г. в Челябинске был создан Румынский национальный совет во главе с Войко Ницеску. Под его руководством началось формирование контрреволюционных частей из бывших военнопленных-румын. Командиром еще не созданного румынского корпуса был назначен И. Димбу. В начале 1919 г. в

Иркутске белогвардейское командование с помощью французской военной миссии сколотило из трансильванцев и уроженцев Южной Буковины так называемую румынскую дивизию и пыталось использовать ее в борьбе с советскими войсками и красными партизанами. Однако эта затея провалилась. Большевики Сибири в содружестве с иностранными коммунистами, среди которых были и румыны, развернули энергичную подпольную работу среди насильно мобилизованных в колчаковскую армию военнопленных. Под влиянием коммунистической агитации солдаты румынской дивизии решительно отказались воевать против рабочих и крестьян Советской России. Видные сибирские большевики А. Масленников и М. Рабинович в докладе «О положении в Сибири», направленном в апреле 1919 г. в ЦК РКП(б), отмечали: «Румынские отряды (в Иркутске 15 тыс.) категорически отказались идти на фронт и сдать оружие...»¹²¹. Руководитель интернациональной секции политотдела 5-й армии Восточного фронта Я. Гашек, анализируя морально-политическое состояние войск, образованных белогвардейским командованием и представителями Антанты из военнопленных, писал: «Настроение в чешских войсках самое скверное. О румынах и говорить печего...»¹²². В конце 1919 г. румынская дивизия окончательно распалась. Большинство ее солдат добровольно сдавались в плен Красной Армии и партизанам. Некоторые из них выразившие желание сражаться против белогвардейцев и иностранных интервентов пополнили ряды интернационалистов.

Под руководством большевиков и коммунистов-интернационалистов после освобождения Урала и Сибири от белогвардейских войск развернулась активная политико-воспитательная и организационная работа среди бывших военнопленных и иностранных рабочих. В конце 1919 — начале 1920 г. в Челябинске, Омске, Томске, Красноярске и Иркутске при губкомах партии образовались иностранные коммунистические группы. В феврале 1920 г. в Омске была создана Румынская коммунистическая группа, внесшая серьезный вклад в дело интернационального, революционного воспитания румынских трудящихся, количество которых в Сибири было довольно значительным¹²³.

Омская Румынская коммунистическая группа вела агитацию в главных населенных пунктах, через которые проводилась эвакуация бывших румынских военнопленных из Сибири на родину¹²⁴.

При помощи Омского губкома партии Румынская группа наладила выпуск газеты «Либертатя» («Свобода») тиражом 2000 экземпляров¹²⁵. С выходом газеты политическое воспитание среди находившихся в Сибири румынских трудящихся получило еще больший размах. Одновременно члены группы проделали значительную работу по вовлечению своих соотечественников в интернациональные части и отряды Красной Армии. В конце 1920 г. в связи с тем, что основная масса военнопленных, в том числе и трансильванских румын, отбыла на родину, омская Румынская

коммунистическая группа, как и другие иностранные группы Урала и Сибири, была ликвидирована.

В середине 1920 г. в Ташкенте была образована румынская партийная группа, объединившая 19 человек. Секретарем группы был избран Сиклай, который одновременно входил в состав краевого комитета иностранных коммунистических организаций. Лучшие активисты из числа румынских коммунистов были направлены на учебу в Ташкентскую партийную школу и на партийные курсы в Москву¹²⁶.

Румынская коммунистическая группа возобновила свою деятельность в Москве в сентябре 1919 г.¹²⁷ Судя по отчетам за сентябрь и последующие месяцы 1919 и начала 1920 г., размах ее работы по сравнению с предыдущей несколько уменьшился. Значительная часть активных работников группы находилась на фронтах гражданской войны или отбыла для революционной работы в Румынию. В конце 1919 г. она состояла из 24 активных членов и 4 сочувствующих. С 16 октября 1919 по 3 апреля 1920 г. Румынская коммунистическая группа издавала тиражом в 4000 экземпляров один раз в две недели газету «Дезробиря социалэ» («Социальное освобождение»). Редактором ее была Елена Праля. В центре внимания газеты находились вопросы политического просвещения румынских трудящихся. Цель нашей газеты, говорилось в редакционной статье первого номера «Дезробиря социалэ» от 16 октября 1919 г., распространять на румынском языке идеи социализма. Газета заклеивала преступления румынской буржуазии принимавшей участие в подавлении Советской власти в Венгрии, и выражала свою солидарность с венгерским пролетариатом. Много статей и заметок газета посвятила героической борьбе трудящихся Советской России с контрреволюцией и иностранной интервенцией. Пропагандируя решения III, Коммунистического Интернационала, газета отмечала, что над миром все ярче разгорается пламя революционного пожара. Газета также активно пропагандировала историю революционной борьбы рабочего класса Румынии и разоблачала двурушническую политику оппортунистов из румынской социалистической партии.

Печатная продукция Румынской коммунистической группы не ограничивалась только выпуском газеты. В конце 1919 — начале 1920 г. группа переиздала Конституцию РСФСР, снабдив издание новым предисловием и выпустила несколько брошюр¹²⁸. До конца 1919 г. в интернациональную бригаду Южного фронта было направлено 400 экземпляров газеты «Социальное освобождение», в Самару — 3000, в Ташкент — 2000, Екатеринбург — 200, Омск — 200, Тулу — 200, в интернациональный культурно-просветительный поезд — 500 экземпляров¹²⁹.

Для ведения агитационно-пропагандистской работы на места выезжали представители Румынской коммунистической группы¹³⁰. В тот же период агитаторы и специальные курьеры с литературой систематически направлялись в Румынию и Бессарабию¹³¹. Румынская коммунистическая группа придавала большое

значение улучшению идейной подготовки своих кадров, открыла в начале 1920 г. партийную школу, где обучалось около 40 человек¹³². К преподавательской работе в школе были привлечены наиболее подготовленные румынские коммунисты.

В марте 1920 г. Федерация иностранных групп, выполнив стоящие перед ней задачи, прекратила свою деятельность. В связи с этим Румынская коммунистическая группа была преобразована в Центральное румынское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). В состав бюро вошли румынские коммунисты И. Обороча, Е. Арборе-Ралли, А. Генегариу¹³³.

Бюро руководило также работой Румынского Совета, занимавшегося (как и другие иностранные Советы в Советской России) главным образом вопросами, связанными с эвакуацией соотечественников на родину. В августе 1920 г. в связи с тем, что наиболее значительная группа румынских граждан осталась лишь на Украине¹³⁴, Центральное румынское бюро агитации и пропаганды перебазировалось в Харьков, где действовало уже как Румынская секция при агитационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б) Украины. Секция, возглавлявшаяся И. Оборочей, выпустила три номера журнала «Комунизмул» тиражом 2 тыс. экземпляров каждый¹³⁵. В ряде статей журнала отразилась живейшая заинтересованность и непосредственное участие румынских интернационалистов в проходившей в румынском рабочем и социалистическом движении борьбе течений в связи с подготовкой учредительного съезда Коммунистической партии Румынии. Журнал направлялся также в Румынию¹³⁶.

В мае 1921 г. Румынская секция отдела агитации и пропаганды при ЦК КП(б) Украины прекратила свою деятельность.

Румынские интернационалисты на фронтах гражданской войны

С начала 1918 г. румынские интернационалисты принимали активное участие в борьбе против румынских интервентов и белогвардейско-гайдамацких банд на территории Бессарабии и Украины. Вместе с отрядами Красной Гвардии и черноморскими моряками в боях участвовали бойцы румынских революционных батальонов.

Газета «Лупта» с полным основанием писала: «Боевое крещение румынской революционной армии состоялось. У ворот старинной Бендерской крепости первые отряды этой армии сражались при штурме моста через Днестр...

Румынская революция вписала свои первые страницы на земле русской революции... Боевое крещение румынского вооруженного пролетариата на подступах к Бендерам — это начало нашей избавительной революции...»¹³⁷.

Одновременно с Бендерской операцией другой отряд красно-

гвардейцев нанес румынским оккупантам удар в районе Белгорода-Днестровского. Среди участников этой операции были и румынские интернационалисты¹³⁸.

Более недели, с 7 по 15 февраля 1918 г., героически оборонялись южнобессарабский г. Вилково и соседние рыбацкие села. Румчерод выслал защитникам Вилкова из Одессы подкрепление: несколько красногвардейских отрядов и румынский революционный батальон. Для руководства боевыми операциями туда же прибыл на миноносце «Дерзкий» член Верховной автономной коллегии при СНК по русско-румынским делам А. Г. Железняков.

Отряд черноморских моряков и румынский морской батальон вели в течение нескольких дней бой с интервентами на подступах к Вилково у с. Галилешты. После этого румынские интернационалисты участвовали в контрнаступлении на с. Жебриены. Вместе с другими красногвардейскими подразделениями они выбили из села две неприятельские роты и эскадрон кавалерии¹³⁹.

Затем бойцы румынского революционного батальона и перешедшие на советскую сторону солдаты румынской королевской армии участвовали в непосредственной обороне самого Вилкова и находились там до тех пор, пока советское командование не приказало вилковскому гарнизону оставить осажденный город и отойти по суше и морем на Аккерман и Одессу¹⁴⁰. Бессарабский коммунист С. Бантке, вспоминая впоследствии дни героической обороны Вилкова, писал: «Здесь, у Вилкова, батальон румынских солдат, боровшийся на стороне красных, показал, что он считает себя членом великой семьи пролетарской русской революции...»¹⁴¹

Революционная борьба румынских пролетариев и крестьян в рядах Красной Гвардии против королевских войск, вторгшихся в Бессарабию, имела не только военное, но в первую очередь принципиальное политическое значение. «Бессарабские события имеют историческое значение,— подчеркивала газета «Лупта»,— ибо румынская олигархия и ее слепые слуги... получили вооруженный отпор со стороны румынских трудящихся»¹⁴². Получив вооруженный отпор со стороны местного населения и советских вооруженных сил, румынское правительство обязалось вывести в течение двух месяцев свои войска из Бессарабии, но не выполнило этого обязательства, воспользовавшись начавшимся на Страну Советов германских и австро-венгерских империалистов, на сторону которых переметнулись румынские правящие круги.

В начале 1918 г. отдельные группы румынских интернационалистов участвовали в боях с гайдамаками на Украине, а затем воевали с румынскими захватчиками в левобережной Молдавии. Некоторые румынские интернационалисты занимали командные посты в красногвардейских частях. Так, например, В. Попович был начальником штаба отряда, а затем командиром батальона¹⁴³. Румынские добровольцы были также в красногвардейском отряде А. В. Полупанова¹⁴⁴.

Совместно с красногвардейскими частями румынские воины-интернационалисты сдерживали наступление войск немецких империалистов на Одессу. Об участии иностранных трудящихся, в том числе и румынских, в обороне Одессы сообщал 4 марта 1918 г. в Москву в ЦК РКП(б) чрезвычайный комиссар Украины Г. К. Орджоникидзе. В телеграмме Г. К. Орджоникидзе говорилось: «Сегодня приехал из Одессы. Там борьба с румынами (т. е. румынскими интервентами.— Авт.) продолжается. Организованы добровольцы в отряды из румын и сербов (имеются в виду румынские и сербские интернационалисты.— Авт.) Отряды красногвардейцев двинуты против румын и германцев...»¹⁴⁵.

Особенно жестокие бои с австро-германскими интервентами и гайдамацкими бандами, наступавшими на одесском направлении, развернулись в первых числах марта 1918 г. на участке Слободка—Бирзула (ныне Котовск). Станции Слободка и Борщи несколько раз переходили из рук в руки¹⁴⁶. На этом участке с интервентами сражались подразделения 3-й революционной армии, отряды черноморских моряков и румынский сухопутный революционный батальон. 5 марта 1918 г. немецкое командование двинуло на Слободку крупные силы, рассчитывая с ходу овладеть станцией.

Встретив сильный ружейно-пулеметный огонь со стороны советских воинов и румынских интернационалистов, противник вынужден был приостановить наступление и перейти к обороне¹⁴⁷. Артиллеристы румынского революционного батальона прямым попаданием в паровоз вывели из строя немецкий бронепоезд¹⁴⁸. Затем моряки подбили другой бронепоезд противника¹⁴⁹.

Под Слободкой вражеская пуля оборвала жизнь И. Мунтяну, одного из активных организаторов и руководителей румынских интернационалистов¹⁵⁰. И. Мунтяну и другие румынские революционеры, павшие в боях с врагами Советской власти, были похоронены с воинскими почестями в Одессе на Куликовом поле.

Между тем создававшаяся угроза окружения превосходящими силами противника заставила советские отряды перейти на новый рубеж обороны у станции Бирзула. Бои под Бирзулой стоили оккупантам больших жертв — 90 убитых и 900 раненых¹⁵¹.

В боях под станцией Раздельная отличился пулеметный расчет румынских интернационалистов под командованием М. Бузинова. Отважные пулеметчики одни прикрывали некоторое время советские подразделения, отходившие к Одессе¹⁵².

Самоотверженная борьба красногвардейских частей, в состав которых входили и румынские интернационалисты, задержала продвижение противника и дала возможность советским войскам организовать и провести планомерную эвакуацию Одессы. В этом немалая заслуга принадлежит румынским интернационалистам. Как гласит один из документов: «Румынский военно-революционный комитет на основе устных отчетов командиров румынских подразделений, которые приняли участие в бою под Слободкой, признал, что... эти подразделения явили собой образец револю-

ционного оптимизма, и он выражает свое восхищение их революционной деятельностью»¹⁵³.

Дав последний бой немецким оккупантам на подступах к Одессе, красногвардейские отряды эвакуировались в Крым. Бойцы румынских революционных батальонов погрузились 13 марта 1918 г. на румынские корабли «Социальная революция», «1907 год», «Дуростор» и др. и через несколько дней высадились в феодосийском порту.

Спустя две недели после прибытия в Крым румынские сухопутные и морские военно-революционные силы были реорганизованы¹⁵⁴. Подавляющая часть бойцов румынских батальонов и моряков с румынских революционных кораблей вступила добровольцами в Красную Армию. Другая часть интернационалистов возвратилась нелегально в Румынию, чтобы продолжать там революционную борьбу.

В апреле 1918 г. румынские революционеры принимали участие в борьбе с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами в Крыму. Во второй половине марта 1918 г., когда отряд черноморских моряков под командованием А. В. Мокроусова совместно с восставшими рабочими Херсона изгнали из города немецких оккупантов, находившаяся там группа румынских революционеров призвала солдат и моряков эвакуированного из Румынии в Херсон румынского военно-морского арсенала «перейти к большевикам и бороться против русской и румынской буржуазии, а также против немцев»¹⁵⁵. Часть румынских солдат и матросов откликнулась на призыв и присоединилась к восставшим¹⁵⁶. После того как немецкие войска 5 апреля вновь заняли Херсон, участвовавшие в восстании румынские солдаты и матросы отошли с красноармейскими частями в Крым.

Румыны-добровольцы состояли в 1-м черноморском феодосийском отряде И. Ф. Федько¹⁵⁷, во 2-м черноморском отряде¹⁵⁸, 1-м батальоне Севастопольской социалистической Красной Армии¹⁵⁹. В рядах этих революционных отрядов румынские интернационалисты участвовали в подавлении ряда антисоветских выступлений, ликвидации анархистских банд, боролись с войсками немецких империалистов на Чонгарском перешейке, под Джанкоем и на Керченском полуострове¹⁶⁰.

Румынские интернационалисты, находившиеся в красноармейских отрядах, оборонявших Крым, в конце апреля 1916 г. вместе со своими отрядами отошли из Керчи на Тамань в район Ейск—Батайск, где влились в состав Северокавказской Красной Армии. Несколько раньше большая группа бывших бойцов румынских революционных батальонов образовала отряд и под руководством М. Бузинова отплыла на пароходе «Социальная революция» в Новороссийск. Из Новороссийска отряд направился в Астрахань, куда прибыл в конце апреля 1918 г.¹⁶¹

В Новороссийск же выехала и основная часть руководителей революционного движения румынских трудящихся на юге Советской России: А. Николау, И. Дическу-Дик, В. Попович и

др.; из Новороссийска они направились в Царицын, а оттуда в Москву¹⁶².

Другая группа румынских революционеров во главе с М. Бужором, А. Заликом, И. Оборочей осталась для подпольной работы на оккупированной австро-германскими империалистами Украине¹⁶³. Имеется письмо М. Бужора на французском языке, отправленное из Севастополя 25 апреля 1918 г. в Москву¹⁶⁴. В письме говорилось: «Одна часть нашего революционного отряда отправляется сейчас в очень трудных и опасных условиях в Новороссийск, а потом в Москву. Она предназначена продолжать там нашу деятельность. Другая часть, к которой я принадлежу, остается на Украине с той же целью»¹⁶⁵. Румынские трудящиеся и военнопленные вступали поодиночке и небольшими группами в красногвардейские отряды, а затем в регулярные части Красной Армии почти на всей территории Советской страны.

На Уральском фронте в составе сформированного в Самаре весной 1918 г. интернационального отряда «Самарский коммунар» вместе с югославами, чехами и другими интернационалистами румыны сражались против белоказаков атамана Дутова под станциями Платовка и Новосергиевка, затем участвовали в обороне Оренбурга. В дальнейшем бойцы этого отряда влились в Казанский сводный полк под командование Гинцбурга и боролись против басмачей и интервентов в Средней Азии¹⁶⁶.

Румынские интернационалисты находились и в составе сводного отряда в Перми, сформированного летом 1918 г. и возглавленного Ф. Мюннихом¹⁶⁷. В отряде Л. Винермана румынские интернационалисты сражались в боях за Новокузнецк, Александр-Гай, Петропавловку, Березовку, а под Новоузенском вместе с венгерскими и немецкими интернационалистами участвовали в разгроме полка белоказаков¹⁶⁸.

Румынские интернационалисты-добровольцы приняли участие в наступлении на Оренбург и в боях в районе Красной Мечети¹⁶⁹. В сформированном в августе 1918 г. 1-м Саратовском интернациональном полку 4-й армии было несколько сот добровольцев из зарубежных рабочих и крестьян. Полк участвовал в освобождении от белых Хвалынска. Во время наступления на Самару он совершил смелый прорыв в тыл белых и вышел в район станции Майтуга. Несмотря на то что, оказавшись между двумя группировками неприятеля, полк понес большие потери, его удар в тыл врагу облегчил освобождение 7 октября 1918 г. Самары¹⁷⁰.

Румынские интернационалисты служили и в 3-м Советском полку, организованном в Саратове. Должность командира пеших разведки полка занимал трансильванский румын М. Балог. Осенью 1918 г. бойцы полка сражались на Южном фронте против белогвардейских войск генерала Краснова¹⁷¹.

Румыны воевали в составе Интернационального полка 1-й (позже 24-й) Симбирской Железной дивизии в октябре — ноябре 1918 г. под Бузулуком и во время наступления в предгорьях

Урала принимали участие в боях за Александровку и Ивановку.

Еще летом 1918 г. группа румынских интернационалистов влилась в ряды бойцов отряда, сформированного в Царицыне Союзом иностранных рабочих и крестьян (бывших военнопленных), объединившим к концу июля около 800 немцев, румын, венгров и сербов. Отряд сражался под Бекетовкой, Дубовкой, Котельниковым. Румынские коммунисты участвовали в обороне Царицына в составе 2-го Интернационального полка 1-й Украинской особой бригады Р. С. Сиверса¹⁷².

В октябре 1918 г. руководители Федерации иностранных коммунистических групп Астрахани сообщили в Москву Центральной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), что формирование интернациональных частей идет успешно, «с каждым днем поступают новые люди, усиленно идет запись среди румын, а также и остальных...»¹⁷³.

Первым крупным интернациональным отрядом, сформированным астраханской Федерацией иностранных коммунистических групп в основном из румын, дезертировавших ранее из королевской армии, был Царевский отряд, командиром которого первоначально являлся Баринов, а затем В. Попович¹⁷⁴. В середине июля 1918 г. отряд принял участие в подавлении кулацкого восстания в Черноярском у. Астраханской губ. После подавления восстания Царевский отряд участвовал в боях с белоказаками генерала Краснова, наступавшими на царицынском направлении. В районе Сарепты пулеметная команда, состоявшая из румын, прикрывала отход красной конницы Д. П. Жлобы. Несколько часов отважные пулеметчики сдерживали натиск белых. Все бойцы пулеметной команды во главе со своим командиром Панаитеску погибли, но боевую задачу выполнили¹⁷⁵.

Румынские интернационалисты служили и в других подразделениях и частях, сформированных в 1918 г. в Астраханской губ. Часть бывших военнопленных трансильванских румын вступила добровольцами в созданный в июле 1918 г. интернациональный батальон¹⁷⁶. Командовал этим батальоном (преобразованным затем вместе с другими частями в 1-й Астраханский интернациональный полк) с момента его формирования и до конца гражданской войны венгерский интернационалист Лайош Гавро. Командиром одного из эскадронов 1-го Астраханского полка Красной Армии был П. Константинеску, участник боев с войсками Центральной рады и немецкими империалистами на Украине в январе—марте 1918 г.¹⁷⁷ В этот же полк входила саперная рота, состоявшая из бывших бойцов румынского пехотного революционного батальона, ядром которого были рабочие галацкой судоверфи «Ферник». Его организатором являлся М. Бузинов¹⁷⁸.

Вместе с частями Красной Армии и трудящимися Астрахани румынские интернационалисты участвовали в подавлении вспыхнувшего в городе 15 августа 1918 г. эсерово-белогвардейского мя-

тежа. При этом особенно отличились Астраханский интернациональный батальон и Царевский отряд.

В конце сентября Царевский интернациональный отряд разделился на две части. Одна из них была переброшена на Царицынский фронт, другая в количестве 200 человек с 2 орудиями и конницей приняла участие в ликвидации банд в районе местечка Житкомь и озера Эльтон. Этот отряд румынских интернационалистов после завершения операций по ликвидации банд вошел в состав одной из частей 10-й армии¹⁷⁹.

Несколько сот румынских интернационалистов служило в рядах 32-й дивизии Красной Армии¹⁸⁰. Они также участвовали в обороне низовий Волги, затем освобождали от белогвардейцев Донскую область и Северный Кавказ.

Румынские интернационалисты боролись против внутренней и внешней контрреволюции также и в Забайкалье, и на Дальнем Востоке. Неувядаемой славой покрывал себя в боях с наступающими по линии Транссибирской магистрали частями мятежного чехословацкого корпуса действовавший весной и летом 1918 г. в Забайкалье 1-й Читинский интернациональный отряд¹⁸¹.

Интернациональным отрядом особого назначения, успешно действовавшим во второй половине 1918 г. на Забайкальском фронте, командовал трансильванский румын Михай Бодеску. Несколько позже отряд Бодеску сыграл важную роль в боях с белочехами в районе станций Мурино и Танхой. За искусное руководство боевыми операциями и личную храбрость и мужество М. Бодеску был представлен к награждению орденом Красного Знамени¹⁸².

Еще в начале 1918 г. в Красную Гвардию Владивостока вступили добровольцами около 60 бывших военнопленных трансильванских румын. Вскоре из них был образован отдельный взвод, который летом 1918 г. действовал в составе 2-го сводного отряда Красной Гвардии Владивостока против белобандитов Калмыкова в районе станций Пограничная и Гродеково¹⁸³. Участник борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке И. Журжак в своих воспоминаниях пишет, как он и его земляки воевали в 1918 г. в рядах интернационального батальона Красной Армии против белогвардейцев, японских и американских интервентов¹⁸⁴. Когда по решению большевистских партийных органов Дальнего Востока красноармейские части перешли к партизанской борьбе с численно превосходящими силами интервентов, эта группа румынских интернационалистов находилась в рядах партизан Приморья.

Многие бывшие военнопленные первой мировой войны, оказавшиеся на временно захваченной белогвардейцами и иностранными интервентами территории, принимали вместе с трудящимися Советской страны участие в партизанской борьбе в тылу врага. В отрядах красных партизан Сибири и Дальнего Востока самоотверженно боролись и румынские трудящиеся. Интернациональной по своему составу была партизанская армия А. Д. Крав-

ченко — П. Е. Шетинкина, действовавшая в Енисейской губернии. Интернационалисты мужественно сражались с колчаковцами. Однако и на стороне последних действовали некоторые румынские формирования¹⁸⁵. В енисейской тайге успешно боролся с белогвардейцами отряд партизан, возглавляемый румыном М. Георгиу, работавшим до того лесничим в Красноярском уезде¹⁸⁶.

Летом 1919 г. колчаковское командование предприняло карательную операцию против отряда М. Георгиу. Около 200 белогвардейцев окружили базу отряда — деревню Жуковку. Колчаковцам удалось схватить командира отряда и часть его боевых друзей. М. Георгиу в присутствии согнанных жителей Жуковки был расстрелян на краю деревни¹⁸⁷. В конце 1919 — начале 1920 г. Красная Армия без усталости гнала через сибирские степи и тайгу на восток разгромленные колчаковские полчища. В рядах воинов 5-й армии, освобождавших от белогвардейцев Омск, Томск, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск и другие города Сибири, были румынские интернационалисты Р. Гашнар¹⁸⁸, П. Спанио¹⁸⁹, Ион Пламадэ, Теодор Мургу, Александру Хануш¹⁹⁰ и многие другие.

Большой боевой путь проделал румын-интернационалист, рабочий из Клужа Ф. Ковач. Он принимал участие в освобождении Урала и Сибири от колчаковцев, изгонял из Забайкалья семеновцев. Свой боевой путь завершил в Монголии, где весной 1921 г. участвовал в разгроме банд барона Унгерна¹⁹¹.

В первой половине 1919 г. в связи с переездом Центральной Федерации иностранных коммунистических групп на Украину там развернулась усиленная работа по формированию новых интернациональных подразделений и частей, в том числе и румынских. Они предназначались для борьбы с контрреволюцией на Украине и для оказания помощи Венгерской Советской Республике. Интернациональные части и подразделения, состоявшие из румын, югославов, болгар, должны были участвовать в освобождении Бессарабии и тем самым оттянуть из Венгрии значительные силы румынской королевской интервенционистской армии. По призыву Федерации только из одной Астраханской губ. на Украину выехало до 500 румынских интернационалистов¹⁹².

В феврале 1919 г. в Полтаве на базе румынского интернационального отряда, состоявшего из 40 человек¹⁹³, началось формирование румынского революционного полка. Харьковский окружной военный комиссариат приказом от 8 февраля 1919 г. назначил военным комиссаром полка Т. Диамандеску¹⁹⁴. Командиром румынского революционного полка был И. Сечану¹⁹⁵. В те места Украины, где проживали выходцы из Румынии, партийная организация полка посылала своих представителей, которые вербовали добровольцев¹⁹⁶. Большим тиражом были изданы воззвания на русском и румынском языках, призывавшие румынских рабочих и крестьян записываться добровольцами в румынский революционный полк. К середине марта численность румынского

революционного полка возросла до 400 человек¹⁹⁷. В период организации полка румынские интернационалисты несли в Полтаве гарнизонную службу, а также выполняли отдельные поручения губернской ЧК. После того как к румынскому революционному полку был присоединен венгерский интернациональный батальон, полк стал именоваться 1-м Полтавским интернациональным полком Украинской Красной Армии¹⁹⁸ или румыно-венгерским интернациональным полком¹⁹⁹. Командиром полка был назначен венгерский интернационалист Р. Фекете, а комиссаром — Т. Диамандеску²⁰⁰.

В конце марта 1919 г. полк успешно ликвидировал контрреволюционные банды, бесчинствовавшие в Миргородском уезде²⁰¹.

В начале апреля полк срочно был переброшен в г. Золотоношу, что сорвало подготовлявшийся там контрреволюционными элементами антисоветский мятеж²⁰².

В связи с контрреволюционным выступлением Григорьева и кулацкими восстаниями в районе Винницы, Брацлава, Умани и в других местах приказом командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко была образована группа советских войск из четырех боевых групп. Румыно-венгерский интернациональный полк вошел в состав группы, которую возглавлял командир 1-й бригады 2-й Украинской стрелковой дивизии Осадчий.

В течение нескольких суток в районе станций Богуслав и Мироновка подразделения румыно-венгерского интернационального полка вели тяжелые бои против частей Григорьева и кулацких банд. Действуя совместно с отрядом красных курсантов и прибывшим из Петрограда бронепоездом «Гром», полк сломил сопротивление противника. В боях с бандами Григорьева и восставшими кулаками румыно-венгерский интернациональный полк понес значительные потери. Среди павших смертью храбрых был заместитель командира полка Д. Михалаке²⁰³.

Во второй половине мая румыно-венгерский интернациональный полк принял участие в разгроме контрреволюционных банд в районе Вилкина²⁰⁴. В первой половине июня 1919 г. румыно-венгерский интернациональный полк сражался в составе 2-й Коммунистической бригады в районе Проскурова с петлюровцами и галицийскими сичевиками, затем был направлен на борьбу с деникинцами. «Мы информированы, — писала газета «Коммунист», — что на Дону против банд Деникина сражается красный румынский полк. Воодушевление и храбрость, с которыми борются наши товарищи, вызывают всеобщее восхищение к их чести и чести всего румынского пролетариата»²⁰⁵. В августе 1919 г. румыно-венгерский интернациональный полк вошел в 1-ю Интернациональную стрелковую бригаду, которой командовал С. Частек. Румынские интернационалисты принимали участие в боях под Киевом, Гомелем и Черниговом.

В борьбе с контрреволюцией на Украине в первой половине 1919 г. участвовал и другой румынский интернациональный отряд, сформировавшийся в феврале 1919 г. в Киеве. Организатором

и командиром отряда был бывший прапорщик румынской армии, принявший фамилию Павлов²⁰⁶. Отряд насчитывал около 100 человек. В одном из документов отмечалось, что «отряд отличается редкой революционной дисциплинированностью»²⁰⁷. В Василькове румынский интернациональный отряд пополнился добровольцами, и его численность достигла 500 штыков²⁰⁸. В мае—июне 1919 г. отряд Павлова участвовал в ликвидации банд Григорьева и Зеленого²⁰⁹.

Весной 1919 г. после освобождения юга Украины и левобережной Молдавии от интервентов и петлюровцев в этом районе стали формироваться новые интернациональные части. В начале мая 1919 г. в Одессе началось формирование 1-го Румынского коммунистического, а также 3-го и 9-го Интернациональных полков²¹⁰, в Херсоне — 2-го Румынского революционного полка²¹¹. Согласно приказу народного комиссара по военным делам УССР от 5 мая 1919 г., из этих полков и других отрядов начала формироваться 1-я Интернациональная советская дивизия²¹². Командование и штаб дивизии располагались в Одессе. Значительную часть среди бойцов дивизии составляли румынские, болгарские, сербские, греческие и другие интернационалисты.

Сложная военно-политическая обстановка, создавшаяся летом 1919 г. на юге Советской страны, и отсутствие необходимых материально-технических средств помешали формированию интернациональной дивизии. Вместо дивизии была создана интернациональная бригада под командой В. Поповича. С августа по октябрь 1919 г. интернациональная бригада участвовала в боевых действиях против денкинцев в районе Триполья, Переяславля и на подступах к Киеву. В ноябре 1919 г. после непрерывных кровопролитных боев она была отведена в тыл на отдых²¹³.

Действовали румынские интернационалисты и в других районах страны. В середине 1920 г. в Интернациональном полку Западной армии, дислоцированной в Казани, находилось около 40 румын. В письме в Румынский совет в Москве они с гордостью подчеркивали, что, «находясь под Красным знаменем с первых дней революции, воевали на многих фронтах»²¹⁴.

В составе красноармейских частей и интернациональных отрядов, сражавшихся на Актюбинском, Закаспийском, Ферганском и Семиреченском фронтах против белогвардейцев, английских интервентов и басмачей, были также десятки сынов румынского народа²¹⁵.

Немало румынских интернационалистов служило в 1-м Туркестанском интернациональном стрелковом полку²¹⁶. За геройские подвиги в боях полк был награжден Советским правительством самой высокой наградой — орденом Красного Знамени²¹⁷.

Когда мирная передышка Республики Советов была сорвана новым походом Антанты, оставшиеся в Советской России бойцы-интернационалисты вновь взялись за оружие и вместе с воинами героической Красной Армии громили интервенционистские войска буржуазно-помещичьей Польши и белогвардейские полчища

Врангеля. Об участии в этих боях с гордостью вспоминает бывший румынский интернационалист-красноармеец 1-й Конной армии Теодор Олару²¹⁸.

Деятельное участие в боевых операциях против белогвардейских войск Врангеля приняла так называемая ударная группа — довольно крупная воинская единица, состоявшая из иностранных трудящихся: венгров, румын, китайцев, болгар, сербов. На Южном фронте ударная группа участвовала в боях за овладение никопольским плацдармом, в штурме перекопских укреплений белых, в освобождении Крыма. Затем она принимала участие в ликвидации кулацких банд Махно²¹⁹.

В конце сентября 1920 г. во время разгара боев с белогвардейскими войсками Врангеля в состав Южного фронта вошла только что сформированная 4-я Советская армия, начальником штаба которой был румынский интернационалист-коммунист В. Попович.

В конце гражданской войны многие интернациональные части и подразделения Красной Армии были расформированы или находились в стадии реорганизации. В тот период тысячи интернационалистов, среди которых была и значительная часть румын, демобилизовались и отбыли на родину.

¹ Lupta. 1917. 15(28).XI.

² Там же. 18.XI(1.XII).

³ Под знаменем пролетарского интернационализма: Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов, 1917—1920 гг. М., 1970. С. 32.

⁴ В обращении на имя Исполнительного комитета Петроградского Совета от 15 декабря 1917 г. М. Бужор писал, что Румынский социал-демократический комитет действия с помощью русских солдат распространил среди трудящихся масс Румынии 85 000 экземпляров революционных листовок, в том числе 15 000 с текстом Декрета о мире, и большое количество номеров газеты «Лупта». См.: Marea Revoluție Socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România: Documente și amintiri. Buc., 1967. P. 14.

⁵ Правда. 1918. 6(19) янв.

⁶ См.: Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 246; Щербяков Ю. Н. Искры Великого Октября. М., 1982. С. 172.

⁷ Contribuții la studiul influenței Mării Revoluții socialiste din Octombrie în România. Buc., 1957. P. 61.

⁸ См.: Роллер М. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917 — начале 1918 года // Вопр. истории. 1956. № 11. С. 99.

⁹ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 127. Л. 20.

¹⁰ Архив Института истории партии (далее — АИИП) при ЦК КП Молдавии, Ф. 50. Оп. 3. Д. 13. Л. 15.

¹¹ Amintiri despre Marele Octombrie. Buc., 1957. P. 53.

¹² Партийный архив Одесского обкома КПУ (далее — ПАОд. О). Ф. 2. Оп. 3. Д. 41. Л. 55.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Борьба классов. 1932. № 7—8.

¹⁵ См.: Предательская роль «Сфатул țărilor». Кишинев, 1969.

¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 66—67. 89—90 и др.

¹⁷ ПАОд. О. Ф. 2. Оп. 3. Д. 41. Л. 187.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Lupta. 1917. 26.XII (1918.8.I).

²⁰ Там же. 17(30)XII.

²¹ 24 декабря 1917 г. в «Правде» была опубликована статья «К румыно-русскому конфликту» за подписью М. Бужора. Несомненно, что статья соответствовала основ-

- пому содержанию его докладной записки.
- 22 См.: Правда. 1917. 19 дек.; *Contribuții la studiul...* P. 72.
 - 23 См.: *Бужор М.* Встреча с Лениным // Об Октябрьской революции: Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1966. С. 41—43.
 - 24 *Amintiri despre...* P. 101; *Коновалов В.* Иностранная коллегия. Одесса, 1958. С. 92.
 - 25 Правда. 1918. 10(23) янв.
 - 26 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 128. Л. 5; *Bujor M.* In sprinjur Revoluției // *Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al RMR.* 1957. N 3. P. 56—71.
 - 27 ЦГАОР. Ф. 412. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.
 - 28 Там же. Д. 27. Л. 15; Известия Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота города Одессы. 1918. 12(25) янв.
 - 29 Обнаруженные документы дают основание предполагать, что в состав Румынской коммунистической группы первоначально входили деятели румынского рабочего движения; И. Дическу-Дик, А. Николау, В. Попович, Т. Диамандеску (все — члены РКП(б) с 1917 г.), А. Залик, И. Обороча (члены РКП(б) с 1918 г.) и др. См.: Фонды республиканского музея МССР Г. И. Котовского и С. Г. Лазо. Инв. № 475; АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 429. Л. 165; АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 52. Оп. 2. Д. 875.
 - 30 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 50. Оп. 3. Д. 13. Л. 8.
 - 31 См.: Одесские новости. 1918. 12(25) янв.
 - 32 *Lupta.* 1918. 10(23) I.
 - 33 *Documente din istoria Partidului comunist din România (1917—1922).* Buc., 1956. Vol. 1. P. 36.
 - 34 Южная мысль. Одесса, 1918. 25 янв. (7 февр.).
 - 35 Цит. по кн.: *Коновалов В.* Подвиг «Алмаза». Одесса, 1963. С. 194.
 - 36 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 31; Одесские новости. 1918. 23 янв. (5 февр.).
 - 37 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 35. В марте 1918 г. Советское правительство посовещивало Румынскому ВРК обменять заложников на русских революционных солдат, находившихся в тюрьмах боярской Румынии. Через посред-
- ничество английских дипломатов было достигнуто соглашение об обмене. В начале апреля 1918 г. обмен состоялся в румынском порту Сулина, куда на пароходе «Черномор» из Феодосии были доставлены 92 заложника. Взамен на борту парохода были приняты 73 русских революционера, арестованных румынскими властями на Румынском фронте.
 - 38 ЦГАОР. Ф. 412. Оп. 1. Д. 110. Л. 11.
 - 39 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 21; *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 268.
 - 40 ЦГА МССР. Ф. 736. Оп. 2. Д. 726. Л. 52.
 - 41 См.: Одесские новости. 1918. 11(24) янв.
 - 42 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 140. Л. 6.
 - 43 Известия Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота города Одессы. 1918. 30 янв. (12 февр.).
 - 44 Голос пролетария. Одесса, 1918. 31 янв. (13 февр.).
 - 45 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 20.
 - 46 Там же. Д. 137. Л. 8—9.
 - 47 *Liveanu V.* 1918. *Din istoria luptelor revoluționare din România.* Buc., 1960. P. 216.
 - 48 См.: Октябрь на Одессчине (Сб. ст. и воспоминаний к 10-летию Октября). Одесса, 1927. С. 13.
 - 49 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 145. Л. 4.
 - 50 Там же. Д. 142. Л. 50.
 - 51 См.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 162.
 - 52 ЦГАВМФ. Ф. Р-183. Д. 23. Л. 69.
 - 53 *Documente din istoria...* Vol. 1. P. 33.
 - 54 См.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 265.
 - 55 *Arhiva ISISP (Institutului de studii istorice și social politice pe lângă C. C. al P. C. R.).* Cota A-11-21.
 - 56 Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота» 14 февраля 1918 г. сообщила, что в килийском отряде было 300 румынских интернационалистов. По данным одесской газеты «Южная

- мысль» от 25 января (7 февраля) 1918 г., в отряде насчитывалось 500 человек.
- 57 Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота. 1918. 14 февр.
- 58 См.: *Дегтярев Л.* Октябрь Румынского фронта // Красная летопись. 1923. № 6. С. 275.
- 59 Известия Севастопольского Совета. 1918. 28 янв. (10 февр.).
- 60 ЦГАВМФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 18. Л. 90.
- 61 Ион Роатэ — румынский крестьянин, выразитель интересов трудового крестьянства Румынии в середине XIX в.
- 62 Имеется в виду Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии.
- 63 ЦГАВМФ. Ф. Р-183. Д. 38. Л. 76.
- 64 Там же.
- 65 Amintiri... Р. 164.
- 66 Там же. Р. 165.
- 67 См.: Под знаменем пролетарского интернационализма. С. 80.
- 68 См.: Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 74.
- 69 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 103. Л. 1.
- 70 Алеку Генегариу в молодости уехал из родного села и в поисках работы скитался по городам Европы. Последние десять лет жил и работал типографом в Москве. См.: ЦГАОР. КМФ-14. За 32. Пл. 157. Ч. 1. Л. 2.
- 71 Там же.
- 72 Там же. Л. 25.
- 73 Там же. Ч. 1. Л. 2.
- 74 См.: Протоколы VIII съезда РКП(б). М., 1933. С. 439.
- 75 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 103. Л. 1.
- 76 Там же. Л. 7.
- 77 Foaiă tăranului. 1918. 23 IV.
- 78 Цит. по кн.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 324.
- 79 Foaiă tăranului. 1918. 28 IV.
- 80 На допускаящиеся группой и ее печатным органом «Фоайя таранулуй» ошибки в идейно-теоретических вопросах указывалось впоследствии на собраниях Румынского землячества участников гражданской войны. См.: ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 131. Л. 19—20.
- 81 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 83. Л. 17.
- 82 Там же. Оп. 2. Д. 134. Л. 3.
- 83 См.: Правда. 1918. 6 авг.
- 84 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 2.
- 85 АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 429. Л. 184.
- 86 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Д. 81. Л. 58.
- 87 Там же. Оп. 9. Д. 4. Л. 6.
- 88 См.: *Спиваковский Е. И.* Новые материалы о связях В. И. Ленина с румынским рабочим движением и пропаганде ленинизма в Румынии // История СССР. 1966. № 2. С. 197—198.
- 89 Подробнее см.: *Рожко В. М.* Дружба, закаленная в боях: Румынские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР (1917—1920). Кишинев, 1965. С. 89—91.
- 90 АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 429. Л. 177—179.
- 91 Там же. Д. 428. Л. 167.
- 92 Там же. Л. 168; ЦГАОР УССР (Харьков). Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 1—2.
- 93 АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 429. Л. 176.
- 94 ПАОд. О. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 2, 5.
- 95 Там же. Л. 1—2.
- 96 См.: *Алмазова Е. С.* О большевистском подполье и партизанском движении в Приднестровье // Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 144, 152, 156—157.
- 97 ПАОд. О. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 2; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 29. Л. 4—6.
- 98 13 апреля 1919 г. состоялось первое заседание Румынской коммунистической группы в Одессе. См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 17 апр.
- 99 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 43. Л. 7.
- 100 См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 5 авг.
- 101 Comunistul. 1919. 17 V.
- 102 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 49. Оп. 49/3. Д. 25. Л. 157; ПАОд. О. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 2. № 28 вышел 26 июля 1919 г. С августа 1919 г. вместо газеты «Коммунистул» начала выходить в качестве органа Румынской группы в Одессе газета «Скынтейя» — «Scînteia» («Искра»).
- 103 См.: *Рожко В.* Газета «Коммуни-

- стул» — боевой орган румынских революционеров // Коммунист Молдавии. 1959. № 6.
- 105 ПАОд. О. Фонд листовок и прокламаций (в россыпи); Одесская гос. науч. б-ка им. А. М. Горького. Фонд листовок.
- 106 В конференции смогли принять участие далеко не все румынские коммунистические группы в Советской России.
- 107 *Comunistul*. 1919. 17 V; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 59.
- 108 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 59.
- 109 АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 429. Л. 163, 170 и др.
- 110 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 133. Л. 18.
- 111 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 49. Оп. 49/3. Д. 21. Л. 1.
- 112 Красноармейская звезда. Самара, 1919. 9 мая.
- 113 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 2.
- 114 Там же. Оп. 3. Д. 381. Л. 18.
- 115 См.: *Щербаков Ю. Н.* Братство, скрепленное кровью. Куйбышев, 1961. С. 52.
- 116 Аврам Янку — один из руководителей революции 1848 г. в Трансильвании.
- 117 Моты — горцы.
- 118 Ардял — Трансильвания.
- 119 *Steagul Roșu*. 1919. 22 VI.
- 120 *Матвеев И. Г.* У истоков вечной дружбы. Новосибирск, 1959. С. 79.
- 121 Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.): Сб. документов. Омск, 1952. С. 142.
- 122 Красноярский рабочий. 1920. 21 февр.
- 123 Как следует из отчета омской Румынской коммунистической группы, направленного в Центральное бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) 9 августа 1920 г., в Сибири находилось в общей сложности более 6000 бывших военнопленных трансильванских румын. См.: Под знаменем пролетарского интернационализма: Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов, 1917—1920 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 247.
- 124 См.: Там же.
- 125 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 97. Л. 10.
- 126 См.: *Сологубов И. С.* Иностранцы коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961. С. 56, 72.
- 127 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 30.
- 128 Там же. Оп. 4. Д. 43. Л. 7.
- 129 Там же. Оп. 7. Д. 81. Л. 29.
- 130 Там же. Л. 39.
- 131 Там же. Д. 90. Л. 5.
- 132 Там же. Оп. 4. Д. 43. Л. 18.
- 133 Там же. Л. 11.
- 134 В то время на Украине находилось не более 5 тыс. румынских беженцев и военнопленных. См.: АИИП при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 428. Л. 85.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 *Lupta*. 1918. 28 I(10 II).
- 138 *Amintiri despre Marele Octombrie*. Buc., 1957. P. 53.
- 139 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 142. Л. 21.
- 140 См.: *Суворов И.* Вилковские бои // Красная Бессарабия. 1935. № 1. С. 8.
- 141 *Бантке С. С.* 10 лет борьбы против румынских бояр. М., 1923. С. 38.
- 142 *Lupta*. 1918. 28 I(10 II).
- 143 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 128. Л. 76.
- 144 Там же.
- 145 Из истории гражданской войны в СССР: (Сб. документов и материалов. М., 1960, Т. 1. С. 602.
- 146 См.: Одесские новости. 1918. 7 марта.
- 147 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 137. Л. 14.
- 148 Там же. Л. 17.
- 149 См.: В огне гражданской войны: (Сб. документов и материалов). Одесса, 1962. С. 30.
- 150 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 49. Оп. 20. Д. 344. Л. 2—7.
- 151 Матрос Железняк. М., 1959. С. 98.
- 152 ЦГАОР. КМФ-14. За 32. Пл. 157. Ч. 1. С. 49.
- 153 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 50. Оп. 3. Д. 13. Л. 20.
- 154 *Amintiri...* P. 82.
- 155 *Liveanu V.* 1918. *Din istoria...* P. 337.
- 156 Там же.
- 157 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 127. Л. 15.
- 158 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298. Л. 20.
- 159 ЦГА МССР. Ф. 788. Оп. 2. Д. 726. Л. 219.

- 160 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 127. Л. 15; ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 298. Л. 20.
- 161 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 127. Л. 15; ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 50.
- 162 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 127. Л. 15.
- 163 См.: *Рожко В.* Коммунист-интернационалист // Коммунист Молдавии. 1971. № 6. С. 67.
- 164 Судя по содержанию письма, оно было адресовано одному из руководителей Советского государства.
- 165 См.: Под знаменем пролетарского интернационализма. С. 92.
- 166 См.: *Сиклау Ш.* Интернациональная солидарность // Сиб. огни. 1958. № 2. С. 168.
- 167 См.: *Яковлев Л. И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1918—1922 гг.). М., 1964. С. 138—139.
- 168 *Șcerbakov I. N.* Voluntarii romîni în Armata Roșie pe frontul de est în 1918—1919 // *Analele...* 1959. N 5. P. 47.
- 169 Там же. P. 46.
- 170 См.: *Мурашевский Л. Е.* Под знаменем пролетарского интернационализма // Были пламенных лет. Куйбышев, 1963. С. 200, 203.
- 171 АИИП при ЦК КП Молдавии. Ф. 42. Оп. 2. Д. 305. Л. 3—4.
- 172 Ист. арх. 1957. № 4. С. 15.
- 173 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 7. Л. 9.
- 174 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 131. Л. 2—3.
- 175 Там же. Д. 126. Л. 6.
- 176 Там же.
- 177 Там же. Д. 131. Л. 3.
- 178 Там же.
- 179 Там же. Оп. 1. Д. 131. Л. 5.
- 180 Там же. Л. 7.
- 181 См.: *Мюллер А. А.* В пламени революции (1917—1922 гг.). Иркутск, 1957. С. 40—74.
- 182 См.: *Яковлев Л. И.* Дружба, рожденная Октябрем: Пролетарский интернационализм в защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968. С. 134.
- 183 См.: *Голонко В.* Красная Гвардия на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг. // Борьба классов. 1936. № 9. С. 88.
- 184 Amintiri... P. 257—261.
- 185 См.: *Волков Ф.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 98.
- 186 См.: *Матвеев И. Г.* У истоков вечной дружбы. С. 112—113.
- 187 См.: Там же.
- 188 См.: Правда. 1969. 18 окт.
- 189 См.: Сов. Россия. 1957. 31 окт.
- 190 Amintiri... P. 223.
- 191 Там же. P. 242—243.
- 192 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 131. Л. 12.
- 193 Там же. Л. 4.
- 194 Там же.
- 195 Государственный музей революции СССР. Ф. А. 42811. Л. 5.
- 196 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.
- 197 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 134. Л. 13.
- 198 Там же. Л. 37.
- 199 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 23.
- 200 См.: *Яковлев Л. И.* Дружба... С. 108.
- 201 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 134. Л. 16.
- 202 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 293. Л. 13.
- 203 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 134. Л. 20.
- 204 Там же. Ф. 1426. Оп. 2. Д. 96. Л. 34.
- 205 Comunistul. 1919. 12 VI.
- 206 Подлинной фамилии Павлова установить не удалось.
- 207 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 293. Л. 80.
- 208 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922 гг.) М., 1957. С. 462.
- 209 ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105. Л. 33.
- 210 Там же. Л. 5.
- 211 Там же. Д. 293. Л. 82; Д. 105. Л. 5.
- 212 См.: Боевое содружество... С. 450.
- 213 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 135. Л. 24—25.
- 214 Под знаменем пролетарского интернационализма: Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов, 1917—1920 гг. М., 1970. С. 248.
- 215 ЦГАСА. Ф. 110. Оп. 2. Д. 460. Л. 8; Оп. 5. Д. 976. Л. 11 и др.
- 216 Там же. Ф. 259/4758. Оп. 1. Д. 3. Л. 45—47.
- 217 См.: Боевое содружество. С. 408—410.
- 218 Amintiri... P. 208.
- 219 См.: Под знаменем пролетарского интернационализма. С. 239—242.

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Великий Октябрь и углубление классовой и политической дифференциации среди югославян в России

Начавшийся после Февральской революции в рядах югославянских военнопленных, а также среди солдат и офицеров Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев процесс классовой и политической дифференциации еще более усилился под влиянием Октябрьской революции.

Так, официальные представительства Сербии во главе с посланником М. Спалайковичем и военным агентом полковником Б. Лонткиевичем, командование Добровольческого корпуса, и в первую очередь офицеры сербской коронной службы, с первых дней пролетарской революции ревностно выполняли все распоряжения вдохновителей и организаторов борьбы против Советской власти. Советские органы власти, оказывая содействие эвакуации в другие страны отдельных частей корпуса, в то же время решительно осуждали враждебную позицию, занятую, например, находившимся в Вологде командованием одной из сербских бригад¹. Сербские реакционные круги стремились поставить на службу врагов Советской власти остатки Добровольческого корпуса, занимались вербовкой новых добровольцев в лагерях военнопленных, призывали их не поддерживать Советскую власть².

Лишь отдельные группы югославянских военнопленных, а также сосредоточенных в районах Киева, Одессы, Вознесенска и других городов Украины добровольцев приняли участие в установлении Советской власти. Большая же часть югославян в России держалась в стороне от революционных событий, занимая по отношению к ним нейтральную позицию. Такую позицию, в частности, заняло и руководство Югославянского революционного союза (ЮРС) — единственной сравнительно многочисленной организацией, объединявшей в 1917 г. югославян-военнопленных и так называемых диссидентов — солдат и офицеров, вышедших из Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев.

Руководство и рядовые члены ЮРС оказались не в состоянии разобраться в значении Великой Октябрьской социалистической революции. Так, если провозглашенное Советской властью право наций на самоопределение получило в рядах ЮРС полную под-

держку и одобрение, то поставленная ею задача немедленного заключения всеобщего демократического мира была встречена с двойственным чувством. С одной стороны, прекращение истребительной войны отвечало чаяниям югославянских трудящихся в России, как и чаяниям всех других народов; с другой — югославыне военнопленные и добровольцы из числа австро-венгерских подданных опасались того, что немедленное заключение мира повлечет за собой их передачу Австро-Венгерской монархии и крушение надежд на создание независимого югославянского государства.

По указанию посланника М. Спалайковича среди военнопленных и так называемых диссидентов распространялись слухи о том, что в случае подписания Россией сепаратного мира все югославыне будут немедленно в принудительном порядке высланы в Австро-Венгрию³.

Значительная часть офицеров из Югославянского революционного батальона и руководства ЮРС, находившихся осенью 1917 г. в Киеве, враждебно встретила Октябрьскую революцию и особенно провозглашенную ею программу мира. Не решаясь открыто выступить против Советской власти, они вели агитацию за продолжение войны под лозунгом борьбы за полный и окончательный разгром австро-венгерского и германского империализма⁴.

Разногласия в ЮРС отразились в резолюции его конференции, состоявшейся в Киеве 1(14) января 1918 г. Отметив, что провозглашенные великой русской революцией принципы самоопределения всех народов способствуют решению и югославянских проблем, и поставив целью союза «пропагандировать идеи революции среди всех югославын как единственный метод национального и социального освобождения из-под гнета господствующих классов», резолюция конференции вместе с тем подтвердила позицию «невмешательства» в революционные события в России: «Революционный Югославянский союз как организация иностранных политических эмигрантов не имеет права вмешиваться в партийную борьбу (междоусобицу) в России, а как организация, рожденная революцией, остается верной великим нашим идеям и будет стоять на страже добытой свободы»⁵.

Идейно-политические позиции руководства ЮРС не выходили за рамки буржуазных национально-освободительных концепций. Анализ резолюции конференции ЮРС дает все основания рассматривать союз в целом как мелкобуржуазную национально-революционную организацию, не имевшую четкой классовой программы⁶.

Взгляды, близкие к установкам ЮРС, выражала издававшаяся 14(27) января — 29 февраля 1918 г. в Петрограде газета «Земля и слобода». В газете были опубликованы важнейшие декреты и постановления Советской власти: «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декрет о земле», «Закон о восьмичасовом рабочем дне», воззвание Совета Народ-

ных Комиссаров «Социалистическое Отечество в опасности!», информация о III съезде Советов и другие материалы.

Газета уделяла пристальное внимание ходу мирных переговоров в Бресте, в связи с которыми она постоянно обращалась к военнопленным с призывом в случае заключения мира Советской России со странами Центральной коалиции не возвращаться в Австро-Венгрию, где они немедленно будут вновь посланы на французский или итальянский фронт. При этом редакция открыто солидаризировалась с позицией так называемых «левых коммунистов», выступивших против заключения Брестского мира.

Большое место на страницах газеты занимали материалы, раскрывавшие национальный гнет, испытываемый югославянскими народами Австро-Венгрии, разоблачавшие ее автократическое монархическое государственное устройство, рассказывавшие о борьбе югославянских народов за национальную свободу. В ряде номеров была помещена информация о тяжелом положении населения Боснии и Герцеговины, Далмации, Истрии и некоторых других югославянских земель Австро-Венгрии. Делая главный упор на необходимости освобождения югославянских народов Австро-Венгрии от гнета империи Габсбургов, газета весьма сдержанно писала о проблеме их объединения с Сербией и Черногорией. Поместив полный текст «Корфской декларации»⁷, редакция газеты отметила «идеологию национализма и либерализма», пронизывавшие этот документ, обещав подробнее разобрать его в последующих номерах. К числу таких материалов относилась статья об Учредительной скупщине, которая, согласно «Корфской декларации», должна была определить государственное устройство объединенного югославянского государства. Главная идея статьи заключалась в том, что выборы в Учредительную скупщину должны быть всеобщими и равными при тайном голосовании, право голоса должны получить и женщины.

Выступая от имени социал-демократии югославянских земель Австро-Венгрии, газета призывала тех югославян, которые, несмотря ни на что, после заключения мира вернутся на родину, принести туда с собой «новый революционный дух», «по-русски» поднять «безжалостную революцию против всех угнетателей». С переездом Совета Народных Комиссаров в Москву выход газеты прекратился. Редактором газеты был М. Радошевич⁸. Он же входил в образованное еще в Петрограде Бюро пленных при Военном отделе ВЦИК.

Несмотря на нейтралистские позиции ЮРС, все более значительные круги югославян втягивались в борьбу против врагов Советской власти.

Убедительным проявлением перехода значительной части югославянских трудящихся на Украине на позиции активной поддержки завоеваний Октябрьской революции было их более активное участие в январских боях 1918 г. в Киеве, чем в октябре—ноябре 1917 г.

Несмотря на то что руководство Югославянского революционного союза, как и в октябре 1917 г., приняло решение не участвовать в «русской междоусобице»⁹, многие его члены, и в первую очередь из рядов рабочих дружин, созданных летом 1917 г. солдатами, покинувшими Добровольческий корпус, вопреки этому решению присоединились к восставшим киевским пролетариям. Среди них было несколько десятков югославын, работавших на заводе «Арсенал», рабочие-железнодорожники, югославянская дружина грузчиков на Подоле и др.¹⁰ В уличных боях участвовали пулеметчики Бугарски и Стойкович, пехотинцы Вукотич и Стефанович¹¹.

После разгрома восстания киевских рабочих против Центральной рады бойцы сформированного летом 1917 г. Югославянского ударного (с осени того же года — революционного) батальона, председателем солдатского комитета которого был Н. Ковачевич, укрыли в своей казарме на Бибиковском бульваре повстанцев, преследуемых озверевшими гайдамаками. Вместе с тем свирепые расправы контрреволюционных войск с восставшими окончательно открыли глаза югославянским трудящимся на антинародную сущность власти Центральной рады.

В последние месяцы 1917 — начале 1918 г. Югославянский революционный батальон нес караульную службу по охране ряда объектов в Киеве, в том числе Лукьяновской тюрьмы. В начале января 1918 г. петлюровцы заточили в тюрьму группу захваченных ими членов Военно-революционного комитета Особой армии, в том числе председателя Военревкома Ю. С. Гузарского, командующего армией В. Н. Егорьева. Несколько раньше петлюровцами был арестован комиссар Юго-Западного фронта большевик Г. И. Чудновский.

То обстоятельство, что караульную службу в тюрьме несли солдаты Югославянского революционного батальона, а перешедший на сторону Советской власти генерал-лейтенант В. Н. Егорьев превосходно владел сербским языком (в 1910—1913 гг. он находился по приглашению короля Николы в Черногории в качестве начальника военно-учебных заведений и командира королевского кадетского корпуса), сыграло существенную роль в судьбе арестованных. Когда один из караульных начальников, унтер-офицер С. Симич, обходил камеры тюрьмы, В. Н. Егорьев заговорил с ним по-сербски. Симич доложил о разговоре Н. Ковачевичу, который вскоре же посетил арестованных. Было решено организовать освобождение из тюрьмы заключенных в ней членов Военревкома Особой армии, Г. И. Чудновского и других большевиков. Когда к Киеву подошли революционные войска и над городом рвались снаряды, группа солдат Югославянского революционного батальона во главе с С. Симичем вывела арестованных из тюрьмы, снабдив их документами о службе в батальоне, и привела в казарму на Бибиковский бульвар. В тот же день об этом было сообщено командовавшему группой войск Красной Армии, участ-

вовавшей в освобождении Киева, Муравьеву, который сам приехал и забрал освобожденных, выразив благодарность Югославянскому батальону¹².

Освобождение Киева от господства контрреволюционной Центральной рады и установление в нем Советской власти явились переломным пунктом в судьбе основной массы югославянских трудящихся на Украине. В те дни происходит и окончательное размежевание в рядах Югославянского революционного союза. Во время киевского восстания большинство офицеров сочувствовали силам контрреволюции, хотя и не решились открыто присоединиться к ним. Восстановление в Киеве Советской власти заставило офицеров, не сочувствовавших революции, на время приглушить свои симпатии к контрреволюции показным «нейтралитетом». Однако в конце января — начале февраля 1918 г. значительная часть югославянских добровольцев и военнопленных уже решительно и вполне сознательно встала на путь поддержки борьбы российских трудящихся, рассматривая сторонников «нейтралитета» как замаскированных врагов пролетарской революции.

В борьбе против нашествия австро-германских империалистов. Сербская контрреволюция на службе Антанты

После нападения империалистических Германии и Австро-Венгрии на Советскую республику вместе с представителями других национальностей свое возмущение империалистической агрессией Германии и Австро-Венгрии против Республики Советов выражали и югославы¹³. Немало бывших югославянских военнопленных и добровольцев приняло участие в многолюдном интернациональном митинге, состоявшемся в Одессе 26 февраля 1918 г. В то же время формировались добровольческие интернациональные отряды в Донбассе и Поволжье, на Урале и в Казахстане. В одном из своих обращений к бывшим военнопленным Актюбинский Совет призывал: «Солдаты — чехи, сербы, словаки, поляки, румыны и все, кому дороги идеи Русской революции, записывайтесь в ряды образцовых и дисциплинированных советских войск»¹⁴.

В рядах интернациональных отрядов молодой Красной Армии югославы принимали участие в боях уже в конце февраля 1918 г. Издававшаяся в России чехословацкая социал-демократическая газета «Походень» писала 27 февраля, что «австро-венгерские военнопленные чехословаки, венгры и сербохорваты верно сражаются бок о бок с русской социалистической армией». В чехословацкие красногвардейские отряды Киева во второй половине февраля вступило много югославян-добровольцев¹⁵. Во время

боев за победу Советской власти в Одессе (декабрь 1917 — январь 1918 г.) была сформирована интернациональная Красная Гвардия, в отряды которой вступили и югославянские интернационалисты. С первых дней австро-германского нашествия части сформированной в Одессе интернациональной Красной Гвардии, в составе которой были и югославы, самоотверженно сражались на подступах к городу. В красногвардейских отрядах Херсона и Вознесенска югославы отважно боролись против наступавшего врага¹⁶.

Документы того времени сохранили лишь скудные отрывочные данные об участии югославянских интернационалистов в боях против австро-германских захватчиков в составе красногвардейских и интернациональных частей, сформированных в конце февраля — начале марта 1918 г. Так, известно, что в 1-й Московский красногвардейский полк, формирувавшийся в Спасских казармах, в числе трех десятков бывших военнопленных добровольно вступили несколько югославянских интернационалистов¹⁷. В Тверском интернациональном батальоне, который 3 апреля 1918 г. отбыл на Южный фронт в район Курска, было четыре серба-интернационалиста¹⁸. Югославянские интернационалисты влились и в 1-й Интернациональный батальон Красной Армии, сформированный в Петрограде¹⁹. После освобождения Оренбурга от банд Дутова в интернациональный красногвардейский отряд вступило немало югославянских интернационалистов²⁰.

В дни австро-германского нашествия сложились отдельные красногвардейские отряды, весь личный состав которых или подавляющее его большинство составляли югославянские интернационалисты. Из их рядов в дальнейшем выдвинулись и талантливые командиры Красной Армии: Г. Барабаш, Б. Агатонович, Д. Сердич, Э. Чопп, М. Кюдрня, Я. Цвич (Цвейч), Л. Мойн и др.

Сведения о количестве и численности югославянских отрядов Красной Гвардии, сформированных на Украине в конце февраля — начале марта 1918 г., отрывочны и противоречивы. Состав отрядов был очень подвижным — большие отряды нередко делились на несколько, мелкие объединялись друг с другом или вливались в другие формирования. Одни отряды получали официальные наименования (например, «1-й Сербский революционный батальон», «Сербский советский батальон»), другие именовались по фамилии их командира или командира и комиссара (например, «Отряд Сердича», «Отряд Груловича и Ковачевича») и т. п.²¹

Сохранившиеся материалы и документы того времени, воспоминания многих югославянских интернационалистов убедительно говорят о том, что руководство со стороны большевистской партии, вдохновляющий пример советских коммунистов были теми решающими факторами, благодаря которым тысячи югославян, подобно другим зарубежным интернационалистам, встали в строй сознательных борцов за великое дело Октября.

В числе первых интернациональных отрядов Красной Гвардии вступил в бой против австро-германских войск югославянский отряд под командованием Г. Барабаша, находившийся в то время в районе Ровно — Бердичев и входивший в состав Красной Гвардии Юго-Западного фронта. Здесь судьба свела югославянского интернационалиста Г. Барабаша с молодым грузинским революционером В. И. Киквидзе, возглавившим сводный красногвардейский отряд Юго-Западного фронта. Приняв первый бой с наступавшими на восток дивизиями захватчиков в районе Ровно, отряд Барабаша с боями отступил на линию Житомир — Бердичев, где он влился в отряды Киквидзе²². В те дни отряд Барабаша насчитывал, по его свидетельству, около 1280 югославян²³. В течение 8 дней отряды Киквидзе, ведя ожесточенные бои, сдерживали наступление германских войск и петлюровцев на линии Житомир — Бердичев²⁴, что позволило эвакуировать на восток военное имущество, ценности, оборудование и т. д. В этих боях отряд югославянских интернационалистов понес значительные потери: около 400 человек погибло, около 200 раненых и обмороженных бойцов было направлено в госпитали в Киев. В строю осталось немногим более 600 человек²⁵. Однако и оккупантам был нанесен немалый урон²⁶.

Уже в первых боях с австро-германцами проявились большие способности Г. Барабаша как штабного работника, и он был назначен начальником штаба отрядов Киквидзе²⁷, с жестокими боями отступавших к Киеву.

В то время в Киеве комитет Югославянского революционного батальона формировал на базе батальона и рабочих дружин Югославянский революционный полк.

При выборах командира полка вновь обнаружилось разногласие между офицерами и солдатами. Первые предложили полковника В. Гойковича, вторые — члена Исполкома комитета Н. Груловича. Большинство голосов был избран Н. Грулович, однако вскоре в результате усиленной агитации офицеров было назначено повторное голосование, на этот раз был избран В. Гойкович²⁸. При этом офицеры выражали готовность сражаться против «внешнего врага», но отказывались участвовать в боях «на внутреннем фронте», т. е. против российской контрреволюции.

Стойким и мужественным человеком, грамотным штабным работником и талантливым военачальником проявил себя в тяжелые дни отступления красногвардейских отрядов и частей молодой Красной Армии югославянский интернационалист Г. Барабаш, занимавший в феврале—марте 1918 г. должность начальника штаба 4-й революционной советской армии (командарм — В. И. Киквидзе, а с 18 марта 1918 г. — Ю. В. Саблин). В «Записках о гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко, возглавлявшего все советские войска Юга России, содержится подробное описание боевого пути Г. Барабаша с чрезвычайно лестными отзывами о нем как о человеке и военачальнике²⁹. Ведя упорные

бои вдоль железнодорожной линии Киев—Гребенка—Лубны—Ромодан—Миргород—Полтава—Харьков, 4-я революционная армия отступала на восток. Ввиду крайнего истощения войск командование армии в конце марта поставило вопрос об отводе ее частей в тыл на переформирование. В первых числах апреля штаб 4-й армии, во главе которого стоял Г. Барабаш, был направлен в Москву³⁰.

Активное участие в боях с австро-германскими оккупантами на Украине принял отряд, который возглавил Д. Сердич. Ядром его отряда явился красногвардейский отряд, созданный при Екатеринославском Совете рабочих и солдатских депутатов еще в конце 1917 г., в период борьбы за установление Советской власти на Украине. В него вступило несколько сот югославын из рабочих дружин при Брянском металлическом заводе, железнодорожном узле и других предприятиях города. В отряде имелись также интернационалисты чехи, словаки и венгры³¹.

После начала австро-германского нашествия отряд, пополнившись добровольцами, плечом к плечу с красногвардейскими отрядами екатеринославских рабочих, латышским отрядом и другими в течение полутора месяцев вел бои с оккупантами и гайдамаками³². 2 апреля советские войска оставили Екатеринослав. В последующие дни отряд Сердича, отступавший по линии Синельниково—Дебальцево, участвовал в боях за Донбасс, после чего вел бои под Новочеркасском. Через Ростов—Тихорецкую югославянские интернационалисты прибыли в Царицын³³. За время отступления к отряду Д. Сердича присоединился отряд С. Дмитриевича³⁴. В Царицын отряд Сердича—Дмитриевича прибыл как 1-й Сербский советский революционный батальон³⁵.

Сложный и трудный путь из Донбасса до Царицына в составе 5-й армии под командованием К. Е. Ворошилова проделал и югославянский красногвардейский отряд, сформированный в Киеве С. Лазичем, Й. Шипошем и Н. Груловичем и вскоре после оставления советскими войсками Киева присоединившийся к отрядам Р. Ф. Сиверса³⁶, позднее переформированным в Отдельную украинскую бригаду.

В состав бригады Р. Ф. Сиверса в районе Бахмута влился и партизанский отряд под командованием молодого югославянского интернационалиста, впоследствии знаменитого «Красного Дундича», любимца 1-й Конной армии³⁷.

Среди более мелких отрядов и групп югославянских интернационалистов, отступивших в Царицын, были остатки отрядов одесской Красной Гвардии, совершавшей отход через Николаев, Херсон, Мариуполь, Таганрог, Ростов. Часть одесской интернациональной Красной Гвардии была на пароходах переброшена в Феодосию, после оккупации Крыма перебралась в Ростов, а позднее прибыла в Царицын. Таким путем, в частности, попал в составе небольшого красногвардейского отряда в Царицын югославянский интернационалист, активный деятель социал-демократического рабочего движения Боснии и Герцеговины и Воеводины

с 1909 г., солдат Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев Л. Вукичевич³⁸. По-видимому, приблизительно такой же путь проделал и Б. Агатонович, пользовавшийся большим доверием красногвардейцев благодаря своему мужеству и храбрости, преданности делу революции и проявивший незаурядные способности военачальника. Вступив рядовым в одесскую Красную Гвардию, он вскоре был назначен инструктором 2-го батальона 1-го Одесского советского полка, а после отхода большей части одесской Красной Гвардии в Крым — инструктором штаба Красной Армии Крымского полуострова. Здесь он был избран начальником штаба отряда черноморских матросов, позднее занимал должности члена штаба армии Морозовско-Донецких округов и помощника командира 1-го Коммунистического полка, командира бригады, дивизии...³⁹

Таким образом, к маю—июню 1918 г. значительная часть югославянских интернационалистов, принимавших активное участие в борьбе за Советскую власть на Украине, сосредоточилась в Царицыне.

Один из югославянских красногвардейских отрядов под руководством В. Радака, сформированный в марте 1918 г. под Екатеринославом, после завершения боев на Украине был отведен в Самару⁴⁰.

События на Украине в марте—апреле 1918 г. привели к фактическому прекращению деятельности Югославянского революционного союза, большая часть руководителей которого — М. Чанак, Н. Грулович, Н. Ковачевич, Э. Чопп, Й. Шипош, Л. Цукич и др. — стала в ряды защитников Советской власти. Часть деятелей ЮРС — большинство офицеров и некоторое число солдат — и после начала австро-германского нашествия продолжала придерживаться позиции «нейтралитета». Не вступившие в Красную Гвардию остатки Югославянского революционного полка под командованием В. Гойковича с разрешения советских военных органов эвакуировались из Киева в Самару. Туда же собирались перенести свою деятельность и оставшиеся члены ЦИК ЮРС. ЦИК ЮРС обратился во ВЦИК с просьбой оказать Союзу денежную помощь⁴¹. В ходе обследования, проведенного Военным отделом ВЦИК, выяснилось, что в Саратове представители сербского королевского правительства пытались вести принудительную вербовку в воинские части в своих целях⁴². Вопрос об оказании денежной поддержки ЮРС не получил положительного решения.

Весьма сложной оказалась судьба большой группы бывших югославянских добровольцев, вступивших в сформированный в Одессе полковником А. Србом Югославянский ударный батальон. Находясь в остром конфликте с сербским правительством и командованием Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев, А. Срб проводил авантюристическую политическую линию, которая в апреле 1918 г. привела его к гибели в Таганроге⁴³. Остатки батальона Срба приняли в августе 1918 г. участие

в борьбе против Красной Армии под Казанью, а затем сражались в составе колчаковских войск⁴⁴. Вместе с румынскими, чешскими отрядами югославянский контрреволюционный отряд охранял захваченный Колчаком у Советской республики ее золотой запас⁴⁵.

Советским военным и партийным органам тогда ничего не было известно о планах полковника Срба и его связях с представителями Антанты. Его убийство было расценено как контрреволюционный акт, убийцы были схвачены и по приговору военного трибунала расстреляны, а его посмертные остатки были доставлены в Царицын, куда был направлен батальон, и там похоронены 17 мая с воинскими почестями⁴⁶.

Подчиняясь распоряжениям сербского правительства, официальные представительства Сербии и возникшие еще в конце 1917 г. «Югославянское общество в Петрограде», «Югославянский союз» и другие организации стремились поставить под свой контроль военнопленных-югославян, которых они призывали к выезду на Салоникский фронт или на работы во Францию. Агитацией за вступление под знамена сербской армии занимались многочисленные вербовщики, разосланные во все области России, где находились лагеря военнопленных с представителями югославянских национальностей и действовавшие с разрешения, выданного им еще при Временном правительстве⁴⁷. В дополнение к ним уже после Октябрьской революции были разосланы многочисленные новые «агитационные отряды»⁴⁸. Эта деятельность проходила при всесторонней политической и финансовой помощи дипломатических и военных представительств стран Антанты.

Деятельность сербских представительств и руководимых ими «общественных организаций» не могла не насторожить Советское правительство. Военный отдел ВЦИК, в который сербский военный агент Б. Ловткевич обратился 22 марта 1918 г., прося утвердить и скрепить подписью и печатью мандаты его эмиссаров по набору добровольцев в вооруженные отряды и рабочие дружины, отказал ему в этом, подчеркнув, что все военнопленные, «согласно мирному договору, заключенному и утвержденному Рабоче-Крестьянским правительством с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией в марте 1918 года, подлежат возвращению на свою родину, а потому формирование добровольческого корпуса из числа военнопленных вышеперечисленных стран — сербов⁴⁹, хорватов и словенцев — на территории Российской Республики, пока они состоят иностранными подданными, допустимо быть не может»⁵⁰.

Между тем во многих районах Советской России в то время уже находились эмиссары сербской военной миссии, «Югославянского союза» и других организаций, которые стремились где посулами, а где и угрозами склонить югославян к выезду из России и воспрепятствовать их вступлению в Красную Армию.

Официальные представители сербского правительства в России действовали зачастую по прямым указаниям антантовских

дипломатических и военных представителей и координировали свою антисоветскую работу с реакционным руководством филиала Чехословацкого Национального совета.

В то же время Советское правительство оказало содействие переброске на Салоникский фронт Запасного батальона Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев, начавшейся еще до Октябрьской революции. В связи с австро-германской интервенцией на Украине советское командование неоднократно пыталось привлечь командование Запасного батальона, остававшегося в Одессе, к участию в боях против австро-германских войск. Однако Б. Лонткиевич запретил командиру батальона ввязываться в эти бои. В конце февраля батальон выехал из Одессы и 3 марта прибыл в Самару⁵¹.

Советское правительство строго придерживалось условий соглашения об эвакуации этого батальона — ему были предоставлены эшелоны, питание, больные солдаты были помещены в советские госпитали. Сербская же сторона нарушала это соглашение, в частности командование батальона по приказу Лонткиевича пыталось скрыть оружие вместо того, чтобы сдать его, как об этом было договорено⁵².

Сербский посланник М. Спалайкович, уехавший с дивизионом из Петрограда в Вологду, направил прибывший туда по пути в Архангельск для эвакуации на Салоникский фронт Запасной батальон Добровольческого корпуса в распоряжение англо-французских интервентов, высадившихся в Кандалакше, на Кольском полуострове⁵³. Так, около 2000 югославыя вопреки их воле оказались вовлеченными в вооруженную интервенцию Антанты против Советской России.

В конце апреля — начале мая 1918 г. советские войска под давлением превосходящих сил австро-германских оккупантов были вынуждены покинуть территорию Украины и отступить в пределы РСФСР. Вместе с ними ушли с Украины и югославяне-интернационалисты, в рядах отрядов Красной Гвардии сражавшиеся с захватчиками и гайдамаками, ушли и «нейтраллисты», хотя и заявлявшие о готовности воевать против «внешнего врага», но не подтвердившие этих слов делом. Также покинули Украину подготовленные к отправке на Салоникский фронт остатки Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев. Основные массы югославыя сосредоточились в городах Поволжья: Царицыне, Саратове и Самаре, более или менее компактные группы имелись в Астрахани и Казани, а также в Тамбове, Пензе и некоторых других городах Европейской России.

Создание

югославянских коммунистических организаций

Активное участие в подготовке к съезду военнопленных социал-демократов интернационалистов, который состоялся в Москве в середине апреля 1918 г., приняли югославянские военнопленные. В Москву для участия в съезде прибыли Й. Сребрнич (в составе делегации организации военнопленных Нижегородской губ.), М. Кодрня (в числе делегатов задонского лагеря под Воронежем), член руководства Югославянского революционного союза У. Чонкич. Делегатами съезда были проживавшие в Москве рабочие типографии Й. Сорич и Д. Видневич, врач В. Маркович. В состав ЦИК образованной съездом Всероссийской организации иностранных интернационалистов от югославян был избран Й. Сребрнич⁵⁴.

Участие югославянских интернационалистов в вооруженной защите пролетарской революции, в развернувшемся весной 1918 г. массовом революционном движении среди военнопленных поставило на очередь дня образование югославянской коммунистической организации.

Помимо небольшой группы югославянских интернационалистов, принявших участие во Всероссийском съезде военнопленных, в Москве с начала апреля находилась другая, довольно значительная группа, прибывшая с Украины вместе со штабом 4-й армии советских войск Южных республик, в составе которой, помимо интернационалистов, активно боровшихся против австро-германского нашествия, были и явные «нейтраллисты» из руководства бывшего ЮРС⁵⁵. Кроме того, в Москву переехала и часть персонала сербских дипломатической и военной миссий; там же имелось и сербское консульство. Еще до съезда, 6 апреля 1918 г., вышел в свет первый номер газеты «Революция», издававшейся на сербско-хорватском и словенском языках «Комитетом югославянской группы международных социал-демократов (коммунистов)» и объявившей себя органом «Крестьянской и рабочей революционной партии хорватов, сербов и словенцев». Редактором газеты был бывший офицер 2-й добровольческой дивизии И. Ференчак, отчисленный из нее и возвращенный в лагерь военнопленных в октябре 1916 г. В газете сотрудничали военнопленные С. Краньевич, С. Маркович, офицер З. Шврлюга и др. Группа югославянских военнопленных, начавшая издание газеты «Революция», отражала характерные для того времени настроения массы военнопленных накануне их Всероссийского съезда, и лейтмотивом многих материалов, опубликованных в ней (всего вышло в свет шесть номеров), были, как и в газете «Земля и слобода», призывы к военнопленным югославянам не возвращаться в Австро-Венгрию, где им угрожали голод, репрессии и немедленная посылка на фронт.

Газета ставила задачу укрепления организации югославян-

военнопленных, регулярно помещала призыв к установлению связи с ней. Отсутствие корреспонденций с мест говорит о том, что эти связи еще не были налажены. «Революция» опубликовала подробную информацию о Всероссийском съезде военнопленных, помещала сообщения о событиях в Советской России и за рубежом, напечатала перевод «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и ряд популярных статей, разъяснявших понятия «социализм», «национализм», «патриотизм».

«Революция» призывала югославян-военнопленных вступать в Красную Армию, защищать пролетарскую революцию в России, готовиться к социальной революции у себя на родине; эта революция рассматривалась как одно из звеньев уже близкой мировой революции.

В статье «Наша программа» (Революция. 1918. 6 апр.), подписанной инициалами К. С. (по-видимому, за ними скрывался С. Кранчевич), содержалась попытка определить будущее устройство югославянского государства. В качестве основополагающих принципов предлагалось добиваться того, чтобы вся земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает, т. е. крестьянам; все заводы, фабрики, банки, предприятия и капиталы были бы национализированы, вся власть была бы у Советов крестьян и рабочих; каждая нация получила бы право на полное самоопределение: «Одним словом, наша цель — создание Югославской независимой демократической республики, в которой власть будет принадлежать крестьянам и рабочим и которая будет членом всемирной федерации».

По-видимому, определение будущего государства как «демократическая республика» вызвало критику в рядах читателей газеты, и уже в следующем номере, 15 апреля, редакция поместила разъяснение, указывая на то, что под словом «демократическая» подразумевалась «народная» республика.

С № 4, вышедшего 29 апреля 1918 г., вместо И. Ференчака редактором стал С. Маркович, а на титульном листе появилась новая надпись: «Орган Югославянской коммунистической группы при Российской коммунистической партии». Однако это еще не означало создания югославянской коммунистической группы, которая оформилась позднее, после окончательного размежевания коммунистов с мелкобуржуазными элементами.

Вскоре после съезда военнопленных в Москве на квартире С. Марковича состоялось совещание югославян, на котором присутствовали участники съезда, а также группа социал-демократов во главе с М. Радошевичем, несколько офицеров и другие, составлявшие большинство. Предложение Д. Видневича, М. Кодрни и Й. Сорича создать коммунистическую группу было отвергнуто большинством участников совещания. Тогда сторонники создания коммунистической группы покинули собрание⁵⁶. Другие участники совещания решили создать «Югославянскую революционную федерацию» (ЮРФ). Эта организация объединила офицеров из так называемых диссидентов, членов «Югославянского

союза», «Югославянского общества», представителей правого крыла ЮРС. Руководителями ЮРФ были д-р Радослав Йованович, официально считавшийся сотрудником Сербской дипломатической миссии, и М. Радошевич. Своей целью ЮРФ поставила объединение всех югославын в России, вербовку добровольцев для Салоникского фронта и формирование рабочих дружин для работы на военных предприятиях Франции и Англии. Социально-экономическая программа ЮРФ для будущего объединенного югославского государства была более чем скромной — проведение аграрной реформы, которая наделила бы крестьян землей без выкупа. О форме государственного устройства умалчивалось — организация не высказалась ни за, ни против династии Карагеоргиевичей. По отношению к событиям в России ЮРФ решила соблюдать «строгий нейтралитет»⁵⁷, поддерживая в то же время тесный контакт с активно участвовавшими в организации антисоветской интервенции сербской дипломатической и военной миссиями⁵⁸.

Группа югославянских интернационалистов, стоявших на позициях активной поддержки Советской власти, решила создать свою собственную коммунистическую организацию⁵⁹. Было решено объединиться в единую южнославянскую коммунистическую организацию вместе с немногочисленной группой болгарских интернационалистов.

На собрании, состоявшемся 16 мая 1918 г., было принято решение о создании коммунистической организации южных славян (сербов, хорватов, словенцев и болгар), стоявших «на платформе коммунистической программы и защиты Советской власти». В резолюции собрания указывалось, что, «руководствуясь принципами научного социализма и III Интернационала, а также опытом революции и тактикой Всероссийской коммунистической партии», проживавшие в Москве югославянские коммунисты «организовали Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию». Считая себя секцией РКП(б), Югославянская коммунистическая эмигрантская партия просила ЦК РКП(б) санкционировать ее создание⁶⁰.

Документ, отражающий состав комиссий президиума партии (ревизионная, редакционная, по лекциям и субсидиям и по выработке резолюций и деклараций), позволяет установить численный и персональный состав руководства созданной организации (14 человек). Под рубрикой «Эмиссары и агитаторы в провинции» названы еще 17 человек, находившиеся в то время в Тамбове, Иркутске, Рязани, Нолинске, Пензе, Царицыне, Самаре и Саратове⁶¹. Вскоре, с 8 июня 1918 г., органом группы стала новая газета «Всемирная революция», редактором которой был В. Маркович.

16 июля 1918 г. на общем собрании был принят «Учредительный устав Южнославянской группы РКП(б)», определивший организационные принципы ее построения, ее идейную и организационную связь с РКП(б) и Федерацией иностранных групп при

ЦК РКП(б). «Югославянская группа,— записано в § 7 Устава,— теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии (большевиков) и подчиняется дисциплине РКП вообще и всем решениям комитета Федерации иностранных групп РКП в частности»⁶².

Одновременно с конституированием групп иностранных коммунистов в Москве происходило и их оформление по всей стране, где в зависимости от условий и обстановки создавались либо национальные, либо интернациональные коммунистические организации. В составе последних были и югославянские коммунисты, устанавливавшие связь с Центральным комитетом группы в Москве. Так, в мае—июле 1918 г. югославянские коммунисты входили в местные интернационалистские организации Царицына, Саратова, Самары и ряда других городов. На состоявшихся 21 апреля 1918 г. выборах в Ташкентский комитет иностранных подданных⁶³, в которых участвовали 2574 человека, голосование проходило по девяти национальным спискам. За югославянский список голосовали 555 человек, в результате чего в комитет в составе 29 человек вошли шесть представителей югославыян: И. Гнетц, Б. Муврин, А. Коршич, Ф. Валявец, Н. Ковьянич и П. Папич⁶⁴. Б. Муврин был избран заместителем председателя комитета.

Комитет иностранных подданных вел политическую агитацию среди военнопленных, заботился об улучшении их материального положения, пользуясь в своей работе всесторонней поддержкой Ташкентского Совета рабочих, солдатских и дехканских депутатов. Члены комитета выступали на митингах, устраиваемых среди военнопленных, призывая иностранных трудящихся оказывать всестороннюю поддержку Советской власти⁶⁵.

Летом 1918 г. оформились первые партийные организации иностранных коммунистов в Туркестане, которые к концу августа уже насчитывали около 450 членов⁶⁶. В конце сентября 1918 г. был избран Ташкентский городской комитет иностранных коммунистов. От югославянских коммунистов в него вошли И. Браун, А. Бернадюк и А. Кокотович⁶⁷. И. Браун вошел в состав избранного в начале декабря 1918 г. на I Краевой конференции Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Крайкома партии. К концу 1918 г. в Туркестане уже насчитывалось 13 местных партийных организаций Компартии иностранных рабочих и крестьян, в рядах которых состояло свыше 2200 иностранных коммунистов. Крайком издавал еженедельную газету «Свобода народов», выходившую на венгерском, немецком и югославянских языках⁶⁸.

Действуя в общих рамках Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян, югославянские коммунисты в Туркестане вели работу среди своих соотечественников, выступали на собраниях и митингах. Так, А. Коршич произнес речь на вечере, состоявшемся в Ташкентском театре 8 ноября 1918 г. в честь первой годовщины Октябрьской революции. Н. Ковьянич

выступил на массовой демонстрации, проведенной 12 ноября в связи с революцией в Германии, и на состоявшемся в конце ноября съезде красноармейских и красногвардейских депутатов.

Югославянские интернационалисты на фронтах гражданской войны

Военная и политическая обстановка в России — развертывание иностранной интервенции против Советской республики, усиление гражданской войны, обострение классовой борьбы, в том числе и среди иностранцев, — потребовала и от югославянских коммунистов мобилизации всех сил на решение задач защиты завоеваний Октября от посягательств внешней и внутренней контрреволюции.

Важным центром мобилизации югославянских добровольцев в ряды Красной Армии стал в апреле 1918 г. штаб 4-й армии советских войск Южных республик, выведенный после боев на Украине в Москву. Начальник штаба этой армии Г. Барабаш направлял уполномоченных для вербовки добровольцев и формирования интернациональных частей, писал и рассылал местным Советам воззвания, призывавшие бывших военнопленных вступить в ряды советских войск, проталкивал эшелоны, направлявшиеся к фронту, добывал оружие для сформированных частей, сам ездил на места для оказания помощи в формировании интернациональных частей⁶⁹. После изменения порядка формирования отрядов Красной Армии, ставшего компетенцией губернских и уездных военных комиссариатов, Барабаш продолжил эту работу уже не как начальник штаба 4-й армии, а как один из уполномоченных.

Летом 1918 г. в районе Саратова—Тамбова из интернационалистов-военнопленных формировал свой отряд, в дальнейшем развернувший борьбу за очищение от белогвардейцев Казахстана и Киргизии, «комиссар Степного края» А. Джангильдин. Здесь с ним встретился Г. Барабаш, оказавший ему большую помощь. «Барабаш был очень предан Советской власти, — вспоминал о нем Джангильдин, — и позднее геройски дрался на Украинском фронте»⁷⁰. Ядром отряда, с которым Джангильдин отправился в Тургайскую степь, была интернациональная рота под командованием Токарева. В ней командирами взводов, в частности, были югославянские интернационалисты Ф. Кумбатович и Н. Николитч⁷¹.

Летом 1918 г. на всех фронтах гражданской войны участвовали сотни югославянских интернационалистов в югославянских (их по традиции называли сербскими) частях и подразделениях Красной Армии, смешанных югославянско-чехословацких, югославянско-венгерских или интернациональных частях и отрядах, отдельными небольшими группами. Так, 15 апреля в г. Сердобске группа югославян изъявила желание вступить в Красную Армию;

на 1 мая 1918 г. в составе интернациональных войск, сформированных штабом 4-й армии, в Москве находился 1-й русско-сербский батальон (300 человек); 10 мая в Саратове в Красную Армию вступил сербский отряд — «остаток боевых сил с Украины» (300 человек); 27 мая из Самары поступило сообщение начальника интернационального отряда Я. Гашека, в котором было 120 добровольцев-интернационалистов чехословаков и югославы, об успешном формировании полка; в начале июня по запросу военного руководителя Беломорского военного округа в Архангельск был направлен из Москвы русско-сербский батальон (переформированный в полк) ⁷².

В мае—июне 1918 г. ожесточенные бои развернулись за Царицын, окруженный кольцом белоказачьих войск, обильно снаряженных и вооруженных германскими оккупантами. Через несколько дней после своего прибытия в Царицын вступил в бой и югославянский батальон под командованием Д. Сердича. В жестоком бою на Иловлинском участке 27 мая, нанеся противнику значительный урон, погибла 2-я рота, состоявшая из югославын кавалерийский эскадрон под командованием югославянского интернационалиста Р. Ракича. При этом и он сам, и командир 1-го взвода Лазарь Чолич, и командир 5-го (венгерского) взвода Якшиц были ранены ⁷³. В боях под Иловлей, продолжавшихся три дня, в качестве начальника батальонной пулеметной команды участвовал югославянский интернационалист Д. Георгиевич. Не раз ему приходилось самому ложиться за пулемет для отражения бешеных атак белогвардейской конницы ⁷⁴. После короткого отдыха и пополнения батальон Д. Сердича вновь был брошен в бой в районе станции Арчеда ⁷⁵.

Контрреволюция, как известно, рассчитывала сломить сопротивление защитников Царицына мятежом в самом городе. Разоблачение и разгром готовящегося вооруженного выступления тайной эсеровско-белогвардейской организации, пользовавшейся моральной и материальной поддержкой агентов стран Антанты, вскрыли антисоветские действия сербского консула полковника Вукичевича ⁷⁶. Как выяснилось в ходе операции царицынской ЧК, сумевшей в середине августа предотвратить вооруженный мятеж, заговорщики привлекли на свою сторону сербскую роту, которая под предлогом «нейтралитета» отказывалась участвовать в боях и несла караульную службу в городе. Ей было поручено захватить Совет рабочих и солдатских депутатов, штаб Красной Армии и ряд других важнейших объектов в городе. При содействии югославянских интернационалистов, которых заговорщики пытались привлечь на свою сторону, о заговоре стало известно ЧК. В результате четко и смело проведенной операции заговорщики были арестованы и опасный мятеж был сорван. После этого «нейтральная» рота была разоружена. Сербский консул успел скрыться, но позднее, в 1919 г., был арестован ⁷⁷.

В августе батальон Д. Сердича был переброшен в Черный Яр;

зде в то время находился отряд Н. Груловича и С. Лазича. В результате их объединения был сформирован 1-й Югославянский коммунистический полк под командованием Д. Сердича; однако вскоре кавалерийский эскадрон полка влился в один из кавалерийских полков, вошедших в состав конницы С. М. Буденного, а пехота — в 37-ю стрелковую дивизию. С тех пор боевая деятельность югославянского интернационалиста, талантливое командира Красной Армии Д. Сердича была неразрывно связана с Красной кавалерией, в которой он занимал должность командира полка, бригады, дивизии, он участвовал в боях при обороне Царицына, в освобождении Украины и изгнании врангелевских войск из Крыма.

Заметный след в памяти участников боев за Царицын оставил югославянский интернационалист Б. Агатонович, занимавший пост заместителя начальника Центрального боевого участка Царицынского фронта и заслуживший благодарность в приказе от командующего 10-й армией К. Е. Ворошилова. Б. Агатонович отличался большой храбростью, сочетавшейся с выдержкой и хладнокровием, обладал незаурядными военными знаниями, которыми он охотно делился со своими боевыми товарищами⁷⁸. В июне—июле 1918 г. Царицынская федерация иностранных коммунистов сформировала иностранный батальон, в который вступило много югославянских интернационалистов⁷⁹.

25 августа 1918 г. документ⁸⁰ о добровольном вступлении в Красную Армию, содержащий заявление о принятии гражданства РСФСР, торжественное обещание красноармейца и обязательство служить до 25 февраля 1919 г., подписал 23-летний уроженец села Грабовца в Далмации, бывший австро-венгерский солдат, позднее солдат 1-й Сербской добровольческой дивизии, участник боевых действий на Украине в составе войск Р. Ф. Сиверса Иван Дундич, завоевавший огромную популярность в Красной Армии под именем «Красного Дундича», Олеко Дундича.

Этот документ содержит, кроме договора, анкету с краткими сведениями о годе и месте рождения Дундича, его национальности (указан родной язык), родителях, профессии, прохождении военной службы, о том, когда и при каких обстоятельствах он попал в Россию, о знании иностранных языков и т. д.⁸¹

Летом 1918 г. в Царицыне развернулась боевая работа значительной группы югославянских интернационалистов, из числа которых выдвинулись и способные командиры (Б. Агатонович, Д. Сердич и др.), и такие лихие бойцы, как Дундич, и политические руководители (Н. Грулович, Л. Вукичевич, Л. Райкович и др.). Многие югославянские красноармейцы отдали жизнь, защищая город. Среди них и рота безымянных героев, изрубленная до последнего бойца озверевшими казаками, и боец Д. Гуич, раненный в ноги и взорвавший под собой гранату при приближении врагов⁸². С. Лазич в рядах царицынской ЧК боролся с тайными врагами революции⁸³.

Острая классовая борьба среди югославян развернулась и в других городах Поволжья. Ряд югославянских отрядов с Украины, как отмечалось выше, отошел в Самару. Вскоре по прибытии в Самару покинул полк и исчез, прихватив ценности, бывший командир 1-го революционного полка В. Гойкович⁸⁴. Среди солдат упала дисциплина, многие из них занимались спекуляцией, нередки были случаи мародерства. Таковы оказались последствия линии «нейтрализма», насаждавшейся офицерами.

4—5 мая в Самаре состоялась конференция военнопленных социал-демократов интернационалистов Поволжья, а 1 июня была создана югославянская коммунистическая организация, которую возглавил У. Чонкич⁸⁵.

Среди военнопленных, сосредоточенных на территории Казанского военного округа, революционную работу вел Комитет иностранных социал-демократов интернационалистов, оформившийся весной 1918 г. в Самаре; в его составе работали и югославы. В организацию иностранных коммунистов, возникшую в июне 1918 г. в Казани, вошли и югославянские коммунисты⁸⁶.

Интернациональная коммунистическая организация была создана и в Пензе, где, как и в Тамбове, Иркутске, Рязани и других городах, революционную работу среди югославян вели агитаторы Югославянской коммунистической группы⁸⁷.

Югославянским интернационалистам повсеместно приходилось вести борьбу против «Югославянской революционной федерации», на деле сомкнувшейся с сербской контрреволюцией, а через ее посредство и с империалистическими силами Антанты⁸⁸.

Все это требовало от югославянских коммунистов максимального напряжения сил, развертывания революционной агитации и пропаганды среди колеблющейся массы военнопленных и бывших добровольцев. Когда надо было послать агитаторов на фронт или в места скопления югославян, отправлялся практически весь ЦИК Югославянской коммунистической группы⁸⁹.

Контрреволюционный чехословацкий мятеж, вспыхнувший 25 мая 1918 г., чрезвычайно осложнил военную и политическую обстановку в молодой Советской республике.

В начале июня, когда над Самарой нависла угроза, при губернской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии была создана секция, развернувшая агитацию среди югославянских рабочих и солдат. «Товарищи югославы! Все в ряды Красной Армии! Все к оружию!» — призывало воззвание, подписанное губвоенкомом Паршиным и членами окружной секции по формированию югославянских советских войск Э. Чоппом и С. Ратковым⁹⁰.

Во время хозяйничания контрреволюции в Самаре действовала подпольная организация РКП(б), под руководством которой вела нелегальную работу и группа югославянских коммунистов: У. Чонкич, Д. Иосимович, М. Юракович, Ж. Михайлович, Л. Цу-

кич и др. Вскоре Чонкич был схвачен белогвардейцами и расстрелян⁹¹.

Рассматривая югославянские части как войска «союзной» Сербии, чехословацкие военные власти приступили к формированию югославянского полка. Однако если часть офицеров охотно согласилась вступить в состав чехословацких контрреволюционных войск, то под влиянием революционной агитации, которую вели югославянские коммунисты, многие солдаты отказывались вступить в этот полк. Участились случаи дезертирства, невыполнения приказов и т. д. 16 июня начальник Самарской тюрьмы потребовал смены сербского караула «как абсолютно ненадежного»⁹². В дни хозяйничания контрреволюции в Самаре закончилась «нейтралистская» полоса в истории нескольких югославянских частей.

Так, во время боев за Казань 5 августа 1918 г. командир батальона, которым ранее командовал А. Срб, М. Благодич перевел батальон на сторону мятежников. Сам Благодич позже был убит в одном из боев, при нем были найдены документы, которые свидетельствовали о его связях с Сербской военной миссией. Остатки батальона послужили контрреволюционному командованию чехословацких войск основой для формирования 1-го добровольческого полка сербов, хорватов и словенцев им. М. Благодича, куда в принудительном порядке мобилизовывались югославяне-военнопленные из лагерей на территории Урала и Сибири. Ядром другого контрреволюционного югославянского полка, которому позднее было присвоено имя вождя крестьянского восстания XVI в. Матии Губеца, стали остатки батальона Гойковича, находившиеся в Самаре к моменту ее захвата белочехами. Полк им. М. Благодича участвовал в боях против войск Красной Армии на подступах к Челябинску, где понес большие потери. Вскоре часть его бойцов перешла на сторону Красной Армии⁹³.

10 июля 1918 г. с мандатом Народного комиссариата по военным делам на Мурман «для агитации и организации партийных коммунистических ячеек среди югославян» был послан югославянский коммунист А. Мирков. Ему удалось вступить в контакт с сербскими солдатами из так называемого «славяно-британского легиона», сформированного интервентами на Мурмане для борьбы с Красной Армией, которые рассказали ему о недовольстве югославянских солдат и жестоких репрессиях, которым они подвергаются со стороны интервентов⁹⁴.

19 июля бойцы двух югославянских батальонов, входивших в состав войск, оборонявших Царицын, собрались на митинг, принявший гневную резолюцию протеста против преступного вовлечения англо-французскими империалистами сербских солдат на Мурмане в борьбу против рабочих и крестьян России. 18 августа аналогичная резолюция была принята на общем собрании красноармейцев-югославян в Саратове⁹⁵.

О положении среди югославянских солдат на Севере России, их недовольстве и репрессиях со стороны интервентов рассказал

на заседании Южнославянской группы РКП(б), состоявшемся в Москве 28 июля, солдат И. Прохоров, сумевший с группой своих соотечественников бежать из Кандалякши. Комитет группы принял решение развернуть агитационную работу среди югославянских солдат и, установив связь с архангельской организацией РКП(б), в случае необходимости послать туда своего агитатора. И. Прохоров в составе группы агитаторов был послан на Казанский фронт⁹⁶.

К югославянским солдатам, находившимся в рядах интервентов, посылались листовки, газета «Всемирная революция» и издававшаяся в Петрограде на английском, французском, немецком, сербскохорватском, итальянском, финском и русском языках газета Федерации иностранных групп «Коммуна». «За чью свободу и за какую культуру погибают и замерзают сербские рабочие и крестьяне на Мурмане и чешские — в Сибири?..» — писала газета «Коммуна». — Убивайте псов-офицеров, которым дороже медалька, окропленная вашей кровью, чем чья-либо свобода... Сегодня все пути к свободе идут через самую свободную страну, через Советскую Российскую Республику»⁹⁷.

Столкнувшись с многочисленными фактами контрреволюционной деятельности сербских официальных представительств и действовавшей под их руководством «Югославянской революционной федерации», югославянские коммунисты развернули против них борьбу. На заседании комитета Южнославянской группы РКП(б) 20 июля 1918 г. было принято решение «предпринять шаги для роспуска Югославянской революционной федерации»⁹⁸.

25 июля Южнославянская группа РКП(б) обратилась в Наркомнат с просьбой учредить при нем Отдел южных славян. Постановлением коллегии комиссариата такой отдел был учрежден 27 июля. Заведующим отделом был назначен В. Маркович, его заместителем в августе стал В. Чопич. Одной из задач отдела был учет всех югославян, проживавших на территории Российской Республики.

Получив веские доказательства о враждебной деятельности ЮРФ, ВЧК приняла меры, были арестованы практически все находившиеся в Москве члены и руководители ЮРФ. Одновременно были арестованы офицеры Сербской военной миссии и чиновники сербского консульства, а само консульство опечатано.

В ноябре 1918 г. в связи с начавшейся массовой репатриацией иностранных граждан из Советской России арестованные были освобождены и уехали на родину.

Конец «Югославянской революционной федерации» был закономерен. Ее буржуазный характер должен был привести и в конечном счете привел ее в лагерь противников пролетарской революции. Пышные «революционные» фразы ничуть не меняли ее ясно выраженной классово-идеологической сути, которую безошибочно распознали молодые югославянские коммунисты, отказавшиеся войти в ЮРФ в момент ее формирования. Крах ЮРФ был последним

звеном в цепи пораженных югославянских «нейтралистских» политических организаций и воинских формирований.

Одними из главных задач в агитационной работе югославянских коммунистов после пресечения деятельности ЮРФ и Сербской военной миссии оставались борьба с их многочисленными агентами на местах, вовлечение новых добровольцев в ряды Красной Армии, агитация и пропаганда в лагерях военнопленных.

Южнославянская коммунистическая группа постепенно выросла и организационно окрепла. На В. Чопича, избранного секретарем комитета группы, была возложена работа по организации переводов марксистской литературы на югославянские языки.

Для проведения агитационно-пропагандистской работы, создания коммунистических ячеек и оказания помощи им комитет группы посылал на места своих членов или целые комиссии. В августе в Вятку был направлен Н. Ковачевич, а в Калугу, Тулу, Орел, Курск, Воронеж, Балашов, Саратов, Тамбов и ряд других городов Центральной России был командирован М. Йович, который был уполномочен «устраивать митинги, читать лекции и организовывать коммунистические ячейки среди иностранных рабочих и крестьян»⁹⁹.

1 сентября 1918 г. Федерация иностранных групп РКП(б) послала в Саратов, Царицын и Астрахань делегацию в составе югославянских коммунистов В. Чопича, М. Миятова, Л. Крагуевича и румынского коммуниста М. Гуйю для проверки состояния партийной работы на местах и оказания помощи интернационалистским организациям. В. Чопич и М. Миятов как представители ЦК Южнославянской группы РКП(б) были уполномочены организовывать югославянские коммунистические ячейки в частях Красной Армии. При их помощи был создан «Царицынский комитет коммунистической группы южных славян» в составе Н. Груловича, Й. Шипоша, Ф. Корошеца, Л. Манойловича, Л. Райковича и М. Грбанова. К тому времени в 1-м Югославянском коммунистическом полку, находившемся в Черном Яре, уже имелась коммунистическая ячейка в составе 33 членов¹⁰⁰. Югославянские коммунисты вели агитационную работу среди своих товарищей красноармейцев, бдительно следили за происками враждебных элементов и т. д. Аналогичная работа была проделана делегацией в Саратове и Астрахани. Ввиду отсутствия коммунистической организации югославян в Астрахани туда были направлены агитаторы из Царицына. В задачи коммунистической организации южных славян в Астрахани входили борьба с югославянскими контрреволюционерами, спекулянтами и мародерами, наблюдение за деятельностью находившихся в Поволжье сотрудников Сербской военной миссии и в случае необходимости принятие мер для ареста членов и упразднения самой миссии¹⁰¹.

25 сентября 1918 г. начали свою работу шестинедельные агитаторские курсы Южнославянской группы РКП(б), которые до конца года окончил 81 человек. По окончании курсов агитаторы были направлены в различные районы, где находились югославяне и в соответствующие части Красной Армии¹⁰². Южнославянская группа РКП(б) издавала газету «Всемирная революция», которая выходила тиражом от 10 тыс. до 24 тыс. экземпляров и рассылалась в места, где имелись части Красной Армии с югославянскими подразделениями, в лагеря, рабочие дружины и т. д. В ноябре 1918 г. группа подготовила три брошюры на сербскохорватском и словенском языках¹⁰³.

Враждебная работа сербских контрреволюционных представителей и организаций заставила Советское правительство принять ряд мер. 22 сентября 1918 г. газета «Известия ВЦИК» опубликовала постановление Народного комиссариата по делам национальностей, согласно которому «ввиду контрреволюционной деятельности южнославянских реакционеров» южнославянским гражданам, т. е. тем из них, кто не принял советского гражданства, вменялась регистрация в органах Советской власти¹⁰⁴.

Рассматривая свое участие в борьбе трудящихся Советской России против врагов пролетарской революции как действительную форму пролетарского интернационализма, как интернациональную помощь первому в мире государству рабочих и крестьян, югославянские коммунисты одновременно готовились и к грядущим классовым боям у себя на родине.

Так, в резолюции общего собрания югославян-красноармейцев, состоявшегося в Саратове 18 августа 1918 г., было записано:

«Призываем всех сербов, рабочих и крестьян, и всех остальных южных славян объединиться в крепкие коммунистические организации, которые будут помогать Советской России в данный момент и в то же время готовить наш рабоче-крестьянский класс к великим моментам мировой революции, когда мы в наших странах сможем использовать богатый опыт русской революции.

Да здравствует русская революция!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует Интернационал!

Смерть всем империалистам, капиталистам и эксплуататорам рабочего [класса] и крестьянства!»¹⁰⁵.

Революция в Австро-Венгрии и новые задачи югославянских интернационалистов в России

Накануне первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции молодая Советская республика вела беспрецедентную в истории борьбу против соединенных сил международного империализма и внутренней контрреволюции.

Во время господства контрреволюции в Самаре югославянские коммунисты, добывая оружие у солдат югославянских частей, насильно включенных в контрреволюционные чехословацкие соединения и не желавших воевать, передавали его подпольным боевым группам, созданным самарским союзом металлистов.

Во время наступления Красной Армии на Самару вместе с самарскими рабочими югославянские интернационалисты нанесли удар врагу с тыла, облегчив тем самым освобождение 7 октября 1918 г. Самары.

Ведя борьбу против врагов Советской власти, югославянские коммунисты в то же время пристально следили за событиями в Австро-Венгрии и на Балканах. Убеждение в том, что революция на их родине вот-вот разразится, все больше заставляло югославянских коммунистов задуматься об их месте в этой революции. Некоторые из них (и в первую очередь председатель Южнославянской группы РКП(б) и председатель Отдела Южных славян при Наркомнаце В. Маркович) уже в сентябре 1918 г. считали, что в связи с грядущим наступлением революции в Австро-Венгрии и странах Балканского полуострова югославянские коммунисты должны сосредоточить свои силы на революционной работе на родине. «Сейчас наша главная задача,— писал 20 сентября 1918 г. В. Маркович в докладной записке в Наркомнац, представленной им от имени Отдела Южных славян,— как [можно] скорее и сильнее разжигать революцию в Южной, Центральной и Западной Австрии и на Балканах, где живет около 21—22 миллионов славян, что представляет хороший материал за революцию»¹⁰⁶. В. Маркович требовал коренной реорганизации и изменения направления деятельности Южнославянской группы РКП(б), настаивая на том, что необходимо срочно «всем нам ехать на Балканы — на гражданскую войну, на социалистическую революцию»¹⁰⁷. Разногласия привели к тому, что на заседании комитета группы 4 октября 1918 г. председателем группы был избран Л. Вукичевич, вскоре ему была поручена редакционно-издательская деятельность, а председателем группы стал В. Чопич. Отказ В. Марковича признать новый комитет группы и необоснованные обвинения в провокации, выдвинутые им в адрес многих ее членов, привели вскоре, в ноябре 1918 г., к исключению его из группы¹⁰⁸.

В связи с образованием 15 октября 1918 г. самостоятельной Болгарской группы РКП(б) болгарские интернационалисты вышли из состава группы, которая стала называться Югославянской.

Сообщения об освобождении Сербии и Черногории от австрийских оккупантов, об отделении югославянских земель от Австро-Венгрии произвели огромное впечатление на югославянских коммунистов, среди которых мысль о необходимости немедленного отъезда на родину завоевывала все большее число сторонников. При этом они нередко из отрывочных сообщений об отдельных революционных выступлениях трудящихся делали заключения о всеобщем характере борьбы, о широком размахе революции.

В такой обстановке 5 ноября 1918 г. в Москве состоялась экстренная конференция Югославянской группы РКП(б), принявшая ряд важных решений. В конференции участвовали 24 коммуниста.

Констатировав, что большинство социал-демократических партий в югославянских землях «в момент разгара всемирной революции изменило пролетариату», что они «отступили от классово-политики и перешли на сторону национальной борьбы», конференция приняла решение «основать Коммунистическую партию (большевиков) сербов, хорватов и словенцев, как единственную, истинную и неустрашимую поборницу для освобождения пролетариата». Теоретической и организационной основой партии были признаны Программа и Устав РКП(б).

Конференция избрала Центральный Исполнительный Комитет партии в составе 7 человек и 6 заместителей и Заграничное бюро в составе 2 человек. ЦИК должен был в ближайшее время отправиться на родину для революционной работы, а Заграничное бюро — остаться в Москве для ведения текущей работы, издания газеты «Всемирная революция», партийной литературы и др.

В состав ЦИК партии были избраны И. Матузович, Ф. Дробник, В. Чопич, Л. Вукичевич, Л. Моин, Н. Ковачевич, К. Година; заместителями — Р. Шарша, Н. Витас, Ф. Бркич, М. Заимович, М. Миятов, Ж. Табакович. Л. Вукичевич возглавил Заграничное бюро, его помощником вскоре был избран И. Вук. Это бюро должно было заменить группу¹⁰⁹.

Вскоре в Москву для отправки на родину стали прибывать югославянские коммунисты с мест: из Черного Яра, где он занимал пост коменданта города, приехал С. Лазич; оттуда же из 1-го Югославянского коммунистического полка прибыли Й. Шипош, из Тамбова — красноармеец отдельного батальона при ВЧК Б. Йосич, из Астрахани — агитатор М. Миятов и многие другие.

В ноябре 1918 г. на родину уехали 48 югославянских коммунистов, среди них ряд руководителей Югославянской группы РКП(б): Н. Ковачевич, В. Чопич, И. Матузович, Ф. Дробник и другие, активные участники боев на Украине (Л. Моин, М. Мия-

тов, Й. Шипош, Л. Табакович), бывшие офицеры — так называемые диссиденты (И. Ференчак, З. Шврлюга); в декабре выехала вторая группа из 24 человек¹¹⁰.

В агитационной работе Югославянской коммунистической группы с ноября 1918 г. решались две задачи: среди бывших военнопленных велась агитация за немедленное возвращение на родину «с указанием долга коммуниста — рабочего и крестьянина — в новообразованной националистической Югославии», а среди красноармейцев-югославян агитация велась «для оставания в рядах Красной Армии»¹¹¹.

Важным участком агитационно-пропагандистской работы осталась агитация в югославянских войсках, находившихся в рядах интервентов. На югославянских языках издавались листовки, в газетах печатались обращения, которые затем распространялись среди сербских солдат на Мурмане, на Уральском фронте и в других районах. Группа готовила политическую литературу для распространения среди военнопленных, возвращавшихся на родину. Велась подготовка агитаторов.

Многие югославянские интернационалисты небольшими группами и в одиночку принимали участие в работе советских органов в разных районах страны. Так, 14 ноября Казанский губернский Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов командировал Л. Пертота в г. Арск и окружающие волости «для организации Советской власти и комитетов деревенской бедноты», а через месяц в связи с развернувшимся освобождением Украины он был направлен в Черниговскую губернию. Югославянский коммунист Томан работал в политотделе 4-й армии. Югославянские интернационалисты В. Шпрайцер, Ф. Кумбатович, Л. Клеменчич, Н. Павлович, П. Шарич, С. Ерас и др. составили костяк ряда отделов Военного комиссариата Тургайской обл., участвовали в борьбе за укрепление Советской власти в Казахстане и Киргизии. На конец 1918 г. Югославянская группа насчитывала 112 членов и 320 сочувствующих¹¹².

Коммунистическая партия и Советское правительство с пониманием отнеслись к естественному стремлению иностранных рабочих и крестьян возвратиться на родину и принять там участие в революционной борьбе. 14 января 1919 г. был издан приказ Реввоенсовета республики, разрешавший увольнение из Красной Армии интернационалистов-красноармейцев, прослуживших 6 месяцев и желавших отправиться на родину с целью партийной пропаганды или организационной работы¹¹³.

После революции в Германии и Австро-Венгрии в Советской России возникла новая форма революционной организации сотен тысяч иностранных трудящихся — Советы иностранных рабочих и крестьян, созданные по инициативе иностранных групп РКП(б).

5 ноября в Москве был создан Австро-Венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов (Австросовет). В связи с прекращением государственного существования Австро-Венгрии и раз-

делением ее на ряд самостоятельных государств в Австросовет были введены представители всех тех национальных групп РКП(б), народы которых до революции входили в состав Австро-Венгерской империи. 12 декабря 1918 г. Югославянская группа РКП(б) назначила своего представителя в Австросовет.

20 марта 1919 г. был создан Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов в России, который с согласия Наркоминдела взял на себя защиту интересов всех проживавших в Советской России граждан новообразованного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Югославянский Совет проводил значительную работу¹¹⁴.

Югославянские интернационалисты в боях за освобождение Украины, Поволжья и Юга России

В конце 1918 г. развернулись бои по освобождению Украины от австро-германских оккупантов и украинских буржуазных националистов. Активное участие в этих боях принял Г. Барабаш, назначенный 10 января 1919 г. начальником штаба 2-й Советской Украинской дивизии. С войсками этой дивизии, возглавляя их во многих боях, Г. Барабаш прошел по тем же местам, но в обратном направлении, по которым ему пришлось отступать под натиском австро-германских интервентов за год до того. 19 января войска 2-й дивизии освободили Полтаву¹¹⁵, 1 февраля — Кременчуг. В феврале—марте войска, которыми командовал Г. Барабаш (еще накануне освобождения Кременчуга 2-я дивизия разделилась на две части, одну из них возглавил Барабаш), продолжали свой освободительный поход — сражались под Смелой и Шполой вместе с войсками 1-й Украинской дивизии (начальник дивизии — Н. А. Щорс), взяли петлюровскую «столицу» Винницу, после затяжных ожесточенных боев у станции Вапнярки освободили Проскуров, а в конце апреля последний оплот петлюровщины — Шепетовку¹¹⁶. Во 2-й Украинской дивизии сражалась значительная группа югославян-красноармейцев, многие из которых отдали жизнь за освобождение украинской земли¹¹⁷.

Бригадой во 2-й Украинской дивизии, а затем в сформированной из части ее войск 46-й дивизии командовал молодой югославянский интернационалист Н. Жупан.

В связи с провозглашением 21 марта 1919 г. Венгерской Советской Республики, вызвавшим огромный подъем в рядах иностранных интернационалистов в Советской России, многие из них изъявили желание с оружием в руках прийти на помощь Советской Венгрии.

Формирование интернациональных частей для оказания помощи Венгерской Советской Республике осуществлялось на Украи-

не весной и летом 1919 г. в обстановке жестоких боев, которые Красная Армия продолжала вести с петлюровскими войсками и кулацко-анархистскими бандами.

5 мая начальником формировавшейся 1-й Интернациональной советской дивизии был назначен Б. Агатонович¹¹⁸. Однако наступление армии Деникина, мятеж Григорьева и действия банд в тылу заставляли немедленно бросать в бой против этих врагов сформированные полки.

Летом 1919 г. основная тяжесть борьбы Советской республики с силами внутренней контрреволюции и международного империализма переместилась на Южный фронт. В июле здесь началось широкое наступление белогвардейской армии под командованием Деникина.

В то время развернулись упорные бои в районе Царицына. С августа по конец октября 1918 г. Д. Сердич командовал 1-м Югославянским коммунистическим полком, расквартированным в Черном Яре. С 1 ноября Д. Сердич возглавил конногвардейский Крымский революционный полк, вошедший в состав Особой Донской кавалерийской дивизии. В боях под станцией Гнилоаксайской, Абганерово, Аксаем, Цапой полк, возглавляемый Д. Сердичем, в котором один кавалерийский дивизион состоял почти полностью из красноармейцев-югославын, проявил стойкость и мужество и не раз за это был удостоен похвалы С. М. Буденного, отмечавшего самоотверженность югославянских бойцов-интернационалистов¹¹⁹. 25 апреля 1919 г. Д. Сердич был назначен помощником начальника 1-й кавалерийской дивизии 14-й армии и находился в непрерывных боях до своего ранения 15 июня.

В войсках Южного фронта продолжал свою боевую деятельность Б. Агатонович, занимая пост командующего Западным боевым участком 10-й армии, а затем помощника командующего Особой группой Южного фронта¹²⁰.

19 сентября Б. Агатонович был назначен командиром 2 бригады 8-й стрелковой дивизии. За умелое командование и личное мужество приказом Реввоенсовета республики от 17 ноября 1919 г. он был награжден орденом Красного Знамени¹²¹.

С октября 1919 г. Б. Агатонович — командир 1-й бригады 9-й стрелковой дивизии, которая входила в состав 13-й армии, а с середины ноября в состав 1-й Конной армии. Агатонович — участник боев под Орлом и Воронежем, Курском и Касторной, освобождения Донбасса и Таганрога.

В начале августа после излечения от ранения Д. Сердич вернулся на фронт и вступил в командование Отдельной кавалерийской бригадой 14-й армии. Он участник боев под Кременчугом, Черкассами, Черниговом. После годичного обучения на курсах при Академии Генерального штаба Д. Сердич снова на фронте, где он командовал 2-й бригадой 6-й кавдивизии 1-й Конной армии, участвовал в разгроме Врангеля, освобождении Крыма, за что был награжден орденом Красного Знамени¹²².

С 1-й Конной армией теснейшим образом связана военная судьба Красного Дундича. В конце 1918 — начале 1919 г. Дундич был помощником командира 19-го кавалерийского полка 4-й кавалерийской дивизии. После создания конного корпуса (май 1919 г.) Дундич одно время «состоял для поручений» при командире корпуса С. М. Буденном, был командиром бронепоезда «Буденный»¹²³. 24 октября 1919 г. при участии конного корпуса был освобожден Воронеж, а за несколько дней до этого Дундич с четырьмя товарищами пронесли на конях по улицам Воронежа и «наделали такую панику, как будто в город ворвался целый полк»¹²⁴. Вскоре после освобождения Воронежа была создана 1-я Конная армия. В ней Дундич — командир Образцового кавалерийского дивизиона, являвшегося личным резервом командарма Буденного. Он участвует в боях за освобождение Юга России, Донбасса, Северного Кавказа. Беззаветная храбрость и преданность революции Дундича были отмечены орденом Красного Знамени, который ему в Ростове 2 марта 1920 г. вручил член Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе.

25 апреля 1920 г. буржуазно-помещичья Польша напала на Советскую Россию. 1-я Конная армия была переброшена на Украину. 27 июня 1920 г. Дундич был назначен помощником командира 36-го кавполка 6-й кавдивизии, которая в те дни вела бои в районе городов Ровно, Дубно, Радзивиллов. В одном из таких боев 8 июля 1920 г. под Ровно Дундич погиб.

На различных фронтах успешно сражались с врагами Советской власти и многие другие югославянские интернационалисты. Э. Чопп командовал одним из стрелковых полков 5-й армии, освобождавшей Урал и Сибирь; С. Деспотович был политкомом кавалерийского полка, сражавшегося на Южном фронте; военком бригады Я. Цвейч нес службу в Средней Азии.

В одной из рот 222-го Интернационального полка Чапаевской дивизии с боями прошли от Волги до Урала односельчане-красноармейцы из банатской деревни Меленци: Младен Бибин, Милан Бибин, Д. Бошняк, М. Келянский, Р. Коврешан, С. Краваров, В. Лозанич, В. Марков и М. Чурчич¹²⁵. Сражались югославянские интернационалисты и во многих других соединениях и частях Восточного фронта.

Агитационная работа югославянских интернационалистов в войсках интервентов и белогвардейцев

После отъезда большинства членов Югославянской группы РКП(б) на родину (в январе 1919 г. уехал и председатель Заграничного бюро Л. Вукичевич) работа группы временно почти полностью прекратилась. Однако в Советской России еще оставалась главная масса югославян-военнопленных, тысячи их

были вовлечены в контрреволюционные формирования интервентов и белогвардейцев, многие тысячи сражались в рядах защитников Октября. Среди всех этих контингентов необходимо было вести политическую работу. 19 февраля 1919 г. В. Бауэр, возглавивший после отъезда Л. Вукиевича Заграничное бюро, созвал всех находившихся в Москве югославянских коммунистов «для того, чтобы пересмотреть положение группы и ее вновь реставрировать»¹²⁶. На собрании был избран новый комитет в составе 7 человек, председателем стал В. Бауэр, секретарем — И. Вук.

В связи с развернувшейся в ноябре—декабре 1918 г. англо-французской интервенцией на Юге России (Крым, Одесса и др.) Украина стала важным центром пропагандистской работы, проводимой большевистской партией в войсках интервентов. Сразу же после занятия Одессы французские военные власти приступили к мобилизации в контрреволюционные формирования всех югославын, не успевших эвакуироваться. Поэтому в число агитаторов среди войск интервентов были включены югославянские коммунисты.

Как только началось освобождение Украины, туда были направлены опытные агитаторы: Л. Цукич, С. Деспотович, Т. Цвичич и С. Ратков, до этого работавшие в Поволжье. 10 февраля 1919 г. при содействии Иностранного отдела ЦК КП(б)У в освобожденном Харькове была создана Югославянская группа КП(б)У, избравшая комитет в составе Т. Цвичича (председатель), Р. Йовича (секретарь) и агитатора С. Деспотовича. С. Ратков работал непосредственно в Иностранном отделе ЦК КП(б)У, занимаясь революционной агитацией и пропагандой среди югославын, распространением коммунистической литературы и т. д.

Официально Югославянская группа КП(б)У оформилась в Киеве (Харьковский комитет был временным) на совещании югославянских коммунистов, состоявшемся 6 марта под председательством Л. Цукича. В собрании приняли участие приехавший из Москвы Й. Сорич, работавшие до этого агитаторами в Пензе И. Бркич и К. Кубичек, член югославянской коммунистической организации в Самаре М. Юракович и др. По просьбе одесской подпольной большевистской организации в Одессу были направлены иностранные коммунисты и опытные члены РКП(б), владевшие иностранными языками¹²⁷. В Коллегию иностранной пропаганды при Одесском подпольном комитете КП(б)У (ее называли Иностранной коллегией) входили от югославских коммунистов С. Ратков и Ж. Степанович¹²⁸.

К сожалению, почти совершенно не сохранилось свидетельство о содержании работы югославянских коммунистов в Одессе в период работы Иностранной коллегии: о контактах коллегии с югославынами в Одессе, результатах агитации и т. д. Из доклада С. Раткова видно, что большая часть имевшихся там к началу антантовской оккупации югославын уже эвакуировалась, а оставшиеся были убежденными сторонниками Советской власти. Поэтому С. Ратков был назначен начальником подрывных отрядов,

В. Драган — в группу по учету и мобилизации боевых сил из рядов одесских рабочих и по сбору и учету оружия, Ж. Степанович должен был как агитатор уехать на родину.

2 марта 1919 г. С. Ратков был арестован белогвардейской контрразведкой и французскими оккупационными властями. Одновременно были схвачены французская интернационалистка, пламенный агитатор Жанна Лябурб, ряд других членов Иностранной коллегии. После короткого допроса с пристрастием арестованных ночью повезли на кладбище на расстрел, где Раткову удалось бежать.

В середине марта С. Ратков перебрался в Киев. Его доклад об обстоятельствах гибели Ж. Лябурб и других товарищей был 6 апреля 1919 г. опубликован в газете «Правда»¹²⁹. В апреле—мае 1919 г. С. Ратков работал в Югославянской группе КП(б)У в Киеве, а во второй половине июня уехал на родину¹³⁰.

Для оказания всесторонней материальной помощи бывшим военнопленным, стремившимся возвратиться на родину, для ведения среди них политической и культурной работы, распространения коммунистической литературы и т. д. на заседании Югославянской группы КП(б)У, состоявшемся в Киеве 24 апреля, был создан Югославянский Совет¹³¹. Его председателем был избран югославянский коммунист Н. Ирич (Хлаватий), член Югославянской группы РКП(б), работавший до этого в Отделе южных славян Наркомнаца. В связи с тем что эвакуация югославян из Советской России на родину должна была вестись морским путем, а также из-за сложности обстановки в Одессе после освобождения ее от интервентов, туда в начале мая 1919 г. была перенесена деятельность Югославянского Совета рабочих и крестьянских депутатов на Украине, а Киевский Совет стал филиалом Центрального Совета в Одессе. В Киев из Москвы переехала Югославянская группа РКП(б).

Н. Иричу удалось убедить Одесский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в необходимости закрыть действовавшее в Одессе югославское консульство. По согласованию с Наркоминделом УССР все дела, связанные с эвакуацией югославян на родину, были переданы Югославянскому Совету, о чем также было достигнуто соглашение и с эвакуационной миссией Королевства сербов, хорватов и словенцев, прибывшей на Украину во время антантовской интервенции. Однако проводившее антисоветскую политику правительство королевства не заботилось о возвращении своих граждан на родину, а также задерживало бывших русских солдат, сражавшихся на Салоникском фронте.

При содействии подпольных организаций РКП(б) на занятых врагом территориях агитаторы группы проникали в расположение врага и смело несли слово революционной пролетарской правды своим соотечественникам. Эта трудная и опасная работа не обходилась без жертв.

В июне 1918 г. белочешской контрразведкой в Челябинске был схвачен и предан военно-полевому суду бывший диссидент

из Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев подпоручик М. Горуп, который вел среди мобилизованных в контр-революционные войска солдат коммунистическую пропаганду. На суде Горуп смело отстаивал свои коммунистические убеждения, за что был приговорен к смертной казни и расстрелян в начале августа¹³².

12 февраля 1919 г. интервентами на Севере был расстрелян югославянский коммунист-агитатор С. Никетич. Вскоре погиб и его товарищ и соратник А. Андреевич.

27 декабря 1919 г. на заседании Комитета Югославянской группы было оглашено печальное известие о том, что «председатель Югославянского Совета в Одессе и член одесской организации группы тов. Николай Ирич во время белогвардейского нашествия на Одессу был убит предательским способом»¹³³.

Но и самые суровые расправы белогвардейцев и интервентов не могли остановить коммунистов, готовых отдать жизнь за правое дело, дело освобождения трудящихся всего мира от ига капитала.

Важное место в своей агитационной работе югославянские коммунисты отводили Уралу и Сибири, где, по полученным группой сведениям, находилось до 10 тыс. бывших военнопленных-югославян¹³⁴.

Освобождение Урала и Сибири поставило перед Югославянской группой РКП(б) задачу развернуть работу среди тысяч югославян, находившихся на этой территории. В феврале 1920 г. эта работа была поручена М. Грбанову. Одновременно с ним в Сибирь были направлены Д. Георгиевич, отозванный с фронта из-под Царицына, и И. Хас, работавший в Военной комиссии Центральной Федерации иностранных групп РКП(б). Однако Губком РКП(б) и Губчека задержали Грбанова в Челябинске, поручив ему оперативную работу в ЧК. В сентябре 1920 г. во время операции против одной из кулацких банд М. Грбанов погиб. Челябинская газета «Советская правда» 5 октября 1920 г. посвятила ему проникновенную статью, отметив, что М. Грбанов «всегда и неизменно оставался самым искренним и преданным революционером-чекистом».

Под воздействием побед Красной Армии и партизанского движения, охватившего Урал, Сибирь и Дальний Восток, усилились революционное брожение и антивоенное движение в югославянских частях, входивших в состав чехословацких войск. В югославянском полку «Матия Губец», расквартированном в Томске, действовала подпольная патриотическая группа, в которую входили офицеры Р. Вальгони, Б. Шицель, П. Грегорич, Л. Сертич и др., связь с ними поддерживал югославянский коммунист В. Смолян. Под влиянием агитации этой группы полк отказывался участвовать в колчаковских карательных экспедициях против восставших крестьян, сражаться с партизанами. В конце 1919 г. полк был переброшен в Нижнеудинск.

Перед отступлением из Челябинска интервенты увезли с собой на восток остатки югославянского полка им. М. Благодича, многие солдаты которого не хотели воевать и требовали возвращения на родину. Во время боев за Красноярск в январе 1920 г. полк им. М. Благодича вместе с польской дивизией сдался передовым частям Красной Армии¹³⁵. В момент приближения войск Красной Армии к Нижнеудинску на ее сторону перешел полк «Матия Губец», который помог местной организации РКП(б) восстановить Советскую власть и помешал колчаковцам устроить кровавую расправу над рабочими¹³⁶.

Сибревком и Реввоенсовет 5-й армии на базе югославянских частей образовали батальон, вошедший позднее в дивизию им. III Интернационала.

Работа югославянских коммунистов в Сибири дала ощутимые результаты. К концу октября 1920 г. в Москву на партийные курсы были направлены 105 человек, 137 коммунистов и сочувствующих выбыли на фронт; кроме того, добровольцами в части Красной Армии вступило около 300 беспартийных югославян¹³⁷.

Работа с югославянами в Сибири была лишь одним, хотя в то время и весьма важным, направлением работы югославянских коммунистов в Советской России в конце 1919 — начале 1920 г.

В связи с захватом Киева денкинскими войсками деятельность Центрального комитета Югославянской группы РКП(б) была вновь перенесена в Москву.

Для подготовки агитаторов и партийных работников было решено создать курсы агитаторов. В ноябре 1919 г. эти курсы окончили 69 человек¹³⁸.

Большое внимание группа продолжала уделять издательской работе. Центральное место в ней занимало издание на югославянских языках трудов В. И. Ленина, документов РКП(б) и Коминтерна. Так, к сентябрю 1919 г. вышли из печати на сербскохорватском и словенском языках работы В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Отдельной брошюрой под заголовком «О середняках» был издан «Доклад о работе в деревне», сделанный В. И. Лениным на VIII съезде РКП(б).

Были напечатаны «Программа РКП(б)», принятая VIII съездом, а также ряд популярных политических брошюр В. М. Фриче («Что такое буржуазия?», «Социализм», «Империалисты», «Борьба классов и партий», «Интернационал»)¹³⁹.

Еще раньше были переведены и изданы «Конституция РСФСР», Манифест Коммунистического Интернационала «К пролетариям всего мира», брошюры Б. Куна «Чего хотят коммунисты?» и «Чья земля?», Н. Л. Мещерякова «Национализация земли», П. Лафарга «Вера в бога», В. Либкнехта «Науки и мухи», Л. Э. Варлена «Вождь рабочих перед лицом капиталистов» и некоторые другие. Как правило, группа переводила марксистские работы или статьи с русского языка и издавала их для удобства распространения отдельными брошюрами, выходящими

тиражом от 10 тыс. до 30 тыс. экземпляров. Среди оригинальных работ, написанных югославянскими коммунистами, были брошюра Д. Годины «Национализм и интересы пролетариата», изданная на словенском языке тиражом 6 тыс. экземпляров, брошюра А. Петровича «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (на сербскохорватском языке латиницей, 20 тыс. экземпляров), брошюра «Балканским рабочим» (на том же языке кириллицей, 10 тыс. экземпляров)¹⁴⁰.

Издательская деятельность продолжалась и в последующем, причем главный упор югославянские коммунисты делали на издании брошюр и прокламаций. Практика показала, что выпуск газеты уже себя не оправдывал — значительная часть югославян репатриировалась, доставка газет на фронт и в Сибирь затягивалась на долгий срок, они быстро устаревали. Поэтому было решено 11 июня 1919 г. издание газеты «Всемирная революция» прекратить.

Из работ В. И. Ленина в 1920 г. были переведены «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», с которыми он выступил на I конгрессе Коммунистического Интернационала, а из партийных документов — «Платформа Коммунистического Интернационала», из брошюр — работы Ю. Мархлевского «Что такое большевизм?», П. М. Керженцева «Творческий театр» и «Культура и Советская власть», П. Лафарга «К царству социализма» и др.¹⁴¹

В начале 1921 г. издание литературы на югославянских языках было налажено в Петрограде, и уже в феврале вышли в свет работа В. И. Ленина «Государство и революция» и документы II конгресса Коммунистического Интернационала¹⁴².

Реорганизация югославянских коммунистических организаций в Советской России.

Прекращение их деятельности в связи с отъездом

югославянских интернационалистов на родину

В начале 1920 г. была проведена организационная перестройка работы коммунистов-иностранцев в Советской России на основе решений VIII съезда РКП(б) и VIII Всероссийской партконференции.

С 12 марта 1920 г. Федерация иностранных групп РКП(б) прекратила свое существование. С марта 1920 г. в Москве начало свою работу Центральное югославянское бюро при ЦК РКП(б). В скором времени были образованы Югославянский отдел (позднее реорганизованный в Югославянское областное бюро агитации и пропаганды) при Сибирском областном бюро РКП(б) в Омске, Югославянская секция агитации и пропаган-

ды при Казанском губернском комитете РКП(б), а после завершения перестройки партийных организаций в Туркестане Югославянское бюро агитации и пропаганды при Турккрайкоме РКП(б); югославянские отделы и секции агитации и пропаганды имелись при Московском и Петроградском городских комитетах РКП(б), в ряде городов Туркестана и в других районах страны.

Работой Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) руководил президиум в составе трех человек: И. Милкича, В. Шешока и М. Кодрни¹⁴³. В связи с отъездом В. Шешока в июле 1920 г. на родину для ведения партийной работы и откомандированием И. Милкича на работу в Коминтерн в президиум ЦЮБ были избраны Д. Садура и М. Томац¹⁴⁴.

Во второй половине 1920 г. ЦЮБ при ЦК РКП(б) сосредоточило свою работу на следующих направлениях: агитация и пропаганда среди югославыян в Советской России; организация югославянских секций и кружков агитации и пропаганды при комитетах РКП(б) в тех городах, где имелось значительное число югославыян; подготовка агитаторов, «которые были бы способны вести успешную агитацию как на территории Советской России, так и при возвращении своем в Югославию»; литературно-издательская работа «для просвещения рабочих и крестьянских масс и указания им настоящей дороги, по которой должен идти пролетариат для достижения поставленной себе цели»; отправка на родину надежных и способных коммунистов; подготовка командиров для Красной Армии¹⁴⁵.

В связи с продолжавшейся эвакуацией бывших военнопленных на родину югославянские коммунисты продолжали политико-просветительную работу среди репатрируемых соотечественников.

С целью подведения итогов проделанной работы и определения дальнейших задач югославянских коммунистов в Советской России 8—9 октября 1920 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция югославянских коммунистов, на которой были представлены все крупные партийные организации югославянских коммунистов: Югославянская секция при Московском губбюро РКП(б), Югославянское краевое бюро при ЦК КП Туркестана, Сиббюро, Казанская секция и др., а также представители ЦК РКП(б), Коминтерна и Коммунистической партии Югославии.

Конференция продемонстрировала идейную сплоченность и политическую зрелость югославянских коммунистов и показала, что годы, проведенные ими в революционной России под руководством ленинской большевистской партии, явились для них великой школой пролетарской революции, важнейшим этапом в подготовке к революционной борьбе на родине¹⁴⁶.

В конце 1920 — начале 1921 г. по мере того, как все больше и больше югославыян возвращалось на родину, работа организаций югославянских коммунистов прекращалась в тех местах, где не

оставалось их соотечественников. Так, в ноябре 1920 г. прекратила свою деятельность югославянская секция подотдела национальных меньшинств Сибирского областного бюро РКП(б), находившегося в Омске. Членом местной партийной организации был молодой хорват Иосип Броз в дальнейшем выдающийся деятель коммунистического движения Иосип Броз Тито.

Еще в 1910 г. 18-летний рабочий, выходец из крестьянской семьи И. Броз вступил в Социал-демократическую партию Хорватии и Славонии. В 1913 г. он был призван в армию, а после начала первой мировой войны отправлен на фронт. За антимилиитаристскую пропаганду среди солдат по пути на фронт был арестован и заключен в крепость. В апреле 1915 г., находясь на Карпатском фронте, тяжело раненный И. Броз был взят в плен и 13 месяцев находился на излечении в русском военном госпитале в Свияжске, затем, как и многие другие военнопленные, работал в Ардатове (Симбирская губ.) и в Кунгуре (Пермская губ.). В июне 1917 г., самовольно приехав в Петроград, И. Броз принял участие в июньской демонстрации, направленной против буржуазно-помещичьего правительства, за что был арестован и возвращен в Сибирь. В октябре 1917 г. он вступил в Омске в Красную Гвардию, во время колчаковщины вел подпольную революционную работу среди крестьян в одном из отдаленных сел губернии. В начале 1920 г. И. Броз прибыл из Омска в Петроград, а осенью уехал в Югославию.

27 декабря 1920 г. на своем заседании президиум ЦЮБ агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) принял следующее постановление: «Учитывая обстоятельство, что среди многочисленных партийных организаций Югославии ведется ожесточенная борьба и что в такой момент нужно усилить и увеличить число политработников нашей партии, объявить мобилизацию всех коммунистов-югославян, проживающих на территории РСФСР, и направить в Югославию»¹⁴⁷.

Стремление к возвращению на родину было всеобщим среди иностранных интернационалистов. Идя навстречу их пожеланиям, Советское правительство приняло соответствующие решения. 30 апреля 1921 г. Реввоенсовет республики, народные комиссары внутренних дел и по иностранным делам отдали приказ, определяющий порядок увольнения из Красной Армии иностранцев, т. е. лиц, «которые до объявления войны в 1914 г. не состояли российскими гражданами и не приняли до сего времени российского гражданства, в случае их желания покинуть ряды армии»¹⁴⁸.

Югославянские интернационалисты, вооруженные бесценным опытом пролетарской революции в России, горели желанием применить этот опыт в революционной борьбе у себя на родине.

Уезжая на родину, югославянские коммунисты, как и интернационалисты из других стран, знали, что им предстоит нелегкая борьба, что реакционные правящие круги всячески стремят-

ся воспрепятствовать их возвращению домой, а тех, кому удастся преодолеть все препоны, ждут суровые преследования, самоотверженная революционная борьба.

- 1 См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 53.
- 2 Подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Образование югославского государства. М., 1975. С. 230—234; *Зеленин В. В.* Под Красным знаменем Октября. М., 1977. С. 87 и след.
- 3 См.: *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 171.
- 4 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 176. Л. 29; Д. 183. Л. 67.
- 5 Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 66—67.
- 6 Именно так впоследствии оценивали союз его активные члены — югославянские интернационалисты Д. Сердич, Н. Ковачевич, Д. Георгиевич, М. Кодрия. См.: ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 167. Л. 4 об.—5; Д. 168. Л. 41; Д. 183. Л. 46 и 64.
- 7 Документ, подписанный в результате конференции, состоявшейся на о. Корфу 2.VI—7.VII 1917 г., на которой находившиеся в эмиграции сербское королевское правительство и Югославянский комитет, представлявший проантантовские круги буржуазии и помещиков югославянских владений Габсбургов, договорились о необходимости добиваться после войны объединения Сербии и югославянских земель Австро-Венгрии.
- 8 Хорватский правый социалист М. Радошевич приехал в Россию в конце 1917 г. и выполнял некоторые поручения сербской дипломатической миссии.
- 9 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 181. Л. 22.
- 10 См.: *Груловић Н.* Југословени... С. 167—169.
- 11 См.: Там же. Стефанович и несколько его соотечественников погибли на киевских баррикадах. Об участии югославян в уличных боях в Киеве вспоминал и югославский интернационалист Стойкович. См.: ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 181. Л. 23, 24.
- 12 Об этих событиях подробно рассказал Н. Ковачевич на заседании югославской группы при музее Центрального дома Красной Армии, состоявшемся 23 ноября 1932 г. (ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 186. Л. 46—47). Полное подтверждение этого эпизода содержится в неопубликованных мемуарах В. Н. Егорьева, хранящихся у его дочери О. В. Сваричовской, любезно ознакомившей автора с их содержанием.
- 13 См.: Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области. 1918. 27 февр.
- 14 Актюбинский гособлархив, Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 159 (как в этом случае, так и в ряде других использованы документы, присланные рядом архивов при подготовке сборника «Участие югославских трудящихся...», но не вошедших в публикацию).
- 15 См.: Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР: Пер. со словац. М., 1961. С. 78.
- 16 См.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 161—162.
- 17 См.: *Арношт К.* Повернувшие штыки: (Воспоминания военнопленного). М.; Л., 1927. С. 16.
- 18 См.: Известия Тверского Совета. 1918. 4 апр.
- 19 См.: Армия и Флот. 1918. 19 апр.
- 20 См.: Былые походы. С. 61.
- 21 См.: Участие югославских трудящихся... С. 141.
- 22 Государственный архив Московской области (далее — ГАМО). Ф. 2165. Оп. 1. Д. 99. Л. 3; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 172. Л. 6.
- 23 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 172. Л. 6.
- 24 См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 134. В Социалистическом отряде Киквидзе имелось также и чехословацкое подразделение. См.: Интернационалисты... С. 144.
- 25 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 172. Л. 6 об.

- ²⁶ См.: История гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 134.
- ²⁷ ГАМО. Ф. 2165. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.
- ²⁸ См.: *Груловић Н.* Югословени... С. 174—175; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 3. Д. 181. Л. 21.
- ²⁹ См.: *Антонов-Овсенко В. А.* Записки о гражданской войне. М.; JL, 1928. Т. 2. С. 60, 81—84, 98, 114—119, 122—128.
- ³⁰ См.: Там же. С. 135, 169—172.
- ³¹ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 87. Л. 21.
- ³² ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 167. Л. 5 об. (Доклад от 9 ноября 1932 г.); см. также: *Антонов-Овсенко В. А.* Записки... Т. 2. Гл. 7.
- ³³ ГАМО. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 116. Л. 9—10.
- ³⁴ Судя по воспоминаниям Н. Груловича, отряд С. Димитриевича присоединился к отряду Сердича в Ростове-на-Дону. См.: *Груловић Н.* Югословени... С. 225.
- ³⁵ См.: *Сердич Д. Ф.* Рабочие и крестьяне Балканского полуострова в коннице Буденного // Красная конница. 1935. № 2. С. 9—10. Командиром батальона был избран С. Димитриевич, адъютантом — Д. Сердич. Но вскоре Димитриевич заболел, и командование батальоном принял Сердич. См.: *Груловић Н.* Югословени... С. 225, 229, 231—232.
- ³⁶ См.: *Груловић Н.* Югословени... С. 181—225.
- ³⁷ См.: *Сердич Д.* Балканские рабочие и крестьяне в коннице Буденного // Огонек. 1925. Спецномер.
- ³⁸ См.: *Вукићевић Л.* Успомене из Октобарске револуције // Матица српска: Зборник за друштвене науке. Нови-Сад, 1959. Књ. 22. С. 129—134.
- ³⁹ См.: Участие югославских трудящихся... С. 331—332.
- ⁴⁰ См.: Там же. С. 116.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 84—85.
- ⁴² См.: Там же. С. 97—98.
- ⁴³ Б. Храбак пришел к выводу, что вдохновителями убийства были принц-регент Сербии Александр и его посланник в России Спалайкович, так как Серб вышел из повиновения сербскому правительству, а его окружение знало об имевшихся у него крупных суммах денег и опасалось, что Серб сбежит с ними. См.: *Hrabak B.* Delatnost članova udruženja «Ujedi-
- njenje ili smrt» u Rusiji 1915—1918, godine // Istorija XX veka: Zbornik radova. Beograd, 1965. VII. S. 234—244.
- ⁴⁴ См.: Участие югославских трудящихся... С. 310—311.
- ⁴⁵ См.: *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 211.
- ⁴⁶ См.: Участие югославских трудящихся... С. 113—115.
- ⁴⁷ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 30. Л. 3.
- ⁴⁸ *Груловић Н.* Югословени... С. 246.
- ⁴⁹ В документе, видимо, описка и вместо «сербов» стоит «славян».
- ⁵⁰ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 30. Л. 3—4.
- ⁵¹ См.: *Гајић Д.* Генерални штрајк 1919 Београд. 1951. С. 28.
- ⁵² См.: *Писарев Ю. А.* Из истории эвакуации югославян из Советской России (1918—1919 гг.) // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 141.
- ⁵³ См.: *Гајић Д.* Генерални штрајк... С. 29.
- ⁵⁴ Об участии югославян в работе Всероссийского съезда военнопленных см.: ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 187. Л. 3, 18, 19.
- ⁵⁵ См.: Участие югославских трудящихся... С. 107—108 (список служащих штаба 4-й армии советских войск Южных республик).
- ⁵⁶ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 187. Л. 10, 18; Д. 183. Л. 64; Д. 175. Л. 14, 15, 19, 21, 22.
- ⁵⁷ *Hrabak B.* Partijska organizacija i forumi komunista Jugoslovena u Sovjetskoj Republici, 1918—1921 godine // ЈИС. 1967. Br. 1/4 S. 16—18.
- ⁵⁸ См.: Участие югославских трудящихся... С. 164—165.
- ⁵⁹ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 187. Л. 3—13, 18—19.
- ⁶⁰ См.: Участие югославских трудящихся... С. 111—112.
- ⁶¹ См.: Там же. С. 112.
- ⁶² Там же С. 127—128.
- ⁶³ См.: *Маргеев А. М.* Из истории иностранных интернационалистов в Средней Азии (1918—1920 гг.) // Тр. Ташк. ун-та им. В. И. Ленина. 1960. Вып. 169. С. 61.
- ⁶⁴ Государственный архив Ташкентской обл. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 9—10.
- ⁶⁵ См.: Наша газета. 1918. 22 авг., 11 сент.

- 66 *Матвеев А. М.* Из истории... С. 61.
- 67 См.: Наша газета. 1918. 20, 21 сент.
- 68 См.: *Сологубов И. С.* Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918—1921 г.). Ташкент, 1961. С. 30.
- 69 См.: Участие югославских трудящихся... С. 86—87, 89 и др.
- 70 Центральный государственный архив КазССР. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 14. Л. 89.
- 71 Там же. Ф. 19. Оп. 3. Д. 3. Л. 98.
- 72 См.: Участие югославских трудящихся... С. 89, 108—109, 111, 115—117, 120, 125—126 и др.
- 73 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 167. Л. 28—29.
- 74 См.: *Георгиевич Д.* Моя автобиография // ГАМО. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 116. Л. 12.
- 75 См.: Участие югославских трудящихся... С. 143—145; *Сердич Д.* Балканские рабочие...
- 76 Как и многие сербские дипломатические и консульские чиновники в России того времени, полковник Вукичевич занимался всевозможными спекуляциями, в частности под видом дипломатического багажа перебрасывал большие партии мануфактуры и галантереи между Москвой, Саратовом, Царицыным и Кисловодском, получая солидные комиссионные от московского купца А. Колесникова. Газета «Всемирная революция» от 26 октября 1918 г. в статье «Сербский консул — спекулянт» опубликовала переписку, захваченную органами ЧК в Царицыне при аресте одного из доверенных лиц Колесникова, раскрывающую махинации Вукичевича и секретаря сербской миссии Л. Несторовича. Спекуляцией, торговлей и т. п. занимались чиновники сербской миссии и консульства в Петрограде, Москве и других местах. См.: *Лованович Р. Ст.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Београд, 1925. С. 30 и след.
- 77 О заговоре в Царицыне см.: *Червяков А. И.* Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сталинград, 1959. С. 288—294; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 167. Л. 27, 29; Участие югославских трудящихся... С. 173; *Груловић Н.* Југословени... С. 234—239.
- 78 См.: Документы о героической обороне Царицына. М., 1942. С. 198; *Мухомерец И. М.* Годы грозные. М., 1958. С. 174—179.
- 79 Сохранились многочисленные документы югославянских интернационалистов, вступивших в Царицынский иностранный батальон. См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 87. Л. 13, 18, 19 и др.
- 80 См.: Участие югославских трудящихся... С. 165—166.
- 81 Начиная с середины 50-х годов югославская, а затем и советская печать уделяла Дундичу огромное внимание. В югославской печати появилось много версий о месте его рождения, о «подлинных» имени и фамилии и т. п. Появились «факты», основанные на домыслах журналистов, «родственников» и «соратников» Дундича. В анкете Дундича стоит дата рождения: 13 апреля 1896 г. Однако в церковных книгах названа другая: 12 августа 1897 г., думается, что последняя точнее, так как первая записана со слов Дундича.
- 82 См.: Участие югославских трудящихся... С. 161.
- 83 См.: Там же. С. 167.
- 84 При эвакуации Киева полку было поручено сопровождать золотой запас. Но во время пути были взломаны сейфы и похищено свыше 12 млн руб. золотом. Был назначен розыск Гойковича, но он скрылся и объявился в Сибири под покровительством белочехов. См.: *Hrabak B.* Rad Pašicevovog roizdanika u Rusiji dr Radoslava Jovanoviča za vreme Oktobarske socijalističke revolucije // Arhivski almanah. 1958. N 1. S. 142—143.
- 85 См.: Участие югославских трудящихся... С. 121—122, 198.
- 86 См.: Рабочий. 1918. 28 июня.
- 87 См.: Участие югославских трудящихся... С. 112.
- 88 См., например: *Груловић Н.* Југословени... С. 248—251; *Hrabak B.* Nastanak i obrazovanje Jugoslovenske komunističke grupe RKP(b) u proleće 1918 godine // Istorija XX veka. Beograd, 1968. IX. S. 31. Nap. 11; ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 181. Л. 4, 46—47.
- 89 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 183. Л. 22.
- 90 См.: Участие югославских трудящихся... С. 121—122.
- 91 См.: Там же. С. 198.

- 92 *Щербаков Ю. Н.* Иностранцы интернационалисты на Восточном фронте 1918 г. // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 329.
- 93 См.: Участие югославских трудящихся... С. 311.
- 94 См.: Там же. С. 133—134.
- 95 См.: Там же. С. 140—141, 163—164.
- 96 См.: Там же. С. 164—165.
- 97 Там же. С. 235.
- 98 Там же. С. 141.
- 99 Там же. С. 175.
- 100 Там же. С. 199—201, 218.
- 101 См.: Там же. С. 178—179.
- 102 См.: Там же. С. 173—174.
- 103 См.: Там же. С. 227—228.
- 104 См.: Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1917—IX—1920. М., 1920. С. 143.
- 105 Участие югославских трудящихся... С. 163—164.
- 106 Там же. С. 176—177.
- 107 ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 14 об.
- 108 См.: Участие югославских трудящихся... С. 207—210; ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 1. Л. 15—16.
- 109 См.: Участие югославских трудящихся... С. 207—210, 215—217.
- 110 Там же. С. 226, 227—229, 252—253.
- 111 Там же, с. 228.
- 112 Там же. С. 241.
- 113 См.: Там же. С. 245.
- 114 См.: Там же. С. 443—450.
- 115 Описывая бои за Полтаву, главнокомандующий советскими войсками Украинской Советской Республики В. А. Антонов-Овсеенко отмечал, что начальником штаба 2-й дивизии был Г. Барабаш — «сербский офицер, прекрасно сражавшийся на Украине во время борьбы с немцами в марте—апреле 1918 г.» (*Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 3. С. 192).
- 116 Подробно о боевой деятельности Г. Барабаша см.: *Зеленин В. В.* Под Красным знаменем Октября. С. 163—165.
- 117 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 177. Л. 15—16; Д. 172. Л. 23.
- 118 См.: Участие югославских трудящихся... С. 305.
- 119 См.: *Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1958. С. 103, 104, 108.
- 120 См.: Участие югославских трудящихся... С. 331—332.
- 121 См.: Там же. С. 347.
- 122 См.: Там же. С. 478.
- 123 См.: Там же. С. 334.
- 124 Воронежская коммуна. 1919. 1 нояб.
- 125 *Zelenjin V.* Jugosloveni pod zastavom Oktobra. Beograd, 1967. S. 18.
- 126 Участие югославских трудящихся... С. 283—284.
- 127 См.: Интернационалисты... С. 200—209.
- 128 См.: Участие югославских трудящихся... С. 285—291.
- 129 См.: Там же. С. 285—291.
- 130 См.: Там же. С. 318.
- 131 См.: Там же. С. 296—297.
- 132 См.: Всемирная революция. 1918. 25 сент.
- 133 Участие югославских трудящихся... С. 357.
- 134 Там же. С. 310.
- 135 См.: История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 354; *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 357.
- 136 См.: Участие югославских трудящихся... С. 389, 391—393.
- 137 Там же. С. 442.
- 138 Там же. С. 354.
- 139 См.: Там же. С. 414—416, 438.
- 140 Там же. С. 438—440.
- 141 См.: Там же. С. 414—416.
- 142 См.: Там же. С. 477.
- 143 См.: Там же. С. 401—402.
- 144 См.: Там же. С. 439.
- 145 См.: Там же. С. 435.
- 146 См.: Там же. С. 452—454.
- 147 Там же. С. 470.
- 148 Там же. С. 484—485.

БОЛГАРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Число болгар военнопленных и интернированных гражданских лиц было невелико. К тому же они были разбросаны мелкими группами в различных городах главным образом европейской части России¹. Некоторые из них довольно скоро стали играть активную роль в отдельных комитетах и организациях военнопленных, возникших в конце 1917 — начале 1918 г.

Это объяснялось в первую очередь тем, что среди военнопленных и интернированных болгар было сравнительно немало членов революционной Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) (тесных социалистов) и сочувствующих ей. Оказавшись в России, они смогли благодаря относительно свободному пониманию русского языка быстрее установить контакты с большевистскими организациями и Советами.

Так, болгарские интернационалисты из военнопленных, находившихся в Инсарском у. Пензенской губ., создали в конце 1917 г. кружок «Революция», установили контакты с Инсарским Советом и оказали ему посильную помощь². Представители кружка болгарских интернационалистов Инсара Г. Михайлов (Добрев), И. Деянов и др., посланные в феврале 1918 г. на конференцию в Москву, сразу же после прибытия в столицу включились в работу Московской организации военнопленных социал-демократов интернационалистов. Они участвовали в различных конференциях и совещаниях, на собраниях и митингах военнопленных они выступали с призывами активно защищать Советскую Россию³.

В середине февраля 1918 г. член партии тесных социалистов Г. Матеев опубликовал в петроградской печати воззвание к болгарскому народу, призывая его положить конец империалистической войне и последовать примеру революционной России⁴. Несколько болгарских интернационалистов из Петрограда вступили в ряды 1-го Интернационального отряда и другие подразделения только сформировавшейся тогда Красной Армии⁵. Среди них были, в частности, М. Антонов и П. Захариев, которым было поручено организовать военный госпиталь. С помощью болгарских студентов-медиков они выполнили это задание⁶.

Находившиеся в Москве болгарские интернационалисты из числа военнопленных играли активную роль в деятельности возникшей весной 1918 г. Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян. Их

представитель Г. Михайлов (Добрев) (позже участник народно-освободительной борьбы болгарского народа против фашизма) еще молодым человеком приобщившийся к марксизму, вошел в состав ЦИК этой организации⁷. В мае 1918 г., ввиду предстоявшей репатриации военнопленных Г. Михайлов и другие болгарские интернационалисты приняли участие в работе краткосрочных курсов революционной пропаганды среди военнопленных, готовившихся к репатриации⁸.

В мае—июне 1918 г. часть болгарских военнопленных (в том числе несколько активных интернационалистов из Москвы во главе с Г. Михайловым) выехала на родину в связи с репатриацией пленных, начавшейся после Брестского мира⁹. Оставшиеся в России болгарские интернационалисты не создали в тот период отдельных самостоятельных болгарских интернационалистских организаций; они вошли в объединенные комитеты иностранных рабочих и крестьян и в другие общие интернационалистские организации, а также в отдельные южнославянские (иногда югославянские) организации или группы¹⁰.

В рамках Южнославянской коммунистической группы

Оставшиеся в Советской России болгарские интернационалисты действовали под руководством РКП(б), а наиболее сознательные из них стали членами партии большевиков. Организационно они вошли в сформировавшуюся в Москве в мае 1918 г. Южнославянскую коммунистическую группу. Она объединилась вместе с другими коммунистическими группами в мае 1918 г. в Центральную Федерацию иностранных коммунистических групп (ЦФИГ) при ЦК РКП(б).

С самого момента своего возникновения Южнославянская коммунистическая группа поставила своей задачей, как это было сформулировано в ее уставе, объединить на базе коммунистической программы и с целью защиты Советской власти в России всех проживавших там южных славян (включая и болгар)¹¹. В резолюции учредительного собрания Южнославянской коммунистической группы, принятой 16 мая 1918 г., подчеркивалось, что группа будет руководствоваться «принципами марксистского научного социализма и III Интернационала, а также опытом революции и тактикой Всероссийской коммунистической партии...»¹². Под проектом и на окончательном тексте учредительного устава Южнославянской коммунистической группы стояли подписи и представителей от болгар: Хр. Манолова, Р. Найденова, П. Смилова и др.¹³ Важнейшие документы и обращения Южнославянской группы составлялись и обнародовались от имени представителей четырех южнославянских наций, входивших в группу: сербов, хорватов, словенцев и болгар¹⁴.

До октября 1918 г., когда оформились самостоятельные болгарские коммунистические группы в Петрограде и Москве, Южнославянская коммунистическая группа в Москве являлась центром притяжения всех болгарских интернационалистов в Советской России.

Члены Южнославянской коммунистической группы занимались прежде всего агитационно-пропагандистской деятельностью. Они выступали с докладами и лекциями перед военнопленными, находившимися в различных городах и поселках страны¹⁵. Кроме того, группа занималась также издательской деятельностью. Находившиеся в Москве южнославянские интернационалисты еще с апреля 1918 г. начали выпускать на южнославянских и русском языках еженедельную газету «Revolutija» («Революция»). С 8 июня 1918 г. она выходила под названием «Svjetska revolucija» («Всемирная революция») уже как официальный орган Южнославянской коммунистической группы¹⁶.

Газета разъясняла международное значение и опыт революции в России. В ней печатались статьи и заметки о нарастании революционного движения в Европе, в первую очередь в южнославянских землях и странах, в том числе и в Болгарии. Она информировала читателей о жизни и деятельности Южнославянской коммунистической группы, а также о работе органов Советской власти, об их внимании к деятельности зарубежных интернационалистов. Газета публиковала материалы о вожде пролетарской революции В. И. Ленине¹⁷. Некоторые материалы редакция перепечатывала из центральной советской и партийной печати¹⁸.

Газета рассылалась в комитеты иностранных рабочих и крестьян и иные организации и воинские подразделения, а также в государственные учреждения и общественные организации различных городов республики: Самары, Саратова, Орла, Липецка, Тулы и др. Южнославянская группа стремилась направить газету и в зарубежные балканские рабочие организации, в том числе и в рабочий клуб в Софии¹⁹. Наряду с изданием газеты переводились и публиковались на языках южнославянских народов брошюры и листовки, в том числе доклады и выступления В. И. Ленина, раскрывавшие роль и значение Великой Октябрьской революции и вызванных ею перемен в жизни народа²⁰.

Болгары, члены Южнославянской коммунистической группы в Москве (а их было вначале всего несколько человек), занимались на первых порах главным образом журналистской деятельностью. В своей газете «Всемирная революция» в июле 1918 г. они, в частности, опубликовали обращение «К болгарским рабочим и крестьянам», в котором провозглашались идеи пролетарской солидарности²¹. С августа 1918 г. в газете появился специальный болгарский отдел, где печатались статьи на болгарском языке. Редактором болгарского отдела стал Ф. Стефанов Кишев²². В статьях, опубликованных на болгарском языке, разъяс-

пялось, что революция в России открыла путь социальной революции угнетенному пролетариату всех стран²³.

На страницах болгарского отдела газеты публиковались яркие, исполненные революционного пафоса статьи и обращения Георгия Василева Шейтанова. Еще 17-тилетним юношей он был арестован болгарской полицией за революционную деятельность, из тюрьмы он бежал и жил в эмиграции. Во время пребывания в Париже в 1914 г. познакомился с русскими революционерами-эмигрантами. В начале первой мировой войны вернулся в Болгарию, выступил против войны и снова был арестован. В июле 1917 г. вновь бежал из тюрьмы, а в 1918 г. перебрался в Советскую Россию. Летом 1918 г. он вступил в члены Южнославянской коммунистической группы²⁴.

В обращении «К болгарам в России» Г. Василев Шейтанов призывал находившихся в России болгар стать в ряды революционных борцов²⁵. Напечатанные в газете пламенные статьи были только частицей творческой деятельности темпераментного революционера и талантливого публициста, каким был Г. Василев Шейтанов.

В статьях и заметках, обнародованных в болгарском отделе газеты «Всемирная революция», решительно осуждался реформистский курс правых лидеров социал-демократических партий Европы, пропагандировались идеи революционного социализма, идеи Октябрьской революции. Болгарские интернационалисты с восторгом отмечали успехи революционной борьбы и революционного строительства в Советской России. Русская революция, подчеркивалось в одной из статей, открыла путь социальной революции угнетенному пролетариату всех стран²⁶.

В статьях болгарских интернационалистов содержалась также информация о революционном подъеме в Болгарии и на Балканах, о политике империалистических держав на Балканах и т. п.²⁷ На болгарском языке в газете были опубликованы и стихи, исполненные пафоса революционной борьбы²⁸.

Посредством газеты «Всемирная революция» болгарские интернационалисты — члены Южнославянской коммунистической группы неоднократно обращались к болгарам, находившимся в Советской России, стремясь привлечь их к сотрудничеству с Южнославянской коммунистической группой²⁹. В частности, в одном из номеров газета призывала революционно настроенных болгар «...вступить на курсы агитаторов и зарегистрироваться в болгарской секции при южнославянской группе»³⁰. Широко распространявшаяся по всей территории Советской России газета «Всемирная революция» помогала налаживать контакты с болгарскими интернационалистами, находившимися вне Москвы³¹.

Наряду с этим болгарские интернационалисты — члены Южнославянской группы в Москве перевели (перевод был выполнен И. Димитровым)³², подготовили к изданию и выпустили тиражом 10 тыс. экземпляров на болгарском языке Конституцию РСФСР, утвержденную на V Всероссийском съезде Советов

10 июля 1918 г.³³ Подготовлены были также переводы на болгарский язык «Писем о тактике» В. И. Ленина и нескольких других брошюр³⁴.

Некоторые болгарские интернационалисты участвовали в работе созданного по инициативе группы летом 1918 г. Южнославянского отдела Народного комиссариата по делам национальностей³⁵. Отдел этот имел 4 подотдела: сербский, хорватский, словенский и болгарский. Болгарский подотдел отдела возглавил П. Смилов³⁶. Информация о работе Южнославянского отдела Наркомнаца публиковалась на страницах газеты «Всемирная революция»³⁷.

Коммунисты — сотрудники Южнославянского отдела Наркомнаца в тесном контакте с Южнославянской коммунистической группой давали решительный отпор реакционной пропаганде и интригам эмиссаров сербского правительства и представителей находившейся с апреля 1918 г. в Москве правительственной миссии царской Болгарии³⁸. Болгарская миссия, возглавляемая С. Чапрашиковым, всеми силами стремилась оградить болгарских военнопленных и других подданных царской Болгарии от влияния идей Октября. Она добивалась, в частности, скорейшей отправки военнопленных на родину с тем, чтобы предотвратить их революционизирование, а затем после прибытия их в Болгарию направить вновь в состав действующей болгарской армии. Ища опору среди находившихся в Советской России болгар, С. Чапрашиков собирал сведения о болгарях, чьи материальные интересы были затронуты Октябрьской революцией³⁹.

С пристальным вниманием следили болгарские интернационалисты за деятельностью миссии С. Чапрашикова в Советской России. Они выразили свое возмущение по поводу задержки с отправкой русских военнопленных из Болгарии на родину⁴⁰. В то же время они отмечали, что болгарские военнопленные, как и все военнопленные, находившиеся в Советской России, сразу же после Октябрьской революции перестали чувствовать себя на положении «пленников» и не нуждаются в защите С. Чапрашикова⁴¹. Разоблачая реакционную политику царского правительства Болгарии, его представителя в Москве С. Чапрашикова и болгарской буржуазии в целом, болгарские интернационалисты, члены Южнославянской коммунистической группы, опубликовали соответствующие заметки на страницах газеты «Всемирная революция»⁴².

Летом 1918 г. в связи с мятежом чехословацкого корпуса и усилением антисоветской интервенции Антанты перед Советской республикой встал серьезная задача быстрого укрепления Красной Армии.

Как и другие иностранные коммунистические группы, Южнославянская коммунистическая группа уделяла большое внимание созданию интернациональных и отдельно южнославянских (иногда югославянских либо сербских) отрядов и подразделений Красной Армии.

Через газету «Всемирная революция», а также с помощью листовок Южнославянская коммунистическая группа развернула летом и осенью 1918 г. большую агитационно-пропагандистскую деятельность среди военнопленных и других категорий трудящихся южнославянского происхождения, призывая их на борьбу с контрреволюцией. «Братья и товарищи! — обращалась к ним редакция газеты «Всемирной революции» в одной из передовых статей. — Венгры, сербы, болгары и немцы, рабочие и крестьяне, по примеру героических русских товарищей, по примеру русского пролетариата бросимся в бой за социализм!»⁴³ В другом номере газета призывала находящихся в России интернационалистов южнославянского происхождения: «Вступайте в Красную Армию, организуйте боевые отряды...»⁴⁴.

Группы болгар-интернационалистов были, по имеющимся сведениям, в частности, в интернациональных южнославянских (или сербских) ротах и батальонах в Саратове, Царицыне, Орле, Астрахани⁴⁵.

Одной из героических страниц, вписанных на раннем этапе болгарскими интернационалистами в историю гражданской войны, было участие интернационального отряда С. Джорова в боях против белогвардейцев генерала Бичерахова летом 1918 г. в Дагестане.

Командир отряда С. Джоров был опытным революционером. Родом из села Горна-Василица Ихтиманской околии, по профессии художник-декоратор Джоров вступил в рабоче и социалистическое движение Болгарии еще в начале XX в., был членом партии тесняков, хотя одно время был склонен к восприимчивости анархистских взглядов. Несколько лет он прожил в эмиграции во Франции, где был связан с заграничными организациями большевиков, а с 1908 г. жил и работал в России, где состоял в большевистских организациях Кавказа и Одессы. В 1911 г. вместе с братом Георгия Димитрова Николой Димитровым и несколькими русскими большевиками Джоров был арестован за подпольную деятельность и сослан в Сибирь, в Красноярский край.

После Февральской революции Джоров — активный участник революционной борьбы в Красноярске, член городского комитета РСДРП(б), затем он был на партийной работе в Тбилиси и Поволжье. Летом 1918 г., будучи начальником отдела штаба Северо-Кавказского военного округа, Джоров выпустил брошюру «Перспективы мировой революции». В ней он приветствовал Октябрьскую революцию как блестящее звено «в цепи международной классовой борьбы пролетариата за социализм» и провозглашал: «Залог нашего торжества в нашей тактике, тактике международной революционной социал-демократии: непримиримая классовая борьба с буржуазией, приводящая русский пролетариат от победы к победе...»⁴⁶. В годы второй мировой войны Джоров на родине участвовал в антифашистской партизанской борьбе, затем содействовал укреплению в стране народной власти.

В интернациональном отряде, командиром которого был С. Джоров, а комиссаром Попов, насчитывалось около 400 бойцов; при этом свыше $\frac{1}{4}$ бойцов составляли болгарские интернационалисты; среди бойцов были также мадьяры и югославы, румыны и чехи, австрийцы и словаки и представители других национальностей. Присланный из Царицына отряд принял в августе 1918 г. участие в сражении у г. Петровска (ныне Махачкала), в ходе которого погибла значительная часть бойцов (в том числе и комиссар отряда). Раненный еще до решающего боя, С. Джоров был эвакуирован с поля битвы⁴⁷.

Многие болгарские интернационалисты, вступив в 1918 г. в борьбу в защиту Советской власти в России, мужественно сражались с интервентами и белогвардейцами. Они были, в частности, в составе прославленной Чапаевской дивизии и в рядах других регулярных частей Красной Армии. В их числе можно назвать, например, И. Дечева и П. Смилова, И. Деянова и В. Косогледова и многих других. Некоторые болгарские интернационалисты (например, Т. Жеков) мужественно боролись за дело революции в партизанских отрядах⁴⁸.

Уместно отметить также и заслуги в организации Красной Армии болгар, бывших офицеров старой русской армии: генералов С. Ванкова, Й. Драганова, Хр. Матеева, П. Стаева, полковника Й. Пехливанова, перешедших после революции на сторону народа⁴⁹.

Болгарские коммунистические группы в Москве и Петрограде

Непосредственным толчком к формированию в начале октября 1918 г. болгарских коммунистических групп в Москве и Петрограде послужили революционные события в самой Болгарии.

Революционное восстание в болгарской армии (вместе с поражением ее на Салоникском фронте) было событием первостепенной важности. Первые известия о вспыхнувшем 22–23 сентября 1918 г. массовом восстании в болгарской армии были опубликованы в Москве и Петрограде 29 сентября 1918 г. На заседании ВЦИК 30 сентября 1918 г. член ВЦИК, редактор газеты «Известия» Ю. М. Стеклов в речи по вопросу о международном положении отмечал, что «выход Болгарии из войны есть факт величайшей мировой важности, ибо она первая после России показывает пример стремления народов сбросить цепи мирового империализма...»⁵⁰. Телеграмма, посланная от имени ВЦИК в адрес руководства партии тесных социалистов, содержала горячий привет партии тесняков и выражала «уверенность в том, что в близком будущем знамя Советской Социалистической республиканской России объединится со знаменем рабоче-крестьянской Болгарии...»⁵¹.

Революционные события в Болгарии явились одной из главных тем многочисленных собраний, митингов, состоявшихся в первой декаде октября 1918 г. в Петрограде, Москве и других городах Советской республики. В Москве и Петрограде на рабочих митингах, прошедших 4 октября 1918 г., выступали виднейшие руководители партии и правительства: Я. М. Свердлов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, Г. И. Петровский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский, Г. И. Ломов, В. В. Осинский и другие члены ЦК РКП(б), ВЦИК, Петросовета и Моссовета⁵².

Вести о восстании солдат в болгарской армии и о провозглашении ими республики воодушевили всех революционно настроенных болгар, находившихся в Советской России. Их деятельность сразу же в значительной степени активизировалась. В сложившихся условиях болгарские интернационалисты Петрограда и Москвы пожелали оформиться в самостоятельные коммунистические группы, и это их стремление было поддержано большевистской партией. 1 октября 1918 г. состоялось собрание болгар Петрограда (коммунистов и им сочувствующих) под председательством Ивана Тодорова Някшева. Собрание постановило создать в Петрограде Болгарскую коммунистическую группу (БКГ), выработать устав группы, а также послало приветствие трудящимся в Болгарии⁵³. Някшев еще в довоенные годы, учительствуя в Провадийской околии, был связан с болгарским рабочим и социалистическим движением. Перед первой мировой войной, стремясь получить высшее образование, он уехал учиться в Петербург, за революционную деятельность был сослан в Архангельск. После революции вернулся в Петроград⁵⁴.

4 октября 1918 г. в петроградской печати было опубликовано изложение протокола заседания Петроградского комитета РКП(б), на котором группа была утверждена на правах одной из национальных секций⁵⁵. В те же дни был выработан и устав группы⁵⁶. Как и многие местные большевистские организации, выработывавшие свои уставы до принятия нового устава РКП(б) в декабре 1918 г.⁵⁷, некоторые иностранные коммунистические группы в 1918 г. также разрабатывали свои уставы. Параграф 1 устава группы фиксировал, что членом Болгарской коммунистической группы «может состоять каждый болгарин, стоящий на платформе Советской власти и разделяющий программу и тактику Российской коммунистической партии (большевиком)»⁵⁸. Этот параграф устава перекликался с соответствующим параграфом устава Южнославянской коммунистической группы, который гласил, что группа теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии и подчиняется дисциплине РКП(б)⁵⁹.

В уставе формулировались задачи группы: организация болгар-рабочих, живущих в Петрограде и его окрестностях, агитация и пропаганда среди них коммунистических идей, содействие формированию соответствующих коммунистических групп среди представителей других балканских народов и их объединению.

Последнее положение свидетельствовало о чувствах братской солидарности, связывавших болгарских коммунистов с трудящимися всех балканских земель. Из текста устава группы следовало, что организаторы группы ставили задачу связаться с болгарскими, находившимися и в других городах Советской России, а также установить контакты с революционными силами в Болгарии, намереваясь оказать им посильную помощь. В задачи группы также входило издание революционной литературы и газеты на болгарском языке для распространения их среди болгар в Советской России и Болгарии.

Во главе группы стоял Исполнительный комитет, в который входили И. Някшев (секретарь группы), С. Сапунов, П. Захариев⁶⁰. Вскоре активным деятелем группы, членом ее Исполнительного комитета стал М. Антонов, служивший в Петроградском эвакуационном пункте и вступивший осенью 1918 г. в члены РКП(б)⁶¹. По неполным сведениям, в Петроградской Болгарской коммунистической группе насчитывалось около 20 членов и сочувствующих партии⁶².

Несмотря на свою сравнительную малочисленность, БКГ в Петрограде развернула активную деятельность. Представители группы по согласованию с Петроградским комитетом РКП(б) выступали на митингах петроградских рабочих, проведенных в начале октября 1918 г. и посвященных революционным событиям в Болгарии. 6 октября 1918 г. в театре «Коллизей» состоялся большой митинг рабочих Петроградского района, с речью на нем выступил И. Някшев. Он приветствовал героический пролетариат Петрограда от имени болгарских интернационалистов и заверил собравшихся в готовности членов БКГ принять участие в революционной борьбе как в России, так и на родине. Свою речь Някшев закончил восклицанием: «Да здравствует Великая Октябрьская революция!»⁶³. Митинг рабочих Московско-Нарвского района, организованный с участием члена БКГ Радкова, также прошел под знаком пролетарской солидарности. Ораторы от петроградских большевиков приветствовали болгарскую революцию и болгарских коммунистов — «союзников в борьбе с международным империализмом»⁶⁴. На митинге, прошедшем тогда же в Охтенском социалистическом театре, представитель БКГ В. Геров приветствовал рабочий класс России, «первым поднявший факел революции», и заявил, что «мы будем рука об руку бороться с общим врагом — капиталом»⁶⁵.

Болгарские интернационалисты — члены БКГ в Петрограде выступили осенью 1918 г. и со статьями в печати. Так, например, И. Някшев опубликовал в петроградской газете статью под названием «Почему Болгария первая откликнулась на русскую революцию». В ней он отметил, что «болгарский пролетариат и болгарская интеллигенция всегда считались учениками русского пролетариата», что факел русской революции осветил дорогу и болгарскому народу⁶⁶. Спустя две недели БКГ в Петрограде опубликовала обращение к болгарскому народу, в котором она

призвала трудящихся Болгарии свергнуть династию Кобургов и установить власть рабочих и крестьян⁶⁷.

Примерно в то же время, что и в Петрограде, в октябре 1918 г., болгарские интернационалисты в Москве — члены объединенной Южнославянской коммунистической группы выделились (по согласованию с ЦК РКП(б) и ЦФИГ) в самостоятельную Болгарскую коммунистическую группу⁶⁸. Последняя вошла на равных правах с другими ранее существовавшими иностранными коммунистическими группами в Центральную Федерацию иностранных групп РКП(б) при ЦК РКП(б). Руководителями Московской группы были С. Джоров, прибывший в Москву незадолго до образования группы и ставший ее председателем⁶⁹, и И. Дечев — оба они представляли группу в ЦФИГ⁷⁰. Секретарем группы был избран И. Георгиев, казначеем — Ф. Стефанов Кишев⁷¹. Активистами первоначального состава группы были также П. Смилов, Л. Табачников, Э. Лабенский, И. Димитров, И. Стойков и др.⁷² Некоторые из членов Московской БКГ имели опыт работы в большевистских организациях⁷³.

Наиболее авторитетным руководителем, душой Московской БКГ был С. Джоров. Вызванный после излечения от ранения в сентябре 1918 г. в Москву, он стал одним из активных работников Центральной Федерации иностранных коммунистических групп, представляя ее в различных органах⁷⁴.

Человек кипучей энергии, темпераментный оратор-борец, С. Джоров производил большое впечатление на окружающих. Очевидец одного из его выступлений на совещании в агитационном отделе ВЦИК в середине октября 1918 г., посвященном положению на фронте, откуда он незадолго до этого прибыл, выразил впечатление, произведенное выступлением Джорова в следующих словах: «С горящим взором, с орлиной осанкой смотрит на нас болгарин-тесняк, сражающийся в рядах Красной Армии... Странно видеть его в этом большом зале. Коня бы ему, мчаться бы ему в атаку и опрокидывать на землю дерзкого врага...»⁷⁵.

Большим авторитетом в группе пользовался также И. Дечев, вступивший в партию большевиков еще в мае 1917 г. и участвовавший летом 1918 г. в боях с чешскими легионерами в составе партизанских отрядов, а затем в качестве комиссара транспорта 1-й Уральской дивизии⁷⁶.

БКГ в Москве вскоре превратилась в центр притяжения всех болгарских интернационалистов в Советской России⁷⁷. Члены Московской БКГ, разъезжая по заданию федерации и группы по различным городам, где в то время проживали бывшие военнопленные болгарского происхождения, устанавливали контакты и проводили с ними беседы⁷⁸. Были налажены связи с Петроградской БКГ⁷⁹. Позже были установлены контакты с возникшей осенью 1918 г. небольшой ячейкой болгар-коммунистов в интернациональном батальоне в Орле⁸⁰, а также с болгарскими коммунистами или интернационалистами в Липецке, Саратове, Царицыне и других городах⁸¹.

По мере того как все более разворачивалась деятельность Московской БКГ, к ее редакционно-журналистской и агитационно-пропагандистской работе стали привлекаться наиболее активные и квалифицированные сотрудники Петроградской группы. Они часто бывали в Москве и даже временами числились в качестве редакторов в составе Московской группы. В свою очередь, некоторые работники Московской БКГ выезжали для налаживания сотрудничества в Петроград и иногда числились в списках Петроградской группы. С течением времени были предприняты попытки установления контактов также и с Болгарией, с руководством БРСДП (тесных социалистов). С этой целью в конце 1918 — начале 1919 г. в Болгарию было послано несколько болгарских интернационалистов⁸². Ввиду огромных препятствий до Болгарии удалось добраться единицам. Некоторые задержались в Будапеште, где позднее приняли участие в революционной борьбе в Венгрии (Ф. Кишев). Другие остались в Берлине, где установили связь с Болгарской коммунистической группой при союзе «Спартак»⁸³.

Члены Московской БКГ за довольно короткий срок перевели и подготовили к изданию работы В. И. Ленина «Уроки революции» и «Очередные задачи Советской власти», популярную брошюру «Что такое Советская власть и как она строится?» и др.⁸⁴ К началу 1919 г. группой были изданы четыре популярных брошюры («Что дала революция народу?», «Долой международных разбойников!» и др.), а также два воззвания⁸⁵.

Заслуживает специального внимания листовка-воззвание, подготовленное болгарскими интернационалистами еще в период их деятельности в составе Южнославянской коммунистической группы и выпущенное в октябре 1918 г. под названием «Селянино!» («Крестьянин!»). В этом воззвании к болгарскому трудовому крестьянину содержались призывы к совместной борьбе против капиталистов и сельских богачей-мироедов и царя, к построению государства труда; в нем было заключено также и обращение к болгарам-крестьянам принять участие в защите завоеваний русских рабочих и крестьян. В листовке утверждалось, что союз рабочих и крестьян — непобедимая сила⁸⁶. Воззвание свидетельствовало о том, что в мировоззрении находившихся в Советской России деятелей болгарского рабочего движения, для которых ранее характерно было игнорирование революционных возможностей крестьянства, происходили под влиянием опыта революции в России важные сдвиги.

С течением времени между Московской и Петроградской группами установилось своеобразное разделение труда в переводческо-издательских делах⁸⁷. К концу 1918 г. усилиями болгарских интернационалистов был подготовлен к изданию в болгарском переводе ряд брошюр, в том числе работа В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский»⁸⁸.

Вся деятельность болгарских коммунистических групп — Московской, Петроградской и др. — проходила под руководством

ЦК РКП(б); руководитель Московской БКГ С. Джоров был одним из активнейших деятелей Федерации, а И. Дечев — энергичным работником военной секции ЦФИГ⁸⁹. Примером активного участия болгарских интернационалистов в мероприятиях Федерации может служить международный митинг, проведенный по инициативе ЦФИГ 19 декабря 1918 г. в Петрограде под председательством М. Горького. На митинге выступили 23 оратора из 16 стран⁹⁰. От болгарских интернационалистов произнес большую речь М. Антонов⁹¹. В своем выступлении он отметил, что первая поддержка Октябрьской революции пришла с Балканского полуострова. При этом он сослался на мнение В. И. Ленина, незадолго до этого, в речи о международном положении на VI съезде Советов 8 ноября 1918 г., высоко оценившего революционное выступление в Болгарии в конце сентября 1918 г.⁹² Прямо процитировав слова В. И. Ленина, М. Антонов показал значение Владайского восстания⁹³. Призвав международный пролетариат к защите Советской России, оратор рассказал далее о деятельности болгарских интернационалистов в Советской России. В заключение он зачитал от имени руководства БКГ в Петрограде «Манифест к болгарскому трудовому народу». В манифесте, предназначенном для распространения в Болгарии, группа призывала болгарских трудящихся к выступлениям в защиту Советской России — оплота мировой революции, к противодействию контрреволюционным планам и деятельности империалистов⁹⁴.

Болгарские коммунистические группы работали во взаимодействии с другими иностранными коммунистическими группами. Ряд членов Московской БКГ жили с югославянскими интернационалистами «коммуной»: в нее входили 30 болгарских и югославянских интернационалистов, проживавших в здании бывшего «сербского подворья» на Солянке (ныне пл. Ногина) и питавшихся сообща⁹⁵. Члены Московской БКГ продолжали сотрудничать в газете «Всемирная революция»⁹⁶.

В самом начале 1919 г. возникла Болгарская коммунистическая группа в Липецке⁹⁷. В целях координации деятельности болгарских коммунистических групп в середине января 1919 г. в Москве в помещении Политехнического музея была проведена конференция болгар-коммунистов. В ней приняли участие делегации Московской и Петроградской болгарских коммунистических групп, представители от Болгарской коммунистической группы в Берлине (при союзе «Спартак», преобразованном 31 декабря 1918 г. в Коммунистическую партию Германии) и от болгар-коммунистов г. Царицына и Южного фронта. В качестве гостей присутствовали представители ЦК РКП(б), ЦФИГ, Югославянской, Румынской, Французской коммунистических групп и Информационного отдела Наркомата по делам национальностей. Почетными председателями конференции были избраны В. И. Ленин, К. Либкнехт и Д. Благоев. Конференция послала приветствия им, а также Красной Армии и Петроградскому Совету рабочих и красноармейских депутатов⁹⁸.

Конференция заслушала доклады с мест. Отчет о работе Московской БКГ сделал С. Джоров. Докладчик охарактеризовал деятельность группы (насчитывавшей к январю 1919 г. 17 членов и 2 сочувствующих⁹⁹) по налаживанию связей с болгарами в других городах и с ЦК партии тесняков. Отчет о работе Петроградской БКГ сделал И. Някшев, рассказавший об агитационно-пропагандистской и издательской деятельности группы, состоявшей к моменту конференции из 11 членов и 5 сочувствующих¹⁰⁰. Представитель Берлинской группы Н. Грамовский сообщил, что группа, созданная после Ноябрьской революции в Германии из болгарских интернационалистов-коммунистов, насчитывает 11 человек и ведет политическую работу среди болгарских солдат в Германии¹⁰¹.

Доклад о программной платформе болгарских коммунистических групп сделал М. Антонов. Он подчеркнул необходимость союза рабочего класса с широкими массами крестьянства для успешного исхода революции в Болгарии и отметил важность идеи федеративной республики на Балканах. После обсуждения платформа была утверждена конференцией и опубликована¹⁰². В основу организационного построения групп был положен принцип демократического централизма. Конференция постановила усилить внимание к деятельности болгарских коммунистов на Украине, имея в виду перспективы работы среди болгарского населения юга страны¹⁰³.

На конференции было избрано Центральное бюро болгарских коммунистических групп при ЦК РКП(б). В состав ЦБ БКГ вошли С. Джоров, Х. Боев, И. Стойков и др. К Центральному бюро переходила «вся ответственная организационно-политическая и агитационно-печатная работа»¹⁰⁴. Оно должно было отныне руководить деятельностью всех болгарских коммунистических групп в Советской России.

Ко времени конференции одним из руководящих работников БКГ в Москве стал Христо Петашев Боев. Будучи поручиком 57-го полка болгарской армии, он — член партии тесняков — принял активное участие в революционном движении болгарских солдат в 1918 г. Преследуемый властями, он эмигрировал в Румынию, а затем переехал в Советскую Россию. В конце 1918 г. он прибыл в Москву и включился в деятельность БКГ¹⁰⁵. С января 1919 г. Боев — секретарь группы¹⁰⁶.

Подготовка и сама конференция способствовали активизации деятельности болгарских интернационалистов в Советской России как в центре, так и на периферии. Накануне созыва конференции, к началу февраля 1919 г., Московская группа насчитывала 20 членов и 4 сочувствующих¹⁰⁷.

Усилилось внимание интернационалистских организаций к проблемам и задачам революционного движения за рубежом. На страницах центральных газет Москвы в январе и феврале 1919 г. публикуются информационные материалы и статьи о положении в Болгарии, о росте революционного брожения и т. д.¹⁰⁸ Одна из

таких подборок о нарастании революционного движения и активизации деятельности партии тесняков была опубликована в «Правде» С. Джоровым¹⁰⁹.

После конференции ЦБ БКГ в течение второй половины января и февраля 1919 г. направило для работы на Украину несколько болгарских коммунистов¹¹⁰. При ЦК КП(б) Украины с помощью ЦБ БКГ создается небольшая группа болгарских коммунистов¹¹¹. БКГ в Киеве возглавляет сын историка студент Марин Стефанов Цухлев¹¹². Представитель болгарских интернационалистов входил в Комитет иностранных коммунистов в Киеве.

В феврале 1919 г. ЦБ БКГ во главе с С. Джоровым выработало конкретный план переброски основного состава болгарских коммунистов из центральных городов России на Украину и с одобрения ЦФИГ и ЦК РКП(б) начало постепенно осуществлять этот план.

В тот же период активисты БКГ в Москве и Петрограде вместе с представителями других иностранных коммунистических групп РКП(б) приняли деятельное участие в подготовке I конгресса Коммунистического Интернационала.

В дни конгресса С. Джоров опубликовал статью, в которой заклеимил оппортунистическую позицию лидеров II Интернационала и подчеркнул, что болгарские трудящиеся горячо поддерживают идею создания нового, революционного Интернационала. «На международное объединение буржуазии,— писал С. Джоров,— пролетариат должен ответить созданием III Интернационала, способного стать центром мировой революции... Я думаю, что выражу не только волю группы болгар-коммунистов, но и всего болгарского пролетариата, восклицая: Да здравствует III, Коммунистический Интернационал, воспрянувший из огня пролетарского восстания!»¹¹³

В качестве представителя болгарских коммунистических групп в Советской России С. Джоров принял участие (на правах делегата с совещательным голосом) в основании III Интернационала в Москве 3 марта 1919 г.¹¹⁴ С основания Коминтерна в качестве одного из активных сотрудников его Исполнительного комитета работал болгарский интернационалист С. Минев¹¹⁵.

Переезд большинства активистов БКГ из Москвы на Украину был ускорен решением Всероссийской конференции иностранных коммунистов, состоявшейся 3—4 марта 1919 г.

В конце марта — начале апреля 1919 г. в связи с переездом Центрального бюро БКГ и ее активистов в Киев и вступлением других членов ЦБ БКГ в ряды Красной Армии или их участием в общепартийной и государственной работе болгарские коммунистические группы в Москве и Петрограде фактически перестали действовать. Уполномоченным ЦБ БКГ и болгарских коммунистических групп при ЦФИГ и ЦК РКП(б) в Москве на некоторое время остался С. Сапунов, впоследствии перешедший на работу в Коминтерн. Сотрудником в аппарате Исполкома Комин-

терна фактически скоро стал также и И. Дечев¹¹⁶. Весной 1919 г. он был направлен в Болгарию для установления контакта с руководством БРСДП (тесных социалистов). И. Дечев присутствовал на XXII съезде партии тесняков, преобразовавшем ее в конце мая 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), а затем уехал обратно в Советскую Россию¹¹⁷.

Переехавшие из Москвы в Киев члены БКГ включились в работу местной БКГ. Весной и летом 1919 г., кроме группы во главе с М. Цухлевым в Киеве, создаются также группы при Одесском, Харьковском и Екатеринославском губернских комитетах КП(б) Украины, а также в Луганске и Славянске. Группы эти занимались агитацией и пропагандой среди болгар-огородников и других категорий лиц, попавших по разным причинам из Болгарии на Украину, а также и среди колонистов, проживавших на Одессщине, в Таврии и Крыму. Перечисленные болгарские группы на Украине, за исключением Одесской, были малочисленными, большая часть из них действовала непродолжительное время¹¹⁸.

Одесская Болгарская коммунистическая группа

После освобождения Красной Армией 6 апреля 1919 г. Одессы туда 20 апреля из Киева перебазировалось ЦБ Болгарских коммунистических групп во главе с С. Джоровым¹¹⁹. В состав действующего в Одессе ЦБ БКГ входили также К. Касапов, Х. Боев, С. Сапунов, К. Теллалов и др. Болгарские интернационалисты вошли в Болгарскую коммунистическую группу, возникшую в конце апреля при Одесском губкоме КП(б)У¹²⁰. Кроме прибывших вместе с Джоровым болгарских коммунистов, к группе присоединились несколько бывших сотрудников болгарского консульства в Одессе, порвавших с ним по приходе Красной Армии (К. Теллалов, Л. Белоречки и др.), и интернационалисты из числа других болгарских подданных, проживавших в Одессе. Позднее в группу вошли также и болгары из числа колонистов, проживавших на юге России, в основном слушателей специально созданной в июне 1919 г. при Одесском губкоме Компартии Украины болгарской партийной школы. В городе и селах Одессщины проживало (правда, по данным следующего, 1920 г.) свыше 30 тыс. болгар¹²¹. Возглавлял болгарскую партшколу член РКП(б) с апреля 1918 г. И. Г. Генев. Слушатели школы одновременно выполняли (главным образом в ночное время) задания военной комендатуры Одессы по борьбе с бандитизмом в городе и т. п.¹²²

По инициативе БКГ 6 мая 1919 г. на общем собрании болгар Одессы был избран Совет болгарских рабочих и солдатских депу-

татов, ставший одной из важных организаций болгарских интернационалистов. В президиум Совета (состоявшего из 9 депутатов) вошли — К. Касапов (председатель), Н. Пелов (секретарь) и Чакрыров. В задачи Совета входили представительство интересов находившихся в Советской России болгар бывших военнопленных и эмигрантов, эвакуация их на родину, защита интересов всех болгарских трудящихся, агитационно-пропагандистская деятельность среди них ¹²³.

Одним из первых и важнейших начинаний Одесской БКГ было издание на болгарском языке газеты «Комуна» («Коммуна»). Первый номер газеты вышел 1 мая 1919 г. (всего вышло 9 номеров), последний был опубликован 2 августа 1919 г. В газете были опубликованы документы I конгресса Коминтерна: тезисы конгресса «Международное положение и политика Антанты», а также воззвания ИККИ ¹²⁴. В газете печатались речи и доклады В. И. Ленина. К примеру, в свободном изложении и под измененным названием был опубликован доклад В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б) от 23 марта 1919 г. о работе в деревне, в котором разъяснялась политика партии большевиков по отношению к середняку. Почти в каждом номере газеты помещались материалы об опыте революции в России. Этой теме были посвящены, в частности, статьи «Чему нас учит русская революция?», «Что такое Советская Республика?», информация о VIII съезде РКП(б) и принятии новой Программы РКП(б) и другие заметки и материалы.

В каждом номере газеты «Комуна» печаталась информация о международном положении, о революционном движении в Европе. Особое внимание уделялось Балканским странам, в первую очередь Болгарии. Были опубликованы полученные с большим трудом материалы XXII съезда БРСДП (тесных социалистов) — I съезда БКП, информация о принятии БКП принципов и тактики Коминтерна. В отдельных заметках о революционном движении в Болгарии сквозило сочувствие «левым» — антипарламентаристам из рядов БКП, призывавшим к бойкоту парламента ¹²⁵.

Прогрессивная часть болгарского населения Одессы и окрестных поселений, а также болгарских огородников, проживавших в этом районе, поддерживала БКГ и ее газету «Комуна». Свидетельством этому являлись пожертвования от болгарского населения в фонд группы и ее газеты; информация о денежных взносах систематически публиковалась на страницах газеты ¹²⁶. Газету «Комуна» читали в болгарских селах Украины и Бессарабии; нелегальным путем она переправлялась в Румынию, Добруджу и Болгарию ¹²⁷.

Одесская БКГ вела агитационно-пропагандистскую работу среди болгар Одессы и через существовавшую при группе библиотеку-читальню, где устраивались доклады и лекции. Группа добивалась сплочения болгарского трудового населения для защиты Советской власти, вела борьбу против контрреволюционной

пропаганды отдельных болгарских подданных, связанных с сотру-
дниками консульства царской Болгарии¹²⁸.

Особое внимание ЦБ БКГ обращало на идейное воспитание членов группы. Для членов группы проводились систематические беседы и лекции по важнейшим вопросам текущей политики, о стратегии, тактике и этапах борьбы РКП (б). Занятия вели руководители группы, в частности С. Джоров, являвшийся, по свидетельству членов группы, начитанным марксистом¹²⁹. В процессе идейно-воспитательной работы, а также в ходе революционной практической деятельности слабости в идейной позиции членов БКГ постепенно изживались.

В одесской революционной печати печатались извещения о мероприятиях группы¹³⁰. Наряду с этим члены БКГ оказывали содействие публикации в одесских газетах информации о положении в Болгарии и на Балканах, о росте там революционного движения и т. д.¹³¹

Болгарские интернационалисты — члены Одесской БКГ работали в контакте с другими иностранными коммунистическими группами Одессы — участвовали в совместных собраниях и иных мероприятиях, интернациональных митингах, первомайской и других демонстрациях¹³² и т. д. Особенно тесно Одесская БКГ сотрудничала с коммунистическими группами других Балканских стран. Членам Одесской БКГ (как и большинству деятелей революционного движения Балкан) были, как правило, свойственны идеи балканской солидарности. По инициативе БКГ устраивались, в частности, собрания, на которые приглашались представители всех балканских коммунистических групп и все балканцы¹³³. В документах и обращениях БКГ (как и других балканских групп) неоднократно высказывались идеи солидарности народов Балкан, поддержка лозунга Балканской федерации¹³⁴.

Силами болгарских и румынских интернационалистов Одессы из Болгарской и Румынской коммунистических групп в апреле — мае 1919 г. был создан Добруджанский ревком, во главе которого встал С. Джоров, одновременно руководивший и ЦБ БКГ. С помощью некоторых болгарских революционеров из Варны ревком вел нелегальную пропаганду среди французских и румынских войск в Добрудже, являвшихся резервом антисоветских интервенционистских войск. Среди населения Добруджи и прилегавших районов Болгарии и Румынии распространялись листовки и газеты «Комуна» и «Comunistul», издававшиеся БКГ и РКГ¹³⁵. Подпольная деятельность болгарских и румынских интернационалистов по разложению войск интервентов в Добрудже, Бессарабии и Румынии была положительно оценена в отчете ЦФИГ за 1919 г.¹³⁶

С Одесской БКГ и другими балканскими интернационалистами Одессы была конспиративным образом связана также нелегальная группа в Константинополе, состоявшая в основном из болгарских и греческих революционеров и возглавлявшаяся Н. Трайчевым. Группа печатала и распространяла среди солдат

и матросов на кораблях интервентов, идущих через Константинополь к Советской России, воззвания на разных языках¹³⁷.

Трудная задача установления нелегальной связи Одесской БКГ с руководством БРСДП (тесных социалистов) выпала первоначально на долю Х. Боева. Отправившись в начале мая 1919 г. на рыбацкой лодке через Черное море, он прибыл в Варну, а затем в Софию и установил контакты с ЦК партии тесняков, передав привезенную с собой революционную литературу. Х. Боев присутствовал на состоявшемся в конце мая 1919 г. XXII съезде партии тесняков. Налаживанием контактов с Болгарией и БКП занимались члены Одесской БКГ К. Телалов, П. Грудков, С. Сапунов и другие болгарские интернационалисты¹³⁸.

В июне 1919 положение Страны Советов в связи с развернувшимся в начале 1919 г. наступлением армий Юденича и Деникина резко ухудшилось. Время продвижения Юденича и Деникина на Петроград и Москву В. И. Ленин охарактеризовал как «самый трудный период нашей революции...»¹³⁹.

Положение Одессы резко осложнилось — возникла угроза изоляции Одессщины от центра Советской республики. С моря город был блокирован стоявшими на внешнем рейде кораблями интервентов. Трудовое население Одессы голодало, в селах нарастал бандитизм. В начале июля в Одессе, Николаеве и Херсоне было введено осадное положение. По призыву партии в Одессе была проведена мобилизация; партийная организация города направила в армию 50% своего состава, среди них было немало членов иностранных коммунистических групп.

Несколько энергичных работников БКГ (К. Касапов, Л. Белоречки и др.) были выделены в качестве командиров и политработников сформировавшихся в Одессе интернациональных подразделений Красной Армии. По призыву Центрального бюро БКГ и Болгарского Совета, опубликованному в печати, в том числе в газете «Комуна», немало болгарских интернационалистов вступили в ряды этих подразделений. Вскоре многие из этих подразделений были передислоцированы в район Киева¹⁴⁰.

Немногие оставшиеся в городе члены БКГ по вечерам выполняли задания военной комендатуры Одессы. В конце июля—начале августа 1919 г. члены БКГ вместе с интернационалистами из других групп принимали участие в подавлении кулацкого мятежа в селах немецких колонистов на Одессщине¹⁴¹. 23 августа 1919 г. части Красной Армии были вынуждены на время оставить Одессу. К тому времени деятельность БКГ была фактически свернута: большая часть ее членов находилась в армии, часть членов БКГ из числа болгар-колонистов была оставлена для ведения подпольной работы в Одессе и селах Одессщины. Некоторые из интернационалистов (С. Джоров и др.) выехали на Балканы, получив задание вести конспиративную работу по пропаганде большевистских идей среди интервенционистских войск Антанты в районах сосредоточения ее резервных сил на Балканах — в Румынии и Болгарии¹⁴².

С самороспуском Одесской БКГ болгарские коммунистические группы прекратили свое существование в Стране Советов. Наступил новый этап в деятельности болгарских интернационалистов в Советской республике. Отныне они действовали только в составе общепартийных организаций. Оставшиеся на территории, временно занятой белогвардейскими армиями, болгарские интернационалисты вели героическую работу в подпольных организациях. Многие из них отдали свои жизни в борьбе против интервентов и сил внутренней контрреволюции¹⁴³.

Многие болгарские интернационалисты сражались¹⁴⁴ и некоторые героически погибли в боях на различных фронтах гражданской войны — в рядах бригады Г. И. Котовского, среди бойцов Конной Армии Буденного¹⁴⁵. Болгарские интернационалисты — члены РКП(б) и беспартийные — работали в годы гражданской войны на предприятиях и заводах, в советских и партийных учреждениях.

Умножая революционные традиции рабочего и социалистического движения Болгарии, болгарские интернационалисты оказали посильную помощь трудящимся Страны Советов в их борьбе с врагами революции.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 2. Л. 1—2; Д. 6. Л. 2, 5, 10; Д. 19. Л. 1, 3—5, 8, 9, 11, 12; Ф. 17. Оп. 4. Д. 31. Л. 87 об.; Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. М., 1918. № 18.

² См.: Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 28 февр.; Сентябрь. С., 1957. № 11. С. 161—173, 192—193, 198—199; 17-та година: Спомени... С., 1957. С. 17—19.

³ См.: Известия Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 27 февр.; Социал-демократ. 1918. 28 февр.; Сентябрь. 1957. № 11. С. 176—177, 194; Под знаменем Октября. М.; С., 1981. Т. 1: Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. С. 133, 136—137, 140—146, 151.

⁴ См.: Правда. 1918. 16(3) февр.; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февр.; Под знаменем Октября. Т. 1. С. 130—131.

⁵ См.: Петроградская правда. 1918. 2, 19 апр.

⁶ См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 218—219, 231, 255; Българо-съветска дружба. 1959. № 11. С. 11.

⁷ См.: Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. № 20; Социал-демократ. 1918. 14, 15 марта; Октябрь и болгарские интернационалисты. М.; С., 1973. С. 160—162.

⁸ См.: Сентябрь. 1957. № 11. С. 182.

⁹ См.: Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. № 1; Сентябрь. 1957. № 11. С. 182. 194. После возвращения на родину многие болгарские военнопленные были вскоре вновь отправлены на Салоникский фронт (см.: ЦПА (София). Ф. Спомени. А е 1131). Некоторые из них стали активными деятелями революционного движения в Болгарии. Г. Михайлов (Добрев) был арестован в связи с солдатским Владайским восстанием осенью 1918 г., а позднее был делегатом II—IV съездов БКП, участвовал в антифашистских восстаниях в июне и сентябре 1923 г. в Болгарии, затем в эмиграции — деятель международного коммунистического движения, участник борьбы против фашизма в Испании, член штаба интернациональных бригад, в 1938—1944 гг. на политработе в Москве, затем в Народной Болгарии, делегат V—

- IX съездов БКП, депутат Народного собрания. См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 136; Энциклопедия България. С., 1981. Т. 2. С. 368.
- ¹⁰ В научной литературе термин «южнославянские народы» шире понятия «югославянские народы». В использованных в настоящей работе источниках между двумя этими терминами не было четкого разграничения. См., например: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М., 1976. С. 127, 160, 176—177.
- ¹¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 4. Л. 93—94.
- ¹² Там же. Д. 2. Л. 1.
- ¹³ Там же. Д. 4. Л. 93—94; Ф. 17. Оп. 65. Д. 108. Л. 93 и об. Хр. Манолов и Р. Найденов были избраны в состав первоначального руководства Южнославянской коммунистической группы. См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 176, 182—184; Участие югославских трудящихся... С. 127—129.
- ¹⁴ ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.
- ¹⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Л. 54; Оп. 6. Д. 5. Л. 153.
- ¹⁷ См.: Всемирная революция. 1918. 11, 25.IX, 19.X.
- ¹⁸ См., например: Всемирная революция. 1918. 6.XI.
- ¹⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6, 19. Л. 1—12.
- ²⁰ Там же. Д. 5. Л. 153.
- ²¹ См.: Всемирная революция. 1918. 13.VII.
- ²² ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 3. Л. 1; Д. 1. Л. 21; Под знаменем Октября. Т. 1. С. 216.
- ²³ См.: Всемирная революция. 1918. 11, 15, 25.IX; 2, 26.X.
- ²⁴ О Шейтанове см.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 191.
- ²⁵ См.: Всемирная революция. 1918. 17.VIII.
- ²⁶ См.: Там же. 15.IX.
- ²⁷ См.: Там же. 15, 25.IX; 2, 19, 23, 26.X.
- ²⁸ См.: Там же. 2.X.
- ²⁹ См.: Там же. 13.VII; 3.VIII; 25.IX.
- ³⁰ Там же. 3.VIII.
- ³¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 53—54.
- ³² Там же. Д. 3. Л. 123—125.
- ³³ Там же. Л. 2, 5, 8. В болгарском переводе она имела название: Конституцията на Руската социалистическа федеративна съветска република. Издание на българските комунисти (Южно-славянска комунистическа група). М., 1918. № 1.
- ³⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 3. Л. 2; Д. 5. Л. 156.
- ³⁵ ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 3—5.
- ³⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 18. Л. 7—9; Д. 1. Л. 3.
- ³⁷ См., например: Всемирная революция. 1918. 21.IX.
- ³⁸ См.: Советско-болгарские отношения и связи. М., 1976. Т. 1. С. 34, 49; *Панайотов П.* Българо-съветски отношения и връзки. С., 1982.
- ³⁹ См.: *Панайотов П.* Приносът на българи за победата на Октомврийска революция. С., 1967. С. 86—87.
- ⁴⁰ См.: Известия ВЦИК. 1918. 21 авг.
- ⁴¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 100.
- ⁴² См.: Всемирная революция. 1918. 20.VII, 24.VIII.
- ⁴³ Там же. 9.X.
- ⁴⁴ Там же. 28.XI.
- ⁴⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 4, 8; Д. 19. Л. 3, 11; Оп. 1. Д. 19. Л. 44; Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 87 и об.
- ⁴⁶ *Джоров С.* Перспективи грядущей международной революции: (К годовщине Октябрьской революции). Царицын на Волге, 1918. С. 19.
- ⁴⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 14. Л. 21; Известия на държавните архиви. С., 1974. № 27. С. 193—196; Октябрь и болгарские интернационалисты. М., 1973. С. 29, 142—145, 154, 197—199.
- ⁴⁸ См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 137, 226, 233, 368, 377; Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 194—199.
- ⁴⁹ См.: *Панайотов П.* Приносът на българи... С. 128—131; Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 190—193.
- ⁵⁰ Известия ВЦИК. 1918. 1 окт.
- ⁵¹ Там же. 1, 3 окт.
- ⁵² См.: Там же. 4, 5, 6.X; Северная Коммуна. 1918. 8 окт.; Петроградская правда. 1918. 8, 9, 10 окт.
- ⁵³ См.: Вооруженный народ: (орган Военной секции Петросовета). 1918. 2 окт.
- ⁵⁴ Позднее, в 1919 г. И. Някшев вступил в ряды РККА. В 1919—

- 1920 г., сражаясь в составе воинских подразделений Красной Армии, был несколько раз ранен. 23 сентября 1920 г. погиб в боях против войск буржуазно-помещичьей Польши на посту комиссара 96-го стрелкового полка. См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 209.
- 55 См.: Петроградская правда. 1918. 4 окт.
- 56 Партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. 18 и об. Текст устава опубликован также в кн.: Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 220—231; см. также: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 211—212.
- 57 См.: *Киришин М. И.* Уставы местных организаций РКП(б) в 1918—1919 гг. // Вопр. истории КПСС. 1961. № 5.
- 58 Под знаменем Октября. Т. 1. С. 211.
- 59 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 4. Л. 93—94; Участие югославских трудящихся... С. 127—129; Под знаменем Октября. Т. 1. С. 181.
- 60 Партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 18 об.
- 61 См.: *Чукалов С.* Михаил Антонов. С., 1968. С. 26, а также приложение № 9; Советская Россия и народы мира. Пг., 1919. С. 45—48.
- 62 См.: Българо-съветска дружба. 1957. № 11/12. С. 9.
- 63 Петроградская правда. 1918. 6, 10 окт.
- 64 Там же. 1918. 10 окт.
- 65 Там же.
- 66 Там же. Под аналогичным названием статья И. Някшева была опубликована и на болгарском языке в газете «Всемирная революция» (1918. 9.X).
- 67 См.: Всемирная революция. 1918. 26.X.
- 68 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 1. Л. 17; Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 87—89. При организации Болгарской коммунистической группы в Москве в ее составе было около 10 человек, к началу декабря 1918 г. она насчитывала около 20 человек. См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 87, 89.
- 69 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 19. Л. 62; Д. 14. Л. 5.
- 70 Там же. Л. 7; И. Дечев был включен в военную комиссию федерации. См.: Там же. Д. 1. Л. 2.
- 71 Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 19. Л. 62; Д. 14. Л. 5.
- 72 Там же. Д. 19. Л. 62; Д. 14. Л. 5.
- 73 Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 87; Ф. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 60.
- 74 Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 19. Л. 62; Д. 14. Л. 5; Интернационалисты. С. 178, 193, 198.
- 75 Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 1918. 18 окт.
- 76 Государственный архив Харьковской области (далее — ГАХО). Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 436. Л. 6; Под знаменем Октября. Т. 1. С. 233.
- 77 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 85.
- 78 Там же. Л. 85, 87; Ф. 549. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 6, 7, 10, 11, 13, 14.
- 79 Там же. Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 101; Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 86 и др.
- 80 Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 87 и об.— 89.
- 81 Там же. Ф. 549. Оп. 6. Д. 5. Л. 16—18; Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 92.
- 82 Там же. Ф. 549. Оп. 1. Д. 13. Л. 10; Д. 15. Л. 2—3; Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 80—81.
- 83 ЦПА (София). Ф. Спомени. № 1727, 1728; Под знаменем Октября. Т. 1. С. 216.
- 84 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 19. Л. 62—63; Д. 14. Л. 3.
- 85 Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 75, 85 об., 91; Ф. 549. Оп. 6. Д. 3. Л. 8 об.
- 86 В листовке указывалось, что издавна она болгарскими коммунистами из Южнославянской коммунистической группы. Тираж листовки 20 тыс. экземпляров.
- 87 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 91.
- 88 См.: Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- 89 См.: Интернационалисты. С. 178, 198.
- 90 См.: Советская Россия и народы мира. Пг., 1919. С. 7.
- 91 ЦПА ИМЛ. Ф. 75. Оп. 3. Д. 25626. Л. 1—2.
- 92 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 160.
- 93 Советская Россия и народы мира. С. 45—47.
- 94 Манифест был опубликован в кн.:

- Советская Россия и народы мира. С. 47—48; см. также: Чукалов С. Михаил Антонов. С. 31—32.
- ⁹⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 3. Л. 4; Д. 5. Л. 60, 83; Ф. 17. Оп. 65. Д. 96. Л. 34. Как видно из отчета Болгарской коммунистической группы в ЦФИГ за февраль 1919 г., Южнославянская коммуна существовала и в феврале 1919 г. (см.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 34). Она распалась, очевидно, в связи с переездом болгарских коммунистов на Украину в марте 1919 г.
- ⁹⁶ См., например: Всемирная революция. 1918. 23, 26. X. С начала 1919 г. газета «Всемирная революция», ориентируясь уже в основном на интернационалистов югославянского происхождения, стала выходить под названием «Svjetska revolucija».
- ⁹⁷ Для организации БКГ в Липецке туда был командирован М. Антонов. Первоначально в Липецкую группу вошли 4 человека (см.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 85 об., 92; Известия Липецкого Совета. 1919. 15 янв.). Позднее состав ее расширился.
- ⁹⁸ См.: Правда. 1918. 15 дек.; Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- ⁹⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 31. Л. 85.
- ¹⁰⁰ Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- ¹⁰¹ ЦПА (София). Ф. Спомени. № 259; Жизнь национальностей. 1919. 2 марта. После конференции Н. Грамовский выехал в Берлин, а оттуда собирался в Софию, но задержался в Будапеште и принял участие в революционной борьбе в Венгрии. См.: Известия на института по история на БКП. С., 1959. Т. 6. С. 303.
- ¹⁰² См.: Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- ¹⁰³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 92.
- ¹⁰⁴ Там же; Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- ¹⁰⁵ ЦПА (София). Ф. Спомени. № 160. Л. 1, 8, 12, 23; ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 14.
- ¹⁰⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 14. Л. 3. Позднее Х. Боев был одним из активных работников подпольной организации БКП, самоотверженным борцом против фашизма.
- После 9 сентября 1944 г. находился на руководящей партийной и государственной, а затем дипломатической работе. В 1967 г. в связи с 50-летием Великого Октября Президиум Верховного Совета СССР наградил Х. Боева за активное участие в борьбе за установление Советской власти в России орденом Ленина. См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 254, 571.
- ¹⁰⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 92.
- ¹⁰⁸ См.: Правда. 1919. 4, 17 янв.; Известия ВЦИК. 1919. 17 янв.
- ¹⁰⁹ См.: Правда. 1919. 15 февр.
- ¹¹⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 92; Ф. 549. Оп. 1. Д. 1. Л. 11—14 и др.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 95. Л. 92.
- ¹¹² ЦПА (София). Ф. Спомени. № 361.
- ¹¹³ Известия ВЦИК. 1919. 6 марта.
- ¹¹⁴ См.: Первый конгресс Коммунистического Интернационала: Протоколы конгресса. М., 1933. С. 251.
- ¹¹⁵ См.: Работническое дело. 1959. 7. V. С. Минев — член партии тесняков с 1907 г., во время первой мировой войны находился в Швейцарии, принимал активное участие в молодежной социалистической конференции в Берне в 1915 г., познакомился с В. И. Лениным и начал работать в большевистских секциях в Швейцарии; член РСДРП(б) с 1916 г.
- ¹¹⁶ ГАХО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 436. Л. 6.
- ¹¹⁷ В журнале «Коммунистический Интернационал» была опубликована информация И. Дечева «Тесняки — Болгарская коммунистическая партия», содержащая сведения о XXII съезде партии тесняков, о преобразовании ее в БКП. См.: Коммунистический Интернационал. 1919. 1 авг. № 4. С. 499—502.
- ¹¹⁸ Подробнее см.: Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу рад на Україні (1917—1920). Київ, 1967. С. 30—34, 196—198.
- ¹¹⁹ ЦДИА (София). Ф. 176. Оп. 1. Д. 520. Л. 11—12; Исторически преглед. 1957. № 5. С. 76.
- ¹²⁰ См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 30 апр.
- ¹²¹ Одесский областной государствен-

- ный архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 264. Л. 30.
- 122 Партийный архив Одесского обкома КП Украины (далее — ПАОд. О). Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 4—5, 8—9.
- 123 См.: Комуна. 1919. 10, 24.V; Интернационалисты. С. 217.
- 124 Наряду с этим БКГ в Одессе выпустила отдельной брошюрой на болгарском языке «Манифест на III Коммунистическия Интернационал» (Одесса, 1919).
- 125 См. материалы газеты «Комуна» от 7 и 14.VI 1919 г. Об «антипарламентаристах» — «левых» в рядах партии тесняков подробнее см. в работе: *Арабаджиев С.* Борбата на БКП (т. с.) против «левите» комунисти, 1919—1921. С., 1964.
- 126 См.: Комуна. 1919. 31.V, 7, 21.VI, 2.VIII.
- 127 Архив института истории партии при ЦК КП Украины. Ф. 1. Оп. 5. Д. 422. Л. 21.
- 128 ЦГАОРСС УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 307. Л. 36; Комуна. 1919. 5.VII.
- 129 ПАОд. О КП Украины. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 8 и об., 18, 24.
- 130 См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 30 апр., 21 мая, 26 июня, 6 июля; Знамя борьбы. 1919. 15 мая, 6, 7 июня.
- 131 См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 6 мая, 18 июля, 4 авг.; Сов. власть. 1919. 15 авг.; Одесский коммунист. 1919. 12 авг. Некоторые материалы о революционном движении в Болгарии (в частности — о I съезде БКП), опубликованные в одесских газетах, совпадают с материалами, напечатанными ранее в газете «Комуна».
- 132 См.: Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 23 апр., 3 мая, 22 июня; Одесский коммунист. 1919. 6 авг.; Комуна. 1919. 1.V.
- 133 Такое собрание состоялось, к примеру, 1.VI.1919 г.: Комуна. 1919. 7.II.
- 134 См.: Комуна. 1919. 24, 31.V.
- 135 ЦГАОРСС УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 46—47; ПАОд. О КП Украины. Ф. 2. Д. 949. Л. 7; Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 10, 16.
- 136 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 4. Л. 15 об.
- 137 См.: Под знаменем Октября. Т. 1. С. 281—282; *Коновалов В. Г.* Герои Одесского подполья. М., 1960. С. 69—72.
- 138 ЦПА (София). Ф. Спомени. Д. 69. Л. 1—9; Д. 361. Л. 1; Зарубижні интернаціоналісти... С. 210—212; Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 80—84.
- 139 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 141.
- 140 ЦГАСА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 3. Л. 116; Д. 5. Л. 450; Оп. 3. Д. 13. Л. 68.
- 141 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 4. Л. 53; ПАОд. О КП Украины. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 8 об.; Известия Одесского Совета... 1919. 4, 5, 8 авг.
- 142 ПАОд. О КП Украины. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 5, 8 об., 18.
- 143 Трагически погибла, например, большая часть подпольной группы из членов Одесской БКГ. В раскрытии болгарских коммунистов-подпольщиков помощь деникинской контрразведке оказали сотрудники консульства царской Болгарии в Одессе. См.: ПАОд. О КП Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 564. Л. 89; Ф. 13. Оп. 3. Д. 59. Л. 5, 37—38; Одесские новости. 1919. 21 сент.
- 144 *Панайотов П.* Приносът на българри... С. 128—131.
- 145 II съезд БКП (тесных социалистов) в июне 1920 г. специально почтил память Л. Белоречки, Н. Ангелова, Муравиева, М. Цухлева и других болгарских интернационалистов, находившихся в рядах Красной Армии и погибших в боях. См.: БКП в резолюции... С., 1951. Т. II. С. 66.

ГЕРМАНСКИЕ И АВСТРИЙСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ ¹

Нарастание революционного движения среди военнопленных германцев и австрийцев

Среди военнопленных немцев и австрийцев так же, как и среди военнопленных других национальностей, постепенно росло понимание необходимости участвовать в борьбе за мир, свободу, демократию и социализм. В большинстве случаев этому способствовало общение с рабочими России.

Так, еще в 1915 г. установил связь с русскими рабочими, занятыми на строительстве железной дороги Уфа—Челябинск, военнопленный, член Союза социалистической молодежи Германии, находившийся под влиянием левых социал-демократов, Й. Гензелер, в дальнейшем участник партизанской борьбы против японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке ². На фабрике в Клину быстро нашел общий язык с большевиками социал-демократ А. Холлик, ставший затем участником уличных боев за установление Советской власти в Москве ³. Подобное же происходило на шахтах Донбасса и рудниках Урала, на фабриках Поволжья и в городах Сибири: Иркутске, Томске, Ачинске, Чите ⁴. Среди пленных усилили пропаганду левые, интернационалистски настроенные немецкие и австрийские социал-демократы. С 1915 г. такую работу вел И. Пеньковский ⁵.

Уже в 1916 г. среди пленных под влиянием большевиков стали возникать революционные группы. Они развернули пропаганду, связывая ее с непосредственными нуждами пленных. В Кыштыме военнопленные, среди которых были немцы, например социал-демократ О. Мориц, поддержали стачку русских рабочих ⁶. В Красноярске многие немецкие и австрийские пленные вместе с венграми участвовали в нелегальных собраниях, от имени 200 человек выставили требование повысить заработную плату и при поддержке русских рабочих добились некоторого улучшения своего положения. Более того, они провели забастовку протеста против ареста одного из своих руководителей, немца Дросте, и власти оказались вынуждены освободить арестованного ⁷. Революционное движение немецких и австрийских пленных тогда только зарождалось — у него не было ясных целей и форм, его пионерами было всего несколько десятков человек, условия его развития были чрезвычайно тяжелыми.

Временное правительство положение германских военных и гражданских пленных не изменило. В некоторых местах пленные считали, что их положение стало более тяжелым, что «капиталисты еще бесстыднее угнетают»⁸, а «на предприятиях положение стало еще хуже, чем при царизме»⁹.

В то же время Февральская революция изменила настроение немецких и австрийских пленных. Так, В. Мюллер из лагеря в Шуе в мае 1917 г. писал в ЦК РСДРП(б): «Русские товарищи открыли глаза не только народу России, но и народам всего мира»¹⁰. Таких писем было немало. «Пленные,— писал с Волги К. Ботхер,— почти все вдохновлены революцией»¹¹. Он желал, чтобы Россия покончила с капитализмом и войной.

Пленные стали глубже интересоваться политической жизнью в России и теперь имели больше возможности ознакомиться с ней. Их передовая часть заявляла о своей солидарности с революционным движением в России. «Существование и деятельность Советов, профсоюзов, фабрично-заводских Советов и, наконец, легальное теперь воздействие большевиков создали относительно благоприятные условия для дальнейшего вовлечения военнопленных в политическую армию социалистической революции»,— пишет исследователь движения немецких военнопленных-интернационалистов С. Штригниц¹².

С февраля по ноябрь 1917 г. немецкие и австрийские интернационалисты расширяли и укрепляли связи с революционным движением России, вместе с другими пленными создавая собственные революционные организации.

Весной 1917 г. некоторые интернационалисты установили постоянную связь с большевиками. Например, в Красноярске — берлинский кооператор Г. Кольгоф¹³, в Барнауле — О. Мориц, участвовавший с местными большевиками в обсуждении Апрельских тезисов В. И. Ленина¹⁴, на Дону — Г. Мельхер¹⁵, И. Гутш и др., в Туле — С. Плускота, в дальнейшем красногвардеец, потом командир кавалерийского эскадрона в дивизии В. И. Чапаева¹⁶, в Вятке — Е. Тегнер и К. Бартельс¹⁷ и др. Большевики, уделяя пленным серьезное внимание, старались помочь немецким и австрийским интернационалистам. Например, весной 1917 г. из Петрограда в Сибирь для революционной пропаганды среди них был послан Поппель¹⁸.

При поддержке большевиков интернационалисты стали создавать свои местные организации. В этом активно участвовали многие немцы и австрийцы. В результате активной пропаганды интернационалистов весной 1917 г. в Донбассе возникла революционная политическая организация «Группа военнопленных в РСДРП(б)», которая стала частью ростовской организации РСДРП(б) и 1 мая устроила внушительную демонстрацию 2 тыс. военнопленных, которые прошли по улицам города, с красными знаменами¹⁹. После того как меньшевистский Совет Ростова запретил военнопленным участвовать в политической жизни и репрессировал некоторых активистов, например Мельхера, интерна-

ционалисты создали полулегальную группу, продолжавшую действовать в большевистском духе²⁰. Некоторые из них, например Гутше, уже летом вступили в Красную Гвардию.

В апреле 1917 г. немецкие и австрийские военнопленные участвовали в создании нелегальных революционных групп пленных в лагере у Красноярска и в самом городе. Их руководителями были Шон, Штер, Кольгоф, Круль. Э. Штер учил русский язык, чтобы читать газеты и лучше разбираться в событиях. Революционные организации вели социалистическую пропаганду, несмотря на репрессии со стороны властей и ожесточенное противодействие большинства пленных офицеров, особенно германских, организовали массовые первомайские демонстрации²¹. Летом в лагере они стали выпускать на немецком языке газету «Роте Федер» («Rote Feder»). «Благодаря помощи большевистской партийной организации Красноярска, — писал один из руководителей интернационалистов, А. Штиллер, — организации в лагере и в городе с самого начала пошли по правильному большевистскому течению»²².

Немцы и австрийцы активно участвовали в работе складывавшихся революционных организаций военнопленных в Иркутске²³, а также в Омске, Чите, Курске, Оренбурге и некоторых других городах, где находились лагеря пленных²⁴. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции сотни военнопленных немцев и австрийцев поддерживали большевиков. Их движение все более становилось по своему характеру революционным, интернационалистским, хотя организационные формы этого движения тогда еще только зарождались и местные организации военнопленных, в которых они участвовали вместе с другими пленными, были разнотипными и неоднородными по составу.

Сравнительно небольшая передовая часть немецких и австрийских военнопленных, тесно связанных с большевиками, приняла непосредственное участие в вооруженной борьбе за установление Советской власти в октябре 1917 г. В дни решающих событий в Петрограде революционные немецкие и австрийские военнопленные поддерживали связь со штабом революции — приходили в Смольный²⁵. Отдельные немецкие и австрийские интернационалисты — Ф. Клингер, Н. Манарт, И. Окрой, П. Пширер были участниками борьбы на улицах Петрограда²⁶. С отрядом Красной Гвардии участвовали в боях за установление Советской власти в России И. Гутше, красногвардеец, затем командир взвода интернационалистов, сражавшихся против калединцев²⁷, в Вятке — Е. Тегнер и К. Бартельс²⁸. Вступив в отряды Красной Гвардии, некоторые немецкие и австрийские интернационалисты боролись за переход власти в руки Советов в Иркутске и Хабаровске²⁹. Несмотря на потери, ряды интернационалистов быстро росли и участие немецких и австрийских военнопленных в борьбе за утверждение Советской власти вскоре приобрело значительные размеры.

Рабочий класс России, Советское правительство рассматривали большинство военнопленных как союзников социалистической революции. Германские официальные лица в декабре 1917 г. констатировали, что Советское правительство проявляет по отношению к пленным «большую мягкость»³⁰. Они с тревогой отмечали, что «большевики относятся к пленным как к своим товарищам»³¹. «Большевики говорили нам,— писал один из военнопленных-немцев,— мы теперь больше не пленные, а их братья, которых они хотят освободить от ига капитализма. Они обращались с нами в известной степени как с равными и предоставили нам определенную свободу»³². Все это способствовало возникновению и консолидации революционных групп и организаций военнопленных.

Конечно, среди немецких и австрийских пленных значительным оставалось влияние шовинистов и монархистов, открыто осуждавших большевиков, а также социал-реформистов, которые относились к Октябрьской революции весьма недружелюбно. По инициативе офицеров немцы-шовинисты активизировались и получили поддержку представителей шведского Красного Креста. Так, в Самаре сотрудники Красного Креста, превышая свои права, пытались помешать созданию самарской революционной организации военнопленных; в Томске шведский Красный Крест организовал контрреволюционную пропаганду среди военнопленных, всячески поддерживая реакционное офицерство³³. В лагере пленных в Симбирске германские шовинисты стали выпускать на немецком языке антисоветскую по содержанию стенную газету³⁴. В Иркутском лагере, чтобы запугать солдат, симпатизировавших революции, пленные офицеры создавали свои «предварительные суды»³⁵. В Москве контрреволюционная агитация среди военнопленных велась через шведское консульство, которое установило связь с пленными офицерами³⁶.

Основная масса германских и австрийских военнопленных считала Октябрьскую революцию внутренним делом России, видела в Октябрьской революции прежде всего «начало эры отъезда на родину»³⁷ и поэтому приветствовала борьбу Советского правительства за прекращение войны. Призывы не вмешиваться в дела русских и добиваться отправки пленных на родину были весьма популярны, хотя уже тогда многие не спешили с отъездом, так как догадывались, что на родине, если война не кончится, их вновь пошлют на фронт.

Но Октябрьская революция прочно завоевала на свою сторону передовую часть пленных. Германские и австрийские интернационалисты на территории Советской России с самого начала объединялись в организации, создававшиеся по принципу общности языка, без учета подданства и национальности. Они входили в единые языковые фракции на совещаниях, съездах, конференциях, создавали общие объединения в массовых революционных организациях, входили в одни подразделения и части Красной Гвардии, Красной Армии и партизанских отрядов, а в дальней-

шем объединились в единые группы РКП(б). Поэтому нет возможности обособленно рассматривать организационную, политико-воспитательную, издательскую, военную, подпольную и трудовую деятельность германских и австрийских интернационалистов.

Германские и австрийские военнопленные участвовали в митинге, созванном социал-демократами интернационалистами в Москве 3(16) декабря 1917 г., и голосовали за резолюцию, в которой приветствовались Октябрьская революция и революционная борьба в Германии К. Либкнехта и его сторонников, решительно осуждались империалистическая война и оппортунизм³⁸. Из Макеевки в Петроградский Совет прислал письмо пленный социал-демократ Н. Долибойс. Он восхищался победой Октябрьской революции, а также действиями сторонников К. Либкнехта в Германии и сообщал об успехах революционной агитации среди пленных, работавших на шахте «София»³⁹. Другой пленный писал: «Дайте мне свободу и разрешите вернуться на родину, чтобы там я мог поднять свой голос... Разрешите мне бросить искры пламени русской революции в пороховую бочку моего народа»⁴⁰. Германские и австрийские пленные в Петрограде в январе 1918 г. активно выступили в цирке «Модерн» на интернациональном митинге, где ярко продемонстрировали свою солидарность с Октябрьской социалистической революцией⁴¹. Они голосовали также за резолюцию, принятую участниками митинга в Петрограде 19 февраля 1918 г., в которой говорилось: «Мы вместе с русскими революционерами-интернационалистами требуем прекращения кровавой войны... Мы призываем своих братьев — солдат Германии, Австрии и Венгрии — свергнуть иго генералов и офицеров Вильгельма и Карла и всех верных слуг капитализма»⁴². Немцы и австрийцы участвовали в митинге протеста против нарушения Германией перемирия в феврале 1918 г.⁴³

Распространению революционных идей и укреплению их влияния среди немецких пленных способствовала деятельность большевиков, по инициативе В. И. Ленина придававших работе среди пленных большое значение. Для разъяснения военнопленным политики большевиков и Советского государства местные организации РСДРП(б) и Советы направляли в лагеря своих агитаторов и лекторов. В Москве и Петрограде на собраниях пленных выступали видные деятели большевистской партии. В провинции перед пленными выступали руководители местных большевистских организаций. В Глухове, сообщал один из пленных немцев, большевики проводили много собраний, а также распространяли среди германских пленных многочисленные революционные газеты и листовки⁴⁴. С начала декабря 1917 г. в Петрограде тиражом 500 тыс. стала издаваться на немецком языке газета «Факел» («Die Fackel») — орган Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «для бесплатного распространения среди немецких братьев-солдат». В газете разъяснялась мирная внешняя политика Советского правительства, помещалась подробная

информация о деятельности Советов, о положении военнопленных и т. д. С 19 декабря 1917 г. в Петрограде стал печататься на немецком языке орган Международного отдела ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов газета «Фёлькерфриден» («Der Völkerfrieden»). Газета подробно освещала переговоры в Брест-Литовске, сообщала о революционном движении в Германии и Австро-Венгрии, положении военнопленных, пропагандировала среди военнопленных политику большевистской партии и Советского правительства. К военнопленным солдатам-трудящимся она обращалась с призывом: «Русская революция настоятельно нуждается в вашем сотрудничестве»⁴⁵. «Издающаяся на немецком языке „революционная“ газета,— доносил германскому командованию вернувшийся из Петрограда пленный Де-Борер,— во множестве распространяется среди немецких гражданских и военных пленных. И фактически много пленных переходит к большевикам...»⁴⁶ Военный атташе Германии в Стокгольме, в декабре 1917 г., ссылаясь на мнение шведских представителей в России, уведомлял Генеральный штаб о том, что «большевистские идеи среди большей части пленных... падают на плодородную почву и их перенесение в Германию представляет большую опасность»⁴⁷. Подобные сообщения о деятельности австрийских интернационалистов поступали в военные ведомства монархии Габсбургов. Вернувшийся из плена офицер австро-венгерской армии сообщал: «Немецкие и австрийские рядовые... призывали к свержению династий и подстрекали к классовой борьбе... Большое количество наших рядовых присутствовало на большевистских собраниях»⁴⁸. Газета «Фёлькерфриден» попадала к немецким солдатам, не только находившимся в германских войсках на территории России, но и в Германии. В частности, прусская полиция в феврале 1918 г. отмечала, что газета «Фёлькерфриден» распространяется в районах Гамбурга и Берлина⁴⁹.

Непосредственно после Октябрьской революции в деятельности германских и австрийских интернационалистов в России наметились основные, тесно связанные между собой сферы: забота об улучшении положения пленных, революционная пропаганда среди них, участие в создании организаций военнопленных всех наций и участие в Советах, в Красной Гвардии, Красной Армии и милиции, в боях против врагов Советской власти. Лагеря стали ареной острой политической и идеологической борьбы, в ходе которой постепенно происходило размежевание между интернационалистами и националистами, сторонниками и противниками революции. С конца 1917 г. в некоторых лагерях интернационалисты стали издавать свои революционные газеты. Например, под редакцией Е. Тегнера и К. Бартеляса такая газета издавалась в Вятке. «Эти газеты,— сообщалось информатором германским властям,— в больших количествах распространяются среди гражданских и военных пленных»⁵⁰. В начале 1918 г. немецкие интернационалисты стали издавать свои газеты в Самаре⁵¹ и Омске⁵².

Революционным авангардом германских и австрийских военнопленных стали те из них, которые примкнули к большевикам и которым большевики помогали всеми средствами. Они создавали собственные революционные организации — интернациональные, подобные социал-демократической организации военнопленных, возникшей в Ростове-на-Дону под руководством австрийского социал-демократа Г. Мельхера еще в 1917 г., или национальные, подобные образованной в январе 1918 г. в Петрограде революционной группе немецких интернационалистов «Спартак»⁵³. В декабре 1917 г. на собрании делегатов военнопленных-интернационалистов Московского военного округа А. Эбенгольд заявил, что «для нас революция означает свободу народов, свободу, которой должно содействовать все человечество, и военнопленным следует понять, что они должны помогать этому делу»⁵⁴. Собрание приветствовало политику РСДРП(б), благодарило Советское правительство за борьбу в защиту мира и улучшение положения пленных, призывало трудящихся Германии и Австро-Венгрии к революции. Руководителями созданной тогда организации военнопленных социал-демократов Московского военного округа были немецкие и австрийские интернационалисты А. Эбенгольд, Э. Рейтер, Р. Роткегель и др. В Туле председателем революционного комитета военнопленных был избран австрийский рабочий Ф. Веллер (Керше), член большевистской партии с конца 1917 г., один из организаторов крупной забастовки военнопленных, работавших на тульских оружейных заводах во времена правления Керенского. Позже Ф. Веллер являлся членом Тульского губернского комитета партии и депутатом городского Совета. Председателем Союза социал-демократов интернационалистов Урала (Екатеринбург) был избран германский социал-демократ О. Фильтер⁵⁵. Австрийский социал-демократ И. Грюн являлся руководителем революционной организации военнопленных, возникшей в лагере г. Верхотурье⁵⁶, а затем вошел в состав ЦК Союза социал-демократов интернационалистов Урала. Организаторами немецкой языковой группы омской организации социал-демократов интернационалистов были австрийские социал-демократы К. Томан и Ф. Эфенбергер и германские В. Раков и Лампе. В Ирбите из 200 германских пленных в Интернациональный социалистический комитет, руководимый немцами Хербетом, Бетцолдом и Мебисом, вступили 20 человек⁵⁷.

Составляя немногочисленное революционное ядро, такие союзы и группы стремились охватить своей пропагандой и влиянием всех военнопленных, были инициаторами создания среди них просветительных кружков вроде возникшего в конце 1917 г. на заводах Гужона в Москве и массовых организаций интернационалистов в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Омске, Самаре, Ирбите, Томске, Иркутске, других городах и лагерях военнопленных. Одним из инициаторов создания интернациональной организации военнопленных Нижнего Новгорода, а затем и ее руководителем был Иоганн Кюплениг — бывший сапожник, член Социал-демо-

кратической рабочей партии Австрии с 1909 г., с марта 1918 г. член РКП(б), в дальнейшем один из руководителей Коммунистической партии Австрии, видный деятель международного коммунистического движения. В Симбирске председателем комитета военнопленных-интернационалистов стал немец Л. Форст. Видную роль в интернациональных организациях Вятки играли немцы А. Шредер, Ю. Пайне, К. Пфейфер, А. Гофер, Троицка — Г. Копиц, Г. Хендрик, Новониколаевска — Циликенс, Томска — австриец М. Юнг, Иркутска — немец Э. Штер, Красноярска — немец Г. Кольгоф и австриец Фихтер⁵⁸. Председателем созданного в январе 1918 г. в Ташкенте Комитета военнопленных-социалистов был избран австрийский социал-демократ И. Цвиллинг⁵⁹.

Своей важнейшей задачей интернационалисты считали защиту Советской республики. Они организовывали митинги протеста против агрессивной политики Германии, Австро-Венгрии и их союзников. Такие митинги состоялись в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Рязани, Екатеринбурге, Пензе, Бузулуке, Балашове.

Немецкие и австрийские интернационалисты не ограничивались осуждением захватчиков, а призывали военнопленных с оружием в руках защищать Советскую республику. Некоторые из них вступили в Красную Гвардию сразу же после Октябрьской революции. Разъясняя их стремления, «Фелькерфриден» писала в статье «Красная Армия социализма»: «Немецкие солдаты и рабочие! Мы готовили себя не к борьбе против вас, а к борьбе против ваших угнетателей»⁶⁰. Когда положение Советской республики осложнилось, вступление немецких и австрийских интернационалистов в Красную Армию стало массовым.

На митинге военнопленных в Твери, посвященном юбилею революции 1848 г., немецкий солдат призывал товарищей: «Как один человек станьте на защиту святого дела революции и направьте ваше оружие против палачей свободы!»⁶¹. Военнопленные, находившиеся в Твери и Богородске, решили просить Совет Народных Комиссаров разрешить им вступить в Красную Армию для участия в борьбе против нашествия германских и австро-венгерских империалистов на Советскую республику⁶². По предложению Л. Форста собрание бывших военнопленных — членов организации «III Интернационал» в Симбирске постановило: «Российская социалистическая рабоче-крестьянская республика считается исходным пунктом всемирной революции. Мы, иностранные рабочие и крестьяне „III Интернационала“, находящиеся в свободной России, должны защищать Российскую Советскую Республику всеми силами против каждого иностранного или внутреннего врага!»⁶³.

Германские и австрийские военнопленные добровольно вступали в интернациональные отряды Красной Гвардии в Самаре, Пензе, Перми, Костроме, Воронеже, Вятке и других городах европейской части России⁶⁴. 26 февраля 1918 г. из Москвы на

фронт отправился 1-й Интернациональный добровольческий отряд. Половину его составляли немцы, другую — австрийцы и венгры. На знамени отряда было написано: «Русская революция — наша революция, наша надежда»⁶⁵.

Славную страницу в историю борьбы против врагов Советской республики вписали бывшие австрийские и германские военнопленные, воевавшие против банд Каледина и австро-германских захватчиков на Украине⁶⁶. Еще в декабре 1917 г. и феврале 1918 г. немецкие интернационалисты участвовали в боях против белогвардейцев за Ростов. Сложившийся здесь интернациональный отряд под командованием И. Гутше воевал против германских захватчиков под Бахмачем⁶⁷. В Одессе группа немецких и австрийских интернационалистов в феврале 1918 г. вошла в состав интернациональной Красной Гвардии⁶⁸. Из германских и австрийских интернационалистов состояли рота 1-го Туркестанского полка в Ташкенте, первые формирования Красной Гвардии и Красной Армии в Самарканде и некоторых других городах Туркестана⁶⁹. Немецкие и австрийские интернационалисты записывались в отряды Красной Гвардии в Красноярске и Иркутске (где участвовали в подавлении контрреволюционного мятежа)⁷⁰, в Томске и Хабаровске⁷¹.

Германские и австрийские военнопленные после заключения Брест-Литовского мирного договора

Подписание Брест-Литовского мирного договора изменило условия деятельности германских и австрийских интернационалистов в России.

Выполняя договор, Советское правительство перестало издавать газеты на немецком языке и распорядилось, чтобы государственные органы воздерживались от агитации среди военнопленных⁷². Созданная Советским правительством Центральная коллегия по делам пленных и беженцев с помощью Советов разъясняла, что в России могут остаться только те военнопленные, которые станут советскими гражданами или останутся по политическим причинам как политические эмигранты. Вступить в Красную Армию они могли только перейдя в советское гражданство. Несмотря на то, что транспорт России был полуразрушен, а некоторые области, где были пленные, попали под контроль белогвардейцев, десятки тысяч германских и австрийских военнопленных весной, летом и осенью 1918 г. выехали на родину.

Германское министерство иностранных дел потребовало разоружения интернационалистов и выдачи их руководящих деятелей, отделения германских военнопленных от всех прочих, и в частности от австро-венгерских, ввиду крайней «зараженности» последних большевизмом⁷³, восстановления привилегий офицеров, запрещения всех собраний и съездов военнопленных. Через своих

осведомителей, работников шведского Красного Креста, а также путем опроса возвратившихся из России военнопленных⁷⁴ германские и австро-венгерские власти выявляли фамилии активных интернационалистов, чтобы расправиться с ними, как только для этого представится возможность. В оккупированном Киеве германские власти повесили 25 бывших военнопленных, обвинив их в поддержке большевиков, в Полтаве была расстреляна группа немецких военнопленных, обвиненных в большевизме»⁷⁵.

Политика германских и австро-венгерских властей побуждала многих военнопленных искать нелегальных путей возвращения на родину или откладывать свой отъезд из России, тем более что желающих попасть на Западный или Итальянский фронты, куда германское и австро-венгерское командования обычно отправляли бывших военнопленных, было совсем немного.

Для работы среди военнопленных в России германское правительство прислало в Москву так называемую Разъяснительную комиссию, имевшую в своем штате 75 человек. Она издавала и рассылала по лагерям листовки и брошюры, направляла деятельность контрреволюционных элементов из среды военнопленных. От имени комиссии выступали и немецкие священники. Апеллируя к патриотизму и религиозным чувствам, они увещевали военнопленных быть верными кайзеру. В Петрограде германское консульство издавало для военнопленных специальную газету «Санкт.-Петербургер нахрихтен» («Санкт-Петербургские известия»).

Получив поддержку дипломатических миссий Германии и Австро-Венгрии, работники шведского Красного Креста усилили борьбу против революционных организаций. В Омске они отказали в материальной помощи революционно настроенным военнопленным, препятствовали созданию органов самоуправления в ряде лагерей.

В лагерях Рязани, Каширы, Андижана поднявшие голову германские и австрийские офицеры и фельдфебели попытались помешать созданию интернациональных организаций, взять под свой контроль лагерь. В Омске некоторые немецкие гражданские пленные и офицеры участвовали в контрреволюционном заговоре.

В лагерях развернулась острая политическая борьба, в ходе которой немецкие интернационалисты решительно выступили против шовинистов, добивались изоляции военнопленных-офицеров от солдат, устанавливали контроль над офицерами, не разрешали им создавать свои организации и вести антисоветскую пропаганду, в отдельных случаях арестовывали контрреволюционеров. В конце весны и летом 1918 г. интернационалисты Вегер, Гохфельдер, Мельхер⁷⁶ и др. участвовали в работе по отделению от буржуазных элементов военнопленных рабочих и крестьян. На юге России с участием немецких и австрийских интернационалистов было создано девять лагерей для военнопленных-трудящихся, среди которых распространялась издававшаяся на немецком языке газета «Интернационалер» («Der Internationaler»). В этой борьбе укреплялись общие интернационалистские органи-

зации пленных, развитие которых характеризовалось более четкой революционной ориентацией, ростом численности и установлением связи между местными организациями, созданием зональных центров и всероссийского руководства. При поддержке местных Советов и организаций большевиков новые объединения интернационалистов, в которых важную роль играли немецкие и австрийские революционеры, возникли в Рязани, Слободском, Глазове, Буе, Семibrатске, Астрахани и многих других городах.

Представители германских и австрийских интернационалистов участвовали в конференции революционных военнопленных Московского военного округа, решившей создать Всероссийский съезд военнопленных, а также в подготовке самого съезда. С 6 апреля 1918 г. они начали выпускать в Москве на немецком языке газету «Вельтреволюцион» («Мировая революция»). Ее редактором была Ирма Гельрих-Петрова, а организатором типографии — австрийский интернационалист Г. Бродинг. Немецкая секция Всероссийского съезда военнопленных, состоявшегося в Москве 16—18 апреля 1918 г., объединяла всех делегатов, родным языком которых был немецкий. Австрийские и немецкие интернационалисты из Москвы, троцкого лагеря, Семипалатинска, Новониколаевска, Усмани, Жиздры, Владимира, Казани⁷⁷ и других городов активно участвовали в работе съезда. Делегат омских интернационалистов К. Томан⁷⁸ был избран председателем, а немец Ф. Вальц — членом ЦИК созданной на съезде Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян.

Одновременно немецкие и австрийские интернационалисты активно участвовали в работе съезда революционных военнопленных Восточной Сибири и Дальнего Востока, состоявшегося в Иркутске. Их представители — немец Швабенгаузен, австрийцы Г. Каппеллер и С. Зингер — вошли в ЦИК Коммунистической партии иностранных рабочих (бывших военнопленных) Сибири, как первоначально именовалась организация, созданная на этом съезде. Председателем ЦИК стал австрийский социал-демократ Фихтер⁷⁹.

В конце апреля 1918 г. в Ташкенте возникла интернациональная организация военнопленных — Комитет иностранных подданных. Вскоре вокруг комитета сложилось массовое объединение — Союз иностранных подданных, в который к лету 1918 г. входило около 8,5 тыс. военнопленных, из них около 2 тыс. составляли австрийцы и немцы. Председателем комитета союза был избран австриец М. Гроссер⁸⁰.

Почти все такие организации в России присоединялись к Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян, объединившей к середине 1918 г. 55 местных организаций, насчитывавших около 100 тыс. членов⁸¹, значительную и весьма активную часть которых составляли немцы и австрийцы. Работавший в Москве ЦИК иностранных рабочих и крестьян руководил газетой «Вельтреволюци-

он», рассылал в местные организации тысячи экземпляров революционных брошюр на немецком языке и посылали туда десятки выступавших по-немецки агитаторов, разъяснявших возвращающимся военнопленным задачи, которые им следовало решать на родине — в Германии, Австро-Венгрии, а остающимся — необходимость защиты Советской России.

Образование и первый период деятельности Немецкой коммунистической группы РКП(б)

Постепенно передовые германские и австрийские военнопленные вступали в РКП(б) и создавали свои коммунистические ячейки. 24 апреля 1918 г. на собрании в гостинице «Дрезден» в Москве была создана Немецкая коммунистическая группа РКП(б), объединявшая коммунистов, говоривших на немецком языке, без различия национальности и подданства: немцев, австрийцев и др. Члены Немецкой коммунистической группы заявили: «Будем поддерживать Советское правительство во всех отношениях всеми находящимися в нашем распоряжении средствами. Мы будем бороться за существование Русской коммунистической федеративной республики плечом к плечу с нашими русскими братьями». В письме в ЦК РКП(б) они отмечали: «Мы работаем в полном согласии с коммунистическими группами венгров, чехов и румын»⁸². Председателем группы был избран австриец К. Томан, а секретарем — Г. Остерлоо⁸³.

В мае 1918 г. Немецкая группа РКП(б) вместе с другими группами объединилась в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Вначале в Немецкой группе было всего 11 членов. Летом 1918 г. численность группы превысила 60 человек, из которых обычно только 10—17 находились в Москве, а остальные вели работу в провинциальных городах, в Красной Армии, на фронтах. В сентябре 1918 г. лишь в московской группе насчитывалось 83 коммуниста. Кроме того, ячейки немецких коммунистов имелись по меньшей мере еще в шести городах⁸⁴.

В июле 1918 г. Немецкая группа РКП(б) выпустила 3 брошюры тиражом почти 8,5 тыс. экземпляров. В сентябре удалось опубликовать 6 брошюр, тираж которых составлял 100 тыс. экземпляров. Всего за 1918 г. Немецкая коммунистическая группа издала 23 брошюры, в числе которых были работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина («Письма о тактике», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Письмо к американским рабочим»), а также П. Лафарга, Б. Куна, А. Коллонтай, Конституция РСФСР⁸⁵, 110 тыс. экземпляров воззваний к германским и австрийским солдатам⁸⁶.

С мая 1918 г. печатным органом Немецкой группы стала выходившая с апреля того же года газета «Вельтреволюцион», которую теперь редактировали К. Томан, Г. Крафт и В. Раков⁸⁷.

В 1918 г. было выпущено 65 номеров газеты. Ее тираж постепенно вырос с 7 тыс. до 38 тыс. экземпляров. Газета разъясняла политику РКП(б) и Советского правительства, разоблачала социал-шовинизм и центризм. В ней перепечатывались статьи В. И. Ленина, Ф. Меринга, К. Цеткин. На видном месте помещалась информация о положении на фронтах Советской России. Из номера в номер газета сообщала о деятельности революционных организаций военнопленных, разъясняла задачи этих организаций в Советской России, сущность диктатуры пролетариата, различие между империалистической войной и войной гражданской. Газета решительно выступала против национализма, против смешения понятия родины с гогенцоллерновским и габсбургским режимами. «Тот, кто еще имеет честь и мужество,— призывала газета,— пусть идет за нашим коммунистическим боевым знаменем к свободе международного пролетариата!»⁸⁸ «Вельтреволюцион» знакомила военнопленных с положением в Германии и Австро-Венгрии, с судьбой военнопленных, возвратившихся на родину.

Некоторые номера «Вельтреволюцион» вместе с перемещавшимися на запад германскими частями попадали в Германию, Эльзас и на Западный фронт. В мае 1918 г. германская полиция установила, что солдаты 280-й и 43-й дивизий, перевезенные с Востока, распространяли большевистские газеты и листовки на немецком языке в Дюссельдорфе; осенью 1918 г. полицейское управление Берлина отмечало распространение ряда номеров газеты «Вельтреволюцион» в столице⁸⁹.

Кроме «Вельтреволюцион», в 1918 г. на немецком языке издавалось также несколько газет в провинции, в частности в Самаре, Иркутске и Пензе. Как указывалось в отчете Всероссийского бюро пленных, за 1918 г. было издано 800 тыс. экземпляров немецких революционных газет⁹⁰.

В октябре 1918 г. агитаторы Немецкой группы находились в 18 крупных городах, вдоль всей демаркационной линии германских войск и на всех фронтах⁹¹. Ее агитаторами активно работали германские и австрийские интернационалисты: В. Раков, Р. Роткегель, И. Коплениг, В. Гельних, Г. Мельхер, Г. Крафт, Линка, Барташ, И. Шнейдер, О. Фишер, Ф. Шмидт, Я. Беккер, Ф. Гипперт, Г. Клейн, Алибекро, И. Гирш, Г. Шлиссель, Л. Левинсон и десятки других. Немецкие интернационалисты уделили самое серьезное внимание политической агитации среди возвращавшихся на родину военнопленных. В. И. Ленин придавал этой работе особенно большое значение. Еще в начале 1918 г. он указывал на возможность после заключения мира путем обмена военнопленными перебросить в Германию «громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею,— подчеркивал В. И. Ленин,— они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии»⁹². И интернационалисты, как указывала газета «Вельтреволюцион», прилагали все силы, чтобы возвращающиеся домой военнопленные были на деле «проникнуты революционным духом»⁹³. Во многих местах, особенно в лагерях и по

пути следования эшелонов возвращавшихся на родину военнопленных, активно действовали агитаторы Немецкой группы РКП(б). Сюда направлялась значительная часть революционной литературы. На станции Лиски в октябре 1918 г. собрание германских и австрийских военнопленных, возвращавшихся на родину, в своей резолюции заявляло: «Мы, собравшиеся здесь... признаем русскую Октябрьскую революцию идеалом, следовать за которым является долгом каждого классово сознательного пролетария... То, чему научила нас Октябрьская революция, мы хотим распространить среди наших братьев, которые еще томятся под империалистическим капиталистическим игом, и превратить их в отважных борцов революции»⁹⁴. Подобные митинги состоялись в Туле, Ельце, Орле, Карачеве и других местах. Участники митингов в Орле и Карачеве потребовали освобождения из кайзеровской тюрьмы Карла Либкнехта и других революционеров⁹⁵. Вместе с первыми группами пленных в Германию по совету В. И. Ленина, как писал немецкий коммунист Р. Роткегель, возвратились и некоторые из находившихся в плену революционных социал-демократов: И. Фихтенау, Л. Левинсон, несколько позже выехали Г. Крафт, Липка, Барташ⁹⁶. Они и другие германские и австрийские интернационалисты доставляли из России революционную литературу на немецком языке в Германию, Австрию, Швецию, Финляндию, Данию, Голландию, Швейцарию. Так, в сентябре 1918 г. в Берлин было отправлено 1520 экземпляров газеты «Вельтреволюцион» и 5140 экземпляров различных брошюр. В октябре в Германию было послано 8700 экземпляров газет и брошюр⁹⁷.

Как ни фильтровали германские и австрийские власти возвращавшихся военнопленных, последние заметно воздействовали на настроение внутри страны. Так, на Западном фронте активно работал Фихтенау. Его часть отказалась сражаться. Он призывал солдат повернуть оружие против главного врага в своей собственной стране, а позже был одним из организаторов Советов солдатских депутатов в Германии⁹⁸.

Позднее, в марте 1919 г. на I конгрессе Коммунистического Интернационала представитель КПГ, бывший спартаковец Г. Эберлейн говорил: «Военнопленные, возвратившиеся из России, прибывали к нам в прекрасном настроении. Куда бы они ни являлись, через небольшой промежуток времени не могло быть и речи о готовности сражаться»⁹⁹. Власти кайзеровской Германии были серьезно обеспокоены. В одном из полицейских донесений уже в августе 1918 г. отмечалось: «Серьезная угроза для Германии состоит в том, что с обменом военных и гражданских пленных с Россией оттуда со скоростью огня распространяются слухи о господствующем в России коммунистическом хозяйстве. Уже теперь можно наблюдать, что те, кто вернулся из русского плена, повсюду рассказывают о нем хорошее, например что все, кто там раньше работал 12 часов, теперь работают только 8, и кто зарабатывал 5 марок, теперь получает от 15 до 20 марок»¹⁰⁰.

Встревоженная немецкая полиция считала, что в Германии «большевизм станет заметно сильнее после возвращения большинства военнопленных...»¹⁰¹. В свою очередь, начальник разведывательного отдела генерального штаба австро-венгерской армии летом 1918 г. в специальном докладе подчеркивал, что в связи с массовым обменом военнопленными в границах монархии оказывается все больше людей, «которые стали сторонниками большевистского учения». Военные власти предупреждали императора, что, как только военнопленные вернутся в свои части, «разразится кризис».

Оставшиеся в России германские и австрийские интернационалисты принимали активное участие в советском строительстве, добровольно с оружием в руках шли защищать Советскую власть.

Сотни интернационалистов вступили в Красную Армию по призыву Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) в связи с мятежом чехословацкого корпуса. «Берите оружие! — писали коммунисты. — Не выпускайте его до тех пор, пока не уничтожите корни всякой контрреволюции!»¹⁰² Немецкая группа РКП(б) призывала: «Немецкие коммунисты, все до последнего человека вступайте в коммунистические отряды»¹⁰³. Многие германские и австрийские военнопленные влились в интернациональный батальон, который был направлен из Москвы в Астрахань, а затем на фронт — в Красный Кут.

В Царицыне они вступили в местный интернациональный батальон. Сформированная из интернационалистов артиллерийская батарея была послана из Царицына в Баку против английских интервентов. Немало немецких и австрийских интернационалистов вступило в Красную Армию в Пензе, Саратове, Самаре, Воронеже, Казани, Новгороде, Симбирске, Иваново-Вознесенске, Орле, Муроме, Арзамасе, Астрахани и других городах. Немецкие интернационалисты Хендрик, Кониц и др. руководили созданием интернациональных частей в Троицке. На Ишимском фронте отрядом интернационалистов командовал член Немецкой группы И. Пеньковски¹⁰⁴. В боях под Иркутском отличился бронепоезд, которым командовал австрийский интернационалист Лихтенауер, трагически погибший вместе со 130 другими интернационалистами от рук семеновцев в Благовещенске¹⁰⁵.

В Иркутске и Забайкалье отрядами интернационалистов руководили австриец С. Зингер и немец Кеффке¹⁰⁶. К красным партизанам у Верхнеудинска присоединились А. Брех и его товарищи. Немецкие интернационалисты вступили в Хабаровске в революционный отряд, сражавшийся под городом Никольск-Уссурийском¹⁰⁷. В Новониколаевске немецкие интернационалисты участвовали в создании батальона им. К. Маркса. Многие из них погибли в боях с белыми и интервентами. Попал в плен и был расстрелян в октябре 1918 г. в Красноярске руководитель сибирских интернационалистов Фихтер, погибли на Тунгире (в Забайкалье) С. Зингер и другой член ЦИК Коммунистической партии иностранных рабочих Сибири, Швабенгаузен¹⁰⁸.

Газета «Вельтреволюцион» с полным основанием писала, что дух бойцов интернационалистских отрядов «совершенно превосходный и гарантирует, что все будут стараться всю свою жизнь отдать для защиты Советской республики»¹⁰⁹.

Члены Немецкой группы РКП(б) распространяли среди солдат германских и австро-венгерских оккупационных войск на Украине революционные газеты и листовки, рассказывали правду о Советской республике и положении в Германии и Австро-Венгрии. Если летом 1918 г. у демаркационной линии работали 5 агитаторов группы, то в октябре — уже 14¹¹⁰. Немецкий коммунист Я. Эккерт и др. были направлены в большевистское подполье оккупированных областей и вели там работу среди солдат. Ячейки немецких и австрийских коммунистов действовали в Киеве, Николаеве, Екатеринославе, Александровске, Херсоне и других городах. Для координации работы интернационалистов с деятельностью украинских коммунистов Немецкая группа направила австрийского интернационалиста Г. Мельхера своим представителем в ЦК КП(б) Украины. Он выступал на I съезде КП(б) Украины¹¹¹.

Центром, откуда велась агитация немецких интернационалистов германских войсках, оккупировавших Белоруссию и Литву, стал Смоленск. В результате большой политической работы большевистских организаций и немецких интернационалистов и в тесной связи с нарастанием революционных событий в самой Германии начался процесс политического разложения оккупационных войск. Северо-западный областной комитет РКП(б) создал немецкую секцию, наладил издание листовок, а затем и газеты на немецком языке и помог немецким солдатам-интернационалистам образовать Военно-революционный совет германских войск Восточного фронта¹¹².

Кроме 7—7,5 тыс. экземпляров «Вельтреволюцион» ежемесячно и ряда листовок, среди солдат германской армии распространялась печатавшаяся в Смоленске с 17 октября газета «Роте Зольдат» («Красный солдат») ¹¹³. «Спрос на нашу литературу, — отмечали немецкие коммунисты, — все время велик среди германских солдат на Украине, в Финляндии, в Крыму»¹¹⁴.

Интернационалист К. Димтер доставлял революционную литературу на немецком языке в Харьков и распространял ее среди солдат 133-го и 244-го полков германской армии. Вскоре в полках началось брожение. Транспортировкой революционной литературы в Курск и распространением ее среди солдат 33-го полка австро-венгерской армии занимался Гюртлер. Успешно вели агитацию среди солдат германской армии Ф. Шварц и его товарищи, добившиеся того, что из кайзеровских войск на советскую сторону перешло несколько групп солдат¹¹⁵.

Летом 1918 г. антивоенные выступления солдат оккупационной германской армии имели место в Двинске, Пскове, Звенигородке. В сентябре в Ровно немецкие солдаты организовали массовый митинг протеста против войны. С красными флагами они

демонстрировали свою солидарность с Советской республикой. В Луцке, Фастове, Здолбунове солдаты германских частей арестовывали, а в отдельных случаях расправлялись со своими офицерами, отказывались выступать на фронт ¹¹⁶.

Хотя Немецкая группа РКП(б) ощущала недостаток хорошо подготовленных и опытных революционеров-агитаторов и подпольщиков, хотя иногда в ее ряды попадали случайные люди, она, самоотверженно преодолевая трудности, очищая и укрепляя свою организацию, сумела внести лепту в дело защиты Советской власти. Кроме того, как пишет С. Штригниц, «помощь Немецкой коммунистической группы германской революции, и особенно авангарду революционного немецкого рабочего движения — КПГ, имела неоценимое значение» ¹¹⁷.

Германский и Австро-Венгерский Советы рабочих и солдатских депутатов. Второй период деятельности Немецкой группы РКП(б)

Условия деятельности и задачи немецких и австрийских интернационалистов в Советской России существенно изменились, когда в Австро-Венгрии и Германии в ноябре 1918 г. начались революции, а первая мировая война окончилась. Тотчас после получения известий о революциях в Германии и Австро-Венгрии немецкие и австрийские интернационалисты создали в Москве Германский и Австро-Венгерские Советы рабочих и солдатских депутатов. Эти Советы взяли на себя заботу о нуждах немецких и австро-венгерских граждан в России и способствовали их отправке домой.

Германский Совет, созданный 10 ноября 1918 г., состоял из 30 человек. Его представителем был избран баварский металлист, участник социал-демократического движения с 1910 г., член Немецкой группы РКП(б) Р. Роткегель, а секретарем — Ф. Шахт ¹¹⁸.

Советское правительство признало Центральный (московский) Совет германских рабочих и солдат представителем германских граждан в Советской России. НКВД опубликовал сообщение, в котором говорилось: «В связи с революцией в Германии проживающие в Москве германские революционные рабочие и солдаты на общем собрании 10 сего ноября постановили взять на себя представительство граждан Германии и избрали для этой цели революционный Совет германских рабочих и солдат в Москве, который и будет вести отныне все дела, касающиеся интересов германских граждан впредь до получения директив от нового германского правительства. В этом смысле его полномочия были признаны Народным комиссариатом по иностранным делам» ¹¹⁹.

Забываясь о бывших германских пленных, Советское правительство передало на их нужды с ноября 1918 по июль 1919 г. Центральному Совету 1 млн 200 тыс. руб. и, кроме того, много одежды¹²⁰.

Новое правительство Германии — Совет народных уполномоченных (СНУ), состоявший из правых социал-демократов и центристов, — отказалось ликвидировать старый аппарат германского представительства в России и признать революционный Совет германских рабочих и солдат. Когда Роткегель связался по телефону с Берлином, член СНУ Г. Гаазе потребовал от него признания полномочий старого кайзеровского германского консульства. Чтобы установить связь с революционными силами Германии, Роткегель отправился в Берлин вместе с советской делегацией, направленной на I Всегерманский съезд Советов. Делегация не была допущена в Германию, а Роткегелю в начале января 1919 г. с трудом удалось добраться до Берлина. Здесь он как представитель действовавшего в Москве Совета германских рабочих и солдат участвовал в похоронах зверски убитого германскими контрреволюционерами К. Либкнехта и возложил венок, на ленте которого была надпись «От немецкого Совета рабочих и солдат, Москва». В ходе переговоров с главой германского правительства правым социал-демократом Ф. Шейдеманом и чиновниками сохраненного старого правительственного аппарата Роткегель убедился, что созданное после низвержения Гогенцоллернов новое правительство вовсе не желает ускорить возвращение пленных из России¹²¹.

По возвращении Роткегеля в Москву Германский Совет, руководство которого в начале 1919 г. было укреплено включением в него ряда видных германских коммунистов, отправил в Германию несколько транспортов с бывшими военными и гражданскими пленными. Чтобы устранить препятствия проезду германских граждан на родину, осенью 1919 г. Роткегель вновь выехал для переговоров в Германию. Однако там его арестовали; освобожденный из заключения только весной 1920 г., он вернулся в Москву.

В Москве Германский Совет продолжал заботиться о бывших пленных и содействовать их возвращению домой¹²². До мая 1919 г. Совет отправил в Германию 35 тыс. человек¹²³.

Совет продолжал вести большую работу среди военнопленных, разъяснял им политику Советского правительства, информировал о ходе революционного движения в Германии, созывал митинги, распространял революционную литературу, вместе с Австро-Венгерским Советом с 11 декабря 1918 до лета 1919 г. издавал на немецком языке газету «Нахрихтен» («Известия») ¹²⁴.

В составе Совета имелась ячейка Немецкой коммунистической группы РКП(б)¹²⁵. Секретарем ячейки был А. Геванд, вступивший в Социал-демократическую партию Германии еще в начале века. Ячейка обсуждала важнейшие политические вопросы и направляла всю деятельность Совета. Осенью 1919 г.

ячейка осудила нападки группы ультралевых во главе с Хохульским, утверждавших, что Советы германских трудящихся в России, отправляя бывших пленных на родину, тем самым якобы подрывают революционное движение¹²⁶.

Центральный Совет поддерживал связь с местными Советами германских трудящихся, созданными в Киеве, Самаре, Саратове, а несколько позже в Оренбурге, Уфе, Сызрани, Харькове и других городах. Летом 1919 г. Центральный Совет заслушал отчеты о работе местных Советов, ознакомился с докладом секретаря Совета германских рабочих и солдат Киева Ф. Шефера¹²⁷. По рекомендации Немецкой группы РКП(б) Совет летом 1919 г. направил своих представителей на Урал, чтобы улучшить там пропаганду среди германских военнопленных и организовать их выезд в Москву и на Украину¹²⁸. После отъезда значительной части гражданских и военных пленных на родину по решению ЦФГИГ летом 1919 г. началась ликвидация большинства местных Советов германских трудящихся.

Центральный Совет германских рабочих и солдат в Москве продолжал свою деятельность. В августе 1920 г. Р. Роткегель и А. Геванд доложили о его работе Всероссийской конференции немецких секций РКП(б), речь о которой пойдет ниже. Большинство голосов конференция одобрила деятельность Центрального Совета¹²⁹.

Возникший еще 5 ноября 1918 г. в Москве Австро-Венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов в России состоял из представителей всех национальностей, проживавших на территории бывшей монархии Габсбургов.

Во главе Центрального (московского) Австро-Венгерского Совета стоял выборный президиум. С июня 1919 г. председателем президиума Совета являлся И. Бэм, «один из активнейших, сознательнейших и честнейших членов Немецкой группы... одним из первых ставший в России во главе революционного движения среди военнопленных...»¹³⁰, как его характеризовала Центральная Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б).

Австро-Венгерские Советы в центре и на местах, как и Германские Советы, являясь революционными органами, взяли на себя представительство интересов граждан бывшей Австро-Венгерской монархии в Советской России. Они проводили политико-просветительную работу среди военнопленных, познакомили их с советским строительством, учением К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, оказывали им всестороннюю материальную поддержку, проводили репатриацию¹³¹.

I конгресс Австро-Венгерских Советов, состоявшийся в Москве в феврале 1919 г. принял важные решения, касавшиеся дальнейшей политической подготовки военнопленных к возвращению в их родные страны. В своей резолюции конгресс выразил благодарность правительству Советской России за помощь, оказанную в работе Советов. На II конгрессе Австро-Венгерских Советов (10 июня 1919 г.) отмечалось, что, несмотря на существенные

трудности, в страны, возникшие после распада бывшей «лоскутной империи», при участии Советов возвращено 200 тыс. бывших военнопленных¹³².

Денежные средства, израсходованные Австро-Венгерским Советом со дня основания до 31 июля 1919 г., в большинстве своем пошли на снабжение продовольствием и одеждой (65%), на лечение раненых и перевозку военнопленных (более 18%)¹³³.

В связи с тем что ко времени I конгресса Австро-Венгерских Советов монархия Габсбургов перестала существовать, Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) поставила вопрос о необходимости создания автономных национальных Советов¹³⁴. В феврале 1920 г. был утвержден «Проект положения о Федерации иностранных Советов». В Федерацию входили представители от каждого национального Совета, составляя исполком Федерации¹³⁵. В конце 1920 г. в связи с отъездом большинства военнопленных на родину Советы иностранных рабочих и солдат прекратили свою деятельность.

Если Советы были революционной организацией широких масс германских и австрийских пленных, то авангардом и руководителем движения германских и австрийских интернационалистов оставалась Немецкая коммунистическая группа РКП(б). После начала революции в Германии и Австро-Венгрии ее деятельность стала особенно активной. Уже 9 ноября 1918 г. в Москве состоялась конференция представителей почти всех организаций Немецкой группы РКП(б). Было решено направить партийных организаторов и агитаторов в Германию и Австро-Венгрию и на оккупированную немецкими и австро-венгерскими войсками советскую территорию. В конце 1918 — начале 1919 г. на родину выехали Г. Мельхер, И. Гельбрих-Петрова, В. Перльмуттер, К. Рейтер, Г. Клейн и другие видные германские и австрийские интернационалисты¹³⁶. Только немецкая Петроградская группа «Спартак» весной 1919 г. направила в распоряжение КПГ и КПА 24 агитатора¹³⁷.

Потребность в опытных кадрах была чрезвычайно велика. Поэтому 17 ноября 1918 г. всем местным организациям Немецкой группы РКП(б) были посланы телеграммы с требованием срочно направить в Москву всех коммунистов. Предполагалось часть из них послать в Германию и Австрию, другим дать поручения по линии РКП(б), направить в Красную Армию или на учебу. С 25 ноября в Москве для германских и австрийских коммунистов Немецкая группа РКП(б) организовала курсы агитаторов. Ими руководил член группы австриец И. Грюн. Работе курсов содействовали П. И. Стучка и другие видные деятели РКП(б)¹³⁸. Позднее наряду с курсами была создана немецкая партийная школа¹³⁹.

Несмотря на отъезд в Германию и Австрию значительной части коммунистов, общая численность Немецкой группы росла. В марте 1919 г. в ней насчитывалось 150 человек, а к декабрю — около 400 (включая сочувствующих)¹⁴⁰. В марте 1919 г. в мос-

ковской организации Немецкой группы было 50, а в ноябре 1919 г.— 110 коммунистов и 90 сочувствующих. Быстро росло и число членов провинциальных организаций Немецкой группы РКП(б), в которых весной 1919 г. насчитывалось 100, к декабрю того же года — 200 человек¹⁴¹.

После создания в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала Немецкая группа РКП(б) установила непосредственную связь с его Исполкомом, предоставила в его распоряжение свои кадры, но по решению ИККИ продолжала работать под руководством ЦК РКП(б) в рамках Федерации иностранных групп. Руководство группой — президиум, в котором видную роль играли А. Геванд, Н. Бэм, Р. Роткегель, К. Бартельс,— поддерживало непосредственную связь и с ЦК РКП(б) Украины, а через ИККИ и ЦК РКП(б) — с коммунистическими партиями Германии и Австрии. Президиум собирался 3—5 раз в месяц.

Немецкая группа РКП(б) в конце 1918 г. издала 6 номеров газеты «Вельтфриден», 123 тыс. ее экземпляров было распространено в России, а 38 тыс.— за границей¹⁴². С августа 1919 г. вместо переставшей выходить еще в декабре 1918 г. «Вельтреволюцион» центральным печатным органом группы стала газета «Роте Фане». Ее тираж достигал 10 тыс. экземпляров. Только в Москве с осени 1918 до осени 1919 г. на немецком языке было напечатано 25 брошюр общим тиражом 540 тыс. экземпляров¹⁴³.

Постепенно почти весь актив группы был переброшен на запад, а агитационный центр перенесен в Минск¹⁴⁴. Коммунисты командировались поодиночке и небольшими группами в Вильно, Ковно, Двинск. Но особенно много интернационалистов-агитаторов продолжало работать на демаркационной линии. Их деятельность способствовала распространению революционных идей среди солдат германской армии, созданию ими своих Советов, многочисленным выступлениям солдат оккупационных частей в поддержку Советской России против белогвардейцев и немецких контрреволюционеров. Например, в Дриссе в декабре 1918 г. германские солдаты разоружили белогвардейцев и передали их советским войскам¹⁴⁵. Подобных случаев было немало.

Между тем коммунисты, приезжавшие в Москву из Германии и Австрии, все настойчивее требовали, чтобы Немецкая группа РКП(б) скорее отправила на родину всех лучших и надежных коммунистов¹⁴⁶. Приехавший в 1919 г. на I конгресс Коминтерна представитель австрийских коммунистов К. Штейнхардт, выступая в Москве перед интернационалистами с докладом о работе Коммунистической партии Австрии, заявил: «Мы вправе ожидать от товарищей, которые вернутся из России с транспортом военнопленных, что они, зная наши громадные задачи, вступят в наши боевые организации, чтобы помочь своими знаниями, которые они приобрели в революционной борьбе в России»¹⁴⁷. Президиум Немецкой группы выдвинул лозунг «Все на родину для ускорения социалистической революции в Германии и Австро-Венгрии!»¹⁴⁸.

Самой крупной из местных организаций Немецкой группы РКП(б) была Московская. Два-три раза в месяц она собиралась, чтобы обсудить положение в Советской России, Германии и Австрии, политическую работу в интернациональных отрядах, деятельность Германского и Австро-Венгерского Советов, вопросы эвакуации военнопленных на родину, заслушать информацию о работе других национальных групп. Московская организация Немецкой коммунистической группы вела большую агитационно-пропагандистскую работу среди немецкого населения Москвы и других городов страны. На ее собраниях часто выступала представитель ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова¹⁴⁹.

Однако в августе 1919 г. в работе московской организации и президиума Немецкой группы выявилось много серьезных недостатков. При участии Е. Д. Стасовой, под руководством Коминтерна и ЦФИГ московская организация и руководство Немецкой группой были реорганизованы. В октябре 1919 г. немецкие коммунисты избрали новый президиум группы, в который вошли Геванд, Тенненбаум, Шлиссер, Вах и др. Под руководством Е. Д. Стасовой новый президиум и московская организация дали решительный отпор «левым» дезорганизаторам: Рейхе, Хохульскому, Тигеру¹⁵⁰.

Осенью 1919 г. в Пермь был откомандирован на партийную работу И. Коплениг. Ему поручили организовать партийные ячейки и группы, вести агитационную работу среди военнопленных. И. Коплениг проявил большой организаторский талант. Он был избран председателем президиума местной немецкой группы РКП(б)¹⁵¹. Под его руководством интернационалисты провели большую политико-воспитательную работу среди военнопленных. Недаром в Центральной Федерации иностранных групп его имя было в списке «самых необходимых лиц»¹⁵², которым можно доверить сложную и ответственную работу.

Большую работу вели немецкие и австрийские коммунисты на Украине. Еще до ее освобождения от оккупантов при ЦК КП(б) Украины в Харькове была создана коммунистическая группа, являвшаяся частью Немецкой группы РКП(б). Она стала центральной немецкой партийной организацией на Украине. С помощью московской и царичинской организаций Немецкой группы РКП(б) в конце 1918 г. немецкие коммунисты на Украине организовали в Харькове выпуск на немецком языке газеты «Вельткоммуне» («Мировая коммуна»), с мая 1919 г. она была переименована в «Фёлькерфрайхайд» («Свобода народов»). С середины 1919 г. газета, издававшаяся в то время уже в Киеве, стала органом Немецкой группы КП(б) Украины «Спартак». Немецкая группа при ЦК КП(б) Украины начала свою деятельность с января 1919 г. С ней были связаны немецкие коммунистические группы, в разное время действовавшие в Киеве, Николаеве, Екатеринославе, Александровске, Херсоне и других городах и рабочих поселках Украины¹⁵³. Повсеместно немецкие коммунисты проводили десятки митингов военнопленных и сол-

дат германской армии, призывали их «после возвращения на родину идти путем, каким российский пролетариат идет уже в течение года». На солдатском митинге в декабре 1918 г. в Харькове была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы целиком и полностью присоединяемся к коммунистам и признаем Программу коммунистической партии»¹⁵⁴.

Активно действовали небольшие организации немецких и австрийских коммунистов в Екатеринославе, Одессе, Николаеве. В частности, в результате революционной агитации спартаковцев (так на Украине называли членов Немецкой группы) в Николаеве часть германских солдат с оружием в руках выступила в защиту Советской власти¹⁵⁵. Деятельность интернационалистов способствовала развитию движения за создание солдатских Советов, распространившегося с ноября 1918 г. в германской оккупационной армии¹⁵⁶.

Немецкая коммунистическая организация в Киеве входила в созданную там в марте 1919 г. Федерацию иностранных коммунистов, работавшую до лета под руководством Южнорусского бюро III Интернационала. Киевская немецкая организация постоянно получала помощь из Москвы от руководства Немецкой группы РКП(б). Летом 1919 г. киевский «Спартак» объединял 37 коммунистов и 6 сочувствующих. Часть из них служила во Всеукраинской ЧК и в Красной Армии¹⁵⁷. Под руководством немецких коммунистов Киева работал местный Совет германских трудящихся. Немецкие коммунисты на Украине, особенно в районах Харькова, Николаева, Екатеринослава, Одессы, с февраля 1919 г. расширили революционную пропаганду среди местного постоянного немецкого населения¹⁵⁸. О возраставшем влиянии немецких коммунистов говорят, например, то, что весной 1920 г. четыре из них являлись депутатами Одесского Совета рабочих и красноармейских депутатов¹⁵⁹.

Часть немецких коммунистов, особенно работавших в Поволжье и на Урале, оказалась заражена революционаризмом, своего рода болезнью «левизны». Они выступали против выезда бывших военнопленных на родину, считали это дезертирством, требовали мобилизовать всех немцев в Красную Армию. «Левые» дезорганизовывали деятельность некоторых местных Советов германских трудящихся и вносили раскол в ряды Немецкой группы РКП(б). Осенью 1919 г. они пытались создать особую организацию — так называемый Спартакусбунд¹⁶⁰, вскоре показавший свою полную политическую несостоятельность.

Вплоть до второй половины 1919 г. президиум Немецкой группы РКП(б) не имел регулярной связи с германскими и австрийскими коммунистами Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, отрезанными линиями фронтов от Центральной России. Между тем уже в конце 1918 г. среди военнопленных в Средней Азии возникли первые коммунистические ячейки. Инициаторами их создания были специально командированные летом 1918 г. ЦФИГ и ЦИК Интернациональной социалистической револю-

ционной организации иностранных рабочих и крестьян австрийские и немецкие коммунисты Ф. Фаглер, И. Зенфтлебер и Ф. Лоранд. Состоявшаяся в начале декабря 1919 г. конференция делегатов иностранных коммунистических организаций Туркестана (к тому времени они существовали в 13 городах и насчитывали 2200 членов) провозгласила создание Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Туркестанской республики. Председателем первого краевого комитета партии был избран австриец Ф. Фаглер. В резолюции, принятой конференцией, указывалось, что бывшие военнопленные уже год борются в Средней Азии, помогая «нашим русским товарищам словом и делом, советом и ружьем». Одновременно конференция призывала иностранных коммунистов готовиться к возвращению на родину, чтобы помочь своим братьям по классу создать «на баррикадах Запада диктатуру пролетариата, диктатуру над капиталом»¹⁶¹. В декабре 1919 г. Немецкая группа РКП(б) направила в Туркестан несколько коммунистов, в том числе Р. и А. Шлиссеров, А. Шнейдера, послала оборудование для издания газеты. Несколько активистов группы были направлены на Урал и в Сибирь¹⁶².

В огне гражданской войны и на трудовом фронте

Немецкая группа РКП(б) в 1919 г. признала несвоевременным отъезд из России германских и австрийских интернационалистов, служивших в Красной Армии¹⁶³. Она откликнулась на призыв ЦК РКП(б) о мобилизации всех сил на борьбу против Деникина. А. Гофман представлял Немецкую группу в созданной осенью 1919 г. Военной комиссии Федерации иностранных групп РКП(б)¹⁶⁴. К. Мюллер и другие представители группы были направлены в отдел формирования интернациональной Красной Армии, находившийся в Смоленске¹⁶⁵. Группа разработала принципы, в соответствии с которыми проводилась мобилизация в Красную Армию всех бывших пленных австрийцев, так как тогда не было никакой возможности отправить их на родину, а также мобилизация всех немецких коммунистов и усиливалась агитация среди всех бывших пленных немцев за добровольное вступление в Красную Армию. В то время имелась возможность выезда немцев в Германию, поэтому группа высказалась против мобилизации всех немцев, даже предостерегала от удержания их в России¹⁶⁶.

Немецкие коммунистические организации Москвы, Уфы, Смоленска, Одессы, Киева и других городов участвовали в формировании интернациональных частей, вели в них политическую работу.

Немецкие и австрийские интернационалисты в 1919—1920 гг. сражались на многих фронтах гражданской войны.

В Северном экспедиционном отряде 87-го стрелкового полка 10-й дивизии воевал политрук роты венский рабочий И. Цейтельгофер. Весной 1919 г. под Николаевом немецкие интернационалисты в составе Советского железного полка участвовали в боях с бандами Григорьева. «Николаевская группа спартаковцев, — отмечал исполком Николаевского Совета, — является самой надежной, сознательной, дисциплинированной войсковой частью, на которую может опереться Советская власть»¹⁶⁷.

Немецкие и австрийские интернационалисты сражались под Уфой в составе 1-го Интернационального полка 25-й стрелковой дивизии, сформированного в Самаре, в рядах 1-й Интернациональной бригады под Киевом и на Десне¹⁶⁸. Один из бойцов 1-й Интернациональной бригады, немец Ф. Шварц, впоследствии писал: «Я никогда не забуду тех дней. Тогда я особенно хорошо почувствовал, что все люди на Земле делятся на врагов и друзей не по нациям, а по классу. Невозможно забыть, как русские женщины, проклиная русских белогвардейцев, выносили нам, бойцам интернациональной бригады, последний кусок хлеба, крынку молока и от души желали нам здоровья и сил. Такое не забывается»¹⁶⁹. Рота немецких интернационалистов — примерно 130 человек — вела бои против махновцев. Позднее рота пополнялась за счет бывших пленных, направлявшихся в Германию, но пожелавших помочь Красной Армии покончить с бандитами¹⁷⁰. Ровенский немецкий отряд (начальник отряда — Зельман, комиссар — Зандер) 34-й стрелковой дивизии 11-й армии Туркестанского фронта героически сражался в районе Ханской Ставки¹⁷¹. Много немецких и австрийских интернационалистов служили в рядах 1-й Ферганской интернациональной кавалерийской бригады¹⁷². Участвовали немецкие интернационалисты в борьбе за победу народной революции в Хиве и в установлении Советской власти в таком отдаленном районе, как Амударьинский отдел Туркестанского края (ныне Каракалпакская АССР)¹⁷³. Были немецкие и австрийские интернационалисты в командах бронепоезда «Роза Люксембург» и санитарного поезда «Карл Либкнехт», в рядах красноармейских частей, действовавших на Ашхабадском и Закаспийском фронтах, в районе Кушки и у монгольской границы, среди бойцов партизанских отрядов Сибири и на Кавказе¹⁷⁴.

Многие освобожденные от колчаковской неволи германские и австрийские военнопленные просили и требовали включить их в части Красной Армии, сражавшиеся на фронтах с белогвардейцами и интервентами. В мае 1920 г. австриец П. Кон заявил представителям Советской власти, что, когда он и группа других бывших военнопленных была освобождена Красной Армией из колчаковского плена, некоторые бросили лозунг «Домой!», но он сказал: «Я становлюсь в ряды тех, кто дал мне действительную свободу. С тех пор я являюсь красноармейцем и членом РКП(б)... Как коммунист-интернационалист я вижу свой долг в том, чтобы принимать участие в борьбе против польских панов»¹⁷⁵.

Немало немецких интернационалистов сражалось в частях 1-й Конной армии против деникинцев, белопольских войск, врангельцев¹⁷⁶.

Многие бывшие австрийские и германские военнопленные напряженно и самоотверженно трудились в тылу. Некоторые из них проявляли настоящий героизм.

Иначе как подвигом трудно назвать действия австрийских военнопленных-врачей М. Маера, Миллера, Феликса. В начале 1919 г. в одном из тамбовских лагерей для военнопленных вспыхнула эпидемия тифа. Под угрозой заразы оказалось население соседних мест. Всю свою энергию и умение отдали австрийские врачи борьбе с болезнью, и через три месяца она была ликвидирована. Врач Феликс при этом заразился тифом и умер. В марте 1919 г. тамбовская Немецкая коммунистическая группа и Австро-Венгерский Совет отметили заслуги австрийских врачей в борьбе с эпидемией¹⁷⁷.

В начале 1920 г. новые группы коммунистов были направлены в Германию и Австрию. В частности, в связи с мартовскими боями 1920 г. в Германии на родину срочно выехали 85 немецких коммунистов из Москвы и других городов¹⁷⁸.

С февраля 1920 г. после прекращения деятельности ЦФИГ немецкие группы, как и другие группы иностранных коммунистов, стали работать на правах языковых секций в местных организациях РКП(б)¹⁷⁹. 26 февраля 1920 г. в Москве было создано Центральное бюро немецких секций при ЦК РКП(б) (ЦБ) во главе с Вселомовым (Альбрехтом), Гевандом, Шефером, Куршем. ЦБ являлось организационным и руководящим центром всех секций немецких коммунистов. Оно направляло деятельность газеты «Роте Фане», выходившей с перерывами до ноября 1922 г. В июле 1920 г. при ЦБ была создана партийная школа, в которой обучалось более 20 человек.

Группа немецких коммунистов в Москве влилась в одну из районных партийных организаций города. Своей задачей секция считала продолжение пропаганды среди бывших военнопленных и подготовку агитаторов для отправки в Германию и Австрию¹⁸⁰. Такие же задачи ставила перед собой одна из активнейших в то время немецких секций, созданная в марте 1920 г. в Перми¹⁸¹.

Летом 1920 г. в Немецкой коммунистической организации Москвы состояло 84 человека. Всего в Центральных губерниях России к лету 1920 г. функционировали 14 немецких коммунистических секций. В них числилось 450 членов и 120 кандидатов в члены РКП(б)¹⁸². В Туркестане летом 1920 г. действовали четыре организации немецких коммунистов, насчитывавшие 375 членов и 9 кандидатов. Кроме того, несколько сот немецких и австрийских коммунистов служили там в частях Красной Армии. В Сибири существовали 17 немецких коммунистических секций, в состав которых входило примерно 1500 человек¹⁸³. В августе 1920 г. было зарегистрировано всего 73 немецкие ком-

мунистические секции, в том числе 9 в интернациональных частях Красной Армии. Во всех секциях насчитывалось 2850 членов и 720 кандидатов в члены РКП(б) ¹⁸⁴.

Немецкие коммунистические секции продолжали вести значительную агитационно-пропагандистскую работу. Кроме «Роте Фане» (Москва) и «Фёлькерфрайхайт» (Киев), в Казани выходила газета «Дритте Интернационале» («Третий Интернационал»), в Ташкенте — газета «Фёлькерфрайхайт» (позднее переименованная в «Роте Фане») и журнал «Дритте Интернационале», в Омске издавалась тиражом 6 тыс. экземпляров газета «Вельт-революцион». Газеты на немецком языке выходили также в Томске, Новониколаевске, Красноярске, Семипалатинске, Барнауле, Иркутске, Верхнеудинске ¹⁸⁵. Немецкие коммунисты продолжали вести устную агитацию. Только в Екатеринбурге в августе 1920 г. было проведено десять митингов бывших военнопленных, возвращавшихся на родину. На каждом митинге присутствовало от 400 до 1200 человек. В сентябре было проведено еще девять митингов ¹⁸⁶.

Покидая пределы Советской России, бывшие военнопленные заявляли: «Мы, пролетарии, говорящие по-немецки, возвращаемся с твердой волей туда, откуда взяла нас пять лет назад на бойню империалистическая война. Мы возвращаемся назад не к спокойствию, а как сознательные бойцы за окончательную победу трудящихся, за Красное знамя революции в Вене и Берлине» ¹⁸⁷.

Немецкие коммунисты ставили теперь перед собой новые задачи, искали новые методы работы. В Перми с весны 1920 г. они стали участвовать в субботниках, привлекая по несколько сот человек из находившихся там бывших военнопленных. Немецкие интернационалисты принимали участие в субботниках и в Москве. В Иркутске с их участием была создана сельскохозяйственная коммуна, членами которой стали 83 человека. Они обрабатывали 120 десятин земли ¹⁸⁸.

Серьезное внимание немецкие коммунисты обращали на колонистов. По примеру немецких коммунистов Одессы в 1920 г. политическую работу среди немецких колонистов — советских граждан, проживавших в Сибири ¹⁸⁹, стали вести немецкие коммунисты Омска, Барнаула и других сибирских городов.

2 июля 1920 г. в Москве состоялось совещание 30 делегатов немецких коммунистических секций и руководителей ЦБ. На совещании обсуждалось, как лучше и быстрее отправить на родину всех гражданских и военных пленных, оказать помощь красноармейцам-интернационалистам. Ф. Шеффер доложил о новых задачах секций и предложил лозунг «В Красную Армию!» заменить призывом «На рабочее место!» ¹⁹⁰.

После серьезной подготовки 16 августа 1920 г. в Москве открылась Всероссийская конференция немецких коммунистических секций РКП(б). Каждая секция, имевшая 50 членов, могла прислать одного делегата. В работе конференции участвовало

40 делегатов с решающим и 5 — с совещательным голосом. На конференции в качестве гостей присутствовали представители Коминтерна, КП Германии, КП Польши и др. 12 делегатов выступили при обсуждении отчета ЦБ. Многие упрекали ЦБ за слабую связь с провинциальными секциями. Затем были заслушаны отчеты девяти местных организаций. Одобрив большинством голосов отчет Роткегеля и Геванда о деятельности Центрального Совета германских рабочих и солдат в России, конференция с большим вниманием слушала сообщение Э. Майера о деятельности КПГ и работе II конгресса Коминтерна. Был избран новый состав ЦБ¹⁹¹.

Согласно решению конференции, все желающие австрийские и немецкие коммунисты могли выехать на родину. Был выдвигнут лозунг «Помощь при эвакуации и поддержка революционной борьбы на Западе!». Делегаты конференции были проинформированы о порядке перевода членов Немецкой секции РКП(б) в ряды КПГ. Конференция приняла решение об укреплении связи с КПГ, а также с коммунистической организацией немцев Поволжья¹⁹².

В «Тезисах о новых задачах» в соответствии с новой обстановкой — началом восстановления народного хозяйства Советской России — лозунг «В Красную Армию!» был заменен лозунгом «На рабочее место!». Вместе с тем те, кто оставался в России, должны были в основном работать среди немцев-колонистов на Украине, Кавказе, в Поволжье, Сибири, создавать там новые секции. Конференция приняла решение о централизации работы немецких секций РКП(б). Одновременно сокращалось число немецких коммунистических газет в России, но тиражи оставшихся газет увеличивались¹⁹³.

В ноябре 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) конкретизировало организационный статут и задачи немецких секций. Они превращались в часть подотделов окружных и губернских комитетов РКП(б) для национальных меньшинств. На секции в основном возлагалась агитационно-пропагандистская работа среди немецкого населения России¹⁹⁴.

Вместо ЦБ немецких секций РКП(б) при ЦК РКП(б) было создано Центральное бюро немецких секций для агитации и пропаганды. Это бюро продолжало издавать газету «Роте Фане», а затем приступила к изданию журнала «Арбайт» для немецкого населения Советской России.

Деятельность немецких и австрийских интернационалистов способствовала укреплению связей трудящихся России, Германии и Австрии, способствовала распространению в Германии и Австрии идей социалистической революции, опыта большевистской партии.

¹ В главе использованы материалы об австрийских военнопленных, содержащиеся в написанной совместно с И. С. Полянским

главе 12 книги «Интернационалисты» (М., 1967).

² См.: Поворот мирового значения: Воспоминание немцев — участни-

- ков Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы против интервентов и контрреволюционеров в 1917—1920 годах. М., 1964. С. 211—216.
- ³ См.: Там же. С. 102—105.
- ⁴ *Striegnitz S. Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland, 1917—1918: Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht.* В., 1979. С. 9—10.
- ⁵ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 113. Л. 7.
- ⁶ См.: Поворот мирового значения. С. 135.
- ⁷ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 86. Л. 9—11.
- ⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1. Л. 16.
- ⁹ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 113. Л. 10.
- ¹⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 101. Л. 3—4.
- ¹¹ Там же. Оп. 11. Д. 1. Л. 15.
- ¹² *Striegnitz S. Deutsche...* С. 12.
- ¹³ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 83. Л. 3.
- ¹⁴ См.: Поворот мирового значения. С. 136.
- ¹⁵ *Die Weltrevolution.* 1918. 15.IV.
- ¹⁶ Там же. Поворот мирового значения. С. 131.
- ¹⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 191. Д. 564. Л. 212.
- ¹⁸ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 99. Л. 1.
- ¹⁹ *Die Weltrevolution.* 1918. 15.IV.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 83. Л. 2, 13, 14; Д. 86. Л. 6, 7; Д. 90. Л. 4.
- ²² Там же. Д. 90. Л. 4.
- ²³ Там же. Д. 117. Л. 7.
- ²⁴ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 117. Л. 10.
- ²⁵ См.: *Ульянов Ив. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция.* 1929. № 7. С. 96—97.
- ²⁶ *Striegnitz S. Deutsche...* С. 26.
- ²⁷ См.: Поворот мирового значения. С. 90—91.
- ²⁸ Интернационалисты. С. 464.
- ²⁹ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 117. Л. 18.
- ³⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 191. Д. 564. Л. 175 об.
- ³¹ Там же. Л. 243.
- ³² Там же. Л. 217.
- ³³ *Die Weltrevolution.* 1918. 9.V.
- ³⁴ См.: 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 139.
- ³⁵ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 117. Л. 13.
- ³⁶ *Die Weltrevolution.* 1918. 15.IV.
- ³⁷ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.
- ³⁸ См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М., 1957. С. 34—35.
- ³⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1. Л. 29.
- ⁴⁰ *Der Völkerfrieden.* 1919. 6.I.
- ⁴¹ Там же. 11.I.
- ⁴² Боевое содружество... С. 48.
- ⁴³ См.: Там же. С. 50.
- ⁴⁴ Интернационалисты. С. 461.
- ⁴⁵ *Der Völkerfrieden.* 1918. 6.I.
- ⁴⁶ Интернационалисты. С. 461.
- ⁴⁷ Там же. С. 462.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Die Weltrevolution.* 1918. 9.V.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1. Л. 97.
- ⁵⁴ *Der Völkerfrieden.* 1918. 11.I.
- ⁵⁵ См.: Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 69.
- ⁵⁶ См.: Там же. С. 75.
- ⁵⁷ Интернационалисты. С. 463.
- ⁵⁸ См.: Там же.
- ⁵⁹ См.: Интернационалисты в боях за власть Советов. С. 258.
- ⁶⁰ *Der Völkerfrieden.* 1917. 24.XII.
- ⁶¹ *Die Weltrevolution.* 1918. 15.IV.
- ⁶² ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 241.
- ⁶³ Известия Симбирского Совета рабочих, крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Симбирск, 4 июля (21 июля) 1918 г.
- ⁶⁴ *Die Weltrevolution.* 1918. 9.V; *Weltwende wir waren dabei.* В., 1962. С. 33; и др.; Дело трудящихся всего мира. М., 1957. С. 14; *Кулинич I. М., Кошик М. М. Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918—1919 рр.).* Київ, 1959. С. 35.
- ⁶⁵ *Die Weltrevolution.* 1918. 2.III.
- ⁶⁶ См.: *Кулинич I. М., Кошик М. М. Революційна діяльність...* С. 31.
- ⁶⁷ *Weltwende wir waren...* С. 74; *Штригниц С.* Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции // Интернационалисты в боях за власть Советов. С. 114.
- ⁶⁸ См.: *Мельниченко Ю. Ю.* Діяльність іноземних комуністичних

- груп на Україні, 1918—1920. Київ, 1977. С. 21—22.
- 69 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 92. Л. 15, 16, 20.
- 70 Там же. Д. 82. Л. 12; Д. 117. Л. 13.
- 71 Die Weltrevolution. 1918. 9.X.
- 72 См.: Пролетарская революция. 1929. № 7(90). С. 104, 107.
- 73 См.: Борьба классов. М., 1935. № 3. С. 58.
- 74 Необходимо отметить, что большинство возвратившихся пленных, кроме явных контрреволюционеров, давали показания неохотно, старались не называть имен и не приводить фактов.
- 75 Die Weltrevolution. 1918. 9, 26.V.
- 76 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 153. Л. 12.
- 77 Там же.
- 78 Одно время К. Томан был членом ЦК Коммунистической партии Австрии, редактором ее центрального органа газеты «Роте Фане» («Красное знамя»). В дальнейшем отошел от коммунистического движения.
- 79 См.: Власть труда. 1918. 18.V.
- 80 См.: Интернационалисты в боях за власть Советов. С. 265.
- 81 *Striegnitz S. Deutsche...* S. 156.
- 82 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
- 83 *Striegnitz S. Deutsche...* S. 166.
- 84 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 96; Д. 11. Л. 9, 19.
- 85 *Striegnitz S. Deutsche...* S. 189.
- 86 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 11, 19, 24.
- 87 Там же. Л. 9.
- 88 Die Weltrevolution. 1918. 9.V.
- 89 См.: Интернационалисты. С. 470.
- 90 Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918. № 20. С. 8.
- 91 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 11. Л. 22.
- 92 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 318—319.
- 93 Die Weltrevolution. 1918. 6.IV.
- 94 Там же. 10.X.
- 95 Там же. 15.IX, 20, 27.X.
- 96 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 11. Л. 22.
- 97 Там же. Д. 12. Л. 19, 33.
- 98 Weltwende wir waren... S. 139.
- 99 Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933. С. 10.
- 100 Интернационалисты. С. 471.
- 101 Там же.
- 102 Die Weltrevolution. 1918. 16.VI.
- 103 Там же. 25.VII.
- 104 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1. Л. 59.
- 105 *Rabitsch R.* Panzerzug Lichtenauer. Moskau, 1936.
- 106 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 114. Л. 10, 11; Д. 115. Л. 2—33. Бывший миссионер в Китае Кеффке организовал в Иркутске партизанский отряд, состоявший главным образом из китайцев.
- 107 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 122. Л. 11; Weltwende wir waren... S. 236.
- 108 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 116. Л. 24.
- 109 Die Weltrevolution. 1918. 17.VII.
- 110 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 11. Л. 19 об. 22.
- 111 *Мельниченко В. Ю.* Діяльність... С. 47.
- 112 См.: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1968. Ч. 1. С. 426.
- 113 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 11. Л. 22.
- 114 Там же.
- 115 Там же. Оп. 1. Д. 153. Л. 12; Поворот мирового значения. С. 80.
- 116 См.: Дружба народов. 1957. № 10. С. 168; *Кулинич И. М., Кошик М. М.* Революціа діяльність... С. 41—42; Подробнее см.: *Селезнев К. Л.* Большевицкая агитация и революционное движение в германской армии на Восточном фронте в 1918 г. // Ноябрьская революция в Германии. М., 1960. С. 271—328.
- 117 *Striegnitz S. Deutsche...* S. 227.
- 118 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 160. Л. 17; Оп. 11. Д. 31. Л. 11.
- 119 Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 564.
- 120 Die Rote Fahne. Moskau, 1919. 21.VIII.
- 121 См.: Поворот мирового значения. С. 73—76.
- 122 См.: Там же. С. 78.
- 123 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.
- 124 Nachrichten des deutschen und österreichischen Arbeiter- und Soldaten Rates in Russland (Moskau).
- 125 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 36. Л. 1—52.
- 126 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 42; Д. 36. Л. 28.
- 127 Там же. Д. 159. Л. 1—8; Д. 29. Л. 12—19.

- 128 Там же. Д. 19. Л. 7.
- 129 Там же. Оп. 4. Д. 45. Л. 35.
- 130 Там же. Ф. 549. Оп. 4. Д. 201. Л. 131 об., 192 об.
- 131 Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; Оп. 4. Д. 201. Л. 130.
- 132 Die Rote Fahne. 1919. 21.VIII.
- 133 Там же.
- 134 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Д. 4. Л. 38—40.
- 135 Там же. Д. 3. Л. 8.
- 136 Там же. Оп. 4. Д. 17. Л. 2; Д. 19. Л. 20, 36, 84.
- 137 Там же. Д. 193. Л. 13, 116.
- 138 Там же. Д. 11. Л. 30.
- 139 Там же. Д. 25. Л. 408; Die Rote Fahne. 1920. 27.IX.
- 140 Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 25. Л. 408; Д. 26. Л. 67—68.
- 141 Там же. Д. 26. Л. 67; Д. 25. Л. 408.
- 142 Там же. Д. 11. Л. 29.
- 143 Там же. Д. 25. Л. 101; Д. 26. Л. 93.
- 144 Там же. Д. 11. Л. 133; Д. 15. Л. 240.
- 145 См.: Дружба народов. 1957. № 10. С. 169.
- 146 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
- 147 Там же. Ф. 549. Оп. 4. Д. 16. Л. 47.
- 148 Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 29. Л. 71.
- 149 Там же. Л. 18. 33.
- 150 Там же. Д. 25. Л. 248; Д. 29. Л. 126, 144.
- 151 Там же. Ф. 549. Оп. 4. Д. 187. Л. 4; Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
- 152 Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
- 153 См.: Мельниченко В. Ю. Діяльність... С. 34.
- 154 Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність... С. 85.
- 155 См.: Там же. С. 105.
- 156 См.: Селезнев К. Л. Большевицкая агитация... С. 311—322.
- 157 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 153. Л. 174, 189, 240; Д. 189. Л. 1.
- 158 См.: Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність... С. 122.
- 159 См.: Мельниченко В. Ю. Діяльність... С. 47.
- 160 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 25. Л. 451; Д. 36. Л. 28.
- 161 Интернационалисты в боях за власть Советов. С. 292.
- 162 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 25. Л. 408, 455, 456.
- 163 Там же. Д. 29. Л. 89.
- 164 ЦГАСА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- 165 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 25. Л. 100.
- 166 Там же. Л. 6, 56, 57.
- 167 Весенин Е., Светлов А. Миллионы друзей. М., 1940. С. 77.
- 168 См.: Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960. С. 60.
- 169 Цит. по кн.: Шитов Н. Ф. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1957. С. 16.
- 170 ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 88, Л. 18, 19; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 170. Л. 1; Кулінич І. М., Кошик М. М. Революційна діяльність... С. 121.
- 171 См.: Боевое содружество... С. 404.
- 172 См.: Сологубов И. С. Иностранцы коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961. С. 107.
- 173 См.: Досумова Г. Я. Участие зарубежных интернационалистов в защите завоеваний Октября в Каракалпакии (1918—1920) // Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР. 1976. № 2(64).
- 174 Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1960. С. 152.
- 175 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 201. Л. 38.
- 176 См.: Озеров М. В строю Первой Конной. Ставрополь, 1984. С. 82—110.
- 177 ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 52. Л. 41.
- 178 Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 171. Л. 8.
- 179 Там же. Оп. 11. Д. 45. Л. 28, 29.
- 180 Там же. Л. 81.
- 181 Там же. Оп. 1. Д. 183. Л. 183 об.
- 182 Там же. Д. 170. Л. 4, 136—140.
- 183 Там же. Л. 1, 2, 4.
- 184 Там же. Л. 6, 7; Оп. 11. Д. 51. Л. 6.
- 185 Там же. Оп. 1. Д. 170. Л. 3, 6.
- 186 Там же. Оп. 11. Д. 64. Л. 66, 76.
- 187 Там же. Ф. 549. Оп. 4. Д. 201. Л. 118.
- 188 Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 160. Л. 11—13; Д. 170, Л. 4; Оп. 11. Д. 45. Л. 8.
- 189 Там же. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.
- 190 Там же. Оп. 11. Д. 54. Л. 1, 4, 6 об., 8.
- 191 Там же. Ф. 17. Оп. 11. Д. 54. Л. 33, 35, 43; Die Rote Fahne. 1920. 15.V.
- 192 Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 171. Л. 15—17.
- 193 Там же. Д. 170. Л. 23; Д. 171. Л. 8, 16—17.
- 194 Там же. Оп. 11. Д. 51. Л. 41—50; Die Rote Fahne. 1920. 13.XI.

ФЕДЕРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРУПП И ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ ПРИ ЦК РКП(б)

Иностранные группы РКП(б) являлись интернационалистским ядром, авангардом трудящихся из разных стран, находившихся в Советской России. В. И. Ленин и партия большевиков в их образовании применили опыт К. Маркса и Ф. Энгельса, впервые создавших Международное товарищество рабочих — I Интернационал. Зародившееся в середине XIX в. в результате стихийной тяги рабочих многих стран к интернациональному единству Международное товарищество рабочих под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса сыграло выдающуюся роль в истории интернациональной солидарности трудящихся.

Как руководители международного рабочего движения К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно оказывали всемерную помощь социалистам всех стран и заботились о международной координации их действий. В этой связи Ф. Энгельс подчеркивал: «Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного социализма*»¹. Даже с прекращением деятельности I Интернационала «объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение», — писал В. И. Ленин².

К. Маркс и Ф. Энгельс прилагали большие усилия к тому, чтобы, учитывая специфику деятельности социалистов различных стран, направить эту деятельность в общий поток интернациональной борьбы за социализм, для интернационального единства рабочего класса и осуществления международной пролетарской солидарности.

Ярким и одним из высших проявлений пролетарского интернационализма стало создание Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б)³. Ее образование положило начало новому этапу в развитии деятельности иностранных коммунистов, находившихся в Советской России. Как известно, к маю 1918 г. в Советской России, помимо групп СДКПиЛ, действовали пять иностранных групп РКП(б): Венгерская, Румынская, Немецкая, Южнославянская и Чехословацкая. С целью сплочения и координации их деятельности в мае 1918 г. была создана Центральная Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) — ЦФИГ⁴. Она являлась интернациональной организацией иностранных коммунистов, дей-

ствовавших в рамках РКП(б) и объединившихся в Федерацию на основе добровольности и равноправия. В создании ЦФИГ принимали активное участие как иностранные коммунисты, так и большевики, в первую очередь выдающийся деятель РКП(б) и Советского государства, ученик и соратник В. И. Ленина Я. М. Свердлов⁵.

ЦФИГ создавалась в качестве руководящего органа по работе среди коммунистов-иностранцев. К числу своих основных задач ЦФИГ относила «объединение всех коммунистов-иностранцев для общей борьбы против социал-демократов соглашателей»⁶. Создание Федерации облегчало дело революционного воспитания и вовлечения в активную борьбу все более широких кругов иностранных трудящихся, находившихся в Советской России. Ее ряды постоянно росли, а сфера деятельности расширялась. За вторую половину 1918 г. в ЦФИГ вступили еще три иностранные коммунистические группы РКП(б): в сентябре — Французская, в октябре — Болгарская, в ноябре — Англо-Американская. В сентябре 1919 г. в Федерацию вступила Итальянская группа. Кроме того, в ЦФИГ вошло также интернациональное объединение иностранных коммунистов, находившееся в Средней Азии, — Коммунистическая партия иностранных рабочих и крестьян в Туркестане.

Являясь верховным органом «во всех принципиальных и тактических вопросах»⁷, Федерация предоставляла каждой из составлявших ее групп широкую самостоятельность в проведении агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы. Руководство Федерацией осуществлялось представителями входивших в ее состав групп. Председателем ЦФИГ был Б. Кун. После его отъезда в Венгрию в ноябре 1918 г. председателем ЦФИГ стал Э. Руднянский. Многогранная деятельность Федерации осуществлялась по двум главным направлениям: организационно-партийному и идейно-политическому.

Федерация была создана в соответствии с ленинскими принципами демократического централизма как единая интернациональная составная часть РКП(б). Все коммунисты-иностранцы, входившие в нее, пользовались одинаковыми правами и имели те же обязанности, что и все члены РКП(б). Принципы построения Федерации и формы ее организации обуславливались сущностью РКП(б) и теми великими целями, которые большевики ставили перед собой. Это было весьма важно, так как обеспечивало ЦФИГ роль боевого штаба авангарда иностранных трудящихся, находившихся в России. В организации и деятельности ЦФИГ нашли практическое воплощение соединение научного социализма и рабочего движения интернационалистов, стремление к доведению идей научного коммунизма до широких масс иностранных трудящихся. Тем самым ЦФИГ способствовала превращению разнородного движения иностранцев, находившихся в Советской России, в мощное революционное движение, прочное своей сознательностью и организованностью.

Основополагающими документами организационно-партийной деятельности ЦФИГ и составлявших ее групп являлись Программа и Устав РКП(б).

Членом ЦФИГ так же, как и каждой из иностранных групп РКП(б), мог быть каждый интернационалист, признававший Программу РКП(б), работавший в одной из партийных организаций иностранных коммунистов, входившей в состав Федерации, подчинявшийся постановлениям партии и уплачивавший соответствующие членские взносы. В этой связи необходимо подчеркнуть, что, создавая Федерацию иностранных групп, ЦК РКП(б) исходил из того, что национальный тип построения партийных организаций иностранных коммунистов являлся временным явлением. Строительство таких партийных организаций диктовалось спецификой происхождения и задач этих национальных партийных организаций. В сложных и трудных условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда многие районы Советского государства были оторваны от центра или находились в условиях оккупации интервентами и террора внутренней контрреволюции, в вопросах партийного строительства учитывались специфика момента и особенности тех задач, которые стояли перед коммунистами из временного населения страны.

Руководящим принципом организационного строения ЦФИГ являлся, как уже отмечалось, демократический централизм. Федерация сложилась на основе демократического централизма по территориальному признаку. К лету 1918 г. организации иностранных коммунистов действовали в Москве, Петрограде, Воронеже, Иркутске, Казани, Красноярске, Курске, Орле, Омске, Пензе, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Хабаровске и многих других городах. На местах создавались местные федерации. Такие федерации были образованы в Астрахани, Воронеже, Казани, Курске, Орле, Перми, Самаре, Саратове и Твери. В ряде городов иностранные группы коммунистов не объединялись в местные федерации, но действовали в тесном взаимном контакте. В отдельных местах, где число коммунистов-иностранцев было невелико, возникали единые группы иностранных коммунистов.

Все иностранные группы на местах были подотчетны местным губернским и уездным комитетам РКП(б), а также руководству соответствующих иностранных групп при ЦК РКП(б) и ЦФИГ при ЦК РКП(б).

Каждая группа имела право на делегирование в ЦФИГ двух представителей. Среди представителей иностранных групп при ЦК РКП(б), работавших в различное время в ЦФИГ, были венгерские интернационалисты Б. Кун, Ф. Лебович, Э. Руднянский, И. Ковач и др.; югославские — В. Маркович, И. Милкич, Н. Грулович и др.; чешские и словацкие — А. Муна, Я. Сынек, Ю. Хораз, Я. Гандлирж и др.; румынские — А. Пескариу, М. Гуйю, Е. Арборе-Ралли и др.; немецкие — А. Геванд, Ф. Шеффер и др.; болгарские — С. Джоров, И. Дечев и др.; американец С. Рутгерс, итальянцев представляла М. Година и др. Члены

ЦФИГ избирали президиум в составе председателя, его заместителя и секретаря. Президиум ЦФИГ периодически проводил пленарные заседания, на которых вырабатывались наиболее важные коллективные решения по общим вопросам интернационалистского движения и конкретным направлениям деятельности иностранных групп. В 1919 г., например, было проведено 30 заседаний ЦФИГ⁸.

Деятельность ЦФИГ обсуждалась на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б). В ЦК РКП(б) рассматривались и утверждались решения ЦФИГ по различным вопросам организационного, политического и военного характера, анализировались и утверждались отчеты о деятельности Федерации. Центральный Комитет проявлял постоянное внимание к ЦФИГ, помогал в решении конкретных вопросов разносторонней работы иностранных коммунистов.

С представителями ЦФИГ неоднократно встречались видные деятели партии, ответственные работники аппарата ЦК РКП(б). Так, например, Я. М. Свердлов принимал непосредственное участие в организации конференции венгерских коммунистов, постоянно интересовался проведением работы среди военнопленных. Он подчеркивал, что военнопленные — это по существу будущие агитаторы, которые после возвращения на родину будут рассказывать о Советской власти, о деятельности большевиков по строительству государства рабочих и крестьян. Яков Михайлович отмечал огромное значение разъяснительной работы среди иностранных трудящихся, оказавшихся по различным причинам в Советской России⁹.

В работе ЦФИГ деятельное участие принимала секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова. Она регулярно присутствовала на заседаниях Президиума ЦФИГ, часто бывала на собраниях отдельных иностранных групп, обсуждала многие вопросы деятельности Федерации с ее представителями¹⁰. В ее ведении находились вопросы, связанные с организационной, хозяйственной, финансовой работой Федерации.

Е. Д. Стасова много внимания уделяла укреплению партийной дисциплины среди иностранных коммунистов. Она хорошо знала по опыту своей нелегальной деятельности в условиях царской России и эмиграции глетворное влияние руководства западноевропейской социал-демократии на идейно-политическую и организационно-партийную работу среди членов своих партий. Именно поэтому Е. Д. Стасова всегда разъясняла представителям ЦФИГ, что строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Она указывала на необходимость быстрого и точного выполнения партийных решений, подчеркивала, что внутрипартийная демократия допускает обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни свободно и всесторонне, но требует неуклонного выполнения принятых решений.

Большое внимание деятельности ЦФИГ и иностранных групп

при ЦК РКП(б) уделял В. И. Ленин, неустанно добивавшийся развития интернационализма в рабочем движении всех стран. В. И. Ленин показал, что после установления Советской власти в России теория и практика пролетарского интернационализма обогатилась задачей и опытом защиты завоеваний диктатуры пролетариата, защиты страны победившей революции от международного империализма, установлением братских отношений между народами многонационального Советского государства, между пролетариатом, освободившимся от оков империализма, и трудящимися массами капиталистических стран, борющимися за свое освобождение, а также между национально-освободительными движениями в колониях и зависимых странах.

Уже 5 (18) ноября 1917 г. В. И. Ленин как глава Советского государства принял в Смольном первую делегацию иностранных трудящихся, находившихся в России. Это были представители бельгийских рабочих, трудившихся на предприятиях Петрограда и Сестрорецка. Делегация просила Владимира Ильича передать пролетариату Советской России, что бельгийские рабочие всецело с ним в борьбе за мир и социализм¹¹. Небезынтересно отметить также, что в январе 1918 г. В. И. Ленин получил письмо из Амстердама от голландца Б. Лютераана с просьбой зачислить его в Красную Гвардию и прислать ему деньги на поездку в Советскую Россию. В. И. Ленин тотчас же поручил Н. И. Подвойскому и И. В. Крыленко «по принципиальным мотивам» удовлетворить просьбу¹². В марте 1919 г. с трибуны VIII съезда РКП(б) В. И. Ленин подчеркнул, что работа иностранных групп РКП(б) в Советской России «составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии»¹³. Он тогда же отметил многогранность деятельности как Федерации иностранных групп, так и отдельных иностранных коммунистических групп в России.

В. И. Ленин неоднократно встречался с председателем Федерации Б. Куном, с которым ему приходилось «беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции»¹⁴. На беседах у В. И. Ленина были многие руководители иностранных групп РКП(б). Среди них Т. Самуэли, Д. Фарага, Д. Варга, М. Залка, Г. Михайлов, М. Бужор, Ж. Лябурб¹⁵. В. И. Ленин постоянно интересовался деятельностью зарубежных интернационалистов в Советской России, высказывал замечания и предложения по работе среди иностранных трудящихся, при встречах с ними рассказывал о планах и перспективах социалистического строительства молодого государства рабочих и крестьян. Именно поэтому на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин отметил, что многие члены иностранных групп «были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий»¹⁶.

По указаниям и рекомендациям ЦК РКП(б) губернские и уездные органы и организации большевиков оказывали Федера-

ции и ее представителям постоянную поддержку и всемерную помощь. Со своей стороны ЦФИГ всячески поддерживала меры, направленные на улучшение связей местных организаций РКП(б) с иностранными коммунистами. Так, например, после обсуждения отчета представителя Астраханской федерации иностранных коммунистов, прибывшего в Москву в октябре 1918 г., ЦФИГ направила в Астрахань два письма с рекомендациями о работе иностранных коммунистов. В первом из них, адресованном Астраханской федерации, приветствовалось стремление иностранных коммунистов к установлению тесных контактов с местной организацией большевистской партии. Во втором письме, направленном в Астраханский губернский комитет РКП(б), ЦФИГ просила губком «оказать всяческую помощь астраханской организации иностранных коммунистов»¹⁷. В целом же о большой организационной работе ЦФИГ по установлению широких связей с местными организациями как иностранных коммунистов, так и РКП(б) свидетельствует, к примеру, обширная переписка. Только за 1919 г. ЦФИГ было получено 331 письмо и направлены в различные города и районы Советской России 856 писем, 3 циркулярных письма и 5 телефонограмм организационно-партийного характера¹⁸.

Важным событием в организационной деятельности ЦФИГ стала Всероссийская конференция иностранных коммунистов, состоявшаяся в Москве 3—4 марта 1919 г.¹⁹ В ее работе приняли участие 40 делегатов.

Конференция заслушала доклады о положении в Германии, Австрии и Чехии. Учитывая бурное развитие революционного движения в странах Центральной Европы, многие делегаты конференции предлагали, чтобы немедленно значительная часть иностранных коммунистов, находившихся в Советской России, вернулась в страны своего происхождения. Поэтому конференция высказалась за ликвидацию Федерации и создание вместо нее Центрального бюро иностранных коммунистов при ЦК РКП(б)²⁰.

Надлежит отметить, что эти решения конференции оказались преждевременными, так как в Советской России еще в течение нескольких лет в силу ряда обстоятельств оставались немало коммунистов-иностранцев и большие массы военнопленных. Вместе с тем следует учитывать, что эти решения отвечали стремлению к борьбе в своих странах против оппортунистических элементов, что являлось одной из важнейших задач ЦФИГ²¹. Сразу же после октябрьской и ноябрьской (1918 г.) революций в бывшей Австро-Венгрии и в Германии ЦФИГ направила на революционную работу в эти страны значительную часть иностранных коммунистов, находившихся в Советской России. К примеру, в связи с направлением на родину количество членов международной группы коммунистов при Пензенском губкоме РКП(б) резко сократилось (со 133 человек в ноябре 1918 г. до 16 человек в январе 1919 г.²²).

Это и понятно, В. И. Ленин писал: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей стране*, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах»²³.

Направление на родину иностранных коммунистов, находившихся в Советской России, продолжалось во все последующее время деятельности ЦФИГ. Направляемые за границу внесли свой вклад в развитие революционного движения и борьбы рабочего класса европейских стран, в создание и укрепление в них коммунистических групп и партий.

Решение конференции о ликвидации Федерации иностранных групп практически не было выполнено. ЦФИГ как руководящий орган продолжала действовать; в тех городах и районах, где были ликвидированы группы коммунистов-иностранцев, они вскоре были восстановлены.

Одним из важных этапов организационно-партийной деятельности ЦФИГ стало ее участие в создании III Коммунистического Интернационала. «Российская Советская Республика, — писал Карл Либкнехт, — стала знаменем борьбы, знаменем Интернационала»²⁴.

В. И. Ленин считал создание III Интернационала одной из важнейших задач международного рабочего движения. «Положение нашей партии — перед лицом всех рабочих партий всего мира — теперь именно таково, — указывал Владимир Ильич в Апрельских тезисах, — что мы *обязаны* немедленно *основать* III Интернационал. Кроме нас *теперь* этого сделать некому, а оттяжки вредны»²⁵.

В конце 1918 г. борьба большевиков, зарубежных коммунистов, коммунистов-иностранцев, находившихся в Советской России, за создание Интернационала вступила в завершающую стадию. В январе 1919 г. международное совещание коммунистов, состоявшееся в Москве, одобрило предложение В. И. Ленина о созыве Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. Принятое на совещании Обращение призывало 39 братских партий, групп и организаций обсудить вопрос о создании Коммунистического Интернационала и принять участие в работе его учредительного конгресса. Обращение подписали коммунисты Советской России, Польши, Венгрии, Австрии, Латвии, Финляндии, представители Балканской социал-демократической федерации и Социалистической партии Америки. В работе совещания активное участие принимали представители Венгерской, Англо-Американской и других иностранных групп, входивших в ЦФИГ.

Вечером 2 марта 1919 г. в Кремле В. И. Ленин открыл международную коммунистическую конференцию. На ней присутствовали 52 делегата от 35 организаций 21 страны Европы, Азии и Америки. 19 организаций имели решающий голос, 16 — советательный²⁶.

От ЦФИГ в работе конференции участвовали представители как с решающим, так и с совещательным голосом. С. Джоров, И. Милкич, Я. Гандлирж представляли коммунистов Болгарской, Югославской, Чехословацкой групп при РКП(б).

На заседании были заслушаны доклады о развитии революционного движения в ряде стран. 3 марта 1919 г. делегаты начали обсуждение проекта платформы международного коммунистического движения. Платформа зафиксировала единство взглядов и действий коммунистов различных стран и подтвердила международный характер ленинизма как единой теории мирового коммунизма. 4 марта 1919 г. конференция заслушала тезисы и доклад В. И. Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. В них В. И. Ленин кратко изложил те выводы, которые получили всестороннее обоснование в его трудах «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В заключение В. И. Ленин сформулировал важнейшие задачи международного коммунистического движения.

В «Резолюции к тезисам о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» В. И. Ленин писал, что «главная задача коммунистических партий во всех странах, где еще не существует Советской власти, заключается в следующем:

- 1) Выяснение широким массам рабочего класса исторического значения, политической и исторической необходимости новой, пролетарской демократии, которая должна быть поставлена на место буржуазной демократии и парламентаризма.

- 2) Распространение и организация Советов среди рабочих всех отраслей промышленности и среди солдат армии и флота, а также среди батраков и бедных крестьян.

- 3) Основание внутри Советов прочного коммунистического большинства»²⁷.

Утверждение платформы международного коммунистического движения и единодушное одобрение тезисов и доклада В. И. Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата показали, что учреждение Коммунистического Интернационала стало возможным и необходимым. Поэтому вечером 4 марта 1919 г. многие делегаты различных стран, организаций, групп и партий выступили с предложением о создании Коммунистического Интернационала. Среди них были Ж. Садуль (Французская коммунистическая группа) и Д. Файнберг (Английская коммунистическая группа)²⁸. Поименное голосование показало, что все делегаты как с решающим, так и с совещательным голосом, в том числе представитель польских коммунистов Ю. Уншлихт, югославских — И. Милкич, румынских — Х. Раковский, венгерских — Э. Руднянский и др., поддержали предложение о немедленном создании Коммунистического Интернационала. Только один делегат воздержался. Конституирование Коминтерна состоялось. С 4 марта 1919 г. международная конференция продолжила свою работу уже как Первый (Учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала²⁹.

Для руководства Коминтерном конгресс постановил создать Исполнительный комитет (ИККИ), в который вошли представители коммунистических партий Советской России, Германии, Австрии, Венгрии, Балканской федерации, Швейцарии, Скандинавии. Временно же организационная работа возлагалась на Бюро ИККИ. Федерация иностранных групп сразу же установила тесные контакты с Бюро ИККИ и вскоре же перешла в ведение Коминтерна.

Таким образом, в создании III, Коммунистического Интернационала внесли свой вклад коммунисты-иностранцы, находившиеся в Советской России и объединенные в Центральную Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). В. И. Ленин писал: «Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-повинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата»³⁰.

Работа ЦФИГ, как и ранее, охватывала практически все стороны организационно-партийной работы. Для проверки деятельности иностранных групп на местах ЦФИГ направляла в различные города и районы страны своих представителей. Так, например, после освобождения Урала и значительной части Сибири ЦФИГ командировала туда своих представителей для воссоздания организаций иностранных коммунистов³¹. Осенью 1919 г. после ликвидации Оренбургского фронта и восстановления связи Туркестана с центральными районами Страны Советов ЦФИГ получила возможность уделить серьезное внимание Туркестанской организации иностранных коммунистов. По инициативе ЦФИГ происходила реорганизация Туркестанской организации по национальному признаку.

Едва ли можно считать такую перестройку, направленную на расчленение по языковому признаку успешно действовавшей Туркестанской организации иностранных коммунистов, целесообразной. Думается, что к унификации форм партийного строительства среди иностранных коммунистов Туркестана по аналогии с Центральной Федерацией ЦФИГ подошла в известной степени формально. Очевидно, сказалось незнание ЦФИГ сложившегося положения дел в области партийного строительства и всей обстановки в Туркестане. А положение здесь было нелегким. К концу 1919 г. в Туркестане имела место временная организационная разобщенность партийных рядов. Существовали и действовали организации РКП(б), коммунистов-мусульман и иностранных коммунистов, формально объединенных в Коммунистическую партию иностранных рабочих и крестьян Туркестана. К тому же ряды партийных организаций были засорены чуждыми элементами, примазавшимися к партии в условиях, когда Туркестанская

республика была оторвана от Центральной России. Был и еще один момент, создававший определенные трудности. Местные партийные организации не обладали большим опытом революционной борьбы, значительная часть руководящих кадров партийного и советского аппарата не имела достаточной теоретической подготовки. Давали себя знать проявления как великодержавного шовинизма, так и местного национализма. Рекомендации ЦФИГ о делении Туркестанской организации иностранных коммунистов на национальные группы фактически вели к дальнейшему разобщению партийных рядов Компартии Туркестана.

Летом и осенью 1919 г. ЦФИГ провела большую работу по перерегистрации коммунистов членов иностранных групп. Перерегистрация осуществлялась в свете решений VIII съезда РКП(б). Она была направлена на очищение иностранных групп от неустойчивых элементов и на дальнейшее улучшение качественного состава партийных рядов коммунистов-иностранцев. Значительным событием в организационно-партийной деятельности ЦФИГ явилось ее участие в проведении партийной недели, объявленной ЦК РКП(б) в ноябре 1919 г. Это было весьма важное мероприятие организационно-партийного характера, проводившееся в условиях серьезной военной опасности, возникшей в связи с наступлением денкинских войск на Москву. В процессе проведения партийной недели ЦФИГ решала задачи не столько количественного увеличения состава иностранных групп РКП(б), сколько их качественного укрепления, усиления политической работы среди коммунистов и беспартийных иностранных трудящихся.

Серьезное значение ЦФИГ придавала решению вопросов военного строительства. Сразу же после начала мятежа чехословацкого корпуса она приступила к разносторонней работе по формированию интернациональных частей Красной Армии. Уже в конце мая — начале июня 1918 г. ЦФИГ создала 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд. 15 июля 1918 г. председатель федерации Б. Кун и секретарь Федерации Х. Пескариу сообщили в ЦК РКП(б) о своем решении: «1) Направить все силы на то, чтобы образовать из надежных, убежденных пролетариев крепкий духом коммунистический интернациональный отряд. Ядром этого отряда служит существующий коммунистический отряд, который следует пополнить. 2) Регистрировать всех членов коммунистических групп в боевую дружину, задача которой есть: в случае надобности пополнить интернациональный коммунистический отряд»³².

Впоследствии из этого отряда направлялись военные подразделения на различные участки фронтов гражданской войны и иностранной военной интервенции: в Александров-Гай, Пермь, Царицын, Воронеж, на Украину. В дальнейшем на базе отряда был образован 1-й Московский интернациональный коммунистический батальон.

ЦФИГ осуществляла руководство формированием интернациональных отрядов в различных местах Советской России. О важности этой организационной работы свидетельствует, в частности, предписание наркома по военным делам оперативному отделу наркомата. В предписании, написанном 18 августа, указывалось, что по всем вопросам организации интернациональных частей следует «сноситься с Федерацией иностранных групп при Российской коммунистической партии в лице тов. Самуэли»³³.

Непосредственное участие в разработке общего плана формирования интернациональных частей Красной Армии принимал и Б. Кун. Планом, в частности, предусматривалось, что формирование интернациональных частей должно было проводиться по действующим в Красной Армии штатам. Состав интернациональных частей объявлялся интернациональным³⁴. Условиями приема являлись принятие советского гражданства, рекомендация комитета иностранных интернационалистов, устный экзамен по вопросам текущего момента, принятие торжественного обещания о преданности Советской власти.

По инициативе ЦФИГ была создана Комиссия по формированию интернациональных групп Рабоче-Крестьянской Красной Армии при ВЦИК. ЦФИГ работала в тесном контакте с комиссией. Во второй половине 1918 г. представители ЦФИГ и комиссии провели большую работу в Арзамасе, Казани, Курске, Нижнем Новгороде, Орле, Пензе, Рязани, Симбирске, Туле, Ярославле среди бывших военнопленных по вовлечению их в интернациональные части Красной Армии.

К октябрю 1918 г. численность интернациональных частей Красной Армии составляла примерно 50 тыс. добровольцев³⁵. Но это были далеко не полные данные. Они не учитывали интернационалистов, сражавшихся в Туркестане, на Урале и в Сибири. С учетом же интернационалистов из числа финских и польских трудящихся и выходцев из сопредельных стран Востока количество интернационалистов в рядах Красной Армии было значительно большим.

Увеличение объема работы и расширение военно-организационной деятельности по формированию интернациональных частей привели в октябре 1918 г. к организации при ЦФИГ Военной секции. Ее деятельность по созданию интернациональных частей была в целом успешной. Однако Всероссийская конференция иностранных коммунистов, состоявшаяся 3—4 марта 1919 г. в Москве, после бурного обсуждения доклада С. Чаптека приняла постановление о прекращении работы по формированию новых интернациональных частей. Такое постановление обусловливалось мощным развитием революционного движения в Центральной Европе и стремлением иностранных коммунистов направить основные кадры интернационалистов на работу в свои страны.

В принципе правильное стремление к содействию революционному движению в странах, откуда происходили зарубежные интернационалисты, не учитывало ряда факторов, в том числе

трудной обстановки в Советской России. Считаясь с желанием огромного количества иностранных интернационалистов с оружием в руках защищать власть Советов, Наркомат по военным и морским делам преобразовал Комиссию по формированию интернациональных групп Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Управление по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР. В связи с этим все органы, занимавшиеся формированием интернациональных частей, упразднились. Управление возглавил чешский коммунист С. Частек³⁶.

Быстро менявшаяся военно-политическая обстановка вносила свои коррективы в военно-организационную работу ЦФИГ. Если к лету 1919 г. центром деятельности ЦФИГ стал Киев, то в связи с подавлением Венгерской Советской Республики, а также наступлением денкинцев ЦФИГ к осени 1919 г. вновь переместилась в Москву. В июле 1919 г., когда ЦФИГ находилась в Киеве, Управление по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР было упразднено, а все дела по созданию интернациональных военных частей временно передавались Ревкому Венгрии — органу венгерских интернационалистов. Ревком Венгрии работал до 25 августа, когда вновь было создано Управление по формированию интернациональной Красной Армии, во главе которого встал венгерский коммунист И. Ковач³⁷.

А через месяц, 26 сентября, ЦФИГ обратилась в Реввоенсовет республики с предложением возложить на нее руководство по созданию интернациональных частей Красной Армии. Реввоенсовет республики согласился с предложением ЦФИГ. Управление было расформировано, а формирование интернациональных частей возложено на Военную комиссию при ЦФИГ. Военная комиссия состояла из представителей-экспертов, выделяемых от каждой иностранной группы РКП(б). Первоочередными задачами Военной комиссии при ЦФИГ являлись реформирование Интернациональной бригады в Казани, подготовка командных и политических кадров для интернациональных частей, учет интернациональных подразделений Красной Армии, находившихся в различных районах Советской России. Комиссия работала в контакте с местными военными комиссариатами и партийными организациями. ЦФИГ в отчете о своей деятельности за 1919 г. писала: «Объединение пролетариев — немцев, венгерцев, чехов, югославян и других — для общей борьбы с оружием в руках против врагов рабочей России — что это такое? Это практический интернационализм, интернационализм на деле»³⁸.

С начала 1920 г., когда количество интернациональных частей так же, как и общее количество иностранных трудящихся и интернационалистов, стало быстро сокращаться в результате их отъезда в свои страны, необходимость в существовании Военной комиссии отпала. Поэтому в мае 1920 г. она была упразднена.

В многогранной организационно-партийной деятельности ЦФИГ существенное место занимали вопросы взаимоотношений с Советами иностранных рабочих и крестьян, возникшими в ряде го-

родов Советской России. Инициатива создания этих Советов принадлежала иностранным группам РКП(б). Образование Советов относится ко времени распада Австро-Венгрии и победы революции в Германии. Советы иностранных рабочих и крестьян создавались вместо ликвидированных в городах Российской Федерации австро-венгерских и германских консульств, миссий и других представительств бывших двух империй. Уже в конце 1918 — начале 1919 г. Советы иностранных рабочих и крестьян действовали в Астрахани, Воронеже, Вятке, Казани, Оренбурге, Перми, Самаре, Симбирске, Твери и других городах. Советы являлись массовыми беспартийными организациями иностранных трудящихся, находившихся в Советской России. Они представляли интересы рабочих и крестьян зарубежных стран, решали вопросы эвакуации на родину бывших военнопленных, заботились об их материальном обеспечении. Наряду с указанными функциями они решали и задачу революционной пропаганды среди иностранцев, «просвещая их и осведомляя о Советской власти, советском строительстве и значении диктатуры пролетариата»³⁹.

ЦФИГ осуществляла организационное руководство деятельностью Советов. С этой целью в Австро-Венгерской и Германской Советы были направлены специальные представители от соответствующих иностранных групп РКП(б). Среди них Н. Рааб от Венгерской группы РКП(б), Н. Грулович от Югославской группы РКП(б), К. Кубичек от Чехословацкой группы РКП(б), И. Пенца от Румынской группы РКП(б). В президиум Германского Совета входили коммунисты Р. Роткегель, Г. Остерлоо; в президиуме Австро-Венгерского Совета работали коммунисты М. Рейзнер, В. Курц и др.⁴⁰

Всероссийская конференция иностранных коммунистов, о которой уже была речь, в основном одобрила деятельность Советов иностранных рабочих и крестьян. Вместе с тем делегаты конференции подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления связи Советов с иностранными группами РКП(б) и в целом с ЦФИГ. Это укрепление связей должно было осуществляться главным образом по линии партийного руководства деятельностью Советов.

В результате продолжавшегося процесса возвращения бывших военнопленных на родину объем работы Советов иностранных трудящихся постепенно сокращался. Так, например, с 5 ноября 1918 по 1 августа 1919 г. при содействии Советов было направлено в соответствующие страны почти 200 тыс. человек⁴¹. Поэтому в сентябре 1919 г. ЦФИГ приняла решение о сокращении как количества Советов, так и сотрудников, работавших в них. Решение ЦФИГ поддержал ЦК РКП(б).

Развивая это предложение, ЦФИГ высказалась за реорганизацию Советов и создание Федерации иностранных Советов. ЦК РКП(б) также признал целесообразным реорганизацию Советов. Все вопросы, связанные с реорганизацией Советов и образованием их Федерации, были обсуждены в октябре 1919 г. на

специальном совещании ЦФИГ. В работе совещания приняли участие секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова, заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов и другие лица. Совещание разработало и приняло основные положения о Федерации иностранных Советов. В одном из этих положений указывалось, что «Реорганизация Советов и изменение их состава происходит под руководством Федерации иностранных групп при РКП(б)»⁴².

Уже в начале ноября 1919 г. Советы иностранных рабочих и крестьян были реорганизованы. В Федерацию Советов вошли существовавшие и вновь созданные Советы: Немецкий, Румынский, Чехословацкий, Венгерский, Югославянский. В организационном отношении Федерация Советов строилась аналогично ЦФИГ. Президиум Федерации решал организационные вопросы по оказанию помощи Центропленбежу, а национальные Советы занимались в основном политико-воспитательной и культурно-массовой работой среди бывших военнопленных, находившихся в Советской России.

Таковы были основные направления организационно-партийной деятельности ЦФИГ. К концу 1919 г. ЦФИГ имела в своем составе девять иностранных групп: Немецкую, Венгерскую, Чехословацкую, Югославянскую, Румынскую, Англо-Американскую, Французскую, Итальянскую, Болгарскую, которые вместе с Туркестанской коммунистической организацией иностранных рабочих и крестьян насчитывали 3336 коммунистов. Наибольшее количество коммунистов состояло в Венгерской группе (724 человека), Чехословацкой (438 человек), Немецкой (400 человек), наименьшее — в Румынской группе (42 человека) и Итальянской (10 человек)⁴³. Следует отметить, что указанные цифры далеко не полны. Они не учитывали иностранных коммунистов, находившихся в рядах Красной Армии, работавших в подполье на оккупированной интервентами и захваченной внутренней контрреволюцией территории. Кроме того, они не охватывали членов польских, финских, китайских и многих других национальных коммунистических организаций, не входивших в состав ЦФИГ.

Состоявшаяся в декабре 1919 г. VIII Всероссийская партийная конференция приняла новый Устав РКП(б). В Уставе указывалось: «Для особых форм партийной работы выделяются специальные отделы (национальные, работы среди женщин, среди молодежи и т. п.). Отделы существуют при комитетах и непосредственно им подчинены. Порядок организации отделов определяется особыми инструкциями, утверждаемыми Центральным Комитетом»⁴⁴. После принятия этого Устава были введены в действие новые формы организационно-партийной работы среди коммунистов, входивших в состав иностранных групп РКП(б) и ЦФИГ.

В особой инструкции ЦК РКП(б), определявшей формы организационно-партийной работы иностранных коммунистов, предусматривались прекращение деятельности ЦФИГ и вхождение

коммунистов-иностранцев в общепартийные организации. Вместе с тем для руководства агитационной и пропагандистской работой среди представителей различных национальностей, проживавших в советских республиках, создавались отделы или бюро пропаганды среди национальных меньшинств. 26 февраля 1920 г. Инструкция о работе среди национальных меньшинств была утверждена ЦК РКП(б). Со времени ее принятия ЦФИГ прекратила свое существование.

Во время существования ЦФИГ идейно-политическое направление ее работы отличалось разнообразием методов и форм. Коммунисты-иностранцы, входившие в ЦФИГ и составлявшие ее группы, равно как и все коммунисты, были активными проводниками в жизнь идей РКП(б) среди иностранных трудящихся, находившихся в Советской России. Труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, документы РКП(б) и Советского правительства постоянно изучались всеми членами иностранных групп РКП(б). ЦФИГ придавала первостепенное значение переводу с русского языка произведений основоположников научного коммунизма, основных партийных и государственных документов и материалов. Только за первые три месяца 1919 г. расходы ЦФИГ на издательское дело составили 333 930 руб.⁴⁵ Все издания ЦФИГ и ее групп расходились по всей стране, доставлялись на оккупированные интервентами территории, распространялись среди солдат и матросов, брошенных империалистами против Советской власти.

На венгерский и немецкий языки был переведен «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, на сербско-хорватский язык — «Наемный труд и капитал» и «Гражданская война во Франции» К. Маркса. Иностранные коммунисты могли читать на своем родном языке переведенные с русского многочисленные труды В. И. Ленина, в том числе «Письма о тактике» и доклад и заключительные выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (на венгерском языке), «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (на сербскохорватском языке), «Очередные задачи Советской власти» (на словенском и болгарском языках) и др.⁴⁶ На всех иностранных языках, которые являлись родными для подавляющей части иностранных трудящихся, находившихся в Советской России, были изданы Программа РКП(б) и Конституция РСФСР. Многие статьи и речи В. И. Ленина, документы ЦК РКП(б) тотчас после их публикации помещались в переводах на соответствующий язык в многочисленных газетах, выпускавшихся группами иностранных коммунистов, армейскими политическими органами и др.

ЦФИГ уделяла серьезное внимание публикации небольших брошюр, авторами которых являлись известные деятели международного рабочего движения и руководители иностранных групп РКП(б). На венгерском и югославянских языках, например, была опубликована брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи»,

на югославянских языках — брошюра К. Цеткин «Борьба за свободу и мир в России». Руководитель Федерации Б. Кун опубликовал брошюры и статьи «Чего хотят коммунисты?», «Кому принадлежит земля?», «Кто платит за войну?», «Что такое Советская власть?» и др.⁴⁷ Даже названия этих работ говорят об их политической направленности, о том, что их автор являлся страстным пропагандистом идей социалистической революции, смелым защитником ее завоеваний.

Много статей руководителей иностранных групп и ЦФИГ публиковали центральные партийные и советские органы печати. Особенно часто выступал на страницах «Правды» Б. Кун. В своих статьях «Рабочий класс и коммунизм», «Германский империализм воздвигает королевские троны» и др.⁴⁸ Б. Кун разоблачал международный империализм, рассказывал о пролетарском интернационализме, разъяснял сущность марксизма, выступал за активную поддержку власти Советов, укрепление молодого государства рабочих и крестьян России. В «Правде» систематически печатались статьи и других руководителей иностранных коммунистов. Среди них статьи А. Муны «К оружию!», С. Джорова «Положение в Болгарии», И. Милкича «Дипломатические интриги на Балканах»⁴⁹.

Большую роль в идейно-политической работе ЦФИГ играла периодическая печать иностранных коммунистов. Каждая из иностранных групп РКП(б) сравнительно систематически издавала свою газету. Не было печатного органа только у Итальянской группы РКП(б), что объясняется незначительным количеством итальянских трудящихся, находившихся в Советской России. На местах сосредоточения бывших военнопленных и в городах, где действовали организации коммунистов-иностранцев, как правило, издавались газеты зарубежных интернационалистов. Так, в Царицыне издавался «Интернационалист» на венгерском и немецком языках; в Казани — «Коммунист» на венгерском и немецком языках; в Минске — «Польска правда» на польском; в Одессе — «Лупта» на румынском языке, в Петрограде — «Справа роботнича» на польском языке, «Вапаус» на финском языке; в Москве — «Колл» на английском языке, «Трыбуна» — на польском, «Фоайа цэранулуй» — на румынском и т. д.

Тираж брошюр и газет, издаваемых зарубежными интернационалистами, по тем временам был довольно значительным. Например, по данным отчета ЦФИГ, только в 1919 г. центральными органами и группами иностранных коммунистов были изданы 142 номера газет и 71 брошюра общим количеством в 712 тыс. экземпляров⁵⁰. Наряду с публикацией брошюр и изданием газет ЦФИГ выпускала огромное количество листовок и воззваний, посвященных конкретному событию или призыву, порожденным той или иной обстановкой, условиями военного положения, обстоятельствами времени, места и действий интернационалистов. Только в 1918 г. лишь Немецкая, Чехословацкая, Югославянская

и Румынская группы издали и распространили свыше 1,5 млн экземпляров листовок и воззваний⁵¹.

Печать зарубежных коммунистов и интернационалистов освещала главным образом внутреннюю партийную жизнь иностранных групп РКП(б), их организационную и политическую работу; на ее страницах публиковались материалы о положении интернационалистов, бывших военнопленных и иностранных трудящихся, находившихся в различных местах Советского государства, об их интересах, настроениях и т. д. Большое место занимали вопросы войны, мира и революции.

В печатных органах иностранных коммунистов широко освещались мероприятия Советской власти, направленные на построение нового общественного и государственного строя в республике рабочих и крестьян. В частности, имея в виду, что значительную часть военнопленных составляли крестьяне, ЦФИГ ориентировала издательские органы иностранных коммунистов на подробное освещение аграрной политики большевистской партии.

Когда развернулась иностранная военная интервенция, то одними из главных задач агитационно-пропагандистской работы печатных органов ЦФИГ стали разоблачение планов и действий интервентов, мобилизация сил иностранных трудящихся на защиту Советской власти. Печать разъясняла коренное отличие Красной Армии от армий империалистических государств. Печать иностранных коммунистов сыграла немалую роль в формировании интернациональных частей Красной Армии. Газеты систематически разъясняли их задачи, призывали иностранных трудящихся вступать в ряды интернациональных формирований, сообщали об их боевых действиях, подвигах интернационалистов на фронтах гражданской войны и иностранной военной интервенции. Обращаясь к иностранным трудящимся, находившимся в Советской России, ЦФИГ писала: «Чтобы осуществилась ваша мечта — победа пролетариата в ваших странах, нужно здесь, на земле Российской Советской Республики, не дать контрреволюции одержать хотя бы самый маленький успех»⁵².

Газеты иностранных групп РКП(б) призывали иностранных трудящихся как к защите Советской страны, так и к активному участию в восстановлении ее народного хозяйства. Корреспонденции газет регулярно освещали экономическое положение Советского государства, рассказывали о коммунистических субботниках советских рабочих, призывали иностранных трудящихся принимать участие в их проведении.

Активную роль печать играла в пропаганде и разъяснении сущности пролетарского интернационализма. Красной нитью всех публикаций о пролетарском интернационализме проводилась неизменная линия: подчеркивая роль Советского государства как оплота социального и национального освобождения народов других стран, иностранные коммунисты связывали свои ближайшие задачи — участие в борьбе с врагами революции — с задачами социального и национального освобождения своих народов.

В газетах и листовках зарубежных интернационалистов разоблачалось предательство лидеров международной социал-демократии, реакционных профсоюзов, активно поддерживалась деятельность левых социалистических групп и молодых коммунистических партий, разъяснялось, какую роль в развитии международного рабочего и коммунистического движения должны были сыграть возвращавшиеся из Советской России бывшие военнопленные.

Исключительно важным направлением разъяснительной работы печати зарубежных интернационалистов были обращения к той части военнопленных, которая, позволив обмануть себя, оказалась в стане врагов социалистической революции и использовалась империалистами и контрреволюционерами в борьбе против Советской власти. Особенно активно эта работа развернулась в связи с антисоветским мятежом чехословацкого корпуса, начавшимся 25 мая 1918 г., и походами империалистов на Страну Советов.

Сразу же после начала мятежа проходивший 25—27 мая 1918 г. учредительный съезд Чехословацкой группы РКП(б) принял декларацию, в которой заявлялось: «Мы, чешско-словацкие рабочие, вместе с пролетариатом всех народов Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Югославии, которых война выгнала из пределов родных стран, стоим на вашей стороне в тяжелой борьбе за освобождение человечества от бедствий империализма, и мы являемся гарантией самых бурных и искренних чувств пролетариата Западной Европы»⁵³.

Большое количество листовок, обращений и газет по указанию ЦФИГ распространялось среди солдат чехословацкого корпуса в течение всего периода их враждебных действий против Советской власти. Большая политическая работа велась в английских, французских, американских, японских, румынских и других интервенционных войсках.

Таковы были основные направления агитационно-пропагандистской и политико-разъяснительной деятельности ЦФИГ, осуществлявшейся на страницах брошюр, газет, воззваний, листовок и других изданий интернационалистской печати. Работа печатных органов иностранных коммунистов была систематической, целеустремленной, многогранной и объемной. По подсчетам, сделанным на основе изучения и просмотра советской исторической литературы, посвященной истории борьбы зарубежных интернационалистов за власть Советов в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, документальных сборников и публикаций в различных журналах, каталогов центральных и местных библиотек на языках зарубежных интернационалистов выходило 193 наименования газет и журналов центрального и местного значения. Среди них на английском языке — 1, на болгарском — 1, венгерском — 38, немецком — 31, польском — 42, финском — 10, чешском и словацком — 13.

Внимательно следила ЦФИГ за регулярным изданием и своевременной доставкой газет, журналов, брошюр, листовок на места формирования интернациональных частей, нахождения

больших групп — бывших военнопленных и других иностранных трудящихся, в районы боевых действий интернационалистов на фронтах гражданской войны.

ЦФИГ неоднократно обращалась за помощью в ЦК РКП(б) и местные партийные органы по различным вопросам издательской деятельности. Разумеется, вся возможная помощь оказывалась как по линии материального обеспечения, так и в целях совершенствования содержания агитационно-пропагандистской деятельности на страницах печати. Несмотря на тяжелые условия гражданской войны и иностранной военной интервенции, Федерации были предоставлены помещения, типографии, шрифты, бумага. ЦК РКП(б) систематически интересовался планами изданий, тиражами газет, оказывал помощь в издательской деятельности, в улучшении содержания газет и журналов в аспекте политической заостренности вопросов пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся против империализма, за победу социалистической революции. Секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова неоднократно принимала участие в заседаниях ЦФИГ, посвященных издательской деятельности, в работе иностранных групп РКП(б) по вопросам печати. В своих выступлениях и рекомендациях она напоминала иностранным коммунистам о целесообразном использовании опыта большевистской печати, установления тесных контактов с газетой «Правда»⁵⁴.

В органическом сочетании с издательской деятельностью ЦФИГ проводила широкую работу и в других формах политического просвещения. Одной из них стала организация целой сети различных агитационных и пропагандистских курсов, школ, лекториев и т. д. Их программы, как правило, были рассчитаны на короткие сроки — от двух недель до двух-трех месяцев — и предусматривали изучение основных положений марксизма-ленинизма, стратегии и тактики РКП(б), социально-экономического и политического положения Советской власти.

Так, программа двухмесячных курсов агитаторов чехословацких коммунистов предусматривала изучение следующих тем.

1. Экономическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса.
2. Политические партии и их программы до и после войны.
3. Коммунистическая программа и диктатура пролетариата.
4. Современный империализм.
5. Вопросы текущей политики.
6. Организация советского строительства.
7. II и III Интернационалы⁵⁵.

Наряду с лекционными занятиями планировалось проведение семинаров по конкретным вопросам.

Югославянские коммунисты в своей агитаторской школе изучали такие темы, как «Устав», «I, II и III Интернационалы», «Программа коммунистов», «Социализм», «Капитализм», «Борьба классов», «Империализм», «Буржуазия», «Религия», «Национализм», «Международное положение», «Социальное обеспечение», «Старая и новая армия»⁵⁶.

Агитаторы и пропагандисты после окончания школ и курсов, как правило, направлялись в интернациональные части, в районы боевых действий интернационалистов, в различные города Советской России, где находились бывшие военнопленные и иностранные трудящиеся.

Результаты деятельности курсов и школ были значительны. Так, в своем отчете Центральному Комитету РКП(б) за 1919 г. ЦФИГ указывала, что партийные курсы, действовавшие при Венгерской, Чешской и Югославянской группах, окончили 205 слушателей.

Помимо выпускников курсов и школ, для проведения агитационно-пропагандистской работы в отдельные районы Советской России ЦФИГ направляла специальные группы сотрудников. Так, например, в освобожденную от колчаковских войск Сибирь были направлены три группы пропагандистов, в Туркестан — одна⁵⁷. Суммы расходов ЦФИГ для ведения агитационно-пропагандистской работы были значительны. Только с сентября по декабрь 1919 г. они составили 348 302 руб.⁵⁸

В политическом просвещении иностранных трудящихся значительную роль играли организованные представителями ЦФИГ интернациональные митинги и собрания. В них принимали участие руководители и видные деятели ЦФИГ: Б. Кун, Г. Михайлов (Добрев), В. Маркович и др. На митингах выступали такие известные деятели большевистской партии и Советского государства, как М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский и др.⁵⁹

ЦФИГ использовала все возможные и наиболее доступные широким массам иностранных трудящихся формы и методы политического просвещения и интернационального воспитания. Среди них были и интернациональные клубы, в которых проводились вечера, театральные постановки; различные культурно-массовые и просветительские учреждения, в которых, в частности, преподавался русский язык иностранным слушателям; концерты-митинги, собиравшие большое количество участников. К примеру, 16 октября 1919 г. один из таких концертов-митингов был организован в Челябинске. Представитель ЦФИГ чешский коммунист Букач сообщал в ЦФИГ, что в концерте-митинге участвовало свыше 300 интернационалистов⁶⁰.

Идейно-политическая деятельность ЦФИГ проходила в сложных условиях борьбы с открытым и скрытым сопротивлением реакционно настроенных военнопленных — бывших офицеров германской и австро-венгерской армий, контрреволюционными кругами польских выходцев разного рода, агентурой интервентов, белогвардейцев, всяких националистов, церковников. Антисоветская и националистическая агитация и пропаганда, угрозы и провокации также давали определенные результаты: часть бывших военнопленных, беженцев и др. принимала участие в вооруженной борьбе против Советской власти, весьма значительная часть пассивно наблюдала сложные процессы классовой борьбы, прохо-

дившей в Стране Советов. Следует отметить, что, как и в любом большом и сложном, к тому же впервые проводимом деле, в партийно-политической и общественно-воспитательной работе ЦФИГ имели место ошибки, известные недоработки, поспешность в решении ряда конкретных вопросов.

Так, отрицательное отношение ЦФИГ к проведению осенью 1918 г. Всероссийского съезда бывших военнопленных вело к тому, что «Федерация ослабила связи коммунистического авангарда с широкими массами иностранных трудящихся»⁶¹. Далее ошибочным было решение ЦФИГ о ликвидации в сентябре 1918 г. революционных организаций иностранных рабочих и крестьян. В самом деле, несмотря на отъезд на родину после заключения Брестского мира большого количества иностранцев; в Советской России к концу 1918 г. продолжало еще оставаться почти 65% бывших военнопленных от их общего количества к началу Октябрьской революции⁶². Тем самым наносился ущерб в организации и проведении агитационно-пропагандистской и политико-разъяснительной работы среди бывших военнопленных.

В целом же деятельность ЦФИГ заслуживает высокой оценки. К ней с полным основанием можно отнести замечательные слова В. И. Ленина: «От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания... На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир»⁶³.

Политическое воспитание интернациональных частей Красной Армии, революционная пропаганда и агитация среди бывших военнопленных и иностранных трудящихся, находившихся на территории Советской России, являлись главными направлениями идейно-политической деятельности ЦФИГ. Но не менее важной по своей значимости и результативности являлась агитационно-пропагандистская и подпольная деятельность представителей ЦФИГ среди оккупационных войск Англии, США, Франции и других империалистических стран.

Еще 30 августа 1918 г. «Правда» опубликовала обращение, в котором указывалось, что «долг каждого честного социалиста собрать все революционные силы для того, чтобы открыть глаза здесь живущим английским и французским гражданам на ложь и клевету, распространяемую провокаторами и шпионами, а также защитниками капиталистического строя; меньший долг — известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч...».

Осенью 1918 г. организационно было оформлено создание Французской и Англо-Американской групп РКП(б), которые вошли в состав ЦФИГ.

Уже на своем заседании 4 сентября 1918 г. члены Французской группы приняли решение об издании еженедельной газеты «Социалистическая революция». Своей целью газета ставила осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о русской революции, агитацию на фронте среди французских солдат интервенционистских войск, организацию находившихся в Советской России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев⁶⁴. Вскоре газете было дано название «Третий Интернационал», под которым вышло до марта 1919 г. 16 номеров. На страницах газеты французские коммунисты призывали своих соотечественников к выполнению интернационального долга, публиковали обращения к французским солдатам, обманутым своим командованием, разоблачали преступные замыслы интервентов и российской контрреволюции.

В. И. Ленин высоко ценил публикации в газете «Третий Интернационал». Так, выступая на Всероссийском Чрезвычайном VI съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ноябрь 1918 г.), В. И. Ленин отметил большое значение газеты французских коммунистов в деле разоблачения целей и задач интервенции⁶⁵. Газета систематически публиковала выступления и статьи В. И. Ленина, широко освещала мероприятия Советской власти, борьбу Красной Армии против внешней и внутренней контрреволюции.

Одной из видных деятельниц Французской группы РКП(б) была Жанна Ляурб. Она и еще четыре представителя ЦФИГ в феврале 1919 г. пробрались в оккупированную интервентами Одессу, где приняли деятельное участие в работе Коллегии иностранной пропаганды при Одесском подпольном областном комитете КП(б) Украины. Коллегия вошла в историю под названием Иностранной коллегии в Одессе⁶⁶.

В Иностранной коллегии действовали несколько групп: Французская, Польская, Румынская, Греческая, Английская; в ней работали и болгарские коммунисты. Коллегия была связана и с Константинопольской группой — революционной организацией, состоявшей из греков, болгар, итальянцев и представителей других национальностей, действовавших среди экипажей военных кораблей интервентов, направившихся в Черное море. Наиболее активной в одесском подполье являлась Французская группа. Ее усилия, как и усилия всей Иностранной коллегии, были направлены на революционную пропаганду среди оккупировавших Одессу французских и других интервенционистских войск. Коллегия издавала газеты на французском языке, а также листовки на греческом, румынском, итальянском языках.

Через несколько месяцев, в декабре 1919 г., В. И. Ленин с трибуны VII Всероссийского съезда Советов заявил: «Мы знаем, что имя французенки, тов. Жанны Ляурб, которая поехала ра-

ботать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма, — все объединились для выступления против международного империализма»⁶⁷.

Среди английских и американских оккупационных войск, находившихся в Мурманске, Архангельске и других районах Севера, пропагандистскую работу проводила Англо-Американская группа ЦФИГ. Одной из форм пропаганды стало распространение в войсках газеты «Колл» («Призыв»), на страницах которой разоблачалась клевета буржуазной пропаганды на Советскую власть и большевистскую партию, разъяснялись реакционные и грабительские цели английских и американских интервентов.

Действенность агитационно-пропагандистской работы Англо-Американской группы РКП(б) была весьма ощутимой. Она внесла свой вклад в разложение английских и американских интервенционистских войск, оккупировавших различные районы Советского государства. Уже к марту 1919 г. участились случаи организованного отказа американских и английских солдат сражаться против Страны Советов. Весной 1919 г., например, отказалась выйти на передовые позиции в районе Архангельска рота американских солдат, в районе Мурманска — рота английских солдат. А во Владивостоке началось братание американских матросов и русских портовых рабочих. Несколько позднее, летом 1919 г., вспыхнуло восстание на английских военных кораблях, дислоцировавшихся в акватории у Баку. Даже военный министр Англии У. Черчилль оказался вынужденным заявить в палате общин английского парламента: «Было бы чрезвычайно неосторожно и неумно привлекать к интервенции в России насильно мобилизованных солдат»⁶⁸.

В ЦФИГ при ЦК РКП(б) не входили коммунистические польские, финские, китайские, корейские и некоторые другие организации зарубежных коммунистов, находившихся в Стране Советов. Но все они поддерживали тесные контакты с ЦФИГ. Работой среди них руководили специальные органы, созданные при ЦК РКП(б): Польское бюро при ЦК РКП(б), Финское бюро при ЦК РКП(б), Центральное организационное бюро китайских коммунистов, Центральный комитет корейских коммунистических организаций. Среди выходцев из стран Востока работу проводило Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б).

По основным вопросам организационно-партийной, пропагандистской и агитационно-массовой работы, создания интернациональных частей многогранная деятельность указанных руководящих органов иностранных коммунистов практически не отличалась от работы ЦФИГ. Более того, отдельные коммунисты перечисленных выше национальностей принимали активное участие в деятельности ЦФИГ. Так, китайский коммунист, командир ки-

тайских интернациональных формирований Сан Фуян был тесно связан с ЦФИГ, начальником 5-го отделения Управления по формированию интернациональных частей был корейский коммунист Лен Кун⁶⁹. Тем не менее существовала и специфика работы коммунистических организаций поляков, финнов, а также китайцев, корейцев, выходцев из других стран Востока.

В условиях сложных процессов классовой борьбы среди польского населения, находившегося в Советской России, развития революционного движения в поддержку власти Советов огромное значение приобретала организационная и агитационно-пропагандистская работы польских интернационалистов. В этой связи важную роль в решении идейно-политических и организационных вопросов сыграло слияние групп СДКПиЛ с секциями ППС-левицы в единые организации Коммунистической рабочей партии Польши в России (КРПП).

Организации КРПП в Советской России сохранили, как указывалось в соответствующей главе, свои организационные связи с РКП(б): группы польских коммунистов, находившиеся в Советской России, продолжали оставаться составной частью как РКП(б), так и КРПП. Состоявшаяся осенью 1919 г. конференция польских коммунистов приняла решение об обязательном вхождении организаций КРПП в состав РКП(б). В связи с этим и было создано Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). В составе РКП(б) работали 8 областных, 37 губернских и 36 уездных польских бюро⁷⁰.

Большая специфика была свойственна работе финских коммунистов и интернационалистов, различными судьбами оказавшихся на территории Советской России. В результате активной деятельности финских интернационалистов, их широкой агитационно-пропагандистской, всесторонней организационной и политической работы в августе 1918 г. состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Финляндии. Делегаты съезда написали В. И. Ленину письмо, в котором, в частности, говорилось: «Можете сказать русским товарищам за нас: финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, когда крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унижением оставаться в тылу, когда пролетариат всех стран завоевывает мир»⁷¹. В избранный съездом Центральный Комитет партии вошли О. В. Куусинен, Ю. Сирола, И. Рахья, Л. Летонмяки, К. Эвя. Несколько позднее в состав ЦК КПФ были кооптированы К. Маннер, Э. Рахья и М. Сирола⁷².

На территории Советской России финские коммунисты были объединены в коммунистические клубы, которые не входили в состав РКП(б) и по существу не имели постоянных организационных связей с большевистскими организациями. Летом 1919 г. клубы были упразднены, вместо них созданы финские коллективы коммунистов. По просьбе финских коммунистов коллективы вошли в состав РКП(б). На основе письма ЦК КПФ от 16 ок-

тября 1919 г., в котором излагалось решение II съезда КПФ о работе среди финского населения, находившегося в Советской России, 10 декабря 1919 г. ЦК РКП(б) создал Бюро финских организаций РКП(б) с местонахождением в Петрограде⁷³.

Весьма существенной была специфика деятельности китайских и корейских революционных и коммунистических организаций, находившихся в Советской России. Недостаточный уровень развития классового самосознания, неграмотность и забитость значительной части китайских и корейских трудящихся, проживавших в Советской России, их разбросанность небольшими группами по многим районам Советского государства создавали серьезные трудности в организационной и политической деятельности китайских и корейских коммунистов. Этой деятельности большую помощь оказывала ЦФФИГ.

Подготовительная работа китайских коммунистов и интернационалистов с помощью РКП(б) привела к возникновению первых революционных организаций китайских рабочих, находившихся в Советской России. В течение почти всего 1918 г. китайские интернационалисты вели работу по созданию единой организации китайских трудящихся. В результате в декабре 1918 г. в Петрограде появился Союз китайских рабочих в России как массовая организация для решения задач совместной революционной борьбы с рабочим классом России против контрреволюции и иностранной военной интервенции. Отделения Союза находились в Москве, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, на Украине, в Средней Азии и во многих других городах и районах Советского государства. В организациях Союза были созданы коммунистические ячейки, которые входили в местные партийные организации РКП(б)⁷⁴.

В деятельности корейских революционных и коммунистических организаций было много общего с китайскими организациями. Но имелись и специфические особенности. Так, например, еще в апреле 1918 г. по инициативе Дальневосточного Совнаркома была созвана конференция корейских революционеров. На конференции присутствовали представители различных национально-революционных организаций. Делегаты левого течения конференции создали Союз корейских социалистов, который впоследствии был преобразован в Корейскую социалистическую партию. Корейские социалистические организации не входили в состав РКП(б), но поддерживали в своей деятельности тесный контакт с большевиками и коммунистами иностранных групп РКП(б)⁷⁵.

Наряду с корейскими социалистическими организациями в Советской России активно действовали корейские коммунистические организации, входившие в состав РКП(б). Летом 1920 г. совещание представителей корейских коммунистических организаций избрало Центральный Комитет корейских коммунистических организаций (ЦК ККО)⁷⁶.

Что же касается рабочих — выходцев из других стран Востока и Азии, то следует отметить, что специальных руководящих партийных органов для работы среди них не было. Это объясняется главным образом немногочисленностью партийных организаций из числа коммунистов данных стран. Еще летом 1918 г. в Москве была создана организация турецких коммунистов, признанным руководителем которой был М. Субхи. Турецкие коммунисты работали в контакте с ЦФИГ.

Часть рабочих отходников и выходцев из Ирана вступила в ячейки иранской социал-демократической организации «Адалят», действовавшей в Закавказье и Туркестане.

Немногочисленным коммунистическим организациям передовых представителей трудящихся стран Востока помогало созданное в ноябре 1918 г. в Москве Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП(б).

Таким образом, создание и деятельность ЦФИГ и других руководящих органов иностранных коммунистов, находившихся в Советской России, по осуществлению принципов пролетарского интернационализма показывают, что формы и методы партийного руководства интернациональным сплочением зарубежных интернационалистов выработывались и изменялись в зависимости от конкретной обстановки революционной борьбы, общих задач, встававших перед большевистской партией и ее иностранными группами, от условий боевых действий против империалистической военной интервенции и внутренней контрреволюции. Сила ЦФИГ и других руководящих органов иностранных коммунистов заключалась прежде всего в верности идеалам пролетарского интернационализма, в единении и содружестве с народами Советского государства, в международной солидарности трудящихся всего мира. Активная деятельность ЦФИГ и других руководящих органов иностранных коммунистов в борьбе за осуществление принципов пролетарского интернационализма стала возможной, многогранной, полезной, необходимой потому, что РКП(б) являлась партией пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 372.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

³ О Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) см. также: *Медведев Б. Б.* Федерация иностранных групп РКП(б) // *Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов.* М., 1967. С. 176—228.

⁴ См.: *Восьмой съезд РКП(б): Протоколы.* М., 1959. С. 500.

⁵ См.: *Свердлова К. Т.* Яков Ми-

хайлович Свердлов. М., 1985. С. 430—431.

⁶ Ист. арх. 1957. № 4. С. 29.

⁷ *Восьмой съезд РКП(б): Протоколы.* С. 500.

⁸ См.: *Ист. арх.* 1957. № 4. С. 30.

⁹ См.: *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. С. 430—431.

¹⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 44. Л. 1.

¹¹ См.: *Правда.* 1917. 20(7) нояб.; *Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника.* М., 1974. Т. 5. С. 35.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 32.

- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 148.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 232.
- ¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 694; Т. 38. С. 558; Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 67, 253—255, 267—268; Септември. С., 1957. № 10. С. 11, и др.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 148.
- ¹⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 7. Л. 15.
- ¹⁸ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 31.
- ¹⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3. Л. 1.
- ²⁰ См.: Медведев Б. Б. Федерация... С. 184—185.
- ²¹ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 29.
- ²² См.: Медведев Б. Б. Федерация... С. 184.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 170.
- ²⁴ Цит. по кн.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3, кн. 2. С. 216.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 185.
- ²⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2. С. 221; Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 53.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 510.
- ²⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2. С. 227.
- ²⁹ См.: Первый конгресс Коминтерна, Март 1919. М., 1933.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 303.
- ³¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2. Л. 12.
- ³² Там же. Д. 8. Л. 1; Ист. арх. № 4. 1957. С. 14. В монографии «Интернационалисты» на с. 209 письмо ошибочно датировано 15 июня.
- ³³ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922): Документы и материалы. М., 1957. С. 109.
- ³⁴ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 28—29.
- ³⁵ См.: Известия Центральной кол-
легии о планах и беженцах. 1918. № 20. С. 8.
- ³⁶ См.: Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов. М., 1960. С. 35.
- ³⁷ См.: Интернационалисты. С. 578—579.
- ³⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2. Л. 7.
- ³⁹ Там же. Л. 16.
- ⁴⁰ См.: Интернационалисты. С. 218—219.
- ⁴¹ Там же. С. 213.
- ⁴² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1. Л. 51.
- ⁴³ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 30.
- ⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 202.
- ⁴⁵ Ист. арх. 1957. № 4. С. 31.
- ⁴⁶ См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 502; Ист. арх. 1958. № 4. С. 21—27, 30—31.
- ⁴⁷ См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 502—503.
- ⁴⁸ См.: Правда, 1918. 28 марта; 9, 11, 15, 19, 24 мая; 24 июля и др.
- ⁴⁹ См.: Там же. 14 авг.; 1919. 10 сент.; 1920. 15 февр. и др.
- ⁵⁰ Ист. арх. 1957. № 4. С. 31.
- ⁵¹ См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 501—504.
- ⁵² Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 136.
- ⁵³ Ист. арх. 1957. № 4. С. 6.
- ⁵⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 18. Д. 29. Л. 106.
- ⁵⁵ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 26.
- ⁵⁶ См.: Там же. С. 23.
- ⁵⁷ См.: Там же. С. 31.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ См., например: Правда, 1918. 3 мая, 6 июня, 20 дек.; Известия ВЦИК. 1918. 9 нояб.; Красный арх. 1935. № 1(86). С. 114—115.
- ⁶⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 81. Л. 90.
- ⁶¹ Интернационалисты. С. 192.
- ⁶² ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 155. Л. 4.
- ⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 60—61.
- ⁶⁴ См.: Ист. арх. 1957. № 4. С. 19.
- ⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 165—166.
- ⁶⁶ См., например: Коновалов В. Г. Герои Одесского подполья. М., 1960; Зак Л. М. Они представляли народ Франции: К истории французских интернациона-

- листов, 1918—1920 гг. М., 1977; и др.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 390—391.
- ⁶⁸ Цит. по кн.: Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части Красной Армии... С. 125.
- ⁶⁹ См.: Правда. 1918. 9 мая; ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 412. Л. 21.
- ⁷⁰ См.: Манусевич А. Я. Польские интернационалисты // Интернационалисты. С. 280.
- ⁷¹ Финляндская революция. М., 1920. С. 31.
- ⁷² См.: Коронен М. М. Финские интернационалисты в 1917—1921 гг. // Интернационалисты. С. 494.
- ⁷³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 50. Л. 54.
- ⁷⁴ См.: Стручков А. А., Устинов В. М. Яркое проявление пролетарского интернационализма // Сов. китаеведение. 1958. № 4. С. 19—26.
- ⁷⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 263. Д. 86. Л. 3; Цыпкин С. А. Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на Советском Дальнем Востоке // Вопр. истории. 1957. № 11. С. 178.
- ⁷⁶ См.: Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части Красной Армии... С. 82; Цыпкин С. А. Участие корейских трудящихся... С. 180.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великий Октябрь стал поворотным событием в развитии человечества. Определив главное направление и основные тенденции общественного прогресса в современную эпоху, он положил начало всемирно-историческому процессу замены эксплуататорского капиталистического строя коммунистической общественной формацией. «Российская революция,— подчеркивал В. И. Ленин,— указала всему миру пути к социализму и показала буржуазии, что близится конец ее торжества»¹.

Октябрьская революция — грандиозный патриотический и интернациональный подвиг рабочего класса, всего трудового народа России, вдохновленного, организованного, руководимого большевистской партией,— вызвала мощную волну симпатий, широкое движение солидарности международного пролетариата, трудящихся, всех прогрессивных людей мира. Уже с первых актов Советской власти, с тотчас же начатой ею борьбы за мир, дружбу, сотрудничество народов, против эксплуатации, угнетения, национальных гнета и розни, против внутренних врагов и нашествия империалистов трудящиеся всех стран стали все глубже осознавать, что само рождение и утверждение Страны Советов является непреходящим по своему значению завоеванием тех, кто боролся против всякого гнета и эксплуатации на всем земном шаре.

В разворачивавшемся движении интернациональной солидарности с российской социалистической революцией особое место заняла борьба иностранных рабочих и крестьян, по разным причинам заброшенных ходом событий на территорию России и вставших вслед за российскими трудящимися в ряды защитников дела Великого Октября.

Участие зарубежных интернационалистов в борьбе за Советскую власть в России явилось ярчайшим воплощением в жизнь идей пролетарского интернационализма. По зову сердца, ведомые коммунистами, проникнутые высоким сознанием интернационального пролетарского долга тысячи, десятки тысяч иностранных рабочих, крестьян, солдат самых различных национальностей приняли участие в тылу и на фронтах в утверждении Республики Советов — республики поднявшегося к власти пролетариата, стремящегося к миру и дружбе между народами, к социальной справедливости, к социализму. Борьба зарубежных интернационалистов за идеалы социалистической революции в России явилась одной из наиболее действенных форм международной пролетарской солидарности с Октябрьской революцией. Иностранные

революционеры взяли в руки оружие, проливали кровь в сражениях периода гражданской войны и империалистической вооруженной интервенции, чтобы помочь российским рабочим и крестьянам отстоять социалистические завоевания, открывавшие новую эпоху всемирной истории. Их интернациональный и революционный подвиг был в то же время и глубоко патриотичен, так как содействовал утверждению того пути, по которому ходом истории раньше или позже призваны пойти все народы всей Земли.

Исторические судьбы сложились так, что большую часть иностранных интернационалистов — защитников дела Октября на российской территории в 1917—1920 гг. составили рабочие и крестьяне из стран и земель Центральной и Юго-Восточной Европы. Это определили близость исторических судеб, географическая близость стран региона, давние экономические, политические и культурные связи, не в последнюю очередь — сходство социально-экономических условий этих стран с условиями дореволюционной России, традиции совместной борьбы против угнетателей. Именно в среде выходцев из этих стран одними из первых возникли находившиеся под идейным влиянием большевистской партии организации интернационалистов — также организации, развитие которых привело к образованию иностранных коммунистических групп Российской коммунистической партии (большевиков).

Интернациональные формирования Красной Армии, в ряды которых добровольно вступили многие польские, венгерские, чешские, словацкие, румынские, югославянские, болгарские и другие иностранные интернационалисты, сражались против сил контрреволюции в Центральной России и в Поволжье, на Украине и в горах Кавказа, в пустынях Средней Азии, в сибирской тайге, у берегов Тихого океана. Немало зарубежных интернационалистов отдало свои жизни в этой беззаветной борьбе вместе с российскими братьями по классу за власть Советов в России, за освобождение от эксплуатации трудового народа всех стран, за уничтожение всякого неравноправия и угнетения, за идеалы социализма.

Морально-политическое значение интернациональной поддержки представителями зарубежного пролетариата борьбы за власть Советов в России намного превосходило их чисто военный вклад в борьбу против объединенных сил зарубежных империалистов и внутренней контрреволюции. Участие иностранных рабочих и крестьян в едином строю с трудящимися Страны Советов в борьбе за идеалы нового, свободного мира было одним из важных источников негасимой веры рабочего класса России в интернациональную солидарность с ним пролетариев всех стран.

Борьба иностранных революционеров плечом к плечу с трудящимися Советской Республики за идеалы Октября стала для интернационалистов — рабочих и крестьян из зарубежных

стран — замечательной школой революционного воспитания, школой пролетарского интернационализма. Возвращаясь к себе на родину, интернационалисты несли идеи Октябрьской революции, интернационального братства трудящихся, идеи социализма. Поэтому одним из самых важных последствий деятельности зарубежных революционеров в Стране Советов была не только поддержка российских трудящихся в их борьбе за дело социализма, но и распространение идей великой российской революции за рубежом. «Русская революция бросила искры во все страны мира», — отметил В. И. Ленин, выступая 9 августа 1918 г. на митинге в Сокольническом районе Москвы².

Идеи установления власти трудового народа, ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянству, ликвидации социальных и национальных привилегий, национализации промышленности, средств транспорта, банков, предоставления всем нациям права на самоопределение, на самостоятельное государственно-национальное строительство, стремление к борьбе за достижение справедливого, прочного демократического мира приносили в свои страны зарубежные рабочие и крестьяне, получившие революционный опыт в огне российской революции.

В ходе борьбы за власть Советов в России зарубежные интернационалисты прошли большую школу политического воспитания, получили революционную закалку и опыт. «Если интернационалисты, участники гражданской войны, участники Октябрьской революции, — подчеркивал Бела Кун, — имеют кое-какие заслуги в завоеваниях пролетарской революции, то они значительно более должны быть благодарны этой пролетарской революции, потому что здесь открылись их глаза, здесь учились они большевизму...»³

Передовая часть зарубежных трудящихся — участников Октября, сумевшая в той или иной степени овладеть главными положениями ленинизма и опыта большевистской партии, — коммунисты, вернувшись из Страны Советов к себе на родину, стали одной из тех сил в отечественном пролетарском движении, которая активно способствовала идеологическому развитию и организационному формированию авангарда рабочего класса своих стран — коммунистических партий.

Возникновение этих партий было результатом всей предшествующей истории рабочего движения, выражением объективной потребности пролетариата в организованном революционном авангарде. Вместе с тем их рождение было обусловлено могучим влиянием ленинизма, сконцентрировавшего в себе весь опыт борьбы международного пролетариата и национально-освободительных движений.

Тысячи интернационалистов — участников Октября — стали после возвращения в свои страны деятелями революционного крыла рабочего движения, играли ведущую роль в освободительной борьбе своих народов против фашизма накануне и во время второй мировой войны.

В передовых рядах интернационалистов боролись за счастье трудового народа такие деятели международного и отечественного коммунистического движения, как Бела Кун, принимавший в течение многих лет активное участие в руководстве КПВ и входивший в президиум Исполкома Коммунистического Интернационала, Юлиан Лещиньский (Ленский) — с конца 20-х годов Генеральный секретарь ЦК КПП, член президиума Исполкома Коминтерна, Эдвард Прухняк — видный руководитель КПП, член президиума Исполкома Коминтерна, Иосип Броз Тито, возглавлявший с 1937 г. КПЮ, руководивший в годы второй мировой войны героической борьбой народов Югославии против фашистских оккупантов, а после освобождения Югославии от гитлеровцев и их ставленников занимавший высшие государственные посты в стране, Ченек Грушка — в 20—30-е годы член Политбюро ЦК КПЧ, представитель КПЧ в ИККИ, сражавшийся в годы борьбы против фашизма в рядах чехословацких воинских частей, созданных в Советском Союзе, а после освобождения Чехословакии член ЦК КПЧ, генерал Народной армии, заместитель министра национальной обороны ЧССР, Михай Бузор — член президиума Великого Национального собрания РНР, деятельно участвовавший в созидании основ социализма в Румынии, Георгий Михайлов (Добрев) — участник антифашистского восстания в Болгарии в 1923 г., затем работник аппарата ИККИ, а после победы в стране социалистической революции депутат Народного собрания, Герой социалистического труда НРБ. В славной когорте зарубежных интернационалистов, прошедших трудную школу Октября, занимают достойное место Ференц Мюнних, сражавшийся в 1936—1939 гг. в интернациональных бригадах в Испании, а в годы второй мировой войны — в рядах Советской Армии против фашизма, возвратившийся после освобождения Венгрии на родину, активно боровшийся против сил реакции в дни контрреволюционного мятежа в октябре 1956 г., являвшийся одним из организаторов Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского правительства, а в 1958—1961 гг. — председателем Совета Министров ВНР, Никола Грулович — видный деятель КПЮ, один из руководителей народно-освободительной борьбы в Югославии в период второй мировой войны, а в 50-е годы член ЦК СКЮ Сербии, председатель Республиканского вече Народной Скупщины Сербии, Юлиус Волек-Хораз и Франтишек Коза-Пермский — известные деятели КПЧ, Стоян Джоров, воевавший против фашистов в рядах болгарских партизан, а также десятки, сотни, тысячи других интернационалистов.

Советские коммунисты, которые всегда были самыми последовательными борцами против социального и национального угнетения, неизменно со своей стороны выполняли долг революционеров-интернационалистов. Они в 1919 г. были на стороне Венгерской Советской Республики, в армии которой сражались рус-

ские добровольцы-интернационалисты, они помогли победе народной революции 1921 г. в Монголии; советские интернационалисты-добровольцы внесли ценный вклад в революционно-освободительную борьбу китайского народа, увенчавшуюся образованием Китайской Народной Республики, в защиту Республканской Испании от фашистских мятежников и итало-германских интервентов, в антифашистское Сопротивление, развернувшееся в годы второй мировой войны в большинстве стран Европы и многих странах Азии.

Те же принципы интернационализма определяли содействие советской стороны формированию в СССР чехословацкой бригады, 1-й Польской армии, ряда воинских частей, влившихся в состав Народно-освободительной армии Югославии, румынской дивизии им. Т. Владимиреску, французской авиачасти «Нормандия-Неман». Героями, прямыми продолжателями дела интернационалистов периода становления Советской власти стали сыны и дочери многих народов, в тяжкие дни единоборства Красной Армии с ордами гитлеровцев, их союзников и сателлитов с оружием в руках на советской земле отражавшие врага. Великая освободительная миссия Советского Союза, избавившего в результате победы в Великой Отечественной войне человечество от гитлеровского ига, явилась величайшим интернациональным свершением, дальнейшей материализацией дела Великого Октября. Оно нашло свое развитие в установлении народной власти во многих странах мира, в превращении социализма в мировую систему, в обогащении теории и практики интернационализма.

Взаимоотношения стран социалистического содружества, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи и в Организацию Варшавского Договора, являющихся ядром мировой социалистической системы, поднялись до уровня взаимоотношений, отвечающих незыблемым принципам социалистического интернационализма.

Руководствуясь принципами интернационализма, Советский Союз, другие страны социалистического содружества способствовали крушению колониальной системы империализма, утверждению свободы и независимости народов Кубы, Вьетнама, Афганистана, десятков других стран.

В ходе развития мирового революционного процесса пролетарский интернационализм становится все более существенным фактором международной жизни. Расширились сферы его воздействия, рождаются новые формы его проявления. Он способствует разворачиванию самых массовых движений современности — движений борьбы за мир, против угрозы ядерной войны и гибели человечества.

Идеи, которые вдохновляли иностранных революционеров на борьбу за идеалы социализма в одном строю с рабочими и крестья-

янами Страны Советов,—идеи Великого Октября выдержали за истекшие семь десятилетий всестороннюю проверку временем.

Победа Октябрьской революции, «ставшей главным событием XX века»⁴, явилась началом отсчета новой эпохи всего человечества. Всемирно-исторические успехи мирового социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения, ознаменовавшие истекшие семьдесят лет со времени победы Октябрьской революции,— все это является ярким свидетельством того, что Октябрь обладает неодолимой силой, что за ним — правда истории, что с ним надежды человечества на мир, свободу, прогресс, социализм.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 30.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 43.

³ ЦГАСА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.

⁴ Горбачев М. С. Избр. речи и ст. М., 1985. С. 318.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агатонович Б. 320, 323, 332, 342
 Адлер Ф. 227
 Александр 352
 Алексеев М. В. 57, 146
 Алибекро 390
 Алмазова Е. С. 312
 Альденбаум 194
 Ангелов И. 377
 Андреев А. А. 196
 Андреевич А. 346
 Аникст А. 86
 Антонов А. Е. 172
 Антонов М. 97, 355, 363, 366, 367, 375, 376
 Антонов-Овсенко В. А. 10, 24, 187, 188, 220, 308, 321, 352, 354
 Арабаджиев С. 377
 Арборе-Ралли Е. 296, 300, 411
 Арделиану Г. 290
 Арди В. 231
 Арюсси К. 273
 Арношт К. 351
 Аросев А. Я. 231
 Арский Р. см. Радзипшевский А.

 Багинский Н. 172
 Бадюра Ян. 98
 Балог М. 51, 304
 Балог Я. 55
 Банич М. 78
 Бантке С. 301
 Барабаш Г. 264, 320—322, 330, 341, 354
 Барасевич Ф. 140
 Баринов 305
 Барташ 390, 391
 Бартелье К. 379, 380, 383, 398
 Бауэр В. 344
 Беднарек В. 97
 Беккер Я. 390
 Белоречки Л. 369, 372, 377
 Белоусов Н. В. 21, 28
 Беляевич И. И. 24, 127
 Бенек К. 106
 Бенеш Ф. 123, 176, 178, 189, 190, 197
 Бетцольд 384
 Бергер (Варга) 265
 Берзин Р. И. 250
 Бернадюк А. 329
 Берсон Ст. 9, 110, 111, 137, 141, 144, 150, 159, 166
 Бибин Милан 343
 Бибин Младен 343
 Бирман М. А. 19, 24, 27
 Битнер Г. (Бич) 89, 159
 Бичерахов 360
 Влаговс Д. 97, 102, 366
 Благодич М. 334, 347
 Бобинская Е. 125
 Бобинский (Кречинский) Ст. 9, 40, 104—106, 113, 130, 132, 133, 135, 141, 144, 145, 148—151, 157, 160, 165, 196—198
 Бобринская 51
 Боев Х. 367, 369, 372, 376
 Бодеску М. 262, 306
 Бонде 235
 Борович П. 9, 140, 145, 154, 158, 160
 Борисов 152
 Борисов Г. И. 294
 Борский Ст. 169
 Ботев Х. 65
 Ботхер К. 379
 Бошкочич Д. 264, 271
 Бошняк Д. 343
 Бояджиев Т. 97
 Бралу 296
 Брандейс Э. 271
 Браун И. 329
 Браунталь И. 29
 Бркич И. 344
 Бркич Ф. 339
 Брандстрём Э. 29, 32, 85
 Бродиг Г. 388
 Бродовский Ст. 160, 165
 Бродский К. 160, 162, 165
 Броневская Я. 126
 Бровский М. 93, 101, 123, 129, 145, 150, 167
 Брок А. 392
 Бубнов А. С. 94
 Бугарски 318
 Буденный С. М. 268, 332, 342, 343, 373
 Будзыньский Ст. 40, 64, 73, 88, 104, 125, 135, 141, 145, 149, 157, 159
 Будкевич Б. 41
 Будкевич С. 41, 71, 160
 Будняк Д. 74
 Бужор М. 42, 79, 277, 281—283, 295, 296, 304, 310, 311, 413, 440
 Бузинов М. 286, 294, 302, 303, 305
 Букач 428
 Буранов Ю. 273
 Буюмович М. 286
 Бэм И. 396, 398

 Вавра В. 88, 220, 221
 Вайс 271
 Валхарж Ф. 180, 194
 Валхар Ф. 24, 88
 Вальгони Р. 346
 Вальдовский Я. 107
 Вальц Ф. 388
 Валявец Ф. 329
 Ваничек В. 186, 187, 193
 Ванков С. 21, 44, 361
 Вантуш К. 225, 239, 248, 252
 Варга Енё (Евгений) 269, 270
 Варга Д. 262, 271, 413
 Варга И. 11, 267
 Варга П. 269
 Варенцова О. А. 105
 Варлен Л. Э. 347
 Василеску Н. 286
 Василиу М. 285
 Васильев М. И. (Южин) 202
 Васильев О. А. 26
 Вегер 387
 Вейман В. Д. 12, 24
 Вейденталь И. 29
 Веков А. 88
 Веллер Ф. (Керше) 384
 Венглинский Якуб 105, 106, 125, 149
 Венцкович Э. 257
 Веселый И. 14, 25, 85, 219, 220
 Весенин Е. 12, 24, 275, 408
 Весоловский Бр. 39, 72, 73, 96, 101, 145, 150, 153, 165
 Вжосек М. 15, 25, 88
 Вигтор М. 221
 Видневич Д. 326, 327
 Вильгельм П. 382
 Вильдер М. 294, 295
 Вильсон В. 180
 Вильямс А. Р. 99, 125
 Вигерман Л. 106, 262, 272, 304
 Винклер В. 86
 Виноградов В. Н. 19, 27, 89, 90, 310—312
 Витас Н. 339
 Витрейф Э. 232
 Войтыга Я. 169
 Волен-Хорав Ю. 203, 205, 207, 219, 440
 Волков Ф. 314
 Володарский В. 92, 281
 Вондрак В. 58
 Воробьев 203
 Ворошилов К. Е. 322, 332
 Врабец М. 267
 Врангель П. Н. 268
 Врублевский Фр. 65, 115, 167
 Веселомов (Альбрехт) 403
 Вук И. 339, 344
 Вукичевич Л. 16, 323, 331, 332, 338, 339, 343, 344, 352, 353
 Вукотич 318

 Гаазе Г. 395
 Габор И. 63
 Габсбург 317, 383, 396, 397
 Гаврис В. 150
 Гавро Л. 11, 19, 253, 264, 267, 271, 305
 Гадомский А. 140
 Гай Г. Д. (Гайк Бжишкян) 10, 24, 203
 Гайич Д. 352
 Гайс А. 186
 Галанц К. 200, 204, 219
 Галлер Ю. 146
 Ганак Я. 200
 Гандлирж Я. 411, 416
 Ганецкая А. 167
 Ганецкий Я. 162, 167
 Ганоусек Й. 218
 Гарашин Р. 259
 Гарвалик К. 211, 212
 Гарди Д. 52
 Гашек Я. 19, 190, 192, 194, 213, 220, 298, 331

Гашнар Р. 307
Гашпар А. 266
Геванд А. 395, 396, 398, 403, 405, 411
Гельних В. 390
Генегариу А. 290, 291, 293, 296, 300, 312
Гензелер 378
Генкин Л. Б. 221
Гельрих-Петрова Н. 123, 388, 397
Гельтман Ст. 12, 24, 126, 137, 172
Генов И. Г. 369
Георгиев И. 364
Георгиев М. 107
Георгиевич Д. 331, 346, 351, 353
Георгиу М. 307
Гервал Р. 126
Гернет М. Н. 86
Герув Е. 363
Геруц К. 44
Гжельщак Фр. (М. Гжегожевский) 41, 93, 98, 99, 101, 110, 135, 136, 159
Гжеляк Я. 162
Гинцбург 304
Гишперт Ф. 390
Гирченко В. П. 12, 24
Главацкий Е. 145
Глинка В. 171, 172
Глосс 180
Глуговский А. Н. 24
Гневич Т. 155
Гнетц И. 329
Гогенполлерны 395
Година Д. 348
Година К. 339
Година М. 411
Гойнович В. 321, 323, 333, 334, 353
Гойя Я. 218
Голлюнок В. 314
Голлицын Н. Д. 75
Голлендер 51
Головко Т. 171
Голуб П. А. 24
Гольдштейн М. 294
Горбачев М. С. 441
Горгилак Я. 98
Горуп М. 78, 346
Горький А. М. 11, 24, 366
Гостинская В. 174
Гоуск 75
Гофер А. 385
Гофман А. 401
Гофман Я. 219
Гохфельдер 387
Грамовский Н. 367, 376
Гранас А. 94
Гран М. М. 39, 86
Грбанов М. 346
Грегориц Ш. 346
Григорьев И. 181, 263, 308, 309, 342, 402
Гросс 51
Гроссер М. 388
Грудков П. 372
Грузедь В. 170
Груич Т. 106
Грулович Н. 16, 26, 78, 79, 126, 320—323, 331, 332, 351, 352, 411, 421, 440
Грунт А. Я. 125
Грушка Ч. 440
Грушковский И. 106, 166
Грюн И. 384, 397
Губец М. 334, 346, 347
Гузарский Ю. С. 318
Гуйю М. 290, 292, 411

Гула Б. 190
Гусев С. И. 267, 268
Гутше И. 379, 380, 386
Гуцич Д. 332
Гучков А. И. 66, 70
Гюртлер 393
Данельюк А. 64
Данилов В. А. 20, 27, 127
Дашкевич В. 110, 137
Дворжак Р. 179, 218
Дворжак Я. 213
Де-Боер 383
Дегтярев Л. 312
Делина Ф. 57, 58, 75, 76
Дейч Р. 15, 25
Деникин А. И. 111, 112, 163, 164, 214, 308, 342, 372, 401
Деспотович С. 343, 344
Дечев И. 19, 44, 65, 107, 361, 364, 366, 369, 375, 376, 411
Деянов И. 355, 361
Джангильдин А. 330
Джоров Ст. 19, 21, 44, 65, 360, 361, 364, 366—369, 371, 372, 374, 411, 416, 424, 440
Джунковский 50
Дзержинская С. 167, 169
Дзержинский Ф. Э. 39, 64, 73, 88, 93, 94, 96, 100, 101, 113, 125, 135, 136, 141, 142, 145, 149, 150, 154, 160, 162, 163, 167, 170, 174
Дзяткевич Бр. 160
Диаманеску Т. 11, 286, 293, 308, 311
Дик-Дическу И. 11, 19, 42, 283, 292, 293, 296, 303, 311
Дикман 296
Дикс Р. 16, 26, 34, 86
Димбу И. 297
Димитриев Р. 44
Димитриу С. 294
Димитриевич С. 322, 352
Димитров Г. 102, 360
Димитров И. 358, 364
Димитров Н. 360
Димтер К. 393
Дихан М. 19, 27
Дическу-Дик см. Дик-Дическу
Дмитриенко М. Ф. 26
Довбор см. Довбор-Мусьницкий
Довбор-Мусьницкий Ю. 110, 111, 119, 122, 130, 134
Долежал Я. 22, 28
Долецкий Я. 159, 160, 162, 165
Долибойс Н. 382
Домбровский В. (Борский С.) 97, 144
Досумова Г. Я. 408
Драган В. 345
Драганов Я. 361
Драганов М. 44
Дробник Ф. 339
Дукес А. 266
Дунаевский А. 26
Дундик О. 19, 322, 332, 343, 353
Дутов А. И. 200, 235, 236, 260, 304, 320
Духонин Н. Н. 111
Дьёрдь П. 266
Дьеркеш Е. 14, 25
Дьячишин И. К. 294
Дыбенко П. Е. 64, 231
Дюрич Я. 75
Дюрко Р. 260

Егорьев В. Н. 318, 351
Ерас С. 340
Ери Ф. 235
Ермолаева Р. А. 17, 89, 174
Ефимов 250
Жальский И. 185, 211—213, 216, 222
Жаров Л. И. 25, 85, 127, 408, 435, 436
Жарский Т. 131
Жайковский Ст. 140, 145, 148, 149, 152, 160
Жданов Н. 85
Жеков Т. 361
Желиговский Л. 146, 161
Железняков А. Г. (Железняк) 301, 313
Жигалин 264
Жилак А. 14, 25
Жимерский М. 146
Жлоб Д. П. 305
Жоаннес В. 126
Жук П. 114
Жулан Н. 341
Журжак И. 306
Забранский А. 211—213
Зайдлер Э. 52, 225—228
Займович М. 339
Зак Б. 73, 93
Залевский К. 93
Залик А. 11, 79, 283, 284, 294—296, 304, 305
Залка М. И. 24, 266, 267, 272, 413
Залуцкий П. А. 250
Зандер 402
Запогоцкий А. 217
Заторский А. 15, 21, 25, 172
Зак Л. М. 435
Захариев П. 97, 355, 363
Звягин И. П. 275
Здзехович Я. 52, 73, 94
Здзярский М. 159
Зевелев А. 174
Зеленин В. В. 19, 26, 27, 87, 89, 354
Зеленый 309
Зелинский Ст. 152
Зельман 402
Землячка Р. С. 268
Зенфтлебер И. 401
Зивал В. 58, 75, 76
Зингер С. 388, 392
Зиновьев Г. 94
Зубатов 66
Зубов Н. И. 125
Иванович Р. 328, 353
Иович Р. 344
Июжа А. 14, 20, 25, 27, 28, 85, 87, 90, 124, 126, 127
Ивани Я. 49, 52, 106, 225, 269
Иванов К. 107
Ивинский Г. 159
Игнашев Г. А. 125
Ильич см. Ленин В. И.
Иванович И. 15, 25
Исимович Д. 78, 333
Иосип Броз см. Тито
Иосич В. 339
Иоффе Г. З. 352
Ирава И. 185, 211
Ирич Н. (Хлаватий) 345, 346
Исламов Т. М. 19, 27, 28

- Кабакчиев X. 102
 Кагоун Ф. 211—213
 Кадар Янош 224
 Кадлубовский К. 93, 95, 96
 Каландарашвили Н. 213
 Каледин А. М. 112, 180, 260, 386
 Калениченко П. М. 19, 20, 25, 27, 126, 175
 Калестыньска Я. 88
 Калинин М. И. 124, 163, 168, 428
 Калмыков И. М. 306
 Каменев Л. 94
 Капштадт Д. 271
 Каплан Ф. (Лангер Ф.) 194, 203, 204, 207, 218, 219
 Каплан Я. 22, 28
 Каппелер Г. 388
 Капельман К. 83
 Карагеоргиевичи 328
 Караджаловы 51
 Кардин В. 126
 Карикаш Фр. 106, 108, 240, 249
 Карл I 291, 382
 Карник В. 218
 Каройи М. 81
 Касапов К. 44, 370, 372
 Катаяма С. 115
 Каутский К. 347, 365, 416, 423
 Качаровский А. (Славинский А.) 94
 Квасничка И. 220
 Келеман А. 227, 273
 Кельнер Ш. 253
 Келянский М. 343
 Керенский А. Ф. 66, 129, 384
 Керестешу В. 21, 28
 Керженцев П. М. 348
 Кеффке 392
 Кжеминский М. 105, 140
 Кжижак М. 220
 Киборт Ю. 105
 Кинвице В. И. 187, 188, 200, 201, 210, 321, 351
 Киров С. М. 428
 Кисела Я. 186, 187
 Киришин М. И. 375
 Кишев Ф. 357, 364, 365
 Кладт А. К. 25
 Кланте М. 29
 Клеванский А. X. 16, 17, 24, 26, 87—89, 126, 354
 Клейн Г. 390, 397
 Клеменчик Л. 340
 Клецанда И. 58, 190
 Клинггер Ф. 98, 380
 Кнофличек К. 176, 178, 189, 190, 197
 Кобзев П. А. 260
 Кобурги 364
 Ковальский М. 148
 Ковальский Ю. 15, 25
 Ковач Я. 253, 411
 Ковачевич Н. 11, 78, 79, 318, 320, 323, 339, 351
 Коврешан Р. 343
 Ковьянич Н. 329
 Коган Г. 286
 Колдрня М. 320, 326, 327, 351
 Коза Ф. (Пермский Ф. А.) 205, 207, 217, 219, 440
 Козловский М. 64, 72, 73, 101, 159, 162, 167
 Кокотович А. 329
 Коларов В. 97
 Колесников А. 353
- Колмогоров Н. С. 20, 25, 17, 127, 276
 Коллонтай А. М. 69, 389
 Колосса Т. 85
 Колоча Г. 290
 Колчак А. В. 147, 163, 164, 208, 214, 262, 296, 297, 324
 Кольгоф Г. 379, 380, 385
 Кон П. 402
 Кон Ф. 74, 165—168, 170
 Кондратьев В. 25
 Кониц 392
 Коновалов В. Г. 174, 311, 377, 435
 Константиновский П. 305
 Копиц Г. 385
 Коплениг И. 384, 390, 399
 Копону Н. 21, 28
 Копылов В. Р. 19, 26, 127
 Корнеску Э. 290
 Корнилов Л. Г. 111, 112, 180, 204
 Корнфельд В. 171
 Коронен М. М. 436
 Коршич А. 329
 Косарев В. М. 226, 227, 273
 Косогледов В. 361
 Костюшко Т. 138, 145
 Косулик Р. 180, 209
 Котовский Г. И. 373
 Коуделька Д. (Коуделько В. И.) 204
 Коуделька О. 186, 187, 193
 Коцобинский Ю. М. 185, 196
 Коханьский А. 21, 88, 160
 Кошик М. М. 25, 406—408
 Краваров С. 343
 Кравченко А. Д. 264, 306, 307
 Кравчинский М. 106
 Крал В. 22, 28, 88
 Краль Ф. 218
 Круль 380
 Крамарк К. 207
 Кранчевич С. 326, 327
 Краснов В. Г. 19, 26, 129, 201, 202, 304, 305
 Красовская-Пекаж Я. 115
 Крацкий Я. 211, 213, 222
 Крафт Г. 389—391
 Крашевски А. 266
 Кржижек Р. 28
 Кржижек Ю. 22
 Кривогуз И. М. 25
 Крижанич Ю. 44
 Круликовский С. 74, 131, 159
 Крупская Н. К. 96, 115, 131
 Кршан М. 194, 195
 Крыленко Н. В. 111, 362, 413
 Крымов И. 125
 Кубичек К. 344, 421
 Кужело Э. 19, 204, 218, 219
 Кузьмин Н. Ф. 175
 Куйбышев В. В. 428
 Кулечинский Ст. 166
 Кулинич И. М. 19, 25, 27, 406—408
 Кумбатович Ф. 330, 340
 Кун Б. 9, 11, 19, 20, 23, 26, 52, 54, 55, 102, 115, 121, 123, 127, 196, 228—232, 239—255, 259, 267—272, 274—276, 293, 347, 389, 410, 411, 413, 418, 419, 424, 428, 439
 Курц В. 421
 Курш 403
 Куусинен О. В. 432
- Лабенский Э. 364
 Лаврн 145
 Лавич С. 78, 322, 331, 332, 339
 Лазо С. 256, 259, 275
 Лазоверт С. 73, 106, 135, 160, 165
 Лайош К. 266
 Лампе 384
 Ландикушич С. 78
 Ланьи И. 257
 Ланинский Ст. 74, 99
 Лаудович 201
 Лауфер Ене 236
 Лафарг П. 347, 348, 389
 Лебович М. Ф. 26
 Лебович Ф. 225, 269, 411
 Лелеску И. 296
 Левинсон Л. 390, 391
 Ледницкий А. 60, 61, 71, 143
 Ленин В. И. 4—7, 22, 23, 47, 53, 55, 56, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 75, 81, 87—91, 93, 94, 96—98, 100, 101, 103, 109, 111, 113, 116, 123—127, 130, 134, 136, 139—141, 147, 149, 151, 154, 155, 157, 162, 166, 168, 171—174, 194—196, 201, 204, 208, 215, 217, 220, 221, 224, 229, 230, 238, 241, 243, 244, 246—248, 251, 254, 268, 270, 272—274, 278, 281, 282, 289, 293, 295, 347, 348, 352, 357, 359, 365, 368, 370, 372, 375—377, 379, 382, 390, 391, 396, 407, 409, 410, 413, 415—417, 423, 429, 430, 432, 434—437, 439, 441
 Лен Кун 432
 Ленский Ю. (Ельский) см. Лещинский Ю.
 Леонардо-Шелла Ф. 140
 Легонмяки Л. 432
 Лещинский Ю. (Ленский) 9, 39, 73, 93, 95, 96, 101, 129, 130, 135, 141, 144, 145, 154, 156, 157, 159, 160, 166, 169, 440
 Либнехт К. 218, 284, 347, 366, 382, 391, 395, 402, 415, 423
 Ливяну В. 21, 28, 311
 Лигети К. 82, 90, 225, 232—234, 236, 237, 243, 248, 257, 272, 273
 Липка Г. 390, 391
 Липшиц Э. 52
 Лисецкий А. И. 90
 Литвинсон М. М. 422
 Лихтенауер 392
 Лозанич В. 343
 Ломов Г. И. 362
 Лонгва Р. 131, 152, 160, 170
 Лонткиевич Б. 59, 315, 324, 325
 Лоранд Ф. 401
 Лукач см. Мате Залка
 Лукач Я. 259, 260
 Лукин-Антонов Н. М. 86
 Лукомский А. С. 111
 Луначарский А. В. 92, 130, 131, 362, 428
 Людвиг К. 266
 Люсембург Р. 154, 155, 402
 Лютераан Б. 413
 Лютославский М. 145
 Ляурб Ж. 106, 154, 345, 413, 430

Магжик Т. 135, 166
Маер М. 403
Майер Э. 405
Майтени Я. 239
Маковский Е. Ф. 152
Макс П. 181
Мальшев С. (Туманов Б.)
205
Мамонтов К. К. 218, 264
Манарт Н. 380
Мандич А. 59
Маннер К. 432
Манолов Хр. 356, 374
Маусевич А. Я. 13, 16, 17,
24, 26, 28, 86—89, 125,
171—173, 175, 436
Маухарт Г. 22, 28, 98, 124
Манцевич А. 105
Марван Я. 216
Мардиняну 285
Маринеску Ж. 286
Марков В. 343
Маркович 294
Маркович В. 106, 326, 328,
335, 338, 411, 428
Маркович Р. 78
Маркович С. 326, 327
Маркс К. 4, 6, 227, 237, 243,
327, 389, 392, 396, 409, 423,
427, 434
Маркуш П. 269
Мартин М. 229
Маршлевский Ю. 151, 153,
155, 162, 164, 165, 167—170,
348
Масарик Т. Г. 58, 75, 77,
178, 180, 185—187, 207
Масленников А. 210, 298
Матвеев А. М. 20, 25, 27,
322, 353
Матвеев Г. 355
Матвеев И. Г. 25, 127, 313,
314
Матвеев Н. 259
Матвеев Хр. 361
Матейка И. 180
Матейка К. 87
Матузович И. 339
Матушевский В. 61
Матушевский В. 39, 65, 114,
115, 166
Махно Н. И. 268, 271, 310
Машек Я. 191, 216
Мебис 384
Медведев Б. Б. 24, 434, 435
Медведовский С. П. 201
Мельниченко В. Ю. (В. Е.)
20, 27, 406—408
Мельхер Г. 70, 379, 387, 390,
393, 397
Меринг Ф. 390
Мешеряков Н. Л. 347
Мизеркевич Ян. 64, 88, 160
Милей Д. 20, 25, 27, 87, 90,
124, 126, 127, 274
Милкич И. 349, 411, 416, 424
Миллер 403
Минев С. 368, 376
Мицич И. И. 126
Мирбах В. 143, 149
Мирков А. 334
Мировский В. 191
Мирча Н. 294, 296
Михалаке Д. 308
Михайлов (Добрев) Г. 19,
80, 121, 355, 356, 373, 413,
428, 440
Михайлович Ж. 333
Михалчиц П. 106
Михайфалви П. 230
Михельсон Л. А. 67

Мичев Д. 16, 26
Миятов М. 79, 339, 340
Моин Л. 320, 339
Мокроусов А. В. 303
Молнар Л. 266
Мольнар М. 29
Мориц О. 378, 379
Муврич Б. 329
Муклевич Р. 65, 98, 124, 140,
160
Мун А. 183, 186, 197, 198,
207, 411, 424
Мунтяну И. 286, 302
Муравиев 377
Муравьев М. А. 150, 202, 319
Муралов Н. В. 138
Мурашевский Л. Е. 314
Мургу Т. 307
Мухоперен И. М. 353
Мюллер А. 52, 55, 56, 87,
88, 228, 314
Мюллер В. 379
Мюллер К. 401
Мюллер Э. 225
Мюнних Ф. 11, 14, 52, 87,
115, 116, 226, 228, 243,
250, 253, 272, 304, 440
Мясников А. Ф. (Мясни-
кян) 110
Надь И. 260
Найденев Р. 356, 374
Ненааров А. П. 173
Немети Л. 55, 88
Несторович Л. 353
Негич И. 207, 219
Никетич С. 106, 346
Никола 318
Николаенко К. А. 19, 27
Николай П. 35, 50
Николау А. 42, 79, 280, 283,
284, 292, 293, 303, 311
Николич Н. 330
Ницеску В. 297
Новак Б. 218
Новосельский Ст. 147
Новотный В. 218
Някшев И. 97, 362, 363, 367,
374, 375
Обороча И. 294, 295, 300,
304
Озембловский Ян 135
Озеров М. 408
Окрой И. 380
Олару Т. 310
Олеандер П. 259, 260
Ольбрайт И. 217
Ольминский М. С. 53
Ольша Р. 12, 24
Омаст Ф. 52
Орджоникидзе Г. К. 302,
343
Орел В. 180
Орос Н. 225
Остерлоо Г. 389, 421
Осинский В. В. 362
Оченашек Л. 218
Павлов 309, 314
Павлович Н. 340
Павловский И. 21, 28
Павловский Ф. 190
Павлу Б. 58
Пайне Ю. 385
Панайотов П. 16, 21, 26, 28,
85, 88, 374, 377
Пандалеску 296
Пантази 265
Папич П. 329
Пап Я. 266

Парняков П. 210
Паршин 333
Патаки Ф. 272
Пашич Н. 43
Пауль В. 57
Пекле Г. 78
Пекса Я. 193, 201, 207, 215
Пелов Н. 370
Петашевский Ф. 74, 160
Пенц И. 292, 296, 421
Пеньковский 263
Пеньковский И. 378, 392
Перенья Я. 269
Перковский Фр. 64
Перльмуттер В. 397
Пертот Л. 340
Перча Ф. 98
Пескариу А. 19, 121, 290,
291, 411, 418
Пестковский Ст. 93, 95, 96,
101, 124, 151, 154, 156, 157,
162, 167
Петерс И. А. 24
Петрас В. 185, 210, 211, 214,
222
Петрович А. 348
Петровский Г. И. 130, 362
Пехливанов И. 44, 361
Пече Ян 105, 125
Пжевоцкий А. 105
Пивонь К. 152
Пилсудский Ю. 61
Пиньчак И. 180
Пинкус Л. 74, 131
Писарев Ю. А. 19, 27, 351, 352
Питрижик Ф. 56, 88
Пламаде И. 307
Планк 228
Плеханов Г. В. 115, 151, 183
Плукота С. 379
Погань Я. 269, 270
Погонья А. 87
Полдвийский Н. И. 138, 201,
203, 215, 413
Подсядло Ю. 140, 147, 173
Познанский 50
Позняков К. И. 276
Полак 75
Полачек И. 265
Полупанов А. В. 301
Полянский И. С. 405
Попов 361
Попов А. 88, 209
Попов Н. А. 87, 90
Попов П. 273
Попович 294
Попович В. 11, 283, 284, 286,
292, 293, 295, 301, 303, 305,
309—311
Попович К. 287
Попович Н. 21, 28
Поппель 379
Пор Э. 121, 225, 231, 232,
241, 245, 249, 252, 253
Поспишил 22, 218
Постышев П. П. 10, 24
Почандо В. 218, 219,
Праля Е. 296, 299
Преображенский Е. 250
Прибичевич Л. 78
Проминский Ян 65
Прохазка К. 218
Прохоров И. 335
Прошняк Е. 126
Пружанский И. 180
Прусс В. 95, 124
Прухняк Э. 40, 73, 106, 135,
144, 145, 170, 440
Псата 296
Пфейфер К. 385
Пуанкарэ А. 166

Пушкаш А. И. 28
Шпелецкая Ст. 160, 165
Шширер П. 380
Пись К. 152

Рааб Н. 269, 421
Раабл 225
Рабинович И. 11, 225, 228,
234, 253
Рабинович М. 210, 298
Рабич Р. 407
Радав В. 323
Радзишевский А. (Арский
Р.) 52, 93, 94
Радков 363
Радо Э. 265
Радосевич М. 317, 327, 328,
351
Разгон И. М. 127
Райкович Л. 332
Райкович С. 15, 25
Райнер К. 52, 225—228, 243,
272

Райтер Э. 121
Ракич Р. 331
Раков В. 232, 384, 389
Раковский Х. 79, 416
Расмуссен Г. 256
Ратков С. 333, 344, 345
Рахья И. 432
Рахья Э. 432
Рачкевич С. 111
Рейзнер М. 421
Рейнер К. 115
Рейнштейн Б. 148, 162
Рейтер К. 397
Рейтер Э. 384
Рейхардт В. К. 250
Рейхберг Г. Е. 12, 24
Рейхе 399
Ренорт 202
Рибар В. 15, 25
Рид Д. 99, 125, 136
Рихтер 75
Рогинский 125
Рихтер Фр. 186
Роатэ И. 312
Рожко В. М. 25, 312, 314
Роллер М. 310
Роткегель Р. 384, 390, 394—
396, 398, 405, 421
Роудман Ян 170
Руднянский Э. 225, 229, 241,
249, 254, 269, 410, 411, 416
Ружичка В. 180, 190, 197
Рутгерс С. 411
Рыдзинский А. 65, 115
Рябцев К. И. 107

Саблин Ю. В. 321
Савицкий Ян 98
Садулэ Ж. 416
Садура Д. 349
Салат-Петрлик Я. 207, 217
Самуилов И. 21, 28
Самуэли Т. 121, 225, 243—
245, 249, 251—253, 259, 413,
419
Сан Фуян 432
Сандулеску 279
Санто Ж. 20, 27
Сапунов С. 363, 368, 372
Сваричовская О. В. 351
Свердлов Я. М. 70, 94, 117,
119, 146, 151, 154, 157, 173,
190, 241, 249, 251, 254, 362,
410, 412
Свердлова К. Т. 249, 251,
274, 423
Сверчевский К. 107
Светлов А. 12, 24, 275, 408

Свобода Б. 215
Север Д. 286
Сегал 296
Селларж Й. 184, 185, 204,
207
Секей А. 289
Селицкий М. 105
Селезнев К. Л. 408
Семенов Г. М. 258
Сердич Д. (Срдич) 11, 24,
97, 114, 127, 320, 322, 331,
332, 342, 351—353
Сертич Л. 346
Сезану И. 286
Сибирцева Т. 226
Сиверс Р. Ф. 188, 305, 322,
332
Сивик Б. 71
Сирадский Ю. 174
Сиклай 299
Сиклай Ш. 272, 314
Сикора Й. 218
Силади И. 52, 226, 227
Симич С. 318
Сиргебаев Б. С. 20, 27
Сиренко 56
Сирола М. 432
Сирола Ю. 162, 432
Сирота В. 105, 125
Скалик Ю. 218
Скарбек А. 168
Скотак А. 186, 193
Скоропадский П. П. 147
Скрышник Н. А. 92, 196
Славинский А. (Качоров-
ский) 156, 160, 168
Слиничевич П. 88
Слиш А. 21, 28
Смилов П. 356, 359, 361, 364
Смишек К. 216
Смолян В. 346
Смрчка В. 180, 218
Собчак К. 21, 28
Собчак Я. 21, 88
Сойфер А. 221
Соки А. 293
Соколов В. 86
Соколовский-Орловский Э.
96
Сологубов И. С. 20, 25, 27,
276, 313, 353, 408
Спалайкович М. 315, 316,
325, 352
Спано П. 307
Спиваковский Е. И. 19, 27,
312
Спустек И. 21, 28, 86
Сорич И. 326, 327, 344
Срб А. 323, 324, 334
Сребрич И. 326
Сота 296
Стаев П. 44, 361
Сталин И. В. 94, 130, 138,
146
Старостин П. И. 280, 283
Старцев В. И. 125
Стасова Е. Д. 55, 87, 124,
399, 412, 422, 427
Стеклов Ю. М. 361, 362
Степанович Ж. 344, 345
Степин А. К. 202
Стефанович 318, 351
Стойков И. 364, 367
Стойкович 318, 351
Стрезой С. 296, 297
Стрелков Н. 125
Стрижкова А. К. 127
Стройчиу Г. 283
Строич Г. 42, 286
Стручков А. А. 436
Стухлы И. 216

Стучка П. И. 397
Сула З. 29
Субаев Н. А. 20, 25, 27, 127
Субхи М. 434
Суворов И. 313
Сумарокова М. М. 26, 87
Супруненко Н. И. 276
Суханек В. 180, 218
Слибор В. 139, 148, 150, 152
Сышек Я. 186, 193, 203, 205,
207, 219, 411
Сыров А. 288

Табачкович Ж. 339, 340
Табачников Л. 364
Тарвацкий Я. 9, 40, 147
Таушанов П. 97
Тегнер В. 379, 380, 383
Телалов К. 369, 372
Теодореску 285
Тербе Л. 273
Тигер 399
Тито Иосип Броз 350
Титу Д. 88
Типшев Д. 16, 26
Токарев 330
Томан К. 52, 87, 232, 340,
384, 388, 389, 407
Томац М. 349
Томеску М. 290
Томицкий Я. 89
Топорович В. 88
Топорняк М. 64, 88
Травино 107, 126
Трайчев Н. 371
Трегубов А. В. 19, 27
Трумбич А. 58
Тума Г. 45

Удря Н. 286
Ульянов И. 24, 117, 119, 122,
239, 241, 406
Унк Г. 21, 22, 28, 86
Уншлихт Ю. (И. С. С.) 40, 65,
72, 73, 92, 93, 101, 117, 132,
135, 144, 145, 159, 160, 162,
167, 170, 416
Урицкий В. С. 94
Устинов М. М. 25, 85, 408,
435, 436

Фабержевич Э. (Гневич Т.)
41, 52, 93, 102, 131, 135,
141, 144, 166
Файлер Ф. 401
Файлшп В. 125
Файнберг Д. 416
Фараго Д. 413
Фаркаш Г. 24, 276
Федько И. Ф. 303
Фекете Р. 263, 271, 308
Феликс 403
Фенигштейн Я. (Долецкий)
93, 94, 101, 132, 135, 136,
141, 144, 145, 159
Фердинанд Кобургский 44
Ференчак И. 326, 327, 340
Филалек И. 93, 113
Фильгельский В. 19, 166
Фидлер 51
Филип Р. 216
Филипович Ф. 44
Филипович С. 71
Фильбер О. 384
Фильнянович В. 150
Фихтенау И. 391
Фихтер 385, 392
Фихтер И. 240
Филер О. 390
Фодор Й. 232, 233
Форгац Д. 266

Форманек 218
Форнальская М. 173
Форнальские (Малгожата,
Марцианна, Фелиция) 156
Форст Л. 24, 88, 385
Фоске Г. 16, 26
Франек О. 22
Франц Иосиф 63
Фрид Д. 11, 24, 240
Фриче В. М. 347
Фрунзе М. В. 267, 268

Хаджич С. 43
Хануш А. 307
Хас И. 346
Хербет 384
Хендрик Г. 385, 392
Хильченко М. П. 86
Холлендер III, 229
Холлик А. 56, 88, 106, 378
Хораз Ю. 411
Хохульский 395, 396, 399
Храбак Б. 15, 21, 26, 28, 86,
352, 353

Цвиич Т. 344
Цвиич Я. (Цвейч) 320, 343
Цвиллинг 385
Цейтельгофер 402
Петкин К. 102, 125, 390, 424
Циликепс 385
Циховский К. 41, 52, 130,
141, 144, 157, 159, 165
Цмейрек Ю. 218
Цуквич Л. 323, 333, 344
Цухлев М. 368, 369, 377
Цыпкин С. А. 436

Чакыров 370
Чанак М. 79, 114, 323
Чапаев В. И. 262, 297, 379
Чапрашиков С. 359
Частек Славояр (Ярослав)
19, 202—204, 207, 219, 262,
263, 308, 419, 420
Червёный В. 57
Червяков А. И. 353
Чередниченко В. П. 127
Черепенина Н. Д. 24
Черкезов С. 21, 28, 96, 124
Черлюнчакевич Н. 64
Чичарнов Ф. 125
Чермак В. 58
Чернопольски И. (Ефрем
Николов) 65
Черчилль У. 431
Чичерин Г. В. 143, 155
Чолаков Т. 107
Чолеч Л. 331
Чонглинский Ю. 74

Чонкич У. 78, 79, 326, 333,
334
Чопич В. 335, 338, 339
Чопп Э. 79, 320, 323, 333,
343
Чугунов М. И. 127
Чудновский Г. И. 187, 318
Чукалов С. 21, 28, 375, 376
Чулинович Ф. 15, 26
Чума В. 147
Чурчин М. 343

Шамбергер 238
Шарич П. 340
Шарша Р. 339
Шахт Ф. 394
Швабенгаузен 388, 392
Шварце-Мартынюк Я. 97
Шварц Л. 185
Шварц Ф. 393, 402
Шварц Я. 186
Швиговский В. 58
Шврлюга Э. 326, 340
Шебеста Ф. 180
Шейдеман Ф. 395
Шейтанов Г. 358, 374
Шейфер Я. 218
Шерыньский Зд. 160
Шефер Ф. (Шеффер) 396,
403, 404, 411
Шешок В. 349
Шиманский Г. М. 61
Шимор А. 26
Шинко И. 273
Шипек А. 12, 24, 218, 219
Шипко Л. 260
Шипош Й. 78, 79, 322, 339,
340

Ширш И. 390
Шитов Н. Ф. 408
Шницель Б. 346
Шкуро А. Г. 218
Шлиссель Г. 390
Шлиссер А. 401
Шлиссер Р. 401
Шлихтер А. 126
Шляпников А. 88
Шмейкал 180
Шмераль Б. 217
Шмидт Ф. 390
Шнеберек И. 219
Шнейдер А. 401
Шнейдер И. 11, 12, 24, 52,
84, 87, 90, 390
Шомоди Й. 232, 265
Шомяи Й. 232, 234
Шон 380
Шредер А. 385
Шпак А. 148
Шпрайцер В. 340

Штейнхардт К. 398
Штейнхардт Ф. 52, 228
Штер Э. 380, 385
Штиллер А. 11, 52, 87, 380
Штригниц С. 16, 22, 26, 28,
34, 86, 379, 394, 406, 407
Штромбах Я. 19, 192, 200,
218, 219
Штюржк К. 227
Шюрмер Б. В. 50
Шугар М. 253
Шугар Т. 269

Щастный В. 218
Щаньский Ян 106, 126
Щербаков Ю. Н. 20, 25, 27,
126, 310, 313, 354
Щербачев Д. Г. 280, 286
Щетинкин П. Е. 264, 267,
307
Щорс Н. А. 341

Эберлейн Г. 391
Эбенгольд А. 121, 384
Эйненкель Р. 148
Эккерт Я. 393
Эльфонд Я. А. 24
Эмбер Л. 240
Энгельс Ф. 4, 6, 243, 327,
389, 396, 409, 423, 427, 434
Эссен Р. 29
Эффенбергер Ф. 384

Юденич 164, 372
Юдовский В. Г. 283
Юнг М. 52, 385
Юракович М. 333, 344
Юричек Ф. 49, 52

Яблоновский Р. 159
Яблоньский Н. 171
Ягодзиньский А. 106
Яжборновская И. С. 20, 27
Яков Михайлович см.
Свердлов Я. М.
Яковлев Л. И. 17, 19, 25,
26, 85, 314
Яковлев Н. Н. 115, 226
Якшиц 331
Янда И. 191
Янев К. 21, 28
Янку А. 297, 313
Янчик Ф. 106, 225, 229, 231,
239, 249, 253
Ярославский Е. М. 148, 362,
428
Ярош Б. 52, 228, 259, 272
Ярош Ю. 140
Ясканис Ян 98
Яцкевич М. 138, 172

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

(Ю. Н. Щербаков)

7

Глава вторая

ТРУДЯЩИЕСЯ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Ю. Н. Щербаков)

30

Численность и положение военнопленных Центральных держав на территории России 30.

Численность и положение беженцев, эмигрантов и отходников на территории России 38.

Вместе с братьями по классу 45.

Иностранцы интернационалисты в России в период перехода от Февраля к Октябрю 62.

Глава третья

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ОКТЯБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ И В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

(А. Я. Манусевич)

91

В Октябрьском восстании в Петрограде 91.

Интернационалисты в вооруженном восстании в Москве 103.

В период триумфального шествия Советской власти 109.

Глава четвертая

ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

(А. Я. Манусевич)

128

В первые месяцы строительства Советского государства 128.
Борьба Советской республики за мирную передышку и польские интернационалисты 141.

В борьбе с контрреволюционными заговорами и мятежами 145.

В период решающих побед над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции 157.

«За нашу и вашу свободу!» 167.

УЧАСТИЕ

**ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В РОССИИ**

(А. Х. Клеванский)

Великий Октябрь и чехословацкие социал-демократические организации в России (1917 — начало 1918 г.) 176.

Первые шаги на пути объединения организаций левых чехословацких социал-демократов в Советской России. Чехословацкие интернационалисты и мятеж чехословацкого корпуса 189.

Образование Чехословацкой группы РКП(б). Чехословацкие интернационалисты на первых фронтах гражданской войны 196.

Чехословацкие коммунисты в тылу белогвардейцев и интервентов 209.

Чехословацкие интернационалисты на фронтах гражданской войны в конце 1919—1920 г. 213

176

Глава шестая

**ВЕНГЕРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ ОКТЯБРЯ**

(Т. М. Исламов)

Венгерские военнопленные в первые месяцы социалистической революции 225.

Начало деятельности Венгерской группы РКП(б) 239.

В боях за власть Советов против иностранной интервенции и белогвардейцев 256.

224

Глава седьмая

РУМЫНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

(В. М. Рожко)

Октябрьская революция и румынские трудящиеся в России 277.

Возникновение и деятельность Румынской коммунистической группы 289.

Румынские интернационалисты на фронтах гражданской войны 300.

277

Глава восьмая

**ЮГОСЛАВСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
В СТРАНЕ СОВЕТОВ**

(В. В. Зеленин)

Великий Октябрь и углубление классовой и политической дифференциации среди югославын в России 315.

В борьбе против нашествия австро-германских империалистов. Сербская контрреволюция на службе Антанты 319.

Создание югославянских коммунистических организаций 326.

Югославянские интернационалисты на фронтах гражданской войны 330.

Революция в Австро-Венгрии и новые задачи югославянских интернационалистов в России 338.

315

Югославянские интернационалисты в боях за освобождение Украины, Поволжья и Юга России 341.

Агитационная работа югославянских интернационалистов в войсках интервентов и белогвардейцев 343.

Реорганизация югославянских коммунистических организаций в Советской России. Прекращение их деятельности в связи с отъездом югославянских интернационалистов на родину 348.

Глава девятая

**БОЛГАРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
В СТРАНЕ СОВЕТОВ**

(*М. А. Бирман*)

355

В рамках Южнославянской коммунистической группы 356.

Болгарские коммунистические группы в Москве и Петрограде 361.

Одесская Болгарская коммунистическая группа 369.

Глава десятая

**ГЕРМАНСКИЕ И АВСТРИЙСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ**

(*И. М. Кривогуз*)

378

Наращение революционного движения среди военнопленных германцев и австрийцев 378.

Германские и австрийские военнопленные после заключения Брест-Литовского мирного договора 386.

Образование и первый период деятельности Немецкой коммунистической группы РКП(б) 389.

Германский и Австро-Венгерский Советы рабочих и солдатских депутатов. Второй период деятельности Немецкой группы РКП(б) 394.

В огне гражданской войны и на трудовом фронте 401.

Глава одиннадцатая

**ФЕДЕРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРУПП
И ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
ПРИ ЦК РКП(б)**

(*В. М. Устинов*)

409

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

437

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

443

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

**УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ В РОССИИ.
1917—1920 ГГ.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства
Л. И. Тормозова

Художник
Н. В. Илларионова

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технический редактор
З. Б. Павлюк

Корректоры
Р. С. Алимова, К. П. Лосева

ИБ № 35799

Сдано в набор 12.01.87

Подписано к печати 20.03.87

А-04678. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. пэч. л. 28,5. Усл. кр. отт. 30,3

Уч.-изд. л. 34,3

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 33

Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

В 1987 Г. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ВЫЙДУТ В СВЕТ

А. Ф. Носкова

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ. 1939—1948 Г.

18 л., 2 р. 30 к.

Монография посвящена истории польского крестьянского (людовского) движения в годы второй мировой войны и в период народно-демократической революции 1940-х годов. На большом фактическом материале показана идейно-политическая борьба левых людовцев за перевод движения на позиции сотрудничества с революционным рабочим классом и его марксистско-ленинским авангардом — Польской рабочей партией.

Для специалистов-обществоведов, преподавателей вузов, пропагандистов сети партийно-политической учебы.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

20 л., 2 р. 50 к.

Книга посвящена всемирно-историческому значению опыта Великого Октября: в ней подробно исследуется влияние этого опыта на исторические судьбы народов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подтверждающего всеобщность ленинского учения об основных закономерностях перехода от капитализма к социализму. В центре внимания ученых — проблемы развития революционного и демократического движения в странах региона.

Для историков, международников, экономистов.

**ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ**

20 л., 2 р. 50 к.

В сборнике обобщены важнейшие проблемы социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Хронологические рамки исследований охватывают 1940—1970-е годы. В статьях рассматриваются вопросы становления социально-классовой структуры нового типа, дан сравнительный анализ изменений в рабочем классе под влиянием научно-технической революции; освещены некоторые аспекты становления социалистических производственных отношений в деревне, развития социалистической интеллигенции.

Для историков и широкого круга читателей.

**СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ.
1959—1970 ГГ.;**

Т. III

50 л. 5 р.

Документы и материалы тома III публикации «Советско-болгарские отношения и связи» охватывают период с 1959 по 1970 г. В него включены документы, отражающие государственные, дипломатические, общественно-политические, партийные, экономические, научные и культурные отношения между СССР и Болгарией в данный период.

Том подготовлен советскими и болгарскими учеными.

Для научных работников, общественных деятелей, публицистов, писателей, журналистов, деятелей культуры.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

